

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

СОСНОВСКАЯ Анна Михайловна

ПОЛИТИКА ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ

Научная специальность: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, доцент
И.Н. Блохин

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ	26
1.1. Состояние вопроса в современном междисциплинарном контексте	28
1.1.1. Проблематизация идентичности в современной мировой науке	28
1.1.2. Идентичность как постоянно конструируемый в коммуникации феномен..	45
1.2. Характеристики рефлексивной самоидентичности в теории поздней современности Э. Гидденса как основа концептуальной модели конструирования идентичности.....	49
1.3. Политики идентичности, кризис идентичности и новизна эмоциональных режимов восприятия себя.....	60
1.4. Дискурсивное конструирование политической социализации в СМИ	69
1.4.1. Границы влияния СМИ на формирование идентичности молодежи поколения Z.....	71
1.5. Определение процесса гештальт-анализа в психотерапии как источник концептуальной модели конструирования идентичности	77
1.5.1. Контакт аудитории с текстом	85
1.5.2. Гештальт-коммуникация в музее как рефлексивная работа идентичности..	89
Выводы по главе 1	95
ГЛАВА 2. РАЗРАБОТКА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ И МОДЕЛИ ДИСПОЗИТИВОВ ДИСКУРСОВ ПО МЕТОДОЛОГИИ, РЕКОНСТРУИРОВАННОЙ ИЗ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ	99
2.1. Понимание медиакоммуникации в рамках дискурсивного и диспозитивного анализа.....	99
2.2. Программа лонгитюдного исследования идентичности и наследия	103
2.2.1. Специфика отбора и интерпретации эмпирического материала в рамках исследовательских и управленческих проектов	105

2.3. Эвристическая перспективность использования акторно-сетевой теории для политической науки и медиакоммуникации	114
2.4. Дискурсивность как рамка исследования агентности.....	123
2.4.1. Определение дискурса и его социальных измерений	129
2.5. Разработка концептуальной модели коммуникации: агентность в психологии коммуникации.....	136
2.5.1. Определение диспозитивов дискурсов	141
2.5.2. Программа исследования акторно-сетевой теории	163
2.5.3. Акторно-сетевая теория и медиа	167
2.6. Методические основы междисциплинарного моделирования коммуникативной идентичности.....	173
2.7. Построение концептуальной модели конструирования городской идентичности с учетом гештальт-анализа, акторно-сетевой теории, объектно-ориентированной онтологии	180
Выводы по главе 2.....	203
ГЛАВА 3. ПОЛИТИКА ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ НАСЛЕДИЯ: ГИБРИДНЫЙ ОБЪЕКТ-СБОРКА.....	209
3.1. Гибридный объект: репрезентация политик идентичности	212
3.2. Дискурс всемирного культурного наследия.....	214
3.2.1. Проблемы и потребности наследия.....	235
3.3. Практики идентичности петербуржца	237
3.3.1. Ценностно- и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в процедурах политической коммуникации	241
3.4. Диспозитивы групп и антагонизм дискурсов.....	261
3.4.1. Дискурсы и диспозитивы: реконструкция из СМИ и социальных сетей....	262
3.4.2. Текущая политика городской идентичности.....	272
3.5. Проект <i>StP4juniors</i> как реализация концептуальной модели и управление городской идентичностью школьников.....	294
Выводы по главе 3.....	299
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	308

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	332
ПРИЛОЖЕНИЕ А	380

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

В последние годы одним из наиболее обсуждаемых вопросов в медиадискурсе является вопрос сохранения культурного наследия. Значимость сохранения культурного наследия в том, что оно аккумулирует и генерирует самобытность, историю и ценности сообществ и территорий, и позволяет представить медиадискурс наследия как территориально специфицированный. Экономическая значимость заключается в том, что «сохранение старых зданий и небольших исторических районов города является репрезентацией дефицитной «монополии» на визуальное прошлое города. Доходы от туризма и цены на недвижимость в этих районах придают этой монополии экономическое значение»¹.

В настоящее время в России в качестве официальной политики развития страны реализуется политика, направленная на стратегическое управление развитием в контексте идентичностей территорий². Данный политический курс и соответствующая конфигурация развития определяется документальными нормами стратегического планирования. На муниципальном уровне к таким документам относятся стратегии социально-экономического развития и сопровождающие их планы мероприятий, программы и прогнозы.

Реализация стратегии на уровне региона усиливает конкурентный потенциал всей территории. Возникающая на конкретных этапах реализации стратегии конкуренция городов в сфере культуры и идентичности вызывает дифференцирование городских ценностей, особенностей и практик. В стратегии развития Санкт-Петербурга одной из целей заявлено обеспечение гармоничного развития личности на основе культурного и исторического наследия Санкт-Петербурга, причем подчеркивается, что городская идентичность связана с

¹ Зукин Ш. Культуры городов. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. С. 33.

² Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172-ФЗ (последняя редакция) 28 июня 2014 года N 172-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 10.04.2023); «Реализация Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в субъектах Российской Федерации» // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://economy.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/105142/> (дата обращения: 10.04.2023).

культурным достоянием и историческим наследием. Растущее внимание СМИ и общественности к культурному наследию, исторической памяти и коммеморации обусловлено, во-первых, социальной практикой и территориальной идентификацией горожан, остротой политических процессов, сопровождающих прецеденты разрушения наследия как вследствие ветшания, недосмотра, так и преднамеренного игнорирования и разрушения; во-вторых, необходимостью удовлетворения интереса и потребности аудитории в сохранении среды обитания, исторического наследия, материальных и нематериальных культурных ценностей, привычного визуального образа окружающей среды, с которой житель идентифицирует себя, переживая идентификацию эстетически и этически, благодаря чему определяет свою культурную принадлежность и идентичность. Эта тема значима еще и потому, что за ней пристально наблюдают самые разные политические участники или акторы, в том числе из-за рубежа. Всемирный клуб петербуржцев, выступающий за сохранение объекта Всемирного наследия, рассеян по всему миру. Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Современная российская журналистика, – в основном городская, петербургская, но не только, так как в дискуссии сохранения наследия и идентичности участвуют СМИ разного статуса и локации, – приобретает характеристику базового (устойчивого) субъекта регулирования отношений с наследием заинтересованных групп как на институциональном уровне, так и на дискурсивном уровне, представляя собой группу с сильной позицией влияния в антагонистическом поле интересов. В то же время, в оптике акторно-сетевой теории (далее АСТ) следует признать, что усиливается роль и значимость технологии и материальной составляющей медиа, журналистики и производителей контента, которым добавляются вес и преимущества в качестве посредников, технических инструментов, платформ и фильтров, канализирующих коммуникацию и конструирующих социальную реальность.

Тот факт, что современный мир переживает кризис идентичности на различных уровнях, обусловленный факторами глобального, политического и

культурного характера, обуславливает актуальность данной работы. Акторно-сетевая теория в контексте общего онтологического поворота в области политики, в том числе идентичности, заостряет вопрос взаимодействия с вещами, природой, овеществленными структурами, технологиями, влияющими на повседневность, учитывая их равноправие, суверенность и инклюзию, смещая центр действия с человека на материальность и инструменты, что вступает в противоречие с тенденциями глобализации, производства и антропоцентричной идентичностью. Деконструкция структур идентичности и идентификации с учетом сетей акторов возможна и проявляется в ситуациях противоречий или контроверз. В процессе формирования плоских онтологий, сетей и сборок, в которых акторами выступают человеческие и нечеловеческие (*non-human*) акторы: группы со своими диспозитивами, коммуникативными стратегиями и политиками; практики идентичности; потребности наследия; правовые документы, отражающие стратегии конструирования идентичности; глубинные интервью горожан; воспитательные и образовательные методики обретения идентичности, – между всеми акторами устанавливаются ассоциации, связи и отношения, при помощи посредников, проводников и переводов. Основная задача городской политики в конструировании идентичности в условиях онтологического поворота и трансформации антропоцена может быть сформулирована как оптимизация процессов идентификации с историческим наследием, прежде всего интенсификация конструирования городской идентичности молодежи за счет реформирования структурирующей коммуникации в дискурсе о городе, наследии и культуре с учетом диспозитивов, включающих нечеловеческих акторов, овеществленные структуры.

Работа является актуальной и по причине выделения в качестве отдельного направления исследования дискурсивных и семиотических особенностей воздействия текстов как идеологического явления. Медиадискурс изучается с помощью двух специально разработанных схем, моделей, которые имеют тождественную структуру в основе, но рассчитаны на изучение конструирования идентичности отдельными акторами и группами. Концептуальная модель

коммуникации по обретению идентичности как ассимиляции и интеграции опыта отдельными акторами, и модель диспозитивного анализа дискурса групп содержат интегрированные в них элементы психологической схемы гештальт-анализа коммуникации, акторно-сетевой теории и диспозитивного дискурсивного анализа. Таким образом, создание работающих моделей приобретения индивидуальной и групповой идентичностей позволило рассмотреть и проанализировать особенности текстов журналистики и медиадискурса при реализации городской политики идентичности. Выявлены и локализованы реперные точки предотвращения кризиса городской идентичности, снижения интереса к наследию путем пересборки и стабилизации процессов идентификации и обновленной стратегии политики городской идентичности. Одна из задач диссертации, – проанализировать антагонизм дискурсов, вовлеченных в дискуссию о наследии групп со своими коммуникативными стратегиями и артикулируемыми политиками, – была реализована в том числе графически: составлена карта рассеяния дискурсивных практик групп с учетом позиции, влияния, доминирующего аффекта коммуникативной стратегии. Мы можем говорить о медиа-дискурсе как о сложно структурированном явлении с возможностями для политического участия благодаря выявленным антагонизмам. Анализ памяти и значения городской идентичности в мировоззрении горожан представлял собой иное направление исследования и предполагал использование антропологического и психологического анализа бесед. Также на протяжении всего исследования рассматривались особенности конструирования городской идентичности молодежью. Новая концептуальная модель конструирования идентичности в коммуникации, с учетом психологии и акторно-сетевой теории, прошла верификацию в проекте по укреплению городской идентичности под названием *StP4juniors*, «Санкт-Петербург для школьников» в рамках межрегионального конкурса «Миссия – сохранить», 2021–2023 гг., и может быть представлена как потенциально полезная модель для анализа городских школьных проектов и городского планирования деятельности с молодежью поколения Z и Альфа. Предлагаемая модель помогает обнаружить комплексность взаимодействий в среде

и в дискурсе, неизбежную при реализации разными группами своих коммуникативных политик городской идентичности. Представленная модель имеет стандарт использования и самооценки в виде графической схемы и базовых вопросов, и может применяться для конструирования более управляемой и устойчивой коммуникации, а также имеет потенциал зуммирования и масштабирования.

Актуальности диссертационной работы способствуют тенденции развития медиаобразования, требующего раскрытия прикладных аспектов критического мышления. Медиаграмотность рассматривается как важнейшая компетенция цифровой эпохи³.

Следует отметить, что в настоящее время собран значительный объем эмпирических данных по изучаемой теме в ходе 7-летнего лонгитюдного исследования практик молодежи. В результате динамики данных создается целостная и динамичная картина политики идентичности и процессов идентификации со стороны молодежи, которая актуализирует рассматриваемые в диссертационной работе вопросы.

Степень разработанности темы. Изучение дискурса, медиа и журналистики в системе политических отношений и во взаимодействии с политическими и социальными процессами находится на стыке многих научных дисциплин. В диссертационную работу мы включили положения теории журналистики и медиакоммуникации, апробированные в работах С. Г. Корконосенко, И. Н. Блохина, Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжникова, С. Б. Никонова, В. А. Сидорова, Л. Г. Свитич, А. В. Байчик⁴. Близкими к разработке данной тематики являются труды по

³ Корконосенко С. Г. Теория журналистики: от схематизма к реализму // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5, № 4. С. 536-545; Вартанова Е. Л., Вихрова О. Ю., Самородова Э. В. Медиаграмотность как условие преодоления цифрового неравенства в Российской Федерации // Медиаскоп. 2021. № 1. С. 1.

⁴ См.: Политическая журналистика: Учебник / С. Г. Корконосенко, В. А. Сидоров, З. Ф. Хубецова [и др.]. М.: Издательство Юрайт, 2020; Современная журналистика: теория и практика в условиях цифровизации / И. Б. Александрова, Е. А. Воинова, И. Н. Демина [и др.]. М.: Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», 2021; Демьянова А. В. Ценностно-смысловые модели подростковых журналов // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия. М., 2022. С. 328-330; Мельник Г. С., Свешникова Н. О. Образ будущего России в медийном дискурсе // Коммуникации в условиях цифровой трансформации: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29–30 ноября 2021 года / Под ред. А. Д. Кривоносова. Санкт-Петербург: «СОФИЯ», 2021. С. 132-136; Никонов С. Б. и др. Тенденции развития медиа в период

дискурсивному анализу, коммуникации и исследованию медиатекстов В. П. Коломийца, А. Н. Гришаниной, В. А. Ачкасова, И. М. Дзялошинского, К. Р. Нигматуллиной, М. Е. Аникиной, А. А. Ниязгуловой, А. Н. Тепляшиной⁵. Эти работы сфокусированы на вопросах дискурса, языка, анализе текстов из СМИ и рассмотрении языка в журналистских публикациях. В следующих исследованиях рассматриваются коммуникативные аспекты политического управления: Ф. И. Шаркова, С. В. Володенкова, О. В. Смирновой, М. В. Шкондина, Д. П. Гавры, И. Н. Панарина, С. А. Шилиной, Л. В. Сморгунова⁶.

Большой опыт изучения идентичности накоплен в психологии и социологии: и там, и там изучаются индивидуальная и групповая идентичности: я-идентичность и мы-идентичность, – как правило, в психологии больше внимания уделяется психике, чувствам, психологическим защитам, индивидуальной траектории, личностному выбору, а в социологии – интериоризированным социальным практикам. Это работы Р. Бернса, Э. Гидденса, В. А. Ядова, С. Гингера, Ж.-М.

финансовой конвергенции // *Инновации и инвестиции*. 2022. № 2. С. 116-120; Байчик А. В. Массмедийное пространство ценностного конфликта: дис... докт. политич. наук. СПб., 2022.

⁵ См.: Коломиец В. П. Массовая коммуникация в дискурсе отечественных социологов (1960-е – 1980-е гг.) // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 100-111; Гришанина А. Н. Вопросы методики и методологии исследования медиатекстов о сохранении культурного наследия // *Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы X Международной научной конференции*, Чита, 24–25 ноября 2017 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. С. 154-156; Ачкасов В. А. и др. *Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации*. М.: Флинта, 2016; Нигматуллина К. Р. Ценность коммуникации в цифровом пространстве // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17, № 1. С. 148-158; Тепляшина А. Н. Комментарии на сайте СМИ как формат обратной связи в интернет-коммуникации (дискурсивный аспект) // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2020. № 62. С. 308-323; Аникина М. Е. Социальные сети и мессенджеры как канал коммуникации для журналистов: опыт эмпирического исследования // *Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура*: М., 2022. С. 79-84; Ниязгулова А. А. *Философия трансгуманизма в медийном дискурсе* // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17, № 2. С. 143-153; Дзялошинский И. М. *Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций*. Челябинск, 2020; Дзялошинский И. М. *Медиапространство России: сущность и основные характеристики* // *Развитие русскоязычного медиапространства*. 2013.

⁶ См.: Володенков С. В. *Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления*: дис. ... докт. политич. наук. М., 2015; Шарков Ф. И. *Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций* // *Коммуникология*. 2019. Т. 7, № 4. С. 32-40; Смирнова О. В., Шкондин М. В. *Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты* // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2021. Т. 10, № 1. С. 5-21; Панарин И. *СМИ, пропаганда и информационные войны*. Litres, 2022; Шилина С. А. *Управленческий дискурс как технология коммуникации в системе отношений государства и общества*: дис. ... докт. социол. наук. Москва, 2015; Сморгунов Л. В. *Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой* // *Политическая наука*. 2022. № 3. С. 100-121; Гавра Д. П. *Понятие и характеристики коммуникационной стратегии* // *Российская школа связей с общественностью*. 2019. № 15. С. 65-78.

Робина, Ф. Фукуямы, И. С. Семененко, Г. Л. Тульчинского, А. Н. Махинина, Л. А. Шайгерова, Л. В. Ениной, Е. И. Гришаевой, М. Кульпеппер⁷.

Выводы и наработки городских исследований, в том числе о городской идентичности, используются в данной работе. Следует отметить труды Г. В. Горновой, Д. Н. Замятина, Р. В. Евстифеева, Е. Г. Трубиной, О. Ю. Малиновой, И. А. Пакшиной, О. Н. Жильцовой, К. В. Васильевой, А. А. Пучковской, В. С. Вахштайна, О. А. Орловой, Д. Морриса, О. И. Вендиной, Д. И. Гигаури, Ш. Зукин, Р. Ольденбурга⁸.

Для трансформации процессов, происходящих в обществе и науке, необходимы разнообразные источники о новейших изменениях и кризисах. Среди многочисленных работ отечественных и зарубежных исследователей необходимо отметить труды, анализирующие глобальные тенденции в обществе и СМИ в

⁷ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2017; Махинин А. Н., и др. Российская идентичность сегодня: проблемы и ресурсы формирования. 2022; Culpepper M. I make, therefore I am: Agency, action, affordance, and the path to creative identity: дис. University of Westminster, 2018; Шайгерова Л. А. Самокатегоризация российских подростков из различных субъектов федерации в современных социокультурных условиях: общее и особенное // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2018. № 1-1. С. 133-143. Тульчинский Г. Л. Идентичность как проект: Условия политического позиционирования личности // Символическая политика: сборник научных трудов. 2017. Вып. 5. С. 80-97; Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 159-167; Гришаева Е. И. Идентичность как незавершенный проект: концепция идентичности в дискурс-анализе (Лакло и Муфф) // Философские традиции и современность. 2016. № 2. С. 53-56; Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019; Бернс Р. Что такое Я-концепция. Психология самосознания. Самара: Бахрах-М, 2003; Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3-4. С. 158-181; Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford University Press, 1992; Гингер С. Практическое пособие для психотерапевтов. М.: Академический проект, 2014. Робин Ж.-М. Гештальт-терапия. М., 2007.

⁸ См.: Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11-23; Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России // Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. 2013. № 2013. С. 1-421; Евстифеев Р. В. и др. Городские локальные идентичности и потенциал политической солидаризации // Символическая политика. 2016. № 4. С. 245-258; Трубина Е. Г. Город в теории. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2011; Пакшина И. А. Исследование городской идентичности в интернет-сообществах (по результатам качественного анализа) // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 19-35; Жильцова О. Н. и др. Маркетинг территорий. М., 2021.; Васильева К. В., Пучковская А. А. Быть петербуржцем: визуальный контент и неформальные символы города (На примере социальной сети Instagram) // *Labyrinth*. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 5-15; Вахштайн В. Воображая город: Введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2021; Орлова Г., Моррис Д. Пандемия в (без)умном городе: цифровые протезы и аффордансы московской самоизоляции // Сети города: Люди. Технологии. Власть. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 114-146; Вендина О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 5. С. 27-39; Гигаури Д. И. «Город над вольной Невой»: развитие территории и новая идентичность жителей Санкт-Петербурга // Город. Среда. Политика. Сборник материалов научно-практической конференции / Под ред. Л. А. Гайнутдиновой и М. В. Невзорова. Санкт-Петербург, 2018. С. 62-65; Зукин Ш. Культуры городов. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018; Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2018; Горнова Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. Омск: Амфора, 2019.

контексте онтологического поворота. Это работы Б. Латура, Г. Хармана, А. В. Маркова, Д. Харауэй, Р. Брайдотти, Л. Мановича, Э. Лакло, Ш. Муфф, О. В. Хархордина, Н. Карпентье, М. В. Загидуллиной⁹.

Теоретическая база исследования. Изучение политики городской идентичности в дискурсе культурного наследия невозможно без привлечения теорий, концепций, гипотез и выводов из различных научных дисциплин. При написании диссертации мы обращались к трудам по философии, политологии, культурологии, теории архитектуры, социологии и психологии таких авторов, как Н. П. Анциферов, А. Янева, Л. С. Выготский, Д. С. Лихачев, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, Ж. Лакан, Г. Тэджфел, М. Фуко, Э. Эриксон, С. Холл, Х. Оверман, Х. Миг, Р. Харрисон¹⁰.

В диссертации применены общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения и экстраполяции. В общей теоретической концепции диссертации вводятся как опорные положения: в рамках политической антропологии – концепция «политического поля», которое предполагает изучение не столько структур и институтов, связанных с осуществлением власти, сколько целей, форм и процессов политической деятельности; постструктурализма – идея, что социальный мир формируется дискурсом с помощью значений, а дискурсивные

⁹ См.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022; Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс. 2021; Марков А. В. К теории темных медиа // Артикульт. 2022. № 1 (45). С. 75-84; Марков А. В. Критическая теория. М.: Рипол классик, 2021; Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь, 2020; Брайдотти Р. Постчеловек. Издательство Института Гайдара. М., 2021; Манович Л. Язык новых медиа. Ad Marginem, 2018; Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. Verso Books, 2014; Загидуллина М. В. Медиатизация мобильных коммуникаций (акторно-сетевой подход) // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 80-81; Хархордин О. В. Куда идет теория практик: поворот к материальности // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 20-34. Carpentier N. The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation. Peter Lang Publishing, Inc., New York, 2017.

¹⁰ См.: Анциферов Н. Душа Петербурга. М.: «БММ», 2014; Робин Ж. Быть в присутствии другого: этюды по психотерапии. М., Институт Общегуманитарных Исследований, 2008; Yaneva A. Latour for Architects. Routledge, 2022; Harrison R. et al. Heritage futures: comparative approaches to natural and cultural heritage practices. UCL press, 2020; Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2006; Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2006; Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003; Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб., 2002; Бахтин М. М. Эпос и роман. М.: Азбука, 2000; Лакан Ж. Семинары. Гнозис: Логос, 2008; Фуко М. История сексуальности // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. 1998; Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Б. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996; Фуко М. Нужно защищать общество. М.: Наука, 2005; Эриксон Э. Г. Детство и общество. Ленато, 1996; Tajfel, H. Social psychology of intergroup relations. Annual Review of Psychology. 1982. № 33. P. 1-39; Холл С. Культурные исследования: две парадигмы // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. № 1 (85). С. 157-183; Oevermann H., Mieg H. Exploring urban transformations: Synchronic discourse analysis in the field of heritage conservation and urban development // Journal of Urban Regeneration & Renewal. 2015. Vol. 9, № 1. P. 54-64

подходы деэссенциализируют концепцию идентичности; теоретической социологии – концепция практик, дилеммы идентичности, и как основной в диссертации, акторно-сетевой подход, который рассматривает материальные объекты в качестве действующих единиц социальных отношений, а изучение объектов – как сеть гетерогенных элементов, соединенных набором разнообразных практик; в теории медиа в аспекте информационной политики – идея, что вся совокупность исходящих от акторов разнообразных потоков сообщений в сфере публичной власти и области принятия государственных решений представляет собой информационное политическое пространство, в котором складывается особый тип политической коммуникации и вырабатывается политика, предполагающая использование специальных средств и методов передачи информации, направляющих действия участников; в парадигме психологического изучения массового поведения – идея, что идентификация как перцептивный когнитивный конструкт не всегда связан с каким-либо специфическим поведением или аффективным состоянием, но является восприятием взаимодействия со средой и материальными объектами с последующей рефлексией по этому поводу, а социальная/групповая идентификация рассматривается как личное переживание успехов и неудач группы посредством категоризации себя, оценки своего опыта и интернализации, которая относится к присвоению ценностей, установок и других руководящих принципов в процессе контакта с реальностью; в исследовании соотношения объектов и дискурсов в новых онтологиях – все объекты акторно-сетевая теория рассматривает как технологии, которые участвуют в производстве новых актантов и создают новые ассоциативные связи; дискурс спекулятивной философии, спекулятивный реализм, который является второй волной поворота к материальному, предлагает концептуализацию объектов как ассамбляжей, состоящих из разных элементов: различных вещей, людей и идей, – любой объект является своеобразной сборкой из этих элементов, и имеет свою уникальную историю появления.

Для того чтобы осуществить анализ и на базовом уровне, и с дальнейшей спецификацией, необходимо было включить концепции из трудов следующих

авторов: Б. Андерсона, Р. Барта, П. Бурдые, Т. ван Дейка, Р. Водак, А. Ж. Греймаса, С. Жижека, М. Маклюена, А. Шютца, М. де Серто, П. Штомпки, К. Г. Юнга, П. Бергера и Т. Лукмана, М. Шварца и др.¹¹.

Обширный круг источников, необходимых для успешного изучения дискурсивной политики идентичности в медиапространстве, обусловлен характером работы. Среди них:

- теоретические работы и научные монографии по изучению дискурса, коммуникации, журналистики, политологии, философии, социологии, психологии, культурологии;

- нормативные документы, регулирующие работу СМИ, принципы сохранения наследия, стратегии и тактики развития города;

- материалы научных конференций, семинаров и круглых столов, посвященных теоретическим и практическим аспектам конструирования идентичности, медиадискурсу и всемирному наследию ЮНЕСКО;

- аналитические обзоры материалов СМИ мониторинговых агентств («Медиология») и отчеты КГИОП Правительства Санкт-Петербурга о результатах деятельности и сохранения наследия;

- материалы СМИ по тематике сохранения и разрушения исторического наследия.

В число источников исследования входят как материалы СМИ и социальных сетей, которые обращаются к проблемам сохранения наследия, градозащиты, политике памяти, коммеморации, так и публицистические выступления экспертов – социологов, урбанистов, архитекторов.

¹¹ Андерсон Б. Национализм, идентичность и логика серийности. Логос. 2006. Т. 2; Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма, 2001; Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994; Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2007; Дейк Т. А. ван. Расизм и язык. М., 1989; Водак Р. Взаимосвязь «Дискурс общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 107-116. Греймас А. Ж. О несовершенстве. М., 2022; Маклюен М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003; де Серто М. Изобретение повседневности // Искусство делать. СПб., 2013; Жижек; Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М., 2007; Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003; Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 2010; Жижек С. Воля к незнанию // Logos Journal. 2021. Vol. 31, № 2; Swartz M.J., Turner V. W., Tuden A. Reseña de "Introducción" a Political Anthropology // Alteridades. 1994. № 8 (4). С. 101-126; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе реализации различных исследовательских проектов с участием автора.

Процесс сбора эмпирического материала в рамках исследовательских, образовательных и управленческих проектов состоял из изучения научных текстов по исследуемой тематике, интервью и бесед с жителями города, анализа текстов и работы включенного наблюдения в проектах, посвященных сохранению наследия.

Во-первых, использовались данные, полученные в ходе образовательного и управленческого проекта «Санкт-Петербург – объект всемирного наследия: взгляд молодежи», 2016-2023 гг., осуществленного при взаимодействии комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры правительства Санкт-Петербурга¹² и факультета социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ФСТ СЗИУ РАНХиГС и КГИОП), направленного на исследование следующих вопросов управленческой практики: популяризации наследия города, методики укрепления городской идентичности молодежи, а также вопросов относительно изменений городской идентичности в контексте развития города и в контексте изменения мышления и практик молодежи. За это время было изучено содержание как отечественных, так и международных социальных сетей, веб-сайтов и периодических изданий. По итогам рассмотрения для анализа было отобрано более 1 000 единиц материалов.

Проектный и образовательный уровень исследования состоял из проектов студентов (более 100 за весь период), включающих предложения по оптимизации городской политики посредством экскурсий, мероприятий (балов и праздников), идей урбанистики, мобильных приложений, ботов.

Апробирование новых педагогических и воспитательных методов реализовалось на практике внедрением программ по сохранению наследия и городской идентичности в структуру платформы *Moodle* в рамках дисциплин «Проектная деятельность» и «Работа с текстами в рекламе и PR», где студенты

¹² Постановление от 28 апреля 2004 года N 651 «О Комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры» // Официальный интернет портал правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8391753> (дата обращения: 10.04.2023).

создавали свои проекты, снимали видео, писали тексты, осуществляя популяризацию городских объектов в социальных сетях. Были проведены методические советы с преподавателями и руководителями вузов города, инициированные КГИОП (2021 г.). В рамках данного направления состоялось участие автора в международных конференциях.

Во-вторых, разработанные модели, – концептуальная модель коммуникации и модель диспозитивного анализа дискурсов групп, – были апробированы в ходе реализации проекта, лауреата межрегионального конкурса фестиваля социальных проектов «Миссия – сохранить» под названием: *StP4juniors*, «Санкт-Петербург для школьников»; это была проектно-исследовательская работа учащихся петербургской гимназии №56 к 350-летию Петра Великого при участии СЗИУ РАНХиГС, 2021-2023 гг. Участие в проекте включало в себя следующие этапы: разработка исследовательских проектов студентов и школьников, абитуриентов СЗИУ, посвященных 350-летию Петра Первого, подготовка проекта и его презентация в рамках конкурса, получение финансирования и реализация проекта (создание сценариев 20 видеороликов с учетом концептуальной модели, проведение видеосъемок, монтаж), презентация результатов, показ видео-контента молодым петербуржцам и получение обратной связи в разных школьных и студенческих аудиториях. К проекту привлечены более 150 человек.

Объектом исследования является политика городской идентичности в медиадискурсе.

Предмет исследования: конструирование городской идентичности в медиадискурсе относительно наследия как продуктивной сети отношений.

Целью исследования является дискурсивный и акторно-сетевой анализ дискурса политики городской идентичности, исходя из процедур самоидентификации в ходе заинтересованного отношения к наследию и переключения между разными интенциями в отношении к наследию, а также разработка концептуальной модели самоидентификации в коммуникации и модели диспозитивного анализа дискурсов групп, ведущих к стабилизации городской

идентичности на основе диспозитивов и онтологических особенностей сети акторов медиадискурса.

Для достижения этой цели решаются следующие исследовательские **задачи**:

- определение понятий «идентичность», «городская идентичность»;
- выявление коммуникативного аспекта построения идентичности гештальт-анализа для межличностной и массовой коммуникации;
- выделение актуальных подходов к изучению идентичности в научном дискурсе;
- определение онтологического поворота в политических науках и теории коммуникации;
- реконструирование исследовательского метода из акторно-сетевой теории применительно к медиадискурсу и коммуникации;
- выявление культурных практик и характеристик, которые поддерживают городскую идентичность;
- выявление взаимосвязи между идентичностью и историческим наследием;
- реконструкция диспозитивов и коммуникативных стратегий, вовлеченных в вопросы сохранения наследия групп, в ходе дискурсивного анализа кейсов в СМИ и социальных сетях;
- определение гибридного объекта исследования как основы для стратегического обоснования политики городской идентичности и для комплексного анализа стратегий вовлеченных акторов;
- выявление влияния концептуальной модели на идентичность реципиентов в реализованном межрегиональном проекте *StP4juniors* «Санкт-Петербург для школьников».

Методология и методика исследования. В диссертации используются методы акторно- сетевого, дискурсивного, психологического, структурно-семиотического и контекстного¹³ анализа. Сущность контекстного подхода к исследованию заключается в построении многомерной картины объекта,

¹³ Калашников В. Г. Метод контекстного анализа в методологии контекстного подхода // Педагогика и психология образования. 2018. № 2. С. 48-61.

рассматриваемого во всех поддающихся вычленению контекстах. Так, разработанные в рамках психологии внутренние контексты легли в основу диспозитивов дискурса. При структурно-семиотическом анализе текст рассматривается как система, включающая в свой состав определенный набор организованных и взаимосвязанных элементов, каждый из которых обладает определенной значимостью в составе высказывания. Акторно-сетевой анализ поэтому также называют материальной семиотикой¹⁴.

Методы исследования основаны на отечественных и международных исследованиях медиакоммуникации и дискурса, относящихся к конструированию идентичности. Этапы и компоненты конструирования идентичности были определены с помощью различных исследовательских методик, которые в совокупности позволяют определить структуру идентификации в концептуальной модели с учетом акторно-сетевой теории и сетевых отношений как на уровне индивида, так и на уровне групп.

Первый подход предполагает изучение текстов в журналистских публикациях и в социальных сетях. Изучение дискурсивных стратегий и мотивов авторов, стратегий символического конструирования, функционирования идеологии и борьбы за смысл, тем публикаций и выступлений, пространственных и временных измерений дискурса — все это включается в анализ содержания текстов. В нашем случае пространственное измерение подразумевает выявление того, как город и его наследие отражаются в дискурсе в разном масштабе: здание, район, город, центр, периферия, область, мир (Всемирный клуб петербуржцев, объект ЮНЕСКО). Временное измерение содержания включает в себя исследование памяти, историй, примеров, истории города и культурных объектов, феномена Петербургского текста, коммеморации, текущей ситуации, развития города и сохранения культурного наследия, синхронную работу конструирования исследовательского отчета, согласно пятому принципу методологии АСТ.

¹⁴ Кузнецов А. Метод Латура: семиотика между литературой и наукой // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 5 (126). С. 85-112.

Второй поход – диспозитивный анализ. В данном случае изучается первый принцип методологии АСТ, группообразование, реконструируется содержание диспозитивов для каждой дискурсивной группы, которые представляют стейкхолдеров, социальные институты и группы интересов, со своими коммуникативными стратегиями в континууме полюсов «сохранение наследия – развитие города».

Предметом исследований при диспозитивном подходе являются уровни дискурсивной репрезентации: слова, вещи и практики, последние в дискурсе представлены как означающие, через паратексты. Диспозитивы мотивируют дискурс групп и определяются через групповые понятия (концепции), цели, базовые предположения / допущения и значения (ценности), через повторяющиеся, поддерживающие групповую идентичность действия (практики), компетенции, аффекты, самоопределение идентичности и миссии группы.

Если как общая методология АСТ включает в себя исследование деятельности и активности человеческих, но в первую очередь нечеловеческих акторов в сети отношений, то в качестве уже специфицированного метода АСТ требует исследовать наследие как гибридный объект, обозначая связи с другими акторами в дискурсивной сети.

Такой метод включает деконструкцию дискурсов по следующим 5 контрверзам, противоречиям: постоянно воспроизводимые условия обретения идентичности группой; посредничество объектов при совершении действия с целью смещения изначальных намерений и проблематизации процессов и движения к цели; ключевая роль материальных объектов и аффордансов в поддержании социальности; пристальное внимание к процессу конструирования и композиции; ключевая роль текстов и отчетов, представляющих собой многоголосье акторов, в конструировании реальности.

Четвертый подход – психологический анализ текстов. Используемая в гештальт-анализе схема коммуникации, в результате реализации которой приобретает идентичность, рассмотрена применительно к медиатекстам, и медиакоммуникации, а психологические категории каждого этапа схемы

рассматриваются с позиции АСТ как овеществленные и инкорпорированные структуры в контексте приобретения городской идентичности. В данном исследовании предлагается концептуальная модель коммуникации, позволяющая определить этапы и механизмы конструирования идентичности в дискурсе и в системе сетевых отношений.

Достоверность и оригинальность исследования обеспечивается объемом и репрезентативностью исследуемого материала, вводимого в научный оборот, использованием количественных (наукометрического анализа) и качественных (эксперименты, интервью, фокус-группы) методов анализа, изучением источников на языке оригинала.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Расширено поле политического анализа медиа, практик, дискурса с учетом онтологического поворота и конструктивных моделей, его учитывающих.
2. Намечены реперные точки предотвращения кризиса городской идентичности из-за снижения интереса к наследию, что достижимо путем стабилизации процессов идентификации и обновленной политики городской идентичности.
3. Впервые проанализированы в их спецификации в сети акторов профильные для городской тематики медиа и выявлены вовлеченные в дискурс о наследии акторы.
4. Впервые дополнены акторами сети и структурированы диспозитивы дискурсивных групп.
5. Впервые выделен специфический антагонизм дискурсов наследия и составлена карта рассеивания дискурсивных практик с учетом позиции, влияния, доминирующего аффекта коммуникативной стратегии акторов.
6. Выявлены предметы памяти и модусы коммеморации воспоминания о городе из специально расшифрованных интервью горожан.
7. Реконструированные дискурсы групп верифицированы в их реальном функционировании в качестве базовых дискурсов идентичности.

8. Выявлены ключевые основания конструирования городской идентичности молодежью и показаны границы их действия.

9. Проанализирована с точки зрения АСТ *Стратегия развития Санкт-Петербурга*, что и позволило разработать рекомендации по политике городской идентичности как создающей режим вовлеченности для всех акторов.

10. Верифицирована концептуальная модель для анализа коммуникации и дискурса в образовательном проекте *StP4juniors*, «Санкт-Петербург для школьников» в рамках межрегионального конкурса «Миссия – сохранить».

11. Наследие с его потребностями позиционировано как центральный актор политики идентичности, определяющий конфигурацию любых частных политик в сборке сети.

12. Обоснована специфическая оптика, восходящая к гештальт-анализу, и способы говорить о кризисе идентичности при усложнении системы агентности.

13. Показано, как при неотменимом усложнении системы в первую очередь сетевые взаимодействия учреждают идентичность.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Теоретические исследования в области политики городской идентичности, практический опыт городских проектов и эмпирические данные в динамике за семь лет показывают, что необходимо переосмысление оснований управления городской идентичностью в свете трансформации общества и актуальной онтологической повестки в политических науках, теории журналистики и коммуникативистике.

2. Задачи инфокоммуникационного сопровождения социально-ориентированных и образовательных проектов в связи с политикой идентичности в дискурсе культурного наследия как базового основания городской идентичности, достигаются планомерными многоуровневыми системными решениями, подразумевающими включение дискурсивных, материальных и нематериальных аспектов конструирования идентичности, согласно разработанной концептуальной модели конструирования идентичности и модели диспозитивного анализа дискурса групп, что обеспечивает перспективные мероприятия, имеющие эффектом

коммуникации укрепление идентичности и городского активизма, слаженную социальную коммуникацию и проективное влияние на городское сообщество в целом.

3. Применение метода, интегрирующего в дискурс-анализ методы акторно-сетевой теории, позволяет создать непротиворечивую модель отношения к наследию и основу для конструирования городской идентичности.

4. Понимание наследия как значительной части большой системы критериев городской идентичности Санкт-Петербурга, возможно, при не-антропоцентрическом применении коммуникационных инструментов конструирования идентичности.

5. Наследие становится агентным и работает как определитель практик горожан при условии постоянного мониторинга и инвентаризации. Социальные факторы агентности усиливаются благодаря медийному дискурсу и коммуникации.

6. Дискурсивный анализ в городских исследованиях требует включения акторно-сетевой теории для постантропоцентрического конструирования идентичности в коммуникации.

7. Журналистика в дискурсивной реализации городской политики сохранения наследия опирается на принципы инклюзии, толерантности и идентичности. Роль журналистики и медиакоммуникаций для поддержания городской идентичности и конструирования политики городской идентичности в контексте сохранения культурного наследия возрастает в условиях интенсивных социальных трансформаций и ролевой дифференциации как индивидов, так и групп.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что, основываясь на материале и выводах диссертации, можно значительно расширить существующие теоретические представления о медиадискурсе как структуре с диспозитивами, включающими материальные элементы, овеществленные структуры, для реализации политики идентичности. Системное представление о медиадискурсе и политике идентичности базируется на концепциях акторно-сетевой теории, позволяющей выявить функции

материальных и нематериальных акторов в конструировании коммуникативных стратегий, политик идентичности, определить тенденции дифференциации и дальнейшей специализации гибридного объекта, сборки, показывающей актуальный срез дискурса. Концептуальная модель конструирования идентичности и модель диспозитивного анализа являются инструментами анализа и производства медиадискурса в контексте онтологического поворота.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки теоретических проблем медиадискурса, анализа политической коммуникации, изучения взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов в дискурсах, в политической и управленческой практике популяризации культурного наследия и укрепления городской идентичности, в организационной и содержательной модернизации образования в сфере медиакоммуникации, в создании исследовательских программ нейросетей, анализирующих дискурс.

Результаты исследования, уже апробированные автором в преподавании, могут лечь в основу актуализации целого ряда учебных дисциплин. На факультете социальных технологий СЗИУ РАНХиГС автором ведется преподавание курсов «Психология массовых коммуникаций», «Социология массовых коммуникаций», в которые интегрированы данные темы. Исследование будет востребовано преподавателями дисциплин, связанных с медиадискурсом и дискурсом идентичности.

Практическое применение результатов состоит в ознакомлении студентов с основными категориями акторно-сетевой теории, онтологической политологии, концептуальными моделями данного исследования, дискурсом идентичности, практикой освещения проблем сохранения культурного наследия в медиа: социальных сетях и журналистике, а также в освоении навыка использования концептуальной модели идентификации и модели диспозитивного дискурсивного анализа при исследовании текстов и создании журналистских и других медиаматериалов.

Апробация результатов исследования.

По проблематике, затронутой в исследовании, опубликовано 20 работ, из них одна монография (Сосновская, А. М. Психология идентичности журналиста: Монография / А. М. Сосновская. Москва: Издательство Юрайт, 2019), 11 статей из списка ВАК, 4 статьи на английском языке в рецензируемых журналах, индексируемых в системах Web of Science и Scopus. Основные положения диссертационной работы нашли свое отражение в докладах, с которыми автор выступала в 2016 – 2023 гг. на международных и всероссийских научно-практических конференциях и семинарах, а именно: «Определение атрибутов выдающейся универсальной ценности объектов культурного наследия (в контексте разработки планов управления объектами всемирного наследия)» (2016), «Человек. Коммуникация. Культура. Восток-Запад: поиски культурной идентичности на постсоветском пространстве» (2016), Кирилло-Мефодиевские чтения (2017), «Журналистика XXI века: в координатах исторического времени» (2017), *Discourse Studies and Method: Using Discourse-Theoretical Analysis and Discursive-Material Analysis* (2018), «Журналистика XXI века: среда обитания (2018), «Современное образование: содержание, технологии, качество» (2018), «Информационно-коммуникативная модель взаимодействия государства и общества» (2018), «VII Санкт-Петербургский международный культурный форум» (2018), *Politique de la marque (branding) comme technologie de communication du XXI sciecle* (2019), «Государственное управление: роль граждан в построении цифрового государства» (2019), «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (2019), «Консалтинг и репутационный менеджмент в контексте рекламы и связей с общественностью» (2019), «Проблемы профилактики экстремизма органами государственной власти и местного самоуправления» (2019), «Цифровая эпоха: новые коммуникационные вызовы и проблемы в медийной сфере» (2021), Международный Невский форум (2021), «Роль детских организаций в реализации государственной молодежной политики» (2022), «Селезневские чтения» (2022), «Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы» (2022), *International Congress on Information and*

Communication Technology (2022), *Helsinki Conference on emotions, populism and polarization* (2022), «Конвергентная журналистика в новых медиа» (2023), «Язык в координатах массмедиа» (2023).

Отдельные положения диссертации нашли применение в авторской разработке программы и преподавании курса «Психология массовых коммуникаций» на кафедре журналистики и медиакоммуникаций факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, в реализации лекций по программе повышения квалификации «Создание условий формирования у обучающихся общегражданской идентичности и патриотизма» (2022) на факультете дополнительного профессионального образования СЗИУ РАНХиГС. Методика апробирована в городском образовательном проекте *StP4juniors*, «Санкт-Петербург для школьников» в рамках межрегионального конкурса «Миссия – сохранить» (2023).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В первой главе актуализируется проблема исследования как продуктивная для широкой группы прикладных и теоретических социальных исследований по социальному субъекту. Она формулируется как проблема предпосылок и границ социального конструирования идентичности в период двойного кризиса: кризиса идентичности и кризиса изучения идентичности.

Для решения вопроса о границах этого двойного кризиса прослеживается динамика развития проблематизаций данного исследовательского поля и научного дискурса идентичности от антропоцентричных подходов в сторону распределенного действия и сетевого взаимодействия акторов. Это позволяет обосновать исследование идентичности дискурсивным и акторно-сетевым методом. В процессе изучения определений идентичности современными исследователями выявлена, с одной стороны, нехватка исследований материальности и дискурсивности идентичности в ситуации онтологического поворота в гуманитарных науках, с другой – несомненность в каждом случае материального субстрата формирования таких сетей.

Цель главы – установить специфику выявления идентичности как конструктивного фактора социального развития при изучении сложных комплексов социальных взаимодействий, включая социокультурное самоопределение и коммуникативное поведение, найти возможность перехода от антропоцентричных теорий идентичности в рамках политологии, социологии и психологии к не-антропоцентричным теориям, учитывающим агентность и репрезентативность вещей. Такой возможностью, как нам представляется, станет разработка концептуальной модели конструирования идентичности во второй методологической главе, поскольку выявлено отсутствие научного знания о социальной структуре идентичности в ее взаимодействии с материальным миром, не сводящемся к освоению мира, а АСТ позволяет нам говорить об агентности вещей материального мира. В первой главе мы закладываем основы такой

структурной схемы на базе *рефлексивной траектории self* в поздней современности и *цикла контакта* в гештальт-терапии.

Глава решает первые три исследовательские задачи диссертационной работы:

- выявление путем обзора и анализа литературы актуальных в научном дискурсе подходов к политике и конструированию идентичности;
- рабочее определение понятий, способных непротиворечиво описать социальное конструирование идентичности;
- рассмотрение коммуникативного аспекта идентичности в рамках как базовой межличностной, так и усложненной массовой коммуникации.

Глава состоит из шести параграфов, основанных на состоянии изучения вопроса и возможности сделать дальнейшие шаги в скоординированном по результатам обзора литературы исследовании.

Обзор иностранных статей по идентичности произведен количественными и качественными методами. Идентичность, как постоянно конструируемый в коммуникации феномен, рассмотрена с использованием социологических и психологических оптик для того, чтобы интегрировать структуры в концептуальную модель: этапы процесса идентификации в коммуникации и психологические компоненты идентичности. Характеристики рефлексивной самоидентичности в теории поздней современности Э. Гидденса представлены как основа концептуальной схемы конструирования идентичности. Рассмотренные политики идентичности, кризис идентичности и новизна эмоциональных режимов восприятия себя раскрывают противоречивую динамику процессов идентификации внутри сложных социокультурных систем. Параграфы, посвященные дискурсивному конструированию политической социализации в СМИ и влиянию СМИ на формирование идентичности молодежи поколения Z, выявляют особенности процессов идентификации самого молодого поколения жителей Санкт-Петербурга. Определение процесса гештальт-анализа в психотерапии как источника концептуальной схемы конструирования идентичности позволяет позиционировать данную схему внутри психологической теории, а проведенные исследования рефлексивной работы идентичности в процессе контакта аудитории

с текстом, гештальт-коммуникации в музее позволяют экстраполировать методику на общественную коммуникацию и медиакоммуникацию.

1.1. Состояние вопроса в современном междисциплинарном контексте

1.1.1. Проблематизация идентичности в современной мировой науке

Данный обзор статей проводился в 2022 году¹⁵, в исследовании использовалась методология Х. Снайдер¹⁶; Используя количественные и качественные методы, в исследовании были собраны, изучены и сопоставлены соответствующие публикации по теме идентичности, опубликованные за последние пять лет в репозиториях Web of Science и Scopus. Программы VOSviewer 1.6.16 и CitNetExplorer 1.0.0 были использованы для наукометрического анализа, который представляет собой макроуровень исследования, позволяющий определить наиболее значимые и цитируемые статьи из обширной коллекции публикаций, которые были одобрены научным сообществом.

В центре внимания ученых оказались смысловые “узлы” или принципы, лежащие в основе социального поведения и направляющие социальные практики. С помощью этой стратегии мы также смогли ответить на вопросы о фоновых практиках, структурирующих знание в дискурс-анализе М. Фуко¹⁷. Аналитическое чтение текстов стало микроуровнем исследования, что позволило нам проанализировать основные события в области исследования идентичности и обобщить выводы. Результаты исследования показывают, что понятия политической идентичности и молодежной идентичности охватывают широкий спектр социальных и личностных состояний, исследование которых имеет теоретические и практические последствия для всего дисциплинарного поля социальных и политических наук. Эти понятия не ограничиваются традиционными

¹⁵ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Трансформация идентичности: макро- и микроуровни исследования // Управленческое консультирование. 2021. № 11(155). С. 122-132.

¹⁶ Snyder H. Literature review as a research methodology: An overview and guidelines // Journal of Business Research. 2019. Vol. 104. P. 333-339

¹⁷ Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008.

рамками этнической и расовой принадлежности: «Изучение идентичности эмигрантов, студентов, женщин, бывших военных и многих других социальных групп позволяет принимать более эффективные меры публичной политики, сократить дистанцию между управляющими и управляемыми»¹⁸. Выделенные смысловые кластеры можно исследовать в новых социальных условиях России, будущие оригинальные результаты в данной области при закономерном продолжении исследований станут ресурсом адаптации социальных наук к новым вызовам современности и вкладом в развитие науки и общества.

Как мы убедились в ходе нашего обзора, в социальных науках «львиная доля статей приходится на политические вопросы, когда рассматривается в первую очередь формирование политической идентичности как часть процесса социализации, происходящей на протяжении всей жизни»¹⁹.

Изучение политической социализации стало приоритетным с 1960-х годов в связи с формированием политологии как академической дисциплины, которая использовала бихевиористские и психоаналитические концепции²⁰, а также в связи с распадом колониального мира и изучением вопросов демократизации, политических ценностей и идентичности в международных отношениях, а также и изучением проблем нового образа жизни миллионов граждан новых независимых государств и мигрантов.

В современных научных публикациях формирование идентичности рассматривается с различных точек зрения: «во-вторых, политическая идентичность в ведущих научных журналах последнего времени (2017–2022 гг.) принимается как прикладное знание, применимое в широком диапазоне управленческой деятельности от сферы образования и здравоохранения до маркетинга, спорта и туризма»²¹.

Существует несколько ракурсов, с которых можно рассмотреть, как формируется идентичность, заданных в современных научных публикациях. Для

¹⁸ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 131.

¹⁹ Там же. С. 123.

²⁰ Sears D. O., Funk C. L. Evidence of the Long-Term Persistence of Adults' Political Predispositions // The Journal of Politics, 1999. Vol. 61(1). P. 1-28.

²¹ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 123.

создания обзора сначала был проведен поиск статей по темам “формирование идентичности” и “формирование идентичности у молодежи” в ведущих рецензируемых журналах из баз данных Web of Science и Scopus. Выбранные журналы Web of Science и Scopus представляют такие области исследования, как политология, социология, управление в сфере высшего образования и психологические науки, поскольку в социальных науках широко используется понятие идентичности. Концепция политической идентичности возникает на пересечении психологических и социальных характеристик человека и поддерживается постоянным взаимным влиянием этих элементов: «Политическая идентичность – это социальный конструкт, который находится в непосредственной зависимости от других идентичностей индивида, согласно Р. Коллинсу и др.»²².

Поэтому неудивительно, что тема конструирования и трансформации идентичности оказалась исключительно актуальной в широком контексте как научного дискурса, так и общественно-политических практик. Результатом выполнения двух этапов исследования стали следующие полученные данные:

- выявлены тематические узлы научного интереса в рамках исследуемого предмета в международном научном дискурсе;
- сделаны резюме ключевых статей, архив всех материалов;
- обозначены лакуны для исследований²³.

Статьи отбирались на основе изучения научных баз данных на английском языке. Для отбора статей использовались ключевые слова по нашей теме: “идентичность”, “ценности” и “поколение Y и Z”. Репозитории смогли найти около 11 000 работ по ключевым словам, что больше, чем может обработать один исследователь. Технические программные средства позволяют получить наиболее значимые и цитируемые работы путем установления корреляций между публикациями, что помогает сделать отбор литературы систематическим и объективным.

²² Collins R. N., Mandel D. R., Sarah S. Political Identity Over Personal Impact: Early U.S. Reactions to the COVID-19 Pandemic // *Front. Psychol.* 2021. Vol. 12. P. 607.

²³ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 124.

Нам удалось создать достоверную картину динамики научного интереса по теме трансформации идентичности молодежи благодаря использованию наукометрических инструментов анализа больших данных из научных репозиторий за различные периоды времени. После обработки более 5 000 аннотаций и 1 000 статей были отобраны 30 наиболее актуальных для нашей темы. В качестве фильтров использовались категории “Политические науки”, “Социология”, “Образование”, “Междисциплинарные социальные науки” и “Психология”, а также последние пять лет.

Весной 2021 года были завершены первые визуализации и их анализ. За весь период было сделано 10 визуализаций. В своем исследовании мы отметили, что «наблюдается постоянная динамика в связи с появлением новых статей, однако тенденции идентичны. Мы собрали по тегу «идентичность молодежи» 417 работ за 2021 г. (рисунки представлены в статье). Наиболее часто встречающиеся ключевые слова представляют собой на визуализациях крупные узлы. Связи между узлами показывают кластеры, выделенные цветом, т. е. ракурсы рассмотрения темы. Самые крупные узлы в этой теме говорят о дискриминации, расе, миграции, социализации; а другие, поменьше, – о ментальном здоровье, трансгендере и сексуальной ориентации»²⁴.

Программы дают нам возможность рассматривать взаимосвязи между узлами в визуализации и размышлять об альтернативных связях и акторах, выявлять лакуны для дополнительных исследований или альтернативных контекстуализаций: «Узлы в визуализации – это пучки ценностей, которые реконструированы из социальных практик, и в то же самое время направляют их, воспроизводят, конструируют реальность, при дополнительной легитимации их научным дискурсом»²⁵.

Мы можем увидеть несколько тематических областей, рассматривая узел «идентичность»: 1) Социально-политические практики; 2) Культурные обычаи; 3) Проблемы здоровья; и 4) Проблемы социальной изоляции.

²⁴ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 125.

²⁵ Там же.

VOSviewer 1.6.16 и CitNetExplorer 1.0.0 — это программы, которые помогают при анализе различных наукометрических данных и создании около 10 корреляций. Благодаря предложенным корреляциям и их визуализации можно анализировать данный научный дискурс, используя методологию критики знания М. Фуко²⁶. В нашем исследовании «набор дискурсивных практик, конституирующий фон определенного дискурса, порождает знание, задает четыре основные характеристики этого дискурса:

- 1) какой тип феноменов может стать объектом данного дискурса;
- 2) кто может занять позицию говорящего субъекта;
- 3) какие виды понятий могут быть приемлемы в этом дискурсе;
- 4) какие теории возможно помыслить и сформулировать в данном дискурсе»²⁷.

Мы должны использовать метод остранения, который подразумевает проблематизацию, придание странности и проблематичности наиболее типичным и обычным для нашей культуры и традиции способам обращения со словами и понятиями, чтобы увидеть в качестве решающего фактора фон современного дискурса, частью которого мы как исследователи являемся²⁸. В исследовании «остранение достигается путем сравнения <...> с дискурсивными практиками других культур, с практиками предыдущих эпох развития нашей собственной культуры»²⁹.

Перепроверка, чтение и интерпретация качественных данных необходимы после первичного количественного анализа. Хотя количественный анализ позволяет выявить основные тенденции дискуссий, он имеет некоторые ограничения, когда речь идет об нахождении новых идей. Вполне возможно, что инновационные и оригинальные работы не дошли до широкой публики. Это

²⁶ Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996. С. 47-96.

²⁷ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С.125.

²⁸ Руднев В. П. Словарь культуры 20 века: ключевые понятия и тексты. Аграф, 1997; Прокудин Б. А. Л. Н. Толстой: принцип «Остранения» в политике // Ценности и смыслы. 2013. № 1(23). С. 139-146.

²⁹ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 125.

хороший пример концепции Ноэль-Нойман спирали молчания³⁰, в которой непопулярные мнения подавляются и игнорируются, в то время как воспроизводимое знание повторяется в социальных практиках.

Политическая идентичность – это тема, актуальная и широко распространенная как в социологии, так и в политологии, согласно обзору статей по тегу «идентичность»: «так, порядка половины высокоцитируемых статей с упоминанием идентичности печатается в журналах, объединяющих обе дисциплинарные области: это журналы «Анналы Американской академии социальных и политических наук» (*Annals of the American Academy of Political and Social Science*), «Международная политическая социология» (*International Political Sociology*), «Изучение социальных движений» (*Social Movement Studies*), «Ежеквартальный журнал общественного мнения» (*Public Opinion Quarterly*), «Ежеквартальный журнал по социальным наукам» (*Social Science Quarterly*)»³¹.

Контекст, в котором рассматривается идентичность в этих журналах, достаточно разнообразен. Самые цитируемые статьи из нашей подборки посвящены различиям в партийной идентичности и оперируют эмпирическими данными по выборам в США, как например, Ф. Джонс и др.³², М. Левендаски³³. Исследуя политическую поляризацию американского общества, С. Клар с коллегами в своей статье «Эффективная поляризация или презрение партийности? Разграничение между неприязнью к конкретной партии и неприязнью к партийности»³⁴ приходит к выводу, что феномен политической поляризации отличает только треть американцев, активно ассоциирующих себя с политическими партиями; тогда как остальные члены общества испытывают отвращение к партийности, – и процесс поляризации происходит на фоне ослабления партийной идентичности в целом.

³⁰ См. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

³¹ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 127.

³² Jones Ph. E., Brewer P. R., Young D. G. et al. Explaining Public Opinion toward Transgender People, Rights, and Candidates // *Public Opinion Quarterly*. 2018. Vol. 82(2). P. 252-278.

³³ Levendusky M. S. When Efforts to Depolarize the Electorate Fail // *Public Opinion Quarterly*. 2018. Vol. 82(3). P. 583-592.

³⁴ Klar S., Krupnikov Ya., Ryan J. B. Affective Polarization or Partisan Disdain? Untangling a Dislike for the Opposing Party from a Dislike of Partisanship // *Public Opinion Quarterly*. 2018. Vol. 82(2). P. 379-390.

Продолжает тему конфликта между демократами и республиканцами в США, а также, в более широком смысле, конфликта между либеральной и консервативной сферами общества Л. Мейсон в статье «Идеологии без преград: поляризующие последствия идеологических идентичностей»³⁵. «Согласно Мейсону, социальная идентичность выполняет две базовые функции – психологическую потребность в инклюзии, в принадлежности к большой группе и эксклюзии, т. е. отделении себя от других. Группы «либералов» и «консерваторов» выступают в качестве групповой социальной идентичности, имея символический смысл и выступая основным водоразделом общества. Используя социологические данные об избирательной кампании 2016 г., Мейсон приходит к выводу, что элементы предвыборной кампании, основанные на партийной идентичности, способны поляризовать электорат несмотря на содержание самого вопроса – даже самая неконфликтная тема может вызвать жаркий спор, если в ней присутствует партийная идентичность»³⁶.

Группа ученых из Канзасского университета, М. Джослин и др.³⁷, изучили гражданский контроль над оружием как пример связи между идеологической идентичностью, партийной принадлежностью и точкой зрения на конкретные меры государственной политики: «статья «Возникающие политические идентичности? Обладание огнестрельным оружием и голосование на президентских выборах» с помощью анализа результатов президентских выборов с 1970-х до настоящего времени определяет, что владение огнестрельным оружием является самым верным индикатором голосования за республиканцев на президентских выборах. Обладатели огнестрельного оружия выработали за последние десятилетия устойчивую политическую идентичность, доминирующую над другими параметрами этой группы и позволяющую максимально точно предугадывать электоральное поведение»³⁸.

³⁵ Mason L. Ideologues without Issues: The Polarizing Consequences of Ideological Identities // *Public Opinion Quarterly*. 2018. Vol. 82(1). P. 866-887.

³⁶ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 127.

³⁷ Joslyn M., Haider-Markel D., Baggs M., Bilbo A. Emerging Political Identities? Gun Ownership and Voting in Presidential Elections // *Social Science Quarterly*. 2017. Vol. 98. P. 382-396.

³⁸ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 127.

Вопрос идентичности и владения оружием, несомненно, является важной областью исследования, поскольку он подчеркивает влияние оружия на различные идеологически заряженные дискурсы и границы политической агентности: «Так, в статье М. Лакомбре и др.³⁹ идентичность обладателей огнестрельного оружия называется «необычной» и позволяет вычленить новые нюансы формирования политической группы и другие важные характеристики идентичности. Эту тему в контексте гендерных исследований дополняет К. Гросс⁴⁰ в статье, поднимающей вопрос об успешности групп интересов владельцев огнестрельного оружия в привлечении женщин к владению личным оружием, и смогли ли эти группы интересов мобилизовать своих сторонниц к организованному политическому действию. Вывод, к которому приходит автор, заключается в том, что усилия групп интересов по актуализации социального конфликта через убеждение и мобилизацию сглаживаются гражданской идентичностью, организационными возможностями и другими сдерживающими факторами, и женщины значительно меньше включаются в конкретную идентичность через факт обладания огнестрельным оружием»⁴¹.

Тема этничности и нации имеет самое впечатляющее количество публикаций в нашей выборке. За последние пять лет в журнале «Нации и национализм» (Nations and nationalism) и ряде других изданий было опубликовано около 160 статей на тему идентичности в контексте этнических проблем. В этой тематической подгруппе идентичность рассматривается в первую очередь как корень потенциальных социальных и, в некоторых случаях, военных конфликтов: «сравнительный анализ этнических конфликтов и расколов в европейских демократиях⁴² позволяет сделать вывод в неизменности интереса к классической этнополитологии и в последние

³⁹ Lacombe M. J., Howat A. J., Rothschild J.E. Gun Ownership as a Social Identity: Estimating Behavioral and Attitudinal Relationships // *Social Science Quarterly*. 2019. Vol. 100. P. 2408-2424.

⁴⁰ Gross K.A. The Socialization of Conflict and Its Limits: Gender and Gun Politics in America // *Social Science Quarterly*. 2017. Vol 98. P. 455-470.

⁴¹ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 127.

⁴² Romero-Vidal X. Two temperatures for one thermostat: The evolution of policy attitudes and support for independence in Catalonia (1991–2018) // *Nations and Nationalism*. 2020. Vol 26. P. 960-978; Pinho dos Santos R. Spanish Constitutionalism in Catalonia: An anthropology of civic nationalism // *Nations and Nationalism*. 2021. Vol. 27. P. 427-448; Cetrà D., Harvey M. Explaining accommodation and resistance to demands for independence referendums in the UK and Spain // *Nations and Nationalism*. 2019. Vol. 25. P. 22-44.

пять лет. Самая цитируемая статья в этой подгруппе так и озаглавлена «Популизм и национализм». В ней автор Р. Брюбейкер⁴³ обращается к важному политическому вопросу современности: что такое популизм, какие из современных политических сил можно охарактеризовать этим термином и какова его роль в формировании политической идентичности и определении тех границ, вдоль которых происходит политический разлом и конфликт. Автор выступает как против отождествления популизма и ксенофобского национализма, так и против «обеления» концепции популизма, как полностью независимого от национализма. Эти конструкции – популизм и национализм – аналитически отличны друг от друга, но взаимосвязаны и одинаково необходимы для осмысления происходящих политических процессов, будь то победа Д. Трампа на выборах 2016 г. или рост популярности антиэмигрантских партий в Европейском союзе»⁴⁴.

Даже такие известные аспекты идентичности, как раса, приобретают новое значение для современных ученых. Примерами могут служить формальное «стирание» расовой идентичности у детей смешанных пар, согласно Д. Лихтеру и др.⁴⁵, и политическая динамика Соединенных Штатов, приближающихся к демографической отметке «меньшинство-большинство», «minority-majority», когда меньшинства становятся демографическим большинством, согласно М. Крейг и др.⁴⁶.

В научной литературе последнего времени подтема эмиграции и наследования, а также потери или переориентации идентичности, широко изучается: «эмигранты и степень устойчивости их идентичности через поколения изучаются на разнообразных эмпирических данных: северокорейских беженцах в

⁴³ Brubaker R. Populism and nationalism // Nations and Nationalism. 2020. Vol. 26. P. 44-66.

⁴⁴ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 128.

⁴⁵ Lichter D. T., Qian Z. Boundary Blurring? Racial Identification among the Children of Interracial Couples // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2018. Vol. 677 (1). P. 81-94.

⁴⁶ Craig M. A., Rucker J. M., Richeson J. A. Racial and Political Dynamics of an Approaching “Majority-Minority” United States // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2018. Vol. 677 (1). P. 204-214.

Южной Кореи в исследовании А. Хур⁴⁷, выходцах из Латинской Америки⁴⁸ и Азии⁴⁹ в США, школьниках эмигрантах⁵⁰, мигрирующих коренных народностях Эквадора⁵¹. Вопрос о постоянстве идентичности, возможностях ее трансформации со временем и факторах, влияющих на скорость адаптации к политическим и общественным ценностям, – важные проблемы современных обществ. Так, американцы азиатского происхождения – это наиболее быстрорастущая группа в США, процент американского происхождения за последние 40 лет вырос с 0,7% до 6% и, по оценкам, к 2065 г. составит 14% американского населения. Китай и Индия давно обогнали Мексику по количеству прибывающих эмигрантов, и в настоящее время двое из трех американцев азиатского происхождения не были рождены в США. Как формируется идентичность этой разнообразной социальной группы выходцев из двух десятков стран, как формируется отношение к ним в обществе – вопросы, занимающие исследователей идентичности. В продолжение этой темы интересны находки, связанные с адаптацией к демократическим ценностям среди беженцев из Северной Кореи. Желание влиться в южнокорейское общество и стать его полноценным гражданином мотивировано чувством общекорейской идентичности и приводит к более активному участию в выборах и другим видам гражданского участия. Конвенциональные практики включения иммигрантов в общество состоят в основном в предоставлении государством ресурсов в обмен на политическую лояльность новых граждан. Государственные программы по адаптации обычно включают в себя материальное сопровождение, помощь в получении образования и прочие количественно измеряемые механизмы поддержки.

⁴⁷ Hur A. Adapting to democracy: identity and the political development of North Korean defectors // *Journal of East Asian Studies*. 2018. Vol. 18 (1). P. 97-115.

⁴⁸ Asad A. L., Hwang J. Migration to the United States from Indigenous Communities in Mexico // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2019. Vol. 684 (1). P. 120-145.

⁴⁹ Lee J., Ramakrishnan K., Wong J. Accurately Counting Asian Americans Is a Civil Rights Issue // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2018. Vol. 677 (1). P. 191-202.

⁵⁰ Verma S., Maloney P., Austin D. W. The School to Deportation Pipeline: The Perspectives of Immigrant Students and Their Teachers on Profiling and Surveillance within the School System // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2017. Vol. 673 (1). P. 209-229.

⁵¹ Stone-Cadena V., Álvarez Velasco S. Historicizing Mobility: Coyoterismo in the Indigenous Ecuadorian Migration Industry // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2018. Vol. 676 (1). P. 194-211.

Формирование чувства принадлежности, однако, вынесено за рамки этих программ, отдано на откуп общественным и волонтерским организациям, религиозным институциям, и предполагается, что гражданственность и социальная ответственность возникнут со временем сами, в обмен на полученные блага. В этом смысле чувство причастности к нации оказывается исключительно контрактным, и возникает как реакция на качество материальной помощи и условий пребывания. Однако и опыт адаптации эмигрантов-детей в американские школы, и опыт адаптации северокорейских беженцев говорит о том, что идентичность формируется не только благодаря процессу предоставления страной-реципиентом материальных благ, но и политикой принимающего общества в вопросах формирования национальной идентичности, чувства причастности у новых граждан»⁵².

Примеры различных малых социальных групп также проливают свет на проблему транзита идентичности и ее трансформации во времени и пространстве: «пятнадцать из самых цитируемых статей относятся к теме вооруженных сил, идентичности солдата и его семьи⁵³, иногда эта идентичность в контексте социальных изменений проверяется на крайне узкой социальной группе, как, например, в статье о женской идентичности мусульманок – матерей солдат, сражающихся с Исламским Государством на территории Иракского Курдистана⁵⁴. Наиболее цитируемая статья в «транзитной» тематике принадлежит группе ученых из Британского института изучения ветеранов и их семей «Транзит от военной службы к гражданской жизни: исследование культурной компетенции»⁵⁵. В ней применен теоретический подход П. Бурдьё⁵⁶ к анализу последствий военной службы и влиянию такого опыта на дальнейшую жизнь. Рассмотрены как

⁵² Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 129.

⁵³ Travis D. S. Discovering the Fault Lines in American Civil–Military Relations // *Armed Forces & Society*. 2018. Vol. 44 (4). P. 731-747; Griffith J., Ben-Ari E. Reserve Military Service: A Social Constructionist Perspective. *Armed Forces & Society*, 2020; Do J.J., Samuels S.M. I Am a Warrior: An Analysis of the Military Masculine-Warrior Narrative Among U.S. Air Force Officer Candidates // *Armed Forces & Society*. 2021. Vol. 47 (1). P. 25-47.

⁵⁴ Nilsson M. Muslim Mothers in Ground Combat Against the Islamic State: Women's Identities and Social Change in Iraqi Kurdistan // *Armed Forces & Society*. 2018. Vol. 44 (2). P. 261-279.

⁵⁵ Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M. Transition from the Military into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence // *Armed Forces & Society*. 2018. Vol. 44 (1). P. 156-177.

⁵⁶ Bourdieu P. *The logic of practice*. Stanford university press, 1990.

негативные, так и позитивные последствия транзита к гражданской жизни, а концепция П. Бурдые позволяет указать, как можно интерпретировать эти последствия. Данное исследование имеет большое практическое значение, так как позволяет понять потребности бывших военнослужащих, и проливает свет на вопросы ре-адаптации солдат к мирной жизни»⁵⁷.

В статье «Биографические последствия протеста и активизма: Систематический обзор и новая типология»⁵⁸ другие британские ученые подробно исследовали аналитическую нишу, изучая отсутствие мотивации, демотивацию, участия в протестах, а также долгосрочное влияние такого участия на жизненный путь индивида. Ученые также исследовали влияние предыдущего опыта на процесс переоценки идентичности: «авторы систематизировали все исследования в сфере психологических и социальных последствий участия в политическом процессе на идентичность участников и выявили 19 тематических полей, в которых последствия этого участия наиболее заметны. Разные уровни изменения идентичности характеризуются разными психологическими и социальными аспектами – от материального благополучия до количества детей и степени уверенности в себе. Подобные изучения состояния транзита из одной идентичности в другую открывают перед учеными новые возможности и поднимают новые исследовательские вопросы»⁵⁹.

Выделены основные темы, акторы и практики данного обзора: «социальные и политические практики; культурные практики, в том числе вопросы обучения, цифровизации и мультимодальности коммуникации; вопросы здоровья, в том числе ментального здоровья, вопросы инклюзии, трансгендера и сексуальной ориентации; проблемы социального исключения, дискриминации и обнаружение новых социальных практик и кейсов»⁶⁰.

Во всех рассматриваемых категориях и кластерах мы обнаружили преобладание политических тем: «главным феноменом и объектом данного

⁵⁷ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 129.

⁵⁸ Vestergren S., Drury J., Hammar Chiriac E. The biographical consequences of protest and activism: a systematic review and a new typology // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16 (2). P. 203-221.

⁵⁹ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 129.

⁶⁰ Там же. С. 130.

дискурса является политическая идентичность. Самые цитируемые статьи из нашей подборки посвящены различиям в партийной идентичности и оперируют эмпирическими данными по выборам в США. В самой объемной тематической подгруппе, национальной и этнической идентичности, рассматриваются потенциальные и реальные конфликты, имеющие политическое измерение. Другой популярный кластер касается вопросов миграции и политической идентичности иммигрантов, а также вопросов мультикультурализма»⁶¹.

Соединенные Штаты и Великобритания занимают позицию говорящего субъекта этой академической дискуссии об идентичности и политике идентичности: «из 11 наиболее пишущих на данные темы вузов 10 приходится на эти страны. Авторы самых цитируемых работ по всем категориям аффилированы в этих странах»⁶².

Наряду с политическими темами, в этом дискурсе приемлемы следующие категории «идентичности»: «гендерная и квир-идентичность, языковая идентичность мультикультуральных личностей и мигрантов⁶³, идентичность, формируемая новыми цифровыми технологиями, соцсетями и дистанционным образованием⁶⁴, семиотико-культурно-психологическая интерпретация пандемии COVID-19⁶⁵»⁶⁶. В данной подборке нам не встретились статьи по территориальной и городской идентичности, выявление которых производилось отдельно.

Результаты исследований, представленные в выводах статей, основаны на: «эмпирических данных и политических теорий, теорий власти и идеологии, теории практик и габитуса, теорий дискурса, постструктурализма, критического неомарксизма, семиотики, критического анализа технокультурного дискурса, то есть исследование интернета и соцсетей⁶⁷»⁶⁸. В данной подборке нам не

⁶¹ Там же. С. 130.

⁶² Там же. С. 131.

⁶³ Kim S. It was kind of a given that we were all multilingual: Transnational youth identity work in digital translanguaging // *Linguistics and Education*. 2018. Vol. 43. P. 39-52.

⁶⁴ Smith B. E. Emergent Bilingual Students and Digital Multimodal Composition: A Systematic Review of Research in Secondary Classrooms Reading // *Research Quarterly*. 2021. Vol. 56 (1). P. 33-52.

⁶⁵ Venuleo C., Gelo C. G. O., Salvatore S. Fear, affective semiosis, and management of the pandemic crisis: COVID-19 as semiotic vaccine? // *Clinical Neuropsychiatry*, 2020. Vol. 17 (2). P. 117-130.

⁶⁶ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 130.

⁶⁷ Brock A. Critical technocultural discourse analysis // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20 (3). P. 1012-1030.

⁶⁸ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 130.

встретились статьи, в которых бы идентичность изучалась бы методами акторно-сетевой теории. Благодаря отдельному поиску, по ключевым словам «идентичность» и «акторно-сетевая теория» было загружено около 40 статей за этот период, в основном по таким темам, как экология, архитектура, образование, психология⁶⁹. Поиск статей по акторно-сетевой теории продолжался все время исследования в доступных базах⁷⁰.

Таким образом, наиболее актуальные публикации по теме идентичности за предыдущие пять лет были собраны, изучены и сопоставлены в обзоре литературы с использованием количественных и качественных методов в международном научном дискурсе. С помощью современного программного обеспечения удалось провести макроуровневый анализ, сфокусированный на ключевых смысловых «узлах» в огромном массиве публикаций, прошедшие верификацию научным сообществом, и микроуровневый анализ, который позволил проанализировать основные тенденции в развитии исследований идентичности и обобщить результаты. В ходе исследования было установлено, что понятия идентичности, политической идентичности и молодежной идентичности не ограничиваются традиционными рамками этнической и расовой принадлежности, а включают в себя широкий спектр социальных и личностных состояний, изучение которых продолжается в силу их теоретической и практической значимости в глобальном масштабе.

Дистанция между «менеджерами» государственной политики и теми, кем она управляет, сокращается благодаря изучению идентичности иммигрантов, студентов, женщин, бывших военных и многих других социальных групп. Тем не менее, невозможно игнорировать то, как научный дискурс создает социальную реальность, фокусируясь на повторяющемся наборе норм, принципов и теорий. Можно выделить следующие тенденции в академическом дискурсе: «абсолютное преобладание англосаксонских исследований по теме идентичности; очевидное

⁶⁹ Turnhout E. The politics of environmental knowledge // *Conservation and Society*. 2018. Vol. 16 (3). P. 363-371; Burch L. Everyday Hate and Affective Possibility: Disabled People's Negotiations of Space, Place and Identity // *International Journal of Disability and Social Justice*. 2021. Vol. 1. P. 73-94.

⁷⁰ Базы данных иностранных статей: <https://www.jstor.org/>; <https://www.sciencedirect.com/>; <https://www.worldscientific.com>

возрастающее внимание исследователей к уникальным и автономным социальным группам, а также идентичностям в состоянии транзита»⁷¹.

За последние пять лет в базе Sciencedirect⁷² было найдено много статей по запросам: «городская идентичность» (43259), «политика городской идентичности» (20561), «политика городской идентичности в дискурсе» (4810), «городская идентичность в дискурсе и акторно-сетевая теория» (1831, из которых 495 статей находится в открытом доступе), но статьи не могли быть обработаны с помощью программ количественного анализа из-за ограничения доступности к ним в 2022–2023 гг. Доступные статьи по последнему поисковому запросу мы просмотрели, а наиболее релевантные – прочитали: статьи посвящены изучению сотрудничества соседства в Монреале⁷³; туристической сети северного сияния в северной Норвегии⁷⁴; созданию «зеленой» идентичности в городе Витория-Гастейс, в Испании⁷⁵. Далее актуальными для нас стали: обзор литературы по теме совместного использования города⁷⁶; применение АСТ к стратегическому проектированию для «реорганизации и пересмотра взаимодействия устройств, акторов, представлений и сетей, которые служат элементами процесса, создающего распределенное действие»⁷⁷, коммуникативное мягкое планирование в Финляндии⁷⁸.

Мы выявили, что тема конструирования городской идентичности методами дискурсивного анализа и акторно-сетевой теории недостаточно представлена в исследованиях по совместному использованию города и идентификации через городскую среду и требует изучения. Мы позиционируем кейс конструирования

⁷¹ Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Указ. соч. С. 131.

⁷² Search for peer-reviewed journal articles and book chapters (including open access content). <https://www.sciencedirect.com>

⁷³ Bilodeau A. A midrange theory of local cross-sector action based on the actor-network theory // *SSM-Qualitative Research in Health*. 2022. Vol. 2. P. 100199

⁷⁴ Heimtun B. The development of the northern lights' tourism network // *Annals of Tourism Research Empirical Insights*. 2022. Vol. 3 (1). P. 100031.

⁷⁵ Neidig J. “We are the Green Capital”: Navigating the political and sustainability fix narratives of urban greening // *Cities*. 2022. Vol. 131. P. 103999

⁷⁶ Sánchez-Vergara J. I. The emergence of the sharing city: A systematic literature review to understand the notion of the sharing city and explore future research paths // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 295. P. 126448

⁷⁷ Caliskan K. DARN (Part 2): An Evidence-Based Research and Prototyping Method for Strategic Design // *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. 2022. Vol. 8 (3). P. 319-335.

⁷⁸ Mattila H. Soft spaces, soft planning, soft law: Examining the institutionalisation of city-regional planning in Finland // *Land Use Policy*. 2022. Vol. 119. P. 106156.

городской идентичности Санкт-Петербурга в контексте международной социологии и политологии, изучающих сетевые отношения в рамках АСТ.

Рассмотрев реализуемые научные программы изучения идентичности, мы выявили отсутствие систематического изучения городской идентичности в парадигме АСТ. Обзор отечественной литературы по исследуемому предмету, идентичности и городской идентичности, был предпринят в рамках социологии, психологии и теории коммуникации, поскольку структурирование идентичности в коммуникации изучается в рамках данных дисциплин.

Мы позиционировали практики горожанина, практики, поддерживающие городскую идентичность петербуржца на основе проведенных для диссертации исследований в рассмотренной ранее психологической матрице аспектов идентичности. Наше исследование начала 2000-х годов⁷⁹, посвященное профессиональной идентичности российских и шведских журналистов на базе более сотни биографических интервью, фокусировалось на коммуникации и профессиональных практиках, поддерживающих идентичность, и базировалось на теории практик и психологических теориях коммуникации и идентичности. Тогда были реконструированы когнитивные, аффективные и поведенческие профессиональные практики журналистов из расшифрованных нарративов⁸⁰ глубинных интервью. Поскольку эти три категории поддерживают любую, не только профессиональную, идентичность, в текущем исследовании категории экстраполированы на основании удержания имеющихся критериев и критической оценки их релевантности на городскую идентичность и проиллюстрированы реконструированными в результате исследования примерами (Таблица 1). Роли и функции практик и вещей, инкорпорированных в процессе коммуникации, рассмотрены во второй главе⁸¹.

⁷⁹ Сосновская А.М. Профессиональная идентичность журналиста (анализ случаев) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 3. С. 116-138.

⁸⁰ См. Кутковая К. С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16).

⁸¹ В рассказы журналистов о профессиональной практике были включены некоторые объекты и практики, которые поддерживали «журналистскость» конца 1990-х: удобная одежда, корочки, микрофоны, диктофоны, блокноты, фотоаппараты, органайзеры, Parker, кофе, коньяк, сигареты, levi's, фурышеты, компьютеры.

Таблица 1 – Аспекты конструирования идентичности: сопоставление профессиональной и территориальной идентичностей

Аспекты конструирования идентичности	Идентичность журналиста	Идентичность петербуржца
Когнитивный аспект	Образование, сообщество, коммуникативные способности	Образование по поводу наследия, сообщество петербуржцев, «петербургский текст»
Аффективный аспект	Интерес к профессии, к дискурсу, публичное пространство	Интерес к наследию, к дискурсу (активизм), практики памяти
Практический аспект	Работа в СМИ, Публикация материалов, заработок	Практики горожанина, досуг, коммуникация

Психологические теории, учитывающие сознание индивида, фиксируются на воле и выборе субъекта; социологические теории изучают действия и контекст, как правило, также являясь антропоцентричными, то есть приписывающими агентность людям. Разрабатываемая нами концептуальная модель предполагает распределенную агентность, то есть агентность, которая распределена между людьми и вещами. Агентностью обладают, скорее, отношения людей и вещей, а не данные акторы по отдельности⁸². В своем последующем диахроническом обзоре мы будем раскрывать потенциал таких отношений в антропоцентричных теориях, выявляя тенденцию к онтологическому повороту, и рассматривая также не-антропоцентричные теории.

⁸² См.: Ерофеева М. О возможности акторно-сетевой теории действия // Социология власти. 2015. Т. 27, № 4. С. 51-71.

1.1.2. Идентичность как постоянно конструируемый в коммуникации феномен

Чтобы раскрыть феномен идентичности, необходимо проанализировать подходы в изучении идентичности; обозначить критерии идентичности и посмотреть на феномен в свете дискурса и коммуникации, чтобы описать механизмы его конструирования. Современные исследования в рамках политологии, теории коммуникации, социологии и психологии⁸³ определяют идентичность как постоянно конструируемую, многогранную и часто нецентрированную на субъекте⁸⁴, а являющуюся в большей мере эмерджентным эффектом⁸⁵ медиакоммуникации⁸⁶, дискурса⁸⁷, контакта организма со средой⁸⁸.

Городская идентичность жителей Санкт-Петербурга определена через актуальную политику городской идентичности в свете дискурса культурного наследия города согласно Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года⁸⁹. Стратегия разобрана в 3 главе. В процессе исследования были проанализированы результаты лонгитюдных опросов

⁸³ Асташова О. И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 120-133; Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 105-124.

⁸⁴ Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 159-167; Коломиец Н. В., Мозговая Т. И. Идентичность личности в контексте транзитивности традиционной культуры к постмодернистской цивилизации // Global European area: integration problems within the framework of cross cultural communication. 2017. С. 125-130.

⁸⁵ Мальцева Д., Донаги П. Реляционная теория общества: социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М.: ПСТГУ, 2019.

⁸⁶ Блохин И. Н. Мультимедийность в формировании медиаидентичности // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. 2016. № 1. С. 34-43; Корконосенко С. Г., Воскресенская М. А. Журналистика в модуле культуры: институциональный взгляд // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 108-119; Мансурова В. Д. Визуальная семантика российской идентичности в цифровой медиакультуре // Коммуникативная культура: история и современность. Новосибирск, 2017. С. 85-87.

⁸⁷ Плющ А. Н. Концептуализация дискурсивных практик понимания прокреации человека // Человек как открытая целостность. 2022. № 1. С. 132-142; Громова В. М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Ижевск, 2007; Ерофеева И. В. Концепт «Власть» в медиадискурсе: дихотомия репрезентации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 1. С. 167-171.

⁸⁸ Средой в гештальт-теории для организма является физическое место. См. Бочарников В. Н. Феномен гештальта в парадигме социально-экономической географии // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 3. С. 54-63; Островская Е. В. Влияние гештальт-терапии на развитие личностной автономии (на примере участников группы первой ступени гештальт-терапии): дис. Сибирский федеральный университет, 2016; Шевченко Д. А. Общение подростков в киберсреде с позиции теории контакта // «Детство и семья в современном мире». Владивосток. 2012. С. 118-128.

⁸⁹ Комитет по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга (КЭПиСП). Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/ (дата обращения: 17.02.2023).

молодежи, полуструктурированных интервью с жителями города, вовлеченными в городской дискурс, политику и городской активизм; выявлены критерии идентичности, основанные на практиках и материальных, и нематериальных акторов, участвующих в идентификационном процессе, проанализирована дифференциация акторов по критерию «свои–другие». Данные результаты способствовали интеграции маркеров городской идентичности в коммуникацию, которая участвует в конструировании идентичности на новых основаниях с учетом АСТ.

Для выявления связи наследия и идентичности был проведен обзор литературы, проанализированы материалы перспективного развития города, где идентичность горожанина связывается с наследием; рассмотрены российские и международные документы на сайте Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) по поводу политики сохранения наследия.

Данные этапы исследования помогли сфокусироваться на наследии как на основном критерии региональной идентичности жителей Санкт-Петербурга и обозначить ключевую роль не-антропоцентричных подходов в конструировании идентичности. Мы рассмотрим антропоцентричные теории идентичности, чтобы выявить потенциал интеграции АСТ во второй главе.

Согласно социологу В. Ядову, идентичность человека формируется в процессе социальной идентификации как соотнесение себя с группами и сообществами, которые воспринимаются как свои, близкие; человек способен сказать и почувствовать «это – мы». «Мы-сообщества» — это места, где удовлетворяются ценности и фундаментальные человеческие потребности. Социальные идентификации концептуализируются в социокультурном контексте и являются иерархическими, с «центральными» и «периферийными» идентификациями. Дифференциация между «другими», «не своими» и «чужими», с которыми человек взаимодействует в одном поле, означает одновременную идентификацию со «своими» группами и сообществами.

Идентификации составляют основу субъективных конструкций социальной реальности. Согласно так называемой теореме Томаса, если люди конструируют реальность определенным образом, то она реальна по своим последствиям⁹⁰. Этот подход включает исследование повседневной жизни людей, описание и интерпретацию реальных действий и их последствий для общества. В. Ядов пишет, что «нет ничего более важного для анализа и понимания социальных изменений, нежели анализ формирующихся субъектов социального действия»⁹¹. Этот ведущий советский и постсоветский исследователь социальных взаимодействий подчеркивает постоянный процесс формирования субъектов, постоянный процесс конструирования идентичности. Хотя сама идея идентичности по определению предполагает тождество с «другим», идентичность изменчива и преходяща, как с точки зрения отношения человека к самому себе, так и в сравнении с тем, как постоянно меняется окружающая среда. Любое описание себя содержит самооценку, которая определяется общественными нормами, утверждает социально-психологическая перспектива во главе с Р. Бернсом⁹². В автобиографии и саморефлексии описание себя предполагает активизацию аффективных, когнитивных и поведенческих компонентов идентичности, которые могут быть реконструированы для нашей концептуальной модели из текстов с помощью дискурс-анализа.

По В. Ядову, познание человеком собственной идентичности осуществляется в три этапа. Соотнесем выводы В. Ядова о природе социальной идентичности с компонентами концептуальной модели, представленной во второй главе:

1. Социальная категоризация (стереотипизация): упорядочивание социального окружения и распределение личностей по группам на основе намерений индивидов. В процессе социализации человек развивает способность классифицировать людей, группируя их по сходствам и различиям. В

⁹⁰ Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию. 2001. С. 310-319.

⁹¹ Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3-4. С. 158-181; Сосновская А. М. Психология идентичности журналиста: монография. // Москва: Издательство Юрайт. 2019.

⁹² См. Бернс Р. Что такое Я-концепция. Психология самосознания. Самара: Бахрах-М, 2003.

концептуальной модели интроекты используются для представления этих инкорпорированных категоризаций и основанных на них стереотипов.

2. Процесс, в ходе которого человек «помещает» себя в ту или иную категорию, известен как социальная идентификация. Примерка категории на себя является проецированием интроектов и проверкой имеющегося знания с целью подтверждения или корректировки.

3. Социальная идентичность – полное социальное отождествление индивида. В нашей модели она проявляется на стадии интеграции и фиксации смыслов, которая длится недолго, поскольку начинается новый контакт с инкорпорированной информацией и процесс категоризации⁹³.

Одна из антропоцентричных перспектив, настаивающая на способности человека объединяться с другими в группы, представлена схемой этапов конструирования социальной идентичности В. Ядова. Этот план объясняет, как определить себя, поместить себя в группу «своих» и отделить себя от других. Процессы дифференциации – сравнения, выделения сходных и различных характеристик, а также интеграции – вписывания и освоения групповых характеристик и стиля жизни – являются основными психологическими механизмами, действующими в отношениях между членами социальных групп и между сообществами людей. Поэтому исследование рефлексивного фактора в развитии идентичности необходимо для определения границ этих дифференциаций. Социолог Э. Гидденс предлагает очень нюансированный психологически и одновременно социологический подход к анализу идентичности в условиях поздней современности, как он обозначает текущее состояние общества, в котором мы прослеживаем потенциал интеграции метода акторно-сетевой теории.

⁹³ См. Сосновская А. М. Деловая коммуникация и переговоры: учеб. пособие. СПб. 2011.

1.2. Характеристики рефлексивной самоидентичности в теории поздней современности Э. Гидденса как основа концептуальной модели конструирования идентичности

Одна из монографий британского социолога Энтони Гидденса, внесшего значительный вклад в изучение идентичности в сети структурных взаимодействий, посвящена проблеме идентичности в контексте поздней или текущей современности (Late modernity or liquid modernity)⁹⁴.

Поздняя современность – это характеристика сегодняшних высокоразвитых глобальных обществ как продолжение или развитие современности, а не как элемент последующей эпохи, известной как постмодерн. Поздняя современность характеризуется глобальными капиталистическими экономиками с их растущей приватизацией услуг и информационной революцией.

Социальные теоретики и социологи, такие как Скотт Лэш⁹⁵, Ульрих Бек⁹⁶, Зигмунт Бауман⁹⁷ и Энтони Гидденс, утверждают, не соглашаясь с постмодернистами, что модернизация продолжается в современную эпоху, которую, таким образом, лучше понимать как радикальное состояние поздней современности. Эти авторы говорят о рефлексивной модернизации как о посттрадиционном порядке, влияющем на повседневную социальную жизнь и деятельность. Современность теперь имеет тенденцию к самореференции вместо того, чтобы определяться как оппозиция традиционализму.

Гидденс не оспаривает, что со времен «высокой» современности произошли важные изменения, но он утверждает, что мы не отказались от современности. Скорее, современность современного общества – это развитая, радикализованная, «поздняя» современность, но все же модерн, а не постмодерн. В такой перспективе постмодернизм предстает лишь как гипертехнологическая версия модерна. Гидденс утверждает, что современность, также известная как поздняя модерность,

⁹⁴ Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press, 1992.

⁹⁵ Скотт Л., Джон У. *Хозяйства знаков и пространства (введение)* // *Экономическая социология*. 2008. Т. 9, № 4. С. 49-55.

⁹⁶ Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Монография. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁹⁷ Бауман З. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М.: Издательство «Весь Мир», 2004.

характеризуется тесным переплетением и взаимодействием внутриличностных трансформаций, или идентичности, и институциональных изменений. Таким образом, когда социолог писал свое исследование в 1990-х годах, он признавал развитие общества после модерна, но теории постгуманизма, трансгуманизма и космополитизма уже были концептуализированы. Далее мы будем обращаться ко всем этим теориям и попытаемся включить их в более широкую структуру идентичности.

Возникновение новых психосоциальных механизмов (идентификаций) личностной идентичности, которые формируются под влиянием трансформирующихся институтов и, в свою очередь, трансформируют эти институты, является предметом исследования социолога. В центре теоретических размышлений автора – диалектика между локальным и глобальным. В этом социологическом и психологическом исследовании феномена идентичности макропроцессы высокой современности рассматриваются через призму экзистенциальных и межличностных заложенных «я», на которые оказывают влияние как процесс глобализации, так и индивидуальные предпочтения и склонности человека.

Гидденс называет три элемента, составляющие динамику современности:

«1) Разделение пространства и времени составляет необходимое условие для делокализации социальных действий, их извлечения из конкретного контекста и свободного перемещения в самых широких пространственно-временных рамках.

2) Рефлексивность современности выражается в «упорядоченном использовании знания об обстоятельствах социальной жизни в качестве составного элемента ее организации и изменения». Постоянная ревизия наличного знания о мире порождает радикальное сомнение, важнейший экзистенциальный параметр высокой современности. Защита от сомнений заключается в упорядоченных практиках, обязательствах по отношению к образу жизни, доверии ряду абстрактных систем.

3) Важна роль абстрактных систем, включающих в себя экспертное знание и «символические знаки». Последние представляют собой средства социального

обмена, обладающие стандартной ценностью и взаимозаменяемостью в любом наборе социальных контекстов (деньги, звания). Экспертное знание содержит совокупность стандартов современной социальной жизни во всех ее проявлениях»⁹⁸. Феномен субъективного доверия, также известный как «обобщенная установка разума» по отношению к системе в целом, обстоятельствам и другим людям, – это то, что позволяет абстрактным системам функционировать. По мнению Гидденса, если у человека было здоровое эмоциональное начало жизни, то доверительное отношение является для него неотъемлемым и естественным. Переживание и ощущение именно такого состояния способствует психологическому здоровью человека. Средством от сомнений и тревог, которые могут вытеснить человека из общества, является доверие к безличным системам. Социолог утверждает, что психологическое доверие связано с доверием к внешним абстрактным системам. Данные корреляции согласуются с инкорпорированными в концептуальную модель акторами и будут проанализированы в следующей главе.

На ранних стадиях общения младенца с матерью формируется доверие, «кокон неуязвимости» («чувство, что мне ничто не угрожает, со мной ничего не случится»). «Эмоциональный заряд социальных связей», или будущие отношения взаимной зависимости людей в обществе, – это доверительные отношения, возникающие в первые месяцы жизни человека.

Базовое доверие также служит «эмоциональной прививкой против экзистенциальной тревоги», которая нарушает онтологическое благополучие человека. Наряду с экзистенциальными вопросами о существовании, конечности и интерсубъективности, самоидентичность, или «постоянное чувство непрерывной духовной и телесной идентичности», является одним из наиболее влиятельных экзистенциальных вопросов для социального поведения. Самоидентичность не является предопределенным набором черт характера и склонностей, но выражается в выборе, в практиках, в уникальной системе поведения. Благодаря индивидуальной саморефлексии самость постоянно поддерживается.

⁹⁸ Сосновская А. М. Психология идентичности журналиста: монография // Москва: Издательство Юрайт. 2019. С. 13.

Гидденс определил самоидентичность как рефлексивное повествование о себе в контексте множества вариантов, которое также учитывает абстрактные системы. В условиях высокой современности самоидентичность имеет ряд качественных характеристик. «Гидденс выделяет 10 таких характеристик:

1) «Я» есть рефлексивный проект, за который отвечает сам индивид; «мы являемся тем, что мы сами из себя создаем».

2) «Я» разрабатывает траекторию своего развития, возвращаясь к прошлому и прогнозируя будущее; путешествие в прошлое дает эмоциональную свободу для предвидения и созидания грядущего, построение траектории «Я» базируется на идее многоэтапного жизненного цикла.

3) Рефлексивность «Я» непрерывна. Искусство самонаблюдения заключается в том, что индивид постоянно задает себе вопросы: Как я могу использовать этот момент, чтобы измениться? Что происходит прямо сейчас? Что я чувствую? Как я дышу? Что я думаю? Что я делаю? Мы добавим вопрос: С помощью каких инструментов?

4) Самоидентичность проявляет себя как рассказ, в том числе и в регулярно ведущемся дневнике. Мы добавим: в том числе ведущийся в социальных сетях.

5) Самоактуализация подразумевает контроль и управление временем.

6) Рефлексивность «Я» охватывает и сферу телесности индивида, так как тело – это часть индивидуальной системы действий, а не ее пассивный объект.

7) Самоактуализация индивида требует равновесия возможностей и риска, которое достигается благодаря эмоциональному преодолению прошлого и осмысленному прогнозированию будущего.

8) Нравственная задача самоактуализации – это достижение аутентичности «Я», т. е. верности самому себе; этот процесс требует интерпретации прежнего опыта и дифференциации истинного и ложного «Я».

9) Жизненный цикл личности воплощен в последовательной смене этапов, которые, в отличие от традиционного общества, почти не имеют ритуальных меток или внешней обусловленности; движение от эпизода к эпизоду, воплощающее в

себе баланс возможностей и риска, осуществляется благодаря «рефлексивной мобилизации траектории Я».

10) Развитие «Я», т. е. его жизненная траектория, обладает внутренней референтностью; единственно значимой «путеводной нитью» жизненной траектории выступает она сама»⁹⁹.

Таким образом, интеграция всего жизненного опыта в рамках биографического повествования о саморазвитии приводит к внутренней целостности, или аутентичности, личности. Набор моделей поведения, практик человека служит не только утилитарной функции – определению того, что и как потреблять, – но и наполняет содержанием его уникальную историю самоидентификации, которая является центральной концепцией саморазвития. Жизненный план, который конкретизируется в личном жизненном календаре, подчиняется собственной логике, но также связан с событиями внешнего мира. Образ жизни, рутинные практики и рефлексивная открытость к изменениям в свете мобильной природы самоидентичности воплощаются с помощью этих инструментов.

Для нашей концептуальной модели идентичности, которая представлена во второй главе с учетом акторно-сетевой теории, из положений Гидденса об идентичности поздней современности, которая присутствует наравне с постмодерными состояниями, возьмем идеи из каждого пункта.

Динамика современности настаивает на повторяемости и рекурсивности социального действия, на радикальном скептицизме, который заставляет постоянно пересматривать свое понимание себя и внешнего мира. Такое сомнение снимается посредством повторения упорядоченных практик, обязательств и доверия экспертному знанию и абстрактным системам, которые овеществляются в культуре. Набор практик и телесность имеют материальную форму и являются не пассивными, а активными объектами, по Гидденсу.

Здесь мы наблюдаем переход к акторно-сетевой оптике, поскольку овеществленные структуры, имеющие влияние, – это non-human акторы, по АСТ.

⁹⁹ Сосновская А. М. Психология идентичности журналиста: монография. 2019. С. 14-15.

Десять характеристик самоидентичности показывают нам цикл опыта и его интеграцию в нашей концептуальной модели. Самоидентичность постоянно воссоздается выбором действий и проверкой имеющегося знания. Знание, прошлый опыт – это опора и старт контакта с внешним миром для проверки наличествующего знания. В процессе проверки знания присутствует тело, не просто как пассивный объект, но актер со своей интенциональностью, которого психологи предлагают учитывать, наблюдая за дыханием и реакциями тела на окружающую среду. Индивид, вступая в контакт со средой для проверки своего знания, рискует и проверяет возможности спрогнозированного будущего, получая тем самым опыт. Полученный опыт анализируется в форме рассказа в дневнике или в форме самоанализа и интеграции того опыта, который аутентичен представлению о себе. Контроль времени и мобилизация себя на новый опыт, по Гидденсу, идут после рефлексии и действия, за которые индивид несет ответственность, как за рефлексивный проект. Мобилизации могут помочь материальные акторы – календарь, план, список дел.

Рассмотрим некоторые из идентифицированных Гидденсом явлений позднего модерна, значимых для идентичности. По мнению социолога, следующие современные явления имеют решающее значение для идентичности:

«1) Ситуация выбора. Поскольку в ситуации позднего модерна «у нас нет другого выбора, кроме постоянного выбора», индивидуальное «Я» вынуждено определить свой жизненный стиль или «более или менее целостный набор используемых практик».

2) «Чистая связь». В ситуации постоянного выбора кардинально меняется и содержание межличностных отношений – наблюдается высвобождение связей и их независимость от внешних факторов (экономических, традиционных, кланово-патриархальных). Межличностные отношения приобретают форму «чистой связи» в процессе обоюдного творчества партнеров. Гидденс подчеркивает, что фундаментальной особенностью такой связи является самодостаточность. Чистые отношения имеют ценность для партнеров исключительно благодаря своему внутреннему содержанию и поддерживаются до тех пор, пока остаются

самодовлеющими. Атрибутами чистой связи выступают взаимная лояльность, доверие и преданность ее участников, которые таким образом создают свою специфическую интимность. В практике чистой связи происходит утверждение самоидентичности каждого из партнеров, но не как их взаимное отражение или растворение друг в друге, а как результат «переговоров», сотворчества и общности жизненной истории.

3) Риск. Для современного человека климат риска позднего модерна (в т. ч. связанный с глобализацией и глобальными катастрофами) парадоксальным образом связан с открытостью будущему, т. е. с осмыслением грядущих событий социального и естественного порядка как в принципе подвластных управлению и контролю. Наблюдается постоянное осмысление, «просчитывание» рисков.

4) Ответственность. Еще одним следствием глобализации выступает диалектический процесс экспроприации навыков, т. е. изъятия из компетенции индивида традиционных элементов его локальной жизнедеятельности – врачевания, ремесла и т. д., и одновременно обретение новых жизненных полномочий. Человек вынужден сам искать ответы на ключевые вопросы существования, делая выбор между оценками экспертов»¹⁰⁰.

Существование современного «я» в рамках культуры высокого риска порождает множество противоречивых психологических состояний, включая чувства неопределенности, бессмысленности существования, сомнения, тревоги и т. д. В ситуации крайнего сомнения человек, лишенный какой-либо внешней «поддержки» (веры, авторитета или традиции), обречен постоянно выбирать среди систем экспертного знания, исходя из оценки своего риска и выбора. Эта процедура равносильна постоянному нарушению базового доверия. Тревога приобретает постоянный фон в повседневной деятельности человека. В интервью респонденты отмечали городскую идентичность как опору, определенную константу и осмысленный культурный базис.

Глобализация постоянных социальных изменений, являющаяся отличительной чертой позднего модерна, превращает социальное существование в

¹⁰⁰ Сосновская А. М. Указ. соч. С. 15-16.

череду бесконечных кризисов, или обстоятельств, когда определенные действия, ранее предпринятые для достижения важных целей, вдруг оказываются недостаточными. Хотя кризисы не могут стать регулярной частью социальной жизни, но они становятся нормой. Даже если человек излучает уверенность, возникает «общий климат неуверенности», который влияет на восприятие человеком себя и своей личности. Наконец, новая близость и интимность может быть тревожной. Чистые отношения, по Гидденсу, в силу своей внутренней референтности, напрямую зависят от мобилизации искренности и подлинности каждого из партнеров, что делает процесс установления близости крайне неоднозначным с точки зрения психологических последствий.

Гидденс определяет особые проблемы, дилеммы, с которыми сталкивается «я» позднего модерна, и предлагает идею жизненной политики как средства самореализации в эпоху глобализации: «дилеммы – это стратегии идентичности»¹⁰¹. Перечислим оппозиции, составляющие рамки того, как развивается человеческое поведение. Дискурс-анализ далее также учитывает эти рамки.

1. Фрагментация (разные идентичности в разных социальных кругах) или унификация (одно лицо везде, застывшая маска). Гидденс описывает патологии этой дилеммы: «с одной стороны, мы находим тип человека, который строит свою идентичность вокруг набора установленных характеристик, действующих как фильтр, через который различные социальные окружающие реагируют на него или интерпретируют его. Такой человек – жесткий традиционалист – отказывается от любого релятивистского контекста. С другой стороны, в случае человека, который теряется в разнообразных контекстах действия, мы находим адаптивную реакцию, которую Э. Фромм охарактеризовал как “авторитарное соответствие”. Индивидуум прекращает быть собой; он принимает полностью тип индивидуальности, предложенный ему культурными образцами; и он поэтому становится точно таким как все, и таким, каким от него ожидают <...>, этот механизм можно сравнить с

¹⁰¹ Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press, 1992. P. 264.

защитной окраской, которую принимают некоторые животные. Они выглядят настолько подобными их среде, что являются едва различимыми»¹⁰².

2. Бессилие и всемогущество с опорой на символические капиталы¹⁰³ («щепка в водовороте социального контроля»). Во втором случае фантазия всемогущества и доминирования используется для достижения индивидом чувства онтологической безопасности. В своих работах Гидденс обсуждает, как эти состояния сливаются воедино: «Так как всемогущество – это защита, которая является хрупкой, то часто связывается в психологическом отношении с другим полюсом; другими словами, под давлением эта защита может распасться в свою противоположность, бессилие»¹⁰⁴. Латур также представляет человека как марионетку, которую дергают за нити различные силы, однако, по АСТ, чем больше связей, ниточек, тем сильнее эмансипация марионетки: «Мы можем окончательно обрести “интрапсихическое”, только вступив в отношения с множеством “экстрапсихического”, или того, что можно было бы назвать “взбалтывающими мозг” субстанциями – психотропами, или, пользуясь другим выражением, “генерирующими душу сущностями” – психогенами»¹⁰⁵. Если рассматривать то, что приходит извне, как посредников, дающих и другим агентам возможность вести себя как посредникам, вся сцена внешнего и внутреннего совершенно меняется. «У кукловода по-прежнему в руках много ниточек, но каждый из его пальцев тянет туда, куда указывает марионетка. Чем больше ниточек у марионеток, тем более подвижными они становятся»¹⁰⁶. По АСТ, ситуацию выбора и действия осложняют вещи-посредники, которые уводят в сторону первоначальные намерения, создавая ощущение сложности.

3. Неуверенность (отсутствие авторитета, сомнения) и авторитет (следование за лидером).

Принятие существования нескольких антагонистических, взаимоисключающих форм власти может быть трудным или даже психологически

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Бурдые П. Начала: Сборник. М.: Socio-Logos: Фирма «Адапт», 1994.

¹⁰⁴ Giddens A. Modernity and self-identity. P. 194.

¹⁰⁵ Латур Б. Пересборка социального: введение в актарно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022. С. 318.

¹⁰⁶ Там же. С. 285.

невозможным для некоторых людей. Такие люди воспринимают свободу выбора как бремя и ищут утешения во властных структурах. На этом полюсе существует патологическая склонность к догматическому авторитаризму. Человек в такой ситуации не обязательно является традиционалистом, но он, по сути, отказывается от своей способности критически оценивать ситуацию в пользу убеждений, которые поддерживаются авторитетом, чьи законы и правила в целом применимы ко всем сторонам жизни.

Учитывая, что вера «почти по определению основывается на доверии» и что поиск убежища у доминирующей власти по сути является актом подчинения, следование за лидером не имеет ничего общего с верой, даже с верой в фундаменталистские религии. На самом деле, человек освобождается от обязанности участвовать в рискованной игре, связанной с доверительными отношениями. Вместо этого он принимает доминирующую власть как свою собственную посредством проекции. В этой ситуации решающее значение имеет психология лидерства. Для того чтобы подчиниться власти, человек обычно становится привержен авторитетной фигуре, обладающей всеведением. Другая крайность – патологические состояния, когда люди фактически останавливают свой личностный рост, постоянно сомневаясь. Нормальное социальное взаимодействие нарушается в самых крайних проявлениях этого состояния, таких как паранойя или паралич желаний.

4. Персональный опыт и измененный потреблением (коммодифицированный) опыт.

По мнению Гидденса, сегодня люди часто выражают свою самость через пакетированную жизнь и самореализацию, которые предлагает рынок. В этом сценарии потребление заменяет самовыражения, а имидж – сущность. Одним из очевидных признаков успешного потребления является хорошо выстроенный имидж. СМИ активно предлагают модели жизни, которым можно подражать в современном мире; например, телесериалы показывают потенциальные способы жить. С одной стороны, стремление к индивидуализации личности сопротивляется принудительному потреблению. Однако, у человека, который слишком отличается

от других, также нет шансов рефлексивно развить целостную самоидентичность (1 дилемма). Повествование о себе, как всеобъемлющее изображение себя, должно быть создано таким образом, чтобы учитывались стандартизированные потребительские влияния. Люди, полностью не соответствующим стандартам, исключаются из коммуникации и общения. Когда нарциссические черты личности проявляются через потребление, налицо нарциссизм – основная патология поведения, связанная с влиянием коммодификации. Уникальный личный опыт и индивидуализация, однако, также приобретают упомянутые выше патологические характеристики; например, чрезмерная индивидуализация связана с идеей грандиозности (2 дилемма). Она связана с восприятием человеком своего превосходства, уникальности и неповторимости.

Гидденс утверждает, что именно в этих рамках создаются стратегии поведения и формируется «жизненная политика» как уникальный личностный процесс самоактуализации. Гидденс описывает жизненную политику как «политику самореализации в рефлексивно упорядоченной среде». Сфера ее интересов – это совокупность предметов и задач, на которые оказывают влияние глобализационные тенденции, процесс создание «Я» как рефлексивного проекта и локальные воздействия. Целью эмансипационной политики было освобождение социальной жизни от ограничений традиций и обычаев. Политика жизни может рассматриваться как их преемница.

В отличие от эмансипации, жизненная политика интересуется самим содержанием свободы как автономного, независимого выбора жизненного пути и образа жизни и безразлична к условиям или предпосылкам свободы. Ее цель – разработать морально приемлемые социальные структуры, которые будут способствовать самореализации «Я» в контексте взаимозависимости во всем мире. В конце высокой современности, когда свобода выбора образа жизни реализуется в контексте глобальной взаимозависимости индивидуальных и планетарных потребностей, пишет Гидденс, разработка жизненной политики становится важнейшей задачей.

Планетарными потребностями, по АСТ, являются требования инклюзии нечеловеческих акторов и симметрии взаимоотношений. Таким образом, учитывая жизненную политику и процесс самоидентификации, предложенные Гидденсом, можно попытаться включить планетарные потребности, о которых пишет Латур, в цикл идентичности, интегрируя акторов на каждом этапе цикла контакта.

Если рассматривать идентичность как результат или эффект коммуникации, политики самоактуализации по отношению к наследию, то рассмотрение этапов такой коммуникации в рамках гештальт-анализа позволит увидеть, как подтверждаются или не подтверждаются базовые установки и интроекты в процессе постоянного выбора, коммуникации и контакта с городом и наследием. На выборе настаивают также теории политической социализации, в том числе происходящей посредством СМИ. Рассмотрим политическую социализацию молодежи поколения Z, чтобы обнаружить интроекты, знания или установки, которые влияют на практики и/или перепроверяются в процессе контакта со средой.

1.3. Политики идентичности, кризис идентичности и новизна эмоциональных режимов восприятия себя

Вопросам кризиса идентичности и политике идентичности посвящена многочисленная литература на русском языке¹⁰⁷. Исследователи Д. Казаринова и М. Мчедлова отмечают, что «современные поиски справедливости вывели на

¹⁰⁷ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семененко. М., 2017; Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7, № 2. С. 5-24; Сморгун Л. В. Политическая идентичность и понятие политического // ПОЛИС. Политические исследования. 2012. № 6. С. 178-185; Свешникова Н. О. Теоретические основания исследования идентичности в политической психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2012. № 4. С. 45-52; Евстифеев Р. В. Кризис идентичности как политический вызов XXI века: теоретические подходы к изучению, оценкам и пониманию // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 1. С. 108-121; Санина А. Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 3-11; Вендина О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 5. С. 27-39; Андреева Г. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. Т. 4, № 20; Писаревская Н. С. Новые медиа и кризис идентичности личности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-2. С. 192-195; Попова О. В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86-110; Казаринова Д. Б. Эволюция понятия «культурная война» в западной политической мысли // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 333-349.

авансцену не только теоретический конструкт идентичности, но и соответствующие практики, в основе которых имплицитное стремление к солидарности и преодоление экзистенциальной недостаточности»¹⁰⁸.

Термин «политика идентичности» хорошо известен в литературе и относится к социальной политике, основанной на общих характеристиках людей (таких как раса, религия или класс), которые формируют эксклюзивные социально-политические альянсы и действуют политически исключительно на этой основе, в отличие от политики широкой коалиции, основанной на совпадении интересов различных групп.

Уникальный опыт, невозможный к сопереживанию не своей группой, рассматривается как основа идентичности. Представление о неразделяемом жизненном опыте можно проиллюстрировать философией С. де Бовуар об уникальной женской идентичности. Переживание материального объекта наследия Санкт-Петербурга в субъективном опыте наших респондентов следует отнести именно к такой идентичности, не формирующей диалога, а только, возможно, новое искусство.

Д. Казаринова и М. Мчедлова приходят к выводу в результате обзора темы, что «политика идентичности отождествляется с псевдо- (или у некоторых авторов) антиполитикой – явлением, по сути противоположным политике как сфере согласования различных интересов и диалоговой по своей природе, и вытесняет возможности проектной идентичности в пространство идейных мечтаний»¹⁰⁹.

Современные исследователи полны неуверенности в действенности политических механизмов поля политики идентичности, поскольку солидарности истончаются и дробятся, происходит «видоизменение иерархии традиционных ценностных приоритетов», а «потенциал развития новых идентичностей не очевиден»¹¹⁰. В ситуации мирового кризиса идентичности нормативные теоретические подходы Модерна, в том числе описанные нами теории практик и

¹⁰⁸ См. Мчедлова М. М., Казаринова Д. Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13-35.

¹⁰⁹ Мчедлова М. М., Казаринова Д. Б. Указ. соч. С. 22.

¹¹⁰ Там же. С. 30.

теории выбора, по мнению исследователей московской школы идентичности под руководством И. Семененко, не работают, не дают достаточных нюансов для понимания реальности¹¹¹.

Политическая наука стоит перед проблемой концептуализации нового понимания политики, политики и политик идентичности, поиска интерпретации и легитимации политических инструментальных практик¹¹². Разобщенность населения в ситуации кризиса идентичности в Санкт-Петербурге требует пересборки понятий идентичности и локальной городской идентичности в связи с наследием, сборки сети отношений акторов, чтобы увидеть лакуны, наличие или отсутствие мотивирующих агентов и полевой агентности. Можно отметить множество возникающих и мультиплицирующихся прецедентов в реальной политике города, как например, ослабление на основе политики памяти и эстетической феноменологии (интенсивное разрушение зданий исторического наследия и артефактов Блокады), которые не могут быть учтены с точки зрения традиционных теоретических рамок и практики¹¹³. Современные политические теории отсылают к артикуляции и дискурсивности как реализации политики¹¹⁴, теориям репрезентативности и семиотики¹¹⁵, материальным (Б. Латур) и имматериальным (Г. Харман) теориям. Вокруг понятий идентичности и политики идентичности много споров и конкурирующих оптик. «В условиях деструктуризации социальности и делигитимации политических учреждений поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания

¹¹¹ Идентичность: личность, общество, политика / И. С. Семененко, К. Г. Холодковский, О. В. Попова; ответственный редактор член-корреспондент РАН И. С. Семененко; Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук. М.: Весь Мир, 2017.

¹¹² Костюшев В. В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144-157.

¹¹³ Головнева Е. В. Формы дискурсивной репрезентации городской идентичности // Социология власти. 2014. № 2. С. 56-64; Калашникова С. К. Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 4. С. 505-517; Гигаури Д. И. Символическая политика в социокультурном пространстве города (на примере г. Санкт-Петербурга) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 136-139.

¹¹⁴ Ромашко Т. В., Гурова О. Ю. Постструктуралистская теория дискурса и ее методы исследования социокультурной реальности // Социодинамика. 2022. № 10. С. 46-59; Гришаева Е. И. Идентичность как незавершенный проект: концепция идентичности в дискурс-анализе (Лакло и Муфф) // Философские традиции и современность. 2016. № 2. С. 53-56.

¹¹⁵ Шапинская Е. Н. Образы реальности в пространстве репрезентации: анализ литературных и экранных текстов // Культура культуры. 2017. № 4 (16). С. 73-90; Фомин И. В., Ильин М. В. Зачем семиотика политологам? // Политическая наука. 2016. № 3. С. 12-29.

новых социальных структур»¹¹⁶. Самый распространенный инструмент политики идентичности – «идентичность сопротивления» или концепт «защитной коллективной идентичности»¹¹⁷, отражающий доминирующий выбор политических стратегий. Нестабильность в мировой политике переопределяет как сами политические процессы, так и основания идентичности, трансформирует режимы чувствительности и эмоциональности, определяя как время постполитики, постправды и субъективности.

Интерпретация новизны эмоциональных режимов в политике зависит от фокуса внимания и оптики исследователя: политики идентичности и ресентимента¹¹⁸, «политики страха»¹¹⁹, «политики гнева»¹²⁰ и «цивилизация блефа»¹²¹.

Латур приводит исследование сообщества бабуинов и находит, что защитная коллективная идентичность поддерживается высокой ценой усилий по поддержанию взаимодействия и взаимопомощи обезьян, а было бы проще и дешевле все это получить с материальными объектами. Латур отмечает, что мы в своем социальном поведении «почти» бабуины, но нас отличает наличие вещей, помогающих поддерживать социальные взаимодействия.

Ниже представлена таблица вещей, поддерживающих социальные взаимодействия в разных видах идентичностей (Таблица 2).

Таблица составлена на основе концепции идентичности и ее вещности Г. Л. Тульчинского¹²², реконструированные репрезентации видов идентичности можно выразить в материальных или инкорпорированных вещах акторной сети.

Исходя из этих предпосылок, возможно непротиворечиво рассмотреть городскую идентичность и политику, политики городской идентичности. Политика

¹¹⁶ Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture: The Power of Identity. 2007; Castells M. L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité. Paris: Fayard, 1999.

¹¹⁷ Семененко И. С. Политика идентичности // Идентичность: личность, общество, политика. М.: Весь мир, 2017. С. 649.

¹¹⁸ Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019.

¹¹⁹ Дуткевич П., Казаринова Д. Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 8-21.

¹²⁰ Пустовойт Ю. А. Гнев и эмпатия: формирование идентичности в политических сообществах разных поколений // Развитие территорий. 2020. № 2 (20). С. 36-44.

¹²¹ Капустин Б. Г. Цивилизация блефа // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 82-85.

¹²² Тульчинский Г. Л. Идентичность как проект: Условия политического позиционирования личности // Символическая политика: сборник научных трудов. 2017. Вып. 5. С. 80-97.

городской идентичности Санкт-Петербурга изучается больше всего с точки зрения символической политики: символом идентичности становятся праздники, локации, практики болельщиков спортивных команд¹²³.

Таблица 2 – Материальное подтверждение видов идентичности (Г. Л. Тульчинский)

Идентичность	Репрезентации и вещи
Этническая	Внешний облик, одежда, язык, поведение
Статусная	Документ, свидетельства, телесные признаки
Ролевая	Непрерывность памяти, компетентность, профессионализм
Проектная	Известность и узнаваемость
Post-human	Маркеры свободы и ответственности

Традиционные региональные модели управления и формирования идентичности должны измениться, чтобы соответствовать современным глобальным тенденциям в экономике, культуре и информационном пространстве¹²⁴. Наши исследования также подтверждают снижение уровня лояльности и патриотизма к городу среди молодежи¹²⁵.

Публичные и масштабные мероприятия, проводимые правительством города и другими акторами, участвующими в формировании «праздничной» повестки дня в социокультурной сфере, являются одним из решающих факторов формирования политической и городской идентичности петербуржцев. Положительный результат в деятельности правительства Санкт-Петербурга по организации праздничных

¹²³ Калашникова С. К. Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 4. С. 505-517; Малинова О. Ю., Миллер А. И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. 2021. С. 7-37; Попова О. В. Политика идентичности: отношение петербуржцев к праздничным мероприятиям в городе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 4. С. 37-48.

¹²⁴ Попова О. В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 4. С. 74-91.

¹²⁵ Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices // International Journal of Tourism and Hospitality. 2022. Vol. 2(2). P. 56-69.

мероприятий отмечает исследователь политических установок петербуржцев О. В. Попова, подтверждая результатами исследования ценностей горожан, что определенные социальные группы граждан ощущают положительный эффект праздников на идентичность¹²⁶.

Отличная региональная идентичность развивается в недавно построенных городских районах, которые либо совместно, либо независимо конструировались при участии деловых и государственного секторами. Широкие слои городского населения данных локаций находят удовольствие в повседневных социокультурных ландшафтах, которые влияют на образ жизни, некоторые их ценности и установки.

Не менее 70% площади арендуемых зданий, помещений и территорий должны использоваться для культурной, художественной и образовательной деятельности, согласно концепции развития пространств Санкт-Петербурга. Такие пространства, как «Новая Голландия», «Севкабель Порт», «Голицын Лофт», «Ферма Бенуа» – лишь несколько примеров локаций, которые конструируют географические бренды Санкт-Петербурга после реновации¹²⁷.

С точки зрения психологии, идентификация с местностью и городской культурой снижает тревожность и повышает самооценку, поскольку в объективированных формах городской культуры существует компенсаторный механизм, снижающий тревогу и поддерживающий самооценку¹²⁸.

На фоне жизненных неурядиц, недостаточного финансирования города, неудачного руководства¹²⁹ звучит самоподдержка: «<...> зато мы окно в Европу и культурная столица», «<...> у нас Наследие Российской Империи»¹³⁰. И. Бродский предлагал позицию творческого наблюдателя для жителей культурной столицы:

¹²⁶ Попова О. В. Указ. соч.

¹²⁷ Гигаури Д. И. «Город над вольной Невой»: развитие территории и новая идентичность жителей Санкт-Петербурга // Город. Среда. Политика. Сборник материалов научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2018. С. 62-65.

¹²⁸ См. Горнова, Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. 2019; Dixon J., Durrheim K. Dislocating identity: Desegregation and the transformation of place // Journal of environmental psychology. 2004 Vol. 24(4). P. 455-473.

¹²⁹ Латкин Г. Б., Жаботинский В. В., Алексеева Н. С. Стратегическое управление как инструмент обеспечения устойчивого развития строительных компаний // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. 2018. С. 247-251.

¹³⁰ Цитаты из интервью с жителями города, 2022.

наблюдение за Россией со стороны¹³¹. Предполагается, что культурная и историческая значимость города и первый в России и самый протяженный в мире объект культурного наследия – это уже само по себе дает основания для гордости, а человек, который горд самим фактом своей территориальной отнесенности, не может чувствовать себя уязвленным «неверной» оценкой или критикой условий своего города. Так работает компенсаторный механизм¹³².

Вопросы человеческого существования затрагиваются идентичностью как центральной категорией в кругу мировоззренческих концепций в виде локальной идентичности (городской идентичности), но ответы относятся не только к индивиду, но и к городу и более широкому миру через коммуникацию, среду обитания и поле.¹³³ (Таблица 3).

Таблица 3 – Четыре основных направления политики локальной идентичности

Направление политики	Методы
Символизация пространства	Символы, геральдика
Ритуализация принадлежности к сообществу	Унификация
Формирование представлений о «мы – сообществе»	Дифференциация
Установление границ «свой» – «чужой»	Идентификация группы

Критерии идентичности также связаны с практическими факторами (Таблица 4).

¹³¹ Сосновская А. Концептуализация объекта всемирного наследия юнеско: визуальная репрезентация Санкт-Петербурга поколением Z. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3994923 (дата обращения: 11.01.2021).

¹³² См. Горнова Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания. ООО «Амфора», 2019.

¹³³ См. Евстифеев Р. В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 88-95; Евстифеев Р. В. и др. Городские локальные идентичности и потенциал политической солидаризации // Символическая политика. 2016. № 4. С. 245-258.

Таблица 4 – Критерии идентичности

Критерии	Примеры из интервью респондентов
Фактор места рождения	Родился или приехал учиться
Наличие собственного дома/квартиры	Съемные комнаты, ипотека
Фактор времени проживания в городе	3–5 лет
Фактор широты социальной сети, в которую включен индивид	Знакомые
Фактор субъективной удовлетворенности имеющимися в городе социально-экономическими ресурсами	В центре маленькие магазинчики
Фактор культуры и наследия	Живем в музее

Эмоциональное содержание самоопределения человека по отношению к «своей» группе в целом, к дифференциации «своих» и «чужих», а также групповые ценности, социальные нормы, стереотипы, модели поведения и т.д. определяют городскую идентичность, которая представляет собой социальную (коллективную) идентичность, связанную с причастностью к локальным стабильным социальным группам. Городская идентичность — это социокультурный конструкт, который развивается в процессе социализации и адаптации в конкретном территориальном поселении. Она формируется под влиянием усвоения и воспроизводства культурных символов, принятых норм, традиций и образа жизни жителей данного места¹³⁴.

Идентификация человека с городским сообществом как значимой социальной группой, в отличие от ряда других сообществ, выделяемых по признаку городской принадлежности, оказывается источником его городской идентичности. Городскую идентичность следует признать социальной идентичностью человека,

¹³⁴ См. Федотова Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 3. С. 32–49; Хохрин Е. В., Смольков С. А. Механизмы формирования городской идентичности урбанизированных территорий // Баландинские чтения. 2019. Т. 14. № 1. С. 171–175.

социокультурным конструктом, созданным в результате идентификации человека с конкретным городским сообществом и определяемым знанием, присвоением и воспроизводством символического капитала города, социальных норм и стиля жизни, объединяющего жителей этого города¹³⁵.

Рассмотрим формирование городской идентичности через ее изучение: научное исследование реконструирует существующий дискурс городской идентичности посредством описания, классификации и анализа воспроизводимых респондентами практик и репрезентаций.

Проекты по формированию городской идентичности предполагают не только мероприятия (фестивали, праздники, акции, конкурсы, семинары), но и участие жителей города в обсуждении и решении разнообразных городских проблем. Такие инициативы реализуются на сайтах общественных и других учреждений с определенной направленностью (экологической, правовой, градозащитной); они способствуют повышению гражданской сознательности и вовлеченности на более высоком уровне, что благоприятно сказывается на развитии городской идентичности.

Исследование – один из инструментов создания городской идентичности. С одной стороны, в исследовании городской идентичности часто участвуют жители города, которые оценивают, размышляют и «переживают» проблему идентичности, одновременно актуализируя городские смыслы (создание ментальных карт, эссе и рисунков; методы глубинных интервью; опросы), особенно если результаты исследования становятся доступны жителям города. С другой стороны, изучение городской идентичности требует больших трудозатрат и часто предполагает извлечение символически и ментально укорененных социальных представлений из текстов или индивидуальных мнений, чтобы узнать больше о ее структуре и характеристиках. Для местных элит городская идентичность служит символическим ресурсом города.

¹³⁵ См. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54-59.

Таким образом, городская идентичность – это социокультурный конструкт, который развивается в процессе социализации и адаптации индивида в конкретном месте. Она определяется знанием, присвоением и воспроизводством символического капитала города, социальных норм, практик и образа жизни, объединяющих жителей города. Исследования являются одним из инструментов создания городской идентичности, символического ресурса города.

1.4. Дискурсивное конструирование политической социализации в СМИ

В социологических и политических исследованиях идентичность рассматривается как гибкий, условный и социально обусловленный конструкт. Социологи и социальные психологи акцентируют внимание на том, как люди сами себя создают и как формируют предпочтения; люди не просто наследуют свое поведение, черты и убеждения, они их выбирают. Нормализующий дискурс, рекомендуемый социально приемлемое поведение, предлагает репертуар практик для выбора. Показ девинатности в СМИ служит для легитимизации дискурса как стандарта, по которому все измеряется, и для укрепления уже существующего социального порядка.

Политолог Дж. Карлсон в своем исследовании «Телевизионное развлечение и политическая социализация» показывает, как сообщения массовой коммуникации укрепляют политические установки и ценности. Исследователь рассматривает телевизионные развлечения и показ преступлений по телевидению. Ссылаясь на теоретика в области коммуникации Дж. Гербнера, он пишет, что первичной функцией культурных средств становится легитимация и поддержание власти: «Сказки и другие драматические научающие истории всегда способствуют укреплению установленного порядка. Их содержание утверждает идею, что нарушение сложившихся в обществе правил повлечет за собой неотвратимое наказание. Указание на важность существующего порядка всегда имплицитно

присутствует в таких повествованиях»¹³⁶. Телевизионное развлечение играет такую роль сказок и «обучающих историй, направленных на поддержание политической системы»¹³⁷.

Изучение политической социализации – процесс, эффектом и результатом которого является политическая идентичность, – базируется на двух основных принципах: «принцип первичности», в соответствии с которым лучше всего научаются тому, чему научаются первому, и «структурирующий принцип», говорящий о том, что первичное научение структурирует последующее научение¹³⁸. Помимо семьи и школы, СМИ также являются агентами первичной, самой главной социализации.

По результатам анализа со студентами в рамках СНО статьи Дж. Карлсона¹³⁹, было принято решение провести опрос среди первокурсников направления связей с общественностью и журналистики, задавая вопросы о том, когда они впервые задумались о политике и устройстве общества, и какие СМИ или другие источники информации этому поспособствовали, – или, пользуясь словами Латура, какие плагины помогли загрузить в личность первичные политические ценности.

Мы обнаружили, что в первую очередь телевизионный и Интернет-видео развлекательный контент повлиял на политическую социализацию, восприятие порядка и гегемонии общества наших респондентов, молодежи поколения Z: после просмотра сериалов с показом насилия респонденты скорее задумываются о политической системе, об отношениях в обществе, о работе телевидения и особенностях построения сценария. Телевидение – это способ показать мир, связи в нем, а как на это реагировать – варьируется от ответа к ответу. Молодежь смотрит телевидение, узнает о правилах функционирования в обществе, осознает влияние на свои социальные и политические практики, имитирует поведение героев сериалов, веря часто, что наглядное представление – правдиво, возможно, и имплицитно впитывает доминирующий дискурс».

¹³⁶ Carlson J. Television entertainment and political socialization // Vermeer Jan. P. In "Media" Res: Readings in Mass Media and American Politics. NY: McGrawHill, Inc. 1995. P. 47-55.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ См. Выготский Л. С. Умственное развитие детей в процессе обучения. Рипол Классик, 2013.

¹³⁹ Carlson J. Television entertainment and political socialization. P. 47-55.

1.4.1. Границы влияния СМИ на формирование идентичности молодежи поколения Z

На примере одного из регулярных эмпирических исследований мнений студентов первого курса СЗИУ РАНХиГС (n=128) было обнаружено влияние развлекательного контента на политическую социализацию, восприятие порядка и гегемонии общества¹⁴⁰. Был раскрыт контекст заявленных ответов, показывающий настроения, ценности и предпочтения различных по форме и содержанию средств массовой информации молодежью поколения Z.

Для анализа политической социализации, предпочтений, ценностей, исследования популярности различных средств массовой информации и массовой коммуникации студентов первого курса был специально разработан опросник «Влияние телевидения на социализацию». Формулирование вопросов производилось по пяти основным критериям: время просмотра телевидения, предпочитаемые программы, рефлексия о первичной социализации, проблема доверия и избирательности в отношении информации, психологическое влияние показов сцен насилия.

Исследование проходило в два этапа: на первом этапе исследования была составлена и распространена анкета в *Google* для первокурсников. На втором этапе анализировались ответы: что влияет на социализацию и какое значение имеет телевидение в этом процессе. Был использован социологический метод опроса. Онлайн-опросник был распространен на первом курсе, но также оставался открытым и общедоступным в сети. Социально-демографические характеристики были собраны благодаря следующим графам опросника: пол; возраст; социальный статус. В процессе анализа ответы были распределены по двум возрастным группам: студенты и другие.

Дж. Карлсон рассматривал влияние развлекательных каналов, так как они наиболее популярны и занимают большую часть эфирного времени. Наш опрос это

¹⁴⁰ Galdeeva M., Sosnovskaya A. Влияние телевидения на социализацию молодежи поколения Z (The Impact of Television on Socialization Generation Z' Youth) (December 8, 2020). Available at SSRN: 3744948.

подтвердил – 80% опрошенных предпочитают именно развлекательный контент. Новости смотрят только 33,3%. Молодая аудитория читает новости в Интернете – больше половины опрошенных это подтвердили. Респонденты ответили на вопрос о любимой передаче. Далее воспроизводятся слова респондентов. Были названы следующие передачи: «Орел и решка», «Бой с герлс», «Вечерний Ургант», «Мужское/Женское», «Импровизация», «Воронины», «Сверхъестественное». В топе оказались: «Первый канал», «Пятница» и «СТС».

Чему учит контент передач?

Телепередача «Орел и решка» развивает аудиторию в области географии, знакомит с новой культурой. Также они используют метод игры «бедный–богатый», чем привлекают аудиторию, развлекают, удерживают интерес, учат выживанию. С каждой новой серией познания в географии увеличиваются. Стоит отметить обучение навыку коммуникации. Ведущие часто обращаются к местным жителям, так, на их примере, можно научиться действовать в схожих ситуациях.

«Импровизация» развивает навык логики, коммуникации и нестандартного мышления. Участники быстро придумывают, как им действовать в новой необычной ситуации. «Вечерний Ургант» развивает у аудитории навык коммуникации. Иван встречает звездных гостей и общается с ними на протяжении всей телепередачи. У него можно научиться, как строить диалог и располагать к себе людей, как весело и остроумно выходить из неловких ситуаций.

«Бой с герлс» – передача о женско-мужских отношениях, о конкуренции, соревновании и коммуникации.

«Мужское/Женское» дает понимание разных связей и отношений между людьми, какие бывают ситуации в жизни.

«Воронины», «Сверхъестественное» и другие сериалы – это то, что сейчас любят смотреть, чтобы расслабиться, это простые предсказуемые житейские сценарии.

В какой-то момент был популярен сериал «Игра престолов», где неоднократно присутствовали сцены насилия. Сериал был завязан на борьбе за трон, то есть конкуренции, и связях между людьми.

Вторая часть исследования была посвящена теме Дж. Карлсона о политической социализации и связана с показом насилия в телевизионных программах. Больше половины респондентов (53,3%) смотрят такие программы, и тема их интересует. *«Следствие вели...», «След», «Пусть говорят», сериал «Отец Браун» – в каждой встречается насилие в разных формах. Есть даже отдельный канал ID, на котором показывают расследования реальных убийств.*

Как подобные сюжеты отражаются на аудитории?

Показ насилия отражает проблемы общества и наглядно воссоздает действия людей. Из таких передач можно вынести опосредованный опыт сложных ситуаций и сравнить с реальной жизнью. Следует разделять реальность телевидения и реальность реальности.

Дж. Карлсон отмечает в статье, что программы, содержащие насилие, вызывают у людей чувство тревожности, поскольку «окружающий мир является чрезвычайно опасным, где каждый может стать жертвой агрессии в любое время»¹⁴¹. Ответы проведенного опроса молодежи подтвердили теорию Дж. Карлсона, студенты ответили, что в результате просмотров повышается тревожность и страх за свою жизнь. Стало очевидно, что молодежь мало доверяет телевизионному контенту, то есть респонденты думают, что события всегда преувеличиваются и утрируются, однако некоторые ответили, что 100% верят в то, что показываемое – это реально. Другие респонденты отметили, что они верят в зависимости от программы, то есть изменяют установки, узнав, какая именно программа идет: *«где-то действительно раздувают факты, и из-за этого реальность искажается».*

Только 46,67% респондентов ответили, что их уровень тревожности после просмотра программ с насилием не увеличивался, соответственно, больше половины испытывает тревогу и страх за жизнь. Важным для исследования

¹⁴¹ Там же.

социализации молодежи является вопрос: когда респонденты осознали свой интерес к обществу.

Из опроса следует, что средний возраст понимания наличия порядка в обществе и зарождения интереса к социальным вопросам – это примерно 14 лет. В школьном возрасте человек начинает думать о том, как же устроена социальная система. Основными источниками информации при первичной политической социализации были названы телевидение и Интернет. Почти 70% ответили, что редко смотрят телевидение, но это не исключает его влияние, остальные 30% смотрят ТВ каждый день.

Отвечая на вопрос, как телевидение влияет на социализацию, респонденты ответили, что в детстве перенимали модель поведения героев фильмов, сериалов, мультфильмов и таким образом знакомились с моделью поведения в обществе. Это способ имитации поведения, который оказывается дискурсивным оправданием текущего поведения. Следует подчеркнуть различие дискурса о себе и реальной социализации, вторичного дискурса.

«Первичный дискурс индивида, – отмечает Ю. В. Клюев, – как правило, не публичен, это своеобразная внутренняя интеллектуальная, нравственная, духовная среда обитания человека. Вторичный дискурс, напротив, связан с публичной сферой, выражается в реализации в социуме материальных и духовных потребностей личности. Категория социального, включенного в общественную жизнь возникает и поддерживается за счет речевой включенности индивида в сообщения средств коммуникации, участия человека в процессе социализации, общественно-политическим ресурсом которой являются масс-медиа. Человек становится личностью благодаря его перманентному пребыванию и функционированию в дискурсе публичного общественного взаимодействия»¹⁴².

И. Н. Блохин определяет социализацию как умение выбирать социальные роли, и относит к непланируемым долгосрочным эффектам в типологии Д. Макквейла¹⁴³, когда действительность меняется на основе оценки,

¹⁴² Клюев Ю. В. Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы). С. 207.

¹⁴³ McQuail D. Mass communication theory: An introduction. Sage Publications, Inc, 1987. P. 336-337.

содержащейся в тексте медиа-сообщения, которая соотносится с разделяемыми ценностями¹⁴⁴.

Также мы отметили интерес респондентов к новостям: «...благодаря новостям мы видим, что происходит в мире и начинаем разбираться в политических и экономических системах». И. Н. Блохин категорию интереса к медиаконтенту относит к непланируемым краткосрочным эффектам СМИ и соотносит с социализацией, выбором социальной роли: «Интерес возникает либо как реакция на медиапредложение, либо как целенаправленное действие в направлении определенных (интересных) знаний и информации. У потребителя в случае возникновения интереса появляется новая социальная роль – происходит идентификация (“вживание” Бахтина)»¹⁴⁵. Основной задачей журналистики в сфере массовой коммуникации, по Блохину, является стимулирование социальных identifications.

Респонденты предпочитают развлекательный контент, включая развлекательную функцию новостей. Дж. Карлсон рассматривает развлекательный контент телевидения, в котором имплицитно содержатся правила общества, как важную часть социализации. Он отмечает также, что телевидение «показом преступности и правосудия существенно отличается от “реальной” реальности».

Те ситуации, которые нам представляют как возможные, некоторыми могут восприниматься как настоящие. Оказываемое влияние зависит от восприятия и степени сознательного отношения к контенту каждого человека. Некоторые более восприимчивы к таким сценам и слишком наивны. Постоянный просмотр может вызывать страх за жизнь, и, конечно же, это отражается на психике, вызывает тревожность и недоверие.

В 2022 году молодежи поколения Z в двух студенческих группах (n=60) было предложено вспомнить первый мультфильм, который повлиял на их социальную идентичность и стал структурирующим принципом социальных практик. По

¹⁴⁴ Блохин И. Н. Личность в пространстве массовой коммуникации: начала ролевого анализа. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Сциентиа», 2016. С. 333.

¹⁴⁵ Там же. С. 333.

результатам состоялось выступление и обсуждение на конференции в рамках работы секции. Для данного исследования была составлена таблица 5.

Таблица 5 – Ценности социальной идентификации, инкорпорированные из мультфильмов

Ценность / мультфильм	Дружба, отношения	Уважение старших, слушать собеседника	Смелость, Самостоятельность, умение мечтать	Семья, сплоченность
	«Смешарики» «Черный плащ» «Приключения кота Леопольда» «Скуби-Ду»	«Нехочуха» «Приключения пингвиненка Лоло» «Лунтик» «Малыш и Карлсон»	«Простоквашино» «Смешарики» «Том и Джерри» «Чип и Дейл» «Ну, погоди!» «Приключения кота Леопольда» «Дядя Степа» «Ежик в Тумане» «Котенок Гав»	«101 далматинец», «Корпорация монстров», «Ледниковый период»

Эти и другие мультфильмы апеллируют к ценностям и воспроизводят социально-конструктивный смысл, который влияет на дискурсивное самооправдание.

Сам факт существования телевидения, радио, газет, интернета и других СМИ, независимо от передаваемой ими информации, оказывает значительное и непредсказуемое влияние на развитие человека и общества. Однако, поскольку исследователей в основном интересует содержание передаваемых сообщений, это влияние остается незамеченным и плохо изученным.

Маршал Маклюэн первым показал решающее влияние материального субстрата СМИ на тип производимого контента. Вопросы ученого по поводу средств коммуникации открывают его философское видение мира:

«Что данное рассматриваемое средство расширяет?

Какую естественную функцию человека это средство вытесняет, отменяет?

Что это средство поможет нам найти в прошлом из утерянного?

Когда это средство исчерпает свои возможности, как это отразится на вас?»¹⁴⁶

Интересно, что многие студенты запоминали журналы и другие средства коммуникации по материальным объектам: коллекции карточек журнала «Человек-паук» и участие в паблике ВК по их коллекционированию; коллекции выпусков журналов «Все звезды», «Сказочник», коллекция шахматных фигур из журналов о Гарри Поттере.

Данные материальные объекты расширяли видение социума для подрастающего поколения, осуществляя первичную функцию социальной идентификации. Многие респонденты сохранили свои коллекции и воспоминания как понимание работы бессознательной структуры опыта и коммуникации. Эти артефакты исчерпали свою ценность и функции как акторы, поскольку на смену пришли виртуальные и более комплексные их заменители, но остались первичной схемой структурирования опыта и восприятия.

В гештальт теории есть схема анализа коммуникации, результатом которой становится прирост идентичности. Воспользуемся этой схемой для нашего анализа. Для этого необходимо рассмотреть контекст гештальт-терапии, чтобы затем осуществить экстраполяцию метода на текст и коммуникацию.

1.5. Определение процесса гештальт-анализа в психотерапии как источник концептуальной модели конструирования идентичности

Основой концептуальной модели, разрабатываемой нами для анализа дискурсивной и сетевой идентичности, является психотерапевтическая модель

¹⁴⁶ Сосновская А. М. Деловая коммуникация и переговоры: учеб. пособие. СПб., 2011. С. 11-12.

гештальт-терапии «цикл контакта»¹⁴⁷. Согласно гештальт-терапии, идентичность конструируется в процессе контакта со средой по этапам, а если контакт со средой затруднен, то он может быть оптимизирован в ситуации психотерапии, которую можно рассмотреть как тренажер социальной жизни¹⁴⁸. По этапам цикла контакта можно реконструировать идентичность в текстах: в текстах СМИ, социальных сетей, кино¹⁴⁹, искусства, в процессе восприятия архитектуры¹⁵⁰.

Индоевропейский корень «swer», «ser» или «wer» означает «обращать внимание» или «быть внимательным», и когда французские гештальт-терапевты, супруги Гингеры, изучают этимологию слова «терапевт», их исследование приводит их к слову «слуга». Таким образом, слуга в присутствии своего господина (клиента) не теряет бдительности, его характеризует awareness, осознание. Это основное профессиональное качество гештальт-терапевта, суть терапевтического отношения. Наблюдение за видимыми проявлениями господина — это задача слуги, и это очевидно из самого слова «наблюдать»: блюсти — следить, присматривать за кем-нибудь, ob-server.

Также Гингеры приходят к значимому выводу по поводу позиции терапевта в паре клиент/терапевт: «слова “терапия” и “исцеление” связаны не с понятием болезни, а с понятиями служения, бдительности, осознания, awareness; значит, “терапевт” — это не тот, кто обладает властью над другими, а тот, кто находится во власти другого, его “слуга”»¹⁵¹.

Отличие позиции психоаналитика (на месте Другого и знающего) и терапевта (незнающего, но сопровождающего, присутствующего, осознающего) налицо, хотя переносные отношения в длительной терапии также возможны и иногда неизбежны даже из этой позиции. Фокусируясь на сознательном использовании своего

¹⁴⁷ Гингер С. Практическое пособие для психотерапевтов. М.: Академический Проект, 2014; Демидова Т. А. Цикл контакта в гештальт терапии // Таврический журнал психиатрии. 2015. Т. 19, № 1(70). С. 46-54.

¹⁴⁸ Рягузова Е. В. Виды и функции границ в психологических исследованиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, № 1. С. 89-94; Рягузова Е. В. Социокультурные коды и психологические границы соседства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. № 17 (1). С. 89-94.

¹⁴⁹ Салахияева-Талал Т. Психология в кино: создание героев и историй. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

¹⁵⁰ Янин К. Д. Воспроизведение цикла контакта в условиях архитектурного пространства современного мегаполиса // Кубанские исторические чтения: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2015. С. 184-189.

¹⁵¹ Смелянский А. Е., Сосновская А. М. Видимое и невидимое в психотерапии // Лаканалия. 2011. № 6. С. 19-25.

собственного контрпереноса и поддерживая постоянное осознание всех телесных ощущений и эмоций, возникающих в ответ на вербальное поведение и невербальные движения клиента, гештальт-терапевт стремится уменьшить перенос клиента.

Работа с отношениями не является сутью гештальт-терапии. Однако техники телесной и эмоциональной мобилизации, а также техника *waking dreams*, грезы наяву, позволяют быстро вывести на поверхность часть инфантильного невротического материала.

Клиент имплицитно навязывает правила первоначальных субъект-объектных отношений, которые терапевт соблюдает. Определение этих ролей на практике прямо противоположно тому, как изначально использовалось слово «субъект» (от латинского *subjectus*): «субъект» буквально означает подлежащий, подчиненное (в отличие от «объекта», который «выдвигается», «выставляется напоказ»). Цель терапии отношений заключается в идеи субъект-субъектных отношений.

Терапевт максимально использует свою чувствительность к процессу, а также следит и за контентом по мере сил, на время терапии отложив в сторону свою жизненную историю. Важно, что в гештальт-терапии для клиента фигурой (то есть объектом внимания) является содержание (что и почему происходит в интересующем его топике), а фоном – процесс (как все происходит в рассказе, и как он об этом рассказывает). Для терапевта же, напротив, главная фигура внимания – это процесс клиента (как клиент рассказывает, в каком месте истории он особенно волнуется, где поднимается или спадает энергия), а содержание – это фон, на втором плане.

Терапевт на этот час сеанса полностью настроен на клиента – он внимателен к происходящим изменениям. Сама работа в этот момент происходит на так называемой границе. Речь идет о пространстве реагирования между двумя людьми, с одной стороны, и границе скользящего внимания терапевта, с другой. Следует подчеркнуть, что на границу контакта, границу внимания и восприятия клиент выносит свое содержание согласно своей осознаваемой или не осознаваемой логике, а также выносит то, что он сам про себя не знает, но что доступно

восприятию со стороны. Терапевт не добавляет ничего нового на границу контакта, а уточняет видимое и слышимое, доводит до понимания клиентом. Так он реализует функцию наблюдателя. Но в то же время он и агент происходящего, участник коммуникации.

У гештальт-терапевта есть четыре принципа работы в диалоге с клиентом: присутствие, приверженность, включенность и самораскрытие. Это сложная позиция – быть участником и наблюдателем, и в то же самое время фасилитатором процесса. В гештальт-терапии часто обращаются к концепции организм/среда, чтобы показать, что организм существует постоянно в среде, – организм меняется в процессе приспособления к изменениям среды.

Задача терапевта быть средой для клиента – чувствовать и понимать, как тот обычно взаимодействует со средой вообще, реализуя свой ограниченный, нерелевантный репертуар практик, – неадекватность и фиксированность форм поведения и реагирования заставляет обращаться к терапии, – а также предлагать эксперименты, расширять осознание ситуации, осуществлять подкрепление творческого приспособления.

Поведение может быть определено как функция, которая зависит одновременно от личности и от среды. В гештальт-терапии выделяют определенные операции и этапы взаимодействия организма и среды, которые в общем виде можно представить как движения дифференциации (разделения Я и не-Я) и интеграции (полученного опыта и обогащения Я за счет не-Я). Именно эти операции гештальт-терапия подразумевает под термином «контакт».

Таким образом, точка видения терапевта постоянно меняется: то происходящее рассматривается с единственной феноменологической ссылкой на себя (есть только мое восприятие), то конструируется в диалоге, то соответствует чему-то третьему ускользающему так называемой «оно-ситуации».

Мерло-Понти пишет о связи, которое тело поддерживает с миром, в особенности перцептивным актом и подвижностью, и которое заставляет появляться смыслу¹⁵². Желания, импульсы, аппетиты (оно-ситуации) могут

¹⁵² Власова О. А., М. Мерло-Понти и Л. Бинсвангер: феноменология опыта // Хора. 2008. № 3. С. 21.

существовать, только если они переживаются телесно под видом ощущений, которые понемногу становятся направлением смысла¹⁵³. Оно-ситуации диктуют свои условия участникам, возбуждают потребности. Потребность возникает между людьми, а не отдельный человек ищет, как бы реализовать свою одинокую потребность (человек как «существо, брошенное в этот мир и соединенное с ним чем-то вроде природной связи», связанное взаимовлиянием со всеми другими элементами поля)¹⁵⁴.

Смысл гештальт-терапии – в полном постоянном внимании к телесным переживаниям. Телесное переживание – это особая культивируемая форма опыта, а также это сам гештальт, который требует проживания и завершения. Желательное тело, обладающее потребностью – основа гештальт-терапии. Тело непременно участвует в любом конструировании гештальта. Не только сны, но также и тело является королевским путем к невыразимому и ускользающему во взаимодействии, к ситуации. Фрейд употреблял выражение «королевская дорога» для описания сна, как доступа к бессознательному, Ж.-М. Робин употребляет это выражение, говоря, что тело – «королевская дорога» к бессознательному, к интенциональности, и что необходимо «еще внимательнее относиться к телу, в особенности к телесным ощущениям (проприцепциям), восприятию и двигательной активности»¹⁵⁵. Телесный опыт рассматривается и как производитель ситуации посредством желания удовлетворить потребность, так и как продукт ситуации, детерминированный интенциональностью и аффордансами вещей¹⁵⁶. В этом смысле гештальт-терапия придерживается принципа современности: анализируются телесные и иные проявления в ситуации «здесь и сейчас». Размещение в пространстве относительно других тел и вещей, обхождение с той или иной вещью (например, с деньгами при оплате сеанса) — все это, а также любая

¹⁵³ Дюметц Ж., Сосновская А. М. Кросс-культурная коммуникация // Управленческое консультирование. 2013. № 8 (56). С. 83-90.

¹⁵⁴ Sosnovskaya A. Феноменология музейной коммуникации (гештальт анализ выставки музея Гараж, Москва, май 2021) // SSRN. 2021. 3993755.

¹⁵⁵ Робин Ж. Фигуры гештальта // Консультативная психология и психотерапия. 1994. Т. 3, № 3.

¹⁵⁶ Хахалова А. А. Модель аффордиальной схемы коммуникативного процесса // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2016. Т. 21. С. 138-150; Дзялошинский И. М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций. 2020.

другая интенциональность вещей (вещи, попадающие в пространство внимания, «хотят» быть использованными определенным образом) рассматриваются терапевтом как вопрос для клиента и/или как ответ в текущей терапевтической ситуации.

В терапевтической ситуации имплицитно, в фантазии клиента, может присутствовать другой человек, чьи характеристики явно или неявно спроецированы на терапевта. Терапевт может поискать этого персонажа в эксперименте «как будто», задав вопросы: в чьем присутствии вы переживаете такое чувство, кому оно адресовано, к кому вы обращаетесь, когда обращаетесь ко мне, для кого звучит ваша речь. В работе с проекциями речь звучит всегда по поводу отношений терапевта и клиента «здесь и сейчас», даже если речь идет о «там и тогда». Таким образом, все, что говорится, — это интерфейс для описания отношений между клиентом и терапевтом. Например, клиент привносит содержание, а терапевт может уточнить интенцию текущего момента: «что ты делаешь еще, когда рассказываешь это?» (ищу поддержки, хвастаюсь, злюсь); «обрати внимание, что ты хочешь рассказать это именно мне и именно сейчас, что ты хочешь мне этим сказать?»¹⁵⁷. Если клиенту и терапевту удастся справиться с проекциями и другими срывами контакта, пережить ситуацию телесно, они могут подступиться к имплицитному, поймать ускользающее. Этот момент вызывает удовлетворение, дает свежее ощущение новизны.

В самосупервизии же, после терапии, терапевт обращается к своим телесным ощущениям и припоминает подобные переживания в своем опыте, а также записывает по памяти ход терапии и определяет свою роль: в какой роли он был по отношению к клиенту и какими способами клиент конструирует (навязывает) эту роль (например, своей пассивностью, вежливостью и скукой клиент может ожидать поддержки или особого внимания со стороны терапевта).

¹⁵⁷ См. Зубова Е. П., Кириллова Е. И. Научная рефлексия контакта между терапевтом и клиентом с помощью речевых интенций: двустороннее движение от практики гештальт-терапии к гештальт-психологии // Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 9. С. 6-13; Олифинович Н. И. Стратегия, тактика и фокусировка в работе гештальт-терапевта // Журнал практической психологии и психоанализа. 2014. № 2. С. 2; Погодин И. А. Особенности психотерапии в эпоху постмодерна: процессуальный характер // Консультативная психология и психотерапия. 2008. Т. 16, № 4. С. 179-192.

Некоторые психотерапевты не работают без запроса и не могут работать без постоянно звучащей речи. Полагаю, что именно гештальт является той особой областью, где можно сделать ставку на проявляющееся бытие без вербального содержания, учитывая только видимое и переживаемое. Переживаемые клиентом чувства в присутствии другого человека, внимательного и эмпатичного, находят свое завершение. Минимальные невербальные интервенции и реакции приводят к хорошим результатам. Иногда создается такое пространство терапии, где клиент, испытывая доверие к терапевту, может следовать естественному, неспешному, ничем не стимулируемому течению своей жизни: следить за дыханием и напряжениями в теле, осуществлять спонтанные манипуляции и движения.

Пространство психотерапии на час освобождено от требований социума, когда разрешено не ставить цели, ни к чему не стремиться, ничего особенного не хотеть. Я расцениваю такую работу как своеобразный политический акт освобождения и эмансипации. Человек понимает, помимо всего прочего, что он может быть свободен от навязываемых потребления, желаний, скорости и наслаждения¹⁵⁸. То, что человек приносит на границу контакта в психотерапии, – всего лишь верхушка айсберга. Ему кажется, что он контролирует свои послания миру. Однако, вслед за Св. Августином можно утверждать, что мы не знаем, что мы знаем. Что-то в нас обладает дополнительными данными и говорит само за себя. Другой может считывать дополнительную информацию о нас. Чтобы узнать больше о себе, нужен другой человек.

Как по Э. Гуссерлю, сознание есть сознание всегда «чего-то», так и контакт есть только «посредством чего-то»¹⁵⁹. Модальности контакта многочисленны: видеть, слушать, касаться, чувствовать, пробовать, вспоминать, думать, представлять, писать, говорить, предвосхищать, мечтать. Гештальт-терапевты в своей практике обращают особое внимание на специфические способы контакта: конфлюэнция, интроекция, проекция, ретрофлексия, которые могут быть формами

¹⁵⁸ Вайсман Д. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. Litres, 2022; Бертон Л., Мелкумова-Рейнольдс Я. «Моя нога-гигантская шпилька»: мода и протезированное тело // Теория моды: одежда, тело, культура. 2021. № 2. С. 197-222.

¹⁵⁹ Кучинский Г. М. Феноменологическая психология Э. Гуссерля. 2010.

сопротивления контакту. Существенно, что понятие «контакт» не тождественно понятию «отношение», так как важна осознанность, внимательность к самому процессу контактирования со средой. О любом опыте можно думать, как об интрапсихическом, в то время как гештальт-терапия его делокализует в качестве опыта границы-контакта, то есть опыт нового происходит во время контактирования со средой.

Например, на приеме у психолога пациент описывает свою жизнь в терминах виновности, стыда, гнева, ненависти, отказа, отклонения, конфликта – и все это рассматривается как характеристики его психики, в то время как в гештальт-терапии эти переживания могут быть рассмотрены как опыт контакта, дифференциации и интеграции. Начиная с опыта, прожитого в контакте, пациент может ассимилировать элементы и, тем самым, трансформировать содержание и организацию своей психики.

В гештальт-терапии мыслящий субъект появляется и исчезает, а на его место приходит субъект, воспринимающий и чувствующий. Мыслящий субъект появляется на этапе ассимиляции и интеграции опыта. Здесь формируется временная фиксированная идентичность: кто я после этого опыта? Я человек, который... далее идентичность рассыпается для того, чтобы человек проверил ее в новом опыте.

Все, что происходит здесь и сейчас, – это уникальный момент движения жизни, который не повторится. Восприятие всегда незавершенное, так как объекты и субъекты динамичны и постоянно изменяются. В этом бурлящем потоке жизни мы можем фокусироваться на разных аспектах, выхватывать видимое, осознавать свое телесное восприятие, уточнять смысл и завершать гештальт. Можно представить гештальты как фиксированные островки в бурной речке жизни. Такой ракурс рассмотрения гештальт-терапии позволяет отнести ее к искусству и творческой практике. Схему гештальт-анализа, эффектом которого является прирост идентичности, можно рассмотреть и на примере контакта с информацией, получаемой из разных текстов.

1.5.1. Контакт аудитории с текстом

Общество остро нуждается в информации. Для тех, кто пытается сориентироваться в неопределенной ситуации, медиадискурс предлагает ежедневное конструирование реальности. Тревога и ощущение хаоса происходящего, как правило, снижаются благодаря единообразным формам и жанрам, структурным элементам повторяющейся медиаконструкции. Медиа, как интерпретаторы, структурируют и интерпретируют происходящее, придают событиям смысл, устанавливают причинно-следственные связи и включают событие в культуру.

Теоретики журналистики тщательно изучили процессы, связанные с созданием журналистских произведений, от идеи до исполнения. С точки зрения репрезентации и конструирования общества средствами массовой информации, культурное воспроизводство и, следовательно, социальная стабильность обеспечиваются повторяемостью, шаблонностью и рекурсивностью журналистского творчества.

Несколько этапов, быстро сменяющих друг друга, составляют цикл контакта. Динамика формирования гештальта, или фигуры из фона, а также его последующее разрушение представлены в цикле контакта.

Рассмотрим цикл контакта, связанный с циркуляцией энергии интереса к медиа¹⁶⁰. «Традиционно выделяют четыре основных стадии цикла контакта и связанные с ними прерывания контакта.

1) Преконтакт (forcontact) представляет собой дифференцирование фона и выделение фигуры. Задача этапа – ориентация в среде и ощущениях, потребностях организма. Просмотр медиа удовлетворяет потребность в ориентировании, безопасности, восполняет состояние незнания.

2) Контактное взаимодействие (contacting). На этой стадии потребность уже выделена, и организм начинает действовать. Происходит развитие фигуры, увеличение

¹⁶⁰ См. Сосновская А. М. Прикладной аспект семиотики медиатекстов // Управленческое консультирование. 2014. № 2 (62). С. 131-143.

возбуждения, опустошение фона. Эта стадия отождествления и отчуждения Эго с различными аспектами фигуры, что сопровождается эмоциями: приятными – влечение, интерес, или неприятными – нетерпение, раздражение, отвержение. Напряжение на границе контакта велико, поэтому контактинг либо теряет энергию и затягивается, либо переходит на следующие стадии. Наш читатель выискивает подходящую информацию и не находит исчерпывающего ответа – он недоволен и встревожен, но вот находит созвучный его ценностям и установкам материал, и погружается в чтение¹⁶¹.

3) Финальный контакт (full-contact) – концентрация, слияние и идентификация с фигурой, максимум возбуждения. Достигается полное осознание (awareness) процесса. Организм полностью идентифицирует себя с фигурой, что является естественным, необходимым слиянием. Возбуждение на границе контакта разряжается, потребность удовлетворяется. Наш читатель «слился» с текстом, как бы живет в тексте, вовлечен и захвачен, осуществляет мысленный эксперимент, переживает опыт.

4) Постконтакт (postcontact). Фигура теряет энергию, разрушается и уходит в фон. Возбуждение падает, и граница контакта либо исчезает, либо теряет смысл. Главная задача – ассимиляция опыта и его интеграция. Происходит интеграция нового опыта в общую идентичность организма. Личность представляет собой продукт интеграции опыта многих своих контактов и воспроизводящихся, реконструирующихся в результате этих контактов идентичностей.

5) Состояние равновесия, покоя. Читатель формулирует выводы, соотносит их со своей картиной мира. Прерывание на этапе постконтакта — это девальвация или обесценивание – произвольное вмешательство и препятствие ассимиляции нового опыта»¹⁶². «В оптике гештальтпсихологии контакт личности со средой прерывается здесь на стадии постконтакта, главная задача которой

¹⁶¹ Склонность к подтверждению – когнитивное искажение, когда человек воспринимает, интерпретирует и запоминает информацию, подтверждающую исключительно его убеждения. Малюкова О. В. Современная аргументация: в плену у фейков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4, № 4. С. 52-59.

¹⁶² Сосновская А. М. Прикладной аспект семиотики медиатекстов // Управленческое консультирование. 2014. № 2 (62). С. 131-143.

состоит в ассимиляции опыта и его интеграции в систему личностной идентичности, которая, в свою очередь, формируется в результате консолидации опыта в процессе многочисленных социальных взаимодействий. Прерывание контакта на этом этапе приводит к девальдации (обесцениванию), препятствующему продуктивной ассимиляции личностью нового опыта»¹⁶³. Когда цикл контакта завершает все свои стадии, наступает пауза и ощущение пустоты, прежде чем энергия начинает накапливаться и появляется следующая потребность.

Каждый раз, когда автор текста или копирайтер пишет что-то, он или она представляет себе читателя в своем воображении. Автор должен написать максимально точный и понятный текст, предвидеть возможные заминки в контакте читателя с текстом и писать так, чтобы «продвинуть» читателя через цикл контакта с текстом для его пользы, завершить гештальт и способствовать психологическому удовлетворению и личностному развитию. Специалист по СМИ, будь то журналист или копирайтер, должен учитывать уникальные психологические особенности контакта с текстом и разрабатывать компенсаторные стратегии для преодоления так называемых срывов, неудач в контакте¹⁶⁴. Автор текста и аналитик могут обсудить, как передать настроение и чувства, а также как восполнить все или некоторые срывы в контакте с текстом. Перечислим известные срывы контакта в гештальт-терапии¹⁶⁵: «Некоторые люди никогда не могут достигать пункта отдыха. Здесь можно как бы притормозить бегущего, расслабить, начать с легкого и ненавязчивого топика. Хорошо поговорить об ощущениях тела, об окружающей обстановке.

Некоторые люди не знают о своих потребностях. Можно указать потребности, желания, надежды, символически удовлетворяемые в тексте, обозначить потребности и требования среды.

¹⁶³ Рудницкая С. Ю. Структурно-процессуальная модель нарративного конструирования опыта личности // *Actual problems of psychology*. 2021. № 13. С. 14; См. также: Погодин И. А. Классическая концепция цикла контакта в методологии гештальт-терапии // *Журнал практической психологии и психоанализа*. 2011. № 2. С. 2; Погодин И. А. Контакт в психотерапии: инновации диалогово-феноменологического подхода // *Журнал практической психологии и психоанализа*. 2014. № 1. С. 2.

¹⁶⁴ См. Сосновская А. Психология идентичности журналиста. Монография. 2-е изд. Юрайт, 2019.

¹⁶⁵ См. Ласая Е. В. Восстановление способностей: гештальт-подход в психотерапии депрессии // *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология*. 2011. № 1. С. 111-117; Иванова Е. Л. В фокусе внимания психотерапевта и клиента – взаимопонимание // *Russian Psychotherapy and Psychology*. 2020. С. 60; Городнова М. Ю., Коломиец И. Л. Гештальт-терапия: феноменологический подход в лечении пограничного опыта у подростков // *Главный редактор*. 2016. Т. 16, № 3. С. 63.

Некоторые люди не могут мобилизовать энергию. Известно, что энергитизируют простые и ясные решения и действия. Недаром именно СМИ – инструмент мобилизации масс. Журналист всегда знает, к чему призывает текст.

Некоторые люди не могут сделать выбор между альтернативами. Можно поразмышлять над альтернативами в амбивалентном тексте, подтолкнуть к выбору, часто выбор делается от противного.

Некоторые люди не могут ничего полностью испытать сами. Но они могут идентифицироваться с автором, который описывает свои чувства и ощущения.

Некоторые люди не могут различить между тем, что является хорошим для них, и что нет. Здесь помогает механизм идентификации со значимыми другими. Можно упомянуть, как это было хорошо и полезно для какой-то популярной личности.

Некоторые люди не могут испытать удовлетворение. Описание «симптомов» удовлетворения и признаков завершения дела в настоящем времени заполнит эту брешь.

Некоторые люди не могут уйти. Поэтому так важны выводы, заключительные слова и прощание, идеи и фантазии о движении вперед. Для многих современных людей последняя фаза цикла контакта самая трудная. Они воспитаны так, что не терпят пустоты, дискомфорта неделания, и они точно сорвутся и побегут за новыми впечатлениями без прощания или будут возвращаться снова и снова к тексту, анализируя детали. Так называемые трудоголики имеют расстройства именно в этой части цикла контакта»¹⁶⁶.

В итоге каждая точка и этап в цикле контакта предполагает потенциальную область срыва. Понимая риски нарушения коммуникации, мы можем уменьшить потерю внимания читателя журналистскими средствами. Исследователи данным способом анализируют группы людей в разных культурных обстоятельствах, рассматривая особенности восприятия театральных постановок¹⁶⁷, кино¹⁶⁸,

¹⁶⁶ Сосновская А. М. Прикладной аспект семиотики медиатекстов // Управленческое консультирование. 2014. № 2 (62). С. 138.

¹⁶⁷ Басина Н. Э. Театр и гештальт. Екатеринбург, 2005.

¹⁶⁸ Гройсман А. Психология успешности профессионального обучения и творческой деятельности актера. Litres, 2022; Салахиева-Талал Т. Психология в кино: Создание героев и историй. Альпина Паблицер, 2019.

культурно-исторических артефактов наследия с позиции гештальт-подхода, отмечая его «тесную связь с идеями органицизма и холизма»¹⁶⁹. Рассмотрим работу с группой людей с учетом данной методики на примере коммуникации в музее, чтобы начать исследовать музейную коммуникацию с аудиторией с позиции гештальт-анализа¹⁷⁰.

1.5.2. Гештальт-коммуникация в музее как рефлексивная работа идентичности

Разные типы взаимодействия различных оптик в одном пространстве музея позволяют говорить об особых – горизонтальных – способах производства и обмена знанием по Ж. Рансьеру¹⁷¹, формирующих новое понимание музея как исследовательского хаба. Понимание функционирования оптик восприятия с помощью феноменологической парадигмы с акцентом на чувства в рамках гештальт-терапии (далее – гештальт-анализ) сделает переживания аудитории более учтенными, дифференцированными и удовлетворенными.

В рамках исследовательских проектов мы присоединились к «практике (не)знания в музеях, связанной с методологическими решениями на пути к становлению нового положения музея» в ситуации постковидной травмы, которая соотносится с отчуждением и замораживанием чувств аудитории в ситуации неопределенности и тревоги, с одной стороны, и с тенденцией метамодерна к новой чувствительности и искренности, пост-иронии – с другой. Это начало размышлений о том, как исследовать музейную коммуникацию с аудиторией с позиции гештальт-подхода. В отличие от индивидуальной терапии, такая исследовательская работа может быть либо самотерапией каждого индивида в контакте с неодушевленной арт-средой, либо рассматриваться как техника

¹⁶⁹ Бондарев А. В., Леонов И. В. Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия // Журнал интегративных исследований культуры. 2019. Т. 1, № 1. С. 46-55.

¹⁷⁰ Sosnovskaya A. Феноменология музейной коммуникации (гештальт анализ выставки музея Гараж, Москва, май 2021) (Phenomenology of Museum Communication (Gestalt analysis of the exhibition at the Garage Museum, Moscow, May 2021)). URL: <https://ssrn.com/abstract=3993755>.

¹⁷¹ Рансьер Ж. Разделение чувственного. Эстетика и политика // Разделяя чувственное. СПб.: Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге. 2007. С. 9-46.

групповой терапии в тех же обстоятельствах. Также мы рассмотрели музей как технического агента и социального актора в рамках акторно-сетевой теории, наделяющей субъектностью и агентностью не только человека.

Группа исследовательских вопросов распадается на два блока, по количеству коммуницирующих акторов: музей и его аудитория, которые далее рассмотрим с точки зрения коммуникации. Музей современного искусства больше не закрытая система, а прозрачная и гостеприимная институция, коммуницирующая сущность, собирающая в диалоге неожиданные обращения и интерпретации.

Такой открытой коммуникации в реальном времени способствует осознание рассмотренных ранее этапов формирования гештальта, целостной эстетической формы, а также коммуникации, удовлетворяющей потребности участвующих акторов. Таких крупных этапов в коммуникации, ведущей к завершению гештальту, как отмечалось четыре (или пять, если рассматривать момент выбора и решения отдельно), каждый из которых требует внимательного и ответственного исполнения на всех этапах создания экспозиции: от замысла до воплощения и интеграции неожиданных эмерджентных смыслов.

Мастерство как художника, так и психотерапевта в возможности зуминга-перспективы: от почти бесконечного дробления гештальта до трансцендентальной перспективы. Например, построение диалога экскурсовода со зрителем в ситуации настоящего момента; сопровождение зрителя в его отреагировании на арт-объекты сравнимо с продвижением чувств клиента по циклу контакта, проживанием внутреннего конфликта и становлением, приросту субъективности и идентичности.

Современный музей, место встречи различных социальных слоев, может соединить в диалоге ранее не встречающиеся сообщества, в результате которого может возникнуть новое знание. Люди разных бэкграундов дают свою обратную связь как отклик на экскурсию.

Экспозиции музея «Гараж» в Москве в мае 2020 года сопровождались экскурсиями. Некоторые арт-объекты вызывали тревогу, другие показывали здоровое функционирование и отношение, снимая страх. Погружение в переживания страха, боли, злости безопасно за счет эстетизированных форм

мимесиса и самого пространства музея (например, арт-объект «Светлые песни»). Аркадное движение паркур экспозиции направляет зрителя, заботливо предоставляет навигацию, что также связано с потребностью в безопасности и обеспечивает снятие напряжения и контроля.

Идеограммы на информационных стендах к арт-объектам указывают, что мы встречаемся неодушевленными, но действующими актерами, наделенными агентностью: с кодами, non-humans, практиками здоровья, тайной, рынком и архивами, – это все вместе создает атмосферу конспирологии, однако ироничное отношение снимает фиксацию. Страх снимает как ироничное утрирование «Апокалипсису быть», так и подробное консультирование юриста-правозащитницы по кейсу, что делать, если вас задержали.

Лаборатория по поиску новых форм автоматического социального поведения, представляющая собой инсталляцию воспроизводящегося нон-стоп 45-минутного фильма, была сделана группой «Что делать?» (Санкт-Петербург) в условиях изоляции пандемии. Представленное действие было созвучно психологическим техникам осознанности¹⁷². Так, например, запомнилась рекомендация одной из шести Лаборатории антибеспомощности присматриваться к своим мыслям, не индуцированы ли они, дождаться пустоты в мышлении и осуществить осознанный выбор.

Коронавирусная выставка «Гаража» стала триумфом вовлеченного искусства, показывая психологические позиции критики мейнстрима: герои учатся «блевать» в качестве базовой реакции на насилие, переключать товары с полок в карман, дарить одну конфету друг другу, умножая радость от намерения, а не делить ее, детерриторизировать собственное присутствие, как бы умалить свою роль, значение, выключить звук и видео зума, затаиться. Таким образом, лаборатории выставки были посвящены исследованию и трансформации базовых человеческих рефлексов и паттернов поведения.

¹⁷² См. Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 2. С. 19-28.

Процесс психологических изменений в гештальт-терапии достигается мастерством терапевта работать в трех базовых перспективах, которые включают в себя разные оптики, техники и состояния. Это моноперсональная перспектива, биперсональная перспектива и перспектива теории поля¹⁷³. В моноперсональной перспективе клиент приносит свои чувства терапевту и учится осознавать свои чувства, потребности, желания, находить новые способы творческого приспособления к среде. Такой человек, как правило, находится в стрессе с фиксированными защитами и практиками. Осознание растет за счет поддерживающего, принимающего или провоцирующего поведения психотерапевта. Терапевт как садовник взращивает уникальный цветок.

В биперсональной перспективе устанавливаются доверительные диалогические отношения с терапевтом. Разбираются проективные и переносные отношения: кто мы друг для друга? Это пространство совместного творчества, присутствия, диалога, открытости, честности, включенности, обязательств. Это также пространство эксперимента, приведем метафору танца – новые па, небольшая импровизация, но с сохранением известного танца и гармонии.

В перспективе теории поля психотерапевт исследует, как поле организуется «здесь и сейчас», а также «здесь и как». Речь идет о чувствовании спонтанного, естественного течения бытия. Терапевт работает своей чувствительностью и как бы отдается силам поля и трансформирует свое поведение под их влиянием в присутствии клиента. Телесное переживание и чувствительность появляются как функция поля.

Теория поля, парадоксальная теория изменений, эмерджентное селф, бессубъектное действие – концепции, восходящие к соответствующим теориям и философским взглядам и применяемые в практике психотерапии. Концепция красоты и хорошей формы также лежит в основе практики гештальта. Французский гештальт-терапевт Жан-Мари Робин называет каждого человека художником своей жизни, подчеркивая важность эстетического критерия для гештальт-видения себя и

¹⁷³ См. Roubal J., Francesetti G., Gecele M. Aesthetic diagnosis in gestalt therapy // Behavioral Sciences. 2017. Vol. 7, № 4. P. 70; Немиринский О. Гештальт-терапия и клиническая практика: методологические ориентиры. М., 2016.

мира¹⁷⁴. Эстетическая оценка представляет собой дорефлективный и довербальный процесс, лежащий в основе гештальтунга, в том измерении, в котором возникают субъект и мир в восприятии, на уровне интенциональности.

Итальянский психиатр и гештальт-терапевт Джанни Франчесетти выдвигает оригинальную концепцию лечения психопатологии через красоту: психопатологическое страдание понимается как отсутствие на «границе контакта», то есть как не присутствие личности на границе текущего контакта с терапевтом. Граница контакта – это осознание своего восприятия посредством разных органов чувств, это возможность воспринимать терапевта как живого человека здесь и сейчас тотально, то есть отдаться своей чувствительности, а не пребывать в своем мире, в своих мыслях. Терапия заключается в восстановлении такого присутствия в каждом моменте, «невозможно абстрагировать индивида от поля отношений, которым он конституируется»¹⁷⁵.

Сначала увидеть другого – это боль, потому что без психологических защит встретиться с другим человеком, открыться ему больно, страшно, неловко, стыдно.

Терапевтическое участие в «извлечении красоты» рассматривается с экзистенциальной точки зрения, стремясь осмыслить человеческие страдания и работу терапевта при такой встрече, адекватность и искренность отклика, чтобы контакт, эпизод встречи оставил ощущение завершенности и красоты.

В процессе контакта человеческие страдания могут быть встречены терапевтом, который резонирует с клиентом, и это подразумевает эстетическую трансформацию. Под эстетикой подразумевается: (1) что она воспринимается чувствами (*aisthesis*, греч., означает воспринимать во всех чувствах), (2) следует правилам фигурирования, описанного гештальт-психологией, когда фигура выделяется из фона, раскрывается и встречает признание другого, закрывается и уходит в фон, что переживается участниками как нечто прекрасное, довербальное, возникающее во время сеанса.

¹⁷⁴ См. Робин Ж. Быть в присутствии другого: этюды по психотерапии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008.

¹⁷⁵ Francesetti G. Pain and beauty: from the psychopathology to the aesthetics of contact // *British Gestalt Journal*. 2012. Vol. 21, № 2. P. 8.

Современное искусство, социальные перформансы и инсталляции дают возможность встретиться с чувствами, со своей болью и болью других. Разделенный опыт и эстетизация опыта дает ощущение завершенности, красоты жизни и единения посредством опыта.

По Гегелю, признание одного человека другим составляет бытие человека: «Der Mensch ist Anerkennen»¹⁷⁶. Можно сделать еще один шаг в трансцендировании психологического опыта, хотя здесь на первый план выходит вербальность и анализ языка.

Терапевтический сеттинг в третьей, полевой парадигме формирует позицию и отклик терапевта как занимающего позицию большого Другого в терминах психоанализа. По Лакану, соперничающие индивиды на самом деле обращаются через маленьких других (конкурентов) к большому Другому (который есть Бог и который находится в бессознательном)¹⁷⁷.

Гештальт-терапия понимает отдельные симптомы и человеческие страдания как явления, возникающие из более широкого реляционного поля, и может предложить оригинальный ключ к пониманию, пребыванию и поддержке людей, которые страдают. Возможность рассматривать человеческие страдания как полевые явления, то есть разворачивающиеся в данный момент в поле нескольких людей, открывает потенциал видения индивида в более широком социальном контексте, социальном поле – в свете индивидуального опыта.

Таким образом, каждый посетитель выставки может быть рассмотрен как носитель общего социального опыта, как составная часть этого поля, и его индивидуальные реакции будут соответствовать всему реляционному полю.

Трансформация в его практиках (вербальных, невербальных и переопределение нарратива как эмерджентный эффект контакта) изменит фоновое содержание, фоновые дискурсивные практики и трансформирует, оздоровит поле.

¹⁷⁶ Кожев А. Источник права: антропогенное желание признания как источник идеи справедливости // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 156; цит. по Корнев В. Н. Категория “признание” в теории международного и российского права // Российское правосудие. 2010. № 6 (50). С. 39-48.

¹⁷⁷ См. Лакан Ж. О бессмыслице и структуре Бога // Консультативная психология и психотерапия. 2002. Т. 10, № 1. С. 36-50; Узланер Д. Под взглядом Другого: селфи сквозь призму лакановского психоанализа // Философско-литературный журнал «Логос». 2016. Т. 26, № 6 (115). С. 189-218; Миллер Ж. О Новом: Введение в Семинар V Жака Лакана // Консультативная психология и психотерапия. 2004. Т. 12, № 3. С. 33-78.

Такая позиция созвучна с политикой репрезентации музея «Гараж». Рассмотрим подробнее полевые эффекты.

Ценность, придаваемая сиюминутному опыту и случайности каждой ситуации, лежит в основе легитимности всех переживаний. Эта ценность, общая для всех модальностей, принадлежащих гуманистической традиции, помогает не диагностировать людей и их страдания в фиксированных категориях, а сконцентрироваться на хорошей форме коллективного отклика. Хорошо прожитый удовлетворительный опыт встречи, отклик, может наладить психологические процессы всех присутствующих в одном поле.

Страдание можно рассматривать как выражение в индивидууме страдания более широкого поля. Реальность душевных страданий можно считать феноменом, принадлежащим как индивиду, так и феноменом, возникающим из поля, принадлежащим *Zwischenheit* “betweenness”, цитируя М. Бубера¹⁷⁸. Это эмерджентное явление, которое происходит на границе контакта. Согласно Робину, это феноменологическая граница, где субъект и окружающая среда встречаются, это совместно созданное и динамическое пространство «третье» или «оно» ситуации, не сводимое ни к организму, ни к окружающей среде, где возникает опыт. Опыт не принадлежит строго субъекту или только окружающей среде, а возникает «между», присутствует как «середина».

Именно такая оптика позволит современному музею увидеть разворачивающийся здесь и сейчас творческий феномен взаимодействия различных акторов, включая технических, институциональных, арт-агентов, а также людей разных социальных слоев и бэкграундов.

Выводы по главе 1

В первой главе рассмотрены теоретические и практические подходы к феномену идентичности. Общее направление современных исследований показывает потенциал перехода от антропоцентричных теорий идентичности к не-

¹⁷⁸ См. Бубер М., Гуревич П. С., Левит С. Я. Я и Ты. М., 1993.

антропоцентричным теориям, но фокус исследования образуют антропоцентричные оптики, которые и подлежат критической рефлексии в нашем междисциплинарном подходе, сочетающем политологию, социологию и психологию как способы показать границы субъекта и вскрыть конкретные условия социальной идентификации. Онтологический поворот больше всего встречается в текстах по социологии, успешно применяясь в городских исследованиях. В подходе Гидденса было выявлено распределенное действие, не противоречащее онтологическому повороту. Положения по рефлексивному проекту «Я» легли в основу концептуальной модели анализа дискурсивной и сетевой идентичности. В найденных современных теориях мы выявили нечеловеческих акторов и разнообразные вещи и девайсы, способствующие поддержанию сети имплицитно.

Была установлена продуктивность терапевтической и коммуникативной гештальт-практики применительно к анализу текста и музея, а также кино и архитектуры, согласно научной литературе. Терапевтические принципы гештальт-анализа были соотнесены с принципами рефлексивного *self*. В результате исследований и экспериментов были обнаружены интроекты, инкорпорированные посредством СМИ в процессе политической социализации. Данные интроекты определяют мышление и практики, мотивируют к коммуникации и тем самым к опыту совместного выстраивания базовых идентификаторов.

Было показано, что политическая идентичность является социальной конструкцией, на которую непосредственно влияют другие идентичности, которыми обладает человек, включая национальную, территориальную, социальную и психологическую идентичности. Таким образом, политика принимающего общества играет определенную роль в развитии идентичности и чувства принадлежности у новых граждан, помимо предоставления материальных благ страной или городом-реципиентом. Это справедливо как для новой национальной идентичности мигранта, так и для новой городской идентичности внутреннего мигранта. Многие социальные группы в настоящее время переживают кризисный, переходный период, что делает актуальной тему транзита идентичности, ее трансформации во времени и в пространстве.

Политическая идентичность конструируется в точке, где сходятся психологические и социальные характеристики индивида, при постоянном взаимном влиянии между этими элементами. Социальная идентичность служит двум фундаментальным целям: она удовлетворяет психологическую потребность во включении и членстве в группе, а также потребность в эксклюзии, исключении, то есть отделении от других и выражении своей индивидуальности и самобытности.

Для разрабатываемой во второй главе концептуальной модели мы определили идентичность как постоянно конструируемый, многогранный и часто нецентрированный на субъекте нарратив, являющийся в большей мере эмерджентным эффектом коммуникации, дискурса, контакта организма со средой. Средой в гештальт-теории для организма является физическое место и материальные объекты. Городская идентичность жителей Санкт-Петербурга определена через актуальную политику городской идентичности в свете дискурса культурного наследия города.

Четыре основных направления политики локальной идентичности: символизация, унификация, дифференциация, идентификация, – релевантны для Санкт-Петербурга. В рамках этих направлений самоидентичность горожанина постоянно воссоздается выбором действий и проверкой имеющегося знания. Знание, прошлый опыт – это опора и старт контакта с внешним миром для проверки наличествующего знания.

На формирование идентичности влияет социализация, которая основывается на принципах первичности и структурирования. Помимо семьи и школы, СМИ и медиа являются агентами первичной социализации. Согласно гештальт-терапии, идентичность конструируется в процессе контакта со средой по этапам, а если контакт со средой затруднен, то он может быть оптимизирован в практике психотерапии, которую можно рассмотреть, как обучение коммуникации.

По этапам цикла контакта можно реконструировать идентичность в текстах: в текстах СМИ, социальных сетей, кино, искусства, в процессе восприятия архитектуры.

Таким образом, определения идентичности и городской идентичности в рамках актуальных теорий, понимание политики и политик идентичности рассмотрены по результатам изучения литературы с ориентацией на новые методы анализа. Глава завершается актуализацией концептуального инструмента коммуникации в гештальт практике, который необходимо рассмотреть далее в контексте АСТ и дискурсивного анализа.

ГЛАВА 2. РАЗРАБОТКА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ И МОДЕЛИ ДИСПОЗИТИВОВ ДИСКУРСОВ ПО МЕТОДОЛОГИИ, РЕКОНСТРУИРОВАННОЙ ИЗ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

Данная глава посвящена разработке двух инструментов анализа дискурса с учетом АСТ, а именно модели идентификации и самоидентификации с учетом категорий АСТ (1), и ее полной экстраполяции на метод диспозитивного дискурсивного анализа, модели диспозитивов дискурсов (2).

2.1. Понимание медиакommunikации в рамках дискурсивного и диспозитивного анализа

Данный параграф посвящен пониманию медиакommunikации в дискурсе наследия с учетом материальных акторов акторно-сетевой теории, АСТ. Для полной концептуализации и укрепления городской идентичности требуется прогнозировать содержательные этапы коммуникации, содержащиеся в массовом взаимодействии, в социальных сетях и СМИ. Исчерпывающий функциональный учет материальных и нематериальных акторов, встроенных в коммуникацию, в том числе включенных в коммуникацию групп, взаимоотношений заинтересованных в историческом наследии сторон, может помочь разработать стратегии анализа политик и мотивирующих драйвов всех акторов. Для достижения этой цели предложен метод анализа самоидентификации при включении категорий АСТ, позволяющий выработать модель коммуникации внутри рамок онтологического поворота, чтобы оптимизировать методологию анализа коммуникации за счет включения в нее материальных акторов.

Городская идентичность является эффектом дискурса наследия, коммуникативных процессов, разворачивающихся в социальных сетях и СМИ, каковые, в свою очередь, сами выступают акторами со своими правилами и

фильтрами¹⁷⁹. Внутри дискурсивных групп, в диспозитивах, присутствуют инкорпорированные акторы сети, например, наследие, актор, с одной стороны, претерпевающий кризис разрушения и забвения, с другой стороны – диктующий свои условия обращения с ним и его сохранения на основе регламентируемых аффордансов¹⁸⁰.

Рассмотрим стратегии изучения дискурса по методологии дискурсивного анализа М. Фуко¹⁸¹, а также вводя некоторые другие вариации дискурсивного метода анализа коммуникации¹⁸², способные выявлять диспозитивы, производящие «власть/знание» и тем самым выполняющие политическую функцию дисциплинирования, наделения полномочиями, контроля. Мишель Фуко ввел в свою концепцию понятие «диспозитив», которое фиксирует «стратегический императив», сохраняющий внутри каждой конкретной культуры собственную идентичность. Диспозитив представляет собой «целостный, завершённый инвариант типовых для определенной культуры стратегий реализации политических и когнитивных практик»¹⁸³.

Фуко разрабатывает трехстороннюю разбивку гетерогенности диспозитивного: элементами диспозитива являются дискурсивные практики, действия (*non-discursive practices*) и физические объекты¹⁸⁴. Все три категории формируют и передают знания, которые ложатся в основу новых когнитивных моделей, пересматривающих статус старых дискурсов и образующих новые.

¹⁷⁹ См. Gris O., Sosnovskaya A. Use of Social Networks by Russian Politicians // Proceedings of Seventh International Congress on Information and Communication Technology. Springer, Singapore, 2023. P. 547-555; Sosnovskaya A., Gris O. Communication strategies and functions in Russian politicians' use of social media // AIP Conference Proceedings. 2022. Vol. 2656, № 1. P. 020033.

¹⁸⁰ См. Borghi A. M. Affordances, context and sociality // Synthese. 2018. P. 1-31. Регламентирующие наследие документы: Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 01.11.2005 № 1681 «Петербургская стратегия сохранения культурного наследия».

¹⁸¹ См. Фуко М. Дискурс и истина. Минск: ПроPILEI, 2006; Фуко М. Порядок дискурса М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996. С. 47-96.

¹⁸² См. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2013.

¹⁸³ Кожемякин Е. А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пеше) // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. 2008. Т. 3, № 4 (44). С. 5-17.

¹⁸⁴ См. Keller R. Analysing discourse. An approach from the sociology of knowledge // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2006. P. 223-242; Caborn J. On the methodology of dispositive analysis // Critical approaches to discourse analysis across disciplines. 2007. Vol. 1, № 1. P. 115-123; Jäger M., Jäger S. Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse. Springer-Verlag, 2007.

Диспозитивный анализ остается дискурсивным на том уровне, что о не дискурсивных объектах говорят паратексты: приписывание смысла происходит путем объединения паратекста и объекта, о котором систематически сообщает паратекст. Дж. Каборн пишет: «<...> используя дискурсивный анализ, человек никогда фактически не анализирует сами тексты, действия и объекты, а исключительно значения, приписываемые в текстах другим текстам, действиям и объектам»¹⁸⁵ и далее она, используя семиотический анализ, представляет эти три составляющие диспозитивного анализа как означающие, которым приписывается значение в дискурсе. На основании ее исследования архитектуры следует признать, что в семиологических терминах описываемый строительный материал (стекло или камень) является означающим, а приписываемое значение (открытая демократия или недемократия) является означаемым. Мы солидарны с мнением исследовательницы, что «преимущество введения семиологической сетки в диспозитивный анализ заключается в том, что она обеспечивает, с одной стороны, средство объединения кажущегося расстояния между текстом, действием и объектом (элементами диспозитивного) и, с другой стороны, их значениями – как они раскрываются в паратекстах, используемых для того, чтобы элементы «говорили»¹⁸⁶. Ягеры, проводя диспозитивный анализ, отмечают, что «нужно уловить сеть, определить соответствующие отношения и функции элементов друг к другу (в данный исторический момент), чтобы получить ответ на вопрос о том, как воспроизводится этот диспозитив и какими нестабильностями он наделен»¹⁸⁷. Здесь содержится прямое указание для нас к использованию акторно-сетевой теории и поиска нестабильных акторов и актантов внутри диспозитивов. Далее исследователи пишут о материальных объектах как о «затвердевших дискурсах», которые необходимо воспроизвести и перепроговорить: «Социальные практики и видимые объекты как компоненты диспозитивов в своей основе представляют собой сгущенные и затвердевшие дискурсы или определенные выводы, сделанные из дискурсов вовлеченными людьми. Знание вошло в объекты, которые были

¹⁸⁵ Caborn J. On the methodology of dispositive analysis. P. 118.

¹⁸⁶ Ibid. P. 119.

¹⁸⁷ Jäger M., Jäger S. Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse. P. 287-289.

необходимы для их построения и которые должны быть постоянно доступны, чтобы сохранить свое значение. В этом отношении речь идет о том, чтобы реконструировать это знание и снова о нем “рассуждать”»¹⁸⁸. Таким образом, дискурсы – практики, которые регулярно формируют действия, тексты и объекты, о которых они говорят; и именно эти эффекты находятся в поле внимания нашего дискурс-анализа. Диспозитивы надстраиваются над дискурсивной ситуацией, и могут быть проанализированы с учетом конструирования этих ситуаций¹⁸⁹.

Коммуникация в СМИ, соцсетях и дискурсе по поводу города и наследия, основанная на данных, отражающих функционирование акторов, ангажирована, вовлечена в местную политику и нацелена на создание и воспроизводство определенного политического типа дискурса. Поэтому при анализе дискурса о наследии и городе необходимо подвергать критическому разбору и сам процесс конструирования коммуникации, – для чего подходит диспозитивный анализ, в котором исследование диспозитивов подразумевает поиск инкорпорированных акторов, – в том числе образующих связанные технические ассамбляжи, такие как платформа соцсети, ее алгоритмы и требования использования и соответствия, данные, интерфейс¹⁹⁰.

Диспозитивный анализ, включающий интегрированные методы АСТ, следует назвать методом, способным интерпретировать коммуникацию с учетом действия разнообразных акторов и их воздействия на дискурс и производство знания, и определять в каждой ситуации значение различных элементов, составляющих коммуникацию. Чтобы определить причины выбора АСТ в качестве основной исследовательской методологии для всего исследования, эта глава начинается с описания генезиса исследования и понимания необходимости онтологической оптики, а также реконструкции метода анализа АСТ для медиакоммуникации.

¹⁸⁸ Ibid. P. 288.

¹⁸⁹ См. Фуко М. Археология знания. Санкт-Петербург: Гуманит. акад., 2004.

¹⁹⁰ Диспозитивность проявляется в предоставлении участникам свободы выбора варианта поведения в пределах дискурса и обычая группы.

2.2. Программа лонгитюдного исследования идентичности и наследия

Исследования, благодаря которым возникла идея и создавалась данная диссертация, раскрывают основные результаты образовательного и управленческого проекта «Санкт-Петербург – объект всемирного наследия: взгляд молодежи», реализующегося при взаимодействии факультета социальных технологий РАНХиГС и КГИОП в 2016–2023 гг., отвечают на вопросы, поставленные перед политической наукой и управленческой практикой: популяризации наследия города, укрепления городской идентичности молодежи, а также на вопросы относительно кризиса городской идентичности в контексте развития города и изменения мышления и социальных практик молодежи.

Городская идентичность в данном проекте понимается внутри предметного поля политологии и управления, а именно как идентичность территории, обладающей символическим, социальным, социально-психологическим, экономическим, политическим измерениями. При этом в фокусе проекта оказываются социально-психологическое, символическое, педагогическое, проектное и социально-политическое измерения городской идентичности.

Базовая исследовательская программа научного проекта содержала в эти годы пять методик, позволяющих собрать эмпирический материал для анализа различных аспектов изучаемого феномена в процессе проектной управленческой работы.

Так, символический уровень идентичности был исследован благодаря проблемно-ориентированным методам: интервью, фокус-группы, эссе и сочинения, анализ социальных сетей, проективные рисунки школьников, которые проходят профориентацию в вузе, и студентов. Материалы изучались дискурсивным и семиотическим методами.

Социально-психологический уровень идентичности реконструировался благодаря анализу результатов регулярно проводимого опроса по поводу городской идентичности и сохранению наследия среди молодежи города.

Педагогический уровень связан как с разработкой соответствующих программ и методик, так и с предложением и апробированием новых педагогических и воспитательных методов. Он реализовался на практике внедрением программ по сохранению наследия и городской идентичности в структуру онлайн образовательных платформ в рамках дисциплин «Проектная деятельность» и «Работа с текстами в рекламе и PR», где студенты создавали свои проекты, снимали видео, писали тексты, осуществляя популяризацию объектов культурного наследия в социальных сетях. Были проведены методические советы с представителями вузов города в ходе рабочих совещаний КГИОП (2021 г.)¹⁹¹. В процессе реализации проекта «Санкт-Петербург – объект всемирного наследия: взгляд молодежи» состоялось участие автора в международных конференциях¹⁹².

Проектный уровень исследования представляло руководство проектами студентов по оптимизации городской политики: экскурсий, мероприятий (балов, праздников, городских событий), видео, мобильных приложений, ботов, предложений по урбанистике и развитию пространств.

Социально-политический уровень реконструировался на основе анализа и изучения международных и российских, федеральных и городских, документов, связанных с наследием. В течение нескольких лет проводился анализ социальных сетей КГИОП и других отечественных и международных организаций, занимающихся популяризацией и сохранением наследия. Был проведен дискурсивный анализ материалов СМИ и соцсетей, ориентированный на выявление идентификаций жителей города с представителями местной и федеральной власти, группами влияния относительно развития города и сохранения наследия исторического центра города.

¹⁹¹ Благодарственное письмо КГИОП. URL: https://ranepa-my.sharepoint.com/:i:/g/personal/sosnovskaya-am_ranepa_ru/EYYIH_Yqci9Mh1IeQ83SeOcBvR0xuHgN7XXWwepMWuSIOg?e=USSLSe (дата обращения: 29.01.2023).

¹⁹² Шанхай (2021), Санкт-Петербург (2021, 2022), Алма-Аты (2022), Лондон (2022), Хельсинки (2022) и др.

2.2.1. Специфика отбора и интерпретации эмпирического материала в рамках исследовательских и управленческих проектов

Процесс сбора эмпирического материала в рамках исследовательских, образовательных и управленческих проектов состоял из изучения научных текстов по исследуемой тематике, интервью и бесед с жителями города, с российскими и зарубежными экспертами, анализа текстов и работы методом включенного наблюдения в проектах, посвященных сохранению наследия. Сначала представим сбор данных текущего исследовательского кейса, а потом изложим развитие исследовательского интереса к феномену идентичности, практик его конструирования и научного осмысления, отраженных в научных статьях ВАК.

С 01.01.2022 по 24.03.2022 было выявлено 2472 сообщения в СМИ; проанализировано более 300 материалов с использованием доступных программ мониторинга и анализа текстов онлайн¹⁹³.

Были проведены интервью с экспертами и жителями города (34 человека), в том числе по таким специальностям и направлениям, как строитель, чиновник администрации, чиновник КГИОП, художник современного искусства, дизайнер, градозащитники¹⁹⁴, инженеры, архитекторы и преподаватели архитектуры, проектировщик, культуролог, бизнесмены, преподаватели, журналисты, историки, студенты журналистики, рекламы и PR и другие¹⁹⁵.

Работа с поколением Z¹⁹⁶ велась в контексте семинаров и внеучебной работы со школьниками и студентами: фокус-группы (5), визуальные репрезентации (6 комплектов рисунков, около 40 видеосвидетельств (интервью студентов со школьниками, презентации студентов по поводу наследия), проекты студентов

¹⁹³ Сосновская А. М. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 68-83.

¹⁹⁴ Три волны градозащитного движения в материале: С. Еремеев. Петербургская градозащита: назад в будущее. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/228814> (дата обращения: 13.11.2022).

¹⁹⁵ Расшифровки интервью находятся в архиве автора.

¹⁹⁶ Термин, применяемый в мире для поколения людей, родившихся примерно с 1997 по 2012 год. См. Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.; Кривых Е. «Поколение Z»: этические ценности в проблемном поле цифровизации культуры // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №7 (99). С. 28-32; Козырева Л. Д. Поколение Z в политике: политологический прогноз // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 159-165.

(экскурсии, сказки, проекты по мобильным приложениям, – всего 30 работ), анализ социальных сетей студентами¹⁹⁷.

В программе Mindmap велись четыре записные книжки по методике Латура¹⁹⁸, отражающие в том числе влияние наблюдателя на наблюдаемое, то есть данной диссертации и самого процесса исследования на конструирование гибридного объекта и включенных в него акторов.

С 16 апреля по май 2022 года проанализировано 728 постов, которые включают сообщения и комментарии к ним в социальных сетях по поводу разрушения здания манежа лейб-гвардии Финляндского полка. Большинство сообщений пришло из «ВКонтакте», популярной социальной сети и актора идентичности среди жителей Санкт-Петербурга. Сообщения в Facebook поступали в основном от сторонников и сочувствующих в других городах. В постах звучали темы памяти и воспоминаний, символической политики, политики языка, политики «другого», управления наследием¹⁹⁹.

Начало исследования идентичности относится к периоду написания кандидатской диссертации²⁰⁰, посвященной профессиональной идентичности журналистов, для которой было собрано около 60 интервью с журналистами разных

¹⁹⁷ Каткова А., Сосновская А. Стратегии использования социальных сетей органами государственной власти для диалога с населением на примере Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП). URL: <https://ssrn.com/abstract=3772867> (дата обращения: 17.08.2022).

¹⁹⁸ В первой записной книжке следует вести вахтенный журнал самого исследования. Это единственный способ задокументировать то изменение, которое претерпевает путешественник. Встречи, реакции других на исследование, удивление странностью поля и т. д. должны по возможности регулярно документироваться. <...> Вторую записную книжку нужно иметь для сбора информации, чтобы можно было одновременно хранить все темы в хронологическом порядке и распределить их по категориям, которые впоследствии разовьются во все более и более очищенные рубрики и подрубрики. <...> Третья записная книжка должна быть всегда под рукой для проб пера ad libitum (в свое удовольствие, – А. С.). Четвертый тип записной книжки надо заботливо хранить, чтобы регистрировать в ней воздействие написанного отчета на акторов, чьи миры были либо развернуты, либо унифицированы. Этот второй эксперимент, добавляемый к самому полевому исследованию, принципиально важен для выяснения того, какую роль играет описание в процессе сборки социального. Исследование может быть завершено, но эксперимент продолжается: новый отчет добавляет свое перформативное действие ко всем остальным и тем самым тоже продуцирует данные. См. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 178-179.

¹⁹⁹ Сосновская А. М. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в теории политической коммуникации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 93-102.

²⁰⁰ Сосновская А. М. Трансформация журналистских практик и самоидентификация журналистов (Сравнительный анализ на материале СМИ России и Швеции): диссертация ... степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2000.

стран²⁰¹. Затем мы изучали идентичность в кросс-культурной перспективе²⁰².

Идеологические патриотические проекты в начале 2010-х годов правительства Ленинградской области «Дорогами победы» потребовали осмысления практик конструирования идентичности молодежи. В исследованиях тех лет рассматривалась, с опорой на теорию практик, роль дискурсивных практик и практик участия в конструировании новой российской идентичности на примере проектов, посвященных Великой Отечественной войне, инициированных ОАО «КАД–Ленобласть»²⁰³.

В те годы мы также занимались теоретически и практически значимыми семиотическими исследованиями и издали учебное пособие по «Семиотике и семантике рекламы и связей с общественностью»²⁰⁴. Данное учебное пособие рассматривает феномены рекламы и связей с общественностью через призму семиотики, одного из ключевых направлений развития современных знаний о массовой коммуникации, связей с общественностью и рекламы. В прикладном разделе пособия были рассмотрены подходы, методы и приемы использования семиотического инструментария для анализа медиатекстов, которые мы много лет использовали для анализа визуального материала²⁰⁵.

Изучение семиотики помогло в понимании акторно-сетевой теории Б. Латура, которая отталкивалась от семиотики и использовала язык описания семиотики, а именно парижской семиотической школы А. Греймаса, занимавшейся текстами и их структурами, вдохновленная структурами и функциями сказки В. Я.

²⁰¹ Сосновская А. М. Профессиональная идентичность журналиста (анализ случаев) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 3. С. 116-138; Sosnovskaya A. Transformation of professional practices of identity among journalists in Russia and Sweden: A comparative analysis / A. Sosnovskaya // Germano-Slavica. 2002. Vol. 13. P. 75-90.

²⁰² Дюметц Ж., Сосновская А. М. Кросс-культурная коммуникация // Управленческое консультирование. 2013. № 8 (56). С. 83-90.

²⁰³ Веретин А. И., Сосновская А. М. GR-отношения на примере проектов по патриотическому воспитанию // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2012. Т. 3, № 1 (5). С. 480-488.

²⁰⁴ Сосновская А. М. Семиотика и семантика рекламы и связей с общественностью: учебное пособие. Санкт-Петербург: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-западный институт управления, 2013.

²⁰⁵ Сосновская А. М. Прикладной аспект семиотики медиатекстов // Управленческое консультирование. 2014. № 2(62). С. 131-143; Sosnovskaya A. Концептуализация объекта всемирного наследия ЮНЕСКО: визуальная репрезентация Санкт-Петербурга поколением Z. URL: <https://ssrn.com/abstract=3994923> (дата обращения: 10.03.2022).

Проппа²⁰⁶. В отличие от американского направления семиотики во главе с Ч. Пирсом, где учитываются референты в среде и знак конструируется как индекс, икона или символ по отношению к референту, парижская и швейцарская школы занимались исключительно текстами и формированием значений на основе универсальных структур. В данных школах существуют универсальные структуры как, например, ролевые функции сказки у В. Проппа. Функция оформленной в текст речи, по А. Греймасу, – это актант и глагол, а по Б. Латуру – актант и действие в мире, который рассматривался как текст или как сконструированный в исследовании текст. Значение действия возникает из отношений и дифференциации, из ассоциаций внутри сетей. Греймас предложил три оппозиции, с помощью которых описывается нарративная структура: субъект/объект, отправитель/получатель, помощник/оппонент, которая и позволяет увидеть актантов как самостоятельных акторов. Актант – это любое действующее лицо в тексте, если производит действие или претерпевает воздействие.

Б. Латур в начале 80-х годов начинает заниматься социологией научного знания, распространяя на мир те отношения, которые изучают семиотики в тексте. По Латуру, ученые взаимодействуют с объектом своего изучения, описывают его в отчетах, делегируя объекту новые действия: и ученый действует, и объект изучения действует, оба являясь субъектами конструирования научного факта.

Мы также исследовали СМИ и социальные сети с точки зрения психологии. Мы рассматривали условия эффективной коммуникации, ключевого социального и культурного процесса жизни общества. На основании социологического опроса молодежи, проведенного в социальных сетях, показали современные тренды коммуникации, рассмотрели конструирование идентичности аудиторией СМИ и соцсетей²⁰⁷.

Мы рассматривали музеи как средство массовой коммуникации, который в условиях глобализации помогает найти точку опоры в локальной идентичности, обеспечивает социализацию и существенно способствует формированию

²⁰⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: «Питер», 2021.

²⁰⁷ Киселев В. Н., Сосновская А. М., Старцев А. А. Эффективная коммуникация в медиасфере: построение культурной идентичности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 120-128.

национальной, культурной идентичности²⁰⁸.

Первый реализованный в 2016–2017 гг. проект ФСТ СЗИУ и КГИОП был посвящен образу научного Петербурга. В материале представлены результаты дискурсивного анализа репрезентации науки и научности на основе высказываний молодежи (студентов, проживающих в Петербурге, всего 53 человека), выявлены мотивы и контексты участия в научной деятельности, рассмотрены привлекательные для молодежи места и центры науки в Санкт-Петербурге. Был проблематизирован вопрос диалогического взаимодействия города и науки. Начато исследование актуальных для города, как объекта всемирного наследия ЮНЕСКО, вопросов: как отношение к науке коррелирует с идентичностью петербуржца? Как инновационные проекты вплетены в ткань города? Как они сосуществуют в контексте памятников архитектуры и ценности объекта всемирного наследия? Как научный дискурс вплетен в городскую архитектуру, городской ландшафт?²⁰⁹

Идентичность конструируется в том числе на основании оппозиции «свой – чужой». Тема иммиграции и мигрантов, которые воспринимаются «чужими» в петербургской культуре, актуальна для Санкт-Петербурга много лет. Была предпринята серия интервью с иммигрантами и представителями диаспор, а также дискурсивный анализ текстов СМИ и социальных сетей²¹⁰. В официальных СМИ утвердились способы репрезентации трудовых мигрантов из Азии, которые показывают их как «иных». Проведенное исследование показывает, что данные репрезентации участвуют в конструировании представлений и ежедневных практик жителей Петербурга как культурно гомогенного сообщества. Соответственно, оно ощущает нужду в защите своей аутентичности и стиля жизни, а угроза проецируется и исходит от столь же культурно гомогенных мигрантов²¹¹.

²⁰⁸ Сосновская А. М. Коммуникативные процессы, поддерживающие национальную идентичность // Человек. Коммуникация. Культура. Восток-Запад: поиски культурной идентичности на постсоветском пространстве. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2016. С. 260-263.

²⁰⁹ Голенко В. В., Киселев В. Н., Сосновская А. М. Научный Петербург. Взгляд молодежи // Управленческое консультирование. 2017. № 2 (98). С. 65-77.

²¹⁰ Сосновская А. М. Репрезентация миграции в СМИ и бытовом дискурсе Петербурга // Век информации. 2019. Т. 7, № 1. С. 187-195; Howard, D. Representations of otherness in Russian newspapers: the theme of migration as a counterpoint to Russian national identity / D. Howard, A. M. Sosnovskaya // Journal of Intercultural Communication. 2009. No. 21. P. 2.

²¹¹ Сосновская А. М. Современные источники националистического самосознания в молодежной среде: анализ имплицитных установок опроса «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских

Осмысление и проблематизация преподавательских методик привела нас к изучению неформальной педагогики, гештальт-анализа и теории систем, как самых эффективных в идеологической и PR-деятельности конструирования идентичности в молодежной среде. В рамках сотрудничества с КГИОП мы вели проектную деятельность со студентами с учетом теории систем и гештальт-анализа²¹².

В 2018 году, к 100-летию КГИОП, был подготовлен выпуск журнала «Зодчий» (выпускаемый союзом архитекторов), где были опубликованы статьи по проектам, которые стали победителями городского конкурса (всего 5 проектов-победителей и 6 участниц, в конкурсе участвовало 30 человек). Работа над проектами велась в 2016–2017 гг. Были написаны сказки по истории Санкт-Петербурга, проведены экскурсии, написаны статьи по исследовательским проектам, посвященным истории Елисейского магазина, рекам и каналам города, проекту «Музыкальный Петербург»²¹³. Две студентки получили грант и участвовали в межрегиональной инициативе со своими проектами при поддержке фонда президентских грантов РФ.

Самый большой студенческий проект, поддержанный КГИОП в исторической и исследовательской части, был посвящен бальной культуре и реконструкции балов в нескольких исторических особняках города. До пандемии 2020 г. в течение трех лет проходило по 2 бала в год с промежуточным между балами обучением историческим танцам и манерам поведения. По результатам реконструкции балов студентка, исследователь и организатор, защитила диплом, магистерскую диссертацию, издала монографию в зарубежном издательстве. Была написана серия статей. Проведено около 10 опросов и столько же интервью,

проявлений в образовательной сфере и молодежной среде» // Управленческое консультирование. 2020. № 2 (134). С. 109-120.

²¹² Сосновская А. М., Мурашев А. В. Проектная деятельность как требование развития систем в современных условиях // Управленческое консультирование. 2018. № 9 (117). С. 120-129; Киселев В. Н., Сосновская А. М. Модели взаимодействия государства и бизнеса: привлечение краудсорсинга // Управленческое консультирование. 2014. № 11(71). С. 91-97; Иванян Р. Г., Сосновская А. М. Обучение в рамках неформального образования: использование гештальт-теории и теории систем // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2018. Т. 1. С. 351-354.

²¹³ Васильева П. В., Сосновская А. М. Музыка Петербурга – взгляд молодежи // Вестник. Зодчий. 21 век. 2018. № 1 (66). С. 118-119.

проанализированы феноменологические отчеты включенного наблюдения на балах.

Реконструкция балов рассматривалась нами как один из вариантов исторической ретроспекции праздничной культуры, как элемент городской и культурной идентичности, как форма сохранения материального и нематериального культурного наследия. Цикл статей основан на данных лонгитюдного исследования балльных практик методом наблюдения участников в особняках Санкт-Петербурга в течение 2017-2019 годов, на изучении научной литературы, СМИ, семиотическом анализе афиш, а также на качественных и количественных результатах глубинных интервью и интернет-опросов участников (всего 30 и 800 человек соответственно). Цель исследований заключалась в выявлении функций балов в целом и реконструированных исторических балов, в частности, обращалось особое внимание на связь последних с материальной и нематериальной культурой города и городской идентичностью: «В результате выявлены и описаны жанровые особенности бала с опорой на теоретическую (работы С. Холла, К. Левина, М. Ю. Лотмана, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева) и эмпирическую базу исследования (свидетельства участников бала). Исследования раскрыли социализирующую функцию исторических балов, выявив потенциал бала для укрепления культурной идентичности города и горожан, которые укрепляют локальную культурную идентичность, ориентируясь на традиционные практики бала и места его проведения в историческом центре города; исследования подтвердили принадлежность таких балов к материальному и нематериальному культурному наследию города, обнаружили недостаток освещения функции идентичности и репрезентации наследия балов в современной научной литературе»²¹⁴.

Также балы были рассмотрены с точки зрения экономики впечатлений и предъявления аутентичности коммерческого проекта по реконструкции балов

²¹⁴ Сосновская А. М., Маслеева В. В. Историческая ретроспекция праздничной культуры как форма сохранения нематериального культурного наследия и конструирования городской идентичности (на примере анализа практик балов в особняках Санкт-Петербурга, 2017-2019 гг.) // Лучшая исследовательская статья 2020: сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. С. 223-243.

XIX в. В работе использованы социологические методы анализа документов, семиотический анализ афиш XIX–XXI вв., приведены результаты интервью и опросов молодежи по поводу бальной культуры, феноменологически рассмотрена реконструкция исторического бала в особняке П. Н. Демидова. Коммерческие и некоммерческие проекты по реконструкции и проведению балов были проанализированы методами экономики, менеджмента и маркетинга, проанализированы результаты SWOT-анализа конкурентов, бюджет, организация мероприятия и PR-сопровождение проектов, присутствующих на рынке балов в Санкт-Петербурге. Было выявлено, что практики воспроизведения материального и нематериального наследия способствуют укреплению территориальной идентичности и патриотизма. В работе также были использованы социологические методы анализа документов, сайтов, приведены результаты интервью и опросов молодежи по поводу бальной культуры и мотивации участия в балах²¹⁵.

Первое обобщение совместной деятельности и научный анализ практики были проведены в 2018 году. По результатам вышла статья организаторов проекта: КГИОП и ФСТ СЗИУ. В отчете представлены результаты и размышления исследования материального и нематериального культурного наследия Санкт-Петербурга, в том числе определения нематериальных характеристик объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников». Определено понятие «нематериальное наследие» и обозначена его роль в формировании городской идентичности петербуржца. Выявлены практики и ценности региональной идентичности подрастающего поколения. В работе были использованы социологические количественные и качественные методы: анализ документов, интервью и опросов молодежи по поводу самовосприятия, самоидентичности и восприятия города. Ответы были проанализированы авторами с позиций собственных габитусов жителей разных районов города и профессионалов смежных областей знаний (архитектура, культурология, филология, психология, социология,

²¹⁵ Сосновская А. М., Маслеева В. В. Экономика впечатлений: реконструкция исторических практик культурного наследия Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2018. № 4 (112). С. 172-181.

юриспруденция), включенных в городские проекты по популяризации культурного наследия города²¹⁶.

Серия статей, обобщающих совместный опыт проектов КГИОП и СЗИУ, опубликованных в книге КГИОП «Сохранение нематериальной ценности объектов культурного наследия» и выложенных на сайте комитета, были посвящены исследованиям балов и анализу практик поколения миллениалов. В статье про миллениалов представлены результаты и интерпретация текущего исследования материального и нематериального культурного наследия Санкт-Петербурга. Обозначена его роль в формировании городской идентичности молодого петербуржца. Выявлены практики и ценности региональной идентичности подрастающего поколения – миллениалов²¹⁷.

Мы, как организаторы проекта, апробировали результаты продолжающегося исследовательского и управленческого проекта на конференциях и на VII Санкт-Петербургском международном культурном форуме²¹⁸. Другие статьи и доклады, сделанные в эти годы, были посвящены брендингу территорий, цифровизации и электронному правительству.

С 2020 года студенты СЗИУ РАНХиГС участвуют в межрегиональном фестивале социальных проектов в сфере сохранения культурного наследия «Миссия-сохранить» («Моя инициатива в сохранении культурного наследия Санкт-Петербурга и Ленинградской области»)²¹⁹. В рамках данного фестиваля участникам, молодежи 17–30 лет, предлагается разработать собственный проект, направленный на сохранение и популяризацию культурного наследия и предназначенный для реализации на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

²¹⁶ Сосновская А. М., Михайлов А. В., Орлова О. Ю. Нематериальное наследие и идентичность молодежи Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2018. № 2 (110). С. 88-99.

²¹⁷ Сосновская А. М., Орлова О. Ю. Поколение миллениалов и нематериальное наследие Санкт-Петербурга // Сохранение нематериальной ценности объектов культурного наследия. Санкт-Петербург: Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры, 2019. С. 102-112.

²¹⁸ VII Санкт-Петербургский международный культурный форум, 2018. URL: <https://culturalforum.ru> (дата обращения: 19.04.2022).

²¹⁹ Положение о фестивале. URL: <https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2021/01/29/%D0%9C%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F2021.pdf.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).

В 2021 году студенткой под нашим научным руководством был написан диплом по представленности КГИОП в социальных сетях, создан бот по сайту, написана статья²²⁰. В этом же году автор диссертации стала членом жюри межрегионального конкурса «Миссия – сохранить», а на следующий год, 2022, приняла в нем участие, поскольку был создан сценарий обучающего проекта с учетом разработанной концептуальной модели конструирования идентичности, который стал лауреатом фестиваля и был реализован в конце 2022 года, а с 2023 года видео-ролики распространяются в школьной и студенческой аудитории города²²¹.

2.3. Эвристическая перспективность использования акторно-сетевой теории для политической науки и медиакоммуникации

О перспективности акторно-сетевой теории и объектно-ориентированного подхода (далее ООО), онтологического поворота, в социальных и политических науках написано много статей²²². Доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой политического управления факультета политологии СПбГУ Л. В. Сморгунов раскрывает основные тенденции развития политической науки, обозначая необходимость внедрения «второго онтологического поворота» в политической науке, а именно акторно-сетевой теории и объектно-ориентированной онтологии²²³.

«Первый онтологический поворот касался критики постполитического рассмотрения политики и попытки обоснования политической теории и философии

²²⁰ Katkova A., Sosnovskaya A., Стратегии использования социальных сетей органами государственной власти для диалога с населением на примере Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП). Available at SSRN: 3772867

²²¹ Проект *StP4juniors*, 2021–2023. Проектно-исследовательская работа учащихся петербургской гимназии № 56 к 350-летию Петра Великого при участии СЗИУ РАНХиГС, при поддержке ПАО «Газпром» и КГИОП. URL: https://vk.com/video/playlist/-199642998_5 (дата обращения: 21.04.2023).

²²² Катерный И. В. Категориальное поле постгуманизма как теории и практики новой социальности // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Тюмень: Российское общество социологов, 2020. С. 86-94; Ерофеева М. А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. № 1. С. 17-36; Карин К. Ц. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 5.1. С. 101-124.

²²³ Сморгун Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, № 2. С. 122-133.

как факта политики»²²⁴. Второй онтологический поворот характеризовался критикой метафизики, рационализма и человеческой субъективности и привел к политизации онтологии и онтологизации политики. К этому повороту относятся акторно-сетевая теория и объектно-ориентированная онтология. В диссертационном исследовании мы осуществили интеграцию данных теорий второго онтологического поворота в теорию коммуникации и в анализ дискурса локального культурного наследия и политики городской идентичности. Результатами такой интеграции стали создание концептуальной модели коммуникации с учетом акторов АСТ и обновление метода дискурсивного анализа за счет включения акторов АСТ.

Онтологизация политического мышления обусловила новую политику: новая политика определялась тем, что «в производство реальности как преимущественной цели политики включались все факторы человеческой и нечеловеческой природы, включая науку, технологию, человека и вещи»²²⁵. Новая политика представлена, помимо используемых в диссертации акторно-сетевой теории, объектно-ориентированной онтологии, еще спекулятивным реализмом и витальным материализмом²²⁶.

Следующие идеи онтологического поворота были адаптированы для концепции диссертации: проблематизация антропоцена и отказ от центрированности на субъекте-человеке, особое внимание к не-человеческим акторам; отсутствие иерархии и властных распределений в познании вещей, следование концепции плоской онтологии за счет картирования и установления связей в формате 2D; несогласие с эпистемологией и эссенциализмом, несогласие с пассивностью и неизменностью природных объектов; расширение понятия жизни

²²⁴ Сморгунув Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике. С. 123.

²²⁵ Там же. С. 129.

²²⁶ Циплакова Ю. В. Экологическая философия Дж. Беннет: человеческое, не-человеческое и новая этика // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы. Екатеринбург, 2021. С. 256-260. Сосна Н. Н. Поэтика тихого космизма // Философский журнал. 2022. Т. 15, № 3. С. 70-83. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик: Панглосс, 2019; Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 1-34.

за счет концепции «пульсирующая материя»²²⁷.

Такие онтологические установки закладывают новые направления познания политической реальности. Например, одной из установок является рассмотрение неиерархичности реальности, и достигается она через введение в анализ концепции «эмерджентность» – возникающего целого, несводимого к составляющим его частям: «этот подход ориентируется на эмерджентность и открытость целого, а также опирается на понимание нередуцируемой социальной сложности, характерной для современного мира, которая свидетельствует о несводимости множественной целостности к каким-либо ее элементарным частицам»²²⁸. Таким образом, эмерджентность противостоит как редукционизму, так и сведению элементов социальной действительности к какому-то текущему актуальному набору практик.

Все акторы и их действия равноценны в теории Б. Латура, однако в теории Г. Хармана вводится категория важности, которая оценивает значимость того или иного действия и его влияние, и которая также учитывает бытие вещи и ее воздействие на воспринимающего, а не только ее действие²²⁹.

Эмерджентность – значимый принцип для теории коммуникации, гештальт-теории, теории поля, кибернетики и теории систем, определяется для всех названных и используемых теорий как появление у системы свойств, не присущих ее элементам в отдельности, как несводимость свойств системы к сумме свойств ее компонентов²³⁰.

Л. В. Сморгунув подчеркивает необходимость придать политическое значение и роль вещам, non-humans, нечеловеческим факторам, которые действуют как стабилизаторы человеческого общества, таким образом расширив онтологическое содержание политических взаимодействий: «в новом проекте возникает двойственная и взаимосвязанная задача политизировать онтологию и онтологизировать политику. Включить в онтологию существующего объекты,

²²⁷ См. Сморгунув Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике. С. 129.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. С. 94-97.

²³⁰ DeLanda M. Emergence, causality and realism // Architectural Theory Review. 2012. Vol. 17 (1). P. 3-16.

вещи, вне корреляции с человеком, не в качестве подручных, а в качестве действующих и производящих реальность означает придать их онтологии политическое значение и роль, а также расширить онтологическое содержание политики, уйдя от ее ограничения “волюнтаризмом свободно конституирующего человеческого субъекта”»²³¹.

Л. В. Сморгунув также определяет новую исследовательскую повестку в рамках политологии и политической науки: «Политизировать онтологию означает определить, какие объекты приобретают власть и влияние в процессе взаимодействий формирующейся реальности, какие объекты проявляют политический эффект в ее конструировании. Более того, взаимодействие различных онтологических объектов порождает конфликт онтологий, а соответственно, ведет к необходимости разрешать конфликтные отношения в политике. Политизировать онтологию означает, таким образом, включить ее в процессы оспаривания и производства решения. Онтологизировать политику – это признать, что политика имеет свою онтологию, несводимую к морали, экономике, рационализму, эстетике, воле, что все объекты в политике раскрывают свою политическую субстанцию, что необходимо научить жить людей во взаимодействии с объектами»²³². Таким образом, онтологизация политики приводит к более объемному пониманию взаимодействий людей и нечеловеческих сущностей, группы и коллективы людей и нелюдей без посредников и представителей говорят, высказываются, используя собственные артикуляционные аппараты. Об этом следующая цитата. «Мы всегда имеем дело с представителями, – пишет Е. Блинов, – но должны научиться ставить под сомнение их слова. Нелегитимный характер представительства, со справедливой критикой которого выступали сторонники революционного имманентизма, порождает новую утопию, не работающую применительно к “нечеловеческим” существам, которых, согласно Латуру, представляют “белые халаты”, или ученые. Разумеется, в отличие от политиков ученые всегда претендовали на то, что “факты говорят сами за себя”, а они всего лишь

²³¹ Сморгунув Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике. С. 130.

²³² Там же. С. 131.

расшифровывают таинственные письма “великой книги мира” или “той самой” природы. Представительство (не путать с натуралистической репрезентацией), считает Латур, в том или ином виде неустранимо, но мы должны тщательно исследовать его характер. При этом представительство политическое представляет собой не меньшую проблему, чем представительство нечеловеческих граждан, которое поручено ученым. <...> В новом латурианском коллективе ученые не имеют права запираить “нелюдéй” в стенах лабораторий, так как им предстоит высказаться по жизненно важным вопросам. Задача “белых халатов” состоит в том, чтобы создать “артикуляционные аппараты” для нелюдéй, при помощи которых их человеческие “сограждане” могут, наконец, услышать их нетвердые голоса. Этот процесс должен проходить при полном соблюдении демократических процедур, то есть в условиях постоянного сомнения в корректности той или иной репрезентации»²³³. Но что значит говорить от имени тех, чья онтология и эпистемология отличается от нашей? Когда каждая группа и коллектив говорят «сами за себя», без посредников и представителей, согласно новой онтологии, все неизбежно становится политическим. Наша модель разработана как артикуляционный аппарат для анализа коммуникации и идентичности наследия, отдельного здания, города, дискурсивной группы.

Безусловно, в городском развитии объекты материального наследия имеют власть и влияние на процесс решения о городских трансформациях как среды, так и идентичности, имеют социальный эффект, организуя вокруг себя дискурсивные группы, конфликтный антагонистический дискурс.

Исследователи новой онтологии в политике проблематизируют подход, отмечая, что нет выверенной методики²³⁴. В обзоре работ своих коллег по ООО Г. Харман также отмечает общность стратегии, но вариативность методик²³⁵. В

²³³ См. Блинов Е. Пером и штыком: введение в революционную политику языка. М.: Высшая школа экономики, 2022. С. 195-197.

²³⁴ Балаян А. А., Томин Л. В. Акторно-сетевая теория в контексте дискуссий об идеологии и политической онтологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 88-94; Широков А. А. Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлективные тексты // Социологическое обозрение. 2019. № 18 (1). С. 186-217; Кузнецов А. Метод Латура: семиотика между литературой и наукой // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 5 (126). С. 85-112.

²³⁵ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс, 2021.

данной работе мы вычленим и позиционируем релевантные для коммуникационной модели аспекты теории АСТ Латура, как наиболее последовательной в реализации акторно-сетевой оптики, подразумевающей следование за акторами и внимание к их действиям, которые трансформируют реальность, внося изменения в практики. Наша методика, разработанная на основе акторно-сетевой теории, представляет собой пять способов деконструкции дискурса, задач развертывания и проблематизации ситуаций и пять способов последующей сборки и стабилизации задач объединения.

Б. Латур, Л. В. Сморгун, Е. Блинов пишут о политике, укорененной в настоящем. Политика — это всегда выявление и решение насущных проблем. Политологов также волнует вопрос подотчетности в мире, где все имеет политические последствия: «прогрессивная композиция общего мира будет определяться двумя основными элементами: какие вещи должны интересовать политику и как она должна поворачиваться вокруг этих вещей»²³⁶. «Когда каждая группа и коллектив говорят «сами за себя», все неизбежно становится политическим. Однако <...> там, где все является политическим, политика становится чем-то совсем иным»²³⁷. По АСТ, необходима перекомпоновка содержания власти и сил за счет деконструкции связей, поиска и нахождения новых нечеловеческих акторов в каждой ситуации с их актуальными требованиями, построение общего коллектива, а далее построение общей композиции таких сборок. Латур пишет, что «только свежесть результатов пересборки может гарантировать политическую значимость»²³⁸. Свой политический проект, связанный с кризисом идентичности и принадлежности, Латур связывает с обновлением политических наук за счет смены оптики, рассмотрения и включения разных сущностей в коллективы: «Во времена множественных кризисов того, что понимается под принадлежностью, уже нельзя слишком упрощать задачу совместного существования. Так много других сущностей сейчас стучатся в двери

²³⁶ Сморгун Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике. С. 131.

²³⁷ Блинов Е. Указ. соч. С. 197.

²³⁸ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. С. 344.

наших коллективов. Разве так уж абсурдно желать перевооружения наших дисциплин, которое возвратило бы им чувствительность к создаваемому ими шуму и помогло бы найти для них место?»²³⁹

Таким образом, принцип трансформационной действенности настоящего момента онтологических теорий и такой же принцип гештальт-аналитической коммуникации, выражающийся в максиме «здесь-и-сейчас», указывающий на динамику действий с полевыми эмерджентными свойствами, приобретает внутри современных режимов социальных взаимодействий потенциал политического. Для доказательства взаимной релевантности этих принципов перечислим структурные стадии политического процесса принятия решения²⁴⁰ и релевантные им, соответствующие структуре коммуникации в гештальте и АСТ, этапы, а затем в таблице представим те же данные и вещи, акторов, которые дестабилизируют и стабилизируют социальные отношения (Таблица 6):

1) появление проблемы: изменение гомеостаза в среде²⁴¹, изменение объектов²⁴², изменение симбиотических отношений²⁴³, изменение привычного положения дел в поле «организм-среда»²⁴⁴;

2) превращение проблемы в публичную: использование средств коммуникации в процессе реагирования на изменения в среде²⁴⁵, обсуждение, поиск

²³⁹ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 345-346.

²⁴⁰ См. Сморгун Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике. С. 133.

²⁴¹ Власова О. Г. Психологическая защита как средство личностного развития студентов: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 1998. С. 19.

²⁴² Первый корректирующий шаг выглядит достаточно простым: мы должны прочертить непрерывные связи от локального взаимодействия к другим местам, временам и силам, побуждающим локальную инстанцию что-либо делать. Это значит, что нам надо идти за процессом делегирования или перевода. <...> такой разворот может принять форму сети при условии, что каждое перемещение будет оплачено трансформациями, то есть если мы гарантируем, что весь путь от одного места до другого будет размечен не проводниками, а полноценными посредниками. Тем самым мы сделаем видимыми длинные цепи акторов, соединяющие места друг с другом, не упустив ни одного звена. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 229.

²⁴³ ООО вместо этого фокусируется на нескольких стадиях развития объекта: стадиях, вызванных в основном не внутренним развитием, а симбиотической трансформацией. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». С. 104.

²⁴⁴ Погодин И. Восстанавливая способность переживать: психотерапия психической травмы // Гештальт-обзор. 2015. С. 72.

²⁴⁵ Лунцова Н. Р. Функционирование СМИ в политическом процессе: на материале федеральных печатных СМИ: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2003; Корконосенко С. Г., Воскресенская М. А. Журналистика в модусе культуры: институциональный взгляд // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 108-119; Колесниченко А. В., Вырковский А. В., Галкина М. Ю. Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 5. С. 51-71.

решения и компромисса²⁴⁶;

3) принятие правительством этого вопроса как общественной воли и высшего блага: обсуждение в рамках дискурсов групп всегда антагонистичных и конфликтных, поскольку оппозиция и разнообразие присущи демократическому политическому режиму²⁴⁷;

4) привлечение общественности к решению проблемы: выбор логичного ответа и рационального решения²⁴⁸;

5) переход вопросов в стандартную стадию управленческой практики: разработка планов управления, программ развития, политики конструирования идентичности, соответствующей ситуации²⁴⁹.

Таблица 6 – Стадии политического процесса решения проблемы

Структурные стадии в политическом процессе	Структурные стадии в коммуникативном процессе	Де-/стабилизирующие отношения вещи
Появление проблемы	Изменение гомеостаза в среде, изменение объектов, изменение симбиотических отношений, изменение привычного положения дел в поле «организм-среда»	Вещи, осуществляющие трансформацию
Превращение проблемы в публичную	Использование средств коммуникации в процессе реагирования на изменения в среде, обсуждение, поиск решения и компромисса	СМИ, социальные сети

²⁴⁶ Янин К. Д. Этапы и особенности освоения архитектурного пространства современного города // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 310-312.

²⁴⁷ Воронкова М. А. Особенности политического режима в современной России: сравнительно-правовой анализ // Глобус. 2020. № 3 (49). С. 46-49.

²⁴⁸ Филатова О. Н., Гушин А. В., Шобонов Н. А. Профессиональное образование в современном информационном обществе // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-2. С. 189-192; Гавра Д. П., Быкова Е. В. Стратегическая кризисная коммуникация: базовые характеристики и интегративное воплощение // Век информации. 2016. № 2. С. 122-125; Гавра Д. П. Понятие и характеристики коммуникационной стратегии // Российская школа связей с общественностью. 2019. № 15. С. 65-78.

²⁴⁹ Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. СПб.: Питер, 2011; Трофимов В., Трофимова Л. Методы принятия управленческих решений: учебник и практикум для СВО. М.: Издательство Юрайт, 2022; Nevis E. S. Organizational consulting: A Gestalt approach. Gestalt Press, 2013; Stevenson H. Gestalt consulting. 2003. URL: <https://www.herbstevenson.com/articles/gestalt-consulting.php> (дата обращения: 15.04.2022).

Продолжение таблицы 6

Принятие правительством этого вопроса как общественной воли и высшего блага	Обсуждение в рамках дискурсов групп всегда антагонистичных и конфликтных, поскольку оппозиция и разнообразие присущи демократическому политическому режиму	Элементы диспозитивов групп
Подключение публики к ее решению	Выбор рационального решения	Диспозитивы, коммуникация, проверка предложений (проекция интроектов)
Переход проблем в обычную стадию управленческой рутины	Разработка планов управления, программ развития, политики конструирования идентичности, соответствующей ситуации	Планы, схемы, формулы

В таблице выше показаны этапы операционализации конфликта и перевода политического решения в управленческие процессы. На каждом этапе социальные отношения стабилизируют те или иные вещи: трансформаторы, медиа, отчеты и планы, диспозитивы, коммуникация по структурной схеме коммуникации, которая в гештальте называется «цикл контакта» и наполнена инкорпорированными вещами²⁵⁰. Какие вопросы должны волновать политику в свете новой онтологии? Одним из ответов мы видим следующий: вещи, которые способствуют закрытию каждого этапа политического процесса, начиная от идентификации и обсуждения проблемы до ее решения и рутинизации.

Исследования цифровизации, искусственного интеллекта, экологии, постколониализма и государственного управления также рассматривают новую

²⁵⁰ Ветошкина М. А. К вопросу о возможности применения гештальт-модели «цикл контакта» в деятельности учителя // Интеллектуальный потенциал человека в системе современных научно-образовательных процессов. 2020. С. 137-141; Плетников В. В. Механизмы прерывания цикла контакта в теории Гештальта: пересмотр традиционных представлений // Журнал практической психологии и психоанализа. 2019. № 1. С. 71-82.

онтологию²⁵¹. Трансгуманизм и постгуманизм создаются как философии интеграции нечеловеческих объектов в человеческий мир²⁵². Необходимость понимания организации политического знания стала более актуальной в результате вызовов, брошенных цифровыми технологиями традиционным формам политики и государственного управления. Данное познание невозможно без учета онтологических теорий, объясняющих процедуры трансформаций в сетях и дискурсивных сборках.

Таким образом, общие идеи онтологического поворота суть следующие: децентрация субъекта; реализм; эмерджентность; ограниченность здравого смысла, постправда²⁵³; непринятие иерархии; непризнание абсолютных истин и эссенциализма; значимость объектов и их проявлений; признание активности и агентности вещей и природы. Рассмотрим данные компоненты политического процесса в структурах дискурса, диспозитивах, в рамках рассматриваемых кейсов, связанных с наследием в этой главе, в реконструированном из интервью дискурсе – в третьей главе. Операционализируем понятие «дискурс» и выделим подходы, релевантные нашему предмету и концептуализации.

2.4. Дискурсивность как рамка исследования агентности

В процессе коммуникации по поводу города и наследия конструируется соответствующий дискурс, формируется идентичность индивидов и групп как эмерджентный эффект такой коммуникации, как знание и проявление власти, по М. Фуко. Дискурсивный и диспозитивный анализ с включением в него метода АСТ позволил обнаружить неодушевленных акторов на всех структурных этапах коммуникативного конструирования идентичности: индивидуального и группового.

²⁵¹ Сосновская А. М. Цифровая трансформация общества: влияние социальных сетей на социальные практики // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества: материалы XV Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2021. С. 122-130.

²⁵² Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь: Гиле Пресс, 2020.

²⁵³ См. Сосновская А. М., Раменский П. А. Постправда и фейковые новости: генезис и последствия // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2020. Т. 11, № 3. С. 77-82.

Дискурсивный анализ неоднороден, используется много подходов. Обозначим, чем различаются подходы, чтобы определить наиболее релевантные для нашего анализа. Понятие «дискурс» – многозначный термин со множеством определений и операционализаций. Под термином «дискурс» понимают то, что язык структурирован в соответствии с закономерностями, которые влияют на то, как люди выражают себя в различных сферах социальной жизни, а анализ дискурса – это изучение этих закономерностей²⁵⁴. Дискурс-аналитические подходы продолжают концепцию дискурса М. Фуко, рассматривая дискурсы как группы утверждений, ограниченные правилами, исследуя границы означивания: то, что стоит означивать, и как это создается дискурсивно. Современные подходы оперируют не одним режимом знания, а конфликтной динамикой, «в которой различные дискурсы сосуществуют или борются за право определять истину»²⁵⁵. М. Фуко отмечает, что с течением времени он не сузил, а расширил понятие дискурса: рассматривая его иногда как общую область всех утверждений, иногда как группу утверждений, а иногда как регулируемую практику, которая объясняет утверждения²⁵⁶.

Н. Карпентье выделяет микротекстовые и макротекстовые подходы в исследованиях дискурса. В микротекстовых подходах к дискурсу подчеркивается тесная связь с языком, подход, который обозначает «дискурс-как-язык». Макротекстовые подходы рассматривают тексты как материализацию смысла и/или идеологии, и дискурс становится «дискурс-как-представление» или «дискурс-как-идеология», фокусируясь на смыслах, репрезентациях или идеологиях, заложенных в тексте, а не столько на используемом языке.

Вторая его дифференциация заключается в том, что концепция дискурса находится между микро- и макроконтэкстными подходами. Микроконтэкстные подходы ограничивают контекст конкретными социальными условиями, такими как речевой акт или разговор. В макроконтэкстных подходах дискурсы циркулируют в обществе, уделяя меньше внимания локализованным условиям,

²⁵⁴ Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. С. 17.

²⁵⁵ Там же. С. 37.

²⁵⁶ См. Фуко М. Археология знания. С. 153-160.

микроконтекстам. Тогда возможен анализ более широкого поля, например, того, как демократический дискурс или городская идентичность артикулируются в обществе²⁵⁷. Наше исследование занимает срединную позицию в данных оппозициях микро- и макротекстовых, микро- и макроконтекстных подходах, поскольку мы анализируем и речь, и смыслы, а также учитываем контекст кейсов и общей городской политики и идеологии.

Внутри дискурсивной методологии, согласно Р. Водак и соавторам, современные дискурсивные подходы различаются по дедуктивности и индуктивности, обобщенности и детальности элементов анализа и по использованию в качестве теоретических предпосылок различных так называемых великих теорий и концепций. Визуализация связей этих подходов и теорий разработана Р. Водак и М. Мейери представлена в их работе²⁵⁸. Данная схема обобщает ключевые, но не все, в том числе используемые в нашей работе²⁵⁹, подходы и их эпистемологические предпосылки в континууме от индуктивных теорий, построенных на анализе кейсов, до дедуктивных макроконтекстуальных теоретических работ.

Свои исследования Р. Водак и М. Мейер позиционируют в рамках критического анализа дискурса, междисциплинарной области в социальных науках. Подходы критического анализа дискурса объединяет общий интерес к семиотическим измерениям власти, несправедливости, политико-экономическим, социальным, культурным изменениям в мире. Корни критического анализа дискурса лежат в риторике, лингвистике текста, антропологии, философии, социальной психологии, когнитивистике, литературоведении и социолингвистике.

Р. Водак с соавторами сделала обзор теоретических и методологических подходов критического анализа дискурса, подчеркнув, что «всякая теория определяется практическими исследовательскими целями» и пришла к выводу, что

²⁵⁷ См. Carpentier N. *The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation*. NY. 2017. P. 15-20.

²⁵⁸ Wodak R., Meyer M. *Methods of critical discourse studies*. Sage, 2015. P.18.

²⁵⁹ Мы будем опираться также на работы по дискурсу Э. Лакло и Ш. Муфф, Дж. Томпсона; Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a radical democratic politics*. London: Verso, 1985; Thompson J. B. *Mass communication and modern culture: Contribution to a critical theory of ideology* // *Sociology*. 1988. Vol. 22, № 3. P. 359-383 и некоторые другие работы.

идеология, идентичность и неравенство (пере)разыгрываются посредством текстов, созданных в социальном и политическом контексте²⁶⁰.

Язык в рамках социокогнитивного подхода признается решающим в построении и поддержании идеологий, которые являются ключевыми в установлении и стабилизации социальной идентичности и неравенства. Р. Водак продолжает рассуждение в другой своей работе: «Несмотря на уверенность человека в том, что нельзя “заглянуть” в сознание другого (в “черный ящик”), (практически) каждый из нас убежден, что существуют определенные ментальные процессы, которые связывают производство и понимание текста как с высказыванием, текстом и коммуникацией, так и с социальными явлениями. Данный факт становится особенно очевидным при анализе таких феноменов как языковое поведение, стереотипы, предрассудки, присущие социальным группам. Более того, мы обязаны принимать во внимание убеждения, мнения, воспоминания о прошлом при изучении проблемы идентичности, изложении событий прошлого, поскольку они являются обязательными составляющими рассматриваемых дискурсивных практик; такие понятия как “коллективная память”, “воображаемое сообщество” есть неотъемлемые категории когнитивных процессов. Некоторые из областей и жанров дискурса, на которые традиционно ориентируется аналитики, включают расизм, ксенофобию, национальную идентичность и другие социальные идентичности, гендерную идентичность и неравенство, исследование дискурса в СМИ и политический дискурс»²⁶¹. Данные когнитивные переменные представлены в нашей концептуальной модели анализа, а также являются маркерами материальных акторов, инкорпорированных в процессе социализации, как так называемые «плагины», по Латуру.

Описание дискурса как социальной практики в подходе Р. Водак подразумевает диалектическую связь между непосредственным дискурсивным событием и ситуацией, институтом и социальной структурой, которые его

²⁶⁰ Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis. W: Schiffrin, Deborah/Tannen, Deborah/Hamilton, Heide (eds.): Handbook of Discourse Analysis, 2001. P. 352-371.

²⁶¹ Водак Р. Взаимосвязь «Дискурс общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 107-116.

обрамляют: дискурсивное событие формируется ими, но оно также формирует их. В методе АСТ диалектика не используется, поскольку теория является плоской онтологией, изучая акторов внутри структур и вынося контексты за скобку. По Р. Водак, дискурс может рассматриваться как идеология, «представляя собой ситуации, объекты познания, социальные идентичности и отношения между людьми и группами людей, <...> дискурс конститутивный как в том смысле, что он помогает поддерживать и воспроизводить социальный статус-кво, так и в том смысле, что он способствует его преобразованию»²⁶². В своем исследовании²⁶³ мы проанализировали оппозиционные дискурсы и показали воспроизводство идеологии и циркулирование власти/знания. Согласно М. Фуко, власть не принадлежит определенным агентам, а распространяется посредством различных социальных практик. Власть, как продуктивная сеть, конституирует дискурс. Трактовка дискурса сводится к рассмотрению данного понятия как особого «режима» знания, который задает параметры того, что считать истинным или ложным. Компетенция определять «истину» является мощным политическим ресурсом языка²⁶⁴.

Методологически мы позиционируем свое исследование также в разработанной Р. Водак и ее коллегами программе дискурс-анализа.

1. Подход является междисциплинарным. Проблемы в наших обществах слишком сложны, чтобы их можно было изучать с одной точки зрения. Наше исследование является междисциплинарным и включает следующие области: политология, теория медиа и коммуникации, социология, психология.

2. Метод ориентирован на проблему, а не на лингвистические элементы. Исследования сосредоточены на социальных вопросах, таких как «расизм, идентичность и социальные изменения», которые рассматриваются с разных сторон. Мы изучаем проблемы кризиса идентичности, сохранения наследия,

²⁶² Wodak R. Aspects of critical discourse analysis // Zeitschrift für angewandte Linguistik. 2002. Vol. 36, № 10. P. 5-31.

²⁶³ Сосновская А. М. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 68-83.

²⁶⁴ См. Иохим А. Н. Дискурс и борьба за власть: к вопросу о политической роли языка // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 115-117.

посредством исследования текстов, разбирая построение коммуникации, структурные элементы, действующих актантов, осуществляя исследование дискурса и политик знания как власти.

3. Как и методологии, теории эклектичны; то есть они объединяют теории и методы, чтобы полностью объяснить предмет исследования. Слияние структурных моделей из психологии и социологии в нашем исследовании демонстрирует наибольшую эклектичность и новизну.

4. Для любого дальнейшего анализа и теоретизирования исследование всегда должно включать полевую работу и этнографию, чтобы постигнуть изучаемый объект изнутри. Такой подход коррелирует с главной максимой АСТ – «следовать за акторами», то есть описывать передвижения и давать говорить актерам. Многочисленные интервью, включенное наблюдение за изучаемым полем, работа с текстами в СМИ и социальных сетях являются нашим этнографическим материалом.

5. Подход абдуктивный: необходимо постоянное движение вперед и назад между теорией и эмпирическими данными. АСТ обеспечивает такое движение, поскольку представляет оригинальный материалистический теоретический подход, методику деконструкции и реконструкции дискурса с постоянным вниманием к действиям акторов.

6. Изучаются множественные жанры и общественные пространства, исследуются интертекстуальные и интердискурсивные отношения. Диссертация сфокусирована на исследовании дискурса и его жанров²⁶⁵ и диспозитивов.

7. Исторический оригинальный контекст всегда анализируется и интегрируется во взаимодействие дискурсов и текстов. Для себя мы понимаем данный тезис как изменение состояния и действий актантов во времени и в связи с событиями, а также как дискурсивные стратегии апеллирования к прошлому и политику памяти, поскольку АСТ выносит контекст за скобку.

²⁶⁵ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. 2000. С. 249-298.

8. Категории и инструменты анализа определяются в соответствии со всеми этими шагами и процедурами, а также с конкретной исследуемой проблемой. Для анализа текстов нами разработана модель коммуникации с учетом акторов АСТ.

9. Великие теории могут служить основой; в конкретном анализе теории среднего уровня лучше служат целям. Теории среднего уровня используют проблемно-ориентированный подход. Созданная нами модель коммуникации поможет нам лучше понять проблемы медиа коммуникации, позволит лучше ориентироваться в теории медиа и коммуникации в контексте онтологического поворота.

10. Практика и применение должны быть доступны для экспертов в различных областях, с акцентом на конечные результаты. В качестве второго шага они должны использоваться для изменения некоторых дискурсивных и социальных аспектов практики. Апробированная модель коммуникации при составлении и реализации сценария образовательного видеоконтента ведет к укреплению городской идентичности²⁶⁶.

Данная 10-этапная модель позволяет провести дискурс-анализ с учетом АСТ, изучить процессы выстраивания идентичностей, показав онтологические категории коммуникаций.

2.4.1. Определение дискурса и его социальных измерений

Мы определили использование понятия и методологию дискурсивного анализа с учетом АСТ и онтологических категорий коммуникации. Для нашего анализа существенно, что М. Фуко вводит в свой дискурсивный анализ концепцию диспозитивов, которые включают в себя тексты, практики и объекты. Это все, что позволяет «оставаться бдительным» и иметь в виду какой-то диспозитив, учитывая

²⁶⁶ Апробирование состоялось в 2022–2023 гг. как получение обратной связи от учителей, чиновников, журналистов и школьников, которые посмотрели видеоролики, нарисовали рисунки и написали ключевые слова, которые запомнили, а также изложили свои впечатления и ответили на вопросы во время презентационных уроков. Усвоение понятий и представлений, связанных с наследием, подтверждает действенность схемы и укрепление идентичности. «*StP4juniors*: о Петре и Петербурге для школьников» URL: <https://vk.com/@spbwithfriends-stp4juniors-o-petre-i-peterburge-dlya-mladshei-shkoly>; <https://clck.ru/34TzTV> (дата обращения: 15.04.2023).

при этом всякий раз его не/реализацию²⁶⁷.

Оставаясь в рамках дискурса, о вещах и практиках мы узнаем из паратекстов, то есть других текстов и дискурсов. Н. Майоров отмечает у Фуко единый подход к определению диспозитива, представленный тремя смысловыми уровнями, и дает интегрирующее определение: «под диспозитивом следует понимать властно-стратегический ансамбль дискурсивных и недискурсивных элементов». Такой единый подход позволяет выделить следующие уровни на основании конкретных политических эффектов.

1. Экстенциональный уровень. Диспозитив трактуется как «решительно гетерогенный ансамбль, включающий в себя обсуждения, учреждения, архитектуру, регламентирующие решения, законы, административные мероприятия, научные высказывания, философские, моральные или филантропические тезисы». И высказанное, и невысказанное является элементами диспозитива.

2. Интенциональный уровень. Диспозитив – это сеть, которая может существовать между всеми перечисленными элементами.

3. Стратегический уровень. Именно диспозитив решает, как формируется сеть²⁶⁸.

Публикации о том, как следует проводить анализ дискурса по Фуко сопровождали появление анализа дискурса как междисциплинарной концепции с начала 1980-х годов; по диспозитивному анализу – примерно с 2000 г., эти дискуссии продолжаются и сегодня²⁶⁹. Немецкие исследователи Дж. Лемке²⁷⁰,

²⁶⁷ «Возьмем образовательные колледжи XVIII века. В целом может возникнуть впечатление, что о сексе там практически не говорят. Но достаточно бросить взгляд на архитектурные диспозитивы, на дисциплинарные уставы и на всю внутреннюю организацию и мы увидим, что там постоянно стоит вопрос о сексе. Строители подумали о нем, причем в явной форме. Организаторы постоянно принимают его во внимание. Все, кто хоть в какой-то мере обладают властью, приведены в состояние постоянной бдительности, которая беспрерывно поддерживается всевозможными приспособлениями, принятыми мерами предосторожности, игрой наказания и ответственности. Пространство классов, форма столов, устройство дворов для отдыха, планировка спален (с перегородками или без, с занавесками или без), предусмотренные для надзора за отходом ко сну и за сном, уставы – все это отсылает, и самым что ни на есть пространственным образом, к сексуальности детей». Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум: Изд. Дом «Касталь», 1996. С. 82.

²⁶⁸ См. Майоров Н. В. Понятия дискурса и диспозитива в контексте медиаисследований // Научные ведомости. 2015. № 18. С. 145-148.

²⁶⁹ Jäger S. Kritische Diskursanalyse // Eine Einführung. 2004. Vol. 4. P. 76-89.

²⁷⁰ См. Lemke J. L. Textual politics: Discourse and social dynamics. Taylor & Francis, 2005. P. 208.

С. Ягер²⁷¹, выстраивающие свой диспозитивный и дискурсивный анализ по теории и подходу Фуко, определяют дискурс через текст, который предстает как конкретная реализация абстрактных форм знания.

Ягер приводит цитату Фуко о методах, которые «являются, так сказать, подмостками, служащими переходом между только что законченной работой и другой. В лучшем случае они орудия, но и мечты». Фуко интересуется прежде всего критика «фактов» вне зависимости от того, являются ли они лингво-дискурсивными или иными дискурсивными и диспозитивными фактами. Фуко заботят не столько методы, сколько истинность фактов. Он также говорит о мечтах о лучшем и более справедливом мире²⁷².

Теория Фуко выходит за рамки дисциплин лингвистики и литературоведения, концентрируясь на анализе дискурсов и диспозитивов, которые понимаются как потоки или последовательности, охватывающие социальные запасы знаний в пространстве и времени²⁷³.

Фуко писал: «Элементы дискурса проходят через тексты как темы <...>». Это комментирует Дж. Линк: «В “теме” должно быть что-то вроде “дискурсивной энергии”, которая в конечном итоге может оказать влияние как полемическая энергия. “Тема” имеет повышенную вероятность того, что противоположные дискурсивные позиции, например, в форме дебатов, будут противостоять друг другу; “дискурсивная энергия” проявляется в том, что “тема” как магнит аккумулирует вокруг себя множество утверждений, и не только в течение короткого периода времени дискурсивного события, но в течение даже длительного времени»²⁷⁴. Под темой, таким образом, следует понимать содержание ядра высказывания, т. е. то, о чем идет речь в концентрированном виде. Темы составляют нити дискурса, то есть способность длить дискурс даже при радикальной смене контекстуальной интерпретации дискурса, сохраняя работающие предпосылки

²⁷¹ Jäger M., Jäger S. Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse. Springer-Verlag, 2007.

²⁷² Цитата по: Jäger S. Kritische Diskursanalyse. P. 77.

²⁷³ Die Analyse des Diskurses bzw. der Diskurse und Dispositive konzentriert, die sie als Verläufe oder Flüsse bzw. Abfolgen von oft auch raumübergreifenden sozialen Wissensvorräten durch die Zeit versteht.

²⁷⁴ Link J. Dispositiv // Foucault-Handbuch. J. B. Metzler, Stuttgart, 2014. P. 237-242; Link J. Diskurs, Interdiskurs, Kollektivsymbolik // Zeitschrift für Diskursforschung. 2013. Vol. 1, № 1. P. 7-23.

производства события. Наша тема-нить – идентичность, связанная с дискурсивными событиями сохранения или несохранения наследия.

Дискурсивные события – это те события, о которых идет речь в дискурсе, которые широко освещаются в СМИ и влияют или существенно определяют направление и качество дискурсивной нити, к которой они принадлежат²⁷⁵. В дискурсивных событиях участвуют дискурсивные группы. Различные направления дискурса появляются на разных дискурсивных уровнях (наука, политика, СМИ, образование, повседневная жизнь, деловая жизнь, администрация и т. д.).

Подобные уровни дискурса разных участников также можно описать как социальные места, из которых «говорят». С. Ягер приводит примеры того, как дискурсивные фрагменты специального научного дискурса или политического дискурса включены в медийный дискурс. Отдельные уровни дискурса вовлеченных дискурсивных групп переплетены, и могут высказываться из одной идеологической позиции. Мы составили диаграмму рассеивания, показывающую позиции дискурсивных групп, влияние позиций на социум и основной эмоциональный триггер воздействия²⁷⁶. Категория дискурсивной позиции подразумевает определенную политико-идеологическую позицию. Маргрет Ягер определяет категорию дискурсивной позиции следующим образом: «Под дискурсивной позицией я понимаю место, из которого происходит участие в дискурсе и его оценка для индивидуума или для групп и институтов. Дискурс производит и воспроизводит особые дискурсивные запутывания, которые подпитываются текущими жизненными ситуациями тех, кто участвует в дискурсе и переживает их. Дискурсивная позиция, таким образом, является результатом запутанности в различных дискурсах, которым подвергался индивид и которые он преобразовал в течение своей жизни в определенную идеологическую или мировозренческую позицию»²⁷⁷. Дискурсивные позиции, отклоняющиеся от доминирующего дискурса, могут быть отнесены к контрдискурсам.

²⁷⁵ Jäger S. Kritische Diskursanalyse. P. 82.

²⁷⁶ Диаграмма рассеивания рассматривается в 3 главе.

²⁷⁷ Цит. по Jäger S. Kritische Diskursanalyse. P. 85.

Ссылаясь на теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, Н. Карпентье подчеркивает, что «любой дискурс конституируется как попытка доминировать в поле дискурсивности, остановить поток различий, построить центр»²⁷⁸. Суть дискурсивной теории Э. Лакло и Ш. Муфф заключается в том, что социальное явление не может быть законченным и обладать полным значением. Вследствие этого в дискурсе присутствует антагонизм и постоянная борьба противоположных устремлений и/или борьба к идеальному состоянию системы, которое нейтрализует нехватку в психоаналитическом смысле²⁷⁹. В данном подходе задачами дискурсивного анализа являются: фиксирование значений на всех уровнях социального явления и выявление хода борьбы антагонистов.

В теоретической концепции Э. Лакло и Ш. Муфф используется понятие артикуляции, которая понимается как любая практика установления отношений между различными элементами, при которой изменяется или воспроизводится на новых основаниях идентичность элементов, которая не может быть долго фиксируемой²⁸⁰. В нашей концептуальной модели, артикуляция находится на стадии взаимодействия, где проявляются отличия, а фиксированная позиция – на стадии интеграции и присвоения идентичности, которая также никогда полностью не завершается и обновляется в новой артикуляции. Э. Лакло и Ш. Муфф определили дискурс как структурированную сущность, являющуюся результатом артикуляции, которая, в свою очередь, рассматривается как «любая практика, устанавливающая отношения между элементами таким образом, что их идентичность изменяется в результате артикуляционной практики»²⁸¹. Таким образом, дискурс – осмысленный результат артикуляции меняющихся идентичностей.

«Практика артикуляции состоит в построении узловых точек, которые частично фиксируют значение; а частичный характер этой фиксации проистекает из открытости социального, которое, в свою очередь, является результатом

²⁷⁸ Carpentier N. The discursive-material knot: Cyprus in conflict and community media participation. Peter Lang Publishing, Inc., New York, 2017. P. 41.

²⁷⁹ Ставракакис Я. Двусмысленная демократия и этика психоанализа // Логос. 2004. Т. 2. С. 214.

²⁸⁰ См. Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: «Гуманитарный Центр», 2008.

²⁸¹ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. P. 105.

постоянного переполнения всякого дискурса, бесконечностью поля дискурсивности»²⁸². Дискурсы должны быть частично зафиксированы, поскольку в противном случае изобилие смысла сделало бы любой смысл невозможным: «дискурс, неспособный породить какую-либо фиксированность смысла, является дискурсом психотика»²⁸³. Контингентность, случайность структур, происходит от того, что структура наделена «изначальным недостатком, радикальной неразрешимостью, которая требует постоянно заменяться решениями»²⁸⁴. Цель гегемонистских проектов состоит в том, чтобы построить и стабилизировать узловые точки дискурса, которые являются основой социального порядка, общим социальным воображаемым.

Используя психоаналитический словарь, мы можем сказать, что социальное воображаемое – это фантазии, позволяющие преодолеть нехватку, порожденную случайностью социального и структурной невозможностью достижения реальности (или реального, по Ж. Лакану). В лакановской психоаналитической теории фантазия понимается как имеющая среди прочего защитную роль²⁸⁵. Предоставляя субъекту дискурс, который пытается скрыть и, в конечном счете, преодолеть нехватку, фантазия функционирует как «опора, придающая последовательность тому, что мы называем “реальностью”»²⁸⁶. Субъекты вытесняют реальность в фантазии, чтобы сделать реальность последовательной, а затем конструируют социальные образы, которые потом воспринимаются как должное, то есть возвращаются в виде мнимого эффекта реальности.

Момент седиментации, символизирующий успех гегемонии, наступает, когда устанавливается гегемонистский порядок, забывается его сконструированная природа, но она артикулируется как естественная и объективная. В этом сценарии создается социальное воображаемое, которое вытесняет другие смыслы. Седиментация подразумевает «забвение истоков», когда «система возможных альтернатив имеет тенденцию к исчезновению, а следы первоначальной

²⁸² Ibid. P. 113.

²⁸³ Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. P. 112.

²⁸⁴ Ibid. P. 113.

²⁸⁵ См. Лакан Ж. Семинары. Изнанка психоанализа (1969-1970). М.: Гнозис: Логос, 2008.

²⁸⁶ Butler J. et al. *Contingency, hegemony, universality: Contemporary dialogues on the left*. Verso, 2000.

контингентности исчезают»²⁸⁷. Э. Лакло эти остаточные формы называет «социальным», противопоставляя «политическому». Даже когда политическое может реактивироваться и попытаться политизировать отложенные и вытесненные смыслы, социальное остается фоном этих вмешательств: «Любое политическое конструирование происходит на фоне ряда отложившихся практик»²⁸⁸. Одним из важных следствий этой линии рассуждений является то, что не все является политическим в данное время и в данном пространстве. Акцент Э. Лакло на политическом связан с идеей, что гегемония является открытой практикой и системой, делающей возможной артикуляцию. В закрытой системе было бы только повторение, и гегемония таким образом оказалась бы невозможна. Однако простой артикуляции недостаточно, чтобы можно было говорить о гегемонии. Согласно Э. Лакло и Ш. Муфф, антагонизмы, связывающие элементы в так называемые цепочки эквивалентности, являются необходимым условием: «гегемония должна возникнуть в поле, пересекаемом антагонизмами, и, следовательно, предположим явления эквивалентности и пограничных эффектов. Но, наоборот, не всякий антагонизм предполагает гегемонистские практики». Антагонизмы имеют как отрицательные, так и положительные аспекты, поскольку они пытаются дестабилизировать «другую» идентичность, но отчаянно нуждаются в этом самом «другом» как конституирующем внешнем для стабилизации собственной идентичности²⁸⁹.

Понятие «логика эквивалентности» отсылает к закономерностям образования дискурсивных систем, основным механизмом которого является связывание за счет артикуляции разрозненных элементов, так называемых «плавающих означающих», вокруг некоего центра и установление между ними, благодаря отсылке к этому центру, отношений эквивалентности и равнозначности²⁹⁰. Эта логика эквивалентности и создания цепей эквивалентности является для Э. Лакло и Ш. Муфф основным ответом на вопрос о том, как дискурсивно конструируются

²⁸⁷ Laclau E. *New reflections on the revolution of our time*. Verso Trade, 1990.

²⁸⁸ Ibid. P. 35.

²⁸⁹ Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. P. 135-136.

²⁹⁰ См. Оришева О. Ф. «Политическое» и «Социальное» в постмарксистской теории гегемонии // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2010. № 5. С. 136-139.

антагонизмы. В этих цепочках разные идентичности выравниваются друг с другом – делаются эквивалентными – и противопоставляются другой негативной идентичности. Иными словами, в логике эквивалентности ряд тождеств сводится в один дискурс, который объединяет их, при этом не растворяя их специфики, а противопоставляя оппозиционному дискурсу.

Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, постмарксистская теория, симпатизирует развитию нового материализма, направленного на переосмысление и переоценку роли материала в культурной теории. В этом подходе теоретики рассматривают материал как «агентную материю» и «порождающую материю»²⁹¹. Новый материализм воспринимает материю как одновременно материальную и репрезентативную; новая материалистическая повестка выражается в фокусе на «материально-семиотическом акторе»²⁹². Именно семиотический анализ позволяет найти в текстах материальных акторов, инкорпорированных в личность в качестве плагинов или в группу в качестве диспозитивов.

2.5. Разработка концептуальной модели коммуникации: агентность в психологии коммуникации

В целом методология данного исследования включает два направления: дискурсивный/диспозитивный анализ и акторно-сетевой анализ. Мы реконструировали метод анализа из акторно-сетевой теории Б. Латура, а также выстроили диспозитивы дискурсивных групп по структуре коммуникации, в результате которой появляются новые смыслы и идентичность, чтобы потом рассмотреть вещи и их роль в поддержании идентичности на каждом этапе, в каждом элементе. График «Концептуальная модель исследования коммуникации»

²⁹¹ Вахштайн В. С. Город как ассамбляж: к теории гетерополиса // Социология власти. 2021. Т. 33, № 4. С. 35-54; Агамалова Л. Гипер-Хаос vs Материя-в-процессе-материализации: к онтологиям Квентина Мейясу и Карен Барад; Писарев А. А. Сети, плоскости, материя: об употреблении плоских социальных онтологий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1. С. 144-157.

²⁹² Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32, № 1. С. 237.

представляет структуру коммуникации, которая характеризуется динамичностью и изменением состояния актантов (Рисунок 1).



Рисунок 1 – Концептуальная модель исследования коммуникации

Коммуникация представлена как волна, развивающаяся в координатах времени и энергии. До кульминации в точке «выбор» график представляет стадии состояния, после кульминации – стадии изменения идентичности как субъектов, так и акторов и нефигуративных актантов. На первом этапе происходит изменение в поле, среда в окружении актанта меняется, неререфлексируемые чувственные качества в симбиотическом слиянии проявляют себя аффективно, внимание направлено на ситуацию и текущее состояние. Движение энергии к действию растет и требует когнитивной обработки аффектов. Загруженные плагины в субъекта, представляющие собой «индивидуализаторы» и «субъективаторы»²⁹³, сформировали знание, опыт по схожим ситуациям, имеют стереотипные модели

²⁹³ «Вы должны подписаться на множество субъективизаторов, чтобы стать субъектом, и загрузить множество индивидуализаторов, чтобы стать индивидуальностью, так же как должны подсоединить множество локализаторов, чтобы иметь локальное место, и многочисленные олигоптикумы, чтобы контекст доминировал над другими местами». Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 285.

поведения, интроекты, которые следует далее спроецировать во вне, проверить в процессе взаимодействия и артикуляции, имеющем трансформационный потенциал.

Состоялось взаимодействие или нет, и с кем, и как, понятно по изменениям в системе и ситуации, по эмерджентным эффектам, обновленному знанию и идентичности. По мнению Латура, сравнение с информационными технологиями помогает нам понять непрерывный процесс создания акторов: «Теперь гораздо легче не рассматривать актора как наделенного некой изначальной “интериорностью” субъекта, взор которого направлен на состоящий из грубых вещей объективный мир, которому он должен противостоять или быть способным сварганить из него какое-нибудь символическое варево. Мы должны иметь возможность вести эмпирические наблюдения за тем, как анонимное родовое тело делается личностью: чем сильнее поток предложений (offers) субъективности, тем больше внутреннего мира вы получаете. Субъекты не более автохтонны, чем взаимодействия лицом-к-лицу. Они тоже зависят от потоков сущностей, позволяющих им существовать. Наконец-то теперь быть «актером» – это полностью искусственная и полностью прослеживаемая сборка»²⁹⁴. Компетентность подгружается и декодируется для употребления поисковыми системами: «В новой топографии, которую мы набрасываем, другой источник компетенции может быть у вас на кончиках пальцев: существуют циркулирующие плагины, на которые вы можете подписаться и которые можете немедленно загрузить, чтобы стать локально и временно компетентным»²⁹⁵.

Согласно АСТ, изменение продуцируют во взаимодействии материальные акторы, посредники; меньше изменений видно, если использованы проводники. Однако проводников не бывает, как уточняет Латур в конце своей книги, потому что любой объект меняет систему и поле²⁹⁶.

²⁹⁴ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 275-276.

²⁹⁵ Там же. С. 275.

²⁹⁶ «Всякое место локализуется целым потоком локализаторов, распределителей, девиаторов, артикуляторов, любое слово на выбор. Роль интеробъективности в том, чтобы ввести в локальные взаимодействия фундаментальное перемещение» (Там же. С. 268). «Встретившись с объектом, прежде всего, обрати внимание на связи, из которых он состоит, и лишь потом посмотри, как он обновил репертуар социальных отношений» (Там же. С. 305).

Латур размышляя о «психоморфах», меняет границы между психологией и социологией, отмечая, что индивид осуществляет выбор того, какую опцию предложений загрузить в себя. «Для этого существует только один способ: заставить каждую единичную сущность, обитающую в бывшем «внутри», приходить извне не как негативное принуждение, «ограничивающее субъективность», а как позитивное предложение (offer) субъективации. Как только мы это сделаем, прежний актер, член, агент, личность, индивид, – как бы его ни называли, – примет все тот же звездообразный вид, который мы наблюдали раньше, выравнивая глобальное и заново распределяя локальное. Его или побуждают быть индивидуальностью-субъектом, или побуждают быть родовым не-существом многочисленные другие силы. Каждая компетенция, глубоко погруженная в безмолвие вашего внутреннего мира, сначала должна прийти извне, чтобы потом медленно в нем осесть и расположиться в благоустроенном подвале, двери которого затем тщательно опечатают. Ничто из всего этого не является данностью»²⁹⁷.

Поскольку АСТ интересуется посредниками, которые убеждают и побуждают других посредников действовать, ее теория действия не сосредоточена на действующем лице, но на связях, побуждающих к активности. «Побудить к действию» – это не то же самое, что «быть причиной» или «делать», потому что, по Латуру, происходит удвоение, сдвиг или перевод, который полностью меняет смысл фразы. Раньше невозможно было связать мотивы актора с тем, что побуждает его действовать, не столкнувшись с обвинениями в «доминировании», «ограничении» или «порабощении». Латур отмечает, что теперь это уже не тот случай: «Чем больше у актора связей, тем в большей степени он существует. И чем больше посредников, тем лучше»²⁹⁸.

«Актера надо сделать плоским и придать ему звездообразную форму. Как назвать этот “новоуплощенный” элемент? Нечто такое, что “побуждает действовать”? Нечто “подключаемое к тому, что подключено к действию?” И так, актер-сеть — это то, что приводится в действие большой звездообразной паутиной

²⁹⁷ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 280.

²⁹⁸ Там же. С. 288.

втекающих и вытекающих посредников. Она существует благодаря своим многочисленным связям: подсоединения первичны, акторы вторичны»²⁹⁹.

Таким образом, метод исследования коммуникации необходим для понимания модели диспозитивного дискурс-анализа с учетом вещей, дифференциации «подсоединений», побуждающих субъекта действовать, для понимания смыслопорождения, знания и конструирования идентичности в текстах. Для проверки фактической осуществимости анализа с учетом вещей, как нового дискурсивного подхода и метода анализа медиакоммуникации, нужны тематические исследования ряда смежных дискурсов³⁰⁰. Анализ смежных дискурсов с использованием качественных методов анализа и интерпретации данных: транскрипты интервью и наблюдение в процессе городских проектов, связанных с наследием и воспитанием, дискуссии с коллегами и научным сообществом, – все это давало возможность обсуждать и разрешать вопросы и проблемы, возникающие в процессе исследования, конструируя исследовательский отчет в диалоге, согласно методологии Латура.

Социологические и политические качественные исследования ориентированы на исследование акторов, понимание и объяснение аспектов взаимодействия. Качественный подход или методология является общим термином, охватывающим множество интерпретационных методов исследования, работающих со значением и декодированием, переводом и конструированием знания. Дискурсивный/диспозитивный анализ, как основа теоретического подхода к этому исследованию и метод анализа, использовался в качестве метода качественного исследования, позволяющего интерпретировать высказывания, реконструировать смыслы и соотносить со структурой дискурса, диспозитивами, конструированием идентичности, – пересобрать структуру с учетом методологии акторно-сетевой теории и интеграции в дискурс практик и неодушевленных акторов.

²⁹⁹ Там же. С. 288-289.

³⁰⁰ Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices // International Journal of Tourism and Hospitality. 2022. Vol. 2 (2). P. 56-69; Gris O., Sosnovskaya A. Use of Social Networks by Russian Politicians // Proceedings of Seventh International Congress on Information and Communication Technology. Springer, Singapore, 2023. P. 547-555.

Все первичные методы исследования, использованные для сбора и анализа, представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Первичные методы исследования

Метод	Пример
Опрос	Интервью, анкетирование, фокус-группа
Имитация	Моделирование, картирование
Эксперимент	Деловая игра «Код города», 2022 г.
Наблюдение	Включенное наблюдение
Анализа содержания	Анализ СМИ, социальных сетей, документов

Первичное исследование направлено на сбор данных для решения задач исследования: показать процесс сбора и анализа данных для исследования, а также верификации и валидации в процессе апробации на конференциях и в научных публикациях по теме исследования.

Мы интегрировали релевантные данные в таблицы и графики. Метод наблюдения может быть использован для анализа информации, собранной в тематических исследованиях, case study и проектах. Метод качественной проверки исследования основан на интервью с экспертами и дискуссиях в рамках конференций и круглых столов, а также в процессе реализации проектов с КГИОП.

2.5.1. Определение диспозитивов дискурсов

Выделенные нами диспозитивы дискурсов апробированы в текстах рецензируемых публикаций³⁰¹. Они представляют собой этапы движения коммуникации к городской идентичности с использованием представленной

³⁰¹ Сосновская А. М. Антагонизм дискурсов вокруг культурного наследия // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4, № 3. С. 123-133.

концептуальной модели коммуникации с элементами АСТ. Для диспозитивов мы использовали схему логических уровней Г. Бейтсона, которая служила ориентиром для нашей и многих других моделей коммуникации³⁰²: среда – способности – ценности – действия – идентичность³⁰³.

Немецкие социологи-урбанисты Х. Оверманн и Г. Миг вслед за М. Фуко³⁰⁴ предлагают эпистемологические системы/диспозитивы определять через дискурсивные/групповые понятия (концепции), цели, базовые предположения/допущения и значения (ценности)³⁰⁵. Мы к данным составляющим добавляем повторяющиеся поддерживающие идентичность действия (практики), компетенции, аффекты, идентичность и миссию³⁰⁶, а также два эмоциональных режима: аффекты; невербальность проективной чувственной идентификации и визуальность города³⁰⁷.

Определение элементов диспозитивов приведено также в параграфе 3.3.1. и в формате таблицы в статье «Антагонизм дискурсов вокруг культурного наследия»³⁰⁸. Приведем определения элементов, чтобы потом интегрировать в наш дискурсивный/диспозитивный анализ.

Ценности выражаются в виде выверенных лингвистических и визуальных клише, которые определяют предположения, концепции и цели с целью легитимизации дискурсов. Концепция: структурированный замысел для реализации; предположения: гипотезы, содержащиеся в конкретной политике; идентичность: набор ролей, которые транслируют непротиворечивое поведение,

³⁰² Вахштайн В. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. № 4. С. 104-118.

³⁰³ Bateson G. Mind and nature: A necessary unity. NJ: Hampton Press, 2005; Bateson G. Narrativity, self, and self-representation // Narrative. 2002. Vol. 14 (1). P. 27-44.

³⁰⁴ См. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманит. акад., 2004.

³⁰⁵ Oevermann H., Mieg H. Exploring urban transformations: Synchronic dis course analysis in the field of heritage conservation and urban development // Journal of Urban Regeneration & Renewal. 2015. Vol. 9 (1). P. 54-64.

³⁰⁶ Сосновская А. М. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 68-83.

³⁰⁷ Jameson F., Fish S., Massumi B. Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Duke University Press, 2002; Володина А. В. Делезианская теория аффекта: Эстетическая проблематика // Культура и искусство. 2019. № 12. С. 35-45; Лакан Ж. Семинары. Книга 10. Тревога. М.: Гнозис: Логос, 2010; Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: Новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс. 2021.

³⁰⁸ Сосновская А. М. Антагонизм дискурсов вокруг культурного наследия // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4, № 3. С. 123-133.

обладающее перформативным и семиотизирующим действием; цели и задачи: судьба наследия, «стратегический императив»; аффект: предпсихические и психические реакции, которые идут вместе с процессом взаимодействия, как до, так и после результата; невербальность: способ восприятия, который использует тело для довербального понимания окружающей среды.

Далее представим задачи исследования АСТ Латура, чтобы затем начать их интеграцию в исследование диспозитивов. В таблице (см. таблицу 14 «Программа исследования АСТ») в первом столбце представлены задачи исследования, которые Латур назвал «источниками неопределенности», и на которых надо сфокусироваться, анализируя тексты и коммуникацию как тексты, сквозь призму АСТ, во втором – показаны необходимые действия, и в третьем – примеры использования методов АСТ из кейса нашего исследования. Источники неопределенности сформулированы Латуром следующим образом: группы создаются, активности выясняются, объекты играют роль, конструирование рассматривается как становление, результатом взаимодействия и стабилизации становится сборка гибридного объекта.

Для АСТ фокус внимания направлен на изменения, на язык и перформативные действия по группообразованию; что-то долгое время стабильное и не меняющееся вызывает беспокойство. Группообразование – это постоянный динамичный процесс и движение.

Поиск устройств, инструментов, приборов и материалов, а точнее, стабилизирующей среды, используется для объяснения таких стабильных сущностей, как инерция, долговечность, предел, сила, обязательства, верность и согласие. Согласно АСТ, ни общество, ни социальное не существуют изначально. Их появление должно быть связано с незначительными изменениями, внесенными в процесс соединения несоциальных ресурсов, где социальность будет лишь побочным продуктом взаимодействия вещей и сетей. Люди как бы прилагаются к потенциальным аффордансам вещей и локаций.

Как мы уже отмечали, Латур показал на примере довольно компетентных в социальном манипулировании бабуинов со ссылкой на исследования базовых

социальных навыков бабуинов³⁰⁹, что в социальную коммуникацию необходимо включать материальные вещи и объекты, чтобы не задействовать постоянно свои коммуникативные навыки и компетенции, как это делают бабуины для того, чтобы социальные отношения длились. Латур пишет: «Одну и ту же главную задачу испытания, поддержания и воспроизводства всех компонентов социальной жизни обезьяны решали с помощью одного только “социального инструментария”, тогда как человеческий наблюдатель был дополнительно к этому оснащен материалами и интеллектуальными технологиями. Приматам приходилось распознавать значение взаимодействий с помощью единственного инструмента – самих взаимодействий: им приходилось решать, кто друг, а кто враг, кто кого вытесняет, кто кому подчиняется, кто готов вступить в коалицию, используя основной ресурс – поединки и ухаживание, ухаживание и поединки»³¹⁰.

Перформативное определение коммуникации концентрируется на инструментах, необходимых для непрерывного поддержания групп, а также на решающей роли, которую играют собственные ресурсы исследователя во влиянии на наблюдаемые и вновь собираемые группы³¹¹. Соединение несоциальных ресурсов – это творческие и исследовательские проекты, конструирующие наследие и связанную с ним многоаспектную сетевую идентичность.

В таблицах показаны особенности метода АСТ в сравнении с социологией социального и показана разница функций вещей в конструировании социального (Таблица 8). Исследовательская стратегия социологов АСТ применена нами в исследовании эмпирического материала в такой последовательности: поиск разногласий и намеренная дестабилизация устоев за счет сомнения и

³⁰⁹ См. Strum S., Latour B. The Meanings of Social: from Baboons to Humans // Information sur les Sciences Sociales/Social Science Information. 1987. Vol. 26. P. 783-802.

³¹⁰ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 260.

³¹¹ Мы написали серию научных статей по городской идентичности, связанной с наследием; в процессе бесед и интервью с актерами-респондентами воздействовали на поле группообразования своими вопросами, фокусирующими на составляющих идентичности; разработали сценарий видеоуроков для школы по укреплению городской идентичности в связи с наследием и выиграли в межрегиональном конкурсе, поддержанном профессиональным жюри и реализованном при финансировании ведущей финансовой структуры страны. Таким образом, в конструировании городской идентичности со школьной скамьи, помимо образовательных учреждений, участвуют проекты, поддержанные многочисленными заинтересованными актерами – политическими, управленческими, финансовыми, образовательными, художественными, медиа, имеющими свое представление о городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга.

провокационных вопросов; использование языка и объяснений мотиваций акторов; использование принципов этнометодологии³¹²; релятивистское соотнесение систем координат при интерпретации; картография разногласий, отношений, сетей в рамках плоской онтологии в 2D-формате.

Таблица 8 – Особенности метода АСТ в сравнении с социологией социального

Переменная	Исследовательская стратегия социологов АСТ (по Латуру)	Оппозиция (социология социального)
Групповая идентичность	Дестабилизация и поиск разногласий: «отправной точкой является сама спорность того, кто к какой группе принадлежит, и из чего состоит социальный мир»	Стабилизация и выявление отправной точки исследования: ввиду «необходимости ограничить область исследования» или «права ученого определять свой объект»
Анализ контента акторов	Слушать акторов: у самих «акторов также имеется собственный развитый и вполне рефлексивный метаязык», которому следует доверять	Социологический аппарат, термины и критическая интерпретация услышанного.
Оптика	«Инфроязык», единственный смысл которого, собственно, в том, что он позволяет перемещаться из одной системы координат в другую; словарь акторов. Это похоже на этнометод – «члены общества обладают полным словарем и полной социальной теорией», позволяющими понимать их поведение – без интерпретаций	Выбранная система координат, теория, определенный научный словарь

³¹² Гарфинкель Г., Корбут А. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 3-25.

Продолжение таблицы 8

Основные строительные блоки общества	Релятивистское соотнесение систем координат: «разногласия предоставляют исследователю важный ресурс», дающий возможность проследить социальные связи	Абсолютистские (то есть произвольные) установки здравого смысла «Социальные объединения образованы преимущественно из (х)». И не имеет значения, что именно кроется за этим «х»: «индивидуальные агенты», «организации», «расы», «малые группы», «государства», «личности», «члены», «воля к власти», «либидо», «биографии», «поля» ³¹³
Определение социальной реальности	Картография разногласий по поводу образования групп и видения социальной реальности	Стабилизация социального от имени тех, кого изучаем.

Латур дифференцирует вещи по интенсивности их трансформирующей функции: «Особенное значение имеет разница давлений, оказываемых посредниками и проводниками: последние, как нам известно, добавляют ситуации предсказуемости, тогда как первые могут вдруг создать в ней бифуркации с самыми неожиданными вариантами дальнейшего. В любой момент лекции что-то может выйти из строя: микрофон, громкоговоритель, даже преподавательница. Если хоть один проводник превратится в посредника, вся ситуация, какой бы важной и контролируемой она ни была, может стать непредсказуемой»³¹⁴.

В таблице 9 даны определения, апеллирующие к теории систем³¹⁵, данных статусов вещи.

³¹³ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 39.

³¹⁴ Латур Б. Указ. соч. С. 266.

³¹⁵ См. Чернышов В. Н., Чернышов А. В. Теория систем и системный анализ. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2008.

Таблица 9 – Посредники vs проводники

	Проводники	Посредник
Определение	«Проводник» (intermediary) – это то, что переносит (transport) значение или силу, не преобразуя их: определения его входов достаточно для определения его выходов	Посредник же не может рассматриваться просто как единица; он может приниматься за единицу, за ноль, за некоторое количество или за бесконечное множество. Исходя из того, что имеется на входе посредника, никогда нельзя предвидеть, что будет на выходе; необходимо каждый раз учитывать специфику посредника ³¹⁶
Функция	Переносит информацию без изменений	Трансформирует информацию при передаче

Б. Латур рассматривает группы как целое, как неодушевленное структурного дискурсивного актора. Группа постоянно пересобирается и поддерживается собой. Это **первый источник неопределенности**, который надо раскрывать. Когда мы анализируем группы, мы обращаем внимание на следующие методы пересборки:

- 1) обнаружение нарушения границ группы «свои-чужие»;
- 2) нахождение агитатора;
- 3) постоянное переопределение границ участниками;
- 4) вербализируемые ценности и цели, использование клише и значимых для группы понятий, перформативные высказывания, имеющие статус действия, поскольку «группы создаются, чтобы говорить»;
- 5) картирование «своих», когда на карту наносятся антигруппы, не обладающие компетенциями «нашей» группы;
- 6) привлечение новых ресурсов, «чтобы сделать границы группы более устойчивыми»;

³¹⁶ «Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы. Вне зависимости от того, насколько сложен по своему устройству проводник, в практических целях его можно рассматривать как одно целое – или даже как вообще ничто, поскольку о нем можно с легкостью забыть». Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 51.

7) мобилизация профессионалов с высокоспециализированным оснащением, поскольку все группы нуждаются в людях, «определяющих, кто они есть, кем они должны быть, кем они были». В дискурсе группы всегда есть значимые референты.

Рассмотрим реконструкцию дискурса по 7 критериям группообразования АСТ на примере интервью по поводу группы «Всемирный клуб петербуржцев» (Таблица 10), чтобы выявить акторов в рамках критериев в тексте.

Таблица 10 – Анализ интервью с представителем группы «Всемирный клуб петербуржцев»

Интервью. Транскрипт прямой речи	7 критериев пересборки группы по АСТ
<p>В нашей общественной организации насчитывается 112 человек, не больше, поскольку эта цифра символическая для Петербурга, вы понимаете, да?</p> <p>Иностранцы члены клуба, они в этот счет не идут. Вот 112, это могут быть бывшие петербуржцы действительно, но входить в состав клуба имеют право, если их принимает ассамблея.</p> <p>Значит, в клубе, за все время существования клуба, а мы получается... На самом деле, очень интересная история создания клуба: был марафон в Мариинском театре, посвященный Миллениуму.</p> <p>— С Максимовой?</p> <p>— Нет, не с Максимовой, это Виноградов делал в Мариинском театре. Это был 24-часовой марафон, в ходе которого вышел Жванецкий на сцену Мариинского театра, тогда еще, по-моему, даже Кировского, а не Мариинского, и сказал, что вот</p>	<p>Укоренение группы в символах и знаках города (ценности, правила, прецеденты – 4 и 7 критерии).</p> <p>Вопрос, подразумевающий идентичность петербуржца, идентификацию «своего», который знает, что шпиль Петропавловского собора 112,5 метров, – это символ города (1).</p> <p>Правила приема (7).</p> <p>Знание референтов (7).</p> <p>Знание истории переименований (4).</p>

<p>«Петербуржцы всех странах, объединяйтесь!». И тогда прямо там в Мариинском театре возникла идея создания «Всемирного клуба петербуржцев».</p> <p>Учредительная конференция прошла в Аничковом дворце, дворце пионеров. Колыбель, получается, юридическая, на Невском 39 находится вот.</p> <p>И первым президентом клуба стал Никита Алексеевич Толстой, очень известный крупный ученый, физик, насколько я помню, представляющий Ленинградский университет, потом Санкт Петербургский государственный университет. Но это знаменитая фамилия Толстая, да?</p> <p>— Конечно!</p> <p>— Татьяна Толстая. Это отсюда. Значит после того, как вот не стало Никиты Алексеевича, подхватил в качестве президента М.Б. Пиотровский.</p> <p>Учредители клуба тоже очень именитые петербуржцы. А. П. Петров, композитор. И. Б. Дмитриев, народный артист СССР, Р. Р. Калантарян, певица, тоже народная артистка СССР.</p> <p>Я сейчас возможно всех и не назову. Вот, значит, в клубе существует обязательный членский взнос. Они не могут покрыть никаких расходов клуба. Это совершенно очевидно. Взносы достаточно демократичные вот, но тем не менее, чтобы мы сами себя уважали, что мы можем, вот это немножко дисциплинирует, на самом деле членство в клубе.</p>	<p>Цитата, перформативное высказывание, имеющее статус действия, нахождение агитатора (2, 4).</p> <p>Наш собеседник причастен к образованию клуба, к рождению и «колыбели», тогда он был директором Аничкова дворца, дворца пионеров.</p> <p>Переопределение границ через подчеркивание моментов переименования, уточнения названий (3).</p> <p>Апеллирование к историческим авторитетам, проверка разделяемого знания (1, 3, 5, 7).</p> <p>Референт. Никита Алексеевич Толстой (1917–1994) – советский и российский физик, профессор, общественный и политический деятель. Старший сын писателя Алексея Николаевича Толстого, который посвятил ему повесть «Детство Никиты» (7).</p> <p>Правила взносов. Отличительный знак (3, 4, 7).</p>
--	---

<p>В основном это работа с. Во-первых, помимо членов клуба, есть состав, который называется, и учредителей клуба, есть организации или физические лица, которые входят в клуб в статусе.</p> <p>— Друзей?</p> <p>— Нет, нет, нет, они как бы на самом деле вот все время находят какие-то возможности и средства для определенных программ и проектов клуба, но практически это перечисляют на счет клуба на определенные проекты, реализацию программ, деньги со своих счетов. Ну, как правило, это люди, которые возглавляют какие-то крупные организации в нашем городе. Давайте их условно назовем как меценаты, я потом посмотрю.</p> <p>— Да!</p> <p>— Плюс есть гранты, как у всех организаций – все общественные организации получают гранты. И президентский грант мы использовали.</p> <p>— Кто подписывается на гранты, кто ищет их?</p> <p>— Кто ищет? Это вот как раз создается какая-то инициативная группа в клубе, ну, к примеру, реализуется грант, связанный с Крузенштерном. Когда мы готовились к его 300-летнему юбилею столицы, да и значит, соответственно, это были люди, связанные с военно-морскими силами, это и адмиралы, и кто угодно, и историки, и ученые. В принципе делается проект серьезный, в который входят и конференции и исследовательские, издательские какие-то вещи. Мы с таким грантом</p>	<p>Привлечение новых ресурсов, чтобы сделать границы групп более устойчивыми (6).</p> <p>Меценаты и гранты (6).</p> <p>Референт. Иван Федорович Крузенштерн, Адам Иоганн фон Крузенштерн – русский мореплаватель, возглавлявший в 1803–1806 годах первое русское кругосветное плавание (7).</p> <p>Финансирование (6).</p>
--	--

<p>выходим с предложением к организациям. Вот этот Грант Крузенштерна, к примеру, финансировал Газпром. Вот. Соответственно, по условиям договора мы обязаны упоминать Газпром. Вот таким образом, поскольку все время есть какие-то, за каждым программами закрепляются члены клуба, как люди, которые координируют и занимаются этими проектами.</p> <p>Например, есть масса молодежных и детских проектов. Вот эти проекты веду я вместе с несколькими другими членами клуба. Вот у нас есть проект, который идет уже больше 20 лет. Это «Звезда Прометея», это международный конкурс детско-юношеского творчества по разным номинациям: это и наука, и спорт, и литература, и журналистика, и искусство. В разные годы разные номинации представлялись, но постоянно это наука и исследовательская работа, и плюс спорт – это всегда.</p> <p>— Вы постоянно курируете это?</p> <p>— Да, совершенно, верно. В бюджете клуба мы предусматриваем определенные средства на проведение тех или иных вещей. Итоги проводятся в знаковых местах, интересных площадках, скажем, это может быть Меншиковский дворец, дворец первого губернатора Петербурга. Это может быть Эрмитажный театр, это может быть Дом ученых и так далее.</p>	<p>Проекты как постоянное переопределение границ участниками, которые координируют процессы, согласно принятым в группе правилам и ценностям (3, 4, 6).</p> <p>Воспитание идентичности петербуржца у молодежи (1, 2, 3, 6).</p> <p>Картирование пространства и компетенций – знаковые места, поощряемые практики (5).</p> <p>перформативные практики. Подтверждение, оценка архитектурных объектов (4).</p>
--	---

<p>Существуют серьезные другие проекты, например, очень такой серьезный проект, который называется «Белая, черная и красная книги Петербурга».</p> <p>В Белую книгу заносятся лучшие архитектурные объекты, которые в этом году, в 2022 году, введены в строй в нашем городе, и они становятся как бы гордостью нашего города. Они ничего не испортили, наоборот, вписались в архитектуру. Красная – это объекты, которые вопреки мнению горожан появились.</p> <p>— Испортили визуальность?</p> <p>— Да, конечно. Это в клубе прозвучало термин «небесная линия» Д.С. Лихачева.</p> <p>У нас существует постоянно действующий городской круглый стол по проблемам городской среды. В этом дискуссионном круглом столе принимают участие ведущие архитекторы города, члены клуба в обязательном порядке; ведет всегда лично Пиотровский. Это заседание, где все градостроительные проекты обсуждаются, и тогда мы вердикт выносим, что этот объект должен попасть в Красную книгу, и тогда это заявляется условно на сессии клуба, когда проходит ассамблея клуба, на все на все камеры тиражируется. И я очень горд тем, как член клуба, что власть вынуждена прислушиваться. Это очень серьезно, потому что все, что сегодня публикует клуб вот в этих книгах, становится достоянием всей общественности Петербурга и не</p>	<p>Дмитрий Сергеевич Лихачев – советский и российский литературовед, историк-медиевист, лингвист, филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор. Председатель правления Российского фонда культуры. Академик АН СССР. Герой Социалистического Труда (7).</p> <p>Михаил Борисович Пиотровский – советский и российский историк-востоковед, арабист, исламовед, организатор музейного дела. Доктор исторических наук, профессор. С 1992 года – директор Государственного Эрмитажа. Декан Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (7).</p> <p>Процедуры, традиции и правила (4, 7).</p> <p>Реализация власти (4).</p> <p>Антигруппы (5).</p> <p>Доменико Андреа Трезини – архитектор и инженер, итальянец, родившийся в Тессинском кантоне итальянской Швейцарии. С 1703 года работал в России, стал первым архитектором Санкт-Петербурга (7).</p> <p>Город диктует условия (4).</p>
--	--

только общественности, всех. Знаете, если это Белая книга, то авторы этого проекта, главный архитектор, заказчик, получают специальный знак Трезини, золотой Трезини, где мы отмечаем, как эти проекты соответствуют городу.

– А в Черной книге что там?

— Красная – это предупредительная, а Черная – это то, что уже реализовано и это кошмар.

— Как иницируются эти мероприятия, у вас есть план, кто мотор?

— Конечно, мотор – правление клуба.

— На 20 линии был разрушен манеж лейб-гвардии финляндского полка, как клуб относится?

— На одном из круглых столов предполагается сейчас обсуждать эту проблему.

– Кстати говоря, реконструкция музея блокады обсуждалась. Вот и лично директор приходил и докладывал. То есть на самом деле, вроде, как директор музея, не будучи членом клуба, может сказать, а кто вы такие? Но он считает, что, наоборот, это будет в какой-то степени опора и большая поддержка потом отвоевывать что-то у власть предержащих в Санкт-Петербурге для того, чтобы реализовать.

Но вы помните, что было же желание на базе около Смольного, там находили какое-то место, новый музей блокады и типа бункера. Он не появился, потому что клуб категорически сказал, что, во-первых, деньги можно потратить на другое во имя блокады, в том числе лучше на живых блокадников. При том, что существует уникальнейший музей,

Антигруппы (5).

Антигруппы (5).

Единство мнения (1)

Первая выставка, посвященная доблести ленинградцев, открылась здесь в апреле 1944 года, именно тогда впервые стал известен Музей обороны и блокады Ленинграда в Соляном переулке. Жители города пожертвовали для него ряд экспонатов. Во время

<p>который когда-то похоронили, этот музей был по ленинградскому делу, его восстанавливали уже в советское время очень долго, ведь ту уникальную коллекцию, которая была в 1 варианте, который возник, открылся музей блокады Ленинграда, до сих пор мы так и не обрели, понимаете. В музее блокады, как у Эрмитажа, могут быть различные объекты в городе. Музей блокады может иметь в качестве площадок ту, что вы назвали, пекарни и хлебозаводы, которые в блокаду работали. Я извиняюсь, полынья, из которой на Фонтанке брали воду и прочее – это что не объекты памяти? Часть определенной памяти Ленинградской блокады того периода, которая сегодня сохранена, и доски мемориальные «эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле». Это под открытым небом является тоже частью музея блокады и нашей жизни. Да, у нас члены клуба одновременно отвечают за какие-то блоки. Александр Сергеевич Селезнев, Саша, знаете? Он работает в ревизионной комиссии Союза журналистов Санкт-Петербурга. — Да.</p> <p>— Он ведет ряд проектов, да, Коровина, бывший депутат Законодательного. Связанные с патриотическим воспитанием, там Иванов, Сергей Юрьевич, издательские проекты плюс все, что связано с морскими делами Петербурга, к примеру, Уралов Иван Григорьевич, бывший главный художник Петербурга. Он как раз мотор всех круглых столов, связанных</p>	<p>«Ленинградского дела» в ноябре 1952 года музей был «разгромлен», а его экспонаты отправлены в другие организации, часть из которых была уничтожена. Музей был вновь открыт в 1989 году по просьбе блокадников и их потомков, и в настоящее время в нем хранится более 50 000 экспонатов. После ремонта в 2019 году в музее открылась обновленная экспозиция (5).</p> <p>Члены клуба (7).</p>
--	---

<p>с градостроительной политикой. Это очень тонкая материя. Понятно, что все время есть желание вторгнуться в исторический центр города и что-нибудь тут снести, чего-нибудь втиснуть. При этом хорошие архитекторы готовы в этом участвовать, когда светят большие деньги. Хорошо, что в этом круглом столе участвуют не только специалисты по архитектуре, но и я. Если я пришел на этот круглый стол, я не архитектор, но я могу как петербуржец сказать, что вот какая-то там стамеска не должна находиться рядом и так далее</p>	<p>Антигруппы (5).</p> <p>Защита центра города.</p> <p>Обнаружение нарушения границ группы «свои-чужие» (1).</p>
---	--

Таким образом, мы деконструировали интервью по поводу группы «Всемирный клуб петербуржцев» по 7 критериям АСТ, доказав применимость метода при анализе текстов. В таблице 11 представлены результаты, а именно критерии группообразования, практики группообразования, реконструированные non-human акторы наследия и их агентность, которые представляют предметы памяти и модусы коммеморации. Установлено по результатам качественного интервью, что воспоминания не просто кристаллизуются вокруг предметов памяти, но соответствуют определенным процедурам работы социального мышления и социальной адаптации, которые можно обозначить как модусы коммеморации, которые в данном случае представляют собой направленность воспоминания, определяющую способ действия по отношению к тем предметам, которые имеются в виду в воспоминании или ассоциируются с ним.

Таблица 11 – Деконструкция интервью по 7 критериям группообразования АСТ

Критерий	Практики группообразования	Предметы памяти, акторы наследия и модусы коммеморации
Обнаружение нарушения границ группы «свои-чужие»	Идентификация «своего», который знает, что шпиль Петропавловского собора 112,5 метров и столько членов клуба. Апеллирование к историческим авторитетам, проверка разделяемого знания и идентификация «своего». Единодушное мнение клуба о том, что нет необходимости в новом музее Блокады, а надо восстанавливать старую коллекцию	Шпиль (его длина) Петропавловского собора влияет на количество членов организации. Музей обороны и блокады Ленинграда в Соляном переулке. Внимание к живым свидетелям истории, блокадникам. Воспитание молодежи в контексте ценностей группы
Нахождение агитатора	М. М. Жванецкий	Революционный призыв агитатора «Петербуржцы всех странах, объединяйтесь!» апеллирует к городу, колыбели трех революций, с его революционным и независимым духом свободы
Постоянное переопределение границ участниками	Переопределение границ через подчеркивание моментов переименования, уточнения названий. Переопределение референций во времени	Аничков дворец и Дворец пионеров; Кировский и Мариинский театр; Желябова и Большая Конюшенная

Продолжение таблицы 11

<p>Поскольку «группы создаются, чтобы говорить», мы обращаем внимание на вербализируемые ценности и цели, использование клише и значимых для группы понятий, перформативные высказывания, имеющие статус действия</p>	<p>Укоренение группы в символах и знаках города. Знание истории переименований. Воспитание идентичности петербуржца у молодежи. Перформативные практики. Подтверждение статуса объектов и людей со стороны группы. Реализация власти</p>	<p>Город накладывает требование компетенции топонимики: знание названий до революции, в Советское время и сегодня. Архитектурные объекты претерпевают оценку и ранжирование. Медаль «Золотой Трезини»</p>
<p>На карту наносятся антигруппы, не обладающие компетенциями «нашей» группы, картирование «своих»</p>	<p>Картирование пространства и компетенций – знаковые места, поощряемые практики. Антигруппы – архитекторы, претендующие на исторический центр</p>	<p>Архитекторы. «Власть предрержащие»</p>
<p>Привлекаются новые ресурсы, «чтобы сделать границы групп более устойчивыми»</p>	<p>Меценаты и гранты</p>	<p>И. Ф. Крузенштерн (грант)</p>
<p>Мобилизуются профессионалы с высокоспециализированным оснащением. Все группы нуждаются в людях, определяющих, «кто они есть, кем они должны быть, кем они были».</p>	<p>Правила приема. Знание референтов Апеллирование к историческим авторитетам, проверка разделяемого знания. Правила взносов. Отличительный знак.</p>	<p>Н. А. Толстой, Д. С. Лихачев. Небесная линия Визуальность города. М. Б. Пиотровский</p>

Продолжение таблицы 11

<p>В дискурсе группы всегда есть значимые референты. Эти люди «всегда при деле, обосновывая существование группы, оглашая правила и прецеденты и оправдывая одно определение и отвергая все остальные»</p>	<p>Журналисты и специалисты по связям с общественностью ведут постоянную работу по определению данной группы в дискурсе</p>	
--	---	--

Переопределение границ не достигается только дискурсивными средствами, оно всегда подразумевает начальную диспозицию, принятия города как того, кто несет в себе живые имена, иначе говоря, принятие исторического центра города как способного распоряжаться своей агентностью, выдвигать тех агентов, которые создают более-менее устойчивые способы существования в границах наследия. При каждом новом таком выдвигении сдвигаются границы. Без АСТ мы будем анализировать интервью кумулятивно, просто как поиск все большего числа акторов, которые олицетворяют город, а не будем понимать и раскрывать структурные принципы взаимоотношения говорящего с наследием.

Все участвующие в поле или дискурсе о наследии акторы вносят свой вклад в переопределение дискурса, поля, в конструирование групп, добавляют свои ментальные сущности и экспликации, то есть выстраивают ассоциации, связи с определенными целеполаганием и темпоральностью.

Второй источник неопределенности говорит о том, что действие захватывается разными акторами, и тогда сначала надо найти интродукты, установки, плагины, инкорпорированные в сознание, и посмотреть, как цель определена для себя и для других, как учитываются другие (Таблица 12). В

процессе действия цель переопределяется посредниками, чаще всего цель изначально не осознаваема или индуцирована и остается той же, но иногда меняется и трансформируется, как это будет показано в третьем источнике неопределенности. «Об акторах всегда нужно говорить словами Иисуса на кресте: “Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят”»³¹⁷.

Таблица 12 – Феномены, участвующие в действии

Феномен	Характеристики	Участие других
Действие	Захватывается, смещено, недетерминированное, «заимствуется, распределяется, внушается, подвергается влиянию, управляется, передается, переводится»	Посредничество с другими, событие, требование соответствия аффордансам, участие исследователя
Плагины и интродукты	Мотивируют действовать	Внутренняя и внешняя речь ³¹⁸ . «И организм весь человека Подобен небольшому государству, В котором происходит возмущенье» ³¹⁹
Актор	Цель действий для заинтересованных сущностей, инкорпорированных и внешних	«Движущаяся цель обширной совокупности сущностей, роящейся в его направлении» ³²⁰
Подручные средства	Стабилизируют социальность	Могут быть разделяемыми с другими

Б. Латур пишет о действии, в котором участвуют акторы и исследователь, который о них пишет: «Действие должно оставаться неожиданностью,

³¹⁷ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 60.

³¹⁸ Александров А. А. Полифоническая концепция сознания Михаила Бахтина в ее значении для аналитико-катартической терапии // Вестник психотерапии. 2021. № 79(84). С. 7-23.

³¹⁹ Шекспир В. Юлий Цезарь: Трагедия в 5 д. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931.

³²⁰ Латур Б. Указ. соч. С. 60.

посредничеством, событием. Именно по этой причине необходимо начать не с “социальной детерминированности действия”, “рациональных способностей индивидов” или “силы бессознательного”, как обычно мы делаем, а с недетерминированности действия, с неопределенностей и споров по поводу того, кто и что действует, когда действуем “мы”. И тут, конечно, никак нельзя решить, находится ли источник этой неопределенности в самом исследователе или же в акторе»³²¹.

Актер представляет собой сеть возможностей и влияний, к которым он обращается или к которому обращаются другие. Латур приводит понятный пример, апеллируя к теории И. Гофмана, и пишет о распределенном действии и понимании актора, которого дергают другие члены сети и направляют его действие. «Использовать слово “актор” (“актер”) означает, что никогда не ясно, кто или что действует, когда действуем мы, – ведь актер на сцене никогда не играет один. Действие-игра сразу же помещает нас в ситуацию полной неразберихи, в которой вопрос о том, кто, собственно, действует, становится неразрешимым. С началом игры, как неоднократно показывал Ирвинг Гофман³²², все теряет определенность: реально ли это? Не является ли это обманом? Имеет ли значение реакция зрителей? А освещение? А что делают работники сцены? Правильно ли донесено до нас то, что хотел сказать драматург, или безнадежно искажено? Верно ли передан характер? А если да, то благодаря чему? Что делают партнеры? Где суфлер? Если мы готовы развернуть метафору, само слово “актор” (“актер”) направляет наше внимание на совершенную смещенность действия, предупреждая нас, что это не слаженное, контролируемое, завершенное и ясное дело»³²³. Социальное действие не может быть никогда сведено к роли, но требует учета начальных импульсов дискурсивного самообоснования, которые еще предстоит раскрыть.

Третий источник неопределенности: «категория агентов, участвующих во взаимодействии, должна оставаться открытой» (Таблица 13). Речь идет о наличии подручных средств и внимании к ним. Латур приводит перечень ситуаций, когда

³²¹ Там же. С. 58.

³²² См. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000.

³²³ Латур Б. Указ. соч. С. 60.

активность объекта легко увидеть, который мы представили в виде таблицы с примерами из практики исследования.

Таблица 13 – Активность объекта

Решение, чтобы увидеть работу вещей (по Латуру)	Пример
«Изучать инновации и новшества в мастерской ремесленника»	Процесс реставрации наследия. Работа с планами и реализованными проектами архитекторов
«Даже самые рутинные, традиционные и безгласные объекты перестают быть само собой разумеющимися, когда к ним приближаются пользователи, невежественные и неуклюжие в силу определенной дистанции»	Записывать видеоролик с суфлером или без него – представляет собой два различных случая съемок
«Несчастные случаи, поломки создают ситуации видимости агентности объекта»	Снос здания запустил социальный всплеск коммуникации и действий
«Когда объекты окончательно уходят, всегда остается возможность, хотя это уже труднее, вернуть их на свет через архивы, документы, мемуары, музейные коллекции и воссоздать копию»	Создание виртуальных объектов наследия
«Ресурс художественной литературы, которая способна, используя сюжеты альтернативной истории, мысленные эксперименты и «научную фантастику», переводить плотные объекты дня сегодняшнего в текучие состояния, могущие пролить свет на их отношения с людьми» ³²⁴	Интерактивные и литературные презентации виртуальных объектов наследия, работы современных художников и поэтов о городе

Четвертый источник неопределенности: природа фактов. Речь идет о конструировании фактов и возможности увидеть, как вещь возникает из небытия. Этот источник неопределенности и противоречий Латур называет таинственным

³²⁴ Латур Б. Указ. соч. С. 104-106.

слиянием человеческой деятельности и нечеловеческих существ, рассматривая конструирование как становление. Пример этого источника неопределенностей в нашем проекте – создание видеопроекта по укреплению городской идентичности молодежи от замысла и сценария до воплощения, реализации и продвижения. Про процесс конструирования Латур пишет: «<...> бодрящее ощущение, что вещи могли бы быть другими или могли не получиться, – ощущение, которое никогда не бывает столь глубоким при встрече с готовым результатом, каким бы прекрасным или впечатляющим он ни был»³²⁵.

Пятый источник неопределенности: «пишем рискованные отчеты». Политика — это понимание того, что сами по себе связи, отношения и ассоциации недостаточны для создания общей реальности; необходимо также учитывать, как они собраны вместе. Постоянный и непрерывающийся процесс рекрутирования новых кандидатов для совместной коллективной жизни: что еще включить в наследие и его окружение? Первый этап исследования – это деконструкция процессов и следование за вещами, по Латуру. Этап можно представить как постоянный и непрерывающийся процесс рекрутирования новых кандидатов для совместной коллективной жизни: для наследия это не только здание, но и визуальный ансамбль локации, репрезентация здания и визуальности в текстах и искусстве, нематериальное художественное и историческое наследие, память жителей, практики использования и аффордансов, плесень и организмы внутри зданий, следы разрушения и руинизации. Второй этап исследования – это концептуализация новой сборки экологичного взаимосуществования на новых основаниях (правилах, принятии, заботе).

Политический и научный манифест Латура звучит так: «<...> горячее желание искать, принимать новые существа и давать им приют не только вполне законно, а возможно, это единственная научная и политическая причина, по которой стоит жить»³²⁶. В процессе сборки обеих социологий (социального и ассоциаций) участвует два проекта: один проект – исследовать связи между неожиданными

³²⁵ Латур Б. Указ. соч. С. 116.

³²⁶ Латур Б. Указ. соч. С. 342.

сущностями, а второй – удержать эти связи в каком-то жизнеспособном целом. Однако АСТ призывает тщательнее работать над первым проектом, не привнося пресуппозиции социальности. «АСТ – это просто способ сказать, что задача сборки общего мира не просматривается, если первая задача не выходит в своем решении за узкие границы, установленные из-за преждевременного замыкания социальной сферы»³²⁷.

Латур определяет коллектив как «расширение границ природы и общества»³²⁸, а социологию ассоциаций – как продолжение социологии социального.

После того как мы разобрали процессы на части, согласно программе исследования АСТ, добавили описание не учтенных сущностей, надо создать новую композицию из этих элементов, то есть сконструированный текущий гибридный объект. Сборка гибридного объекта: исследование связей между неожиданными сущностями и удержание этих связей вместе в некоем работоспособном целом. Когда все силы, действующие в исследуемом поле, будут найдены, можно будет поднять вопрос о том, что представляет собой эта сборка, стабилизирующий ассамбляж. Общий гибридный объект исследования состоит из узлов, позволяющих связать «источники неопределенности», вопросы, проливающие свет на неопределенность, вопросы принятия решений, вопросы, поддерживающие «артикуляционный аппарат» нечеловеческих акторов, и другие дискурсивные конструкции.

2.5.2. Программа исследования акторно-сетевой теории

Пять источников неопределенности АСТ позволяют обнаружить новых агентов взаимодействия. Однако размножение сущностей процессов и новых связей не ведет к пересборке социального явления вне последующей политики упорядочивания, композиции элементов. Таким образом, политический проект

³²⁷ Там же. С. 343.

³²⁸ Там же.

АСТ заключается в предельной деконструкции процессов и связей, способствующих появлению социального, а далее – упорядочиванию и стабилизации новой сборки. «Самих ассоциаций недостаточно: еще нужна их композиция, чтобы выстроить общий мир»³²⁹, – отмечает Латур. Представим программу исследования АСТ (Таблица 14).

Таблица 14 – Программа исследования АСТ

Задачи АСТ исследования	Действия реконструкции	Примеры результатов реконструкции: акторы, ассоциации, аффордансы
<p>Первый источник неопределенности: группы пересобираются, надо найти маркеры группообразования</p>	<p>Обнаружение нарушения границ группы «свои-чужие», нахождение агитатора и постоянное переопределение границ участниками.</p> <p>Группы создаются, чтобы говорить; на карту наносятся антигруппы; привлекаются новые ресурсы, чтобы сделать границы групп более устойчивыми; мобилизуются профессионалы с высокоспециализированным оснащением. Все группы нуждаются в людях, определяющих, кто они есть, кем они должны быть, кем они были. Эти люди всегда при деле, обосновывая существование группы, оглашая правила и прецеденты и оправдывая</p>	<p>Компетенции. Ценности. Цели. Языковые клише. Социальные агрегаты создаются перформативно Референты</p>

³²⁹ Латур Б. Указ. соч. С.341.

	одно определение и отвергая все остальные	
Второй источник неопределенности: действие захватывается, надо найти интродукты, установки, плагины, инкорпорированные в сознание	Цель переопределяется посредниками. Действие захватывается. Действие уже по определению смещено. Оно заимствуется, распределяется, внушается, подвергается влиянию, управляется, передается, переводится	Плагины и интродукты «побуждения», заставляющие действовать. Смещение действия происходит из-за требований техники, платформы социальной сети. Например, незаписанный звук в нашем финальном проекте требует перезаписи и трансформации
Третий источник неопределенности: категория агентов, участвующих во взаимодействии, должна оставаться открытой. Речь идет о наличии подручных средств и внимании к ним	Что-то делать с объектом или без него. Перечень ситуаций, когда активность объекта легко увидеть. Первое решение, чтобы увидеть работу вещей – изучать инновации и новшества в мастерской ремесленника. Второе решение: даже самые рутинные, традиционные и безгласные объекты перестают быть само собой разумеющимися, когда к ним приближаются пользователи, невежественные и неуклюжие в силу	Первое решение – пример: процесс реставрации наследия. Второе решение – пример: записывать видеоролик с суфлером или без него – представляет собой два различных случая съемок. Третье решение – пример: снос здания. Наследие тем самым как бы запустило социальный всплеск коммуникации и действий. Четвертое решение – пример: создание виртуальных объектов наследия
Продолжение таблицы 14	определенной дистанции. Третий тип ситуации – это несчастные случаи, поломки.	

	<p>Четвертое решение: когда объекты окончательно уходят, всегда остается возможность, хотя это уже труднее, вернуть их на свет через архивы, документы, мемуары, музейные коллекции и воссоздать копию.</p> <p>Ресурс художественной литературы, которая способна, используя сюжеты альтернативной истории, мысленные эксперименты и «научную фантастику», переводить плотные объекты дня сегодняшнего в текучие состояния, могущие пролить свет на их отношения с людьми</p>	
<p>Четвертый источник неопределенности: природа фактов</p>	<p>Шанс увидеть, каково вещи возникать из небытия путем дополнения любой существующей сущности ее временным измерением</p>	<p>«Таинственное слияние» человеческой деятельности и нечеловеческих сущностей, конструирование как становление. Пример: создание видеопроекта от замысла до воплощения</p>
<p>Пятый источник неопределенности: пишем рискованные отчеты</p>	<p>Политика, определяемая нами как интуиция того, что самих ассоциаций недостаточно: еще нужна их композиция, чтобы выстроить общий мир</p>	<p>Сборка гибридного объекта: удержать найденные связи в каком-то жизнеспособном целом</p>

Пять источников неопределенности АСТ позволяют обнаруживать новых акторов взаимодействия, но это не приводит к пересборке социальных явлений.

Политический проект АСТ заключается в деконструкции процессов и связей, способствующих возникновению социального, а затем в упорядочивании и стабилизации новой сборки. Основное внимание уделяется выявлению и пониманию различных связей и процессов, которые способствуют возникновению социальных явлений, чтобы лучше управлять ими и стабилизировать их в новой сборке, гибридном объекте.

2.5.3. Акторно-сетевая теория и медиа

Данный параграф представляет собой обзор исследований по теме АСТ и медиа. Несколько исследователей сделали обзоры статей по применению АСТ в медиаисследованиях³³⁰. Мы также провели анализ публикаций по этим ключевым словам за 5 лет в наукометрической базе Scopus³³¹.

Маркус Шперер, ссылаясь на других исследователей, отмечает, что теория акторов-сетей кажется идеально подходящей для формирования новой теории ролей в медиа и для изучения коммуникационных технологий, однако, на его взгляд, эта связь удивительно малоизучена. Он задается вопросом о таком невнимании при том, что АСТ приобрела широкую популярность во многих областях знания³³².

Исследователи предполагают, что АСТ недостаточно распространена в сфере медиаисследований, потому что такое намерение «все еще обсуждается» или, предполагают они, потому что АСТ выглядит «сомнительно в свете канонизированных, демократически стабилизированных и вездесущих подходов к

³³⁰ Blok A., Fariás I., Roberts C. The Routledge companion to actor-network theory. Taylor & Francis, 2020; Teurlings J. What Critical Media Studies Should Not Take from Actor-Network Theory // Applying the Actor-Network Theory in Media Studies. IGI Global, 2017. P. 66-78; Domingo D., Wiard V. News networks // The SAGE handbook of digital journalism. 2016. P. 397-409; Spyridou L. P. Journalism in a state of flux: Journalists as agents of technology innovation and emerging news practices // International communication gazette. 2013. Vol. 75 (1). P. 76-98; Couldry N. Actor network theory and media: Do they connect and on what terms? // Connectivity, networks and flows: conceptualizing contemporary communications. Cresskill, NJ, USA: Hampton Press, Inc., 2008. P. 93-110.

³³¹ Сосновская А. М. Новые онтологии как перспектива изучения политических отношений: акторно-сетевая теория и медиа // Меди@льманах. 2023. №. 2 (115). С. 8-16.

³³² Spöhrer M. Applications of actor-network theory in media studies: A research overview // Applying the actor-network theory in media studies. 2017. P. 1-19.

средствам массовой информации, таких как нарратология, дискурсивный анализ или семиотика»³³³.

Применение АСТ в СМИ в последние 10 лет некоторые авторы называют бумом или тенденцией, Фариас подчеркивает, что эти исследования являются «АСТ второй волны» или «около АСТ» исследованиями.

Немецкие теоретики СМИ Лоренц Энгель и Бернхард Зигерт приходят к выводу, что, несмотря на все теоретические проблемы соединения АСТ и медиа, оно все же предлагает «удивительные теоретические конвергенции». Исследователи подчеркивают, что АСТ изначально включала в себя исследования некоторых медиа – фотографий, печатных СМИ, карт и документов, которые выполняли функции акторов или посредников в ключевых текстах отцов-основателей АСТ³³⁴.

Согласно Тристану Тильману, основная теоретико-методологическая повестка АСТ основана на возможности «обеспечить способ представления, в котором социальное и техническое чередуются и последовательно выравнивают различие между человеческими и нечеловеческими субъектами». Здесь медиа играют роль посредников и тогда теория актор-сети оказывается акторно-медиа-теорией. По своей сути, размышляет исследователь, АСТ не допускает «не-медиа» и, таким образом, приходит к обнуляющему двойному отрицанию, называя АСТ «теорией не-не-медиа», то есть теорией медиа³³⁵. М. Маклюэн, считая вещи расширением человека, писал: «The medium is the message», в том числе о вещах как посредниках, меняющих сообщение и реальность³³⁶.

Далее мы позиционируем наше исследование и метод в так называемом «АСТ второй волны». Это движение, которое берет видение АСТ и интегрирует с другими подходами для того, чтобы найти отправные пункты для исследования в рамках онтологической парадигмы.

³³³ Teurlings J. Unblackboxing production. What media studies can learn from actor-network theory. URL: https://mediarep.org/bitstream/handle/doc/14179/After_the_Break_101-116_Teurlings_Unblackboxing_production.pdf?sequence=1 (дата обращения: 15.05.2022).

³³⁴ Engell L., Siegert B. ZMK Zeitschrift für Medien-und Kulturforschung. Schwerpunkt Medienanthropologie // ZMK Zeitschrift für Medien-und Kulturforschung. 2013. Vol. 4 (1).

³³⁵ Thielmann T. Akteur-medien-theorie. Bielefeld: transcript, 2013. P. 33.

³³⁶ Сосновская А. М. Деловая коммуникация и переговоры. СПб., 2011. С.11-12.

Авторы и участники коллективной монографии «Акторно-сетевая теория как компаньон» называют свои исследования как «около АСТ». Они определяют АСТ как коллективное видение и набор интуиций, которые можно разделить с адептами метода, выработав особую интеллектуальную практику. В их коллективной монографии представлено 38 статей, которые «следует понимать как попытку сформулировать критический и конструктивный ответ на восторженный «прием», который АСТ получил в социальных, гуманитарных, дизайнерских и художественных дисциплинах в последние 10–20 лет, в частности прием, который, на наш взгляд, представляет собой амбивалентный знак одновременного успеха и упадка АСТ, признак его продолжающегося существования и сигнал потенциальной смерти от истощения»³³⁷. Авторы считают, что восторженный прием АСТ в разных областях привел к истощению и неправильному толкованию оригинального метода «первой волны» и к его модификации и дополнению другими методами.

Акторно-сетевая теория обозначает семейство концептуальных и методологических интуиций (*sensibilities*), выросших из французско-британских исследований в области социологии науки и технологии конца 1970-х годов. Это коллективное достижение нескольких ученых³³⁸. Основная идея теории в том, что все сущности постоянно конструируются сетями дискурса и материальности.

АСТ иногда называют «материальной семиотикой»³³⁹, поскольку все сущности в мире конституируются и реконструируются в меняющихся и гибридных сетях дискурсивных и материальных отношений. Латур был вдохновлен идеями семиотика А. Греймаса с его актантами и действиями, о чем мы подробно говорили ранее.

³³⁷ Blok A., Fariás I., Roberts C. *The Routledge companion to actor-network theory*. Taylor & Francis, 2020. P. 458.

³³⁸ Коллективное достижение Бруно Латура, Мишеля Каллона, Мадлен Акрич, Антуана Хенниона, Вололона Рабехаризоа, Джона Лоу, Аннемари Мол, Вики Синглтон. См. Blok A., Fariás I. *The Routledge companion to actor-network theory*. Taylor & Francis, 2020. P.458.

³³⁹ Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. Т. 27, № 1 (116). С. 173-200.

В АСТ процессы и отношения рассматриваются как плоские, разрушая способы появления социального как диалектической артикуляции действия и структуры, локального и глобального, большого и маленького³⁴⁰.

Авторы сборника размышляют, почему самые разнородные области интеллектуальной и творческой практики в последнее время приняли АСТ как новый метод и аналитический репертуар. Больше всего, по их мнению, исследователей привлекает симметрия между людьми и не-людьми, что накладывает этико-политические обязательства. Нас также привлекает эта идея в контексте не-антропоцентричных практик. В социологическом исследовании, по АСТ, должно быть одинаковое количество одушевленных и неодушевленных акторов.

Принцип обобщенной симметрии, симметрии между людьми и не-людьми, предложенный АСТ, подразумевает методологическую стратегию оставаться агностиком в вопросе, что считается актором в данной ситуации и в ходе данных событий³⁴¹.

Следующее методологическое предписание: необходимо уделять внимание материалам, устройствам и артефактам, то есть различным объектам, формирующим социальное. Этот пункт говорит об агентности вещей с их аффордансами³⁴², о том, что вещи конструируют социальность, «политизируют реальность», актуализируют концепцию «участие».

Помимо социокультурных наук, подход АСТ стал чрезвычайно важным для различных заинтересованных дисциплин с «изготовлением вещей», особенно это относится к дизайну, архитектуре и современному искусству³⁴³. АСТ сыграла

³⁴⁰ Callon M., Latour B. Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them To Do So // Knorr-Cetina K., Cicourel A. V. (Eds.) *Advances in Social Theory and Methodology. Towards an Integration of Micro and Macro-Sociologies*. London: Routledge, 1981. P. 277-303.

³⁴¹ Latour B. On interobjectivity // *Mind, culture, and activity*. 1996. Vol. 3 (4). P. 228-245; Latour B. Technology is society made durable // *The sociological review*. 1990. Vol. 38 (1). P. 103-131; Latour B. Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts // *Shaping technology/building society: Studies in sociotechnical change*. 1992. Vol. 1. P. 225-258; Law J. On the Social Explanation of Technical Change: The Case of the Portuguese Maritime Expansion // *Technology and Culture*. 1987. Vol. 28 (2). P. 227-252.

³⁴² Yaneva A. Making the social hold: Towards an actor-network theory of design // *Design and Culture*. 2009. Vol. 1 (3). P. 273-288. Аффорданс – качество или свойство объекта, определяющее его возможное использование или разъясняющее, как его можно или следует использовать.

³⁴³ Björgvinsson E., Ehn P., Hillgren P. A. Design things and design thinking: Contemporary participatory design challenges // *Design issues*. 2012. Vol. 28 (3). P. 101-116; Halsall F. Actor-Network Aesthetics: The Conceptual Rhymes of Bruno Latour

важную роль в переосмыслении демократических вызовов, связанных с созданием наших социально-материальных миров, и внесла серьезный вклад в современные концепции «участия»³⁴⁴.

Нынешнее затруднительное положение в антропоцене говорит о том, что человек не справляется с изменениями окружающей среды. Б. Латур, один из ключевых основателей и теоретиков АСТ, до самой смерти был весьма влиятельным интеллектуалом современности, активно участвующим в дебатах об изменении климата и планетарных экологических кризисах.

Отцы-основатели АСТ больше не развивают теорию саму по себе, официально заявив об этом, а занимаются проблемами технонауки и биомедицины³⁴⁵, однако ученые в других областях развивают АСТ, предлагая свои расширения теории и метода, уже интегрировав такие понятия, как фрактальность, множественность, перформативность.

Начало более широкого и более открытого исследования в других областях практики, таких как экономика³⁴⁶, социальные движения³⁴⁷, дизайн и урбанизм. Новые исследования черпали вдохновение из таких концептуальных фигур, как фрактальность³⁴⁸, множественность multiplicity³⁴⁹ и перформативность³⁵⁰ – приемы, которые впоследствии были названы «пост- АСТ»³⁵¹.

Таким образом, несмотря на то, что за последние 20 лет метод АСТ стал «неизменным мобильным устройством»³⁵², в смысле высокомобильного ярлыка для стабилизирующего концептуального репертуара, связанного с обобщенной симметрией, сетями и нечеловеческими существами, ученые АСТ склонны

and Contemporary Art // *New Literary History*. 2016. Vol. 47 (2/3). P. 439-461; Yaneva A. *The making of a building: A pragmatist approach to architecture*. Peter Lang, 2009.

³⁴⁴ Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. *Acting in an uncertain world: An essay on technical democracy*. MIT press, 2011; Latour B. *Politics of nature: How to bring the sciences into democracy*. Harvard University Press, 2004; Marres N. *Material participation: Technology, the environment and everyday publics*. Springer, 2016.

³⁴⁵ Blok A., Fariás I., Roberts C. *The Routledge companion to actor-network theory*. Taylor & Francis, 2020. P. 3-4.

³⁴⁶ Callon M. *The Laws of the Markets*. MA: Blackwell Publishers/Sociological Review, 1998.

³⁴⁷ Rabeharisoa V., Callon M. *Le pouvoir des malades: L'association française contre les myopathies et la recherche*. Presses des MINES, 1999.

³⁴⁸ Law J. *Aircraft stories: Decentering the object in technoscience*. Duke University Press, 2002.

³⁴⁹ Mol A. *The body multiple: Ontology in medical practice*. Duke University Press, 2002.

³⁵⁰ MacKenzie D.A. *Do economists make markets?: on the performativity of economics*. Princeton University Press, 2007.

³⁵¹ Blok A., Fariás I., Op. cit. P. 3-5.

³⁵² Latour B., Woolgar S. *Laboratory life: The construction of scientific facts*. Princeton University Press, 2013.

становиться учеными пост-АСТ, экспериментируя с АСТ как с «изменчивым мобильным устройством»³⁵³. Так, последователи АСТ больше говорят не о сетях, а о сборках, разыгрываниях, переплетениях (*assemblages, enactments, entanglements*³⁵⁴). Авторы монографии хотят возродить АСТ не как теорию, а как открытый интеллектуальный проект, который может оставаться успешным, только если он продолжит изобретать себя заново. Таким образом, метод АСТ выступает как источник вопросов, проблем и вдохновения.

Переходя от интеллектуального проекта «после АСТ» к интеллектуальному проекту «рядом/почти АСТ», участники монографии поставили своей целью продемонстрировать состояния интеллектуального пространства, в котором АСТ может продолжать развиваться и процветать, указав на смежные интеллектуальные практики, представленные такими авторами, как Донна Харауэй³⁵⁵, Изабель Стенгерс³⁵⁶, Тим Ингольд³⁵⁷.

АСТ определяется через определенный способ ведения интеллектуальной работы, определенные виды интеллектуальной практики и чувствительности, которые включают в себя различные способы дифференциации акторов и артикуляции. В АСТ – «богатый набор исследовательских и экспериментальных способов настройки на мир»³⁵⁸.

«Мы заинтересованы в АСТ, – отмечают авторы монографии, – как “практике” в широком прагматическом смысле понятия, то есть как в действии, не определяемом лежащей в основе логикой, но транзакционным участием в определенной экологии отношений и способом производства определенных наборов или типов эффектов».

³⁵³ MacKenzie D.A. Op. cit.

³⁵⁴ Ингольд Т. Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 2. С. 33.

³⁵⁵ Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32, № 1. С. 237.

³⁵⁶ Князева Е. Н. Идея эмерджентной эволюции в воззрениях Э. Морена, И. Стенгерс и Ж. де Роснэ // Философские науки. 2011. № 9. С. 99-115.

³⁵⁷ Ингольд Т. Указ. соч. С. 31-49.

³⁵⁸ Mol A. Actor-network theory: Sensitive terms and enduring tensions // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2010. Vol. 50 (1). P. 265.

Сложная интеллектуальная генеалогия АСТ не является нашей целью. Не будем искать все переводы и контroversы, благодаря которым АСТ стал таким влиятельным интеллектуальным проектом в современном интеллектуальном ландшафте, а включим оптику АСТ в схему коммуникации и диспозитивы.

2.6. Методические основы междисциплинарного моделирования коммуникативной идентичности

Если задачи первой главы – определение понятий, выявление коммуникативного аспекта построения идентичности, операционализация подходов к политике идентичности с учетом вещей – были реализованы на основании обзора и анализа литературы, то решение задач второй главы, помимо работы с литературой, опирается на социологические методы сбора и анализа эмпирического материала, включая лонгитюдное исследование, интервью и беседы, включенное наблюдение, мониторинг СМИ и социальных сетей. В третьей главе используются также методы: апробация, эксперимент, верификация и экспертиза.

Интервью и беседы

Полуструктурированные интервью были выбраны для углубленного изучения отношения к наследию и историческому центру города. В число опрошенных, принявших участие в качественном исследовании, входят преподаватели, исследователи и ученые из гуманитарных академических областей, эксперты в области наследия и исторического центра города, журналисты, художники, архитекторы, реставраторы, политики и общественные деятели, студенты и школьники. Целью интервью являлось улучшение достоверного понимания социальных и культурных явлений и процессов, а не получение объективных фактов о реальности.

В процессе исследования, на этапе составления диспозитивов дискурсивных групп, были проведены опросы и верификация результатов с 2–3 представителями в каждой группе. Проведенные интервью со специалистами в области охраны

наследия повышают надежность и валидность исследования, уверенность в его практической применимости.

Интервью проводились с 2018–2022 гг. Ответы были записаны на диктофон, расшифрованы, отсортированы по темам и подготовлены для качественного анализа. Некоторые интервью проводились студентами по заданию в рамках работы семинара. Студентами собраны в том числе видеointервью (30), проведен анализ аккаунтов социальных сетей, связанных с наследием, сделаны серии фотографий на фоне их любимых мест в городе.

Это первичное исследование было направлено на понимание ключевых вопросов, изучаемых в рамках проекта по сохранению наследия. Таким образом, посредством опросов, интервью и бесед изучены следующие области:

- 1) динамика идентичности молодежи;
- 2) способы воспоминаний, рассказа и коммеморации;
- 3) идентификация мест, практик, нечеловеческих объектов.

Анализ данных

Результаты интервью, бесед и наблюдений были проанализированы на основе качественного метода исследования, дискурсивного анализа, семиотического анализа, акторно-сетевой теории и отражены в наших публикациях, упоминаемых в первой главе и далее здесь. Когда определенное особое явление, как например, идентичность или реконструирование бала, необходимо развить в теорию, мы используем доказанные теории.

Интервью транскрибировались с помощью программы VoiceDictation, которая позволяет звуковые файлы переводить в текст, обрабатывались путем кодирования.

Анализ случаев³⁵⁹

Исследование кейсов, связанных с наследием, включают основные случаи покушения и разрушения наследия на Васильевском острове, в СМИ и социальных сетях для реконструкции дискурсивных групп и нечеловеческих акторов для сборки гибридного объекта исследования в третьей главе. Визуализация сборки выполнена

³⁵⁹ Case study.

в программе Mindmap, которая позволяет делать 2D-карты, созвучные плоской топологии Латура, и обозначать связи между переменными.

В качестве кейсов также изучались рисунки школьников и студентов³⁶⁰, фотографии, видеоматериалы, балы³⁶¹, практики досуга молодежи в центре города³⁶², аккаунты тематических групп и блогеров в социальных сетях, конкурсных проектов в качестве жюри.

Поскольку идентичность формируется в процессе осмысления себя и своих практик со средой, идентичность города можно изучать через людей. Через пользователей города раскрывается процесс формирования, воспроизводства и преобразования содержания города. Помня о симметрии АСТ, мы искали группы, объекты, действия, процессы, которые присущи наследию как таковому.

Коммуникация по поводу культурных практик также связана с городской идентичностью и наследием: нами фиксировались значимые для исследования посещения выставок, экскурсий, фестивалей, театров, музеев, конкурсов³⁶³.

Проблемы, с которыми сталкивается исторический центр города в настоящее время, потребности городских пользователей, восприятие города, своей идентичности и принадлежности к нему были исследованы путем анкетирования, опросов, обсуждения, интервью и анализа медиа.

Опросы проводились в СЗИУ РАНХиГС, а также на открытых платформах опросов Google и Yandex, где отвечали представители разных возрастных групп и локаций. Студенты СЗИУ РАНХиГС, в основном приезжие из других городов, отмечали, что их идентичность формируется культурой города и богатой архитектурой исторического центра. С помощью анкетного опроса молодых жителей города были исследованы проблемы городской идентичности, их

³⁶⁰ Sosnovskaya, A. M. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discursive Mapping of Saint Petersburg // *Iconarp International Journal of Architecture and Planning*. 2022. Vol. 2 (1). P. 33-36.

³⁶¹ Сосновская А. М., Маслеева В. В. Экономика впечатлений: реконструкция исторических практик культурного наследия Санкт-Петербурга // *Управленческое консультирование*. 2018. № 4 (112). С. 172-181.

³⁶² Sosnovskaya, A. M. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices // *International Journal of Tourism and Hospitality*. 2022. Vol. 2, No. 2. P. 56-69.

³⁶³ В течение 3 лет, 2020-2023, автор проводит конкурс на факультете социальных технологий среди студентов «Во все книжные» совместно с библиотеками города по продвижению чтения, а также конкурсы «Земля героев» по истории ВОВ в ЛО и конкурс по продвижению современного искусства «Культурный метод».

потребности в среде и восприятие мест, чтобы найти закономерности для концептуальной модели коммуникации с местом. Анкета состояла из закрытых и открытых вопросов.

В целях популяризации объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО, исторического центра города и связанной с ним группы памятников, в сфере своей деятельности Комитет по охране памятников Санкт-Петербурга (КГИОП) проводит просветительскую и образовательную работу для школьников и студентов города. Как организаторы проектов 2018 года, мы приняли решение оценить полученные знания и узнать мнения школьников и студентов, участвующих в проектах КГИОП, относительно городской идентичности и самоидентификации. Опрос был размещен на Google Surveys, чтобы любой желающий мог ответить, но комитет сначала предложил заполнить анкету школьникам и студентам, сотрудничающим в проектах КГИОП. Ответы на открытые вопросы были представлены в виде текстов, которые можно рассматривать как поле проекций с точки зрения психологии. «С помощью семиотических методов мы реконструировали практики, смыслы и ценности, заложенные в текстах ответов. Сформулированные вопросы апеллировали к нашему утверждению, что идентичность связана с основными психологическими потребностями людей, которые реализуются в контакте со средой.

1. Согласно опросу, принадлежность к месту, которое поддерживается и о котором заботятся, которое разделяют с другими людьми, дает ощущение принадлежности к нему и возможность для творческого самовыражения.

2. Вопрос о духе города позволяет понять значимые практики этого места, которые создают особую атмосферу городского «genius loci», ощущаемую и артикулируемую молодым поколением.

3. Вопрос об идеальном петербуржце относится к проективной идентификации и самоописанию. В дальнейших исследованиях мы изучили различия в восприятии идентичности города и самоидентичности по сравнению с предыдущими поколениями.

4. Отвечая на вопрос об ощущениях, испытываемых в Петербурге, молодые петербуржцы называли следующие противоположные ощущения: воодушевление, веселье, радость, грусть, уныние, депрессия»³⁶⁴.

Эти ответы соответствуют рассматриваемой классификации, которую мы разработали и опробовали во время конференций в СЗИУ. Это классификация того, как человек взаимодействует со своим окружением, и предполагает, что пространственные формы эмоционально ощущаются: «благоприятные пространства (воспринимаются спокойно и надежно); драматические пространства (сверхактивны, подчеркнута контрастны: драматическую окраску им придают ритмические построения); принудительные пространства (отличаются подчеркнутым стремлением к упорядоченности); депрессивные пространства (для них типично обилие ароматических цветов; большую роль в их восприятии играют погодные условия, время года и время суток; в решающей мере они определяют свето-цветовой климат среды); патологические пространства (формируют ощущение опасности)»³⁶⁵. Вопросы в опросах сосредоточены на образе города с точки зрения коренных жителей и «Петербургского текста», а также на том, как этот образ влияет на идентичность города. Таким образом, изучение случаев, связанных с наследием, включает разрушение наследия на Васильевском острове, дискурс наследия в СМИ и социальных сетях, рисунки школьников и студентов, фотографии, видео, балы, отчеты о практиках молодежного досуга в центре города, аккаунты тематических групп и блогеров в социальных сетях, конкурсные проекты КГИОП.

Результаты опросов показали, что принадлежность к месту, которое поддерживают, о котором заботятся и разделяют с другими, дает чувство принадлежности и возможность для творческого самовыражения, а дух города создает особую атмосферу городского «genius loci», ощущаемую и артикулируемую некоторыми представителями молодого поколения.

³⁶⁴ Сосновская А. М., Раменский П. А. Аспекты визуальной репрезентации пространства города (на примере социальных сетей Комитета по охране памятников Санкт-Петербурга) // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2021. Т. 12, № 3 (50). С. 222-228.

³⁶⁵ Сосновская А. М., Раменский П. А. Указ. соч. С. 226.

Выборка

Данные для этого исследования были собраны с использованием различных методов выборки. Различие между вероятностными и невероятностными методами построения выборки является наиболее важным. Элементы для выборки при вероятностных методах отбора выбираются случайным образом. Невероятностные методы больше полагаются на субъективное суждение исследователя, чем на вероятность того, что конкретный элемент будет включен в выборку. Таким образом, отбор предметов для выборки осуществляется исследователем либо сознательно, либо случайным образом. Опыт показывает, что невероятностные методы иногда могут давать точные оценки характеристик совокупности. Однако невозможно непредвзято оценить точность этих оценок.

Наиболее часто мы использовали следующие методы выборки, которые иногда пересекались: 1) выборка согласных респондентов, которая включает тех, кто согласен пройти интервью; 2) дискреционная выборка, которая формирует выборку из элементов, которые исследователь считает нужным включить в нее; 3) выборка «снежный ком», которая отбирает начальную группу респондентов, прежде чем включить в выборку тех, на кого укажут респонденты, опрошенные ранее³⁶⁶. Один из наиболее распространенных типов невероятностной выборки называется удобной выборкой³⁶⁷, то есть в соответствии с удобством исследователя. Таким образом, интервью проводились со знакомыми жителями центра (выборка по усмотрению), а далее методом снежного кома, а также с молодежью (метод квот), которая была согласна (выборка согласных). Поскольку наше исследование использует качественные методы, ориентируясь на смыслы, данные выборки являются не релевантными для всей совокупности задач исследования.

Количественный метод применялся нами для работы с большими данными: использовались программы аналитики и мониторинга³⁶⁸. Количественный метод,

³⁶⁶ См. Ильясов Ф. Н. Алгоритмы формирования выборки социологического опроса // Социальные исследования. 2017. № 2. С. 60-75; Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология. М.: Институт социологии РАН. 2011; Федосеева А. А. Общая характеристика и классификация основных разновидностей выборок в социологическом исследовании // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 8. С. 315-317.

³⁶⁷ См. Henry G. T. Practical sampling. Sage, 1990.

³⁶⁸ Brand Analytics, Медиалогия, 2021-2022.

наукометрический анализ, применялся для анализа больших данных при изучении статей. Обзоры статей наукометрических баз Web of Science и Scopus по ключевым словам и тематическим предпочтениям за несколько лет предпринимался, чтобы обозначить области изучения культурного наследия ЮНЕСКО, вопросов идентичности, политики, исследований АСТ в мировом научном дискурсе, чтобы экстраполировать релевантные темы и методы в наш исследовательский диссертационный проект. Обзоры статей следовали методологическому дизайну исследователей, упомянутых в первой главе.

Наукометрический анализ, представляющий макроуровень исследования, был произведен с помощью программ VOSviewer_1.6.16, CitNetExplorer_1.0.0 и вычленил в огромном массиве публикаций наиболее релевантные и цитируемые статьи, обеспечил визуализацию данных, разнообразные классификации и кластеризацию данных. Использовались также программы STQR.RU³⁶⁹ Rawgraphs³⁷⁰, mindmeister³⁷¹, Dictation³⁷². Эти программы позволили сделать наукометрический анализ научных источников информации по теме диссертации, сформировать и визуализировать карты плоской топологии, транскрибировать звуковые файлы в транскрипты текстов интервью, сделать инфографику гибридного объекта, сгенерировать статические QR-коды изображений, чего не позволили имеющиеся когнитивные инструменты.

Таким образом, данные для этого исследования были собраны с использованием различных социологических методов выборки, таких как вероятностная и невероятностная выборка. Невероятностные методы иногда могут дать точные оценки характеристик населения, но не могут быть применены ко всему населению. Наиболее распространенными типами невероятностной выборки являются консенсусная выборка, дискреционная выборка и выборка «снежный ком». В исследовании использовались качественные и количественные методы для анализа больших данных, таких как статьи из баз данных Web of Science и Scopus

³⁶⁹ Stqr.ru, создание QR-изображений.

³⁷⁰ A free and open-source tool for data visualization. URL: <https://www.rawgraphs.io/> (дата обращения: 23.09.2022).

³⁷¹ MindMeister's easy-to-use, web-based mind map maker. URL: <https://www.mindmeister.com/> (дата обращения: 23.09.2022).

³⁷² Speech to Text with Google Speech Recognition. URL: <https://dictation.io> > (дата обращения: 23.09.2022).

и социальные сети. Наукометрический анализ использовался для выявления областей изучения культурного наследия, вопросов идентичности, политики и исследований АСТ в глобальном научном дискурсе. Для создания и визуализации плоских топологических карт, расшифровки аудиофайлов, мониторинга социальных сетей и СМИ, создания инфографики и генерации статических QR-кодов изображений использовались программные продукты.

2.7. Построение концептуальной модели конструирования городской идентичности с учетом гештальт-анализа, акторно-сетевой теории, объектно-ориентированной онтологии

В этой главе к концептуальной модели коммуникации были применены несколько теорий: психологическая теория гештальт-анализа, акторно-сетевая теория и объектно-ориентированная онтология, чтобы дать четкое представление о возможности практического применения концептуальной модели для психологической и политической медиакоммуникации. Как мы показали в первой главе, движение внимания в коммуникации, разработанное в рамках гештальт-терапии³⁷³, широко используется в качестве метода психотерапии, организационного консультирования, анализа коллективных действий в музее, анализа текстов и визуальности.

Применения этого метода позволяет рассмотреть формирование идентичности как временно фиксированный результат коммуникации, основанный на приобретении знания, появлении смысла, который вскоре снова подвергается перепроверке в новом контакте со средой, с человеческими и нечеловеческими акторами. Последовательность построения – разрушения гештальтов, которая иногда носит название «цикл контакта», т. к. описывает, каким образом организм контактирует с окружающей средой, протекает согласно четырем фазам: преконтакт, контактирование, финальный контакт и постконтакт³⁷⁴. Организм

³⁷³ Перлз Ф., Хефферлин Р., Гудман П. Опыты самопознания: Практикум по гештальт-терапии. М., 1993.

³⁷⁴ Робин Ж.-М. Гештальт-терапия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007.

описан в гештальт-анализе понятием *self*, чтобы подчеркнуть его динамический, текучий, а не эссенциалистский характер, *self* трансформируется и уточняется в каждом контакте. Дж. Латнер определяет *self* как творческий процесс приспособления к изменениям в среде: «<...> это индивидуальный способ проявления в контакте с окружающей средой, действующая сила контакта с настоящим, в котором происходит творческое приспособление»³⁷⁵. Далее мы опирались на принятую схему движения *self*, которая показывает четыре этапа и пять реперных точек трансформации процесса, как было показано в первой главе, а также на психологические функции: телесное переживание, способность к адаптации и творческому приспособлению, выбор и осмысление опыта, который подтверждает идентичность³⁷⁶. В данной схеме потом были размещены акторы из метода АСТ.

Введем в систему понятий об идентичности понятие теории поля, чтобы затем включать акторов в разные воспринимаемые индивидом поля. Теория поля³⁷⁷ – это концепция, заимствованная из физики, в которой люди и события больше не рассматриваются как отдельные единицы, а как части чего-то большего, на которые влияет все, включая прошлое и само наблюдение в настоящем. «Поле» можно рассматривать в двух измерениях: онтологическом и феноменологическом. Онтологические измерения – это все те физические и средовые контексты, в которых человек живет и движется. Это может быть стол, за которым человек работает³⁷⁸, дом, в котором он живет, город и страна, гражданином которой он является. Онтологическое поле – это объективная реальность, поддерживающая

³⁷⁵ Цитата по: Островская Е. В. Влияние гештальт-терапии на развитие личностной автономии (на примере участников группы первой ступени гештальт-терапии). Красноярск: СФУ, 2016.

³⁷⁶ См. изображение схемы в статье Гицай С. Гештальт-терапия: функции «self» и их нарушения URL: <https://www.b17.ru/article/326791/> (дата обращения: 03.02.2023); Image on URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/cpp.2016> (Date of access: 03.02.2023).

³⁷⁷ См. Зейгарник Б. В. Теория личности Курта Левина. М.: Изд-во МГУ, 1981.

³⁷⁸ Интересная цитата Тима Ингольда о текучести и циркуляции материалов, пористых форм и живых вещах. «Вместо гибсоновских существительных, означающих предметы мебели, описание Хайдеггера изобилует глаголами, отсылающими к росту и движению. В том, что земля, как он выражается, «растит», в безудержном извержении вещества сквозь пористые поверхности возникающих форм, мы и находим сущность жизни. Как я уже отмечал, вещи живы, потому что они протекают. В среде без объектов жизнь не сдержат – она неотъемлема от самих циркулирующих материалов, непрерывно порождающих формы вещей, пусть и предвещающая их распад». Ингольд Т. Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 2. С. 39.

наше физическое существование. Интересно, что все нечеловеческие акторы тоже находятся в процессе изменения и движения, хотя бы на молекулярном уровне, согласно той же теории поля. Также вещи обладают положительной и отрицательной валентностью, притягательностью³⁷⁹.

Феноменологические измерения – это психические и физические феномены, интроекты или плагины, которые вносят вклад в самоощущение человека, трансформируют его субъективный опыт. Это могут быть воспоминания о неуместной привязанности, ощущение социальной матрицы, например.

Динамика поля, таким образом, – это влияния внутренней и внешней среды на людей. Структура характера человека носит, скорее, динамический, чем фиксированный характер. Чтобы понять структуру характера, основное внимание уделяется феноменологическим измерениям в контексте онтологических измерений, то, как внешние акторы влияют, учитываются и инкорпорируются. Одним из влияющих акторов является ощущающее тело, которое находится в пространстве. Телесность рассматривается на первом этапе контакта: «Любое видение телесно, потому предполагает местоположенность в мире. Следовательно, искомая объективность неизбежно является телесно воплощенной, а познание – ситуативным и место положенным, всегда связанным с каким-то местом, позицией»³⁸⁰. В своей статье Донна Харауэй также описывает дифференциацию, взаимодействие с миром, кем-то или чем-то отличным от себя, что позволяет посмотреть на себя со стороны и выстроить идентичность (3 и 4 этапы нашего цикла контакта): «Ситуативное познание из частичной точки зрения не монополизирует истину за счет онтологизации угнетения, но оставляет возможность учиться тому, как видят другие. Таким образом, только частичная

³⁷⁹ К. Левин применяет понятие топологии. Первые его положения о существовании мира вещей с положительной и отрицательной валентностью были отражены в научном фильме «Ханна садится на камень» (1928). В нем рассказывается о маленькой полуторагодовалой девочке, которая предпринимает тщетные попытки сесть на камень. Девочка кружится вокруг камня, прижимается к нему, хлопает по нему ручками, даже лижет его, но не садится. К. Левин объясняет: камень, на который хочет сесть ребенок, имеет для него положительный характер, т. е. притягивает его, а для того, чтобы сесть на камень, надо совершить действие, обратное этой положительной валентности, т. е. отвернуться от камня. Ребенок не может сесть на камень, потому что не в состоянии преодолеть притягивающую силу. Зейгарник Б. В. Понятия квазипотребности и психологического поля в теории К. Левина // Теория личности К. Левина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 18-32.

³⁸⁰ Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы. С. 237.

перспектива, соединенная с другими такими же, оказывается способной гарантировать объективность и способность нести ответственность»³⁸¹.

Теоретик объектно-ориентированной онтологии Грэм Харман пишет, что «социальная и политическая теория должна рассматривать неодушевленные объекты так, как этого обычно никогда не случалось в других дисциплинах. Таким образом, ООО не имеет иной альтернативы, кроме как идти по тропе, проложенной акторно-сетевой теорией, не имеющей аналогов среди социальных теорий благодаря вниманию, уделяемому ей нечеловеческим сущностям»³⁸².

ООО и АСТ уделяют основное внимание нечеловеческим сущностям – всем предметам в процессе деятельности, окружающей архитектуре, установкам-плагинам, которые работают изнутри психического опыта, являясь инкорпорированными сущностями, группам людей, которые представляют сущности, показывая, что неодушевленные предметы выполняют «стабилизирующую работу», которая удерживает и «продлевает» социальность.

Напомним, что на примере животных, бабуинов, Латур убедительно показал, что социальных связей недостаточно, должны быть вещи, чтобы отношения длились. «Если бы социологи имели возможность более внимательно наблюдать за бабуинами, восстанавливающими свою постоянно распадающуюся “социальную структуру”, они бы воочию убедились, как непомерна цена, например, поддержания социального господства на основе одних социальных способностей без обращения к вещам вообще. Они бы эмпирически задокументировали, во что обходится тавтология социальных связей, состоящих из социальных связей. Именно власть, приводимая в действие посредством недремлющих сущностей и нерасторжимых ассоциаций, позволяет господству длиться дольше и простирается дальше, – и чтобы проделать подобный трюк, приходится изобретать еще много скрепляющих составов помимо общественных договоров. Это означает не то, что социология социального бесполезна, а лишь то, что она могла бы прекрасно изучать бабуинов, но не людей»³⁸³.

³⁸¹ Там же.

³⁸² Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». С. 93.

³⁸³ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 90.

На графике концептуальной модели первая часть синусоиды содержит инкорпорированные, удерживаемые в психической жизни вещи – переживание телесности, ощущение в среде, знания, установки, ценности, способы думать; эти внутренние установки должны быть подтверждены и обновлены в контакте с реальностью и поэтому мотивируют к контакту с отличной от актора средой, к дифференцированному контакту с другим. К контакту мотивируют также и внешние вещи, обладающие валентностью. В процессе взаимодействия и эксперимента возникают эмерджентные качества совместного действия в поле. Изменение и «прирост» идентичности являются эффектом контакта, пережитого опыта отличия себя от других, дифференциации, о котором пишет Д. Харауэй.

В вопросах политики ООО и АСТ занимают схожие позиции, говоря о существовании реальности вне всякого знания, фокусируясь на объектах. ООО, так же, как и АСТ, представляет собой «плоскую онтологию», относящуюся симметрично ко всем акторам, утверждающую, что человеческая мысль не отличается от триллионов нечеловеческих существ во Вселенной.

Онтологическое измерение присутствует в цикле контакта и является одной из двух важных фокусировок динамики коммуникации: фокусирование на фоне, то есть на среде, в которой происходит коммуникация. Любая фигура коммуникации выделяется из фона. Фоном также является неконтролируемая интенциональность, которая проявляется невербально.

Первый этап коммуникации, или преконтакт, подразумевает симбиоз со средой и эстетическое довербальное переживание нравится/не нравится, опасно/безопасно.

Харман отмечает, что искусство и архитектура «добираются до самого своего объекта не путем его очищения от случайных качеств, но активно сцепляя его со зрителем, производя тем самым новый объект-соединение. Более того, нам стоит помнить, что некоторые из этих идей могут оказаться полезными для понимания тем, с искусством не связанных». Таким образом, мы подхватываем данную идею и переводим на язык психологии: сцепление со зрителем на втором этапе нашей схемы «Контактирование» подразумевает слияние с образом, мыслью,

проективную идентификацию. Харман, согласно нашим выводам из его текстов, иллюстрирует суть проективной идентификации, не употребляя данного термина, в следующем отрывке: «ООО видит театр в обратном свете: как непосредственный результат наивысшей тайны произведения искусства, требующего человеческого участия, чтобы заменить реальный объект, перманентно утрачиваемый в его собственной глубине»³⁸⁴.

Для своей модели мы воспринимаем идею ООО о создании образа ситуации и идею АСТ о загрузке в нашу память установок и стереотипов восприятия, которые Латур называет плагинами.

Харман показывает отличие своей теории от АСТ в том, что в ней сохраняется образ исчезнувшего объекта. «Отношения для АСТ одновременно взаимны (reciprocal) (поскольку следствия распространяются в обе стороны) и симметричны (поскольку не существует объектов, помимо их качеств). ООО же, напротив, настаивает на том, что многие отношения либо не-взаимны (non-reciprocal), либо асимметричны, либо и то и другое вместе. Мы также увидели, насколько важна для метафоры театральность, что совсем не так в случае АСТ, не признающей никакого исчезающего объекта, нуждающегося в своей замене ангажированным зрителем, который возьмет на себя его обязанности»³⁸⁵. Таким образом, в отличие от ООО, АСТ подчеркивает взаимные и симметричные отношения между актерами.

Как было показано в первой главе, идентичность обуславливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта и поддержанию собственной цельности и субъектности в подверженном изменениям внешнем мире. В процессе социализации личности и в процессе прироста идентичности посредством коммуникации и контакта с миром и окружающей средой «анонимное родовое тело» делается личностью: оно подвергается атаке предложений, информации, установок и стереотипов.

«Подобно тому, как разделение труда, порожденное промышленностью и бюрократией, помогало Дюркгейму и Веберу очертить собственное определение

³⁸⁴ Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. С. 88.

³⁸⁵ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». Ad Marginem, 2021. С.93.

социальных связей, информационные технологии помогают нам понять идущую работу по изготовлению акторов»³⁸⁶. По Латуру, внутренний мир субъекта сосредоточен на объективном мире. Эмпирические наблюдения помогают понять, как «анонимное родовое тело» становится личностью, при этом более сильные и многочисленные предложения субъективности приводят к более богатому внутреннему миру. Для того, чтобы акторы могли существовать, необходимы постоянные предложения, потоки сущностей. Быть актором — это полностью сконструированная и полностью прослеживаемая сборка. Определенные плагины или субъективаторы распознать очень просто. К ним, например, относятся все официальные и юридические документы, удостоверяющие личность.

Внутренний мир также конструируется внешними объектами и загружается такими плагинами, как: расширение лексического запаса, восприятия, вкуса. Латур объясняет специфику плагинов: «Средства передвижения оставляют такой слабый след, как будто и в самом деле нематериальны. Но если хорошо присмотреться, можно найти и их: сколько циркулирующих клише надо усвоить, чтобы быть в состоянии высказаться о фильме, компаньоне, ситуации, политическом положении? Если вы начнете искать источник каждой из своих индивидуальных черт, разве не развернется перед вами все та же звездообразная форма, которая и обращает вас к местам, людям, периодам, событиям, большинство из которых вы забыли? Эта тональность голоса, это необычное выражение, это движение руки, эта походка, эта поза, — разве все это не следы? Теперь возьмем ваши внутренние чувства. Разве они вам не даны? Разве чтение романов не помогает вам научиться любить? Как бы вы узнали, к какой группе принадлежите, если бы не непрерывная загрузка культурных клише, которыми вас бомбардируют другие? Вы умели бы печь пирог, если бы не читали с жадностью бесчисленные модные журналы?»³⁸⁷ Таким образом, поиск источников индивидуальных черт, чувств и употребляемых культурных клише может помочь нам понять себя и других, а взаимодействие со СМИ учит нас социальным практикам.

³⁸⁶ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 275.

³⁸⁷ Латур Б. Там же. С. 276.

Социальные группы помогают определиться с идентичностью, предлагая образ значимого другого (успешного человека, блогера), приглашая на фестиваль, публикуя онлайн- или оффлайн-газету (предполагается, что группы публикуют газету для укрепления идентичности). Групповые сборки воспроизводятся на постоянной основе перформативно, подключая новых адептов. Все группы, согласно АСТ, нуждаются в людях, которые могут сформулировать для нее, кто они есть, кем они должны быть и кем они были. Эти люди постоянно работают, защищая существование группы, устанавливая стандарты и прецеденты, отстаивая одно определение и отвергая все остальные. «С точки же зрения социологов ассоциаций, они (конкретные события – А.С.) и создают все различия в мире: ведь не существует общества, чтобы с него начать, нет запаса связей, нет большой, обнадеживающей банки клея, чтобы держать все группы вместе. Если вы сейчас не проведете фестиваль, не напечатаете сегодня газету, то просто потеряете группу, ибо она не здание, нуждающееся в реставрации, а процесс, требующий продолжения. Если танцор перестает танцевать, танец прекращается. Никакая инерция не сможет продолжить шоу. Вот почему мне понадобилось ввести различие между остенсивным и перформативным: объект остенсивного определения остается на месте, что бы ни случилось с указательным пальцем наблюдателя. Но объект перформативного определения тут же исчезает, как только прекращается работа определения, а если он остается, то тогда это означает, что другие акторы приняли смену, которая, по определению, не может быть “социальным миром”, поскольку этот мир сам остро нуждается в новой смене»³⁸⁸.

Второй источник неопределенности связан с активным действием, которое постоянно захватывается какими-то силами. Действие мотивируется установками, которые также когда-то были инкорпорированы в сознание. Цель действия переопределяется посредниками. Латур отмечает, что действия нам не принадлежат, они вытесняются, заимствуются, распределяются, внушаются, контролируются, видоизменяются благодаря технологиям и платформам

³⁸⁸ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 91.

социальных сетей. Первоначальные знания и намерения трансформируются в процессе опыта в ретроспективные знания и укрепляют идентичность.

Смещение действия из-за требований техники мы наблюдали во время видеосъемок: незаписанный звук потребовал перезаписи и трансформации всего съемочного процесса. С полученным опытом, знанием и новой идентичностью, то есть приобретая ее, мы вступаем в новый контакт, в процессе которого наше знание трансформируется снова.

Фрагмент про плоские связи и вбирание-выдавливание, который мы далее пересказываем, похож на цикл контакта в гештальт-анализе. «Актор-сеть очерчивается всегда, когда в ходе исследования принимают решение заменить акторов любого размера локальными и взаимосвязанными местами, вместо того чтобы делить их на «микро» и «макро». Обе части важны, отсюда и дефис. Первая часть (актор) раскрывает узкое пространство, в котором начинают вынашиваться все грандиозные компоненты мира; вторая часть (сеть) может объяснить, при помощи каких средств передвижения, следов, испытаний, типов информации мир вбирается внутрь этих мест и затем, трансформировавшись в них, выдавливается обратно наружу из их тесных стен. Вот почему приписанная через дефис «сеть» фигурирует здесь не как тайное присутствие контекста, а как то, что соединяет акторов. Вместо того чтобы быть, как контекст, другим измерением, придающим объем слишком узкому и плоскому описанию, сеть позволяет отношениям оставаться плоскими и полностью оплачивать «транзакционные издержки». Перед нами не макросоциология и микросоциология, но два разных способа рассмотрения отношений между «макро» и «микро»: первый выстраивает русскую матрешку – маленькая матрешка внутри, большая снаружи; второй разворачивает связи – маленькая матрешка не присоединена, большую надо присоединить»³⁸⁹.

Таким образом, актор-сеть очерчивается, когда исследование заменяет акторов локальными и взаимосвязанными местами, выявляя пространство, в котором начинает трансформироваться реальность. Сеть позволяет отношениям оставаться плоскими и демонстрирует полные транзакционные издержки.

³⁸⁹ Латур Б. Указ. соч. С. 237.

Кроме того, мы рассматриваем АСТ как методологию для улучшения нашего понимания процессов качественного исследования путем углубления нашего понимания динамической природы идентичности и необходимости ее постоянного подтверждения и поддержания различными акторами.

В расшифровках интервью и в текстах социальных сетей мы используем нашу концептуальную модель с внедренными аспектами АСТ, которая рекурсивно приводит к пониманию и выявлению действующих акторов и актантов и дает возможность постепенного улучшения понимания конструирования идентичности, как интегрированного и ретроспективного знания в процессе интеракции на основе предыдущего опыта и знаний. Кроме того, анализ интервью показывает, какой аспект коммуникации – когнитивный, аффективный, прикладной – вступает в силу и мотивирует коммуникацию.

Данное исследование фокусируется на взаимодействиях, которые происходят между акторами, актантами, людьми в системе человеческой деятельности, формируя сеть. Наш метод децентрирует человека и показывает других производителей опыта и знания, которые в определенных контекстах создают эффект усиления идентичности.

Таким образом, это исследование представляет собой дискурсивный метод анализа текстов, который использует оптику АСТ, основанную на онтологической и семиотической перспективах. Мы использовали такие методы в статьях, посвященных дискурсу наследия³⁹⁰.

Наследие изучается различными дисциплинами. Наследие изучалось узкоспециализированно историками, археологами, географами, биологами и экологами до того, как оно вошло в более широкую политическую и экологическую повестку дня и стало восприниматься как междисциплинарное знание. До этого были целенаправленно сконструированы узкие рамки социального существования

³⁹⁰ Sosnovskaya A. Концептуализация объекта всемирного наследия ЮНЕСКО: визуальная репрезентация Санкт-Петербурга поколением Z // Available at SSRN 3994923, 2021; Sosnovskaya A. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discursive Mapping of Saint Petersburg // Iconarp International Journal of Architecture and Planning. 2022. Vol. 2 (1). P. 33-36; Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices // International Journal of Tourism and Hospitality. 2022. 2. P. 56-69.

наследия как ресурса или материала, и использование этого ресурса требовало особых интерпретаций.

Сегодня тематика наследия – это широкая и разнородная академическая область, охватывающая исследования того, что и почему мы выбираем для сохранения: политику прошлого, процессы управления наследием, дискурсы неравенства опыта, знания и власти разных актантов, контекст, который предшествует памятным событиям, связанный с наиболее актуальными политическими, экологическими, экономическими и социальными проблемами.

Наследие находится под охраной законодательства: муниципального, государственного и национального. Наследие участвует в процессах создания местной, региональной и национальной идентичности и культурной экономики. Дискурс наследия чаще всего не выходит за пределы национальных границ, хотя обладает заведомо универсалистскими чертами. Политика идентичности осуществляется как ближайшая к вопросам сохранения локального материального и нематериального наследия.

Национальная политика идентичности и сохранения наследия предлагает генеральную линию управления, тогда как задача коренных народов, жителей городов и территорий заключается в выработке своей политики и в применении иногда альтернативных моделей к определению и методам управления как культурным, так и природным наследием (чему я была свидетелем на Севере России, где такие группы, как шаманы и старообрядцы, имеют свое альтернативное видение управления своей культурой и наследием, которое, однако, вписывается в рамки политики управления наследием России).

Интерес к наследию и желание сохранить исторические ландшафты, животных, язык, культовые практики обусловлены общим рядом проблем, связанных с глобализацией и условиями поздней современности с ее «чувствительностью к угрозе».

Одно из основных критических замечаний к политике наследия заключается в том, что сохранение материальных объектов и зданий осуществляется за счет нематериальных культурных ценностей. Академические исследования наследия

дистанцировались от материальных «вещей», и в научном поле доминирует дискурс нематериального наследия. Например, в книге «Использование наследия» автор Л. Смит показывает, как дискурсы наследия отражают и создают определенный набор общественно-политических практик. Исследовательница считает, что для того, чтобы понять преобладающий дискурс наследия, мы должны изучить структуру и содержание коммуникации, как она воплощена в языке, окружающем наследие, «и то, как он отражает и представляет собой ряд социальных практик, как он организует социальные отношения и идентичности вокруг нации, класса, культуры и этнической принадлежности»³⁹¹.

Этот доминирующий дискурс она называет «авторизованным дискурсом наследия» (Authorized Heritage Discourse). Влияние наследия и конкретные способы осуществления власти через проекты, выставки и управление музеями и объектами наследия – вопросы, которые стали ключевыми для междисциплинарной области критических исследований наследия. Некоторые другие исследователи³⁹² считают также, что наследие должно быть понято как процесс или серия дискурсивных практик. Смит пишет, что наследие – это процесс создания смысла через взаимодействие: «Наследие – это не вещь, участок или место, и оно не «найденно», скорее наследие – это множественные процессы создания значений, которые происходят по мере того, как объекты материального наследия или события нематериального наследия идентифицируются, определяются, управляются, выставляются и посещаются. <...> Наследие можно с пользой понимать как субъективное политическое обсуждение идентичности, места и памяти; что это «момент» или процесс реконструкции и согласования культурных и социальных ценностей и смыслов. Более того, это процесс или представление, в котором мы определяем ценности, воспоминания и культурные и социальные значения, которые помогают нам понять настоящее, нашу идентичность и ощущение физического и социального места. Наследие – это процесс согласования исторических и культурных значений и ценностей, возникающих в связи с решениями, которые мы

³⁹¹ Smith L. Uses of heritage. P. 16.

³⁹² Harvey D. C. Heritage pasts and heritage presents: Temporality, meaning and the scope of heritage studies // International journal of heritage studies. 2001. Vol. 7 (4). P. 319-338.

принимаем, сохранять или нет определенные физические места, объекты или нематериальные события, а также то, как они затем управляются, выставляются. Они также проявляются в том, как посетители взаимодействуют с этими вещами, местами и событиями или отказываются от них. Таким образом, местам и нематериальным объектам наследия придается ценность благодаря тому, что они называются «наследием», а также благодаря происходящим по их поводу переговорам, о сохранении и воссоздании»³⁹³.

Признавая вслед за этими авторами ключевую роль дискурсивного анализа и дискурса наследия в создании критических исследований о наследии и сами анализируя антагонизм дискурсов на примере своего кейса, мы, однако, солидарны с критикой исследователя Р. Харрисона, который пишет, что «дискурс-анализ наследия не всегда дает отчеты, которые адекватно теоретизируют роль материальных “петель” в сложном наборе отношений, в которых человек и нечеловеческие агенты, объекты наследия, места и практики связаны вместе в современных условиях». Таким образом, для дискурсивного анализа сложно интегрировать материальность, которая связывает наследие, места и практики. Чтобы тематизировать эти материальные петли связности, мы, интегрируя в междисциплинарном исследовании дискурсивный анализ, диспозитивный анализ, гештальт-анализ коммуникации, акторно-сетевой анализ и элементы других теорий в рамках онтологического поворота, разработали модель анализа коммуникации о наследии с учетом действий различных акторов: «вещей», материальных «петель», аффектов, режимов восприятия и конструирования идентичности.

Критический потенциал рассмотренных теорий позволяет проанализировать не только магистральные процессы, но и различные дополнительные процедуры освоения, реактуализации или политического употребления наследия в контексте поиска ближайших маркеров идентичности индивида и региона.

³⁹³ Smith L. Uses of heritage. P. 17.

В работах Мишеля Фуко «Рождение биополитики»³⁹⁴, «Нужно защищать общество»³⁹⁵, «Безопасность, территория, население»³⁹⁶ рассматривается концепция государственного управления и различных аппаратов, их диспозитивов, с помощью которых оно функционирует. В своем анализе дискурса мы используем диспозитивный анализ, который помимо дискурса включает материальные вещи и практики. Ключевая для нашего исследования работа Бруно Латура «Пересборка социального»³⁹⁷ ставит акцент на симметричных подходах к пониманию распределения различных форм агентности по гетерогенным сетям, которые включают в себя как людей, так и не-людей, без иерархий. Язык ассамбляжа, разработанный в работах Деланда, помогает сосредоточиться на диапазоне разнородных элементов – объектов, людей, мест, практик, заявлений, коммуникаций, мотивов³⁹⁸, которые в нашем случае объединены в «собрание наследия» или гибридный объект, который может быть картирован, mapping, и визуализирован.

В анализ дискурса и коммуникации интегрированы диспозитивы и материальные маркеры на равных основаниях. Метод анализа коммуникации, в нашем случае дискурса о наследии в СМИ и социальных сетях, состоит также из 4 этапов.

Рассмотрим коммуникацию в осях энергии и времени.

1) Предварительный контакт. До наступления контакта необходимы ориентация в среде и распознавание фигуры интереса. На этом этапе организм может распознать свое окружение. Понимание акторов на этом этапе иллюстрирует утверждение Дюркгейма о том, что структура окружения служит исходным началом любого более или менее важного процесса. Среда состоит из людей и вещей. Вещи по своей природе подразумевают контекстуальные продукты предшествующей социальной деятельности, такие как активная правовая система, общепринятая мораль, знаковые места, литературные и художественные

³⁹⁴ Фуко М. Рождение биополитики. Санкт-Петербург: Наука, 2010.

³⁹⁵ Фуко М. Нужно защищать общество. Санкт-Петербург: Наука, 2005.

³⁹⁶ Фуко М. Безопасность, территория, население. Санкт-Петербург: Наука, 2011.

³⁹⁷ Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

³⁹⁸ Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. № 3 (118). С. 1-34.

ассоциации. Они влияют на то, как быстро и в каком направлении предпринимаются социальные действия³⁹⁹.

Материальный объект в среде может доставлять эстетическое удовольствие и даже стать целью слияния, то есть объектом проективной идентификации. Тогда мы так занимаем место, располагаемся в пространстве, что находимся в слиянии, то есть в симбиозе со средой и объектами⁴⁰⁰. Слиянием и симбиозом объясняют психологические и алкогольные зависимости психиатры, использующие методику АСТ⁴⁰¹. Интенциональность людей и не-людей, собственное содержание сознания, независящее от предметного мира, довербальна или невербальна и бессознательна, ускользающее от рациональности.

2) Установление контакта. «На этой стадии потребность уже выделена, и организм начинает действовать. Происходит развитие фигуры, увеличение возбуждения, опустошение фона. В процессе контактинга происходит выделение агрессии. Эта стадия отождествления и отчуждения Эго с различными аспектами фигуры, что сопровождается эмоциями: приятными – влечение, интерес, или неприятными – нетерпение, раздражение, отвержение. Напряжение на границе контакта велико, поэтому контактинг либо теряет энергию и затягивается, либо переходит на следующие стадии»⁴⁰². Другими словами, контакт вызывает напряжение на границе контакта, отождествляя и отчуждая Эго с различными аспектами фигуры.

На данном этапе актер идентифицирует свои представления, потребности, ценности. Именно эти образы желаемого, интроекты, вызывают мотивацию для действия и являются объектами-драйверами. Когнитивные составляющие диспозитивов находятся на этом этапе.

Когда ребенок перенимает родительские ценности и установки, интроекции – бессознательное принятие чужих мыслей или черт личности в процессе

³⁹⁹ Дюркгейм Э. Социология, ее предмет, метод, назначение. М.: Канон, 1995. С. 113.

⁴⁰⁰ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М., 2021. С.88.

⁴⁰¹ Törrönen J., Tigerstedt C. Following the moving and changing attachments and assemblages of ‘addiction’: Applying the actor network approach to autobiographies // International Journal of Drug Policy. 2018. Vol. 54. P. 60-67.

⁴⁰² См. Сосновская А. М. Прикладной аспект семиотики медиатекстов // Управленческое консультирование. 2014. №. 2 (62). С. 131-143.

социализации – это происходит как нормальная часть развития. Однако интроекция может также служить защитным механизмом в тревожных ситуациях и искажать реакции и действия. Интернализация – другое название этого явления. Подтверждение интроектов через проекцию на следующей стадии является полезным использованием интроектов для конструирования идентичности.

3) Концентрация, слияние и идентификация с фигурой; максимальное возбуждение – вот характеристики финального контакта. Спонтанное скоординированное действие восприятия, движения и ощущения происходит после достижения полного осознания процесса. Это естественное и необходимое слияние, когда тело полностью отождествляется с фигурой. В точке контакта возбуждение угасает, потребность удовлетворяется, и начинается дифференциация. Наш актер, например, «слился» с медиа, как бы живет в тексте, вовлечен и захвачен, осуществляет мысленный эксперимент, *experiencing*, переживает опыт⁴⁰³.

Преднамеренный опыт проективной идентификации с объектом, который всегда до конца непознаваем, и единственная возможность слиться с объектом в театральном или метафорическом акте, чтобы прожить чувственные характеристики объекта, является эстетическим опытом и эстетическим познанием «вещи-в-себе». Слияние с непознаваемым объектом, по Харману, формирует эстетический опыт и знание о нем и о себе. Этот вид опыта может быть преобразующим и привести к глубокому личностному росту, поскольку он позволяет людям открыть те части себя, о которых они, возможно, раньше не подозревали.

Действие на этом этапе экспериментальное, интерактивное, дифференцирующее навыки действия, мышления. Возможны эмерджентные свойства коммуникативных ситуаций. Такие возникающие эффекты происходят в психотерапии, в драматическом театре, когда мы видим неожиданное развитие событий. В саспенсе, триллерах или детективных историях зрители сначала сталкиваются со сложностью, которая не поддается их пониманию, но в конечном итоге эмерджентный характер истории развивается таким образом, что зрители

⁴⁰³ Там же. С. 137.

понимают, что сложность была необходима с самого начала. Эмерджентные свойства коммуникативных ситуаций могут приводить к неожиданному развитию событий.

4) Постконтакт. «Фигура теряет энергию, разрушается и уходит в фон. Возбуждение падает, и граница контакта либо исчезает, либо теряет смысл. Главная задача – ассимиляция опыта и его интеграция»⁴⁰⁴. Происходит интеграция нового опыта в общую идентичность актора. Согласно Латуру, человек или группа являются кульминацией опыта многих контактов, а действие фиксируется рядом сетевых акторов. Таким образом, через опыт контакта происходит конструирование идентичности индивида или группы. В результате воздействия объекты также приобретают эффекты, новые качества и характеристики.

Актор составляет отчет, выносит суждения и связывает эти выводы со своим мировоззрением. Произвольно мешая и препятствуя усвоению нового опыта, актер прерывает процесс интеграции. Прерывание на стадии постконтакта является девальдацией (обесцениванием) опыта. Следующая потребность в контакте и общении возникает после паузы и некоторой пустоты, когда начинает накапливаться энергия. Состояние равновесия или покоя находится под чертой графика⁴⁰⁵.

Стадии слияния и интроекции в нашей модели похожи на семиотическую, довербальную, феминистскую фазу принятия, а стадии символизации, дифференциации и идентификации – на символическую, фаллологоцентрическую фазу упорядочивания в семаанализе Ю. Кристевой⁴⁰⁶.

Масштабирование оптики гештальт-анализа позволяет децентрировать субъекта и смотреть на силы в среде, воздействующие или борющиеся за влияние на него, как в сборке «актор-сеть» Латура. Различные масштабы человеческой деятельности могут быть проанализированы с помощью этой модели. Группы в политике говорят о наследии способами, которые соответствуют этой модели. По этой причине все диспозитивы развиваются и находятся внутри этого

⁴⁰⁴ Сосновская А. М. Указ. соч. С. 138.

⁴⁰⁵ См. Концептуальная модель коммуникации.

⁴⁰⁶ См. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004.

повторяющегося цикла. Гештальт-терапия использует эту схему для анализа историй пациентов. Если терапевт замечает, что одна или несколько стадий цикла отсутствуют или недоразвиты, то он может попросить пациента рассказать о том или ином аспекте истории. Таким образом, терапевт может помочь пациенту интегрировать свои переживания и эмоции и реконструировать непротиворечивый нарратив. Нечто подобное можно сделать и с политическими высказываниями или действиями.

Классические элементы диспозитивов дискурсов, связанные с наследием, являются идеологическими. Гештальт анализ с поэтапной идентификацией представлен как способ сборки критического отношения, поскольку интегрирует материальных акторов, обеспечивая онтологическую симметрию.

Концепция гештальт-теории цикла контакта релевантна для анализа коммуникации, представляет возможность поиска акторов и вещей на разных стадиях коммуникации, продвигающих цикл контакта по этапам, способствующим конструированию идентичности. Гештальт оптику можно настроить на разный масштаб – от высказывания до анализа событий.

Схема коммуникации и интегрированные в нее акторы АСТ представлена в таблице 15.

Таблица 15 – Схема коммуникации и интегрированные в нее акторы АСТ

Этапы цикла коммуникации (гештальт)	Функции	Акторы
Преkontakt	Ориентации, слияния, ощущения, идентификации	Среда, реальный объект и чувственные качества
Контактирование	Ассоциации, понимания	Идеи, образы, подручные средства, объекты
Полный контакт	Дифференциации, взаимодействия, взаимовлияния, проекция	Микс слов и идей, проект, действие

Продолжение таблицы 15

Постконтакт	Ассимиляции и интеграции	Эмерджентность. Получение опыта и идентичности
-------------	--------------------------	--

Таким образом, АСТ идет как бы снизу, дожидаясь эмерджентности социального, эффекта социальности и группообразования в результате проекта и/или взаимодействия, не рассматривая социальные силы как предзаданные. Постоянно длящийся процесс (популяризации наследия, изучение наследия, борьба за наследие, разрушение наследия) имеет социальный эффект (идентичности). Другие процессы (предположительно, глобализации) конкурируют за идентичность молодежи. Уберите следующие объекты из жизни, например, школьников: петербургский текст, петербургский силуэт (значимость силуэта города отмечает Харман), посещение музеев и театров, городские праздники и знание истории, и ниточки сплочения и вовлеченности, а значит, идентичности ослабнут (Таблица 16).

Таблица 16 – Прикладная концептуализация цикла контакта с учетом психологических регистров для эмпирического исследования

Этапы	Схемы восприятия и переживания опыта	Объекты
Конкретное место, размеченное и коммуникативно маркированное, вещи, реквизит	Аффективные схемы	Симбиоз, режим вовлеченности и интереса, телесное переживание происходящего в каждый момент, интенциональность вещей и субъектов, драйв энергии
Индивиды в пространстве	Когнитивные схемы, позволяющие им одинаковым образом отвечать на вопрос: «Что здесь происходит?»	Интроекты, инсталлированные плагины

Продолжение таблицы 16

	применительно к взаимодействию («происходит») и месту («здесь»). Роли и категории	
Взаимодействие	Коммуникативные схемы. Сообщение. Проекция, объекты. Подручные средства. Действие. Коммуникация	Пространственные проекции взаимодействий; их границы заданы устойчивой и воспроизводимой формой интеракции. Осознание границ
Интеграция и ассимиляция опыта	Рефлексивные схемы. Конструирование и прирост идентичности «Кто я после этого опыт»	Стиль артикуляции события, и сама артикуляция и концептуализация

Пример анализа интервью по модели представлен в таблице 17.

Таблица 17 – Пример анализа интервью

Изложение транскрипции и маркировка	Примечания по ходу анализа с выделением акторов, плагинов (компетенций)
<p>— Сколько лет вы живете в наследии? — Живу около 40 лет. — Супер. — А если еще учесть студенческие годы, то, наверное, будет больше 40. Просто это другой район, около 40 лет это Петроградский район, а в студенческие годы я жила на канале Грибоедова. — Тоже в наследии, хорошо? — Живется в наследии хорошо. Я вообще не представляю, конечно, жизни на окраине, не просто на окраине, а в новых районах, просто потому что тогда мне кажется, что нет смысла жить в Петербурге. Потому что мне очень понравилось выражение Андрея Битова, который в одном из</p>	<p>Начало коммуникации – ориентация, обозначение контекста.</p> <p>Подчеркивание соответствия роли респондента, что всю жизнь в наследии живет. <i>Компетенция, подтвержденная временем.</i></p> <p>Аффективное переживание симбиотических отношений, что, мол, хорошо, нравится. <i>Интроекция.</i> Противопоставление новым районам – выстраивание границ. <i>Плагин-дифференциация.</i> Смысл жить в наследии – ценность. <i>Интеграция.</i></p>

своих очерков ранних или рассказов, автобиографического плана, а вы помните, конечно, да, что первый его сборник назывался «Аптекарский остров»?

— Да.

— Это его как бы вотчина, хотя последняя его квартира, насколько я знаю, потому что я была очень хорошо знакома с его последней женой Наташей Герасимовой, которая рано умерла, и у них была квартира в доме на углу Невского и Восстания. Вот это неважно. Так вот он сказал: «...что да, я очень долгое время не подозревал, что я живу в музее». То есть ты выходишь и вокруг тебя сразу музей, и вот эта аура настоящего Петербурга, мне кажется, имеет огромное значение, потому что, собственно, она воспитывает человека и формирует мысли.

Мы знаем прекрасно, что ведь в Петербурге, в Ленинграде, в Петрограде, в Ленинграде и в Петербурге были, так сказать, несколько волн, когда сменялось население, да и первая смена населения была, конечно, после революции, потом эта индустриализация, когда привлекали специально народ из окружающих деревень. Репрессии, и, в общем, сейчас это тоже волна, потому что, судя по лицам, конечно, население Петербурга очень изменилось. Скоро петербуржцы будут такие приятно «смуглявенькие». Так кто-то тоже сказал. Вот поэтому мне кажется, что Петербург до последнего времени он переваривает эти огромные массы иногородних людей. Да, вот они становились тоже ленинградцами, они становились петербуржцами, они вели себя соответственно, мы это видим,

Апелляция к значимому авторитету. Писатель, автор, поддерживающий феномен «петербургского текста», пушкиновед, житель центра.

Интроекция.

Проверка интервьюера на знание референтных текстов.

Проекция. Укрепление идентичности «мы – петербуржцы».

Аутентичный петербуржец, потому что близок к классику. Она бывала у них в гостях. Значимое для нее воспоминание – преемственность культуры. Акторами выступают однозначные *локации наследия* – Невский, Восстание, Аптекарский остров, канал Грибоедова, Петроградская сторона.

Цитирование. Актер – петербургский текст.

Аура настоящего Петербурга, музей под открытым небом – символические маркеры – акторы, которые действуют: воспитывают, формируют мысли, знание.

Когнитивный аспект – знание – подтверждается в интервью, в процессе рассказа другому.

Аффективный компонент – контент, связанный с воспоминаниями, эмоциями, разделяемый с интервьюером.

Значимая история – смена населения в процессе XX века: революция, индустриализация, репрессии.

«Все будут личиками приятно-смуглявые, и все одинаковые».

Поднятая целина. М.А. Шолохов.

Смена визуально привычных черт лиц. Петербург «поглотил и переваривает», делает ленинградцами с хорошими манерами и поведением. *Решение проблемы.*

скажем, то, что они делали с городом после Блокады, например, да, когда все дружно выживали и все дружно потом восстанавливали город, мне кажется, это очень важно. Я не представляю себе жизни в другом, в новом Петербурге. Потому что мне кажется, что вот эти, как сейчас Мурино, мне кажется, что они, конечно, не воспитывают человека. Они депрессивные состояния формируют.

— Ага.

— С другой стороны, я вот почему вам сказала, что я жертва в общем этого, потому что, ну скажем, вот наш подъезд в доме выселили, потому что сказали, что очень быстро они сделают капитальный ремонт, потому что там на первом этаже у них потолок провалился и все, и вот уже 2 года прошло, нас выселили. Тоже на Петроградской, но дело не в этом, мы как бы в маневренном фонде живем, и это, естественно, жизнь на чемоданах. И неизвестно, когда это будет, потому что никто ни за что не отвечает, все ссылаются друг на друга.

— А кто делает ремонт?

— Неизвестно, вообще администрация Петроградского района за это отвечает, но, когда я последний раз звонила, это было уже давно, уже почти год тому назад, в декабре прошлого года, мне сказали, что снова там будет очередной какой-то этаж ломать и снова перезаключать договор. Да с этими, как они называются? Ну, в общем, с теми, кто делал, с теми, кто это все будет делать, до сих пор договор никакой не заключен. И вот, я думаю, это отмывание денег во многом, и, конечно, меня очень так напрягает тот момент, что не хранится то, что есть в этих старых домах. Вот, например, в нашем доме совершенно

Недовольство визуальностью примиряет город, который всех уравнивает, окультурит и все будут жить и работать дружно с едиными ценностями, восстанавливать город.

Опыт выживания, Блокады, восстановления.

Новые районы формируют депрессивные состояния, потому что не воспитывают. Ценность культуры, знания, воспитания, идентичности.

Актор Мурино навевает депрессию.

Дифференциация.

Ага, – мое согласие подтверждает транслируемую картину реальности и завершает цикл. *Интеграция.*

Говорилось, как все хорошо, теперь – «с другой стороны» ракурс – разрушение идентичности и начало нового цикла контакта, новой пересборки, новой темы и поиска решений – какие есть проблемы.

Наследие ветшает и заставляет людей жить на чемоданах в маневренном фонде и ждать.

В сфере ЖКХ процветает бюрократия и коррупция.

Неопределенность и волокита в ремонте – это пример того, как действие захватывается разными акторами-посредниками и уводит в стороны, трансформирует изначальный план.

Действующие акторы и актанты здесь: администрация, телефонная связь, договор, деньги, наследие, цветная

явно да была плитка, цветная плитка на полу.

— Угу.

— Была цветная плитка на стенах.

Сейчас это все, конечно, варварски покрашено краской, да плитка выковыряна и постелено это покрытие, плитка, да она же через 2 месяца уже вся у них ломается. Вот это конечно очень жалко.

— А какой год у вас?

— 1914. Огромное количество домов модерна не защищено. Когда вот эти будущие ремонтники пришли в нашу квартиру, первый вопрос, который они задали: у вас ГИОПовская квартира, я говорю нет, потому что там была лепнина и все прочее, сейчас все собьют, потолок весь собираются разрушать, потому что не ГИОПовская. Конечно, очень жаль, потому что эти дома в центре не сохраняются. Но ведь по телевизору показывают некоторые дома в центре, которые сохраняют. Но это подъезды, которые выкупают богатые, очень богатые люди. И за свой счет они восстанавливают. Да, а это же не во всех подъездах очень богатые люди живут, вот поэтому, мне кажется, это большая проблема.

— А вы не протестуете?

— Протестовали в прошлом даже, нет в позапрошлом году осенью, там была очень активная девушка, и она вызывала даже телевидение, и какая-то была программа, где меня показывали. Я еще Аське сказала, что надеюсь, что никто этого не увидит, меня. Они как раз вот за сохранение не КГИОПовских домов, вообще огромное количество домов не охраняется. И тем не менее там наследие. Ну так вот, варварски просто так окрашивать эту плитку. Да вот

плитка на полу, плитка на стенах, краска, покрытие.

Это аффективный момент рассказа, который завершился эмоцией (жалко, печаль, скорбь об утрате).

Далее новый подъем энергии, стадия активности.

Действующие акторы: дома эпохи модерн, ремонтники, КГИОП, который мог бы спасти от варварского ремонта, лепнина, потолок, дома в центре города, телевидение, богатые люди. Решение проблемы сохранности: КГИОП или богатые жильцы. Имплицитное решение-желание – подразумеваемое сравнение: разные народности, мигранты хорошо восстановили город после Блокады и сейчас могли бы.

<p>начало XX века, но это просто, конечно, варварство. Я очень ценю аутентичную обстановку, приветствую ее, да-да-да. — Ясно, спасибо большое</p>	<p>Взаимодействие: звонки в администрацию, активисты, телевидение, выступление с интервью. Негодование и злость от того, что лишают ценности, аутентичной обстановки</p>
---	--

Таким образом, с учетом найденных акторов в интервью, представлены все фазы коммуникационного цикла, или гештальта. Вернемся к самой первой фазе интервью – завершенному гештальту. Начало коммуникации до контакта: ориентация, идентификация контекста, актора, среды наследия и симбиотических отношений с ней. На этапе контакта найдены плагины: дифференциация, апелляция к авторитету, проверенная временем компетентность. Полный контакт: оценка знания интервьюера с референтным материалом и проецирование. Постконтакт: рефлексия и подтверждение идентичности «мы – петербуржцы».

Выводы по главе 2

В результате проведенного исследования в данной главе было выявлено:

При анализе дискурса о наследии и городе необходимо подвергать критическому разбору и процесс конструирования коммуникации, для чего подходит диспозитивный анализ, в котором исследование диспозитивов подразумевает поиск инкорпорированных акторов, и связанные технические ассамбляжи, такие как платформа соцсети, ее алгоритмы и требования использования и соответствия, данные, интерфейс.

Основные результаты образовательного и управленческого проекта «Санкт-Петербург – объект всемирного наследия: взгляд молодежи», реализующегося при взаимодействии факультета социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ФСТ СЗИУ РАНХиГС) в лице автора и КГИОП в 2016–2023 гг., отвечающие на

вопросы, поставленные перед политической наукой и управленческой практикой: популяризации наследия города, методики укрепления городской идентичности молодежи, а также на вопросы относительно изменений городской идентичности в контексте развития города и в контексте изменения мышления и практик молодежи, явились базой данных для анализа и понимания необходимости использования новых методов исследования.

Эмпирический материал и его исследования отражены в публикациях в журналах ВАК.

Результаты полуструктурированных интервью, компоненты конструирования идентичности как интеграции опыта и знания в процессе взаимодействия, представленные в нашей концептуальной модели анализа, взгляды экспертов на наследие и городскую идентичность показали, что мнения пересекаются как с антропоцентричными, так и неантропоцентричными подходами построения идентичности, которые изучались в обзоре литературы. Из интервью и разговоров по поводу идентичности и наследия реконструированы многочисленные акторы и актанты, действующие и переживающие воздействие, поддерживающие картины мира жителей города, их практики, стиль воспоминания, приоритетные знания и ценности.

Эвристическая перспективность использования АСТ для политической науки и медиакоммуникации доказана с привлечением заключений экспертов данной тематики. Вслед за АСТ мы пришли к выводу, что необходима перекомпоновка содержания власти и сил за счет деконструкции связей, поиска и нахождения новых нечеловеческих акторов с их актуальными требованиями, построение общего коллектива, а далее построение общей композиции таких сборок.

Составлена таблица «Стадии политического процесса решения проблемы», которая включает в себя структурные стадии политического процесса, структурные стадии коммуникативного процесса, де/стабилизирующие социальные отношения вещи. Показаны этапы операционализации конфликта и перевода решения в управленческие процессы. Найдены акторы политического процесса: трансформаторы, медиа, отчеты и планы, диспозитивы, коммуникация по

структурной схеме коммуникации, которая в гештальте называется «цикл контакта» и наполнена инкорпорированными вещами.

Выявлены категории онтологического поворота, которые учитываются в операционализированной 10-этапной программе дискурсивного анализа: децентрация субъекта; реализм; эмерджентность; ограниченность здравого смысла, постправда; непринятие иерархии; непризнание абсолютных истин и эссенциализма; значимость объектов и их проявлений; признание активности и агентности вещей и природы.

На макроконтекстуальном уровне дискурсивного анализа мы использовали дискурсивную теорию Э. Лакло и Ш. Муфф, суть которой заключается в том, что социальное явление не может быть законченным и обладать полным значением. Вследствие чего в дискурсе присутствует антагонизм и постоянная борьба противоположных устремлений и/или борьба к идеальному состоянию системы, которое недостижимо, но само устремление пытается нейтрализовать нехватку в психоаналитическом смысле. В этом анализе требуется фиксирование значений на всех уровнях социального явления и выявление хода борьбы антагонистов.

Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, постмарксистская теория, симпатизирует развитию нового материализма, направленного на переосмысление и переоценку роли материала, рассматривая его как «агентную материю». Новый материализм воспринимает материю как одновременно материальную и репрезентативную; новая материалистическая повестка выражается в фокусе на «материально-семиотическом акторе». Именно семиотический анализ позволяет найти в текстах материальных акторов, инкорпорированных в личность в качестве плагинов или в группу в качестве диспозитивов.

Исследовательская стратегия социологов АСТ, представленная в таблицах, применена нами в исследовании эмпирического материала, а именно: поиск разногласий и намеренная дестабилизация устоев за счет сомнения и провокационных вопросов; использование языка и объяснений мотиваций акторов; использование принципов этнометодологии; релятивистское соотнесение систем

координат при интерпретации; картография разногласий, отношений, сетей в рамках плоской онтологии в 2D-формате.

Реконструирован 7-этапный метод пересборки групп, апробированный в ходе анализа интервью с представителями исследуемых дискурсивных групп: выявление нарушения границ группы посредством дифференциации «свои-чужие»; нахождение агитатора; выявление маркеров постоянного переопределения границ участниками; фиксация вербализируемых ценностей и целей, использованных клише и значимых для группы понятий, поиск перформативных высказываний, имеющих статус действия, поскольку, по Б. Латуру, «группы создаются, чтобы говорить»; визуальное картирование компетенций своей группы, когда на карту также наносятся антигруппы, не обладающие компетенциями «нашей» группы, а какими-то другими; обнаружение действий по привлечению новых ресурсов, чтобы сделать границы группы более устойчивыми; обнаружение интенций и стратегий мобилизации профессионалов с высокоспециализированным оснащением, поскольку все группы нуждаются в людях, «определяющих, кто они есть, кем они должны быть, кем они были»; здесь речь идет о том, что в дискурсе группы всегда представлены значимые референты.

Деконструированное интервью по поводу группы «Всемирный клуб петербуржцев» по 7 критериям АСТ доказало применимость метода при анализе текстов. Полученные данные деконструкции представлены в виде таблицы, в которой отражены критерии группообразования, практики группообразования, реконструированные non-human акторы наследия и их агентность.

В результате описания неопределенностей, контроверз, на которых фокусируется АСТ, их экстраполяции на тексты интервью и медиа, была составлена методика использования АСТ по отношению к процессу коммуникации, а необходимые для концептуальной модели параметры интегрированы в схему коммуникации. По данной схеме мы проанализировали как структурные составляющие идентичности людей, так и диспозитивы, структурные составляющие в основе дискурсов, групп, чтобы в третьей главе создать гибридный объект в рамках плоской топологии АСТ по исследуемым кейсам.

Выводы по апробации метода, интеграции акторов в структуры идентичности и дискурсов таковы, что мы последовательно:

- 1) позиционировали методику в политике и управлении города посредством выполнения социального проекта;
- 2) апробировали возможное конструирование идентичности с использованием материальных элементов в дискурсе согласно АСТ;
- 3) прояснили полезные и эмерджентные эффекты каждого этапа коммуникации;
- 4) разработали практический метод анализа медиатекстов.

Интервью с экспертами по поводу концептуальной модели квалифицировали нашу методику как релевантную целям политики городской идентичности, которая имеет потенциал совершенствования государственного управления и повышения его эффективности посредством структурно обновленной коммуникации с участием акторов сети; совершенствования социальной политики города и государства; обеспечения духовного развития российского государства и общества, развития гуманитарных наук.

Совершенствование городского управления возможно при сетевой реконструкции ценностей и запросов всех участников городской жизни, при этом наследие рассматривается как один из участников и гарант городской идентичности.

Социальный подход АСТ к наследию и его дискурсам позволяет ввести принцип симметрии и инклюзии, экологическую повестку, осмыслив сетевое участие как реализацию ценностей равенства, устойчивого развития и сохранения природного и культурного наследия как наиболее общей среды, в которой вырабатываются новые ценности. Такое усиленное ценностное производство будет способствовать социальной реализации граждан, увеличению их культурного участия в жизни города, включая открытие новых режимов эмоциональной вовлеченности и маркирования предпочтительных мест городской жизни.

Итак, историко-культурное наследие рассматривается как предпосылка развития городской идентичности, вовлекающего множество участников, а

следовательно, предохраняющего от кризисов экономического роста путем обеспечения равномерного и продуктивного распределения интеллектуальной, эмоциональной, нравственной и духовной жизни, с постоянным ростом интереса к инструментам ее совершенствования. К этим инструментам относятся и полученные концептуальные модели, идентификации и диспозитивов, и практические рекомендации по ним на основе неантропоцентричных, с учетом АСТ, теорий идентичности, коммуникации и дискурса.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИКА ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ НАСЛЕДИЯ: ГИБРИДНЫЙ ОБЪЕКТ-СБОРКА

Задачи этой главы состояли в том, чтобы продемонстрировать результаты работы концептуальной модели для анализа дискурса культурного наследия и политики городской идентичности на материалах медиа и социальных сетей. Полученный гибрид отражает политики идентичности, осуществляемые в данной сборке разными акторами, реконструируемые из медиатекстов.

Глава начинается с описания гибридного объекта исследования, сети или сборки⁴⁰⁷. Наша сеть формируется актором «наследие», обладающим агентностью. Мы провели обзор научных статей по изучению проблем наследия в мире и обнаружили тождественные проблемы изучаемого наследия Санкт-Петербурга.

Основное внимание в главе уделено тому, как использовать новую концептуальную модель при анализе дискурсов, экстраполируя схему коммуникации с актантами на модель коммуникации групп на основе диспозитивов. Разработанные элементы диспозитивов применены к дискурсам десяти реконструированных групп. Группы реконструированы на основе анализа кейсов, связанных с наследием, выявленных в социальных сетях. Было найдено, что основными мотиваторами коммуникации групп чаще всего являются два диспозитивных элемента: цели и ценности. На их основании каждая группа формирует свою политику идентичности города, как коммуникативную стратегию в дискурсе, поэтому можно говорить о политиках во множественном числе, об артикуляции цели и ценностей и других элементов диспозитивов каждой группы в медиадискурсе.

Кроме того, практики, поддерживающие идентичность горожанина реконструированы на основе применения концептуальной модели к эмпирическим данным интервью, рисунков. Эта модель зарекомендовала себя как полезный инструмент привлечения внимания к теме идентичности среди школьников и

⁴⁰⁷ «Под словом “сеть” я понимаю связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник». Латур Б. Там же. С. 171; «Если социальное – это след, то его можно проследить; если это сборка, то ее можно пересобрать». Латур Б. Там же. С. 169.

студентов, обладающий потенциалом решения проблемы кризиса городской идентичности, поскольку предлагает логически и психологически выверенную модель развертывания коммуникации, восхождения дискурса и приобретения идентичности как нового знания. Как показано в главе 2 на примере публикаций, для решения вопросов, поднятых в этом исследовании, был проведен эмпирический анализ кейсов, связанных с наследием, получивших освещение в СМИ и социальных сетях.

Как описано в главе 1, коммуникация и восприятие строятся по определенным психологическим схемам, которые дополнены нами онтологической акторно-сетевой теорией в ее действии и, безусловно, могут быть использованы специалистами в области журналистики и коммуникации для достижения результата прироста знания и идентичности за счет стабилизирующего эффекта социальности при взаимодействии с неодушевленными акторами. Таким образом, концептуальный анализ был адаптирован под конкретные кейсы и ситуации, проиллюстрирован примерами, из соотношения порядков дискурса реконструированы характеристики наследия и практики горожан в историческом центре. Анализ литературы, связанной с предметом исследования, полевые исследования и анализ данных мониторинга социальных сетей проводились параллельно. Реконструированные данные по контенту диспозитивов групп верифицировались у представителей групп (всего 11 человек): государство, КГИОП, застройщики, градозащитники, креативный класс, архитекторы, дискурс вещей через историков, молодежь, ЮНЕСКО, жители центра.

Установлены культурные характеристики, которые поддерживают идентичность горожанина: проанализированы политики групп, обсуждающих вопросы сохранения или несохранения наследия, и практики горожан в ходе лонгитюдного исследования с применением интервью и интерпретацией с опорой на методы АСТ, теории практик, семиотики.

Была доказана прямая и непосредственная взаимосвязь между городской идентичностью и историческим наследием в результате обзора литературы по теме наследия Санкт-Петербурга.

Проанализированы на примере кейса дискурсы вовлеченных в вопросы сохранения наследия акторов как часть сложных дискурсивных порядков и конфигураций на основе предложенной концептуальной модели конструирования идентичности в процессе коммуникации.

Определен подходящий для комплексного анализа стратегический подход в рамках акторно-сетевой теории: показано, как с помощью сборки гибридного объекта в формате плоской топологии можно охватить комплексную коммуникацию построения городской идентичности и получить возможность анализировать элементы сборки.

Влияние концептуальной модели на укрепление идентичности, в первую очередь группы молодежи поколения Z, было доказано в проекте построения городской идентичности в рамках дополнительного образования в младшей, средней и старшей школе и реализации межрегионального проекта *StP4juniors*, то есть «Санкт-Петербург для школьников», представляющего собой 20 видеороликов, рисунков и дискуссии после просмотра.

В первой и второй главах были проведены социологические исследования кризиса идентичности, разработаны и проведены дискурсивный, диспозитивный анализ медиатекстов, были описаны управленческие решения в рамках образовательных проектов КГИОП и РАНХиГС, и исследования конструирования городской идентичности. Данная глава представляет собой описание гибридного объекта нашего исследования, сети акторов, сборки.

В результате работы получена формула конструирования идентичности в процессе коммуникации, названная концептуальной моделью, как содержащая важнейший инструмент влияния на преодоление кризиса идентичности посредством конструирования идентичности в медиадискурсе с учетом сети акторов. Концептуальная модель построения идентичности с акторами коррелирует с элементами диспозитивного анализа, который будет проиллюстрирован в данной главе.

3.1. Гибридный объект: репрезентация политик идентичности

В параграфе представлен собранный нами гибридный объект политик идентичности, под которыми мы понимаем коммуникативные стратегии и аффордансы человеческих и нечеловеческих акторов. В нем изображены все результаты исследования и пересборки связей между переменными, участниками или акторами дискурса о городе и наследии. Полная визуализация объекта находится по QR-коду (Рисунок 2). Гибридный объект представляет собой реконструированную городскую идентичность как сеть материальных и нематериальных акторов.



Рисунок 2 – Гибридный объект. QR-код сборки в полном виде⁴⁰⁸

На карте дискурсивная городская идентичность представляет из себя сеть акторов из нашего исследования и имеет 5 составляющих. Мы идем с правого верхнего угла по часовой стрелке, поскольку структурообразующим актором выступает наследие:

1) наследие и собранные его «потребности» из научной и специальной литературы;

⁴⁰⁸ Расположение QR-кода также на: <http://sosnovskayaam.blogspot.com> (дата обращения: 25.06.23)

2) практики и действия петербургскости, реконструированные как из текстов, так и из интервью;

3) дискурсивные группы, реконструированные из СМИ и социальных сетей, их дискурсивные стратегии, представленные в виде диспозитивов с интегрированными акторами АСТ;

4) законодательный материал, регулирующий вопросы сохранения наследия и городской идентичности;

5) эмпирические данные, собранные в процессе 7-летнего проекта исследования города как объекта Всемирного наследия и подготовки диссертации и городских образовательных проектов.

Третью главу мы начинаем с критического обзора литературы по культурному наследию ЮНЕСКО во всем мире, чтобы составить таблицу проблем и потребностей наследия и ответственных за решение в случае нашего объекта всемирного культурного наследия ЮНЕСКО Санкт-Петербурга. Далее параграфы отвечают составным частям гибридного объекта по схеме: наследие, практики петербургскости, дискурсивные группы и их диспозитивы, нормативная база, эмпирические исследования и апробация концептуальной модели, воспитательных механик и методов укрепления идентичности. Обзор литературы по культурному наследию ЮНЕСКО позволил получить всестороннее представление о проблемах и возможностях, связанных с сохранением объектов культурного наследия, что будет полезно при разработке эффективных стратегий управления объектом всемирного культурного наследия Санкт-Петербурга. Кроме того, составные части гибридного объекта, описанные в этой главе, послужат основой для анализа и рассмотрения различных факторов, влияющих на культурную значимость и самобытность объекта.

3.2. Дискурс всемирного культурного наследия

Обзор статей по наследию мы делали количественными и качественными методами⁴⁰⁹. Соответствующие публикации в области исследований культурного наследия ЮНЕСКО были собраны и проанализированы с помощью количественных наукометрических методов за период с 2018 по 2022 годы в репозиториях Web of Science и Scopus. Наукометрический анализ, проведенный с помощью CitNetExplorer 1.0.0 и VOSviewer 1.6.16, позволил рассмотреть доминирующие кластеры, или ценности, лежащие в основе социальных и политических практик, а также определить наиболее актуальные и цитируемые статьи из коллекции публикаций.

Проведенное исследование показало, что «дискурс наследия ЮНЕСКО и идентичности в связи с наследием не ограничивается традиционной рамкой управления, а включает в себя широкий спектр общественных, природных и личных состояний и ситуаций. Изучение вовлеченных акторов, в том числе природных, культурных и технических, non-humans позволяет:

- принимать более эффективные меры сохранения природных и экологических изменений, политики управления мировым наследием, политики локальной идентичности в связи с местом и наследием;
- сократить дистанцию между «управляющими» наследием и теми, для кого управление осуществляется, жителями рядом с наследием, представителями гражданского общества, которые идентифицируют себя с группами, пересобирающимися вокруг наследия»⁴¹⁰.

Как мы неоднократно видели в ходе нашего обзора, большинство статей на тему всемирного наследия в политических и социальных науках посвящены критике или оптимизации стратегий управления, в которых приоритет отдается

⁴⁰⁹ Параграф написан по материалам статьи: Сосновская А.М. Дискурс всемирного культурного наследия // Управленческое консультирование. 2022. № 8 (164). С. 108-123.

⁴¹⁰ Сосновская А.М. Дискурс всемирного культурного наследия // Управленческое консультирование. 2022. № 8 (164). С. 109.

сохранению культурных ценностей и развитию идентичности местных сообществ как части процесса идентификации с местом и культурной памяти.

Для обзора «изначально были выбраны статьи по теме и ключевому слову для поиска “наследие ЮНЕСКО “ в ведущих рецензируемых научных журналах баз Web of Science и Scopus. Было найдено 6109 результатов за 5 лет, распределенных по разным направлениям общественных наук. Благодаря широким возможностям разработки концепции наследия в общественных науках, отобранные журналы представляли такие научные разделы в первых строчках списка, предложенного наукометрическими программами, как архитектура, инженерное строительство, науки о земле, науки об окружающей среде, технология строительства, археология, гуманитарные науки, зеленые устойчивые научные технологии, информатика и искусственный интеллект, экологические исследования, гостеприимство – досуг – спорт – туризм»⁴¹¹. Мы воспроизвели не весь список журналов, а только число наименований, достаточное для того, чтобы охватить интересующие нас отрасли знания, а именно социологию и политологию⁴¹². «Такое позиционирование нашего объекта изучения в научном и прикладном контексте оправдывает выбор методологически использовать рамки акторно-сетевой теории, поскольку в этих дисциплинах часто фиксируются действия, сети, отношения природных, культурных и нечеловеческих агентов»⁴¹³.

Обычай, развитие социальных сетей, постоянное взаимодействие и взаимовлияние человеческих и нечеловеческих агентов — все это способствует

⁴¹¹ Сосновская А.М. Указ. соч. С. 109.

⁴¹² «Архитектура (978 статей), Инженерное строительство (591), Науки о земле многопрофильные (533), Науки об окружающей среде (482), Технология строительства (457), Археология (442), Гуманитарные науки (396), Зеленые устойчивые научные технологии (386), Информатика Искусственный интеллект (362), Экологические исследования (326), Гостеприимство – Досуг – Спорт – Туризм (284), Робототехника (246), Инженерные биомедицинские науки (243), Медицинская информатика (242), Материаловедение (223), География (218), Изобразительное искусство (194), Междисциплинарные социальные науки (194), Антропология (186), Городские исследования (181), Физическая география (176), История (176), Дистанционное зондирование (176), Культурология (156), Междисциплинарные науки (154), Экология (132), Инженерия Электротехника Электроника (132), Водные ресурсы (130), Аналитическая химия (124), Наука о изображениях фото-технологии (124), Региональное городское планирование(118), Фольклор (112), Сохранение биоразнообразия (104), Спектроскопия (103), Экономика (97), Инженерно-геологические науки (94), Информатика (91), Библиотекведение (90), Геология (88), Право (85), Краеведение (82), Управление (81), Междисциплинарные приложения компьютерных наук (78), Образовательные Исследования (74), Международные связи (70), Инженерно-экологические науки (60), Методы теории информатики (58), Информационные системы компьютерных наук (54), Политическая наука (54), Морская пресноводная биология (51), Бизнес (46), Метеорология Атмосферные науки (46), Азиатские исследования (45), Социология (44)».

⁴¹³ Сосновская А.М. Указ. соч. С. 109.

формированию территориальной идентичности. В нашей ситуации наследие должны учитывать все участники гибридного объекта. Мы экстраполировали соответствующие темы и подходы на наш исследовательский и воспитательный проекты, благодаря обзору статей стало возможно обозначить области и специфику изучения культурного наследия ЮНЕСКО в глобальном научном дискурсе. Благодаря наукометрическому анализу мы смогли ответить на вопросы о фоновых практиках, организующих знание в дискурсе.

Весной 2021 года были завершены первые визуализации статей и их анализ: «надо отметить, что наблюдалась динамика в связи с появлением новых статей, однако тенденции, проявленные в классификации кластеров, оставались идентичными. Второй этап работы с данными – качественный анализ статей найденных тематических кластеров – подразумевал чтение и выявление доминирующих тем и методов изучения наследия ЮНЕСКО»⁴¹⁴.

После обработки более 6000 аннотаций и около 1000 статей были отобраны 40 наиболее подходящих для нашей темы. В ходе исследования было проведено около 30 различных визуализаций ключевых слов. Были применены следующие фильтры: политические науки, междисциплинарные социальные науки, урбанистика и социология; статьи выбраны в порядке убывания за последние пять лет.

Общая визуализация наиболее цитируемых статей по теме представляет собой маркеры 6109 статей (рисунки представлены в статье). Статьи на периферии рисунка не связаны между собой и представляют собой набор точек или узлов, в то время как статьи в центре рисунка имеют ссылки, которые видны на рисунке. Мы приняли решение сосредоточиться на пяти самых крупных узлах, или пяти наиболее цитируемых статьях, по пять из каждого кластера и пять с периферии. Таким образом, было рассмотрено 30 статей из этой визуализации. Изучение литературы и ссылок рассматриваемых статей привело к добавлению еще около двух десятков статей.

⁴¹⁴ Там же. С.111.

Мы начали с изучения пяти значимых узлов на периферии. Исследователи из разных стран в своих работах уделяют особое внимание вопросам управления, когда речь идет о проблемах сохранения наследия.

«Исследователи из Саудовской Аравии Abdulelah Al-Tokhais & Brijesh Thapa делают обзор материалов по теме наследия, фокусируясь на проблемах управления наследием»⁴¹⁵. Они рассматривают 5 объектов Всемирного наследия (ОВН), показывая, что туристические потоки «оказывают серьезное воздействие на объекты, которым не хватает ресурсов для сохранения и управления»⁴¹⁶. Ученые описывают проблемы распределения ресурсов, трудности с реализацией плана управления, а также экологические последствия туризма и городского развития. Они подчеркивают необходимость обращения этих последствий вспять посредством ответственного управления объектом Всемирного наследия их страны.

Все упомянутые проблемы актуальны и для нашего объекта Всемирного наследия (Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников), включая недостаток финансирования для сохранения и реставрации, отсутствие комплексной стратегии управления, необходимость отвлечения туристического потока от популярных мест в сторону менее известных, противоречия между управлением наследием и городским развитием, а также проблемы окружающей среды и экологии.

Исследователи из Южной Кореи J. Park, S. Kim разрабатывают цифровую репрезентацию пещерного храма Соккурам, поскольку переживают, что «меняющиеся экологические условия и туристическое давление» не способствуют сохранению ОВН⁴¹⁷.

Испанские исследователи Канарского архипелага Belmonte, Sanabria, Gil пишут о природном и культурном ландшафте острова Гран-Канария, где

⁴¹⁵ Сосновская А.М. Указ. соч. С. 112.

⁴¹⁶ Abdulelah A.-T., Brijesh T. Management issues and challenges of UNESCO World Heritage Sites in Saudi Arabia // Journal of Heritage Tourism. 2020. Vol. 15 (1). P. 103-110.

⁴¹⁷ Park J., Kim S. Digital Representation of Seokguram Temple UNESCO World Heritage Site // Augmented Reality and Virtual Reality: Empowering Human, Place and Business. Springer, Cham, 2018. P. 379-384.

обнаружены святилища на вершинах гор и на уступах вулканических кальдер острова, так называемые альмогарен, где происходили ритуалы древних племен⁴¹⁸.

Исследователи приводят достаточные сведения для включения места в Список Всемирного наследия и защиты международными организациями: «это идеальное место для культурного ландшафта, взаимосвязанного с небом, которое можно было бы защитить в рамках Инициативы ЮНЕСКО и МАС по астрономии и всемирному наследию. <...> На Гран-Канарии специальные полевые исследования убедительно свидетельствуют о том, – пишут ученые, – что большинство высокогорных святилищ могут быть связаны с солнечными и лунными наблюдениями и, возможно, с астральными культурами. <...> Гран-Канарию следует рассматривать как прекрасную лабораторию, где можно проиллюстрировать тесную связь между земными и небесными пейзажами в человеческой культуре; <...> как чудесный пример культурного ландшафта, достойного включения в список всемирного наследия»⁴¹⁹.

Иранские исследователи М. Hashemi, А. Khabbazi Basmenj, М. Banikheir сообщают об «исторической деревне Мейманд, 2000 лет, являющейся важным объектом наследия в Иране, который был включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2015 г.»⁴²⁰. Ученые отмечают, что «деревня расположена в вулканической местности, и ее постройки, такие как дома, мечеть, общественная баня и храм огня, были вырезаны в пирокластических скалах вулкана Масахим. В данном исследовании были изучены инженерно-геологические и геоэкологические аспекты поселка Мейманд»⁴²¹. По итогам исследования был сделан вывод, что «деревня Мейманд находится под угрозой эрозии из-за природных и антропогенных факторов, которые постепенно разрушают ландшафт и структуры

⁴¹⁸ Belmonte J. A., Sanabria J. C., Gil J. C., de León J. M. et al. The cultural landscape 'Risco caído and the sacred mountains of Gran Canaria: A paradigmatic proposal within UNESCO Astronomy and World Heritage initiative // *Mediterr. Archaeol. Archaeom.* 2018. Vol. 18. P. 377-385.

⁴¹⁹ Belmonte J. A., Sanabria J. C., Gil J. C., de León J. M. et al. The cultural landscape 'Risco caído and the sacred mountains of Gran Canaria: A paradigmatic proposal within UNESCO Astronomy and World Heritage initiative. P. 377-385.

⁴²⁰ Hashemi M., Khabbazi Basmenj A., Banikheir M. Engineering geological and geoenvironmental evaluation of UNESCO World Heritage Site of Meymand rock-hewn village, Iran // *Environ Earth Sci.* 2018. Vol. 77 (1). P. 3.

⁴²¹ Ibid.

этого важного объекта Всемирного наследия. Поэтому необходимо планировать и применять проекты по сохранению, обеспечивающие сохранение деревни»⁴²².

Нам представляется, что необходимо изучать геологические и экологические аспекты почвы Санкт-Петербурга и Ленинградской области, субъектов, на территории которых находится наш ОВН. Известно, что Петр Первый заложил город на болотистой почве, в сыром климате. Как это влияет на сохранность нашего объекта всемирного наследия?⁴²³

Румынская крепость Сармизегетуза была включена вместе с другими пятью дакийскими крепостями (Баница, Костешти-Блидару, Костешти-Четэцуйе, Пятра-Рошие и Кэпальна) в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1999 г. Археолог V. Bârcă пишет, что «они представляют собой уникальный синтез внешних культурных влияний и местных традиций с точки зрения методов строительства и, в целом, древней военной архитектуры, представляющей монументальное выражение цивилизации Дакийского королевства»⁴²⁴. Согласно замечаниям в работе, «после 2000 г. различные законы регулировали управление, сохранение и защиту памятников, внесенных в список объектов Всемирного наследия. Некоторые положения закона никогда не применялись и не соблюдались. К сожалению, в настоящее время только Сармизегетуза (Sarmizegetusa Regia) имеет законного администратора, остальные пять остаются неуправляемыми»⁴²⁵. Далее приведем отрывок, показывающий проблемы управления наследием: «Ни у одной из шести крепостей нет плана управления и у них нет менеджеров. Кроме Сармизегетусы, для остальных пяти крепостей нет даже краткосрочных стратегий, которые бы решали срочные дела. Крепости не защищены 24/7. Единственная дакийская крепость в этом укрепленном комплексе, которая располагает круглосуточной службой безопасности, – это Сармизегетуза, находящаяся под управлением Совета графства Хунедоара. После прецедентов археологического

⁴²² Ibid.

⁴²³ В интервью архитекторы рассказали, что существует неравномерная осадка почвы под Исаакиевским собором, и постоянно ведутся поддерживающие работы и геодезический мониторинг (2022).

⁴²⁴ Bârcă V. Accomplishments and failures in the management of fortress Sarmizegetusa Regia, a UNESCO world heritage monument // *Journal of ancient history and archaeology*. 2019. Vol. 6 (4). P. 119.

⁴²⁵ Ibid. P. 121.

браконьерства и преднамеренного повреждения или уничтожения объектов крепость в районе Сармизегетуса Региа стали охранять. Но этого нельзя сказать о других крепостях, где до сих пор часто встречаются разрушения, акты вандализма и археологическое браконьерство. В большинстве этих крепостей есть разрушенные здания и рухнувшие стены. Подъездные пути к некоторым из этих дакийских крепостей повреждены, а растительность на этих неуправляемых участках закрыла памятники. Плохое состояние этих крепостей связано с тем, что ими никто не управляет»⁴²⁶.

Мы так подробно процитировали текст о ситуации с крепостями в Румынии, чтобы показать важность плана управления ОВН, а также к чему приводит его отсутствие. В 2022 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области также нет плана управления объектом Всемирного наследия.

Приведем объясняющую положение дел цитату (с купюрами) с сайта ЮНЕСКО: «Немногие знают, что в 2020-м исполняется 30 лет с момента, когда “Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников” были включены в перечень Всемирного наследия ЮНЕСКО. Кажется, владея таким сокровищем, мы должны его бережно охранять и поддерживать высокий международный статус. Тем удивительнее узнать, что до сих пор нет плана управления городом как объектом Всемирного наследия. И только сейчас, похоже, появилась реальная возможность создать этот важный документ.

“Петербург – самый сложный и многокомпонентный объект ЮНЕСКО в России, – подчеркнул директор института Владимир Аристархов. – Он включает 36 объектов, в том числе дворцово-парковые ансамбли в Гатчине, Стрельне, Ораниенбауме, Ропше, Гостилицах, Петергофе, Тайцах. Поэтому подходить к его управлению решено поэтапно”. <...>

И вот сейчас готовы 100 страниц “Основных подходов к разработке плана управления”. Они одобрены множеством экспертов, поддержаны Минкультуры. И хотя исследование преимущественно выполнялось в Москве, в нем приняли

⁴²⁶ Ibid.

активное участие архитекторы и ученые Петербурга. Поддержали коллег и в комитете по охране памятников города. <...>

“Мы стоим в шаге от создания единого плана, что очень важно, – считает историк, публицист Юрий Светов. – У петербуржцев в целом обостренное чувство переживания за сохранность города, потому что XX век представлял большие угрозы для самого его существования. Здесь родилось и градозащитное движение, сейчас одно из самых сильных общественных течений в городе и России. Кстати, если такой документ будет принят, это поможет снизить конфликты между его представителями и бизнесом, органами власти. А главное, получим надежный инструмент, помогающий защитить исторический центр, который сегодня подвергается постоянным испытаниям. Нельзя упустить такой шанс”»⁴²⁷.

Отсутствие плана управления ОВН как в Румынии, так и в Петербурге приводит к конфликту в дискурсе о наследии и к нарушениям в охране памятников и территорий.

Конфликтный дискурс в медиапространстве Петербурга и России в целом по поводу нашего ОВН присутствует постоянно. Эта конфликтность требует контент-анализа с выявлением возможностей каждого актора производить контент. В диссертационном исследовании мы рассматриваем контент СМИ и социальных сетей, дискурс заинтересованных лиц, ведущих дискуссии по поводу нашего ОВН.

Важные акторы для анализа дискурса обозначены уже в данном тексте: ЮНЕСКО, ИКОМОС, Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Министерство культуры РФ, кафедра архитектурного и градостроительного наследия СПбГАСУ, архитекторы, историки, публицисты, градозащитники, представители власти и бизнеса.

Таким образом, статьи с периферии визуализации рассказывают об объектах Всемирного наследия в разных странах, об их расположении, проблемах, управлении, исследованиях и необходимых ресурсах сохранения и поддержания функционирования, плане управления.

⁴²⁷ Under UNESCO protection. A management plan will be written for the center of St. Petersburg. URL: <http://unesco.ru/news/saint-petersburg-unesco/> (дата обращения: 18.02.2022).

Далее мы рассмотрели 5 самых крупных узлов (статей) в рамках 5 кластеров: зеленого, красного, синего, желтого, фиолетового (рисунки в статье). Зеленый кластер образуется самыми многочисленными связями данной визуализации с четырьмя центральными статьями и отражает тему управления объектами наследия (неравный доступ, джентрификация, предпочтения туристов, этические и методологические проблемы изучения наследия, сложные обсуждения Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО по поводу внесения объектов в Список Всемирного наследия, находящегося под угрозой).

В статье М. Науес анализируется сохранение наследия и модернизация городов в Куэнке, Эквадор, с целью вскрыть глобальное неравенство и права на город на перекрестке транснациональной мобильности образа жизни и глобализации рынков недвижимости. Процессы джентрификации в Куэнке воспроизводят колониальные социальные отношения и маргинализируют популярную экономическую деятельность неформальных продавцов. Наследие находится под эгидой ЮНЕСКО, внесено в Список Всемирного наследия. Межамериканский банк развития и сменявшие друг друга муниципальные власти стремились повысить стоимость недвижимости в историческом районе Эль-Сентро, вместо того чтобы полагаться на возвращение в город местного среднего класса. Модернизация исторической городской застройки в Куэнке зависит от среднего класса с более высоким доходом, которого привлекает исторический центр города⁴²⁸. Таким образом, дискурсы поддерживают амбиции среднего класса с высоким доходом, который чувствует себя хозяином города.

«Религиозное наследие северо-востока Румынии является одной из главных достопримечательностей для посетителей этого района, – пишут С. Лупу, А. Броchado, О. Столеру, – известные как “расписные” монастыри, церкви региона подчеркивают богатую религиозную культуру Румынии. Они были внесены в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО»⁴²⁹. Исследователи

⁴²⁸ Hayes M. The coloniality of UNESCO's heritage urban landscapes: Heritage process and transnational gentrification in Cuenca, Ecuador // *Urban Studies*. 2020. Vol. 57 (15). P. 3060-3077.

⁴²⁹ Lupu C., Brochado A., Stoleriu O. Visitor experiences at UNESCO monasteries in Northeast Romania // *Journal of Heritage Tourism*. 2019. Vol. 14 (2). P. 150-165.

анализировали ключевые слова туристических веб-страниц, чтобы «определить основные аспекты туристического опыта в монастырях». Результаты контент-анализа включают 10 тем/слов: «монастырь», «расписанные (стены)», «башня», «посещение», «красивое» (место), «внутри» (живопись), «знаменитое» (сцена), «место», «синий» (цвет) и «направляющая».

Исследователи выявили предпочтения туристов:

1) «туристы могут чувствовать связь с восточным православием (как, например, большинство румынских посетителей);

2) их больше интересуют картины и архитектура монастырей;

3) большинство туристов ценят эти сооружения за то, что они являются объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО, считая их наиболее примечательными своими старинными росписями, которые сохранялись в течение многих лет и славились своими красками (например, синей краской Воронежского монастыря)⁴³⁰.

ЮНЕСКО присвоило статус Всемирного наследия нашему объекту по определенным критериям, которые являются привлекательными для туристов со всего света. В результате нашего исследования были получены данные предпочтений поколения Z по отношению к своему городу и своей городской идентичности. Мы сделали выводы как о совпадающих локациях и дестинациях, согласно критериям ЮНЕСКО, так и об индивидуальном и аутентичном опыте контакта с городом и практик идентификации молодого поколения петербуржцев.

Следующая наиболее цитируемая статья из зеленого кластера – по археологии.

«Археологические полевые работы уже не те, что раньше»⁴³¹, – отмечают Н. Hølleland и Е. Niklasson. В статье представлены эмпирические исследования того, как институты и влиятельные люди формируют то, что завтра будет считаться «нашим общим прошлым». Авторы пишут о необходимости более глубокого и тонкого понимания современного управления наследием, об этических и методологических проблемах, к которым «археологи часто не готовы». В этой

⁴³⁰ Ibid. P. 150-165.

⁴³¹ Hølleland H., Niklasson E. How (Not) to “Study Up”: Points and Pitfalls When Studying International Heritage Regimes // Journal of Field Archaeology. 2020. Vol. 45 (3). P. 140-152.

статье рассматриваются нюансы и «подводные камни» исследования режимов международного наследия: «проблемы доступа, анонимности и рассмотрения результатов исследований». Ученые отстаивают «более сильную и более прозрачную традицию изучения в рамках археологии»⁴³².

В статье N. E. Brown, C. Liuzza и L. Meskell основное внимание уделяется тому, как объекты наследия, находящиеся под угрозой, вовлечены в сложные обсуждения Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО по поводу внесения их в Список Всемирного наследия, находящегося под угрозой. Благодаря количественному и качественному анализу документов о принятии решений Комитетом с 1979 по 2018 гг. ученые констатируют «геополитическую несправедливость и бюрократическую неэффективность, которые характеризуют процессы реализации Списка наследия, находящегося под угрозой»⁴³³.

Статьи, расположенные в красном кластере, связаны с политической повесткой (дискуссии включения объектов памяти в список ОВН, проекты, которые вызывают межнациональные споры и конфликты, политика нематериального культурного наследия, конфликты между политикой городского развития и сохранением наследия).

Статья R. Nakano посвящена политике памяти. Автор пишет о программе ЮНЕСКО «Память мира», которая, с одной стороны, способствует сохранению, всеобщему доступу и информированию общественности о всемирно значимых документах как общем достоянии всего человечества, а с другой – влечет серьезные политические последствия. В статье отмечается, что «включение “Документов о Нанкинской резне” в реестр “Память мира” в 2015 г. отражает растущую в эпоху после окончания “холодной войны” озабоченность по поводу памяти о войне и ее зверствах. Тем не менее это вновь усилило напряженность в отношениях между Японией и Китаем, что привело к сильному давлению на ЮНЕСКО с целью реформировать процесс отбора оспариваемого наследия»⁴³⁴. В статье

⁴³² Ibid. P. 152.

⁴³³ Nakano R. A failure of global documentary heritage? UNESCO's 'memory of the world' and heritage dissonance in East Asia // Contemporary Politics. 2018. Vol. 24 (4). P. 481-496.

⁴³⁴ Nakano R. Op. cit. P. 481-496.

рассматриваются ограничения, с которыми сталкивается ЮНЕСКО при продвижении глобального документального наследия.

В статье под названием «Проект ЮНЕСКО “Возродить дух Мосула”»: мнение Ирака и Сирии о реконструкции наследия после Исламского государства» авторами В. Isakhan и L. Meskell анализируется конфликтный дискурс. После опустошения города Мосул на севере Ирака боевиками «Исламского государства» (ИГ) ЮНЕСКО запустило проект «Возродить дух Мосула». В статье содержится критический анализ этого проекта, основанный на 47 интервью с сирийцами и иракцами. В статье также рассматриваются «последствия усилий ЮНЕСКО в более ранних (пост)конфликтных проектах по восстановлению наследия на Балканах, в Афганистане и Мали».

«Проанализированные данные показывают, что проекты восстановления наследия, особенно в сложных (пост)конфликтных условиях, таких как в Ираке, требуют постоянного, детального и тщательного взаимодействия с местным населением для достижения успеха. Если этого не делать, местное население и его объекты наследия станут уязвимыми для новых нападений, что в конечном итоге подорвет широкую миссию ЮНЕСКО по укреплению мира»⁴³⁵.

Согласно Т. Jones, политика ЮНЕСКО в области наследия является одним из самых масштабных глобальных факторов преобразования ландшафта и культуры. Автор пишет, что «в ответ на жалобы на объектно-ориентированный подход к всемирному наследию, в рамках ЮНЕСКО появилась новая конвенция и новая категория наследия: нематериальное культурное наследие (НКН)». Более 170 государств подписались под конвенцией. В этой статье дается оценка географического охвата и воздействия программы НКН ЮНЕСКО, а также на примере Индонезии проводится анализ наиболее успешной (по данным Управления культуры Индонезии) программы по производству ткани для батика. Автор

⁴³⁵ Isakhan B., Lynn M. UNESCO's project to 'Revive the Spirit of Mosul': Iraqi and Syrian opinion on heritage reconstruction after the Islamic State // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. Vol. 25 (11). P. 1189-1204.

оценивает влияние политики НКН в Индонезии на разных уровнях и для разных групп⁴³⁶.

Статья S. Wu определяет наследие как социально-политическую конструкцию, распространяемую и на обычаи, по признаку регулярности и локализованности. В статье представлено изучение монгольского обертоного пения (хоомей) в списке нематериального наследия ЮНЕСКО в качестве важной традиции монгольской этнической группы в Китае во Внутренней Монголии.

В исследовании A. van der Hoeven рассматривается, как люди оценивают свои исторические городские ландшафты через веб-сайты и онлайн-СМИ, посвященные наследию. Эти веб-сайты представляют собой онлайн-площадки, где горожане активно вносят свой вклад в сохранение городского наследия. Согласно рекомендациям ЮНЕСКО по историческому городскому ландшафту 2011 г., в этом исследовании городские ландшафты рассматриваются как (1) динамичные, поскольку они меняются со временем; (2) многоуровневые, поскольку разные поколения и сообщества по-разному вносят свой вклад в развитие городских ландшафтов; (3) цифровые, поскольку представлены посредством цифровых технологий, веб-сайтов наследия.

На этих веб-сайтах обсуждаются атрибуты наследия и их ценность (наделение значимостью). С помощью контент-анализа и качественного анализа 20 веб-сайтов, посвященных наследию, представляющих различные голландские и английские города, исследователь изучает, что ценят те, кто вносит свой вклад в городскую среду. Таким образом, исследование демонстрирует, как онлайн-СМИ могут поддерживать человекоориентированную форму сохранения городского наследия. Этот анализ показывает, что горожане отмечают следующие пять категорий атрибутов наследия: (1) застроенная среда и общественное пространство, (2) социальная ткань и идентичность, (3) культура и отдых, (4) бизнес и промышленность, (5) политика и общественный порядок. Установлено, что эти атрибуты ценятся из-за их социальной значимости (социальная ценность), их связи

⁴³⁶ Jones T. International intangible cultural heritage policy in the neighbourhood: an assessment and case study of Indonesia // *Journal of Cultural Geography*. 2018. Vol. 35 (3). P. 362-387.

с биографиями горожан (эмпирическая ценность) и их вклада в понимание городского прошлого (историческая ценность)⁴³⁷.

Найденные переменные – восприятие наследия и память об атрибутах наследия – экстраполированы для изучения нашего объекта наследия.

В статье В. Ashrafi, М. Kloos, С. Neugebauer под названием «Оценка воздействия на наследие помимо инструментов оценки: сравнительный анализ воздействия городской застройки на визуальную целостность четырех объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО» рассматриваются риски городского развития для сохранения наследия.

«В контексте Всемирного наследия ЮНЕСКО возникающий конфликт между политикой городского развития и сохранением наследия в последние годы привлек больше внимания к Оценке воздействия на наследие (ОВЗ) как инструменту оценки для выявления и анализа антропогенного воздействия на объекты культурного наследия с целью поддержания баланса между охраной культурного наследия и потребностями городского развития в направлении устойчивости»⁴³⁸. В статье представлены результаты изучения роли оценки воздействия на наследие (ОВЗ) как инструмента заблаговременного распознавания, анализа потенциальных угроз и разрешения потенциальных конфликтов для защиты ценностей наследия.

В статье проводится сравнительный анализ четырех объектов Всемирного наследия, на визуальную целостность которых повлияли проекты городского развития, чтобы показать различные процедуры ОВЗ в этих процессах.

Визуальная целостность исторического центра Санкт-Петербурга («небесная линия», вписанная в генетический код города) также была нарушена из-за проектов городского развития. Архитекторы Санкт-Петербурга выявили принципы градостроительно-композиционного построения на основе идей «идеальной агломерации» в единстве рукотворного, природного и археологического ландшафтов, в условиях формирования уникального исторического

⁴³⁷ Van der Hoeven. A. Valuing Urban Heritage Through Participatory Heritage Websites: Citizen Perceptions of Historic Urban Landscapes // Space and Culture. 2020. Vol. 23 (2). P. 129-148.

⁴³⁸ Ashrafi B., Kloos V., Neugebauer C. Heritage Impact Assessment, beyond an Assessment Tool: A comparative analysis of urban development impact on visual integrity in four UNESCO World Heritage Properties // Journal of Cultural Heritage. 2021. Vol. 47. P. 199-207.

градостроительного генетического кода, сформулировав основные историко-градостроительные особенности, заложенные Петром I и последовательно совершенствовавшиеся при всех его преемниках вплоть до 1917 г., а также сохранявшиеся и позднее, даже до 1954–1955 гг.⁴³⁹.

Синий кластер собрал исследования в области туризма (управление сложными отношениями туризма и сохранением наследия, влияние на туристов статуса ОВН).

Целью исследования М. М. Mariani, А. Guizzardi являлось «изучение того, влияет ли определение объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО (ОВН или WHS) на оценку туристами местного направления, в котором находится объект, на основе большой выборки примерно 0,8 миллиона туристов, посетивших Италию в период 1997–2015 гг.»⁴⁴⁰.

Итальянские исследователи обнаружили, что «включение в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО оказывает неожиданно негативное влияние на общую оценку места назначения, а также на оценку его художественных ценностей»⁴⁴¹.

Статья R. R. Canale, E. de Simone, A. di Maio, B. Parenti изучает влияние номинации объекта Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО (WHL) на туристическую привлекательность. «Результаты показывают, что присуждение статуса Всемирного наследия в сочетании с богатством провинции, экологическими привычками и открытостью для внешних рынков может повлиять на привлекательность, подтверждая роль Списка в развитии туризма, помимо простого сохранения наследия»⁴⁴².

В статье E. de Simone, R. R. Canale и A. di Maio исследуется влияние объектов Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО (WHL) на прибытие иностранных туристов. По выборке итальянских провинций за период 1997–2015 гг. доказано

⁴³⁹ Семенцов С. В. Санкт-Петербургская историческая агломерация – градостроительный объект мирового масштаба // Интернет-вестник ВолгГАСУ. 2012. № 1 (20). С. 49.

⁴⁴⁰ Mariani M. M., Guizzardi A. Does Designation as a UNESCO World Heritage Site Influence Tourist Evaluation of a Local Destination? // Journal of Travel Research. 2020. Vol. 59 (1). P. 22-36.

⁴⁴¹ Ibid. P. 22-36.

⁴⁴² Canale R. R., de Simone E., di Maio A., Parenti B. UNESCO World Heritage sites and tourism attractiveness: The case of Italian provinces // Land Use Policy. 2019. Vol. 85. P. 114-120.

положительное влияние статуса WHL на привлекательность для иностранных посетителей. Включение в список играет роль в повышении привлекательности места⁴⁴³.

В исследовании S. Lee, I. Phau и V. Quintal рассматривается, как включение объекта в Список Всемирного наследия влияет на удовлетворенность и намерение вернуться туристов. Были собраны данные о посетителях Сингапурского ботанического сада до и после внесения в список WHS, результаты выявили значительные различия между выборками. Были найдены «подталкивающие и притягивающие факторы для туристов, удовлетворенности и намерения вернуться»⁴⁴⁴.

Фиолетовый кластер связан с природной и экологической тематикой (самые цитируемые статьи посвящены наводнению, загрязнению и захвату природой руин).

«Наводнение, – пишут Y. Hategekimana, L. Yu, Y. Nie и др., – это стихийное бедствие, влияющее на жизнь людей и экосистемы в глобальном масштабе и вызывающее катастрофические бедствия. Большинство социально-экономических потерь, вызванных наводнениями, усугубляются непрекращающимся развитием городов, ростом населения, нерегулируемыми муниципальными системами и неизбирательным землепользованием. Таким образом, внедрение системы прогнозирования наводнений потенциально может помочь смягчить последствия наводнений»⁴⁴⁵.

P. Sprezzano отмечает, что «загрязнение воздуха, особенно в городских районах, вызывает озабоченность из-за его негативного воздействия на материалы застроенной среды. Города также являются домом для значительной части нашего культурного наследия. Загрязнение воздуха ускоряет естественные процессы

⁴⁴³ De Simone E., Canale R. R., di Maio A. Do UNESCO World Heritage Sites Influence International Tourist Arrivals? // Evidence from Italian Provincial Data. 2019. Vol. 146. P. 345-359.

⁴⁴⁴ Lee S., Phau I., Quintal V. Exploring the effects of a 'new' listing of a UNESCO World Heritage Site: the case of Singapore Botanic Gardens // Journal of Heritage Tourism. 2018. Vol. 13 (4). P. 339-355.

⁴⁴⁵ Hategekimana Y., Yu L., Nie Y. et al. Integration of multi-parametric fuzzy analytic hierarchy process and GIS along the UNESCO World Heritage: a flood hazard index, Mombasa County, Kenya // Nat Hazards. 2018. Vol. 92. P. 1137-1153.

износа материалов исторических зданий и памятников, вызывая преждевременное старение и снижая их эстетическую ценность. <...>

Результаты показывают, что, несмотря на значительное улучшение качества воздуха в Европе за последние несколько десятилетий, загрязнение воздуха по-прежнему остается значительным и продолжает оставаться важным фактором деградации культурного наследия, особенно в антропогенных районах»⁴⁴⁶.

Статья L. A. Bledsoe, B. Tobin и C. Groves посвящена карстовым массивам. «Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) признала более 350 карстовых районов мирового значения, получив различные обозначения (биосферный заповедник, Рамсарские угодья и глобальные геопарки) в 86 странах с карстовыми массивами. Публикация позиционируется «в качестве призыва к действию, чтобы лучше исследовать, понимать и защищать ценность пещер и карстовых областей для человечества»⁴⁴⁷.

Статья A. Petrig и M. Stemmler посвящена подводному культурному наследию. «Глубоководные технологии и коммерческие интересы в последние десятилетия поставили под угрозу охрану подводного культурного наследия. Тем не менее Конвенция ЮНЕСКО 2001 г. способна отразить эту угрозу, если она будет полностью реализована»⁴⁴⁸. В этой статье систематизируются законодательные обязанности государств-участников в соответствии с одним из основных положений Конвенции – статьей 16. Она требует от государств-участников принятия трех законодательных мер: они должны ввести запреты, ввести уголовные санкции и установить соответствующую юрисдикцию в отношении своих граждан и морских судов. Кроме того, комплексная охрана подводного культурного наследия также требует принятия мер, охватывающих действия корпоративных морских нарушителей, даже если этого не требует сама Конвенция.

Желтый кластер посвящен геопаркам.

⁴⁴⁶ Spezzano P. Mapping the susceptibility of UNESCO World Cultural Heritage sites in Europe to ambient (outdoor) air pollution // *Science of the Total Environment*. 2021. Vol. 754. P. 142345.

⁴⁴⁷ Bledsoe L. A., Tobin B., Groves C. Stronger together: understanding and protecting karst resources // *Carbonates Evaporites*. 2022. Vol. 37 (9). P. 3.

⁴⁴⁸ Petrig A., Stemmler M. Article 16 UNESCO Convention and The Protection of Underwater Cultural Heritage // *International and Comparative Law Quarterly*. 2020. Vol. 69 (2). P. 397-429.

Согласно J. Han, F. Wu, M. Tian и др., гора Хуаншань была признана объектом Всемирного природного и культурного наследия и глобальным геопарком ЮНЕСКО в 1990 г. и 2004 г. соответственно. Хуаншаньский глобальный геопарк (HUGG) характеризуется гранитным ландшафтом пиковых долин, а также другими гранитными ландшафтами. На территории геопарка также обнаружены четвертичные ледниковые реликты и гидрогеологические памятники. Искключительное георазнообразие вместе с экологическими ресурсами и древним культурным наследием обеспечивает ценную основу для геотуризма и развития геопарков. В статье также изложено, какими средствами осуществлялась популяризация геопарка⁴⁴⁹.

Согласно E. E. Khalaf, G. A. El-Kheir, «район Катрани находится во впадине Фаюм, в северо-западной пустыне Египта, и является частью охраняемой зоны Карун (QPA). Он обладает природным наследием с многочисленными выдающимися характеристиками. Георазнообразие района Катрани в основном обусловлено разнообразием типов горных пород от эоценового до четвертичного периодов, климатом и разнообразными геологическими маркерами, демонстрирующими эволюцию Земли»⁴⁵⁰.

Статья S. C. Justice посвящена геопаркам: «За последние двадцать лет произошли значительные изменения в геотуризме, форме устойчивого туризма. Это был также период значительного развития глобальных геопарков ЮНЕСКО (UGGps), с одной стороны, благодаря созданию Международной программы геонаук и геопарков, а с другой, благодаря количеству и разнообразию UGG, признанных во всем мире. <...> UGG привлекают профессиональные междисциплинарные группы, которые объединяют научные знания, научное общение и информационно-просветительские мероприятия для достижения

⁴⁴⁹ Han J., Wu F., Tian M. et al. From Geopark to Sustainable Development: Heritage Conservation and Geotourism Promotion in the Huangshan UNESCO Global Geopark (China) // *Geoheritage*. 2018. Vol. 10. P. 79-91.

⁴⁵⁰ Khalaf E. E. D. A. H., El-Kheir G. A. The Geological Heritage and Sustainable Development Proposed for the Project Geopark: an Example from Gabal Qatrani, Fayoum Depression, Western Desert, Egypt // *Geoheritage*. 2022. Vol. 14 (22). P. 1-30.

эффективной передачи наследия посредством действий, ориентированных на школы, местное население и широкую общественность»⁴⁵¹.

Согласно L. Pastonchi, A. Barra, O. Monserrat, G. Luzi, «по данным агентства Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), объекты Всемирного наследия (WHS), включенные в Список Всемирного наследия (WHL), должны быть защищены с помощью надлежащей системы защиты, чтобы гарантировать их целостность и подлинность. В настоящее время многим объектам ЮНЕСКО угрожают опасные геологические процессы, но охрана этих объектов, по-видимому, не является широкомасштабной. Глядя на стандартный список факторов, влияющих на выдающуюся универсальную ценность (ВУЦ) ОВН, который был принят Комитетом Всемирного наследия в 2008 г., кажется, что только «внезапные геологические события» считаются факторами, подрывающими обычный порядок охраны объектов. Хорошо известно, что кинематические явления также могут угрожать культурному и природному наследию. В этом исследовании предлагается основанная на спутнике InSAR процедура для выявления и мониторинга временной и пространственной эволюции деформации грунта, связанной с медленными кинематическими геологическими опасностями (медленные оползни и оседание грунта)»⁴⁵².

Мы сделали обзор тридцати наиболее цитируемых статей по ключевому слову для поиска «наследие ЮНЕСКО» в ведущих рецензируемых научных журналах баз Web of Science и Scopus. Это выборка наукометрических программ из 6109 статей Web of Science Core Collection за 5 лет (2018–2022 гг.).

Программы VOSviewer_1.6.16; CitNetExplorer_1.0.0 помогают проанализировать различные наукометрические данные (около 10 корреляций). Технические программные инструменты помогают делать подбор литературы систематически и объективно, поскольку, устанавливая корреляции между публикациями, предлагают наиболее значимые и цитируемые работы.

⁴⁵¹ Khalaf E. E. D. A. H., El-Kheir G. A. The Geological Heritage and Sustainable Development Proposed for the Project Geopark: an Example from Gabal Qatrani, Fayoum Depression, Western Desert, Egypt. P. 1-30.

⁴⁵² Pastonchi L., Barra A., Monserrat O., Luzi G. et al. Satellite Data to Improve the Knowledge of Geohazards // World Heritage Sites. Remote Sensing. 2018. Vol. 10 (7). P. 992.

Предлагаемые корреляции и их визуализация позволяют далее осуществить анализ данного научного дискурса. Данная методология изучения научного дискурса является продуктивной в отношении к избранным группам объектов.

Связи между узлами показывают кластеры, выделенные цветом, т. е. ракурсы рассмотрения темы. Машина связывает ключевые слова, темы, ссылки и статьи в единые кластеры согласно алгоритмам, технически. Однако за такими связями можно увидеть доминирующий ракурс динамики проблематизации.

Каждая визуализация предлагает деление на кластеры. Кластеры пересобираются в течение времени. Но тенденции в рассматриваемые 5 лет ясно прослеживаются. Мы выделили следующие крупные темы: социальные и политические практики; культурные практики, вопросы экологии.

Для объектов материального культурного наследия ЮНЕСКО актуальны описываемые в статьях проблемы: нехватка ресурсов для сохранения и реставрации, отсутствие последовательного плана управления, необходимость переориентации туристических потоков от традиционных дестинаций на менее популярные, конфликт управления наследием и городского развития, проблемы экологии и окружающей среды.

Мы рассмотрели проблематику статей по кластерам.

Статьи кластера «периферия визуализации» рассказывают об объектах Всемирного наследия, об их расположении, проблемах, управлении, исследованиях и необходимых ресурсах сохранения и поддержания функционирования, плане управления.

Статьи, расположенные в красном кластере, связаны с политической повесткой: дискуссии включения объектов памяти, проекты, которые вызывают межнациональные споры и конфликты, политика нематериального культурного наследия, конфликты между политикой городского развития и сохранением наследия.

Зеленый кластер образуется самыми многочисленными связями рассмотренной визуализации и отражает тему управления объектами наследия: неравный доступ, джентрификация, предпочтения туристов, этические и

методологические проблемы изучения наследия, сложные обсуждения Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО по поводу внесения объектов в Список Всемирного наследия, находящегося под угрозой.

Синий кластер собрал исследования в области туризма: управление сложными отношениями туризма и сохранением наследия, влияние на туристов статуса ОВН.

Фиолетовый кластер связан с природной и экологической тематикой: самые цитируемые статьи посвящены наводнению, загрязнению и захвату природой руин.

Желтый кластер посвящен геопаркам и геологическим процессам: в настоящее время многим объектам ЮНЕСКО угрожают опасные геологические процессы.

Были обозначены пять ценных для жителей категорий атрибутов наследия:

- (1) застроенная среда и общественное пространство,
- (2) социальная ткань и идентичность,
- (3) культура и отдых,
- (4) бизнес и промышленность,
- (5) политика и общественный порядок.

Более того, установлено, что эти атрибуты ценятся из-за их социальной значимости (социальная ценность), их связи с биографиями горожан (эмпирическая ценность) и их вклада в наше понимание городского прошлого (историческая ценность).

Макроуровень, произведенный с помощью современного программного обеспечения, позволил вычленил в огромном массиве публикаций наиболее успешные и релевантные, прошедшие верификацию научным сообществом.

Предпринятое исследование показывает, что научный дискурс наследия ЮНЕСКО и идентичности в связи с наследием не ограничивается традиционной рамкой этноса и управления, а включает в себя широкий спектр общественных, природных и личных состояний, исследование которых имеет большое теоретическое и практическое значение.

Изучение вовлеченных акторов, в том числе природных и технических non-humans, позволяет принимать более эффективные меры внутри политики сохранения в контексте природных и экологических изменений, политики управления мировым наследием, политики идентичности в связи с местом и наследием, сократить дистанцию между «управленцами» и теми, для кого управление осуществляется, жителями рядом с наследием, представителями гражданского общества, которые идентифицируют себя с группами, пересобирающимися вокруг наследия.

Очевидно возрастающее внимание исследователей во всем мире к уникальным и порой автономным социальным группам в связи с наследием, к политическим конфликтам, к действующим нечеловеческим (природным) агентам.

3.2.1. Проблемы и потребности наследия

В параграфе представлены восемь проблем и соответствующие потребности наследия. Данная информация реконструирована из обзора литературы и интервью с экспертами.

1. Нехватка ресурсов для сохранения и реставрации, то есть нужны деньги и специалисты. В первую очередь, такие проблемы решает государство.

2. Отсутствие последовательного плана управления, то есть нужен разработанный план, подразумевающий эффективный менеджмент с учетом федеральных и международных требований, предъявляемых к объекту Всемирного наследия, а также корректировка и усовершенствование законодательства, в связи с этим планом. Мы определили ответственными структуры ЮНЕСКО и КГИОП, поскольку объект Всемирного наследия находится под эгидой ЮНЕСКО и КГИОП, которые функционируют, чтобы охранять наследие.

3. Необходимость переориентации туристических потоков от традиционных дестинаций на менее популярные, поскольку наблюдается износ территорий и объектов популярных локаций под воздействием и в результате случайных повреждений многочисленными туристами, то есть необходима популяризация

других локаций и направлений. Ответственные – государство, КГИОП, эксперты, которые разрабатывают экскурсии и цифровые репрезентации объектов. Поскольку меняющиеся экологические условия и туристическое давление не способствуют сохранению ОВН, необходимо создание дополненной реальности и цифровых репрезентаций объектов. Как показал обзор литературы, само включение в список ОВН играет важную роль в развитии туризма, поскольку наделение данным статусом повышает интерес к объекту, представленному в цифровой форме, и гарантирует сохранение наследия.

4. Конфликт между управлением наследием и городским развитием подразумевает в нашем случае усовершенствование законодательства и повышение мер наказания за причинение вреда наследию. Акторы на стороне городского развития: стратегия развития, новое строительство, государство, правительство.

5. Проблемы экологии и окружающей среды подразумевают нехватку ресурсов, как в 1 пункте, поскольку недостаточное финансирование данных статей бюджета, не хватает экспертов по сохранению материалов и окружающей среды. Ответственные стейкхолдеры – государство, правительство. Перечислим акторов окружающей среды, взаимодействующих с наследием, которые являются вещами, флорой и фауной: геологические и экологические аспекты почвы Санкт-Петербурга и Ленинградской области; плесень, грибок, оседание грунта, влажность, подземные воды, теплосети, ветры и ураганы; животные, птицы, насекомые, флора; наводнения, загрязнение, захват природой руин и руинизация; неисследованное подводное культурное наследие; геопарки.

6. Проекты, которые вызывают межнациональные споры и конфликты, в которых обсуждаются историческая собственность диаспор, конфессий в разное время истории, названия и переименование. Эти проблемы связаны с нематериальным наследием. Ответственные стейкхолдеры – правительство, КГИОП.

7. Дискуссии включения объектов памяти в Список объектов Всемирного наследия подразумевают необходимость подготовки документации по включению

новых объектов Всемирного наследия, объектов федерального значения. Ответственный – КГИОП.

8. Необходимость оптимизации политики нематериального культурного наследия, поскольку наблюдается снижение интереса к наследию, отсутствует достаточная пропаганда и популяризация. КГИОП проводит такие образовательные проекты среди молодежи. Один из таких проектов – городской проект по популяризации объекта Всемирного наследия «Санкт-Петербург – объект Всемирного наследия: глазами молодежи», проводимый совместно с РАНХиГС в течение 2016–2023 гг. Заинтересованные институты – школа, вузы, научные исследования.

Таким образом, представлены характеристики и аффордансы главного актора нашей сборки. Решение данных проблем, разработка стратегий и политик укрепляет городскую идентичность, связанную с этими практиками, которые можно представить и рекомендовать как практики городской идентичности в дискурсе культурного наследия Санкт-Петербурга. Далее рассмотрим уже существующие практики идентичности, и то, как они соотносятся с проблемами наследия.

3.3. Практики идентичности петербуржца

Петербуржскость проявляет себя через символику, ритуалы и праздники. Эти практики можно соотнести с необходимостью оптимизации политики городской идентичности. Они могут быть учтены при совершенствовании государственных проектов и образовательных инициатив, а также политики в отношении культурного наследия. Исторические символы Санкт-Петербурга, закрепленные в Уставе Санкт-Петербурга, статьи 6–8⁴⁵³, и встречающиеся в интервью наших респондентов: Медный всадник, кораблик на шпигеле Адмиралтейства, ангел на шпигеле Петропавловского собора Петропавловской крепости. Ритуалы и праздники,

⁴⁵³ Устав Санкт-Петербурга (с изменениями на 22 февраля 2023 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/8308279> (дата обращения: 07.03.2023).

встречающиеся в нашем исследовании: праздник корюшки (15 мая), Алые паруса (25 июня), полуденный выстрел из пушки Петропавловской крепости. Уникальные городские праздники: День освобождения Ленинграда от фашистской блокады (27 января); День города (27 мая). Необходимо признать и сохранить эти культурные традиции, поскольку они вносят вклад в самобытность и уникальность Санкт-Петербурга. Включение их в политику и образовательные инициативы может способствовать повышению их значимости и обеспечить их сохранение для будущих поколений.

Что можно делать в историческом центре города?⁴⁵⁴ Мы изучали практики городской молодежи разными методами, результаты представлены в статьях и архивных материалах⁴⁵⁵. Самые частые ответы студентов: водная прогулка с музыкой; посещение музея или выставки; посидеть с другом в кафе; сходить на вечеринку; сходить на экскурсию; прогуляться по набережной Невы; поесть на Рубинштейна; пойти на крышу; посмотреть разводящиеся мосты; прогуляться по дворам.

Поскольку все перечисленные маршруты хорошо известны и часто воспроизводятся, их можно связать с проблемой туристических потоков и экологии города, поскольку они приводят к деградации известных территорий и объектов в этих местах.

В русскоязычной литературе о досуговых практиках и городской идентичности мы находим автоэтнографию, обзоры того, как молодые люди наблюдают за собой и своими практиками, опубликованными в Интернете.

Результаты исследования практик показали следующее: способность наследия передавать ценности идентичности; эмоциональное восприятие города, событий и объектов Всемирного наследия; построение нарративов идентичности недавно прибывших в город молодых людей с периферии; структурирование норм

⁴⁵⁴ Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices. *International Journal of Tourism and Hospitality*. 2022. 2. P. 56-69.

⁴⁵⁵ Sosnovskaya A. Features of the city of St. Petersburg (Russia) according to youth survey. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/ndb6y3xxc4/>; Sosnovskaya A., Orlova O. Students' survey on urban identity. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/cdx3p3npk4/1/>; Sosnovskaya A. Visual metaphors of St. Petersburg and the ball. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/9ty6ynhn7b/1/> (дата обращения: 07.03.2023).

социального взаимодействия с культурным наследием. В целом, исследование подчеркивает важность культурного наследия в формировании индивидуальной и коллективной идентичности, а также его роль в содействии социальной сплоченности и устойчивому туризму. Эти выводы имеют значение для политиков и менеджеров по управлению наследием, стремящихся использовать потенциал культурного наследия для социального и экономического развития города.

Наше исследование показало, однако, что молодежный досуг имеет мало общего с особым культурным наследием Санкт-Петербурга, как оно отражено в критериях ЮНЕСКО по отношению к нашему объекту наследия. Мы пришли к выводу, что программы о культуре и событиях в городе, связанные с петербургской литературной культурой «Петербургский текст», вызывают интерес и интегрируются в образовательный процесс, если они реализуются ненавязчиво и на основе более обширных исследований молодежного досуга в Санкт-Петербурге, что может помочь улучшить жизнь местной молодежи и внести свой вклад в сохранение наследия. Было обнаружено, что молодые люди не в полной мере используют культурные и развлекательные возможности города. Большинство студентов воспринимают историческое наследие как монументальный дискурсивный феномен, величественный и глубокий по своему содержанию, которым можно гордиться и восхищаться на расстоянии, но без непосредственного участия в его судьбе. Если мы рассматриваем город как актора, как субъекта, обладающего агентностью и действующее лицо, то такая перспектива означает невзаимодействующие, отстраненные отношения. Однако в своих проектах о городе некоторые студенты рассматривают возможность превращения исторических зданий в места совместной работы и отдыха, обсуждают пешеходные зоны, улучшают восприятие городского пространства с помощью озеленения, цветов и других природных элементов.

В результате многочисленных исследований мы пришли к выводу, что отношение студентов к наследию в большинстве своем дистанционное, связанное с нежеланием ассоциировать свой досуг с наследием. Также наблюдается неосведомленность о наследии, что, безусловно, является недоработкой системы

образования, городского управления и городской политики. Это проблемы 4 и 8 наследия (параграф 3.2.1.).

К городским практикам мы относим также практики переживания особенностей климата и ландшафта: белые ночи, ровная местность, прямые дороги, влажный климат, ветер и много воды (реки, каналы, залив). Также мы рассматриваем социальные практики как практики городской идентичности. Молодежная традиция бар-хоппинга (перемещение из одного небольшого бара в другой, нигде не задерживаясь подолгу) напоминает европейские практики. К практикам мы относим особое отношение к культуре коммунальных квартир и исторических дворов, крыш; понимание уникального городского словоупотребления и произношения: парадные и поребрики, кура и греча, булка; понимание всеми опрошенными концепции «Петербургский текст» как художественного освоения города в произведениях литературы и искусства; понимание мирового статуса города.

«Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» стал первым российским объектом, внесенным в список ЮНЕСКО в 1990 году. Не только для России, но и для всего мира его размеры являются исключительными. Объект, состоящий из 86 элементов и 36 компонентов, расположен на территории Ленинградской области и Санкт-Петербурге. Помимо визуально привлекательных архитектурных ансамблей, в городе и дворцовых пригородах, построенных до 1917 года, охраняются регулярная застройка, композиционное единство, силуэты и линия горизонта⁴⁵⁶. Практики петербургскости, городской идентичности, связаны с материальными акторами, такими как белые ночи, ровная местность, прямые дороги, влажный климат, ветер, обилие воды, рыба корюшка и др. Инфографика, посвященная петербургской идентичности (из гибридного объекта), прошла верификацию и обсуждение на научном слэме⁴⁵⁷.

⁴⁵⁶ См. Сосновская А. М. Антагонизм дискурсов вокруг культурного наследия // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4. № 3. С. 125.

⁴⁵⁷ Science Slam | РАНХиГС Санкт-Петербург. URL: https://vk.com/sosnovskayaannam?z=video-23746949_456239721%2F5fc7dbe2573f2d5b5c%2Fpl_wall_590717497 (дата обращения: 31.10.2022).

Далее в нашей сборке идут диспозитивы дискурсивных групп, представленных в дискурсе о культурном наследии Санкт-Петербурга. Было выявлено, что такие элементы, как цели и ценности, являются главными в конструировании групповой идентичности по отношению к наследию и главными драйверами дискурса, его поддержания и воспроизведения в медиакommunikации. Параграф построен на материале опубликованной статьи ВАК⁴⁵⁸.

3.3.1. Ценностно- и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в процедурах политической коммуникации

На материале исследования политической коммуникации о сохранении наследия мы выделяем два типа дифференциации: ценностно- и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия. В то время как одни группы преследуют определенные цели, другие фокусируются на ценностях. Цель исследования – деконструировать дискурсы и выявить ценностно- и целеориентированные элементы диспозитивов, что поможет нам понять движущие силы коммуникации и артикуляции в социальных сетях и скорректировать городскую политику идентичности.

Применялась методика акторно-сетевой теории (АСТ) к данным, реконструированным из текстов социальных сетей жителей и градозащитников о культурном архитектурном наследии Санкт-Петербурга.

Идентичность рассматривается одновременно как дискурсивная конструкция и как эффект конфигурации человеческих и нечеловеческих акторов, откликающихся в социальной практике на текущую трансформацию симбиотических отношений человека со средой.

На материале СМИ и социальных сетей по поводу разрушения здания манежа лейб-гвардии Финляндского полка в Санкт-Петербурге проведен анализ контента с помощью дискурсивного метода и акторно-сетевой теории. Выявлены и

⁴⁵⁸ См.: Сосновская А. М. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в теории политической коммуникации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 93-102.

проиллюстрированы три возможных уровня использования АСТ в анализе политической коммуникации вокруг культурного наследия: (1) материальные объекты стабилизируют социальные отношения, (2) обладают реальными и чувственными качествами, способствующими проективной идентификации, укрепляя городскую идентичность, (3) обеспечивают пространственность и целостность города.

В ходе анализа границ сетевых взаимодействий актуализировано психоаналитическое понятие «нехватка» как неразрешимое противоречие и антагонизм дискурсов, как проецирование тревоги в текстах с господствующей неопределенностью текущей мотивации.

Итогом исследования стало выявление ценностно и целеориентированных диспозитивов дискурсов в поле городской идентичности и разработка программы политики коммуникации с акторами сети. Выявление диспозитивов позволило установить условия продуктивной коммуникации как определяющей симбиотические режимы в современном городе.

Цифровизация медиа позволила по-новому относиться к проблеме наследия, видя в нем не просто совокупность объектов, но определенные способы фиксации социальных практик и выстраивания поддающихся учету интеракций. В этом смысле цифровизация понимается как способная противостоять деструкции, такой как разрушение, отдельных объектов культурного наследия: именно она формирует сетевые модели, которые обосновывают полный функциональный спектр наследия и его значение для социального развития, в том числе для развития речевых и коммуникативных практик в современном городе. Цифровизация позволяет сохранять и распространять культурное наследие за пределами физических объектов, обеспечивая доступ к нему и его оценку более широкой аудиторией, а также способствуя развитию новых коммуникационных практик, актуальных для современного общества.

В первую очередь мы проанализировали коммуникацию в социальных сетях по поводу культурного наследия Санкт-Петербурга как политический дискурс градозащитников, выявляя маркеры целей и ценностей диспозитива данного

дискурса. Фокусируясь на одном дискурсе, фоном мы обнаружили и реконструировали практики всех остальных дискурсов, включенных в гибридный объект. Применение принципов акторно-сетевой теории позволило рассматривать физические пространства, материальное и нематериальное наследие как действующих акторов среды жизнедеятельности.

Города состоят из различных социально-культурных пространств⁴⁵⁹, в Санкт-Петербурге разграничение таких пространств дробится в зависимости от оптики смотрящего. Официально границы выстраиваются по районам: исторический центр, спальные районы и близлежащий пригород, поселения которого иногда являются районами города (г. Пушкин, Курортный район, г. Петродворец и другие), тогда как некоторые районы в черте города (Мурино, Кудрово) принадлежат Ленинградской области; субъективно границы города и городской среды выстраиваются согласно материальным и нематериальным ценностям: по архитектурным ансамблям, вдоль гидрологической сети, достопримечательностям, локациям наследия, местам памяти, литературным маршрутам.

Микрорайоны города в сознании горожан воспринимаются как обособленные и специфические пространства со своей уникальной историей, атмосферой, архитектурой, культурными центрами и достопримечательностями. Здесь были перечислены некоторые пространства, которые принадлежат к протяженному на 23717,3 га объекту Всемирного наследия ЮНЕСКО»⁴⁶⁰.

Исследователи из Израиля, подготовившие обзор литературы по АСТ, ООО и дискурс-анализу применительно к городским социальным пространствам и связям между ними, отмечают, что «каждое городское социальное пространство имеет «идентичность», определяемую специфической смесью социальных групп и спецификой реальных и чувственных качеств. Эти качества создают чувственный

⁴⁵⁹ Социальное пространство большого города: монография / П. В. Бизюков, Е. П. Евдокимова, Ю. А. Еременко [и др.]; под ред. Г. В. Еремичевой. Санкт-Петербург: СИ РАН, филиал ФНИСЦ РАН, 2018.

⁴⁶⁰ Сосновская А. М. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в теории политической коммуникации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 93-102.

объект с определенной чувственной идентичностью в сети различных городских социальных пространств»⁴⁶¹.

С 2016 года мы изучаем объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, который включает исторический центр Санкт-Петербурга и связанные группы памятников, используя разные оптики гуманитарных наук для изучения как отдельных городских пространств со своей особой идентичностью, так и политики общей городской идентичности. Мы изучаем политику городской идентичности как дискурсивно-материальную сборку (*assemblage*) и как артикуляцию в дискурсивной коммуникации за определение судьбы наследия. Наше исследование СМИ и социальных сетей за 2021–2022 годы выявило 10 дискурсивных групп, которые находятся в постоянном процессе группообразования на основе своих диспозитивов и коллаборационных или антагонистических отношений⁴⁶². Мы интегрировали программу АСТ в изучение данных дискурсов, создав гибридную оптику – то, что социолог Нико Карпентье называет «дискурсивно-материальный узел», с помощью которого исследователь изучает медиакommunikацию⁴⁶³.

Мы рассмотрели пространственные характеристики города и области, чтобы показать наличие действующих материальных акторов, поддерживающих уникальность объекта Всемирного наследия. Воспользовались исследованиями специалистов по архитектуре города, чтобы рассмотреть город как аутентичную агломерацию, такую физическую среду, которая позволяет сохранить качества объектов города в среде, каковые в свою очередь формируют и укрепляют городскую идентичность посредством проективной идентификации, что соответствует практикам эстетизации как в архитектуре, так и в искусстве и поэзии, по Г. Харману⁴⁶⁴.

⁴⁶¹ Jabareen Y., Eizenberg E. Theorizing urban social spaces and their interrelations // *New perspectives on urban sociology, politics, and planning. Planning Theory*. 2021. Vol. 20 (3). P. 220.

⁴⁶² Сосновская А. М. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга. // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2022. № 1. С. 68-83.

⁴⁶³ Carpentier N. *The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation*. New York: Peter Lang, 2017.

⁴⁶⁴ См. Харман Г. *Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего»*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021.

В статье исследователя архитектуры С. Семенцова сформулированы основные историко-градостроительные особенности, заложенные Петром I и последовательно совершенствовавшиеся при всех его преемниках до 1917 г., а также сохранявшиеся и позднее, до 1954–1955 гг.

Согласно АСТ, пространственная аура, состоящая из работы вещей, ведет к дополнительным социальным и культурным эффектам, не сводящимся к предусмотренным отдельными вещами и их сочетаниями. Приведем цитату С. Семенцова с сокращениями, показывающую одновременное создание материальных объектов, формирующих ту среду, которая позволяет сохранять наследие и симбиотическое единство природного, архитектурного и культурного компонентов Санкт-Петербурга: «...при развитии Санкт-Петербургской агломерации создавали осознанно и сразу:

1. Фортификационную систему, очень развитую, включая несколько «идеальных» по формам крепостей, редутов, фортов, оборонительных линий, включающую сухопутные фортеции центра и периферии города. <...>

2. Город-метрополию Санкт-Петербург с его ближними предместьями и ближними дачными зонами почти сразу на многих островах и территориях дельты Невы. <...>

3. Обширнейшие полосы и зоны пригородов в единстве регулярности и ансамблевости. <...>

4. Систему коммуникаций (сухопутных и водных), обеспечивавшую оптимальные территориальные связи между всеми пространственными элементами.

5. Систему визуальных, символических, знаковых, общекультурных доминант на всем осваиваемом пространстве, как пространственную систему визуальных связей»⁴⁶⁵.

Каковы выстроенные за 300 лет неотменимые связи вещей, материалов, ландшафта, дизайна, флоры и фауны и других участников non-human Санкт-

⁴⁶⁵ Семенцов С. В. Санкт-Петербургская историческая агломерация – градостроительный объект мирового масштаба // Интернет-вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета 2016. № 1. С. 42.

Петербургской агломерации? Бытие вещей постоянно воссоздает, пересобирает объект. За 300 лет истории России во всей противоречивости ее развития объект выступает как интенциональный, наличный для индивидуального и коллективного сознания, и транслирует свой «генетический код». Эксперты ЮНЕСКО и других международных экспертных сообществ рекомендовали консервацию объекта Всемирного наследия. Названные экспертами материальные и нематериальные аспекты городского пространства формируют ядро отношений акторов, обеспечивающих стабильность и целостность объекта и исключаяющих его трансформацию.

Современные западные и отечественные исследования городов, городских пространств и городских идентичностей обращают внимание на пространственные, экономические и социальные преобразования, происходящие в результате глобализации и неолиберализации, которые ведут к социальной дифференциации в обществе. Социальные и политические науки объясняют формирование городских социальных пространств через призму борьбы государства и капитала, культурного и этнического господства, функциональной эволюции локаций, добровольного самораспределения и перемещения людей⁴⁶⁶.

Существующим подходам и методологиям не хватает внедрения идей, возникших в результате пространственного и материального поворота, для лучшего понимания социопространственных отношений городских жителей, основанных на идентичностях и ценностях как эффектах материальности.

Социолог Виктор Вахштайн реконцептуализировал методологию АСТ применительно к российским городским пространствам и к самим исследованиям⁴⁶⁷. Социолог представил три уровня поворота к материальному в практиках исследователей.

Первый уровень – «материальные объекты становятся полноправными участниками социального мира»⁴⁶⁸. Второй уровень – это социология вещей *sui*

⁴⁶⁶ Jabareen Y., Eizenberg E. Theorizing urban social spaces and their interrelations // *New perspectives on urban sociology, politics, and planning. Planning Theory*. 2021. Vol. 20 (3). P. 211-230.

⁴⁶⁷ Вахштайн В. С. Воображая город: введение в теорию концептуализации. *Studia urbanica*, 2022.

⁴⁶⁸ Там же. С. 460.

generis, вплоть до призыва Б. Латура в своих современных лекциях создать «парламент вещей» с правом голоса, и спрашивать разрешение о совместной деятельности у моря. В. Вахштайн в рамках этого подхода в своей практике исследует социологию машин, управляемых искусственным интеллектом, материалы конструкций, у которых есть свои аффордансы и феноменология. Третий уровень углубления в АСТ – это теория топологии и пространства, восходящая к интуиции пространства Г. В. Лейбница, полагающего пространство как порядок сосуществования тел: «...пространство признается целиком реляционной характеристикой – характеристикой отношения, соположения, сосуществования тел»⁴⁶⁹.

Таким образом, город как пространственный объект поддерживается устойчивым ядром материальных и нематериальных отношений, которые не позволяют совершиться метаморфозам и трансформациям. Применительно к нашему наследию можно задать риторические вопросы: сколько нужно разрушений агломерации, новоделов, забвений текстов и исторической памяти, чтобы аутентичность наследия потерялась и город трансформировался в другое состояние?⁴⁷⁰

Проецируя принципы АСТ на город, отметим, что городские социальные пространства не являются фиксированными, а, скорее, реляционными, процессуальными, динамичными, открытыми, представляющими собой дискурсы и сети отношений людей и нелюдей. Дискурс определим как поток различных коммуникативных процессов, где разные акторы ведут борьбу за значения посредством постоянной артикуляции и фиксации своих смыслов и картин мира.

Социальные отношения и действия, которые артикулируются в дискурсе, понимаются как сети, соединяющие людей, вещи и события в одном узле, который надо распутывать. Политическая теория Э. Лакло и Ш. Муфф⁴⁷¹ предполагает, что любая социальная реальность дискурсивна, как содержащая противоположные

⁴⁶⁹ Там же. С. 471.

⁴⁷⁰ Исторический слой/исчезнувший объект в городе Санкт-Петербург. URL: <http://wikimapia.org/city/saintpetersburg/tag/45694/2> (дата обращения: 11.07.2022).

⁴⁷¹ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. New York: Verso Books, 2014.

принципиально неразрешимые точки зрения и объясняемая как целое через эти различия. Концепции фантазии и «онтологической нехватки» субъектов Ж. Лакана⁴⁷² созвучна неразрешимой ситуации у Э. Лакло и Ш. Муфф.

Как и АСТ, объектно-ориентированная онтология утверждает, что существуют реальные объекты «вне текста» и дискурсивности. Такой подход к объектам позволяет избавиться от текстоцентрической систематизации качеств. Грэм Харман различает реальные объекты и реальные качества, а также чувственные объекты и чувственные качества⁴⁷³. Городские пространства Санкт-Петербургской агломерации являются реальными и чувственными объектами с реальными и чувственными качествами. Г. Харман предполагает, что, хотя реальные объекты и качества существуют независимо от того, воспринимаем ли мы их, чувственные объекты и качества существуют только как связанные акты человеческого сознания, феноменологии вещи и эстетической перцепции самой ситуации вещи. Так, Петербургская агломерация воздействует на жителей и гостей города, формируя этический и эстетический отклик.

В результате исследований текстов СМИ и соцсетей мы обнаружили, что о наследии высказываются 10 групп сетевой общественности, которые можно расположить в антагонистическом континууме: сохранение наследия vs трансформация и изменение облика города.

Сетевую общественность следует понимать в терминах «общественности» — многозначного термина, который используется в разных дисциплинах для обозначения разных концепций. Один из подходов состоит в том, чтобы сконструировать «общественность» как совокупность людей, разделяющих «общее понимание мира, общую идентичность, требование инклюзивности, консенсус в отношении коллективных интересов»⁴⁷⁴. Понятие публики во многом является «воображаемым сообществом»⁴⁷⁵. Некоторые ученые утверждают, что не

⁴⁷² Лакан Ж. Семинары. Книга 10. Тревога. М.: Гнозис: Логос, 2010.

⁴⁷³ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». С. 140.

⁴⁷⁴ Boyd D. Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications // A networked self. Routledge, 2010. P. 47-66.

⁴⁷⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001.

существует единой публики, а существует множество публик, в которые входят одни люди, а другие исключаются⁴⁷⁶. Исследования в области культуры и СМИ предлагают свой взгляд на понятие публики или аудитории, которые используются как термины для обозначения группы, ограниченной общим текстом, будь то мировоззрение или представление, репрезентация⁴⁷⁷. Аудитория, создаваемая СМИ, является публикой, но не обязательно пассивной. Например, Мишель де Серто утверждает, что потребление и производство объектов культуры тесно связаны⁴⁷⁸, а Генри Дженкинс применяет эти идеи к созданию и распространению цифровых медиа⁴⁷⁹. Согласно Нэнси Фрейзер, публика — это не только место дискурса и мнений, но и «арена для формирования и реализации социальной идентичности»⁴⁸⁰.

В основе дискурсов сетевой общественности и публики лежат диспозитивы, драйверы действий и артикуляции. По М. Фуко, диспозитивы – это система стратегических ориентиров целеполагания и матрица конфигурирования культивируемых практик⁴⁸¹.

Дискурсы / Концепция:

1. Сохранения наследия / Против сноса исторических зданий и за сохранение неизменного вида города с его ландшафтными и пространственными характеристиками.
2. Дискурс бизнеса, строителей, городского развития / Направлен на развитие районов для пользы жителей, предложения и демонстрация экономических преимуществ.
3. Градозащитников / Наиболее радикальный, политизированный, активный; выступает за сохранение наследия.

⁴⁷⁶ Warner M. Publics and counterpublics (abbreviated version) // Quarterly Journal of Speech. 2002. Vol. 88 (4). P. 413-425.

⁴⁷⁷ Ливингстон С. О медиа (тиза) ции всего // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2, № 2. С. 146-170.

⁴⁷⁸ Серто де М. Изобретение повседневности. Вып. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.

⁴⁷⁹ Дженкинс Г. Конвергентная культура: столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик; Санкт-Петербург: Панглосс, 2019.

⁴⁸⁰ Fraser N., Bartky S.L. (ed.). Revaluing French feminism: critical essays on difference, agency, and culture. Indiana University Press, 1992.

⁴⁸¹ Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 97-268.

4. «Креативного города» и «креативного класса» / Продвигает идеи креативности, проекты устойчивого развития города, актуализуя дискурс о креативных индустриях, пространствах и новых креативных специальностях.

5. Архитектурного производства и экспертизы / Здесь компетентные в архитектуре акторы интерпретируют места и назначение зданий, разрабатывают проекты восстановления исторических локаций и преобразования существующего пространства.

6. Вещей и наследия как такового / Говорит через экспертов, историков и хранителей, которые представляют интересы того или иного объекта, здания или локации. Настаивает на сохранении кода города, вещи в контексте, так как объект стабилен только в своем окружении.

7. Дискурс молодых горожан поколения Z / В текстах СМИ присутствуют современные формы выражения и активности: краудсорсинг, флешмобы, социальные сети, блоги с молодежной интерпретацией города, наследия и досуговых практик.

8. Дискурс ЮНЕСКО / Требования соответствия международным стандартам и правилам сохранения объектов Всемирного культурного наследия.

9. Дискурс обременения / Ограничения и ответственность, накладываемые наследием, например, на арендаторов и жителей центра.

10. Журналистов / Сохранение наследия и против его разрушения.

Диспозитивы, из которых состоят дискурсы перечисленных групп, представляют собой этапы движения к цели или пониманию миссии существования групп. Целеориентированные концепции дискурсов находят свое выражение в действиях, поддерживаются ценностями и эмоциональными режимами коммуникации.

Еще раз повторим определения элементов диспозитивов, но уже с интегрированными в них акторами (определения диспозитивов в таблице в приложении). Ценности – ключевые смыслы и значения – являются тогда окончательным обоснованием основных предположений, выбора концепций и языка и драйвером действий. Предположения, концепции и цели определяются

ценностями в форме выверенных языковых клише, самим своим строением направленных на легитимацию дискурса. Концепция – некий замысел для претворения в жизнь на основе усвоенных отношений со средой, инкорпорированных знаний и действий.

Основные предположения или допущения проходят красной нитью через все дискурсивные практики в рамках полномочий того или иного дискурса. Идентичности мы рассматриваем как перформативные, базирующиеся на действиях и высказываниях, меняющих ситуацию, то есть подразумевающие аутентичную самопрезентацию, осмысленные действия в среде в соответствии с определенными способностями, навыками и предпочтениями, эмоционально окрашенными, ради определенной цели и миссии.

Компетенции – это навыки и способности, позволяющие поддерживать действия; согласно АСТ, они также приходят извне, загружаются в нас как компьютерные программы, плагины: «Выразительность метафоры плагина связана с тем, что компетентность приходит не оптом, а буквально битами и байтами»⁴⁸². Выделенные 10 составляющих или инструментов диспозитивов можно сравнить с пучком ниточек в сцеплении актор-сеть, где актор – это марионетка и цель дергающих ее в разные стороны связей. Это метафоры Б. Латура, которые лучше помогают понять действия материальных агентов. Можно предположить, что дергающие в одну сторону инструменты соответствуют непротиворечивой доминирующей идентичности. Однако к свободе и эмансипации, по АСТ, ведет большее количество связей, а не единое направление. Если у Б. Латура взаимосвязь людей и вещей метафорически представлена как множество дергающих марионетку нитей, то у его соратника Дж. Ло это метафора инструментов письма по умам и телам. Город, как устройство письма, хинтерленд, пишет по умам и телам горожан своими феноменологическими проявлениями: климатом, архитектурой, равнинным ландшафтом, низкими зданиями, влажностью, мифами и литературными образами – все, что представляет материальное и нематериальное наследие города. Данное устройство письма производит утверждение, которое, с

⁴⁸² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 275.

одной стороны, часто амбивалентно и аллегорично, а с другой – неосознаваемо и выходит за пределы возможности языка – телесно, семиотично⁴⁸³.

Исходя из такой неантропоцентричной оптики разберем дискурсы и их диспозитивы внутри кейса разрушения здания лейб-гвардии Финляндского полка в историческом центре Санкт-Петербурга, на Васильевском острове, на 20 линии, 19, с целью реконструкции диспозитивов, сети акторов, дискурсивных стратегий и тактик. С 16 апреля 2022 г. в течение двух недель было проанализировано 728 постов, которые включают сообщения и комментарии к ним в социальных сетях. Основной массив сообщений приходится на «ВКонтакте», что является предпочтением петербуржцев и также актором городской идентичности. Сообщения ФБ принадлежат в основном сочувствующим из других городов. Ключевая фраза для поиска: «манеж лейб-гвардии Финляндского полка». Проанализируем группу градозащитников и их дискурс⁴⁸⁴.

Авторы постов передают свои мысли в разных жанрах. Тексты имеют разную интенциональность. Комментарии усиливают, обесценивают или уточняют основное послание поста. Активно используются эмодзи. Горожане апеллируют к политике памяти и общей травматичной истории Блокады. Некоторые надеются, верят в иррациональные вещи – в чудо, в человека-Добро в петербургском метрополитене, молятся святым, призывают к справедливости и наказанию виновных. Другие испытывают беспомощность, опустошенность, безнадежность и депрессию. Следственный комитет проверяет законность сноса манежа лейб-гвардии Финляндского полка в Петербурге: дело сопровождают представители других дискурсов: власть, эксперты, ученые, российские и международные организации.

Исследуемая группа, то есть защитников здания, – негомогенна (в основном это сообщества в соцсетях Василеостровского района, но есть и представители

⁴⁸³ Там же; Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс, 2021; Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015; Кристева Ю. К. Семиотика: исследования по семанализу. М.: Академический Проект, 2013.

⁴⁸⁴ Представленные далее цитаты из соцсети «ВКонтакте». См.: Группа «Живем на Васильевском/Васильевский остров. Голос Василеостровского района». URL: <https://m.vk.com/vasilyevskiyostrov?from=post> (дата обращения: 12.05.2022).

других районов, городов, стран), в группе есть внутренние конфликты (например, с арендаторами коммунальных квартир на Васильевском острове из Азии; конфликт рабочего, который хотел бы вернуть завод на место, рядом с домом, и молодым поколением, которые хотели бы создать креативный кластер в этом здании, а заводы вывести за черту города).

Рассмотрим составляющие диспозитива дискурса градозащитников рассматриваемого кейса, выделим акторов каждого диспозитива:

1) Среда – Васильевский остров (актор – место, здание).

2) Действия – оплакивание/сожаление о потере здания, поиски виновных, агрессия на них, мобилизация сообщества на решение вопросов: Кто виноват? Что делать? (акторы – люди, письма, организованные события).

3) Компетенции – связи, обращения за помощью, петиции, контроль в суде, митинги – спонтанная мобилизация гражданского общества (акторы – люди, письма, петиции, организованные события).

4) Ценности – единый аутентичный облик ВО, политика памяти ВОВ (хлебокомбинат во время Блокады) (акторы – чувственные объекты памяти и эстетического восприятия).

5) Идентичность – житель Васильевского острова, петербуржец (выяснение характеристик групп, культурное общение в группе) (акторы – люди, идеальные характеристики идентичности).

6) Концепции – наказать виновных, восстановить памятник (акторы – люди, петиции).

7) Предположения (даже если это не XIX век, а новодел) – это памятник Блокаде (акторы – люди, документы, отчеты).

8) Цели, миссия – сохранить исторический облик и наследие (акторы – люди, реальные и чувственные объекты).

9) Аффект – страх разрушения идентичности, истории, культуры, памяти; позиции жертвы и агрессора; растерянность и абсурдность ситуации; конспирологические теории, чтобы снизить когнитивный диссонанс (акторы – люди, образы, фантазии, оправдания).

10) Невербальность – разрушение в ситуации стресса военной операции, отсутствие безопасности, опоры и стабильности, тревога. Чувства связываются с потерей эстетичного и привычного объекта окружающей среды (акторы – люди и их психологические состояния, контекст небезопасности).

Позиционируем исследуемый дискурс в рамках методологии выделенных ранее 5 маркеров АСТ:

1. «Природы групп: у акторов есть много противоречащих друг другу способов обрести идентичность»⁴⁸⁵.

Мы наблюдаем сборку и разъединение группы посредством лингвистических маркеров: в первом случае – «мы», «вместе», а во втором – противоречия и конфликты внутри цепочки комментариев, воспроизводство доминирующего дискурса нормы и порядка. Много призывающих и мобилизующих интенций, поиска решений, показывающих сконструированные в тексте группы другой идентичности по отношению к проблеме, например:

Надо стоять до конца, как в Блокаду: если СК поддержит снос, также быстро будут исчезать одно историческое здание за другим, что делали с городом фашисты во время блокады.

Надо объединяться в борьбе, равняться на пример активных граждан, иначе застройщики не остановятся, так как «почувствовали вседозволенность»: считается, что застройщики почувствовали вседозволенность не только из-за преступного попустительства разрушениям со стороны Сергея Макарова, но и из-за аналогичной позиции вице-губернатора Николая Линченко.

Послание правительству оставить сохраненный в Блокаду город в покое: в блокаду же сберегли. Они же сыты все там наверху, можно город в покое оставить?

Надо просить помощи депутата района, апеллируя к армейским чувствам: в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга есть депутаты, чья жизнь когда-то была тесно связана с армией. «Наш представитель» не считается.

⁴⁸⁵ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 29.

Надо держаться подольше и верить в чудо: здание относилось к армии Российской империи (сомнения, уточнение интереса адресата): «Лариса, а вдруг?! Чудеса же бывают».

2. «Природы действий: как представляется, в ход любого действия вторгается множество различных агентов, изменяющих его первоначальные цели»⁴⁸⁶.

В коммуникации были обнаружены апелляции и споры по поводу мотивов и сил, которые стоят за происходящими событиями. В действия включены потусторонние силы, Б-г, инопланетяне, мафия, теория заговора. Авторы постов транслируют отчаяние, беспомощность, тщетность усилий, обесценивают активность других⁴⁸⁷, отмечают абсурдность ситуации: экспертиза и суд проводятся после разрушения здания, что подтверждает тезис Б. Латура, что действие непрозрачно, неосознанно, представляет собой запутанный узел влияний, и должное и недолжное проясняется уже исходя из текущих социальных практик, включая практики обличительной речи, парресии, по М. Фуко⁴⁸⁸.

3. «Природа объектов: по-видимому, категория агентов, участвующих во взаимодействии, должна оставаться открытой»⁴⁸⁹.

Латур пишет, что «если складывается неравенство, то это доказательство вступления в игру акторов других типов – не социальных»⁴⁹⁰, то есть властные отношения, иерархия, неравенство ресурсов, несправедливость – это действия непосредственной материальности вступивших в игру акторов. Материальное наследие, среда жизни петербуржцев поддерживают постоянный дискурсивный антагонизм. Перечисленные далее пять изменений в среде провоцируют мощный отклик и попытки восстановления среды, гомеостаза:

- поломка и разрушение;
- инновации и изменения;
- действия невежественных пользователей, вандалов;

⁴⁸⁶ Латур Б. Там же. С. 30.

⁴⁸⁷ «Вы серьезно? Ребята, нас всех продали-купили и снова продали! Даже если каждый продаст по почке, ничего у нас не получится, как бы всем сердцем и душой не хотеть!»

⁴⁸⁸ Фуко М. Речь и истина: лекции о парресии (1982-1983). М.: Дело, 2022.

⁴⁸⁹ Латур Б. Указ. соч. С. 29.

⁴⁹⁰ Там же. С. 83.

- возвращение через архивы, музеи в случае утери целостности;
- работа памяти посредством художественной литературы, «петербургского текста», которые реконструируют отношение вещей и людей.

Ответ населения даже на незначительные изменения привычного городского ландшафта всегда очень сильный, в смысле необратимости и напряженного истолкования произошедшего как социального события, потому что культурное наследие инкорпорировано и представляет собой сильную локальную идентичность⁴⁹¹. Разрушенный объект наследия транслирует свою активность, эффектом которой является социальный всплеск и подъем активизма и пересборка идентичностей групп, поиск восстановления гомеостаза. Дискуссия длится, так как акторы апеллируют к вещам и надеются на восстановление посредством экспертизы фундамента, документов, кадастра и других материальных посредников исследования.

4. Четвертый принцип Латура связан с конструированием реальности: «Чтобы вообще имело место какое-либо конструирование, не-человеческие сущности должны играть главную роль»⁴⁹². В нашем кейсе конструирования нет, но есть деконструирование, зафиксированное на фотокамеры, и упование на будущее восстановление здания.

5. «И, наконец, неопределенность типа исследований»⁴⁹³. Речь идет о написании отчетов, текстов, в которых должно звучать многоголосье изучаемых акторов. Текст – это лаборатория акторов, которые действуют в исследуемом поле, это также исследования объекта всемирного наследия⁴⁹⁴.

Тексты пишутся в разных жанрах, в том числе в художественных, имеющих глубинное воздействие на восприятие. Активно используются аллюзии, контрасты, сравнения, намеки и игра слов, что может говорить о небезопасности прямого высказывания, а также ситуации сброса тревоги и напряжения за счет остроумия и уклонения от прямого контакта. Способность к уходу от контакта может оказаться

⁴⁹¹ Марков А. В. 1980: год рождения повседневности. М.: Европа, 2014.

⁴⁹² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. 120.

⁴⁹³ Латур Б. Указ. соч. С. 29.

⁴⁹⁴ Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices. *International Journal of Tourism and Hospitality*. 2022. № 2. P. 56-69.

полезной в определенных ситуациях, «когда накал страстей слишком велик и может привести к разрушительным последствиям»⁴⁹⁵. Анализируемая ситуация как раз является примером такого накала страстей⁴⁹⁶. Горожане цитируют поэзию, классиков из Петербурга⁴⁹⁷, призывают к морали и закону⁴⁹⁸.

Данную ситуацию можно проинтерпретировать как обнаружение объекта для своей нехватки, которую никогда не восполнить⁴⁹⁹. Нехватка переживается как тревога. Создается иллюзия потерянного рая, потерянной целостности и ценности. Агрессия проецируется на виновных: конкретные люди и абстрактное зло. При активизации рассмотренных маркеров АСТ происходят изменения реальности вещей (Наследия) и трансформация городской идентичности.

Мы показали, что тексты, относящиеся к наследию, обладают не только дискурсивной, но и функциональной спецификой внутри сети людей и вещей. Ключевое политическое значение изучения дискурсивных характеристик идентичности заключается в возможности экстраполяции выводов на политику общероссийской идентичности в аспекте сохранения культурного наследия и групповой солидарности.

Показано, что цифровизация позволяет посредством коммуникации противостоять деструкции социальных пространств при соблюдении условий актуализации контента как части сетевого взаимодействия, способствуя развитию коммуникативных практик в современном городе.

Выявлено, что каждое социальное пространство города имеет собственную идентичность, располагая своим репертуаром социальных и коммуникативных взаимодействий, а общая агломерация объекта всемирного наследия «Петербург и связанные группы памятников» обладает пространственной аурой, ведущей к социальным эффектам, и формирует ядро материальных отношений, обеспечивающее пространственность и целостность объекта.

⁴⁹⁵ Гингер С., Гингер А. Гештальт-терапия контакта. СПб.: Специальная литература, 1999.

⁴⁹⁶ *Сезон сноса исторических зданий в Петербурге в полном разгаре.*

⁴⁹⁷ *Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать...* (И. Бродский).

⁴⁹⁸ *Да еще и детский сад по соседству.*

⁴⁹⁹ Бланшо М. «Утраченный» аффект психоанализа. URL: <http://psyagora.narod.ru/affect.doc> (дата обращения: 14.04.2022); Ставракакис Я. Двусмысленная демократия и этика психоанализа // Логос. 2004. Т. 2. С. 42; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. 1999.

Выявлены дискурсивно формируемые группы, артикулирующие свое видение политики наследия на основе реконструированных диспозитивов групп, где мотивирующими являются цели и ценности. Проиллюстрированы источники неопределенности коммуникации людей и нелюдей, составляющие исследовательскую программу АСТ.

В текстах нашего кейса содержится много призывающих и мобилизующих интенций, вариантов поиска решений, показывающих сконструированные в текстах группы с различным отношением к проблеме, артикулирующим различное видение ситуации. Ценностно- и целеориентированные диспозитивы дискурса исследованной группы направлены на восстановление изменений в материальной среде.

В процедуру любого коммуникативного действия на различных основаниях встраивается множество различных доводов, изменяющих его первоначальные цели. Это такие стратегии, как обсуждение, вопрошание, уточнение, эмоциональный отклик, обесценивание, интерпретация с помощью художественных приемов текста.

Разрушенный объект наследия транслирует свою активность, эффектом которой является социальное оживление, что ведет к пересборке идентичностей групп, поскольку уточняются цели и ценности группы в изменившейся окружающей среде. Дискуссия становится состоятельной благодаря участию вещей в сети: акторы апеллируют к вещам как необходимой части производимой сети и надеются на восстановление здания посредством экспертизы фундамента, документов, кадастра и других материальных посредников расследования.

Реконструкция объекта приводится в фотографиях, воспоминаниях о перестройке здания, его функциях и эмоционально нагруженной истории города, личных свидетельствах об эстетическом переживании, имеется упование на будущее восстановление – данные артикуляции дискурсов способствуют укреплению диспозитивов дискурсов и городской идентичности и обоснованию ее как рамки дальнейших культурных событий.

Тексты пишутся в разных жанрах, в том числе в художественных, имеющих глубинное воздействие на восприятие. Тексты представляют собой один полифонический текст за счет многочисленных комментариев, интерпретаций, конструктивных предложений и представляют собой поле артикуляции групп интересов, их целей и ценностей, направляющих политику городской идентичности. Представленный метод может быть применен для сборок акторов других дискурсов и групп интересов.

Можно утверждать, что управляемость политической единицы, города, государства, сегодня определяется способностью организовывать эффективный координационный процесс на основе законодательства и определяющий коммуникационный диалог с гражданским обществом для выработки системы общественных благ, публичных ценностей и принятия политических решений, повышающих уровень конкурентоспособности политических акторов и приводящих к инклюзивному общественному развитию, учитывающих разных вовлеченных человеческих и нечеловеческих акторов, таких как наследие и цифровые медиа и другие, поскольку «цифровая институциональная платформа обеспечивает принципы равенства, безучастности, реципрокности и автономности»⁵⁰⁰ и одновременно диктует условия участия и соответствия требованиям⁵⁰¹.

Ученые констатируют усложнение социальных и несоциальных процессов⁵⁰²: окружающей среды, экологии, пространств и территорий, материальных объектов, определяемых развитием интенсивной коммуникации, глобализацией, ростом лиминальных структур и неопределенности, открытостью пространств

⁵⁰⁰ Сморгун Л. В. Партиципаторная управляемость и цифровизация // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2019: Материалы двенадцатой международной конференции Научное электронное издание. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2019. С. 1270-1273.

⁵⁰¹ Сосновская А. М. Влияние цифровых агентов на коммуникационные и медийные практики: акторно-сетевая теория // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2023. Т. 14, № 1(58). С. 144-148.

⁵⁰² Вологина Е. В. Возможности средств массовой информации по стабилизации общественных процессов: институциональный и феноменологический аспекты проблемы // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 1. С. 165-174; Зенин К. А. Политическое регулирование в современном обществе: проблемы, факторы, перспективы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 2 (239). С. 95-101; Сапогова Е. Е. Психологическая помощь взрослым в лиминальных периодах // Развитие личности. 2016. № 2. С. 134-156; Фусу Л. И. Человек современный, то есть лиминальный. Социально-философский анализ лиминальности в современном социуме. Ногинск, 2018.

взаимодействия, лавиной технологических и социальных инноваций. Соотношения субъектных и объектных, виртуальных и реальных факторов и процессов современного общественного развития и политики, составляющих ассамбляжи активностей, характеризуются динамичностью. Управленческим ответом будет также повышение значения субъективных – когнитивных, информационных, психологических, моральных факторов в управлении, общественном развитии и в политике в целом.

Л. В. Сморгунов определяет факторы управленческой ментальности, развивая идею М. Фуко о правительности⁵⁰³, типе управления, основанном, прежде всего, на научном знании, а не на принуждении. Управленческая ментальность таким образом является рефлексивным политическим анализом, обеспечивающим ясность и прозрачность управления. Важными для нашего анализа являются следующие факторы, переданные с сокращениями из статьи профессора Л. В. Сморгунова: управление – фокусировано; интеллектуальные ресурсы рассматриваются в качестве самого значимого элемента развития и эффективности действия; в публичном управлении на первый план исследования выходят дискурс-методы анализа, нарративный подход, герменевтический анализ, конструктивизм, которые теснейшим образом связаны с гуманитарными, человеческими составляющими управления; в организационном плане сюда добавляются сетевой анализ и коммуникативистика, новый институционализм с его акцентом на идеях и интерпретативной рациональности; практика управления уже не может обойтись без включения в свой арсенал знания, коммуникации, образов и репутаций, осуществляя деятельность по управлению знаниями, имиджами, брендами; производство знания становится значимой сферой как в масштабе страны, так и на уровне отдельных сфер; система образования, сохраняя свою автономность, включается в интеграционные связи управления⁵⁰⁴.

⁵⁰³ Фр. *la gouvernementalité*, трактовки М. Фуко и переводы термина: разумный способ управления и в то же время размышления о наилучшем способе управления, техники и стратегии, посредством которых общество становится управляемым. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010; Фуко М. Безопасность, территории, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.

⁵⁰⁴ Сморгунов Л. В. Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению // Политическая наука. 2016. № 2. С. 181-197.

Рассмотрим диспозитивы дискурсов, вовлеченных в дискурс о наследии групп, чтобы, выявив совпадающие элементы диспозитивов, такие как ценности и цели, составить диаграмму рассеивания по отношению к сохранению наследия и развитию города.

3.4. Диспозитивы групп и антагонизм дискурсов

Как отмечалось ранее, диспозитив представляет собой сеть властных отношений, которая артикулирует проявление власти. Через диспозитив актер превращается как в субъекта, так и в объект властных отношений.

«Диспозитив, по М. Фуко, «некий ансамбль – радикально гетерогенный»⁵⁰⁵, он фиксирует систему стратегических ориентиров на целеполагание и является матрицей конфигурирования культивируемых группой практик, имплицитно конституируется в качестве гештальтного инварианта типовых для дискурсивной группы стратегий осуществления политической и когнитивной практик и может быть выявлен при анализе дискурса власти–знания»⁵⁰⁶.

Диспозитивный анализ расширяет элементы дискурса, включая лингвистические элементы недискурсивных практик (действия), материализаций (объекты, вещи), которые относятся, с одной стороны, к недискурсивным практикам, но с другой – к дискурсивным практикам письменного и устного слова, которые исследователи называют паратекстом⁵⁰⁷.

«Выделенные нами диспозитивы представляют собой этапы движения к городской идентичности с использованием логических уровней Г. Бейтсона: среда–действия–способности–ценности–идентичность⁵⁰⁸, и регламентирующие практики, ориентиры целеполагания: концепция, предположение, цель⁵⁰⁹ и два

⁵⁰⁵ Фуко М. Воля к знанию. С. 240.

⁵⁰⁶ Сосновская А. М. Антагонизм дискурсов вокруг культурного наследия // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4. №. 3. С.125.

⁵⁰⁷ Caborn J. On the methodology of dispositive analysis // *Critical approaches to discourse analysis across disciplines*. 2007. Vol. 1 (1). P. 115-123.

⁵⁰⁸ Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. С. 222-244.

⁵⁰⁹ Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманит. акад., 2004; Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учеб. году. Санкт-Петербург: Наука, 2005.

эмоциональных режима – аффекты; невербальность и визуальность города, которые дают возможность для проективной чувственной⁵¹⁰ идентификации»⁵¹¹.

3.4.1. Дискурсы и диспозитивы: реконструкция из СМИ и социальных сетей⁵¹²

Рассмотрим дискурсы десяти групп по их диспозитивам и проиллюстрируем примерами из СМИ⁵¹³. Параграф построен на материале опубликованной статьи⁵¹⁴.

Первый дискурс противопоставляет сносу исторических зданий сохранение наследия и первоначального облика города, включая его физические особенности, ландшафт. Представителем данного доминирующего дискурса является Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников (КГИОП). В материалах СМИ доминирование данного дискурса, помимо апелляции к государству и правительству, выражается посредством слов и языковых конструкций, идеологических стилистических маркеров.

На текущей неделе КГИОП принято решение в отношении 81 задания на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия⁵¹⁵.

На Кондратьевском проспекте могут построить «объект бытового обслуживания», то есть торговый центр. Он расположится на месте нынешнего сквера. <...> В центре участка существует участок-анклав, на котором до декабря стоял дореволюционный дом под номером 30. Он был снесен по заказу комитета имущественных отношений как аварийный, подрядчиком выступало ООО «Канстрой-СПб». КГИОП требует восстановить внешний облик здания⁵¹⁶.

⁵¹⁰ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: Новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс, сор. 2021; Лакан Ж. Семинары. Книга 10. Тревога. М.: Гнозис: Логос, 2010; Володина А.В. Делезианская теория аффекта: Эстетическая проблематика // Культура и искусство. 2019. № 12. С. 35-45.

⁵¹¹ Сосновская А. М. Указ. соч. С. 126.

⁵¹² Диспозитивы дискурсов о наследии, реконструированные из СМИ и социальных сетей в приложении.

⁵¹³ Рисунок диспозитивов в QR.

⁵¹⁴ Результаты исследования отражены: Сосновская, А. М. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 68-83.

⁵¹⁵ <https://sanktpeterburg.bezformata.com> (дата обращения: 11.07.2022).

⁵¹⁶ <https://kanoner.com> (дата обращения: 11.07.2022).

Второй дискурс, посвященный бизнесу, строителям и городскому развитию, направлен на улучшение районов для местных жителей, а также на предложение и демонстрацию финансовых преимуществ проживания в городских районах. Когда застройщики работают не с историческим центром, СМИ о них пишут нейтрально и даже позитивно. Вот примеры таких анонсов.

*Защитница непарадного Петербурга: почему, по мнению Маргариты Штиглиц, промзоны Северной столицы – это территории больших возможностей для преобразований*⁵¹⁷.

*На площадке петербургского омбудсмана продолжится поиск компромиссного решения судьбы памятников археологии Охтинского мыса*⁵¹⁸.

Превращению старинных зданий в коммерческую недвижимость способствуют неоднозначные и неполные трактовки в законодательных документах.

Радикальный и активный дискурс, проводимый градозащитниками, — это дискурс в пользу сохранения наследия. Этот дискурс часто ассоциируется с низовыми движениями и общественным активизмом, поскольку он стремится оспорить доминирующие нарративы городского развития и продвинуть альтернативное видение будущего города. В нем подчеркивается важность сохранения культурного наследия и исторических достопримечательностей как средства поддержания социальной сплоченности и содействия устойчивому росту города. Их требования: единый аутентичный облик ВО, реализация политики памяти ВОВ и коммеморации. Участники: журналисты, градозащитники, депутаты, которые проводят расследования и реализуют контроль и градозащиту. Градозащитники считают, что первый дискурс не справляется с задачей сохранения наследия и иногда даже способствует его разрушению. Градозащитники как представители НГО, СМИ, некоторые депутаты, так и неравнодушные петербуржцы, пристально следящие за трансформациями исторического центра, инициирующие расследования и проверки, митинги и общественные акции,

⁵¹⁷ <https://stroyprice.ru> (дата обращения: 11.07.2022).

⁵¹⁸ <https://ombudsmanspb.ru> (дата обращения: 11.07.2022).

контролируют первый дискурс, КГИОП и другие имеющие отношение к строительству комитеты. Своими противниками и «антигруппами» считают губернатора, застройщиков и чиновников. Выстраивают границы своей группы, отказывая антигруппам в «компетентности», «духовности», «любви к наследию», «честности».

ВНИИБ в опасности! Беглов ради прибыли уничтожает исторические здания (News-poster.ru). Главу КГИОП посчитали далеким от охраны памятников архитектуры Петербурга⁵¹⁹.

В Петербурге могут разрешить снос исторических зданий ради строительства ВСМ⁵²⁰.

Снос любит тишину: в Петербурге без ведома общественности рушат здание XIX века⁵²¹.

Почти три года борьбы градозащитников за старинные корпуса все же не уберегли бывший памятник культуры. <...> Депутат ЗакСа Борис Вишневский на прошлой неделе направил обращение губернатору Александру Беглову с просьбой дать указание КГИОП приостановить действие их разрешения на проведение работ и Госстройнадзору – о приостановлении действия разрешения на строительство⁵²².

Четвертый дискурс «креативного города» и «креативного класса» актуализирует дискурс креативных индустрий, пространств и новых креативных специальностей. Он также продвигает креативные идеи и проекты для устойчивого развития города. Этот дискурс также подчеркивает важность сотрудничества и налаживания связей между творческими людьми и организациями для стимулирования инноваций и экономического роста. В нем подчеркивается роль образования, технологий и культурного разнообразия в создании живой и динамичной творческой экосистемы. Объектами данного дискурса являются инновационные проекты в сфере культуры, инклюзии, сотрудничества, экологии,

⁵¹⁹ <https://nw24.ru> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵²⁰ <https://piter-news.net> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵²¹ <https://russian.city/spb/> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵²² <https://mr-7.ru> (дата обращения: 10.01.2023).

реставрации, биоэкоурбанистика, креативный, ландшафтный, «хипстерский» урбанизм. Позицию говорящих субъектов от имени дискурса занимают идеологи проектов креативного города и их спонсоры.

Редакция «Собака.ru» ежегодно отмечает самые резонансные урбанистические проекты премией «Петербург будущего». На юбилейном (пятом!) гала-ужине в «Астории» мы наградили активистов, критиков, дизайнеров, кураторов, реставраторов, архитекторов и социально ответственных бизнесменов – тех, кто за прошедший год приблизил Петербург к будущему⁵²³.

Пятый дискурс архитектурного производства и экспертизы — это дискурс, в котором субъекты, разбирающиеся в архитектуре, интерпретируют расположение и функции зданий и создают планы по сохранению объектов наследия и перепрофилированию существующего пространства.

Этот дискурс предполагает глубокое понимание исторического и культурного контекста зданий, а также способность сбалансировать сохранение и современную функциональность. Архитекторы в этом дискурсе также должны учитывать устойчивость и воздействие на окружающую среду в своих проектах.

Петербургские реставраторы исследовали состояние склепа Александра фон Бекмана⁵²⁴.

В Ковенском переулке восстановят уникальную мозаику советской эпохи⁵²⁵.

Интересы конкретного объекта, структуры или места представлены экспертами, историками и хранителями в шестом дискурсе о вещах и наследии как таковом. В заголовках и текстах СМИ наследие изображается как бесстрастный, пассивный, лишенный агентности объект. Однако, согласно АСТ, именно места и вещи приводят в движение практики, наделяют ответственностью, выступают в качестве общественного бремени, возлагаемого на владельцев объектов культурного наследия, и направляют практики заботы и сохранения. Разрушение объектов негативно сказывается на культуре и истории места, обесценивает код

⁵²³ <https://СПб.Собака.ru> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵²⁴ <https://srspsb.ru> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵²⁵ <https://78.ru> (дата обращения: 10.01.2023).

города, нарушает гештальт вещи в ее среде и стабильность наследия как целостного объекта.

Уничтожение предприятия не только отрицательно сказалось на историко-культурной составляющей, но и повлекло снижение деловой активности в городе, нарушение инфраструктуры агломерации. Возрождение заводской территории с учетом исторической составляющей предполагает стратегию реновации и оптимальный выбор функционального назначения, что позволит не только сохранить ценный архитектурный ансамбль, но и за счет притяжения трудовых ресурсов и туристических потоков сделать из Сестрорецка одну из опорных точек Санкт-Петербургской агломерации.

У нас в городе исторические здания, построенные до 1917 г., в принципе защищены законом, их нельзя просто так снести, даже если это не Винный городок, а что-то более скромное, – объясняет заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) Александр Кононов. – А что касается Винного городка, то для данной территории это одно из старейших зданий. Оно отражено в произведениях живописи и графики⁵²⁶.

Седьмой дискурс – это дискурс молодых горожан, миллениалов и поколения Z. В медиатекстах представлены современные молодежные способы выражения и деятельности, включая краудсорсинг, флешмобы, социальные сети, блоги и досуг. Этот дискурс подчеркивает изменение взглядов и ценностей молодого поколения в отношении городской жизни и культуры. Дискурс также отражает их склонность к технологиям и социальным медиа как средству самовыражения и взаимодействия с городом.

Склеп на лютеранском кладбище, где фанаты «Брата» жгли костры, ждет реставрация. Деньги собрала студентка СПбГУ⁵²⁷.

Петербуржцы с помощью флешмоба выразили свое мнение о работе КГИОП⁵²⁸.

⁵²⁶ <https://mr-7.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

⁵²⁷ <https://sanktpeterburg.bezformata.com> (дата обращения: 12.01.2023).

⁵²⁸ <https://xoroshiy.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

Восьмой дискурс, ЮНЕСКО, подразумевает требования к соблюдению глобальных международных норм и правил сохранения объектов всемирного культурного наследия. Этот дискурс подчеркивают важность соблюдения требований ЮНЕСКО по сохранению объектов культурного наследия. Несоблюдение этих стандартов может привести к потере ценных исторических и культурных ценностей для будущих поколений. Ответственность перед международными организациями по сохранению наследия. Санкт-Петербург имеет статус объекта Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО с 1990 года, выдающаяся универсальная ценность которого определена по четырем критериям. Данные критерии могут быть формализованы в виде краткой действующей программы или кода Санкт-Петербурга: уникальный градостроительный объект, сформированный в соответствии с четким планом и в очень короткие сроки; сохранивший целостность исторической среды, несмотря на смену стилей и эпох; ставший местом свершения событий, оказавших влияние на ход российской и мировой истории; город, где жили и творили люди, сделавшие выдающийся вклад в развитие мировой культуры и науки.

«Это охрана зданий постройки до 1917 года в городе и дворцовых пригородах, визуальное привычных архитектурных ансамблей, регулярной застройки, единства композиции, силуэта, небесной линии с определенными доминантами, исторической визуальной перспективы – все эти аспекты называют «секретным кодом» города и его очарования.

Визуальность города зафиксирована в правовых документах, в фотографиях, искусстве, кино, в памяти жителей, а в «петербургском тексте», художественной литературе о Петербурге, описан и эмоционально прожит почти каждый уголок исторического центра»⁵²⁹.

Девятый дискурс обременения. Ограничения и ответственность, накладываемые наследием.

Десятый дискурс власти, государства и правительства города, которые должны обеспечивать развитие города и сохранение наследия. В городе отсутствует

⁵²⁹ Сосновская А.М. Указ. соч. С. 125.

одобренный план управления наследием. В законодательстве города обнаружены неполные и неоднозначные трактовки по отношению к центру города и наследию.

По действующему закону «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон» отклоняться от норм (по высоте, плотности застройки и другим параметрам) можно не более чем на 10%. Это не распространяется на постройки, чей проект признан особо значимым в социальном, экономическом или культурном плане. Так как критериев для определения «значимости» объекта в законе не было и важным для города мог быть признан любой объект, это давало возможность инвесторам перестраивать старинные здания, превращая их в коммерческую недвижимость⁵³⁰.

В приложении А (таблица А.1) представлены диспозитивы групп, которые мотивируют коммуникацию этих групп в социальных сетях. Наполнение таблицы – реконструкция из текстов СМИ и пабликов социальных сетей по поводу сохранения наследия в Санкт-Петербурге. Таблица верифицирована у представителей групп (всего 11 экспертов).

Отличную от приведенного диспозитивного анализа дискурса, с учетом семиотического анализа, методику предлагает Джоанна Каборн. Ее методика представляет трехэтапный процесс диспозитивного анализа:

1. Определить признаки или элементы, составляющие диспозитив.
2. Найти знаки на оси знаний, т. е. определить, к какому дискурсу они принадлежат, и как это стратегически сочетается с другими дискурсами.
3. Поместить знаки или элементы на ось власти, рассмотрев, кто или что находится в чьем распоряжении.

Выполнение этих трех шагов означает проведение диспозитивного анализа и рассмотрение знаков по М. Фуко, поскольку включает в себя стратегическое место знака в диспозитивном пространстве. Важным четвертым шагом было бы рассмотрение соответствующей практики, связанной с признаками в диспозитиве. Данные указания на методологию диспозитивного анализа предложены в качестве

⁵³⁰ <https://tn.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

расширения дискурс-анализа⁵³¹. Следуя этой методологии, мы могли бы рассмотреть следующие оси:

Правдивое – правдоподобное (то есть разные опосредованные образы культуры).

Непосредственное – опосредованное. Кто владеет данными и распоряжается ими, а кто владеет опосредованиями или культурными образами.

Единство подхода – множественность подходов. Кто владеет единой стратегией подхода, а кто множественностью подходов, например, потребители с их маршрутами, всегда однозначными, и производители, реализующие власть в постоянной реконцептуализации пространства.

Устойчивость – неустойчивость. Кто реализует городские ценности как устойчивые и тем самым осуществляет власть над целым пучком образов наследия, а кто как неустойчивые, тем самым находит гибкие способы присвоения или переработки наследия.

Дж. Каборн были предложены оси «знание и власть». На нашей диаграмме рассеивания в соответствии с нашими целями размещены дискурсивные группы в координатах отношения к сохранению наследия и развитию города (Рисунок 3)⁵³². Показаны размером кружка власть и влияние. Цветом отмечены доминирующие аффекты в коммуникации, которые можно рассмотреть, как коммуникативные стратегии влияния на общественное мнение.

Разрушение наследия – это ситуация сдвига и изменения связей человека и привычной городской среды, которая производит взрыв социальности в городском информационном поле. Среда трансформируется, мутируется, разрушается, руинизируется, приобретает новую форму – все это рвет привычные связи на всех уровнях: когнитивном, аффективном, на уровне практик, на уровне духовности, визуальности и воображения, меняя конфигурацию сетей идентичности и основания идентификации. Люди тогда обретают социальность, в том числе

⁵³¹ Caborn J. On the methodology of dispositive analysis. P. 115-123. Переменную «власть» мы включили в диаграмму рассеивания.

⁵³² См. Сосновская А. М. Антагонизм дискурсов вокруг культурного наследия // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4, № 3. С. 123-133.

идентичность, посредством тонких различий, порой неосознаваемых. Анализируемые нами группы общего дискурса о наследии делают акценты на различных переменных, собирая важные составляющие сети городской идентичности.

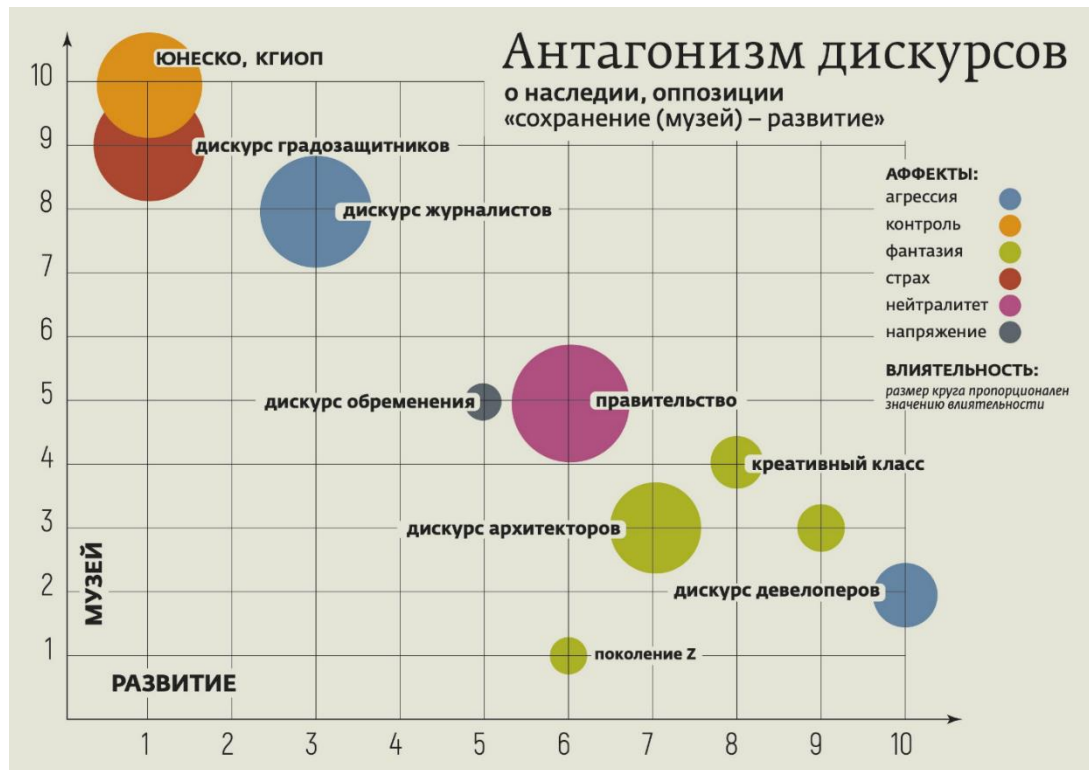


Рисунок 3 – Антагонизм дискурсов групп

«Выявленный доминирующий аффект (страх) у жителей и градозащитников является страхом потери привычной визуальной среды, которая ассоциируется с источником выживания в Блокаду и способствует укреплению городской идентичности. Молодежь, креативный класс, архитекторы предлагают свои визуализации обновленного города – идеи и фантазии по креативному использованию, реновации наследия. Проживающие в наследии или ответственные за наследие испытывают напряжение от обременения и невозможности изменить облик жилья. Мы рассматриваем аффекты так же, как эмоции – как результат вовлечения в социальную ситуацию»⁵³³. Эмоции регулируются ролями и

⁵³³ Сосновская А.М. Указ. соч. С.129.

нормами⁵³⁴, являются следствием и эффектом ситуации⁵³⁵, эстетической проективной идентификацией, эффектом взаимодействия с материальностью. Общим оказывается самопредставление о вовлеченности, предшествующей теоретической рефлексии и дискурсивному обоснованию своего действия.

Теории дискурса М. Фуко, Э. Лакло, Ш. Муфф⁵³⁶ понимают аффекты (компонент диспозитивов идентичности групп) как дискурсивное формирование. Данные направления концептуализируют социальный порядок, идеологии и идентичности не как существующие додискурсивно, а как реляционные, случайные символические структуры, постоянно воспроизводимые посредством дискурсивной артикуляции. Крайний антагонизм существует в оппозиции «сохранение (музей) – развитие». Однако все 10 групп дискурсов антагонистичны, поскольку имеют разные цели, ценности и движущие аффекты. На крайних непримиримых полюсах находятся ЮНЕСКО, КГИОП, градозащитники vs бизнесмены, креативный класс, частично молодое поколение. Наибольшее влияние в изменении ситуации и решении вопросов имеют градозащитники, журналисты и правительство.

Дискурс, разворачивающийся вокруг наследия, представляет собой антагонизм вовлеченных групп в ситуацию сохранения наследия и в первую очередь сохранения привычной визуальности среды, имеет политические коннотации, конструирует городскую идентичность посредством присоединения к артикуляциям и аффектам. Визуальный код рассматриваемого объекта всемирного наследия – это здания постройки до 1917 года в городе и дворцовых пригородах, визуально привычные архитектурные ансамбли, регулярная застройка, единство композиции, небесная линия с определенными доминантами, историческая визуальная перспектива из разных городских локаций. Рассмотрен кейс разрушения здания лейб-гвардии Финляндского полка в историческом центре Санкт-

⁵³⁴ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда “Обществ. мнение”, 2003; Hochschild A.R. The managed heart: Commercialization of human feeling // O’Brien J. The Production of Reality: Essays and Readings on Social Interaction. Sage, 2010. P. 320-336.

⁵³⁵ Левин К. Теория поля в социальных науках. Санкт-Петербург: Речь, 2000.

⁵³⁶ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics; Фуко М. Воля к знанию. С. 97-268.

Петербурга, также являющегося местом памяти городской травмы Блокады во время Великой Отечественной войны. Детально рассмотрены элементы диспозитива дискурса градозащитников и жителей города, остальные представлены в виде таблицы в приложении. Найденные диспозитивы прошли верификацию сообществ. В текстах и визуализациях СМИ и соцсетей были выявлены способы действия и оперирования идеологии, артикуляции, борьбы за значение изучаемых дискурсивных групп. Рассмотрены диспозитивы дискурсов, поддерживающие группообразование и групповую идентичность. Реконструирован конфликт дискурсов и новые типы антагонизмов. Антагонизмы появляются в связи с различным режимом аффектов. Аффект страха возникает, когда разрушается среда обитания и привычная визуализации городского пространства, в которой укоренена идентичность.

Систематически рассмотрены дискурсивные группы: их дискурсивные практики и диспозитивы. Антагонизм групп свидетельствует об отсутствии четко разработанной нормативной базы, о кризисе управления наследием, городской идентичностью. Артикуляции дискурсов и политик групп являются агентами зарождения нормативной базы и управленческих решений.

3.4.2. Текущая политика городской идентичности

В результате исследования научных текстов было выявлено, что политика городской идентичности Санкт-Петербурга рассматривается как символическая политика, политика языка, политика памяти, политика репрезентаций. Политика городской идентичности в связи с культурным наследием поддерживается законодательно на федеральном, международном и городском уровнях. Следующие законы и правовые документы обеспечивают сохранение наследия: Федеральный закон «О внесении изменения в статью 20 Федерального закона “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации”» от 24.02.2021 N 21-ФЗ (последняя редакция); Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов

Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ; «Концепция по развитию исторических поселений, поддержке и популяризации культурных и туристских возможностей, развитию экономики культурного наследия на период до 2030 года» (утв. Минкультуры России).

Слово «идентичность» мы встретили в данных документах один раз: в законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в пункте 3: «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской *культурной идентичности*»⁵³⁷.

Документы ЮНЕСКО о наследии⁵³⁸ представлены на сайтах международных организаций, которые также имеют представительства в России.

Основные положения об охране культурного наследия Санкт-Петербурга представлены в петербургской стратегии сохранения культурного наследия (далее – Стратегия)⁵³⁹. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 принята Законодательным собранием Санкт-Петербурга и утверждена Законом Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 771-164 (в редакции Закона Санкт-Петербурга от 26.11.2020 № 507-112) и распределяет деятельность по трем приоритетам развития города: город инноваций, комфортный город, открытый город. В открытом доступе имеются: перечень государственных программ; материалы для разработки и реализации государственных программ Санкт-Петербурга; нормативно-правовые акты; отчеты о ходе реализации государственных программ Санкт-Петербурга; материалы для разработки годового отчета о реализации государственных программ Санкт-Петербурга; материалы

⁵³⁷ Статья 69 изменена с 4 июля 2020 г. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ.

⁵³⁸ Международные документы представлены на сайте КГИОП. URL: <https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/nasledie/vsemirnoe-nasledie-mezhdunarodnye-dokumenty/> и на сайте Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест. URL: http://icomos-spb.ru/icomos-spb; Парижская декларация о наследии как движущей силе развития. 17 Генеральная Ассамблея ИКОМОС, Париж 2011 г. URL: http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/2011a_%20.pdf/download (дата обращения: 11.07.2022).

⁵³⁹ Петербургская стратегия сохранения культурного наследия Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 01.11.2005 N 1681. URL: <https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/peterburgskaya-strategiya-sohraneniya-kulturnogo-naslediya/> (дата обращения: 11.07.2022).

мониторинга реализации государственных программ Санкт-Петербурга и другие документы, на основании которых можно судить о реализации стратегии⁵⁴⁰.

Данные документы выделяют на территории Санкт-Петербурга три исторически сложившихся планировочных пояса, обладающих специфическими особенностями градостроительного и социально-экономического развития: исторический центр, серый пояс и спальные районы. Документы подчеркивают неоднородность развития районов, разрабатывая планы развития для разных локаций. Согласно Стратегии, территория Санкт-Петербурга имеет площадь 144,6 тыс. га и характеризуется значительной неоднородностью по преобладающим видам использования, параметрам застройки и обеспеченности инфраструктурой. Важным фактором пространственного развития Санкт-Петербурга является его расположение в дельте реки Невы с низменным, преимущественно равнинным рельефом и прямым выходом на побережье Финского залива Балтийского моря⁵⁴¹.

Нечеловеческие акторы, такие как разнообразная планировка района, речные и водные пространства, равнинный рельеф, упоминаются в документах как важные факторы развития современного города. Эта точка зрения бросает вызов традиционному антропоцентрическому взгляду на городское развитие и подчеркивает важность учета окружающей среды и нечеловеческих объектов в городском планировании. Это также предполагает, что целостный подход к городскому проектированию может привести к более устойчивым и пригодным для жизни городам. Также подчеркивается необходимость в устойчивых методах городского развития, учитывающих природную среду.

В стратегии указаны нерационально используемые территории всех поясов и прилегающих территорий Санкт-Петербурга, однако мы рассмотрим исторический центр, в состав которого входят Адмиралтейский, Василеостровский, Петроградский и Центральный районы. В пределах исторического центра названы нерационально используемые территории: комплекс Апраксина двора, Синопская набережная, территории, прилегающие к Александро-Невской лавре, западная

⁵⁴⁰ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/ (дата обращения: 11.07.2022).

⁵⁴¹ Там же. 2.2.4. Пространственно-территориальное развитие.

часть Адмиралтейского района Санкт-Петербурга, включая Ново-Адмиралтейский, Матисов и Галерный острова, юго-западная часть Васильевского острова.

В стратегии, которая разрабатывалась в 2018 году, подчеркивается миграционная привлекательность Санкт-Петербурга по сравнению с другими регионами Российской Федерации, принимающими иммигрантов. Ежегодно Санкт-Петербург принимает большое количество жителей из других регионов Российской Федерации, а также из-за рубежа. Эксперты прогнозировали снижение мобильности граждан и укрепления местной идентичности в результате ограничения внутренних и международных поездок. Это снижение мобильности может привести к большему вниманию и пониманию местной культуры и традиции, поскольку люди проводят больше времени в своих родных регионах. Кроме того, для Санкт-Петербурга это возможность сосредоточиться на продвижении местного туризма и подчеркнуть уникальность наследия и города в целом.

В Стратегии мы находим основы и ориентиры воспитательных и образовательных механик молодежи.

Усилия органов государственной власти и общественных институтов направлены на воспитание граждан, проживающих в Санкт-Петербурге, в том числе молодежи, на основе традиционных для России нравственных и патриотических ценностей, формирование гражданского самосознания, духовно-нравственных ориентиров, укрепление и пропаганду семейных ценностей в обществе.

К духовно-нравственным ориентирам и патриотическим ценностям мы бы отнесли также укрепление локальной идентичности на основе знания материального и нематериального наследия.

Проведение единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан, проживающих в Санкт-Петербурге, обеспечивает достижение целей патриотического воспитания путем плановой, непрерывной и согласованной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге и общественных организаций.

Патриотическое воспитание, помимо властных инстанций, осуществляется общественными организациями, к которым относятся СМИ, НКО.

Набор услуг, предоставляемых населению Санкт-Петербурга некоммерческим сектором Санкт-Петербурга, включает досуговую, образовательную и просветительскую деятельность, социальную и правовую помощь.

В 2017 г. в Санкт-Петербурге действовало 3785 НКО, что составляет 2,7% всех НКО, действующих в Российской Федерации. К 2022 году стало значительно меньше НКО.

Слабыми сторонами и основными факторами, сдерживающими развитие туризма в Санкт-Петербурге, являются: отсутствие системы управления качеством предоставления туристских услуг; недостаточно развитая туристская инфраструктура; высокий уровень влияния сезонности на туристическую активность; снижение ценности архитектурного облика Санкт-Петербурга вследствие утраты памятников и разрушения фасадов исторических зданий и сооружений, реализации проектов, изменяющих виды исторического центра Санкт-Петербурга.

Стратегия констатирует кризис наследия Санкт-Петербурга, поскольку происходит утрата памятников, меняется облик исторического центра в связи с изменением видов и панорам. Сезонность посещения города, наплыв туристов нарушает гомеостаз территории.

Таким образом, можно констатировать отсутствие системы управления качеством оказания туристских услуг, значительное влияние сезонности на туристическую активность, снижение ценности архитектурного облика Санкт-Петербурга в связи с утратой памятников и разрушением исторической застройки. Согласно стратегии, культурное наследие Санкт-Петербурга находится в опасности, так как разрушаются памятники и меняется облик исторического центра. Чтобы смягчить этот кризис, в медиадискурсе о культурном наследии предлагается ввести более строгие правила в отношении строительства и

туристической деятельности, а также продвигать методы устойчивого развития территорий.

К другим проблемам исторического района Санкт-Петербурга относятся износ жилого фонда и инженерных сетей, нарастающий износ исторически значимых зданий и сооружений, перегруженность транспортной системы, вызванная маятниковыми миграциями населения, недостаточный уровень комфорта и безопасности городской среды, в том числе на основных туристских маршрутах. Эти проблемы представляют угрозу для сохранения культурного наследия города и могут негативно сказаться на индустрии туризма. Решение этих проблем значимо для местного самоуправления, чтобы сохранить историческую привлекательность Санкт-Петербурга.

Слабыми сторонами и основными факторами, снижающими экологическую безопасность в Санкт-Петербурге, являются: низкий уровень эффективности использования природных ресурсов; высокая степень износа основных фондов опасных производственных объектов; рост объемов образования отходов производства и потребления при низком уровне их утилизации, связанный в том числе с дефицитом объектов обработки, утилизации и обезвреживания твердых коммунальных и промышленных отходов, а также отсутствие свободных территорий для размещения отходов; высокий уровень загрязнения воздушного и водного бассейнов, а также уровень автотранспортного шума на территориях жилой и общественной застройки; негативное влияние геологических процессов (разрушение берегов и подтопление, образование биогазов, развитие карста, поверхностная эрозия), обусловленных климатическими изменениями и ростом антропогенной нагрузки; низкий уровень очистки сточных вод на объектах, расположенных в Ленинградской области, вблизи границ Санкт-Петербурга.

Таким образом, основными факторами, снижающими экологическую безопасность в Санкт-Петербурге, являются низкая эффективность использования природных ресурсов, высокая степень износа основных фондов опасных производственных объектов, увеличение объемов образования отходов производства и потребления при низком уровне их утилизации, высокий уровень

загрязнения воздушного и водного бассейнов, шум автотранспорта на территориях жилых и общественных зданий, негативное влияние геологических процессов, вызванных изменением климата и ростом антропогенной нагрузки, низкий уровень очистки сточных вод на объектах, расположенных в Ленинградской области у границ Санкт-Петербурга.

Слабыми сторонами и основными факторами, сдерживающими развитие культуры в Санкт-Петербурге, являются: низкий уровень инвестиционной активности в сфере культуры, что приводит к повышению износа основных фондов объектов культуры Санкт-Петербурга, снижающего их историко-культурную ценность; низкий уровень материально-технического оснащения большинства учреждений культуры и образовательных организаций в сфере культуры; недостаток квалифицированных кадров, в том числе управленческих; низкая доступность организаций культуры для инвалидов и других маломобильных групп населения; территориальные диспропорции обеспеченности организациями культуры и образовательными организациями в сфере культуры.

Таким образом, основными факторами, сдерживающими развитие культуры в Санкт-Петербурге, являются низкий уровень инвестиционной активности, низкая материально-техническая оснащенность, нехватка квалифицированных кадров, малодоступность для людей с ограниченными возможностями, территориальные диспропорции в обеспеченности организаций культуры и образования. Эти факторы приводят к увеличению износа объектов культуры, снижению их исторической и культурной ценности.

Согласно стратегии, инвестиции в наследие были незначительными, что привело к его ухудшению и не способствовало его сохранению. Происходит снижение исторической и культурной значимости, а также туристической привлекательности, но по мнению некоторых наших респондентов из числа творческой интеллигенции, интерес к руинизированным объектам не снижается. Однако, при реализации стратегии следует учитывать потенциальные экономические выгоды, которые может принести сохранение наследия, а не его

руинизация, а также учитывать важность городской идентичности, самобытности и гордости сообщества.

Слабыми сторонами и основными факторами, сдерживающими повышение уровня общественного согласия и безопасности в Санкт-Петербурге, являются: недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию российской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций народов России.

Слово «идентичность» используется впервые в стратегии в этом отрывке в контексте развития социального согласия. Считаем важным добавить к приведенному предложению детали о том, как формируется локальная идентичность и как развивается городская культура межнационального общения. Формирование местной идентичности имеет решающее значение для развития сплоченного общества. Городская культура межэтнического общения может помочь преодолеть культурный разрыв и способствовать взаимопониманию между различными сообществами.

В Стратегии миссия Санкт-Петербурга связана с наследием, которое является ценностью и ключевым ресурсом, обеспечивающим интерес к городу.

Санкт-Петербург – город, выполняющий особую миссию благодаря выдающемуся культурно-историческому наследию, всемирной известности и динамичному современному развитию. Санкт-Петербург был, есть и останется крупнейшим историко-культурным и туристским центром Российской Федерации и мира. Культурно-историческое наследие и туристский потенциал Санкт-Петербурга входят в число его ключевых ресурсов, обуславливающих интерес и внимание к нему со стороны российской и мировой общественности.

Таким образом, Санкт-Петербург – город с особой миссией благодаря своему выдающемуся культурно-историческому наследию, всемирной известности и динамичному современному развитию. Это крупнейший историко-культурный и туристический центр Российской Федерации и мира, вызывающий интерес и внимание российской и мировой общественности. Знаменитые достопримечательности города, такие как Эрмитаж, Исаакиевский собор и

Петергоф, ежегодно привлекают миллионы посетителей. Санкт-Петербург участвует в реализации приоритетов развития Российской Федерации в том числе как центр мировой культуры.

Санкт-Петербург – глобальный центр создания и внедрения инноваций, науки, мировой культуры, межрегионального и международного сотрудничества.

Являясь центром международной культуры, Санкт-Петербург способствует реализации приоритетов развития Российской Федерации. Санкт-Петербург является центром межрегионального и международного сотрудничества, а также развития и применения инноваций, науки и мировой культуры. Создание эффективной системы внутренних и внешних коммуникаций, интеграция в международные процессы, позиционирование политики города как продолжения политики Петра Великого составляют один из трех приоритетов развития города, который получил название «открытый город».

Приоритет «открытый город» является продолжением традиций, заложенных еще при Петре I. В настоящее время приоритет «открытый город» не только определяет «открытую» позицию Санкт-Петербурга в геополитическом, социокультурном и торгово-экономическом аспектах, но и направлен на развитие Санкт-Петербурга как города, открытого людям и позитивным переменам, провозглашающего общепризнанные общественные ценности и активно участвующего в общественных событиях, интегрированного в международные процессы.

В Стратегии мы находим основания городской идентичности: культурное достояние и наследие в первую очередь, открытость приезжим, сопричастность жизни города.

*Санкт-Петербург стремится быть открытым своим жителям и гостям, людям, которые хотят приехать сюда учиться или работать. **Каждый житель стремится быть сопричастным тому, чем живет Санкт-Петербург, и быть неотъемлемой частью его жизни.***

Петербуржцы открыты и дружелюбны, любят свой город, гордятся его культурой и историей, активно участвуют в общественных событиях Санкт-

Петербурга. Санкт-Петербург создает условия для социализации, социокультурной адаптации, активного включения иностранных граждан в его жизнь. Культурное достояние является базовым элементом общегородской идентичности, важнейшим фактором, формирующим отношение к Санкт-Петербургу со стороны горожан и его гостей.

Таким образом, Санкт-Петербург стремится быть открытым для своих жителей и гостей, создавая условия для социализации, социокультурной адаптации, активного включения иностранных граждан. Жители открыты и доброжелательны, гордятся своим городом, активно участвуют в общественных мероприятиях. Культурное наследие является ключевым фактором в формировании отношения к Санкт-Петербургу. Стратегия согласуется с целью города стать центром инноваций и творчества, привлекая талантливых людей и предприятия со всего мира, чтобы внести вклад в его рост и развитие. Развивая прочные партнерские отношения и сотрудничество, Санкт-Петербург может позиционировать себя как город-лидер в различных областях и отраслях.

Стратегия определяет пять целей направления развития человеческого капитала, одна из которых – «обеспечение гармоничного развития личности на основе культурно-исторического наследия Санкт-Петербурга», что напрямую связано с политикой городской идентичности. Реализация политики городской идентичности, построенной на сохранении культурно-исторического наследия, послужит краеугольным камнем повышения качества жизни горожан при сохранении идентичности города. Поэтому в Стратегии подчеркивается важность сохранения и популяризации культурно-исторического наследия Санкт-Петербурга как средства повышения самобытности города и благосостояния его горожан. Такой подход не только будет способствовать развитию человеческого капитала, но и привлечет в город больше туристов и инвесторов.

Культурно-историческое достояние Санкт-Петербурга является важным фактором формирования отношения к Санкт-Петербургу. Повышение доступности и востребованности культурного достояния Санкт-Петербурга

создаст основу для повышения качества жизни и укрепления положительного имиджа Санкт-Петербурга.

Достижение цели по обеспечению гармоничного развития личности на основе культурного и исторического наследия Санкт-Петербурга планируется осуществить в соответствии с основными положениями государственной культурной политики за счет реализации нескольких задач, из которых мы выделяем связанные с сохранением культурного наследия и укрепления идентичности. Рассмотрим группы задач, часть из которых напрямую относится к сохранению наследия и укреплению городской идентичности.

В рамках задачи «сохранение объектов культурно-исторического наследия в Санкт-Петербурге» необходимо совершенствовать комплекс мер по обеспечению сохранности и безопасности объектов культурно-исторического наследия в Санкт-Петербурге, в том числе во взаимодействии с федеральными органами государственной власти обеспечить реализацию проектов их реставрации за счет бюджетных средств.

Необходимо обеспечить привлечение частного капитала в реставрацию объектов культурного наследия и стимулирование заинтересованности физических и юридических лиц в сохранении объектов культурного наследия при пользовании ими, развитие механизмов реализации проектов государственно-частного партнерства в сфере охраны объектов культурного наследия.

В рамках реализации данной задачи рекомендованы постоянный мониторинг состояния объектов культурного наследия в Санкт-Петербурге, что реализуют представители государства и общественности в дискурсе наследия, а также мероприятия по их популяризации, которые реализуют образовательные организации города.

Необходимо продолжить деятельность по разработке и актуализации зон охраны объектов культурного наследия, режимов использования территорий и градостроительных регламентов в установленных границах для ранее утвержденных зон охраны объектов культурного наследия, осуществлять

постоянный мониторинг состояния объектов культурного наследия в Санкт-Петербурге, а также мероприятия по их популяризации.

Таким образом, необходимо привлечение частного капитала к реставрации объектов культурного наследия, разработка механизмов реализации проектов государственно-частного партнерства, мониторинг состояния объектов культурного наследия в Санкт-Петербурге, разработка и актуализация охранных зон и градостроительных регламентов.

Еще одна задача Стратегии, связанная с наследием и идентичностью, констатирующая уникальную специфику петербургской культуры и петербургских традиций и рекомендуемая популяризацию и продвижение культурного наследия Санкт-Петербурга, а также деятелей культуры города, музеев и театров, — это «повышение культурного потенциала Санкт-Петербурга, усиление роли Санкт-Петербурга как центра мировой культуры и искусства».

В целях сохранения общепризнанного статуса Санкт-Петербурга как культурной столицы необходимо обеспечить проведение в Санкт-Петербурге масштабных культурных мероприятий всероссийского и мирового уровня, активное участие организаций культуры, деятелей культуры и искусства Санкт-Петербурга в общероссийских и международных культурных проектах, развитие общественных площадок для обсуждения проблем, тенденций и перспектив развития сферы культуры в Российской Федерации и мире.

Повышение культурного потенциала Санкт-Петербурга также должно обеспечиваться за счет реализации современных культурных проектов, отражающих уникальную специфику петербургской культуры и петербургских традиций.

В рамках указанной задачи необходимо оказывать содействие расширению сотрудничества организаций культуры в Санкт-Петербурге с организациями культуры субъектов Российской Федерации и иностранных государств. Целесообразно осуществлять продвижение и популяризацию деятелей культуры и искусства Санкт-Петербурга в целях привлечения внимания российского и мирового сообщества к мероприятиям с их участием, создавать условия для

активной гастрольно-выставочной деятельности организаций культуры и искусства Санкт-Петербурга в российских регионах и за рубежом.

Необходима реализация мер, способствующих формированию в субъектах Российской Федерации и иностранных государствах культурно-образовательных центров, филиалов крупнейших музейных и театральных учреждений, находящихся на территории Санкт-Петербурга.

Таким образом, стратегия, связанная с наследием и идентичностью, направлена на повышение культурного потенциала Санкт-Петербурга, усиление его роли как центра мировой культуры и искусства. Для этого необходимо обеспечить масштабные культурно-массовые мероприятия, участвовать во всероссийских и международных культурных проектах, реализовывать современные культурные проекты, отражающие уникальную специфику петербургской культуры и петербургских традиций. Также необходимо продвигать и популяризировать деятелей культуры и искусства Санкт-Петербурга, создавать условия для активной гастрольно-выставочной деятельности, осуществлять мероприятия по формированию культурно-просветительских центров в субъектах Российской Федерации и иностранных государствах. Эти меры не только повысят репутацию Санкт-Петербурга как культурного центра, но также будут способствовать развитию туризма и экономики города. Кроме того, они помогут сохранить и представить широкой аудитории богатую историю и наследие Санкт-Петербурга. Популяризация и узнаваемость культурной и художественной жизни Санкт-Петербурга повысит его репутацию как центра культурного обмена и туризма. В конечном итоге это приведет к экономическому росту и развитию города.

Для реализации задач культуры и укрепления общегородской идентичности предпринимается образовательная деятельность как в рамках образовательных программ школы и вузов, так и в сети организаций дополнительного образования детей, в том числе посредством медиапроектов, для культивирования этических норм и эстетического вкуса, основанных на образцах уникальной петербургской культуры и петербургских традиций в рамках исполнения задачи «повышение образовательной роли культуры, продвижение традиционных ценностей».

В рамках указанной задачи необходимо обеспечить развитие и активизацию образовательного ресурса сферы культуры для всех возрастных и социальных групп населения, реализацию нравственного и эстетического потенциала искусства как средства формирования и развития традиционных ценностей и этических норм поведения.

Необходимо обеспечить развитие сети организаций дополнительного образования детей, повышение качества детского художественного образования в Санкт-Петербурге, создание условий для поддержки, продвижения и поощрения талантливых детей и творческой молодежи Санкт-Петербурга.

В целях воспитания детей и молодежи, передачи от поколения к поколению традиционных для российского народа культурных и нравственных ценностей необходимо осуществлять просветительскую работу, в том числе на базе культурных центров и организаций культуры в Санкт-Петербурге, изучение и популяризацию, в том числе через медиапроекты, истории отечественной культуры и отечественной истории, создание новых, отвечающих потребностям современного общества образовательных и просветительских программ.

Стратегией предусматривается создание условий и возможностей для всестороннего развития и творческой самореализации индивидов, личного участия горожан в культурной жизни Санкт-Петербурга, что отсылает нас к концепции городской идентичности также.

В рамках задачи «повышение вовлеченности населения в сферу культуры» необходимо обеспечить повышение интереса жителей и гостей Санкт-Петербурга к его культурному достоянию, в том числе за счет разнообразия и доступности культурно-массовых мероприятий и личного участия граждан в культурной жизни Санкт-Петербурга.

Задачей является информирование о культурных возможностях в едином информационном культурном пространстве Санкт-Петербурга, интегрированном в общероссийское и мировое информационное сообщество.

Необходимо повышать информированность жителей и гостей Санкт-Петербурга о возможностях культурного досуга и реализации творческого

потенциала, формировать единое информационное культурное пространство Санкт-Петербурга и интегрировать его в общероссийское и мировое информационное сообщество.

Улучшение городской среды, важнейший элемент, определяющий процветание и привлекательность города, находится в шестом направлении стратегии. Главная цель города — привлечь и удержать элитных профессионалов, которых привлекает гостеприимное сообщество, а также хорошая экология с чистым воздухом и водой. Для достижения этой цели город принимает такие меры, как продвижение устойчивого транспорта, снижение уровня загрязнения и инвестиции в зеленые насаждения. Кроме того, город работает над тем, чтобы все жители имели доступ к доступному жилью и основным удобствам, таким как здравоохранение и образование.

Люди, обладающие высококлассными профессиональными компетенциями, более требовательны к качеству среды. Они имеют возможность обмениваться информацией, передвигаться по всему миру, выбирать наилучшие условия для жизни и трудоустройства. Их может привлечь только благоустроенный город с чистым воздухом и водой, удобным транспортом, красивыми домами, надежными коммунальными услугами.

В связи с этим меры экологического характера, разрешение транспортных проблем, увеличение эксплуатационной надежности инженерной инфраструктуры, комплексное развитие городских территорий, жилищное обеспечение рассматриваются в качестве основы улучшения качества городской среды.

В рамках направления по повышению качества городской среды определены цели и задачи социально-экономической политики Санкт-Петербурга.

Задача «формирования ответственного отношения населения, особенно молодежи, к окружающей природной среде» предполагает обеспечение экологического просвещения населения путем издания и распространения специализированной литературы и рекламной продукции по вопросам экологии, в том числе в сети Интернет и на Экологическом портале Санкт-Петербурга

(infoeco.ru), совершенствования работы видеотеки экологических фильмов, проведения общегородских массовых экологических мероприятий, эколого-просветительской работы в образовательных организациях Санкт-Петербурга, развития движения экологических волонтеров. Также необходимо обеспечить открытость и доступность экологической информации за счет развития государственной информационной системы в области охраны окружающей среды и природопользования «Экологический паспорт территории Санкт-Петербурга», использования других современных средств информирования населения о проводимых и планируемых мероприятиях по охране окружающей среды.

Таким образом, задача формирования ответственного отношения к окружающей среде предполагает экологическое просвещение, обновление видеотеки, проведение общегородских мероприятий, развитие движения волонтеров-экологов. Кроме того, следует использовать государственную информационную систему и другие современные средства для информирования населения о природоохранных мероприятиях. Кроме того, важно вовлекать местные сообщества и заинтересованные стороны в процессы принятия решений, связанных с вопросами окружающей среды, а также устанавливать партнерские отношения с предприятиями и организациями, которые отдают приоритет практикам устойчивого развития, для продвижения экологически чистых инициатив и практик в городе. Это будет способствовать достижению общей цели по формированию более экологически сознательного и ответственного населения Санкт-Петербурга.

«Разработка и реализация мероприятий по адаптации к изменению климата, включая минимизацию выбросов парниковых газов, создание системы береговой защиты Санкт-Петербурга» является одной из ключевых задач, влияющих на наследие, и ее реализация влечет за собой снижение антропогенного воздействия на климат. Одной из наиболее важных проблем двадцать первого века является изменение климата, которое влияет на социальные, экономические и экологические аспекты региональной устойчивости. Обеспечение адаптации к изменению климата, включающей сокращение выбросов парниковых газов и построение

системы береговой защиты Санкт-Петербурга, является одной из задач в области экологической безопасности.

Изменение климата является одной из важнейших проблем XXI века, которая охватывает экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития территорий. Одной из задач в сфере экологической безопасности является обеспечение адаптации к климатическим изменениям, в том числе минимизация выбросов парниковых газов, создание системы берегозащиты Санкт-Петербурга.

Для этого требуется реализация мер по снижению негативного воздействия изменения климата на городскую среду, таких как развитие зеленой инфраструктуры, повышение энергоэффективности, продвижение устойчивого транспорта. Информационные и пиар кампании по повышению осведомленности и просвещению общественности могут сыграть решающую роль в поощрении отдельных лиц и сообществ к действиям, направленным на смягчение последствий изменения климата.

Как в Стратегии, так и в научных исследованиях, которые мы процитировали в обзоре литературы, указывается на необходимость совершенствования правового регулирования и государственного управления при разработке и актуализации документов территориального планирования.

Несовершенное правовое регулирование порождает амбивалентные интерпретации и дискурсивные конфликты в обществе, как было показано ранее (п. 3.4.1). Исследование также показало, что городские сообщества остаются недостаточно интегрированными в систему принятия политических и управленческих решений и институтов государственной политики, что затрудняет включение городских сообществ в механизмы конструктивного разрешения конфликтов,⁵⁴² хотя в Стратегии подчеркивается необходимость увеличения доли

⁵⁴²Негашев Д. С. Развитие инновационного потенциала строительной отрасли: проблемы и роль государственного регулирования // Неделя науки СПбПУ: Материалы научной конференции с международным участием. СПб, 2018. С. 59-61; Хархордин О. В. Куда катится теория практик: поворот к материальности // Социологические исследования. 2012. № 11(343). стр. 20-34; Агафонова А.Г. Реструктуризация социального пространства локальной территории крупного города: на примере Канонерского острова Санкт-Петербурга: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Санкт-Петербург, 2016; Тыканова Е.В. Город как территория неравенства: оспаривание сноса гаражных строений в Санкт-Петербурге // Петербургская социология сегодня. 2017. № 8. С. 54-72; Глухова А.В.,

граждан, участвующих в решении вопросов развития городской среды и осуществляющих общественный контроль за реализацией проектов благоустройства.

Таким образом, стратегия и научные исследования указывают на необходимость совершенствования правового регулирования и государственного управления при разработке и актуализации документов территориального планирования. Городские сообщества остаются недостаточно интегрированными в систему принятия политических и управленческих решений и институтов государственной политики, что затрудняет их участие в конструктивном разрешении конфликтов. В Стратегии подчеркивается необходимость увеличения доли граждан, участвующих в развитии городской среды и осуществляющих общественный контроль.

Необходимо обеспечить информационную открытость и доступность лучших практик по реализации проектов благоустройства, создание механизма поиска наиболее подходящего варианта решения проблемы благоустройства, увеличивать долю граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды, стимулировать активность и вовлеченность граждан и организаций в реализацию проектов по благоустройству, создавать инструменты софинансирования проектов благоустройства гражданами.

В историческом центре Санкт-Петербурга Стратегией предусмотрена модель ревитализации. Ревитализация в контексте урбанистики обозначает процесс воссоздания и оживления городского пространства. Основной принцип ревитализации заключается в раскрытии новых возможностей старых территорий и построек. В процессе ревитализации используется комплексный подход с целью сохранения самобытности, аутентичности, идентичности и исторических ресурсов городской среды.

В историческом центре Санкт-Петербурга необходимо обеспечить применение модели ревитализации городской среды с сохранением объектов

историко-культурного наследия, перераспределением функций, комплексным благоустройством территорий с приоритетом немоторизованного движения, стимулированием развития сферы обслуживания, реконструкцией и наполнением другими функциями. Необходимо обеспечить сохранение зеленых рекреационных территорий Крестовского, Каменного и Елагина островов с размещением объектов спорта общегородского значения и фрагментарной общественно-деловой и жилой застройкой повышенной комфортности (жилье бизнес-класса и элитное жилье).

Таким образом, Стратегия Санкт-Петербурга предусматривает модель ревитализации, открывающую новые возможности для старых территорий и зданий. Ревитализация предполагает сохранение объектов историко-культурного наследия, комплексное благоустройство территорий, стимулирование сферы обслуживания, реконструкцию и наполнение другими функциями, сохранение зеленых рекреационных зон Крестовского, Каменного и Елагина островов со спортивными сооружениями и фрагментарной застройкой.

В модели ревитализации городской среды следует учитывать внедрение устойчивых и экологически чистых решений, чтобы уменьшить негативное воздействие на окружающую среду и улучшить качество жизни людей и нечеловеческих акторов. Это может включать использование возобновляемых источников энергии, программы сокращения и переработки отходов, зеленые насаждения с местной растительностью для содействия сохранения биоразнообразия и наследия.

Задача «активное продвижение туристского продукта Санкт-Петербурга на целевых рынках и в целевых сегментах» нуждается в доработке и требует пересмотра с использованием новых инструментов.

В рамках указанной задачи необходимо обеспечить участие Санкт-Петербурга в международных туристских выставках и форумах в Российской Федерации и за рубежом, продвижение приоритетных направлений развития туризма в Санкт-Петербурге, определенных нормативным правовым актом Санкт-Петербурга. Необходимо обеспечить продвижение новых туристских

продуктов, популяризацию музеев, памятников истории и культуры, других объектов туристского показа Санкт-Петербурга, формирование имиджа Санкт-Петербурга как познавательного, доступного, безопасного и привлекательного туристского направления.

В рамках реализации приоритета «открытый город» планируются следующие позитивные результаты развития города, релевантные теме исследования и декларируемые как реалистичные при принятии данной программы:

– Санкт-Петербург – самый комфортный в Российской Федерации мегаполис для проживания, обладающий привлекательным деловым и инвестиционным климатом и развитой системой внешних и внутренних коммуникаций, образец высокоразвитого европейского города современного уклада;

– Санкт-Петербург – центр классической культуры и искусства мирового масштаба, центр притяжения туристов, в том числе виртуальных, со всех уголков планеты. В Санкт-Петербурге развита вся необходимая инфраструктура в сфере культуры и туризма. Исторический центр Санкт-Петербурга выполняет преимущественно культурно-досуговую, туристскую и торговую функции;

– Санкт-Петербург – город, открытый новым идеям и инициативам в области культуры, искусства, научной и общественной мысли, являющийся важным центром взаимодействия творческих индивидов и организаций Российской Федерации и других стран, местом рождения и реализации креативных проектов и мероприятий. Фундаментом для этого являются как имеющийся научный и культурный потенциал Санкт-Петербурга, так и усилия властей, направленные на создание хозяйственного и идеологического климата, благоприятного для открытого и свободного творчества;

– в Санкт-Петербурге проводится сбалансированная миграционная политика, направленная на использование положительного потенциала миграции и привлечение наиболее квалифицированных кадров дефицитных специальностей, при этом созданы условия для эффективной социальной адаптации и интеграции иностранных граждан;

– Санкт-Петербург – город с высоким уровнем развития международного и межрегионального сотрудничества с зарубежными странами и субъектами Российской Федерации;

– Санкт-Петербург – город, в котором власть открыта и подотчетна населению, восприимчива к нуждам горожан;

– Санкт-Петербург входит в первую пятерку в рейтингах привлекательности городов Российской Федерации, формирует ценностные и культурно-образовательные ориентиры для российских регионов, служит представителем Российской Федерации в мире.

Будущие результаты представлены в таблице ниже, как измеримые, так что можно оценить приближение к их осуществлению, они имеют индикаторы реализации по годам, реперные точки, приближающие к цели. В таблице 18 представлена цель укрепления городской идентичности на основе культурного и исторического наследия Санкт-Петербурга, измеряемая как неизменное в течение 15 лет количество мероприятий по популяризации объектов культурного наследия и как позитивная динамика количества посещений учреждений культуры.

Таблица 18 – Показатели достижения целей социально-экономического развития Санкт-Петербурга и индикаторы устойчивого развития Санкт-Петербурга

Направления и цели социально-экономической политики Санкт-Петербурга	Наименование показателя (индикатора), единица измерения	Значение показателя (индикатора) по годам			
		2021 год	2024 год	2030 год	2035 год
Цель: обеспечение гармоничного развития личности на основе культурного и исторического наследия Санкт-Петербурга	Количество мероприятий по популяризации объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, единиц	300	300	300	300

Продолжение таблицы 18

	Количество мероприятий по популяризации объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, единиц	300	300	300	300
	Рост количества посещений учреждений культуры всех типов, расположенных на территории Санкт-Петербурга, находящихся в ведении исполнительных органов государственной власти, по отношению к 2017 году, раз	1,07	1,15	1,22	1,28

Как показано в таблице, количество мероприятий остается неизменным, но запланирована позитивная динамика их посещений, и это показывает укрепление городской идентичности на основе культурного и исторического наследия Санкт-Петербурга. Проанализированная Стратегия требует корректировки в вопросах международного участия и туризма.

Согласно стратегии, ожидается, что реализация приоритета «открытый город» в Санкт-Петербурге приведет к таким положительным результатам, как создание самого комфортного для жизни мегаполиса в Российской Федерации, центра классической культуры и искусства мирового уровня, центра притяжения туристов. Это город, открытый для новых идей и инициатив в области культуры, искусства, научной и общественной мысли, взвешенной миграционной политики, высокого уровня развития международного и межрегионального сотрудничества с зарубежными странами и субъектами Российской Федерации, город, в котором органы власти открыты и подотчетны населению, восприимчивы к потребностям горожан.

3.5. Проект *StP4juniors* как реализация концептуальной модели и управление городской идентичностью школьников

Проект *StP4juniors* размещен в нашей сборке и гибридном объекте вместе с эмпирическим материалом, поскольку являлся практической апробацией разработанной концептуальной модели по укреплению городской идентичности на основе культурного и исторического наследия Санкт-Петербурга, и представляет собой квинтэссенцию эмпирического материала, который мы далее обрисуем целиком и перейдем к описанию проекта.

Эмпирическое исследование дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга осуществлялось в СМИ и социальных сетях методом аналитического чтения и дискурсивного анализа медиатекстов в течение 2021–2022 гг. С 01.01.2022 по 24.03.22 было обнаружено 2472 сообщения в СМИ; проанализировано 300 материалов для подготовки научных публикаций. С 16.04.22 до 01.05.22 было проанализировано 728 постов, которые включают сообщения и комментарии к ним в социальных сетях. Основной массив сообщений приходился на ВК, что является предпочтением петербуржцев и актором идентичности. Для исследования использовались доступные (льготные подписки) программы мониторинга и анализа текстов онлайн. Использовался ручной или автоматический поиск упоминаний по тематике культурного наследия Санкт-Петербурга, новости, где упоминается КГИОП и другие темы, в социальных сетях и блогах, а также осуществлялась дальнейшая обработка и анализ собранных данных.

В эмпирический материал входили другие тексты и данные, собранные исследователями в своих научных работах по историческому наследию города. Полуструктурированные интервью с экспертами (30 человек), данные фокус-групп, визуальные репрезентации, проекты студентов проанализированы и собраны в архив.

В процессе работы над диссертацией были составлены 4 записные книжки по методике Б. Латура, демонстрирующие влияние наблюдателя на наблюдаемое.

Подготовка к общероссийскому научному слэму по теме диссертации «Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия» позволила детально обсудить диссертацию и проект в команде научного сообщества СЗИУ РАНХиГС. Научный слэм состоялся 31 октября 2022, в процессе дискуссии был выявлен высокий интерес к теме в городском научном сообществе. Апробация исследования состоялась также на 4 международных конференциях в 2022 году.

StP4juniors, или «Санкт-Петербург для школьников», – проектно-исследовательская работа учащихся петербургской гимназии №56 к 350-летию Петра Великого при участии СЗИУ РАНХиГС представляет собой 20 серий видеоконтента. Проект был реализован в течение 2021–2023 гг. и стал обладателем специального приза общества «Друзья Петербурга» в рамках межрегионального фестиваля «Миссия – сохранить». Финансирование осуществлялось ПАО «Газпром». Собранные исследовательские работы учеников гимназии №56, посвященные Петру Первому и Санкт-Петербургу, были резюмированы в сценарий и заявку. Школьники и студенты защитили проект в конкуренции со многими проектами. Сценарий сюжетов по материалам работ был составлен согласно концептуальной модели диссертации с учетом акторов и практик. Разберем день съемок нашей съемочной бригады по концептуальной модели, чтобы показать релевантность модели к разным видам опыта и ее управленческий потенциал, способствующий приросту идентичности и культуры. В таблице 19 представлены четыре этапа взаимодействия со средой и обозначены три категории восприятия, которые достигаются поочередным фокусированием на этапах решения задач коммуникации вместе с вещами и неотделимо от вещей: ориентация в пространстве, мотивация⁵⁴³ и взаимодействие, интеграция опыта.

⁵⁴³ См. Киселев, В. Н. Модели взаимодействия государства и бизнеса: привлечение краудсорсинга / В. Н. Киселев, А. М. Сосновская // Управленческое консультирование. 2014. № 11(71). С. 95.

Таблица 19 – Акторно-сетевой анализ съемок по концептуальной модели исследования

Этапы	Схемы восприятия	Объекты
Съемочная бригада, группа петербуржцев, готовятся к первым съемкам, наслаждаются погодой. Телесные практики определяем как слияния, поскольку группа действует как единый организм	Аффективные схемы: безопасность, наслаждение	Среда (Эрмитаж), хорошая погода, красивые виды, компания друг друга, знания истории
Мотивация	Когнитивные схемы	Интерес к проекту, интерес проверить свои знания и способности к созданию фильма, активизация энергии
Мысленный или реальный эксперимент	Коммуникативные и практические схемы проверки своих знаний, умений, проекций. Готовность к эксперименту, взаимодействию и творческому приспособлению к среде	Контакт с объектами съемок (микрофон, суфлер), экспонатами, вещами и картинами экспозиции, размещение в пространстве, исполнение ролей и функций согласно фрейму взаимодействия и сценарию
Подведение итогов, эмоциональный вывод про идентичность	Рефлексия, интеграция опыта, обновление идентичности, аффективные схемы оценки	Оценка сделанного, просмотр материала, планирование коррекций и следующих действий

Трансформация контента от замысла до воплощения оказалась значительной, поскольку в процессе участвовало много акторов, которые внесли свой вклад в финальный результат. Сценарий корректировали 3 эксперта, 2 организации, менялись редакторы, произнесение текста было некорректным во многих местах в силу некомпетентности съемочной бригады, звук приходилось переписывать из-за

ветра, технический суфлер работал с перебоями, условия работы в течение дня были некомфортными (не было возможности сесть, не были соблюдены гигиенические условия труда: отсутствовали вода, еда, туалет), звук записывали несколько раз в студии, поэтому получилось много монтажных склеек; для проекта композитор писал специально музыку, ее записывали музыканты, также создавалась инфографика и титры, которые несколько раз переделывались из-за неточности; далее видеоролики просматривались и согласовывались с несколькими стейкхолдерами, организация презентации для школьников и студентов проекта с привлечением СМИ длилась 3 месяца, поскольку сложно согласовать присутствие представителей заинтересованных сторон (школа, вуз, КГИОП, «Газпром», общество «Друзья Петербурга», СМИ); апробация материала прошла в 2 классах младшей и старшей школы. Видеоконтент размещен на сайтах стейкхолдеров. Школьники посмотрели ролики, нарисовали рисунки, написали ключевые слова проекта, сделали презентации, продемонстрировали, что запомнили ключевые идеи и факты, связанные с наследием, то есть присвоили себе городскую идентичность, связанную с наследием⁵⁴⁴.

Далее рассмотрим пример применения концептуальной модели в сценарии⁵⁴⁵ (выделено курсивом), чтобы показать механику конструирования идентичности.

ПЕРВЫЙ СЮЖЕТ «Мы гордимся Петром Первым за его обширные знания и умения, смелость и решительность».

Локация съемок: Галерея Петра в Эрмитаже.

ТЕКСТ:

– Обязательно ли ходить в школу, Петр же не ходил? (*проекция – проверка фантазии и знания, идентификация-слияние с Петром Первым по возрасту и происхождению и дифференциация от школьной системы. Актеры: Эрмитаж, Петр, Россия, школа, практики игры, ботик и команда друзей, как прообраз коллектива одноклассников, навыки менеджмента, организаторские навыки*).

⁵⁴⁴ Письменные и видео отчеты в архиве автора.

⁵⁴⁵ Сценарий и его анализ по концептуальной модели: URL: <https://docs.google.com/document/d/1XZrduWOFsSaNUadUI3Wzo7WyzNCBSza8R/edit?usp=sharing&oid=-114567749648117864184&rtfpof=true&sd=true> (дата обращения: 22.04.23). Видеоролики. URL: https://vk.com/video/playlist/-199642998_5 (дата обращения: 22.04.23).

До Петра Первого Россия была другая, как таковой школы не было, дети обучались дома или при церкви. При Петре Первом светские школы появились повсеместно, и мы с тех пор ходим туда и получаем образование. А раньше обучение было несистемное, можно было много играть и развлекаться, как делал Петр, играл в войнушку с потешными полками, катался на ботике в юности. Царем Петр стал в 10 лет.

– Я родился царем, у меня и так все будет хорошо (*интроекция и далее раскачивание убежденности и демонстрация альтернативного мнения; слияние с родителями, отделение от родителей, выстраивание карьеры. Акторы: богатство, известность, родители, практики наследования, когнитивные способности, интеграция в профессию, карьера, подразумевающая социальную коммуникацию и идентификацию в обществе и коллективе*).

Раньше знатными и богатыми могли стать только те дети, у которых родители были знатные и богатые. А вот при Петре Первом знания и таланты, в первую очередь, продвигают по карьерной лестнице, то есть способствуют быстрому успеху в профессии.

– Что умел Петр, ведь он в 10 лет стал царем? (*проверка проекции – сомнения. Акторы: когнитивные и физические, телесные навыки, практики профессий, зуб, корабль, корзина, тайм-менеджмент, топор*).

Царь был любознательным, продолжал учиться всю жизнь, многое знал и умел, овладел 14 профессиями. Он интересовался медициной, военным делом, садоводством и многое любил делать сам, своими руками; вместе с плотниками на верфи строил корабли и даже умел вырвать больной зуб. Царь также хотел научиться плести корзины, но времени не хватило на все. Петр мастерски владел топором и другими инструментами прямо как настоящий плотник.

– А что Петр был смелым?

Да! Хорошо быть смелым, неустанно учиться и работать, преобразовывать традиции и даже природу. В истории мало таких людей, и мы гордимся Петром (*оценка, интеграция и идентификация. Подтверждение оценки. Акторы:*

когнитивные и физические способности, акцент на взаимодействии с обществом и природой и на изменениях).

Таким образом, проект *StP4juniors* стал практической апробацией разработанной концептуальной модели укрепления городской идентичности на основе культурно-исторического наследия Санкт-Петербурга. Эмпирическое исследование дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга проводилось в СМИ и социальных сетях методом дискурс-анализа медиатекстов. Анализировались полуструктурированные интервью с экспертами, данные фокус-групп, визуальные репрезентации и проекты студентов. Результаты диссертация «Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия» были представлены на Всероссийском научном слэме и апробированы на четырех международных конференциях. *StP4juniors*, проектно-исследовательская работа по подготовке и реализации сценариев видеороликов о Петербурге и наследии, получила специальный приз «Общества друзей Санкт-Петербурга» ПАО Газпром на межрегиональном фестивале «Миссия сохранить». Сценарий историй был составлен в соответствии с концептуальной моделью диссертации, с учетом акторов и практик. Сценарий представляет собой реализованную концептуальную схему в действии, способствующую укреплению городской идентичности, связанной с наследием, у молодежи. Следующие элементы сценария вводят материальных и нематериальных акторов наследия: визуальный ряд представляет архитектуру исторического центра и Эрмитаж, рассказ о практиках и установках Петра Первого вводит плагины для размышления и усвоения, интерактивный контент способствуют мысленному эксперименту, вывод и эмоциональная оценка ведущей подтверждают для учащихся важность культурного и исторического дискурса со стороны значимых других людей.

Выводы по главе 3

Соединив акторно-сетевой метод как часть онтологического подхода и дискурсивный анализ, мы реконструировали дискурс о наследии Санкт-

Петербурга, составив карту плоского гибридного объекта, включающего акторов, участвующих в дискурсе наследия.

Понимание наследия как ключевого агента сборки дискурсивных и недискурсивных практик городской идентичности возможно при применении оптики и инструментов АСТ. Перечислим инструменты метода АСТ, результативные для изучения и конструирования городской идентичности в дискурсе культурного наследия.

1. Групповая идентичность конструируется, ведется постоянная работа внутри групп, чтобы транслировать непротиворечивую идентичность (7 критериев группообразования применимы для анализа интервью и медиатекстов для реконструкции групповой идентичности; остальные принципы АСТ интегрированы в диспозитивы дискурсов, которые разворачиваются как нарративы по аналогии с разработанной концептуальной схемой конструирования идентичности)⁵⁴⁶.

2. В процесс действия вовлекаются материальные и нематериальные акторы, отклоняющие действие от цели и усложняющие процесс реализации. На уровне индивида речь идет о когнитивных искажениях, плагидах и мотиваторах на втором этапе концептуальной схемы, на уровне групп – движение к цели поддерживается ценностями, которые определяют выбор языка, необходимых компетенций, доминирующего аффекта, однако предпринимаемое действие не может быть совершено без учета действующих в поле сил.

3. Агентность вещи становится заметной при определенных условиях. На социальном уровне – когда возникает дисбаланс сил, ресурсов и переживается кризис, то необходимо, по Латуру, искать не явных агентов. Нужно подчеркнуть, что не фигуративный агент, актант, может иметь агентность претерпевания. Такой агент становится заметным в ситуациях: поломки и разрушения; инновации и изменения; действия невежественных пользователей, вандалов; возвращения через

⁵⁴⁶ Сосновская А. М. Место журналистики в онтологическом повороте: АСТ и медиа // Вестник Волжского университета им В. Н. Татищева. 2023. Т. 2. №. 2. С. 95.

архивы, музеи в случае утери целостности; работы памяти посредством воображения, коммеморации и художественных практик.

4. Конструирование вместе с нечеловеческими сущностями. Создание новых проектов во взаимодействии с нечеловеческими актерами. Наш образовательный проект подразумевал взаимодействие с техникой, залами и экспонатами Эрмитажа, парками и улицами города. Также мы планируем провзаимодействовать с искусственным интеллектом, написав программы поиска маркеров по концептуальной схеме и диспозитивному анализу дискурсов в медиа и социальных сетях.

5. Тексты, карты и инфографика фиксируют временно, на каком-то этапе сборку исследования и показывают связи между актерами. По Латуру, хороший с точки зрения АСТ отчет – это нарратив, или описание, или высказывание, или карта, в котором все акторы не сидят сложа руки, а что-то делают. В своей карте мы показали стрелочками отношения между группами, проанализированные в исследовании, на основе сходства одного или нескольких элементов диспозитивов. Связи и находки по группам представлены далее. Согласно акторно-сетевой теории, текст, описывающий неопределенности и разногласия акторов, является отчетом, который конструирует и фиксирует сборку, которая иначе бы продолжала разрастаться актерами и нюансами дискуссионных реалий. Взгляд АСТ на хороший исследовательский текст заключается в том, что в тексте должно быть представлено наибольшее количество объектов и их функций в сборке⁵⁴⁷.

Наследие является социальным актором и агентом, поскольку своими аффордансами влияет на идентичность города и горожан. Найдены характеристики и потребности главного актора нашей сборки, наследия: нехватка ресурсов для сохранения и реставрации; отсутствие последовательного плана управления; необходимость переориентации туристических потоков, поскольку наблюдается износ территорий и объектов популярных локаций; необходимость усовершенствования законодательства и повышения мер наказания за причинение вреда наследию; проблемы экологии и окружающей среды: геологические и

⁵⁴⁷См. Латур Б. Указ. соч. С. 171-172.

экологические аспекты почвы Санкт-Петербурга и Ленинградской области; плесень, грибок, оседание грунта, влажность, подземные воды, теплосети, ветры и ураганы; животные, птицы, насекомые, флора; наводнения, загрязнение, руинизация и захват природой руин; неисследованное подводное культурное наследие; геопарки; названия и переименование; необходимость подготовки документации по включению новых объектов наследия; необходимость оптимизации политики нематериального культурного наследия, поскольку наблюдается снижение интереса к наследию, отсутствует достаточная пропаганда и популяризация.

Решение данных проблем главного актора сборки, разработка стратегий и политик укрепляют городскую идентичность, связанную с этими практиками, которые можно представить и рекомендовать как практики городской идентичности в дискурсе культурного наследия Санкт-Петербурга.

Таким образом, наследие становится особенно агентным при ветшании и разрушении, когда видна тенденция к руинизации, против которой восстают почти все группы и акторы нашей сборки, кроме некоторых художников.

Традиционные критерии петербургской городской идентичности связаны с наследием символически: символика, ритуалы, праздники, практики досуга, особенности местности и климата, отличия в практиках и языке, историческая визуальная перспектива, визуально привычные архитектурные ансамбли, регулярная застройка, единство композиции, силуэт, небесная линия с определенными доминантами, художественность и феномен петербургского текста.

Мы можем усиливать социальные факторы материального наследия в медиадискурсе благодаря взаимному контролю антагонистических групп. Применение перечисленных 5 инструментов АСТ позволило создать непротиворечивую модель конструирования идентичности индивидов и групп. Дискурсивные группы реагируют на проблемы наследия. Представим попарно дискурсы, между которыми есть признание соответствия стратегий (на карте гибридного объекта показаны стрелочками), и их концепции (через слэш). Всего 5 пар. Дискурс государства и правительства, представленный в Стратегии развития

города, выступает за развитие города и сохранение наследия одновременно. Остальные тяготеют к тому или другому полюсу данной дихотомии.

1. Дискурс сохранения наследия / КГИОП против сноса исторических зданий и сохранение неизменного вида города с его ландшафтными и пространственными характеристиками. Дискурс ЮНЕСКО / Требования соответствия международным стандартам и правилам сохранения объектов Всемирного культурного наследия.

2. Дискурс бизнеса, строителей, городского развития / Направлен на развитие районов для пользы жителей, предложения и демонстрация экономических преимуществ. Дискурс обременения / Ограничения и ответственность, накладываемые наследием, например, на арендаторов и жителей центра.

3. Дискурс градозащитников / Наиболее радикальный, политизированный, активный; выступает за сохранение наследия. Дискурс журналистов / Сохранение наследия и против его разрушения.

4. Дискурс «Креативного города» и «креативного класса» / Продвигает идеи креативности, проекты устойчивого развития города, актуализуя дискурс о креативных индустриях, пространствах и новых креативных специальностях. Дискурс молодых горожан поколения Z / В текстах СМИ присутствуют современные формы выражения и активности: краудсорсинг, флешмобы, социальные сети, блоги с молодежной интерпретацией города, наследия и досуговых практик.

5. Дискурс архитектурного производства и экспертизы / Здесь компетентные в архитектуре акторы интерпретируют места и назначение зданий, разрабатывают проекты восстановления исторических локаций и преобразования существующего пространства. Дискурс вещей и наследия как такового / Говорит через экспертов, историков и хранителей, которые представляют интересы того или иного объекта, здания или локации. Настаивает на сохранении кода города, вещи в контексте, так как объект стабилен только в своем окружении.

Диспозитивы, из которых состоят дискурсы перечисленных групп, представляют собой этапы движения к цели или пониманию миссии существования группы: среда, действия, компетенции, цели / ценности, предположения,

концепции / невербальность, эмоции, идентичность. Групповая идентичность может представляться невербально, эмоционально с использованием стратегически выбранного аффекта, и перформативно. Эти 10 элементов рассматривались нами в разных комбинациях, например, обозначенные слешем по источникам. Также 10 элементов соотносятся с 4 этапами концептуальной схемы, в которую они интегрированы. Еще мы классифицировали эти 10 элементов на практический, когнитивный и аффективный регистры.

Было выявлено, что причины антагонизма групп общественности по отношению к сохранению наследия с учетом особенностей артикуляции дискурса и диспозитивов групп лежат в сфере целей и ценностей, которые поддерживаются остальными диспозитивами каждой группы. На карте группы с похожими целями и ценностями соединены векторами, показывающими сходные цели или ценности.

Установлено, что необходима детальная разработка городской политики на уровне города и политик идентичности как коммуникативных стратегий групп общественности, которые будут основаны на знании городской истории, культуры, экологической и природной среды, для повышения осведомленности о наследии и устойчивом развитии города после антропоцена. Был сделан вывод о том, что инструмент конструирования идентичности в виде концептуальной модели и диспозитивного анализа дискурса должен использоваться как средство для достижения политической цели управления городом в рамках стратегии развития города, образования и воспитания, эффективность которых была доказана в рамках реализации воспитательно-образовательного проекта в межрегиональном фестивале «Миссия – сохранить».

В двадцати видеороликах были актуализированы этапы концептуальной модели построения городской идентичности с участием акторов наследия. Целью развития человеческого капитала, согласно Стратегии развития Санкт-Петербурга, является обеспечение гармоничного развития личности на основе культурного и исторического наследия Санкт-Петербурга. Городская идентичность в управлении понимается как одна из граней личности, существующей в синхроническом и диахроническом единстве. Акторно-сетевая теория внутри концептуальной модели

позволяет исследовать синхронический аспект городской идентичности, выделять сети и переводы, трансформацию знания и практик в текущем моменте контакта с городской средой, рассматривая коммуникацию как процесс, как разворачивающийся нарратив, требующий фокусирования на этапах, замечая агентность всех вовлеченных нечеловеческих акторов, и фиксации полученного опыта и соответственно укрепления идентичности для эффективного управления в рамках политики городской идентичности в дискурсе культурного наследия Санкт-Петербурга.

Эксперты указали, что понимание взаимосвязи между составляющими городскими элементами, представленными в нашем гибридном объекте, которые обладают агентностью, коммуницируют и действуют посредством своих аффордансов, имеет значение для корректирования политик городской идентичности групп общественности в дискурсе культурного наследия. Понимание взаимодействия между элементами города и их коммуникационными процессами позволяет эффективно разрабатывать городскую политику и политики городской идентичности, понимаемые как коммуникативные стратегии, в дискурсе культурного наследия.

Политики городской идентичности осмысливаются так же, как артикуляции антагонистических дискурсов вокруг наследия и как конструирование знания-памяти. Константой такой памяти признается коммеморация как базовая социальная практика, способ, с помощью которого укрепляется и передается память о прошлом. Мы исследовали практики индивидуальной и коллективной коммеморации, согласно разработанной концептуальной модели коммуникации, в полуструктурированных интервью с горожанами и экспертами.

Был выявлен эмерджентный эффект при использовании концептуальной модели для изучения практик памяти и коммеморации, когда интегрированный опыт взаимодействия делается ретроспективным для того, чтобы на следующем новом витке коммуникации стать опорой, сформировать ценное знание и воспроизводить его в новом взаимодействии со средой.

Разработанный нами метод имеет практическое прикладное значение: анализ медиатекстов также должен быть проведен с учетом действующих акторов и актантов на разных этапах коммуникационной концептуальной модели. Акторно-сетевая теория, выбранная для решения кризиса городской идентичности и кризиса отношения к наследию города, интегрированная в коммуникационную концептуальную модель, оказалась также пригодной в качестве инструмента анализа медиатекстов. Следовательно, модель продемонстрировала, как акторы и актанты могут быть реконструированы из текста и как они взаимодействует и стабилизируют значимые локусы для воспроизводства картин мира и коммеморации.

Таким образом, эксперты и научная апробация теоретических и практических результатов исследования подтвердили обоснованность процесса разработки и применения концептуальной коммуникативной модели с элементами АСТ для политики городской идентичности в дискурсе культурного наследия города.

Было обнаружено отсутствие четко разработанной нормативной базы как для регуляции сохранения наследия, так и для продуктивной включенности горожан в управление городом, что влечет антагонизм дискурсов вовлеченных групп общественности.

Эмпирический и проектный материал исследования показал недостаточную развитость воспитательных и идеологических методов конструирования идентичности в медиатекстах для привития и актуализации городской идентичности молодежи. Позитивный опыт реализации нашего образовательного проекта с интегрированной в видеосюжеты модели конструирования идентичности показывает возможность корректировки данного недостатка посредством использования разработанной методики, модели, которую можно реализовать в медианарративах и коммуникационных проектах в социальных сетях, ориентированных на молодежь.

Отсутствие диалога и антагонизм дискурсивных групп общественности в вопросе сохранения наследия, в том числе как основы для построения городской идентичности, могут быть преодолены посредством диспозитивного анализа по

предложенной схеме, которая коррелирует с концептуальной моделью, выявляя основные дискурсивные драйверы и коммуникативные стратегии, которые лежат в области целей и ценностей дискурсов. Следует предоставить необходимую глубокую, конкретную разработку диспозитивов, чтобы точнее идентифицировать пункты проблемы и разногласий, в результате чего мы получим выверенные элементы диспозитивов и потенциальные возможности для агонизма или консенсуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные теоретические результаты: установлены корреляции между акторно-сетевой теорией, теорией коммуникации, политическими теориями дискурса и идентичности.

Инкорпорированные в теорию коммуникации и диспозитивный анализ означающие материальных акторов позволяют оценить вероятность дискурсивных событий, сконструировать политику городской идентичности, поскольку зависимость между переменными для удовлетворительной коммуникации и артикуляции сильна субъективно и объективно, хотя существуют противоречия, контроверзы и срывы коммуникации, которые также можно предусмотреть и компенсировать.

Обозначены закономерности, определяющие этапы коммуникации и формы психологического процесса становления и ре/конструирования идентичности, выявлены механизмы внутреннего устройства коммуникации как на уровне индивида, так и на уровне группы.

Создана теоретическая модель наследия и политики городской идентичности, в которую входят интересы и дискурсы групп, габитусы и практики горожан, способы самоопределения, самоидентификации и прерывания этих процессов. Это система регулирования и одновременно артикуляции интересов, которая выявляет, как работает наследие, как ведется дискуссия, как трансформируются практики и опыт взаимодействия с наследием в период кризиса городской идентичности.

Все это удалось соединить в непротиворечивой схеме коммуникации. Данная схема имеет практический смысл как модель постоянного конструирования идентичности на уровне индивида и на уровне дискурсивных групп. Благодаря АСТ удалось оптимально показать практическое измерение полученной схемы. Концептуальная модель анализа коммуникативного конструирования идентичности разработана с учетом актантов акторно-сетевой теории, интегрированных в эту схему. Доказано, что модель построения идентичности в медиатексте релевантна также для диспозитивного анализа дискурса, параметры

которого были уточнены и дополнены практическими и аффективными компонентами.

Сконструированный в результате лонгитюдного исследования городской идентичности, связанной с историческим наследием, гибридный объект представляет собой прототип политики городской идентичности как совокупность политик и коммуникативных стратегий разных акторов. Для достижения цели деконструкции и пересборки гибридного объекта были проанализированы элементы, из которых состоит дискурс городской идентичности, которые были переопределены на основании свойств дискурсивной работы с реальностью как взаимодействующие акторы, обладающие агентностью и социальностью. Они были при этом охарактеризованы по коммуникативным возможностям и способностям порождать новые дискурсы с учетом методов акторно-сетевой теории и онтологического поворота в гуманитарных исследованиях, постантропосоциология.

На основе материалов медиадискурса было показано, что дискурс наследия разворачивается в рамках дискурсивного антагонизма. В данном дискурсивном поле артикулируют свои политики вовлеченные группы. При этом сам дискурс не поддается универсализации, и от таких попыток блокируется, поскольку структурно это реляционная система, никогда не достигающая абсолютной определенности всех отношений и смыслов. Групповые дискурсы выступают по отношению к такой незавершенной системе практикой установления границ и различий. Идентичность формируется тогда через различие, артикулируясь по отношению к тому, чем она сама не является. Система таких радикальных различий вызвала необходимость дополнить дискурсивный анализ анализом агентских позиций в поле антагонизма, основанных на диспозитивах, что и позволило разобрать, деконструировать то, как агент ставит себя внутри поля, и когда дискурсы присваивают себе содержание или опираются на дискурсивные ожидания других агентов.

С помощью метода и оптики акторно-сетевой теории была осуществлена непротиворечивая сборка дискурсивных практик, в ходе которой появился

гибридный объект городской идентичности, основанный на дискурсе наследия как кластер, объединяющий дискурсивные и диспозитивные элементы, обладающий свойствами плоской топологии и связанности разнородных акторов, включая материальных акторов как форм выражения смыслов.

Разработанные модели коммуникации и диспозитивов, стимулирующие фиксацию смыслов и идентичности, выступают внутри конкретных городских практик как сценарный подход. Этот подход при применении в образовательных проектах зарекомендовал себя как новый и эффективный способ изучения наследия, то есть среды обитания и основы городской идентичности.

Было показано, что в теоретическую модель городской идентичности входят интересы и дискурсы групп, габитусы и практики, способы самоопределения, самоидентификации и прерывания этих процессов. Эта система регулирования и одновременно артикуляции интересов выявляет, как работает наследие, как ведется дискуссия, как трансформируются практики и опыт взаимодействия с наследием в период кризиса городской идентичности. При этом на примерах было раскрыто, что постоянно воспроизводимая устойчивая идентичность города и горожан, связанная с наследием и встроенная в его дискурсивное и процедурное поддержание, возможна на основе политики сохранения материального и нематериального наследия, а также на основе механизмов воспитания молодого поколения в духе приверженности городу за счет развития городских образовательных проектов с использованием концептуальной модели конструирования идентичности, включающей материальных акторов, и на основе формирования идейно-ценностных принципов, а именно онтологии равенства акторов и их агентности.

На всех этапах работы выявлялось, что дискурсивность полагает как новые возможности, так и собственные ограничения, так что идентификация может быть выстроена только с учетом всех обнаруженных в ходе исследования ограничений.

Таким образом, методы АСТ релевантны для изучения идентичности. В первой главе вопрос об усилении потенциала неантропоцентричности существующих теорий идентичности и городской идентичности решался с помощью методов АСТ, поиском материальных акторов. Во второй главе на основе

найденных материальных акторов была разработана психологическая модель конструирования идентичности в процессе коммуникации с учетом АСТ. На основе данной модели были рассмотрены диспозитивы дискурсов и составлены критерии диспозитивного анализа дискурса. С использованием этих моделей были проанализированы кейсы СМИ и социальных сетей. В третьей главе собраны все акторы вокруг главного актора, наследия, согласно принципу плоской топологии и картирования АСТ, рассмотрены сетевые взаимоотношения человеческих и нечеловеческих акторов в дискурсе политики городской идентичности. Таким образом, кризис городской идентичности был переопределен как кризис наследия, материального актора со своими не реализующимися потребностями и антагонистической борьбой разных сил и стейкхолдеров по поводу каждого объекта, судьбы наследия и исторического центра города в целом.

Структурируем заключение в двух разделах: 1) резюме исследования; 2) результаты исследования по главам.

Резюме исследования

В контексте динамичного развития информационного общества, изменений политической, информационной и окружающей среды, городское развитие Санкт-Петербурга оказывается вписано в общие стратегии развития городов страны и российского общества в целом, однако планы реализации стратегии городского развития Санкт-Петербурга оказываются уникальными и определены в первую очередь условиями сохранения объекта всемирного культурного наследия, исторического центра города и связанных групп памятников.

Исторический центр города, наследие и географическое место, инкорпорированные в практики и сознание горожан, ложатся в основание локальной городской идентичности, делаясь имплицитным, само собой разумеющимся и разделяемым знанием, транслируемым в коммуникации, медиа и «Петербургском тексте».

Согласно стратегии развития города до 2035 г., культурное достояние и наследие города являются базовым элементом общегородской идентичности, важнейшим фактором, формирующим отношение к Санкт-Петербургу со стороны

горожан и его гостей. Однако наше лонгитюдное исследование практик идентичности молодежи показало ослабление локальной идентичности, снижение интереса к наследию, сопричастности к жизни города, к тому, чтобы быть в реальных мыслях и действиях его частью.

Наметившийся кризис городской идентичности молодого поколения Z в связи как с общемировыми глобальными вызовами и кризисом идентичности, так и с неэффективностью политики городской идентичности, достиг стадии, когда стал необходим теоретический анализ дискурса идентичности для того, чтобы найти ресурсы и механизмы как для самоидентификации молодых горожан, так и для разработки коммуникативных стратегий управления идентичностью в рамках политики городской идентичности. В свете онтологического поворота таким ресурсом стал метод акторно-сетевой теории, с помощью которого были найдены и интегрированы необходимые акторы для формирования идентичности в новой пересобранной сети, разработана концептуальная модель конструирования идентичности с учетом материальных акторов как на индивидуальном, так и на групповом уровне, обладающая потенциалом оптимизации политики и механизмов управления городской идентичностью. Были изучены практики и потребности вовлеченных в дискурс о культурном наследии групп и стейкхолдеров, проанализированы диспозитивы и коммуникативные стратегии антагонистических групп, определены критерии диспозитивного дискурсивного анализа для анализа коммуникативных стратегий и политик. Установлена магистральная роль медиа в формировании политик групп, поскольку антагонизм воспроизводится через медиадискурс и медиаплатформы. Выявлено, что определяющая политику городской идентичности молодежи система воспитания и образования мало представлена в медиадискурсе.

С опорой на акторно-сетевую теорию и дискурсивный анализ изучена политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия Санкт-Петербурга, как она представлена в медиадискурсе, как она формируется разными дискурсивными группами и акторами посредством коммуникативных стратегий и политик, направляемых диспозитивами.

В соответствии с теоретическими задачами и практическими ориентирами диссертации были реализованы три этапа исследования:

обзор научной и нормативно-правовой литературы;

исполнение и анализ образовательного и управленческого проекта «Санкт-Петербург – объект всемирного наследия: взгляд молодежи», реализованного при взаимодействии факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС и КГИОП в 2016–2023 гг.;

дискурсивный анализ СМИ, социальных сетей, полуструктурированных интервью с экспертами, на основании которых введена и обоснована работающая концептуальная модель построения идентичности в коммуникации с учетом нечеловеческих акторов и реализован дискурсивно-диспозитивный анализ коммуникативных стратегий стейкхолдеров вокруг наследия.

На последнем этапе исследования концептуальная модель была апробирована и верифицирована в специально разработанном образовательном проекте для школьников *StP4juniors*, или «Санкт-Петербург для школьников», представляющем собой 20 серий видеоконтента. Проект стал лауреатом и обладателем специального приза общества «Друзья Петербурга» ПАО «Газпром» в рамках межрегионального фестиваля «Миссия – сохранить», 2022 г.

Анализ городской идентичности сквозь призму подходов и методов АСТ позволил найти потенциал преодоления кризиса за счет присутствующих в данной сети взаимоотношений материальных акторов. Акторно-сетевой подход к теме идентичности радикально отличается от прежних исследований по вопросу дополнением как сети, так и дискурса нечеловеческими акторами со своей агентностью, которые присутствуют на всех этапах коммуникации и самоидентификации.

Сквозь призму АСТ были рассмотрены компоненты проблемной идентичности на 3 уровнях.

На уровне индивида: в процессе самоидентификации, с учетом достижений психологических и коммуникативных теорий индивидуальной и коллективной идентичности.

На уровне групп: в групповых дискурсах в медиаполе с реконструированными диспозитивами, которые позволяют понять драйвы стейкхолдеров, включая нечеловеческих акторов, динамику власти в системе акторов, причины антагонизма.

На уровне текстов и образовательных проектов: с помощью нарративного и семиотического анализа в соответствии с параметрами разработанной концептуальной модели.

Новизна исследования заключается в интеграции методов АСТ в индивидуальный и коллективный процесс конструирования идентичности, позволяющих обнаружить нечеловеческих акторов, инкорпорированных в индивидуальные процессы идентификации и коллективные процессы группообразования. Новизна также заключается в разработке двух методов анализа СМИ и медиадискурса: 1) концептуальной коммуникативной модели и 2) диспозитивного анализа с интегрированными в него новыми акторами.

Наследие было рассмотрено в качестве центрального актора исследуемой сети, поскольку городская идентичность Санкт-Петербурга связана с наследием и историческим культурным достоянием, что и отражено в нормативно-правовых актах. Политика городской идентичности в свете наследия прописана в стратегии развития города: содержит рекомендации по сохранению наследия и воспитанию молодежи в духе лояльности и патриотизма к культурному наследию.

Применение метода АСТ и построение карты сборки всех участников дискурса о наследии выявило реальность материальных игроков ситуаций вокруг наследия, материальность которого всякий раз и вводится в игру акторов. Это и позволило обосновать новое понимание сети, взаимодействий акторов, формирующих городскую идентичность и отношение к наследию.

Наличие антагонизма в дискурсе указывает на демократические реалии, с наличием дискуссий, оппозиционных мнений, не склонных к компромиссу по своей сути. Разложение на элементы диспозитивов дискурсов позволило определить и проинтерпретировать акторов непрекращающейся борьбы артикуляций смысловых комплексов наследия, которая является политикой,

разворачивающейся в реальности вне зависимости от рекомендаций официальной городской стратегии. С точки зрения современной политической науки процессы развития групповой идентичности на основе диспозитивов и связанная с ними борьба за распределение власти артикуляции являются политическими процессами.

Коммуникативные стратегии стейкхолдеров представляют собой продвижение собственных интересов по отношению к наследию и аргументацию политики сохранения наследия или иного городского развития в дискурсе. Реконструированные концепции групп зарекомендовали себя как эффективные в управлении и конструировании групповой идентичности в дискурсе.

Проблема кризиса городской идентичности как политического вызова предстает в политической повестке дня города несколько десятилетий. Доминирующая административная идентичность «развития городов» находится с конца 1980-х, первой волны градозащиты, и с учетом обстоятельств новых выступлений второй 2000-х и третьей волны 2020-х гг. в конкурентной среде в континууме сохранения наследия. Вопросы уникальных ценностей, памяти и коммеморации по-разному формулируются группами в дискурсе о наследии.

Воздействуя в рамках политики идентичности на диспозитивы групп, можно влиять как на мнение каждой группы, так и на систему мнений в медиадискурсе. Это позволит превратить городскую идентичность в инструмент более продуктивного социального взаимодействия и сотрудничества.

Признание кризиса идентичности в качестве актуального политического вызова, изучение и понимание дискурсивного антагонизма, поиск разрешения конфликтов на основе диспозитивов групп, урегулирование проблем и запросов материальных акторов в рамках агентности наследия, позволят сконструировать новую стратегию политики городской идентичности. Проведение такой политики идентичности придаст анализу дискурса свойства открытости и верифицируемости.

Компоненты проблемы кризиса идентичности в связи с наследием после анализа методом АСТ и составления сети акторов были трансформированы путем

выявления материальных составляющих в коммуникативных процессах. Эти составляющие разместили управление кризисом идентичности молодежи. Так что кризисом можно управлять – за счет материальных вещей и компонентов, включенных в коммуникацию; а антагонистическим дискурсом стейкхолдеров по поводу наследия – за счет включения в коммуникацию бриджевых ценностей и целей разных групп, на основании которых возможны коалиции и диалог.

Сконструированная в 2D-формате плоская топология разнородных акторов, наш гибридный объект, показывает политологам и аналитикам на уровне дискурса материальную сеть взаимодействий, воздействующих на чувства, практики и идентичность людей.

Две разработанные модели конвертируются в новые объяснительные схемы процесса идентификации в медиадискурсе на уровне индивида и на уровне групп, и могут быть востребованы в работе журналистов и управленцев.

Научно-теоретическая ценность работы заключается в разработке нового инструмента для анализа медиадискурса на основе принципов акторно-сетевой теории. Существуют ограничения данного метода. Метод не учитывает индивидуальную волю, не является антропоцентричным, представляя волю и выбор как действие инкорпорированных сил и внешних роящихся материальных акторов, трансформирующих действия других акторов, тем самым препятствующих достижению заранее специфицированной цели.

Разработанный метод относительно проблемы кризиса петербургской идентичности не может быть сразу эффективным, поскольку требуется время и организационные ресурсы, чтобы представить материальных акторов в медиадискурсе и в образовательных проектах.

Перспективами и темами, открытыми для будущих исследований, являются проведение кейс-стади по данным схемам в медиадискурсе, разработка прикладных программ и обучение искусственного интеллекта моделям, обнаружение лингвистических маркеров идентичности и идентификации в текстах СМИ и соцсетей. Концептуальная модель идентичности и модель диспозитивного анализа групповых идентичностей могут стать методологическим инструментом: 1) для

измерения локальных идентичностей и их материальных параметров 2) для сравнения диспозитивов дискурсивных групп 3) для прогнозирования развития локальных идентичностей.

Найденные характеристики и аффордансы наследия требуют продолжения исследования на примерах индивидуальных кейсов по каждой характеристике и проблеме наследия.

Идентичность конструируется интеракциями человеческих и нечеловеческих акторов и находится в постоянной динамике и пересборке. С помощью методов АСТ можно смотреть на многочисленных разветвляющихся на карте акторов и посредников, которые трансформируют реальность и друг друга, и можно с ограниченной устойчивостью в пространстве и времени пересобрать их в определенной композиции. Метод АСТ посредством концептуальной модели должен быть внедрен в политику городской идентичности, чтобы отслеживать влияния акторов, – кто еще, помимо людей, и как действует, – в условиях постантропоцена.

Медиадискурс, сконструированный с помощью обоснованных моделей, позволяет разным группам и стейкхолдерам по-новому артикулировать политику. Артикуляция интересов, как функция политической системы, заключается в выявлении группами требований индивидов, социальных групп и материальных акторов, предъявляемых к политической системе. Медиадискурс, лишенный системы акторов, выступает исключительно как продолжение отдельных политик, что ведет к затяжному кризису идентичностей акторов. Метод АСТ посредством концептуальной модели решает проблему кризиса идентичности и проясняет стратегии политики / артикуляции в медиа дискурсе.

Результаты исследования по главам

В первой главе рассмотрены теоретические и практические подходы к феномену идентичности. Общее направление современных научных исследований показывает потенциал перехода от антропоцентричных теорий идентичности к неантропоцентричным теориям, но фокус нашего исследования составили антропоцентричные оптики, которые были подвергнуты критической рефлексии в

нашем междисциплинарном подходе, сочетающем социологию, политологию и психологию как способы показать границы субъекта и вскрыть конкретные условия социальной и политической идентификации. Онтологический поворот больше всего встречается в текстах по социологии, успешно применяясь в городских исследованиях. В подходе Гидденса было выявлено распределенное действие по АСТ, не противоречащее онтологическому повороту. Положения по рефлексивному проекту «Я» легли в основу концептуальной модели анализа дискурсивной и сетевой идентичности. В найденных современных теориях мы выявили нечеловеческих акторов и разнообразные вещи и девайсы, способствующие поддержанию сети на уровне имплицитного действия.

Была установлена продуктивность терапевтической и коммуникативной гештальт-практики применительно к анализу текста, музея и архитектуры. Терапевтические принципы гештальт-анализа были соотнесены с принципами рефлексивного «Я». В результате исследований и экспериментов были обнаружены интроекты, инкорпорированные посредством СМИ в процессе политической социализации. Данные интроекты определяют мышление и практики, мотивируют к коммуникации, и тем самым к опыту совместного выстраивания базовых идентификаторов.

Было доказано, что политическая идентичность – это социальный конструкт, который находится в непосредственной зависимости от других идентичностей индивида: национальной, территориальной, социальной, психологической. Так, новая национальная идентичность мигранта или новая городская идентичность внутреннего мигранта формируется не только благодаря процессу предоставления страной-городом-реципиентом материальных благ, но и политикой принимающего общества в вопросах формирования идентичности, с выработкой чувства причастности у новых граждан. Тема транзита идентичности, ее трансформации со временем и в пространстве злободневна для многих социальных групп в переходный период. Социальные группы продолжают выстраиваться в переходный период и в ситуации неопределенности.

Такая политическая идентичность формируется на пересечении психологических и социальных измерений личности при постоянном их взаимовлиянии. Социальная идентичность осуществляет две базовые функции – психологическую потребность в инклюзии, в принадлежности к большой группе, и эксклюзии, т. е. отделении себя от других, репрезентации своей уникальности и самобытности. Идентичность определена как постоянно конструируемая, многогранная и часто нецентрированная на субъекте, а являющаяся в большей мере эмерджентным эффектом коммуникации, дискурса, контакта организма со средой. Средой в гештальт-теории и в нашем анализе для организма является физическое место, место проживания. Городская идентичность жителей Санкт-Петербурга определена через актуальную политику городской идентичности в свете дискурса культурного наследия города. Четыре основных направления политики локальной идентичности – символизация, унификация, дифференциация, идентификация – релевантны для Санкт-Петербурга. В рамках этих направлений самоидентичность горожанина постоянно воссоздается выбором действий и проверкой имеющегося знания. Знание, прошлый опыт – это опора и старт контакта с внешним миром для проверки наличествующего знания. На формирование идентичности влияет социализация, которая основывается на принципах первичности и структурирования. Помимо семьи и школы, СМИ и медиа являются агентами первичной социализации. Согласно методам гештальт-терапии, идентичность конструируется в процессе контакта со средой по этапам, а если контакт со средой затруднен, то он может быть оптимизирован в практике психотерапии, которую можно рассмотреть как обучение коммуникации.

По этапам цикла контакта можно реконструировать идентичность в текстах: в текстах СМИ, социальных сетей, кинофильмов, других искусств, в процессе комплексного восприятия архитектуры.

Таким образом, определения идентичности и городской идентичности в рамках актуальных теорий, понимание политики и политик идентичности рассмотрены по результатам изучения литературы с ориентацией на новые методы анализа. Глава завершается актуализацией концептуального инструмента

коммуникации в гештальт-практике, который далее и рассмотрен в контексте АСТ и дискурсивного анализа.

В результате проведенного исследования во второй главе было выявлено: при анализе дискурса о наследии и городе необходимо подвергать критическому разбору и процесс конструирования коммуникации, для чего подходит диспозитивный анализ, в котором исследование диспозитивов подразумевает поиск инкорпорированных акторов и связанные технические ассамбляжи, такие как платформа соцсети, ее алгоритмы и требования использования и соответствия, данные, интерфейс.

Основные результаты образовательного и управленческого проекта «Санкт-Петербург – объект всемирного наследия: взгляд молодежи», который был реализован при взаимодействии факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС в лице автора и КГИОП в 2016–2023 гг., отвечающие на вопросы, поставленные перед политической наукой и управленческой практикой: популяризации наследия города, методики укрепления городской идентичности молодежи, а также на вопросы относительно изменений городской идентичности в контексте развития города и в контексте изменения мышления и практик молодежи, явились базой данных для анализа и понимания необходимости использования новых методов исследования.

Результаты полуструктурированных интервью, компоненты конструирования идентичности как интеграции опыта и знания в процессе взаимодействия, представленные в нашей концептуальной модели, взгляды экспертов на наследие и городскую идентичность показали, что мнения пересекаются как с антропоцентричными, так и неантропоцентричными подходами построения идентичности, которые изучались в обзоре литературы. Из интервью и разговоров по поводу идентичности и наследия реконструированы многочисленные акторы и актанты, действующие и претерпевающие воздействие, поддерживающие картины мира жителей города, их практики, стиль воспоминания, приоритетные знания и ценности.

Эвристическая перспективность использования АСТ для политической науки и медиакоммуникации доказана с привлечением заключений экспертов данной тематики. Вслед за АСТ мы пришли к выводу, что необходима перекомпоновка содержания власти и сил за счет деконструкции связей, поиска и нахождения новых нечеловеческих акторов с их актуальными требованиями, построение общего коллектива, а далее прослеживание общей композиции таких сборок.

Составлена таблица «Стадии политического процесса решения проблемы», которая включает в себя структурные стадии политического процесса, структурные стадии коммуникативного процесса, де/стабилизирующие социальные отношения вещи в качестве акторов. Показаны этапы операционализации конфликта и перевода решения в управленческие процессы. Обозначены следующие акторы политического процесса: медиа, отчеты и планы, диспозитивы, коммуникация по концептуальной модели, которая наполнена инкорпорированными вещами.

Введены категории онтологического поворота, которые учитываются в операционализированной 10-этапной программе дискурсивного диспозитивного анализа: децентрация субъекта; реализм; эмерджентность; ограниченность здравого смысла, постправда; непринятие иерархии; непризнание абсолютных истин и эссенциализма; значимость объектов и их проявлений; признание активности и агентности вещей и природы.

На макроконтекстуальном уровне дискурсивного анализа использовалась дискурсивная теория Э. Лакло и Ш. Муфф, суть которой заключается в том, что социальное явление не может быть законченным и обладать полным значением. Вследствие чего в дискурсе присутствует антагонизм и постоянная борьба противоположных устремлений и/или борьба к идеальному состоянию системы, которое недостижимо, но само устремление пытается нейтрализовать нехватку в психоаналитическом смысле. В этом анализе требуется фиксирование значений на всех уровнях социального явления и выявление хода борьбы антагонистов.

Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, постмарксистская теория, симпатизирует развитию нового материализма, направленного на переосмысление и переоценку роли материала, рассматривая его как «агентную материю». Новый

материализм воспринимает материю как одновременно материальную и репрезентативную; новая материалистическая повестка выражается в фокусе на «материально-семиотическом акторе». Семиотический анализ и АСТ позволяют найти в текстах материальных акторов, инкорпорированных в личность в качестве плагинов или в группу в качестве диспозитивов.

Исследовательская стратегия социологов АСТ применена нами в исследовании эмпирического материала по следующим направлениям: поиск разногласий и намеренная дестабилизация устоев за счет сомнения и провокационных вопросов; анализ языка, текстов, мотиваций акторов; использование принципов этнометодологии; релятивистское соотнесение систем координат при интерпретации; картография разногласий, отношений, сетей в рамках плоской онтологии в 2D-формате.

Выстроен 7-этапный метод пересборки групп, апробированный в ходе анализа интервью с представителями исследуемых дискурсивных групп: локализация нарушения границ группы посредством дифференциации «свои–чужие»; нахождение агитатора; выявление маркеров постоянного переопределения границ участниками; фиксация вербализируемых ценностей и целей, использованных клише и значимых для группы понятий, поиск перформативных высказываний, имеющих статус действия; визуальное картирование компетенций своей группы, когда на карту также наносятся антигруппы, не обладающие компетенциями «нашей» группы, а какими-то другими; обнаружение действий по привлечению новых ресурсов, чтобы сделать границы группы более устойчивыми; обнаружение интенций и стратегий мобилизации профессионалов с высокоспециализированным оснащением, определяющих, «кто они есть, кем они должны быть, кем они были»; определение значимых референтов.

Деконструированное интервью по поводу группы «Всемирный клуб петербуржцев» по 7 критериям АСТ по итогам доказало применимость метода к анализу текстов. Полученные данные деконструкции представлены в виде таблицы,

в которой отражены критерии группообразования, практики группообразования, реконструированные non-human акторы наследия и их агентность.

В результате выявления и описания неопределенностей, контроверз, на которых фокусируется АСТ, их экстраполяции на тексты интервью и медиа, была составлена методика использования АСТ по отношению к процессу коммуникации, а необходимые параметры интегрированы в концептуальную модель коммуникации. По данной модели проанализированы как структурные составляющие идентичности людей, так и диспозитивы, структурные составляющие в основе дискурсов, групп, в исследуемых кейсах.

Выводы по апробации метода, интеграции акторов в структуры идентичности и дискурсов таковы, что мы последовательно:

- 1) апробировали возможное конструирование идентичности с использованием материальных акторов в дискурсе;
- 2) прояснили эмерджентные эффекты каждого этапа коммуникации;
- 3) разработали практический метод анализа медиатекстов;
- 4) позиционировали методику в политике и управлении города посредством выполнения социального проекта.

Интервью с экспертами по поводу концептуальной модели квалифицировали нашу методику как релевантную целям политики городской идентичности, которая имеет потенциал совершенствования государственного управления и повышения его эффективности посредством структурно-обновленной коммуникации с участием акторов сети; совершенствования социальной политики города и государства; развития интерпретирующего потенциала гуманитарных наук.

Совершенствование городского управления возможно при сетевой реконструкции ценностей и запросов всех участников городской жизни, при этом наследие рассматривается управленцами как участник и гарант городской идентичности. Тем самым, непротиворечивая теория преодоления кризисов идентичности позволяет сделать сетевое управление рефлексивным и чутко реагирующим на новые вызовы.

Социальный подход АСТ к наследию и его дискурсам позволяет ввести принцип симметрии и инклюзии, экологическую повестку, осмыслив сетевое участие как реализацию ценностей равенства, устойчивого развития и сохранения природного и культурного наследия как наиболее общей среды, в которой вырабатываются новые ценности. Такое ценностное производство будет способствовать социальной реализации граждан, увеличению их культурного участия в жизни города, включая открытие новых режимов эмоциональной вовлеченности и маркирования предпочтительных мест городской жизни.

Историко-культурное наследие, гарант городской идентичности, рассматривается как предпосылка развития города, вовлекающего множество участников, а следовательно, предохраняющего от кризисов экономического роста путем обеспечения равномерного и продуктивного распределения интеллектуальной, эмоциональной, нравственной и духовной жизни, с постоянным ростом интереса к инструментам ее совершенствования. К этим инструментам относятся и полученные практические рекомендации на основе научных исследований.

Соединив акторно-сетевой метод как часть онтологического подхода и дискурсивный анализ, был реконструирован дискурс о наследии Санкт-Петербурга, составлена карта плоского гибридного объекта, включающего акторов, участвующих в дискурсе наследия.

Понимание наследия как ключевого агента сборки дискурсивных и недискурсивных практик городской идентичности стало возможно при применении оптики и инструментов АСТ. Перечислим инструменты метода АСТ, результативные для изучения и конструирования городской идентичности в дискурсе культурного наследия.

1. Групповая идентичность конструируется, ведется постоянная работа внутри групп, чтобы транслировать непротиворечивую идентичность (7 критериев группообразования применимы для анализа интервью и медиатекстов для реконструкции групповой идентичности; остальные принципы АСТ интегрированы в диспозитивы дискурсов, которые разворачиваются как нарративы

по аналогии с разработанной концептуальной моделью конструирования идентичности в коммуникации).

2. В процесс действия вовлекаются материальные и нематериальные акторы, отклоняющие действие от цели и усложняющие процесс его реализации. На уровне индивида речь идет о когнитивных искажениях, плагиатах и мотиваторах на втором этапе концептуальной модели, на уровне групп – движение к цели поддерживается ценностями, которые определяют выбор языка, необходимых компетенций, доминирующего аффекта, однако предпринимаемое действие не может быть совершено без учета действующих в поле сил.

3. Агентность вещи становится заметной при определенных условиях. На социальном уровне, когда возникает дисбаланс сил, ресурсов и переживается кризис, то необходимо искать неявных агентов воздействия. Нужно подчеркнуть, что не фигуративный агент, актант, может иметь агентность претерпевания. Такой агент становится заметен в ситуациях: поломки и разрушения; инновации и изменения; действия невежественных пользователей, вандалов; возвращения и реконструкции через архивы, музеи в случае утери целостности; работы памяти посредством ресурсов воображения, коммеморации и художественных практик в случае физического исчезновения.

4. Создание новых проектов происходит во взаимодействии с нечеловеческими акторами, которые влияют на результат. Наш образовательный проект подразумевал взаимодействие с техникой, залами и экспонатами Эрмитажа, парками и улицами города. Также мы планируем в будущих исследованиях взаимодействовать с искусственным интеллектом, обучая его концептуальной модели и диспозитивному анализу дискурсов в медиа и социальных сетях.

5. Тексты фиксируют на каком-то этапе сборку исследования или любой другой социальной активности и показывают связи между акторами. Хороший с точки зрения АСТ отчет – это нарратив, или описание, или высказывание, в котором все акторы «не сидят сложа руки, а что-то делают». Так, на карте гибридного объекта стрелочками показаны отношения между группами на основе сходства одного или нескольких элементов диспозитивов. Согласно АСТ, текст,

описывающий неопределенности и разногласия акторов является отчетом, который конструирует и фиксирует сборку, которая иначе бы продолжала разрастаться акторами и нюансами дискуссионных реалий. Взгляд АСТ на хороший исследовательский текст заключается в том, что в тексте должно быть представлено наибольшее количество материальных акторов и их функций в сборке.

Материальное наследие является материальным и социальным актором и агентом, поскольку своими аффордансами влияет на идентичность города и горожан. В ходе исследования были найдены характеристики и аффордансы материального наследия, главного актора нашей сборки: нехватка ресурсов для сохранения и реставрации; отсутствие последовательного плана управления; необходимость переориентации туристических потоков, поскольку наблюдается износ территорий и объектов популярных дестинаций; необходимость усовершенствования законодательства и повышения мер наказания за причинение вреда наследию; проблемы экологии и окружающей среды: геологические и экологические аспекты почвы Санкт-Петербурга и Ленинградской области; плесень, грибок, оседание грунта, влажность, подземные воды, теплосети, ветры и ураганы; животные, птицы, насекомые, флора; наводнения, загрязнение, руинизация и захват природой руин; подводное культурное наследие; геопарки; названия и переименование; необходимость подготовки документации по включению новых объектов наследия; необходимость оптимизации политики нематериального культурного наследия, поскольку наблюдается снижение интереса к наследию и истории, отсутствует достаточная пропаганда и популяризация.

Решение данных проблем главного актора сборки посредством разработки стратегий и тактик поможет укрепить городскую идентичность. Такие практики можно рекомендовать как практики городской идентичности в дискурсе культурного наследия Санкт-Петербурга. Таким образом, наследие становится особенно агентным при ветшании и разрушении, когда видна тенденция к руинизации, против которой восстают почти все группы и акторы нашей сборки, кроме некоторых художников.

Традиционные критерии петербургской городской идентичности связаны с наследием символически: символика, ритуалы, праздники, практики досуга, особенности местности и климата, отличия в практиках и языке, историческая визуальная перспектива, визуально привычные архитектурные ансамбли, регулярная застройка, единство композиции, силуэт, небесная линия с определенными доминантами, феномен «Петербургского текста».

Социальные факторы материального наследия могут быть усилены в медиадискурсе благодаря взаимному контролю антагонистических групп. Применение перечисленных пяти инструментов деконструкции дискурса АСТ позволило создать непротиворечивую модель конструирования идентичности индивидов и групп. Дискурсивные группы реагируют на проблемы наследия, предлагая свои варианты решений. Представим дискурсы с их концепциями, изображенные на диаграмме рассеивания, попарно, между которыми есть признание соответствия стратегий. Дискурс государства и правительства, представленный в стратегии развития города, занимает позицию на графике посередине, поскольку обращен к развитию города и сохранению наследия одновременно. Остальные дискурсы тяготеют к тому или другому полюсу.

Дискурс сохранения наследия / КГИОП против сноса исторических зданий и за сохранение неизменного вида города с его ландшафтными и пространственными характеристиками. Дискурс ЮНЕСКО / Требования соответствия международным стандартам и правилам сохранения объектов Всемирного культурного наследия.

Дискурс бизнеса, строителей, городского развития / Направлен на развитие районов для пользы жителей, предложения и демонстрация экономических преимуществ. Дискурс обременения / Ограничения и ответственность, накладываемые наследием, например, на арендаторов и жителей центра.

Дискурс градозащитников / Наиболее радикальный, политизированный, активный; выступает за сохранение наследия. Дискурс журналистов / Сохранение наследия и против его разрушения.

Дискурс «креативного города» и «креативного класса» / Продвигает идеи креативности, проекты устойчивого развития города, актуализируя дискурс о

креативных индустриях, пространствах и новых креативных специальностях. Дискурс молодых горожан поколения Z / Предлагает современные цифровые формы выражения, кооперации и активности: краудсорсинг, флешмобы, дискуссии в социальных сетях, блоги с молодежной интерпретацией города, наследия и досуговых практик.

Дискурс архитектурного производства и экспертизы / Здесь компетентные в архитектуре акторы интерпретируют места и назначение зданий, разрабатывают проекты восстановления исторических локаций и преобразования существующего пространства. Дискурс вещей и наследия как такового / Говорит через экспертов, историков и хранителей, которые представляют интересы того или иного объекта, здания или локации. Настаивает на сохранении кода города, вещи в контексте, так как объект стабилен только в своем окружении.

Диспозитивы, из которых состоят дискурсы перечисленных групп, представляют собой этапы движения к цели или пониманию миссии существования групп: среда, действия, компетенции, цели / ценности, предположения, концепции / невербальность, эмоции, идентичность. Групповая идентичность может представляться невербально, эмоционально с использованием стратегически выбранного аффекта, вербально и перформативно. Эти 10 элементов рассматривались нами в разных комбинациях, например, обозначенные слешем — это параметры, предложенные разными научными источниками. Также 10 элементов соотносятся с 4 этапами концептуальной схемы, в которую они интегрированы. Еще мы классифицировали эти 10 элементов на практический, когнитивный и аффективный регистры.

Было выявлено, что причины антагонизма групп общественности по отношению к сохранению наследия с учетом особенностей артикуляции дискурса и диспозитивов групп лежат в сфере целей и ценностей, к которым привлекаются остальные диспозитивы. На карте сборки группы с похожими целями и ценностями были соединены векторами.

Установлено, что необходима детальная разработка городской политики и политик идентичности как коммуникативных стратегий групп общественности с

учетом материальных акторов, и на основе знания проблем наследия, истории, культуры, экологической и природной среды, устойчивом развитии города после антропоцена. Таким образом, был сделан вывод о том, что инструмент конструирования идентичности в виде концептуальной модели и диспозитивного анализа дискурса должен использоваться как средство для достижения политической цели управления городом в рамках стратегии развития города, образования и воспитания, эффективность которых была доказана в рамках реализации воспитательно-образовательного проекта в межрегиональном фестивале «Миссия – сохранить». В двадцати видеороликах были актуализированы этапы концептуальной модели построения городской идентичности с участием акторов наследия. Целью развития человеческого капитала, согласно стратегии развития Санкт-Петербурга, является обеспечение гармоничного развития личности на основе культурного и исторического наследия Санкт-Петербурга. Городская идентичность в управлении понимается как одна из граней личности, существующей в синхроническом и диахроническом единстве. Акторно-сетевая теория внутри концептуальной модели позволяет исследовать синхронический аспект городской идентичности, выделять сети и переводы, трансформацию знания и практик в текущем моменте контакта со средой, рассматривая коммуникацию как процесс, как разворачивающийся нарратив, требующий фокусирования на этапах, замечая агентность всех вовлеченных нечеловеческих акторов, и фиксации полученного опыта и соответственно укрепления идентичности для эффективного управления в рамках политики городской идентичности в дискурсе культурного наследия Санкт-Петербурга.

Эксперты указали, что понимание взаимосвязи между составляющими город акторами, представленными в нашем гибридном объекте, которые обладают агентностью, коммуницируют и действуют посредством своих аффордансов, имеет значение для корректирования политик городской идентичности групп общественности в дискурсе культурного наследия. Понимание взаимодействия между акторами города и их коммуникативными процессами позволяет эффективно разрабатывать городскую политику и политики городской

идентичности, понимаемые как коммуникативные стратегии, внутри дискурса культурного наследия.

Политики городской идентичности осмысливаются так же, как артикуляции антагонистических дискурсов вокруг наследия и как конструирование знания-памяти. Константой такой памяти признается коммеморация как базовая социальная практика, способ, с помощью которого укрепляется и передается память о прошлом. Практики индивидуальной и коллективной коммеморации были исследованы, согласно разработанной концептуальной модели коммуникации, в полуструктурированных интервью с горожанами и экспертами. Был выявлен эмерджентный эффект при использовании концептуальной модели для изучения практик памяти и коммеморации, когда интегрированный опыт взаимодействия делается ретроспективным для того, чтобы на следующем новом витке коммуникации стать опорой дальнейших порядков взаимодействия, сформировать ценное знание и воспроизводить его в новом взаимодействии со средой.

Разработанный нами метод имеет практическое прикладное значение: анализ медиатекстов также должен быть проведен с учетом действующих акторов и актантов на разных этапах коммуникационной концептуальной модели. Акторно-сетевая теория, выбранная для решения кризиса городской идентичности и кризиса отношения к наследию города, интегрированная в концептуальную модель, оказалась также пригодной в качестве инструмента анализа медиатекстов. Следовательно, модель продемонстрировала, как акторы и актанты могут быть реконструированы из текста и как они взаимодействует и стабилизируют значимые локусы для воспроизводства картин мира и коммеморации.

Таким образом, эксперты и научная апробация теоретических и практических результатов исследования подтвердили обоснованность процесса разработки и применения концептуальной коммуникативной модели с элементами АСТ для политики городской идентичности в дискурсе культурного наследия города.

Было выявлено отсутствие четко разработанной нормативной базы как для регуляции сохранения наследия, так и для продуктивной включенности горожан в

управление городом, что вызывает антагонизм дискурсов вовлеченных групп общественности.

Эмпирический и проектный материал исследования показал недостаточную развитость воспитательных и идеологических методов конструирования идентичности в медиатекстах для привития и актуализации городской идентичности молодежи. Позитивный опыт реализации нашего образовательного проекта с интегрированной в видеосюжеты модели конструирования идентичности показывает возможность корректировки данного недостатка посредством использования разработанной методики, модели, которую можно реализовать в медианарративах и коммуникационных проектах в социальных сетях, востребованных молодежью.

Отсутствие диалога и антагонизм дискурсивных групп общественности в вопросе сохранения наследия, в том числе как основы для построения городской идентичности, могут быть преодолены посредством диспозитивного анализа по предложенной схеме, которая коррелирует с концептуальной моделью, выявляя основные дискурсивные драйверы и коммуникативные стратегии, которые лежат в области целей и ценностей дискурсов. Следует предоставить необходимую глубокую, конкретную разработку диспозитивов, чтобы точнее идентифицировать пункты проблемы и разногласий, в результате чего мы получим выверенные элементы диспозитивов и потенциальные возможности для диалога, консенсуса или агонизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамалова, Л. Гипер-Хаос vs Материя-в-процессе-материализации: к онтологиям Квентина Мейясу и Карен Барад; Писарев А. А. Сети, плоскости, материя: об употреблении плоских социальных онтологий / Л. Агамалова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 1. – С. 144-157.
2. Агафонова, А. Г. Реструктуризация социального пространства локальной территории большого города: на примере Канонерского острова Санкт-Петербурга: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Агафонова Анна Геннадьевна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2016. – 200 с.
3. Адизес, И. Управление жизненным циклом корпорации / И. Адизес; [пер. с англ. В. Кузин]. – М. [и др.]: Питер, 2011. – 383 с.
4. Александров, А. А. Полифоническая концепция сознания Михаила Бахтина в ее значении для аналитико-катартической терапии / А. А. Александров // Вестник психотерапии. – 2021. – № 79 (84). – С. 7-23.
5. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 286 с.
6. Андерсон, Б. Национализм, идентичность и логика серийности / Б. Андерсон // Логос. – 2006. – № 2 (58). – С. 69.
7. Андреева, Г. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций / Г. Андреева // Психологические исследования. – 2011. – Т. 4, № 20. – С. 1-12.
8. Аникина, М. Е. Социальные сети и мессенджеры как канал коммуникации для журналистов: опыт эмпирического исследования / М. Е. Аникина // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. – Москва, 2022. – С. 79-84.

9. Анциферов, Н. Душа Петербурга / Н. Анциферов. – М.: Бертельсманн Медиа Москау (БММ), 2014. – 397 с.
10. Асташова, О. И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа / О. И. Асташова // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 120-133.
11. Байчик, А. В. Массмедийное пространство ценностного конфликта: в 2-х т.: диссертация ... доктора политических наук: 5.9.9. / Байчик Анна Витальевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»]. – Санкт-Петербург, 2022. – 1058 с.
12. Балаян, А. А. Акторно-сетевая теория в контексте дискуссий об идеологии и политической онтологии / А. А. Балаян, Л. В. Томин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 88-94.
13. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт; Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 615 с.
14. Басина, Н. Э. Театр и гештальт / Н. Э. Басина. Екатеринбург, 2005.
15. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
16. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249-298.
17. Бахтин, М. М. Эпос и роман / М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 300 с. – ISBN 5-267-00273-9.
18. Бейтсон, Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон; пер. с англ. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.
19. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. Монография / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

20. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания / П. Бергер, Томас Лукман. – М.: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с. – ISBN 5-85691-036-2.
21. Бернс, Р. Что такое Я-концепция. Психология самосознания / Р. Бернс. – Самара: Бахрах-М, 2003.
22. Бертон, Л. «Моя нога-гигантская шпилька»: мода и протезированное тело / Л. Бертон, Я. Мелкумова-Рейнольдс // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2021. – № 2. – С. 197-222.
23. Благодарственное письмо КГИОП [Электронный ресурс] // Правительство Санкт-Петербурга. – 2021. – Режим доступа: https://ranerap-my.sharepoint.com/:i:/g/personal/sosnovskaya-am_ranera_ru/EYU1H_-Yqci9Mh1IeQ83SeOcBvR0xuHgN7XXWWepMWuSIOg?e=USSLSe.
24. Бланшо, М. «Утраченный» аффект психоанализа [Электронный ресурс] / М. Бланшо. – Режим доступа: <http://psyagora.narod.ru/affect.doc>;
25. Блинов, Е. Пером и штыком / Е. Блинов. – М.: Высшая школа экономики, 2022. – 308 с.
26. Блохин, И. Н. Личность в пространстве массовой коммуникации: начала ролевого анализа / И. Н. Блохин. – СПб.: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Сциентиа», 2016. – 357 с.
27. Блохин, И. Н. Мультимедийность в формировании медиаидентичности / И. Н. Блохин // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. – 2016. – № 1. – С. 34-43.
28. Болотова, А. К. Психология коммуникаций / А. К. Болотова, Ю. М. Жуков; Высш. шк. экономики нац. исслед. ун-т. – М.: Изд. Дом Высш. шк. экономики, 2015. – 494 с.
29. Бондарев, А. В. Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия / А. В. Бондарев, И. В. Леонов // Журнал интегративных исследований культуры. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 46-55.

30. Бочарников, В. Н. Феномен гештальта в парадигме социально-экономической географии / В. Н. Бочарников // Астраханский вестник экологического образования. – 2012. – № 3. – С. 54-63.
31. Брайдогги, Р. Постчеловек / Р. Брайдогги. – М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 401 с. – ISBN 978-5-93255-619-1.
32. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер; отв. ред. П. С. Гуревич, С. Я. Левит. – М.: Высшая школа, 1993. – 174 с.
33. Бурдьё, П. Начала: Сборник: [Пер. с фр.] / П. Бурдьё. – М.: Socio-Logos: Фирма «Адапт», 1994. – 287 с.
34. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
35. Вайсман, Д. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / Д. Вайсман; перевод с английского Николая Эдельмана под научной редакцией Софьи Шукиной. – М.: Дело, 2022. – 300 с.
36. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. Ван Дейк; [пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин]. – М.: URSS, 2013. – 344 с.
37. Вартанова, Е. Л. Медиаграмотность как условие преодоления цифрового неравенства в Российской Федерации / Е. Л. Вартанова, О. Ю. Вихрова, Э. В. Самородова // Медиаскоп. – 2021. – № 1. – С. 1.
38. Васильева, К. В. Быть петербуржцем: визуальный контент и неформальные символы города (На примере социальной сети Instagram) / К. В. Васильева, А. А. Пучковская // Labyrinth. Теории и практики культуры. – 2020. – № 4. – С. 5-15.
39. Васильева, П. В. Музыка Петербурга – взгляд молодежи / П. В. Васильева, А. М. Сосновская // Вестник. Зодчий. 21 век. – 2018. – № 1 (66). – С. 118-119.

40. Вахштайн, В. С. Воображая город: введение в теорию концептуализации / В. С. Вахштайн. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 572 с.
41. Вахштайн, В. С. Город как ассамбляж: к теории гетерополиса / В. Вахштайн // Социология власти. – 2021. – Т. 33, № 4. – С. 35-54.
42. Вахштайн, В. С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2003. – № 4. – С. 104-118.
43. Вендина, О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей / О. И. Вендина // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2015. – № 5. – С. 27-39.
44. Веретин, А. И. GR-отношения на примере проектов по патриотическому воспитанию / А. И. Веретин, А. М. Сосновская // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. – 2012. – Т. 3, № 1 (5). – С. 480-488.
45. Ветошкина, М. А. К вопросу о возможности применения гештальт-модели «цикл контакта» в деятельности учителя / М. А. Ветошкина // Интеллектуальный потенциал человека в системе современных научно-образовательных процессов. – Томск, 2020. – С. 137-141.
46. Власова, О. А. М. Мерло-Понти и Л. Бинсвангер: феноменология опыта / О. А. Власова // Хора. – 2008. – № 3. – С. 21.
47. Власова, О. Г. Психологическая защита как средство личностного развития студентов: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.07 / Власова Оксана Георгиевна. – Ставрополь, 1998. – 179 с.
48. Водак, Р. Взаимосвязь «Дискурс общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Р. Водак // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – С. 107-116.
49. Волков, В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.

50. Вологина, Е. В. Возможности средств массовой информации по стабилизации общественных процессов: институциональный и феноменологический аспекты проблемы / Е. В. Вологина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 165-174;
51. Володенков, С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02 / Володенков Сергей Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2015. – 441 с.
52. Володина, А. В. Делезианская теория аффекта: Эстетическая проблематика / А. В. Володина // Культура и искусство. – 2019. – № 12. – С. 35-45.
53. Воронкова, М. А. Особенности политического режима в современной России: сравнительно-правовой анализ / М. А. Воронкова // Глобус. – 2020. – № 3 (49). – С. 46-49.
54. Всемирное наследие: международные документы [Электронный ресурс] // КГИОП. – Режим доступа: <https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/nasledie/vsemirnoe-nasledie-mezhdunarodnye-dokumenty>
55. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М.: Смысл, 2006. – 1134 с.
56. Выготский, Л. С. Умственное развитие детей в процессе обучения. – Рипол Классик, 2013. – 135 с.
57. Гавра, Д. П. Понятие и характеристики коммуникационной стратегии / Д. П. Гавра // Российская школа связей с общественностью. – 2019. – № 15. – С. 65-78.
58. Гавра, Д. П. Стратегическая кризисная коммуникация: базовые характеристики и интегративное воплощение / Д. П. Гавра, Е. В. Быкова // Век информации. – 2016. – № 2. – С. 122-125.
59. Гарфинкель, Г. Что такое этнометодология? / Г. Гарфинкель, А. Корбут // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3, № 4. – С. 3-25.
60. Гештальт-терапия в клинической практике: от психопатологии к эстетике контакта / под редакцией Джанни Франчесетти, Микелы Джечеле и Яна

Рубала; предисловие к английскому изданию Лесли Гринберга; научная редакция перевода на русский язык О. В. Немиринского и О. С. Поддъяковой. – М.: Ин-т общегуманитарных исслед.: МИГТиК, 2016. – 677 с.

61. Гигаури, Д. И. «Город над вольной Невой»: развитие территории и новая идентичность жителей Санкт-Петербурга / Д. И. Гигаури // Город. Среда. Политика. Сборник материалов научно-практической конференции / Под ред. Л. А. Гайнутдиновой и М. В. Невзорова. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 62-65.

62. Гигаури, Д. И. Символическая политика в социокультурном пространстве города (на примере г. Санкт-Петербурга) / Д. И. Гигаури // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 16. – С. 136-139.

63. Гингер, С. Гештальт-терапия контакта / С. Гингер, А. Гингер; Вост.-европ. гештальт ин-т. С.-Петерб. ин-т гештальта; [Пер. с фр. Е. В. Просветиной]. – СПб.: Спец. лит., 1999. – 286 с.

64. Гингер, С. Практическое пособие для психотерапевтов / С. Гингер, А. Гингер; [пер. с фр. Л. Гинар]. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2014. – 238 с.

65. Гицай, С. Гештальт-терапия: функции «self» и их нарушения [Электронный ресурс] / С. Гицай // Сайт психологов. – Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/326791/>

66. Глухова, А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) / А. В. Глухова, А. И. Кольба, А. В. Соколов // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 239-252.

67. Голенко, В. В. Научный Петербург. Взгляд молодежи / В. В. Голенко, В. Н. Киселев, А. М. Сосновская // Управленческое консультирование. – 2017. – № 2 (98). – С. 65-77.

68. Головнева, Е. В. Формы дискурсивной репрезентации городской идентичности / Е. В. Головнева // Социология власти. – 2014. – № 2. – С. 56-64.

69. Горнова, Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография / Г. В. Горнова. – Омск: Амфора, 2019. – 166 с.

70. Городнова, М. Ю. Гештальт-терапия: феноменологический подход в лечении пограничного опыта у подростков / Городнова М. Ю., Коломиец И. Л. // Главный редактор. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 63.
71. Горшков, М. К. Прикладная социология: методология / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – 402 с.
72. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. Р. Е. Бумагина. – М.: Ин-т социологии РАН : Ин-т Фонда “Обществ. мнение”, 2003. – 750 с.
73. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. А. Д. Ковалева; Ин-т социологии РАН [и др.]. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 302 с.
74. Греймас, А. Ж. О несовершенстве / А. Ж. Греймас; пер с франц., предисл., коммент. И. Г. Меркуловой. – М. Интеграция: Образование и Наука; ГАУГН–Пресс, 2022. – 96 с.
75. Гришаева, Е. И. Идентичность как незавершенный проект: концепция идентичности в дискурс-анализе (Лакло и Муфф) / Е. И. Гришаева // Философские традиции и современность. – 2016. – № 2. – С. 53-56.
76. Гришанина, А. Н. Вопросы методики и методологии исследования медиатекстов о сохранении культурного наследия / А. Н. Гришанина // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы X Международной научной конференции, Чита, 24–25 ноября 2017 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. – С. 154-156.
77. Гройсман, А. Л. Психология успешности профессионального обучения и творческой деятельности актера / А. Л. Гройсман. – М.: Когито-Центр, 2007. – 141 с.
78. Громова, В. М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Громова Венера Мирзануровна; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. – Ижевск, 2007. – 18 с.

79. Группа «Живем на Васильевском/Васильевский остров. Голос Василеостровского района» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/vasilyevskiyostrov>
80. Дейк, ван Т. А. Расизм и язык / Т. А. ван Дейк. – М.: ИНИОН, 1989. – 75 с.
81. Демидова, Т. А. Цикл контакта в гештальт терапии / Т. А. Демидова // Таврический журнал психиатрии. – 2015. – Т. 19, № 1 (70). – С. 46-54.
82. Демьянова, А. В. Ценностно-смысловые модели подростковых журналов / А. В. Демьянова // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия. – Москва, 2022. – С. 328-330.
83. Дженкинс, Г. Конвергентная культура: столкновение старых и новых медиа / Г. Дженкинс; пер. с англ. А. Гасилина. – М.: РИПОЛ классик; Санкт-Петербург: Панглосс, 2019. – 381 с.
84. Дзялошинский, И. М. Медиапространство России: сущность и основные характеристики / И. М. Дзялошинский // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: материалы международной научно-практической конференции. – Москва, 2013. – С. 330-346.
85. Дзялошинский, И. М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций / И. М. Дзялошинский. – Челябинск, 2020. – 551 с.
86. Дуткевич, П. Страх как политика / П. Дуткевич, Д. Б. Казаринова // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 8-21.
87. Дюметц, Ж. Кросс-культурная коммуникация / Ж. Дюметц, А. М. Сосновская // Управленческое консультирование. – 2013. – № 8 (56). – С. 83-90.
88. Дюркгейм, Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; [пер. с фр., состав., вступ. ст. и примеч. А. Гофмана]; Гос. ун-т-Высш. шк. экономики, Центр фундаментальной социологии. – М.: Терра-Книжный клуб, 1995. – 399 с.

89. Дягилева, Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов: опыт, проблемы, перспективы.— Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 54-59.
90. Евстифеев, Р. В. Городские локальные идентичности и потенциал политической солидаризации / Р. В. Евстифеев, И. В. Задорин, П. Л. Крупкин [и др.] // Символическая политика. – 2016. – № 4. – С. 245-258.
91. Евстифеев, Р. В. Кризис идентичности как политический вызов XXI века: теоретические подходы к изучению, оценкам и пониманию / Р. В. Евстифеев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 108-121.
92. Евстифеев, Р. В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики / Р. В. Евстифеев // Философские науки. – 2016. – № 1. – С. 88-95.
93. Енина, Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л. В. Енина // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6. – С. 159-167.
94. Ерофеева, И. В. Концепт «Власть» в медиадискурсе: дихотомия репрезентации / И. В. Ерофеева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 167-171.
95. Ерофеева, М. А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия / М. А. Ерофеева // Социология власти. – 2015. – № 1. – С. 17-36.
96. Ерофеева, М. О возможности акторно-сетевой теории действия / М. Ерофеева // Социология власти. – 2015. – Т. 27, № 4. – С. 51-71.
97. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек – М.: Художественный журнал, 1999. – 237 с.
98. Жижек, С. Воля к незнанию / С. Жижек // Logos Journal. – 2021. – Т. 31, № 2. – С. 63-78.
99. Журавлев, А. Л. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах / А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37, № 2. – С. 19-28.

100. Загидуллина, М. В. Медиатизация мобильных коммуникаций (акторно-сетевой подход) / М. В. Загидуллина // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 5. – С. 80-81.

101. Замятин, Д. Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы / Д. Н. Замятин // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 11-23.

102. Зейгарник, Б. В. Понятия квазипотребности и психологического поля в теории К. Левина / Б. В. Зейгарник // Теория личности К. Левина / Б. В. Зейгарник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 18-32.

103. Зейгарник, Б. В. Теория личности Курта Левина / Б. В. Зейгарник. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 117 с.

104. Зенин, К. А. Политическое регулирование в современном обществе: проблемы, факторы, перспективы / К. А. Зенин // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 2 (239). – С. 95-101.

105. Зубова, Е. П. Научная рефлексия контакта между терапевтом и клиентом с помощью речевых интенций: двустороннее движение от практики гештальт-терапии к гештальт-психологии / Е. П. Зубова, Е. И. Кириллова // Психология. Социология. Педагогика. – 2013. – № 9. – С. 6-13.

106. Зукин, Ш. Культуры городов / Ш. Зукин. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с.

107. Иванова, Е. Л. В фокусе внимания психотерапевта и клиента – взаимопонимание / Е. Л. Иванова // Russian Psychotherapy and Psychology. – Moscow, 2020. – С. 60-69.

108. Иванян, Р. Г. Обучение в рамках неформального образования: использование гештальт-теории и теории систем / Р. Г. Иванян, А. М. Сосновская // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2018. – Т. 1. – С. 351-354.

109. Идентичность: личность, общество, политика / И. С. Семененко, К. Г. Холодковский, О. В. Попова; ответственный редактор член-корреспондент РАН И. С. Семененко; Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук. – М.: Весь Мир, 2017. – 987 с.

110. ИКОМОС [Электронный ресурс]: веб-сайт. – Режим доступа: <http://icomos-spb.ru/icomos-spb>

111. Ильясов, Ф. Н. Алгоритмы формирования выборки социологического опроса / Ф. Н. Ильясов // Социальные исследования. – 2017. – № 2. – С. 60-75.

112. Ингольд, Т. Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов / Т. Ингольд // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – № 2. – С. 31-49.

113. Иохим, А. Н. Дискурс и борьба за власть: к вопросу о политической роли языка / А. Н. Иохим // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 9. – С. 115-117.

114. Исторический слой/исчезнувший объект в городе Санкт-Петербург [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <http://wikimapia.org/city/saintpetersburg/tag/45694/2>

115. Йоргенсен, М. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л. Филлипс. – Х.: Изд-во “Гуманитарный Центр”, 2008. – 352 с.

116. Казаринова, Д. Б. Эволюция понятия «культурная война» в западной политической мысли / Д. Б. Казаринова // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021 / Российская Ассоциация политической науки; Томский государственный университет. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. – С. 333-349.

117. Калашников, В. Г. Метод контекстного анализа в методологии контекстного подхода / В. Г. Калашников // Педагогика и психология образования. – 2018. – № 2. – С. 48-61.

118. Калашникова, С. К. Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона / С. К. Калашникова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 505-517.

119. Капустин, Б. Г. Цивилизация блефа / Б. Г. Капустин // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 3. – С. 82-85.

120. Кнорр Цетина, К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания / К. Кнорр Цетина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5, № 1. – С. 101-124.

121. Катерный, И. В. Категориальное поле постгуманизма как теории и практики новой социальности / И. В. Катерный // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 года) / Отв. редактор В. А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 86-94.

122. Каткова, А. Стратегии использования социальных сетей органами государственной власти для диалога с населением на примере Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) [Электронный ресурс] / А. Каткова, А. Сосновская // SSRN – 2021. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3772867>.

123. Киселев, В. Н. Модели взаимодействия государства и бизнеса: привлечение краудсорсинга / В. Н. Киселев, А. М. Сосновская // Управленческое консультирование. – 2014. – № 11 (71). – С. 91-97.

124. Киселев, В. Н. Эффективная коммуникация в медиасфере: построение культурной идентичности / В. Н. Киселев, А. М. Сосновская, А. А. Старцев // Управленческое консультирование. – 2016. – № 5 (89). – С. 120-128.

125. Клюев, Ю. В. Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы) / Ю. В. Клюев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2013. – № 1. – С. 207-217.

126. Князева, Е. Н. Идея эмерджентной эволюции в воззрениях Э. Морена, И. Стенгерс и Ж. де Роснэ / Е. Н. Князева // *Философские науки*. – 2011. – № 9. – С. 99-115.

127. Кожев, А. Источник права: антропогенное желание признания как источник идеи справедливости / А. Кожев // *Вопросы философии*. – 2002. – № 12. – С. 154-166.

128. Кожемякин, Е. А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пеше) / Е. А. Кожемякин // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. – 2008. – Т. 3, № 4 (44). – С. 5-17.

129. Козырева, Л. Д. Поколение Z в политике: политологический прогноз / Л. Д. Козырева // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. – 2019. – № 3. – С. 159-165.

130. Колесниченко, А. В. Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура / А. В. Колесниченко, А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина [и др.] // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. – 2017. – № 5. – С. 51-71.

131. Коломиец, В. П. Массовая коммуникация в дискурсе отечественных социологов (1960-е–1980-е гг.) / В. П. Коломиец // *Социологические исследования*. – 2018. – № 10. – С. 100-111.

132. Коломиец, Н. В. Идентичность личности в контексте транзитивности традиционной культуры к постмодернистской цивилизации / Н. В. Коломиец, Т. И. Мозговая // *Global European area: integration problems within the framework of cross cultural communication*. – Ростов-на-Дону, 2017. – С. 125-130.

133. Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: коллективная монография / В. А. Ачкасова [и др.]; науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 245 с.

134. Корконосенко, С. Г. Журналистика в модусе культуры: институциональный взгляд / С. Г. Корконосенко, М. А. Воскресенская // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 4. – С. 108-119.
135. Корконосенко, С. Г. Теория журналистики: от схематизма к реализму / С. Г. Корконосенко // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – Т. 5, № 4. – С. 536-545.
136. Корнев, В. Н. Категория «признание» в теории международного и российского права / В. Н. Корнев // Российское правосудие. – 2010. – № 6 (50). – С. 39-48.
137. Костюшев, В. В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) / В. В. Костюшев // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 4. – С. 144-157.
138. Кривых, Е. «Поколение Z»: этические ценности в проблемном поле цифровизации культуры / Е. Кривых // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – №7 (99). – С. 28-32.
139. Кристева, Ю. К. Семиотика: исследования по семанализу / Ю. К. Кристева. – М.: Академический Проект, 2013. – 285 с.
140. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
141. Кузнецов, А. Метод Латура: семиотика между литературой и наукой / А. Кузнецов // Философско-литературный журнал «Логос». – 2018. – № 5 (126). – С. 85-112.
142. Кутковая, К. С. Нарратив в исследовании идентичности / К. С. Кутковая // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4 (16). – С. 23-33.
143. Кучинский, Г. М. Феноменологическая психология Э. Гуссерля / Г. М. Кучинский // Психологический журнал. – 2010. – № 1 (25). – С. 14-25.
144. Лакан, Ж. Семинары. Изнанка психоанализа (1969-1970) / Ж. Лакан; в ред. Жака-Алэна Миллер; [пер. с фр.: М. Титовой, А. Черноглазова]. – М.: Гнозис: Логос, 2008. – 266 с.

145. Лакан, Ж. Семинары. Книга 10. Тревога / Ж. Лакан; пер. с фр.: А. Черноглазова. – М.: Гнозис: Логос, 2010. – 424 с.
146. Ласая, Е. В. Восстановление способностей: гештальт-подход в психотерапии депрессии / Е. В. Ласая // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2011. – № 1. – С. 111-117.
147. Латкин, Г. Б. Стратегическое управление как инструмент обеспечения устойчивого развития строительных компаний / Г. Б. Латкин, В. В. Жаботинский, Н. С. Алексеева // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. – 2018. – С. 247-251.
148. Латур, Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / Б. Латур // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27, № 1 (116). – С. 173-200.
149. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; пер. с англ. И. Полонской. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 381 с.
150. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин; пер. Е. Сурпина. – Санкт-Петербург: Речь, 2000. – 364 с.
151. Ливингстон, С. О медиа (тиза) ции всего / С. Ливингстон // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 146-170.
152. Лихачев, Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2006. – 546 с.
153. Ло, Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 352 с.
154. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство, 2002.
155. Лунцова, Н. Р. Функционирование СМИ в политическом процессе: На материале федеральных печатных СМИ: диссертация ... кандидата политических наук: 10.01.10 / Лунцова Наталья Ринатовна. – Екатеринбург, 2003. – 145 с.

156. Майоров, Н. В. Понятия дискурса и диспозитива в контексте медиаисследований / Н. В. Майоров // Научные ведомости. – 2015. – № 18. – С. 145-148.

157. Маклюен, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюен; пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

158. Малинова, О. Ю. Введение. Символическая политика и политика памяти / О. Ю. Малинова, А. И. Миллер // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. – 2021. – С. 7-37.

159. Малинова, О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России / О. Ю. Малинова // Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. – 2013. – № 2013. – С. 1-421.

160. Мальцева, Д. В. Донати П. Реляционная теория общества: социальная жизнь с точки зрения критического реализма / Сост. ЕА Кострова. М.: ПСТГУ, 2019. 312 с. / Д. В. Мальцева // Социологические исследования. – 2020. – № 2. – С. 169-171.

161. Малюкова, О. В. Современная аргументация: в плену у фейков / О. В. Малюкова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4, № 4. – С. 52-59.

162. Манович, Л. Язык новых медиа / Л. Манович; [перевод Дианы Кульчицкой]. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 399 с. – ISBN 978-5-91103-411-5.

163. Мансурова, В. Д. Визуальная семантика российской идентичности в цифровой медиакультуре / В. Д. Мансурова // Коммуникативная культура: история и современность. – Новосибирск, 2017. – С. 85-87.

164. Маркетинг территорий: учебник и практикум для вузов / О. Н. Жильцова [и др.]; под общей редакцией О. Н. Жильцовой. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 262 с.

165. Марков, А. В. 1980: год рождения повседневности / А. Марков. – М.: Европа, 2014. – 191 с.
166. Марков, А. В. К теории темных медиа / А. В. Марков // Артикульт. – 2022. – № 1 (45). – С. 75-84.
167. Марков, А. В. Критическая теория: 16+ / А. В. Марков. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2021. – 287 с.
168. Махинин, А. Н. Российская идентичность сегодня: проблемы и ресурсы формирования. Монография / А. Н. Махинин, М. В. Шакурова, В. С. Остапенко. – Воронеж: ВГПУ, 2022. – 188 с.
169. Мельник, Г. С. Образ будущего России в медийном дискурсе / Г. С. Мельник, Н. О. Свешникова // Коммуникации в условиях цифровой трансформации: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29–30 ноября 2021 года / Под ред. А. Д. Кривоносова. – Санкт-Петербург: «СОФИЯ», 2021. – С. 132-136.
170. Миллер, Ж. О Новом: Введение в Семинар V Жака Лакана / Ж. Миллер // Консультативная психология и психотерапия. – 2004. – Т. 12, № 3. – С. 33-78.
171. Мчедлова, М. М. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий / М. М. Мчедлова, Д. Б. Казаринова // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13-35.
172. Негашев, Д. С. Развитие инновационного потенциала строительной отрасли: проблемы и роль государственного регулирования / Д. С. Негашев // Неделя науки СПбПУ: Материалы научной конференции с международным участием. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 59-61.
173. Нигматуллина, К. Р. Ценность коммуникации в цифровом пространстве / К. Р. Нигматуллина // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 148-158.
174. Никонов С. Б. и др. Тенденции развития медиа в период финансовой конвергенции // Инновации и инвестиции. – 2022. – №. 2. – С. 116-120.
175. Ниязгулова, А. А. Философия трансгуманизма в медийном дискурсе / А. А. Ниязгулова // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 143-153.

176. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания: [Пер. с нем.] / Э. Ноэль-Нойман; [Вступ. ст. Н. Мансурова, с. 5-25]. – М.: Прогресс: Весь мир, 1996. – 351.

177. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

178. Олифирович, Н. И. Стратегия, тактика и фокусировка в работе гештальт-терапевта / Н. И. Олифирович // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2014. – № 2. – С. 2.

179. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 570 с.

180. Оришева, О. Ф. «Политическое» и «Социальное» в постмарксистской теории гегемонии / О. Ф. Оришева // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2010. – № 5. – С. 136-139.

181. Орлова, Г. Пандемия в (без)умном городе: цифровые протезы и аффордансы московской самоизоляции / Г. Орлова, Д. Моррис // Сети города: Люди. Технологии. Власть. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 114-146.

182. Островская, Е. В. Влияние гештальт-терапии на развитие личностной автономии (на примере участников группы первой ступени гештальт-терапии): выпускная квалификационная работа бакалавра: 37.03.01 / Е. В. Островская. — Красноярск: СФУ, 2016. – 87 с.

183. Пакшина, И. А. Исследование городской идентичности в интернет-сообществах (по результатам качественного анализа) / И. А. Пакшина // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 19-35.

184. Панарин, И. СМИ, пропаганда и информационные войны / И. Панарин. – М.: Поколение, 2012. – 260 с.

185. Парижская декларация о наследии как движущей силе развития [Электронный ресурс] // ИКОМОС. – Режим доступа: http://icomos-spб.ru/component/joomdoc/2011a_%20.pdf/download

186. Перлз, Ф. Опыты самопознания: Практикум по гештальт-терапии / Ф. Перлз, Р. Хефферлин, П. Гудман. – Москва, 1993. – 240 с.

187. Петербургская стратегия сохранения культурного наследия: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 01.11.2005 № 1681 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=59410#UG17uW TYB2Cp1gcu1>.

188. Писарев, А. А. Сети, плоскости, материя: об употреблении плоских социальных онтологий / А. А. Писарев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 1. – С. 144-157.

189. Писаревская, Н. С. Новые медиа и кризис идентичности личности / Н. С. Писаревская // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 3-2. – С. 192-195.

190. Плетников, В. В. Механизмы прерывания цикла контакта в теории Гештальта: пересмотр традиционных представлений / В. В. Плетников // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2019. – № 1. – С. 71-82.

191. Плющ, А. Н. Концептуализация дискурсивных практик понимания прокреации человека / А. Н. Плющ // Человек как открытая целостность. – 2022. – № 1. – С. 132-142.

192. Погодин, И. А. Классическая концепция цикла контакта в методологии гештальт-терапии / И. А. Погодин // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2011. – № 2. – С. 2.

193. Погодин, И. А. Контакт в психотерапии: инновации диалогово-феноменологического подхода / И. А. Погодин // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2014. – № 1. – С. 2.

194. Погодин, И. А. Особенности психотерапии в эпоху постмодерна: процессуальный характер / И. А. Погодин // Консультативная психология и психотерапия. – 2008. – Т. 16, № 4. – С. 179-192.

195. Погодин, И. Восстанавливая способность переживать: психотерапия психической травмы / И. Погодин // Гештальт-обзор. – 2015. – № 6. – С. 72-88.

196. Политическая журналистика: Учебник / С. Г. Корконосенко, В. А. Сидоров, З. Ф. Хубецова [и др.]. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 319 с.

197. Политическая журналистика: учебник для вузов / С. Г. Корконосенко [и др.]; под редакцией С. Г. Корконосенко. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 319 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-00255-3.

198. Попова, О. В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей / О. В. Попова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – № 4. – С. 74-91.

199. Попова, О. В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии / О. В. Попова // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 86-110.

200. Попова, О. В. Политика идентичности: отношение петербуржцев к праздничным мероприятиям в городе / О. В. Попова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2017. – Т. 13, № 4. – С. 37-48.

201. Прокудин, Б. А. Л.Н. Толстой: принцип «Остранения» в политике / Б. А. Прокудин // Ценности и смыслы. – 2013. – № 1 (23). – С. 139-146.

202. Пропп, В. Я. Морфология сказки; Исторические корни волшебной сказки: полное классическое издание / Владимир Пропп. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2021. – 621 с.

203. Пустовойт, Ю. А. Гнев и эмпатия: формирование идентичности в политических сообществах разных поколений / Ю. А. Пустовойт // Развитие территорий. – 2020. – № 2 (20). – С. 36-44.

204. Радаев, В. Миллениалы. Как меняется российское общество / В. Радаев. – 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 224 с.

205. Рансьер, Ж. Разделение чувственного. Эстетика и политика / Ж. Рансьер // Разделяя чувственное. – СПб.: Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 9-46.

206. Реализация Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – Режим доступа: <http://economy.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/105142/>

207. Робин, Ж. Фигуры гештальта / Ж. Робин // Консультативная психология и психотерапия. – 1994. – Т. 3, № 3. – С. 1-20.

208. Робин, Ж.-М. Быть в присутствии другого: этюды по психотерапии / Ж.-М. Робин. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. – 282 с.

209. Робин, Ж.-М. Гештальт-терапия / Ж.-М. Робин; [пер. с фр. И. Я. Розенталь]. – М.: Ин-т общегуманитарных исслед., 2007. – 62 с.

210. Ромашко, Т. В. Постструктуралистская теория дискурса и ее методы исследования социокультурной реальности / Т. В. Ромашко, О. Ю. Гурова // Социодинамика. – 2022. – № 10. – С. 46-59.

211. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 381 с.

212. Рудницкая, С. Ю. Структурно-процессуальная модель нарративного конструирования опыта личности / С. Ю. Рудницкая // Actual problems of psychology. – 2021. – № 13. – С. 4-25.

213. Рягузова, Е. В. Виды и функции границ в психологических исследованиях / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11, № 1. – С. 89-94.

214. Рягузова, Е. В. Социокультурные коды и психологические границы соседства / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 89-94.

215. Салахиева-Талал, Т. Психология в кино: создание героев и историй: / Т. Салахиева-Талал. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 347 с.

216. Санина, А. Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках / А. Г. Санина // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 3-11.
217. Сапогова, Е. Е. Психологическая помощь взрослым в лиминальных периодах / Е. Е. Сапогова // Развитие личности. – 2016. – № 2. – С. 134-156.
218. Свешникова, Н. О. Теоретические основания исследования идентичности в политической психологии / Н. О. Свешникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2012. – № 4. – С. 45-52.
219. Семененко, И. С. Политика идентичности / И. С. Семененко // Идентичность: личность, общество, политика / Отв. ред. И. С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 649.
220. Семененко, И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности / И. С. Семененко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 5-24.
221. Семенцов, С. В. Санкт-Петербургская историческая агломерация-градостроительный объект мирового масштаба / С. В. Семенцов // Интернет-вестник ВолГАСУ. – 2012. – № 1. – С. 49
222. Серто, де М. Изобретение повседневности. Вып. 1. Искусство делать / М. де Серто. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
223. Скотт, Л. Хозяйства знаков и пространства (введение) / Л. Скотт, У. Джон // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9, № 4. – С. 49-55.
224. Смирнова, О. В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты / О. В. Смирнова, М. В. Шкондин // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 5-21.
225. Сморгунов, Л. В. Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению / Л. В. Сморгунов // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 181-197.
226. Сморгунов, Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике / Л. В. Сморгунов // Социальные и гуманитарные знания. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 122-133.

227. Сморгунов, Л. В. Партисипаторная управляемость и цифровизация / Л. В. Сморгунов / Л. В. Сморгунов // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2019: Материалы двенадцатой международной конференции Научное электронное издание (Москва, 01–03 октября 2019 года) / Под общей ред. С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. – М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2019. – С. 1270-1273.

228. Сморгунов, Л. В. Политическая идентичность и понятие политического / Л. В. Сморгунов // ПОЛИС. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 178-185.

229. Сморгунов, Л. В. Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой / Л. В. Сморгунов // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 100-121.

230. Смулянский, А. Видимое и невидимое в психотерапии / А. Смулянский, А. М. Сосновская // Лаканалия. – 2011. – № 6. – С. 19-25.

231. Современная журналистика: теория и практика в условиях цифровизации / И. Б. Александрова, Е. А. Воинова, И. Н. Демина [и др.]. – М.: Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования “Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова”, 2021. – 240 с.

232. Солдатова, Е. Л. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы / Е. Л. Солдатова, Д. Н. Погорелов // Образование и наука. – 2018. – Т. 20, № 5. – С. 105-124.

233. Сосна, Н. Н. Поэтика тихого космизма / Н. Н. Сосна // Философский журнал. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 70-83.

234. Сосновская, А. М. Антагонизм дискурсов вокруг культурного наследия / А. М. Сосновская // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 123-133.

235. Сосновская, А. М. Аспекты визуальной репрезентации пространства города (на примере социальных сетей Комитета по охране памятников Санкт-

Петербурга) / А. М. Сосновская, П. А. Раменский // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2021. – Т. 12, № 3 (50). – С. 222-228.

236. Сосновская, А. М. Влияние цифровых агентов на коммуникационные и медийные практики: акторно-сетевая теория / А. М. Сосновская // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – Т. 14, № 1 (58). – С. 144-148.

237. Сосновская, А. М. Деловая коммуникация и переговоры : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) “Связи с общественностью” / А. М. Сосновская ; Северо-Западная академия государственной службы. – Санкт-Петербург : Северо-Западная академия государственной службы, 2011. – 179 с.

238. Сосновская, А. М. Дискурс всемирного культурного наследия / А. М. Сосновская // Управленческое консультирование. – 2022. – № 8 (164). – С. 108-123.

239. Сосновская, А. М. Историческая ретроспекция праздничной культуры как форма сохранения нематериального культурного наследия и конструирования городской идентичности (на примере анализа практик балов в особняках Санкт-Петербурга, 2017-2019 гг.) / А. М. Сосновская, В. В. Маслеева // Лучшая исследовательская статья 2020: сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса (Петрозаводск, 20 декабря 2020 года). – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. – Ч. 2. – С. 223-243.

240. Сосновская, А. М. Коммуникативные процессы, поддерживающие национальную идентичность / А. М. Сосновская // Человек. Коммуникация. Культура. Восток-Запад: поиски культурной идентичности на постсоветском пространстве. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2016. – С. 260-263.

241. Сосновская, А. М. Концептуализация объекта всемирного наследия ЮНЕСКО: визуальная репрезентация Санкт-Петербурга поколением Z [Электронный ресурс] / А. М. Сосновская // SSRN. – 2022. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3994923>.

242. Сосновская, А. М. Место журналистики в онтологическом повороте: АСТ и медиа / А. М. Сосновская // Вестник Волжского университета им В. Н. Татищева. – 2023. – Т. 2. №. 2. – С. 91 - 97.

243. Сосновская, А. М. Нематериальное наследие и идентичность молодежи Санкт-Петербурга / А. М. Сосновская, А. В. Михайлов, О. Ю. Орлова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2 (110). – С. 88-99.

244. Сосновская, А. М. Новые онтологии как перспектива изучения политических отношений: акторно-сетевая теория и медиа // Меди@льманах. – 2023. – №. 2 (115). – С. 8-16.

245. Сосновская, А. М. Поколение миллениалов и нематериальное наследие Санкт-Петербурга / А. М. Сосновская, О. Ю. Орлова // Сохранение нематериальной ценности объектов культурного наследия. – Санкт-Петербург: Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры, 2019. – С. 102-112.

246. Сосновская, А. М. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга / А. М. Сосновская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 68-83.

247. Сосновская, А. М. Постправда и фейковые новости: генезис и последствия / А. М. Сосновская, П. А. Раменский // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 77-82.

248. Сосновская, А. М. Прикладной аспект семиотики медиатекстов / А. М. Сосновская // Управленческое консультирование. – 2014. – № 2 (62). – С. 131-143.

249. Сосновская, А. М. Проектная деятельность как требование развития систем в современных условиях / А. М. Сосновская, А. В. Мурашев // Управленческое консультирование. – 2018. – № 9 (117). – С. 120-129.

250. Сосновская, А. М. Профессиональная идентичность журналиста (анализ случаев) / А. М. Сосновская // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. 7, № 3. – С. 116-138.

251. Сосновская, А. М. Психология идентичности журналиста : монография / А. М. Сосновская. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 179 с.
252. Сосновская, А. М. Репрезентация миграции в СМИ и бытовом дискурсе Петербурга / А. М. Сосновская // Век информации. — 2019. — Т. 7, № 1. — С. 187-195.
253. Сосновская, А. М. Семиотика и семантика рекламы и связей с общественностью: учебное пособие / А. М. Сосновская. — Санкт-Петербург: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-западный институт управления, 2013. — 64 с.
254. Сосновская, А. М. Современные источники националистического самосознания в молодежной среде: анализ имплицитных установок опроса «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений в образовательной сфере и молодежной среде» / А. М. Сосновская // Управленческое консультирование. — 2020. — № 2 (134). — С. 109-120.
255. Сосновская, А. М. Трансформация журналистских практик и самоидентификация журналистов: Сравнительный анализ на материале СМИ России и Швеции: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Сосновская Анна Михайловна. — Санкт-Петербург, 2000. — 229 с.
256. Сосновская, А. М. Трансформация идентичности: макро- и микроуровни исследования / А. М. Сосновская, Е. Б. Потапова // Управленческое консультирование. — 2021. — № 11 (155). — С. 122-132.
257. Сосновская, А. М. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в теории политической коммуникации / А. М. Сосновская // Гуманитарный вектор. — 2022. — Т. 17, № 4. — С. 93-102.
258. Сосновская, А. М. Цифровая трансформация общества: влияние социальных сетей на социальные практики / А. М. Сосновская // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества: материалы XV Международной научно-практической конференции. — Воронеж, 2021. — С. 122-130.
259. Сосновская, А. М. Экономика впечатлений: реконструкция исторических практик культурного наследия Санкт-Петербурга / А. М. Сосновская,

В. В. Маслеева // *Управленческое консультирование*. – 2018. – № 4 (112). – С. 172-181.

260. Социальное пространство большого города: монография / П. В. Бизюков, Е. П. Евдокимова, Ю. А. Еременко [и др.]; под ред. Г. В. Еремичевой; Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Социологический институт РАН. – Санкт-Петербург: СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 2018. – 391 с.

261. Ставракакис, Я. Двусмысленная демократия и этика психоанализа / Я. Ставракакис // *Логос*. – 2004. – № 2. – С. 198-216.

262. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Комитет по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга (КЭПиСП). – Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/

263. Тепляшина, А. Н. Комментарии на сайте СМИ как формат обратной связи в интернет-коммуникации (дискурсивный аспект) / А. Н. Тепляшина // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. – 2020. – № 62. – С. 308-323.

264. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2003. – 616 с.

265. Трофимов, Л. А. Методы принятия управленческих решений: учебник и практикум для СВО / Л. А. Трофимова, В. В. Трофимов. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 101 с.

266. Трубина, Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е. Г. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 519 с.

267. Тульчинский, Г. Л. Идентичность как проект: Условия политического позиционирования личности / Г. Л. Тульчинский // *Символическая политика: сборник научных трудов*. – 2017. – Вып. 5. – С. 80-97.

268. Тыканова, Е. В. Город как территория неравенства: оспаривание сноса гаражных строений в Санкт-Петербурге / Е. В. Тыканова // *Петербургская социология сегодня*. – 2017. – № 8. – С. 54-72.

269. Узланер, Д. Под взглядом Другого: селфи сквозь призму лакановского психоанализа / Д. Узланер // Философско-литературный журнал «Логос». – 2016. – Т. 26, № 6 (115). – С. 189-218.

270. Устав Санкт-Петербурга (с изменениями на 22 февраля 2023 года) [Электронный ресурс] // Правительство Санкт-Петербурга. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/8308279>

271. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

272. Федосеева, А. А. Общая характеристика и классификация основных разновидностей выборок в социологическом исследовании / А. А. Федосеева // Научный электронный журнал Меридиан. – 2020. – № 8. – С. 315-317.

273. Федотова, Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. 20. – № 3. – С. 32–49.

274. Филатова, О. Н. Профессиональное образование в современном информационном обществе / О. Н. Филатова, А. В. Гушин, Н. А. Шобонов // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64-2. – С. 189-192.

275. Фомин, И. В. Зачем семиотика политологам? / И. В. Фомин, М. В. Ильин // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 12-29.

276. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; [пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова; Федер. целевая прогр. “Культура России”]. – Санкт-Петербург: Гуманит. акад., 2004. – 412 с.

277. Фуко, М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. Н. В. Сулова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. – Санкт-Петербург: Наука, 2011. – 543 с.

278. Фуко, М. Воля к знанию / М. Фуко // Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: [Сборник]. – М.: Магистериум: Изд. Дом «Касталь», 1996. – С. 97-268.
279. Фуко, М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: [Сборник] / М. Фуко. – М.: Магистериум: Изд. Дом «Касталь», 1996. – 446 с.
280. Фуко, М. Дискурс и истина / М. Фуко; пер. с англ. А.М. Корбута; – Минск: Пропилеи, 2006. – 152 с.
281. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Ad Marginem, 2013. – 416 с.
282. Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учеб. году / М. Фуко; пер. с фр. Е. А. Самарской. – Санкт-Петербург: Наука, 2005 (СПб.: Типография “Наука” РАН). – 311 с.
283. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996. – С. 47-96.
284. Фуко, М. Речь и истина: лекции о парресии (1982-1983) / М. Фуко. – М.: Дело, 2022. – 374 с.
285. Фуко, М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А. В. Дьякова. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 446 с.
286. Фукуяма, Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма; переводчик [с английского] А. Соловьев. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 254 с.
287. Фусу, Л. И. Человек современный, то есть лиминальный. Социально-философский анализ лиминальности в современном социуме: монография / Л. И. Фусу. – Ногинск, 2018. – 190 с.
288. Харауэй, Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в Хтулуцене: / Д. Харауэй; перевод с английского Дианы Хамис [и др.]. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 332 с.

289. Харауэй, Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы / Д. Харауэй // Логос. – 2022. – Т. 32, № 1. – С. 237.

290. Харман, Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Г. Харман; перевод с английского Максим Фетисов. – М.: Ад Маргинем Пресс, сор. 2021. – 270 с.

291. Харман, Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда / Г. Харман // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27, № 3 (118). – С. 1-34.

292. Харман, Г. Спекулятивный реализм: введение / Г. Харман; перевод с английского А. А. Писарева. – М.: РИПОЛ классик: Панглосс, 2019. – 495 с.

293. Хархордин, О. В. Куда идет теория практик: поворот к материальности / О. В. Хархордин // Социологические исследования. – 2012. – № 11 (343). – С. 20-34.

294. Хахалова, А. А. Модель аффордиальной схемы коммуникативного процесса / А. А. Хахалова // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2016. – Т. 21. – С. 138-150.

295. Холл, С. Культурные исследования: две парадигмы / С. Холл // Философско-литературный журнал «Логос». – 2012. – № 1 (85). – С. 157-183.

296. Хохрин, Е. В., Смольков, С. А. Механизмы формирования городской идентичности урбанизированных территорий // Баландинские чтения. – 2019. – Т. 14. – №. 1. – С. 171-175.

297. Циплакова, Ю. В. Экологическая философия Дж. Беннет: человеческое, не-человеческое и новая этика / Ю. В. Циплакова // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы. – Екатеринбург, 2021. – С. 256-260.

298. Чернышов, В. Н. Теория систем и системный анализ: учебное пособие / В. Н. Чернышов, А. В. Чернышов. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2008. – 95 с.

299. Шайгерова, Л. А. Самокатегоризация российских подростков из различных субъектов федерации в современных социокультурных условиях: общее

и особенное / Л. А. Шайгерова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2018. – № 1-1. – С. 133-143.

300. Шапинская, Е. Н. Образы реальности в пространстве репрезентации: анализ литературных и экранных текстов / Е. Н. Шапинская // Культура культуры. – 2017. – № 4 (16). – С. 73-90.

301. Шарков, Ф. И. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций / Ф. И. Шарков // Коммуникология. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 32-40;

302. Шевченко, Д. А. Общение подростков в киберсреде с позиции теории контакта / Д. А. Шевченко // Детство и семья в современном мире. – Владивосток. 2012. – С. 118-128.

303. Шекспир, В. Юлий Цезарь: Трагедия в 5 д. / В. Шекспир Пер. П. Козлова; Предисл. Н. Кравцова. – Москва; Ленинград: Огиз – Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931 (Л.: тип. им. Евг. Соколовой). – 112 с.

304. Шилина, С. А. Управленческий дискурс как технология коммуникации в системе отношений государства и общества: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.08 / Шилина Светлана Александровна; [Место защиты: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования “Российский университет дружбы народов”]. – Москва, 2015. – 311 с.

305. Широков, А. А. Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлексивные тексты / А. А. Широков // Социологическое обозрение. – 2019. – № 18 (1). – С. 186-217.

306. Штомпка, П. Визуальная социология: фотография как метод исследования: учебник для студентов высших учебных заведений, получающих образование по направлению (специальности) “Социология” / Петр Штомпка; [пер. с польск. Н. В. Морозовой]. – М.: Логос, 2007. – 150 с. – ISBN 978-5-98704-245-3.

307. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменолог. социологии / А. Шютц; [Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я.

Мазлумяновой]; Фонд “Обществ. мнение”. – М.: Ин-т Фонда “Обществ. мнение”, 2003. – 334 с. – ISBN 5-93947-012-2.

308. Эриксон, Э. Г. Детство и общество / Э. Г. Эриксон; перевод, науч. ред. [и примеч.] А. А. Алексеева; [Статьи Д. Элкинда, Сонины В. А.]. – СПб.: Психол. центр “Ленато” Балашиха: Фонд “Унив. кн.”, 1996. – 589 с. – ISBN 5-7841-0070-X.

309. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М.: АСТ: Канон+, 2010. – 397 с.

310. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Мир России. – 1995. – № 3-4. – С. 158-181.

311. Ядов, В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе / В. А. Ядов // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 309-319.

312. Янин, К. Д. Воспроизведение цикла контакта в условиях архитектурного пространства современного мегаполиса / К. Д. Янин // Кубанские исторические чтения: Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2015. – С. 184-189.

313. Янин, К. Д. Этапы и особенности освоения архитектурного пространства современного города / К. Д. Янин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 8. – С. 310-312.

314. A free and open-source tool for data visualization [Электронный ресурс] // RAWGraphs. – Режим доступа: <https://www.rawgraphs.io/>.

315. Abdulelah, A.-T. Management issues and challenges of UNESCO World Heritage Sites in Saudi Arabia / A.-T. Abdulelah, T. Brijesh // Journal of Heritage Tourism. – 2020. – Vol. 15 (1). – P. 103-110.

316. Al-Tokhais, A. Management issues and challenges of UNESCO world heritage sites in Saudi Arabia / A. Al-Tokhais, B. Thapa // *Journal of Heritage Tourism*. – 2020. – Vol. 15 (1). – P. 103-110.

317. Asad, A. L. Migration to the United States from Indigenous Communities in Mexico / A. L. Asad, J. Hwang // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2019. – Vol. 684 (1). – P. 120-145.

318. Ashrafi, B. Heritage Impact Assessment, beyond an Assessment Tool: A comparative analysis of urban development impact on visual integrity in four UNESCO World Heritage Properties / B. Ashrafi, M. Kloos, C. Neugebauer // *Journal of Cultural Heritage*. – 2021. – Vol. 47. – P. 199-207.

319. Bârcă, V. Accomplishments and failures in the management of fortress Sarmizegetusa Regia, a UNESCO World Heritage Monument / V. Bârcă // *Journal of ancient history and archaeology*. – 2019. – Vol. 6 (4). – P. 119

320. Bateson, G. *Mind and nature: A necessary unity* / G. Bateson. – NJ: Hampton Press, 2005. – 252 p.

321. Bateson, G. Narrativity, self, and self-representation / G. Bateson // *Narrative*. – 2002. – Vol. 14 (1). – P. 27-44.

322. Belmonte, J. A. The cultural landscape 'Risco caído and the sacred mountains of Gran Canaria: A paradigmatic proposal within UNESCO Astronomy and World Heritage initiative / J. A. Belmonte, J. Cuenca Sanabria, J. C. Gil [et al.] // *Mediterr. Archaeol. Archaeom.* – 2018. – Vol. 18. – P. 377-385.

323. Bilodeau, A. A midrange theory of local cross-sector action based on the actor-network theory / A. Bilodeau, C. Chabot, N. Martin [et al.] // *SSM-Qualitative Research in Health*. – 2022. – Vol. 2. – P. 100199.

324. Bjögvinsson, E. Design things and design thinking: Contemporary participatory design challenges / E. Bjögvinsson, P. Ehn, P. A. Hillgren // *Design issues*. – 2012. – Vol. 28 (3). – P. 101-116.

325. Bledsoe, L. A. Stronger together: understanding and protecting karst resources / L. A. Bledsoe, B. Tobin, C. Groves // *Carbonates Evaporites*. – 2022. – Vol. 37 (9). – P. 3.

326. Blok, A. *The Routledge companion to actor-network theory* / A. Blok, I. Farías, C. Roberts. – Taylor & Francis, 2020. – 458 p.
327. Borghi, A. M. *Affordances, context and sociality* / A. M. Borghi // *Synthese*. – 2021. – Vol. 199 (5-6). – P. 12485-12515.
328. Bourdieu, P. *The logic of practice* / P. Bourdieu. – Stanford university press, 1990. – 333 p.
329. Boyd, D. *Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications* / D. Boyd // *A networked self*. – Routledge, 2010. – P. 47-66.
330. Brock, A. *Critical technocultural discourse analysis* / A. Brock // *New Media & Society*. – 2018. – Vol. 20 (3). – P. 1012-1030.
331. Brubaker, R. *Populism and nationalism* / R. Brubaker // *Nations and Nationalism*. – 2020. – Vol. 26. – P. 44-66.
332. Burch, L. *Everyday Hate and Affective Possibility: Disabled People's Negotiations of Space, Place and Identity* / L. Burch // *International Journal of Disability and Social Justice*. – 2021. – Vol. 1. – P. 73-94.
333. Butler, J. *Contingency, hegemony, universality: Contemporary dialogues on the left* / J. Butler, E. Laclau, S. Žižek [et al.]. – Verso, 2000. – 337 p.
334. Caborn, J. *On the methodology of dispositive analysis* / J. Caborn // *Critical approaches to discourse analysis across disciplines*. – 2007. – Vol. 1 (1). – P. 115-123.
335. Caliskan, K. *DARN (Part 2): An Evidence-Based Research and Prototyping Method for Strategic Design* / K. Caliskan, M. Wade // *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. – 2022. – Vol. 8 (3). – P. 319-335.
336. Callon, M. *Acting in an uncertain world: An essay on technical democracy* / M. Callon, P. Lascoumes, Y. Barthe. – MIT press, 2011. – 300 p.
337. Callon, M. *The Laws of the Markets* / M. Callon. – MA: Blackwell Publishers/Sociological Review, 1998. – 286 p.
338. Callon, M. *Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them To Do So* / M. Callon, B. Latour // *Advances in Social Theory and Methodology. Towards an Integration of Micro and Macro-*

Sociologies / K. Knorr-Cetina, A. V. Cicourel (eds.). – London: Routledge, 1981. – P. 277-303.

339. Canale, R. R. UNESCO World Heritage sites and tourism attractiveness: The case of Italian provinces / R. R. Canale, E. de Simone, A. di Maio [et al.] // Land use policy. – 2019. – Vol. 85. – P. 114-120.

340. Carlson, J. Television entertainment and political socialization Vermeer Jan. P. / J. Carlson // «Media» Res: Readings in Mass Media d American Politics. – NY: McGrawHill, Inc, 1995. – P. 4755.

341. Carpentier, N. The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation / N. Carpentier. – Peter Lang Publishing, Inc., New York, 2017. – 472 p.

342. Castells, M. The information age: Economy, society and culture (3 volumes) / M. Castells. – Blackwell, Oxford, 1996.

343. Castellsn, M. L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité / M. Castellsn. – Paris: Fayard, 1999. – 538 p.

344. Cetrà, D. Explaining accommodation and resistance to demands for independence referendums in the UK and Spain / D. Cetrà, M. Harvey // Nations and Nationalism. – 2019. – Vol. 25. – P. 22-44.

345. Collins, R. N. Political Identity Over Personal Impact: Early U.S. Reactions to the COVID-19 Pandemic / R. N. Collins, D. R. Mandel, S. Sarah // Front. Psychol. – 2021. – Vol. 12. – P. 607-639.

346. Cooper, L. Transition from the Military into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence / L. Cooper, N. Caddick, L. Godier [et al.] // Armed Forces & Society. – 2018. – Vol. 44 (1). – P. 156-177.

347. Couldry, N. Actor network theory and media: Do they connect and on what terms? / N. Couldry // Connectivity, networks and flows: conceptualizing contemporary communications / A. Hepp, F. Krotz, S. Moores [et al.] (eds.). – Cresskill, NJ, USA: Hampton Press, Inc., 2008. – P. 93-110.

348. Craig, M. A. Racial and Political Dynamics of an Approaching “Majority-Minority” United States / M. A. Craig, J. M. Rucker, J. A. Richeson // The ANNALS of

the American Academy of Political and Social Science. – 2018. – Vol. 677 (1). – P. 204-214.

349. Culpepper, M. I make, therefore I am: Agency, action, affordance, and the path to creative identity: дис. University of Westminster / M. Culpepper. – University of Westminster, 2018.

350. De Simone, E. Do UNESCO World Heritage Sites Influence International Tourist Arrivals? / E. De Simone, R. R. Canale, A. di Maio // Evidence from Italian Provincial Data. – 2019. – Vol. 146. – P. 345-359.

351. DeLanda, M. Emergence, causality and realism / M. DeLanda // Architectural Theory Review. – 2012. – Vol. 17, № 1. – P. 3-16.

352. Dixon, J. Dislocating identity: Desegregation and the transformation of place / J. Dixon, K. Durrheim // Journal of environmental psychology. – 2004. – Vol. 24 (4). – P. 455-473.

353. Dixon, J. Dislocating identity: Desegregation and the transformation of place / J. Dixon, K. Durrheim // Journal of environmental psychology. – 2004. – Vol. 24 (4). – P. 455-473.

354. Do, J. J. I Am a Warrior: An Analysis of the Military Masculine-Warrior Narrative Among U.S. Air Force Officer Candidates / J. J. Do, S. M. Samuels // Armed Forces & Society. – 2021. – Vol. 47 (1). – P. 25-47.

355. Domingo, D. News networks / D. Domingo, V. Wiard // The SAGE handbook of digital journalism. – 2016. – P. 397-409.

356. Engell, L. ZMK Zeitschrift für Medien-und Kulturforschung. Schwerpunkt Medienanthropologie / L. Engell, B. Siegert // ZMK Zeitschrift für Medien-und Kulturforschung. – 2013. – Vol. 4 (1).

357. Francesetti, G. Pain and beauty: from the psychopathology to the aesthetics of contact / G. Francesetti // British Gestalt Journal. – 2012. – Vol. 21, № 2. – P. 8.

358. Fraser, N. Revaluing French feminism: critical essays on difference, agency, and culture / N. Fraser, S. L. Bartky (ed.). – Indiana University Press, 1992. – 208 p.

359. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Stanford University Press, 1992. – 264 p.

360. Griffith, J. Reserve Military Service: A Social Constructionist Perspective / J. Griffith, E. Ben-Ari // *Armed Forces & Society*. – 2021. – Vol. 47 (4). – P. 635-660.
361. Gris, O. Use of Social Networks by Russian Politicians / O. Gris, A. Sosnovskaya // *Proceedings of Seventh International Congress on Information and Communication Technology* / X.S. Yang, S. Sherratt, N. Dey [et al.] (eds). – Springer, Singapore, 2023. – P. 547-555.
362. Gross, K. A. The Socialization of Conflict and Its Limits: Gender and Gun Politics in America / K. A. Gross // *Social Science Quarterly*. – 2017. – Vol 98. – P. 455-470.
363. Halsall, F. Actor-Network Aesthetics: The Conceptual Rhymes of Bruno Latour and Contemporary Art / F. Halsall // *New Literary History*. – 2016. – Vol. 47 (2/3). – P. 439-461.
364. Han, J. From Geopark to Sustainable Development: Heritage Conservation and Geotourism Promotion in the Huangshan UNESCO Global Geopark (China) / J. Han, F. Wu, M. Tian [et al.] // *Geoheritage*. – 2018. – Vol. 10. – P. 79-91.
365. Harvey, D. C. Heritage pasts and heritage presents: Temporality, meaning and the scope of heritage studies / D. C. Harvey // *International journal of heritage studies*. – 2001. – Vol. 7 (4). – P. 319-338.
366. Hashemi, M. Engineering geological and geoenvironmental evaluation of UNESCO World Heritage Site of Meymand rock-hewn village, Iran / M. Hashemi, A. Khabbazi Basmenj, M. Banikheir // *Environmental earth sciences*. – 2018. – Vol. 77 (1). – P. 3.
367. Hategekimana, Y. Integration of multi-parametric fuzzy analytic hierarchy process and GIS along the UNESCO World Heritage: a flood hazard index, Mombasa County, Kenya / Y. Hategekimana, L. Yu, Y. Nie [et al.] // *Nat Hazards*. – 2018. – Vol. 92. – P. 1137-1153.
368. Hayes, M. The coloniality of UNESCO's heritage urban landscapes: Heritage process and transnational gentrification in Cuenca, Ecuador / M. Hayes // *Urban Studies*. – 2020. – Vol. 57 (15). – P. 3060-3077.

369. Heimtun, B. The development of the northern lights tourism network / B. Heimtun, B. Haug // *Annals of Tourism Research Empirical Insights*. – 2022. – Vol. 3 (1). – P. 100031.
370. Henry, G. T. *Practical sampling* / G. T. Henry. – Publications, Inc., 1990.
371. Hochschild, A. R. *The managed heart: Commercialization of human feeling* / A. R. Hochschild // *The Production of Reality: Essays and Readings on Social Interaction* / J. O'Brien (Ed.). – Sage, 2010. – P. 320-336.
372. Howard, D. Representations of otherness in Russian newspapers: the theme of migration as a counterpoint to Russian national identity / D. Howard, A. M. Sosnovskaya // *Journal of Intercultural Communication*. – 2009. – №. 21. – P. 2-18.
373. Hølleland, H. How (not) to “study up”: points and pitfalls when studying international heritage regimes / H. Hølleland, E. Niklasson // *Journal of Field Archaeology*. – 2020. – Vol. 45 (3). – P. 140-152.
374. Hur, A. Adapting to democracy: identity and the political development of North Korean defectors / A. Hur // *Journal of East Asian Studies*. – 2018. – Vol. 18 (1). – P. 97-115.
375. Isakhan, B. UNESCO's project to 'Revive the Spirit of Mosul': Iraqi and Syrian opinion on heritage reconstruction after the Islamic State / B. Isakhan, M. Lynn // *International Journal of Heritage Studies*. – 2019. – Vol. 25 (11). – P. 1189-1204.
376. Jabareen, Y. Theorizing urban social spaces and their interrelations. New perspectives on urban sociology, politics, and planning. / Y. Jabareen, E. Eizenberg // *Planning Theory*. – 2021. – Vol. 20 (3). – P. 211-230.
377. Jäger, M. *Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse* / M. Jäger, S. Jäger. – Springer-Verlag, 2007. – 320 p.
378. Jäger, S. *Kritische Diskursanalyse* / S. Jäger // *Eine Einführung*. – 2004. – Vol. 4. – P. 76-89.
379. Jameson, F. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation* / F. Jameson, S. Fish, B. Massumi. – Duke University Press, 2002. – 336 p.

380. Jones, Ph. E. Explaining Public Opinion toward Transgender People, Rights, and Candidates / Ph. E. Jones, P. R. Brewer, D. G. Young [et al.] // *Public Opinion Quarterly*. – 2018. – Vol. 82 (2). – P. 252-278.

381. Jones, T. International intangible cultural heritage policy in the neighbourhood: an assessment and case study of Indonesia / T. Jones // *Journal of Cultural Geography*. – 2018. – Vol. 35 (3). – P. 362-387.

382. Joslyn, M. Emerging Political Identities? Gun Ownership and Voting in Presidential Elections / M. Joslyn, D. Haider-Markel, M. Baggs [et al.] // *Social Science Quarterly*. – 2017. – Vol. 98. – P. 382-396.

383. JSTOR [Электронный ресурс]: веб-сайт. – Режим доступа: <https://www.jstor.org/>

384. Justice, S. C. UNESCO global geoparks, geotourism and communication of the earth sciences: A case study in the Chablais UNESCO Global Geopark, France / S. C. Justice // *Geosciences*. – 2018. – Vol. 8 (5). – P. 149.

385. Keller, R. Analysing discourse. An approach from the sociology of knowledge / R. Keller // *Historical Social Research/Historische Sozialforschung*. – 2006. – Vol. 31 (2). – P. 223-242.

386. Khalaf, E. E. The Geological Heritage and Sustainable Development Proposed for the Project Geopark: an Example from Gabal Qatrani, Fayoum Depression, Western Desert, Egypt / E. E. Khalaf, El-Kheir G. A. // *Geoheritage*. – 2022. – Vol. 14 (22). – P. 1-30.

387. Kim, S. It was kind of a given that we were all multilingual: Transnational youth identity work in digital translanguaging / S. Kim // *Linguistics and Education*. – 2018. – Vol. 43. – P. 39-52.

388. Klar, S. Affective Polarization or Partisan Disdain? Untangling a Dislike for the Opposing Party from a Dislike of Partisanship / S. Klar, Ya. Krupnikov, J. B. Ryan // *Public Opinion Quarterly*. – 2018. – Vol. 82 (2). – P. 379-390.

389. Laclau, E. *Hegemony and Socialist Strategy* / E. Laclau, C. Mouffe. – London: Verso, 1985. – 217 p.

390. Laclau, E. *New reflections on the revolution of our time* / E. Laclau. – Verso Trade, 1990. – 263 p.
391. Lacombe, M. J. *Gun Ownership as a Social Identity: Estimating Behavioral and Attitudinal Relationships* / M. J. Lacombe, A. J. Howat, J. E. Rothschild // *Social Science Quarterly*. – 2019. – Vol. 100. – P. 2408-2424.
392. Latour, B. *Laboratory life: The construction of scientific facts* / B. Latour, S. Woolgar. – Princeton University Press, 2013. – 296 p.
393. Latour, B. *On interobjectivity* / B. Latour // *Mind, culture, and activity*. – 1996. – Vol. 3 (4). – P. 228-245.
394. Latour, B. *Politics of nature: How to bring the sciences into democracy* / B. Latour. – Harvard University Press, 2004. – 320 p.
395. Latour, B. *Technology is society made durable* / B. Latour // *The sociological review*. – 1990. – Vol. 38 (1). – P. 103-131.
396. Latour, B. *Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts* / B. Latour // *Shaping technology/building society: Studies in sociotechnical change* / W. E. Bijker, J. Law (eds). – Cambridge, MA, MIT Press, 1992. – P. 225-258.
397. Law, J. *Aircraft stories: Decentering the object in technoscience* / J. Law. – Duke University Press, 2002. – 264 p.
398. Law, J. *On the Social Explanation of Technical Change: The Case of the Portuguese Maritime Expansion* / J. Law // *Technology and Culture*. – 1987. – Vol. 28 (2). – P. 227-252.
399. Lee, J. *Accurately Counting Asian Americans Is a Civil Rights Issue* / J. Lee, K. Ramakrishnan, J. Wong // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2018. – Vol. 677 (1). – P. 191-202.
400. Lee, S. *Exploring the effects of a 'new' listing of a UNESCO World Heritage Site: the case of Singapore Botanic Gardens* / S. Lee, I. Phau, V. Quintal // *Journal of Heritage Tourism*. – 2018. – Vol. 13 (4). – P. 339-355.
401. Lemke, J. L. *Textual politics: Discourse and social dynamics* / J. L. Lemke. – Taylor & Francis, 2005. – 208 p.

402. Levendusky, M.S. When Efforts to Depolarize the Electorate Fail / M.S. Levendusky // *Public Opinion Quarterly*. – 2018. – Vol. 82 (3). – P. 583-592.
403. Lichter, D. T. Boundary Blurring? Racial Identification among the Children of Interracial Couples / D. T. Lichter, Z. Qian // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2018. – Vol. 677 (1). – P. 81-94.
404. Link, J. Diskurs, Interdiskurs, Kollektivsymbolik / J. Link // *Zeitschrift für Diskursforschung*. – 2013. – Vol. 1 (1). – P. 7-23.
405. Link, J. Dispositiv / J. Link // *Foucault-Handbuch* / C. Kammler, R. Parr, U.J. Schneider, E. Reinhardt-Becker (eds). – JB Metzler, Stuttgart, 2014. – P. 237-242.
406. Lupu, C. Visitor experiences at UNESCO monasteries in Northeast Romania / C. Lupu, A. Brochado, O. Stoleriu // *Journal of Heritage Tourism*. – 2019. – Vol. 14 (2). – P. 150-165.
407. MacKenzie, D. A. Do economists make markets?: on the performativity of economics / D.A. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. – Princeton University Press, 2007. – 400 p.
408. Mariani, M. M. Does Designation as a UNESCO World Heritage Site Influence Tourist Evaluation of a Local Destination? / M. M. Mariani, A. Guizzardi // *Journal of Travel Research*. – 2020. – Vol. 59 (1). – P. 22-36.
409. Marres, N. Material participation: Technology, the environment and everyday publics / N. Marres. – Springer, 2016. – 216 p.
410. Mason, L. Ideologues without Issues: The Polarizing Consequences of Ideological Identities / L. Mason // *Public Opinion Quarterly*. – 2018. – Vol. 82 (1). – P. 866-887.
411. Mattila, H. Soft spaces, soft planning, soft law: Examining the institutionalisation of city-regional planning in Finland / H. Mattila, A. Heinilä // *Land Use Policy*. – 2022. – Vol. 119. – P. 106156.
412. McQuail, D. Mass communication theory: An introduction / D. McQuail. – Sage Publications, Inc, 1987. – P. 336-337.
413. MindMeister's easy-to-use, web-based mind map maker [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mindmeister.com/>.

414. Mol, A. Actor-network theory: Sensitive terms and enduring tensions / A. Mol // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. – 2010. – Vol. 50 (1). – P. 253-269.
415. Mol, A. The body multiple: Ontology in medical practice / A. Mol. – Duke University Press, 2002. – 216 p.
416. Nakano, R. A failure of global documentary heritage? UNESCO's 'memory of the world' and heritage dissonance in East Asia / R. Nakano // *Contemporary Politics*. – 2018. – Vol. 24 (4). – P. 481-496.
417. Neidig, J. "We are the Green Capital": Navigating the political and sustainability fix narratives of urban greening / J. Neidig, I. Anguelovski, A. Albaina [et al.] // *Cities*. – 2022. – Vol. 131. – P. 103999.
418. Nevis, E. C. Organizational consulting: A Gestalt approach / E. C. Nevis. – Gestalt Press, 2013. – 228 p.
419. Nilsson, M. Muslim Mothers in Ground Combat Against the Islamic State: Women's Identities and Social Change in Iraqi Kurdistan / M. Nilsson // *Armed Forces & Society*. – 2018. – Vol. 44 (2). – P. 261-279.
420. Oevermann, H. Exploring urban transformations: Synchronic discourse analysis in the field of heritage conservation and urban development / H. Oevermann, H. Mieg // *Journal of Urban Regeneration & Renewal*. – 2015. – Vol. 9 (1). – P. 54-64.
421. Park J., Kim S. Digital representation of Seokguram temple UNESCO world heritage site / J. Park, S. Kim // *Augmented Reality and Virtual Reality: Empowering Human, Place and Business*. – Springer, Cham, 2018. – P. 379-384.
422. Pastonchi, L. Satellite Data to Improve the Knowledge of Geohazards / L. Pastonchi, A. Barra, O. Monserrat [et al.] // *World Heritage Sites. Remote Sensing*. – 2018. – Vol. 10 (7). – P. 992.
423. Petrig, A. UNESCO Convention and The Protection Of Underwater Cultural Heritage / A. Petrig, M. Stemmler // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2020. – Vol. 69 (2). – P. 397-429.

424. Pinho dos Santos, R. Spanish Constitutionalism in Catalonia: An anthropology of civic nationalism / R. Pinho dos Santos // Nations and Nationalism. – 2021. – Vol. 27. – P. 427-448.
425. Rabeharisoa, V. Le pouvoir des malades: L'association française contre les myopathies et la recherche / V. Rabeharisoa, M. Callon. – Presses des MINES, 1999. – 185 p.
426. Romero-Vidal, X. Two temperatures for one thermostat: The evolution of policy attitudes and support for independence in Catalonia (1991–2018) / X. Romero-Vidal // Nations and Nationalism. – 2020. – Vol 26. – P. 960-978.
427. Roubal, J. Aesthetic diagnosis in gestalt therapy / J. Roubal, G. Francesetti, M. Gecele // Behavioral Sciences. – 2017. – Vol. 7, № 4. – P. 70-80.
428. Sánchez-Vergara, J. I. The emergence of the sharing city: A systematic literature review to understand the notion of the sharing city and explore future research paths / J. I. Sánchez-Vergara, M. Ginieis, E. Papaoikonomou // Journal of Cleaner Production. – 2021. – Vol. 295. – P. 1-20.
429. ScienceDirect [Электронный ресурс]: веб-сайт. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/>
430. Sears, D. O. Evidence of the Long-Term Persistence of Adults' Political Predispositions / D. O. Sears, C. L. Funk // The Journal of Politics. – 1999. – Vol. 61 (1). – P. 1-28.
431. Smith, B. E. Emergent Bilingual Students and Digital Multimodal Composition: A Systematic Review of Research in Secondary Classrooms Reading / B. E. Smith // Research Quarterly. – 2021. – Vol. 56 (1). – P. 33-52.
432. Smith, L. Uses of heritage / L. Smith. – L.: Routledge, 2006. – 368 p.
433. Snyder, H. Literature review as a research methodology: An overview and guidelines / H. Snyder // Journal of Business Research. – 2019. – Vol. 104. – P. 333-339.
434. Sosnovskaya, A. Communication strategies and functions in Russian politicians' use of social media / A. Sosnovskaya, O. Gris // AIP Conference Proceedings. – 2022. – Vol. 2656 (1). – P. 020033.

435. Sosnovskaya, A. Conceptual Communication Model for the Sociological Analysis of Urban Heritage Conflicts [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya // SSRN. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=4400765>.

436. Sosnovskaya, A. Features of the city of St. Petersburg (Russia) according to youth survey [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya. – Режим доступа: <https://data.mendeley.com/datasets/ndb6y3xxc4>

437. Sosnovskaya, A. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discursive Mapping of Saint Petersburg / A. Sosnovskaya // International Journal of Architecture and Planning. – 2022. – Vol. 2 (1). – P. 33-36.

438. Sosnovskaya, A. Saint Petersburg's Heritage and Urban Youth Identity [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya // SSRN. – 2022. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4220269.

439. Sosnovskaya, A. Students' survey on urban identity [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya, O. Orlova. – Режим доступа: <https://data.mendeley.com/datasets/cdx3p3npk4/1>

440. Sosnovskaya, A. Transformation of professional practices of identity among journalists in Russia and Sweden: A comparative analysis / A. Sosnovskaya // Germano-Slavica. – 2002. – Vol. 13. – P. 75-90.

441. Sosnovskaya, A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices / A. Sosnovskaya // International Journal of Tourism and Hospitality. – 2022. – Vol. 2. – P. 56-69.

442. Sosnovskaya, A. Visual metaphors of St. Petersburg and the ball [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya. – Режим доступа: <https://data.mendeley.com/datasets/9ty6ynhn7b/1>

443. Speech to Text with Google Speech Recognition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictation.io> > speech.

444. Spezzano, P. Mapping the susceptibility of UNESCO World Cultural Heritage sites in Europe to ambient (outdoor) air pollution / P. Spezzano // Science of the Total Environment. – 2021. – Vol. 754. – P. 142345.

445. Spöhrer, M. Applications of actor-network theory in media studies: A research overview / M. Spöhrer // *Applying the actor-network theory in media studies*. – 2017. – P. 1-19.

446. Spyridou, L. P. Journalism in a state of flux: Journalists as agents of technology innovation and emerging news practices / L. P. Spyridou, M. Matsiola, A. Veglis [et al.] // *International communication gazette*. – 2013. – Vol. 75 (1). – P. 76-98.

447. Stevenson, H. Gestalt consulting [Электронный ресурс] / H. Stevenson. – 2003. – Режим доступа: <https://www.herbstevenson.com/articles/gestalt-consulting.php>.

448. Stone-Cadena, V. Historicizing Mobility: Coyoterismo in the Indigenous Ecuadorian Migration Industry / V. Stone-Cadena, S. Álvarez Velasco // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2018. – Vol. 676 (1). – P. 194-211.

449. Strum, S. The Meanings of Social: from Baboons to Humans / S. Strum, B. Latour // *Information sur les Sciences Sociales/Social Science Information*. – 1987. – Vol. 26. – P. 783-802.

450. Teurlings J. What Critical Media Studies Should Not Take from Actor-Network Theory / J. Teurlings // *Applying the Actor-Network Theory in Media Studies*. – IGI Global, 2017. – P. 66-78.

451. Teurlings, J. Unblackboxing production. What media studies can learn from actor-network theory [Электронный ресурс] / J. Teurlings. – Режим доступа: https://mediarep.org/bitstream/handle/doc/14179/After_the_Break_101-116_Teurlings_Unblackboxing_production.pdf?sequence=1

452. Thielmann, T. Akteur-medien-theorie / T. Thielmann. – Bielefeld: transcript, 2013. – 33 p.

453. Thompson, J. B. Mass communication and modern culture: Contribution to a critical theory of ideology / J. B. Thompson // *Sociology*. – 1988. – Vol. 22 (3). – P. 359-383.

454. Törrönen, J. Following the moving and changing attachments and assemblages of ‘addiction’: Applying the actor network approach to autobiographies / J.

Törrönen, C. Tigerstedt // *International Journal of Drug Policy*. – 2018. – Vol. 54. – P. 60-67.

455. Travis, D. S. Discovering the Fault Lines in American Civil–Military Relations / D. S. Travis // *Armed Forces & Society*. – 2018. – Vol. 44 (4). – P. 731-747.

456. Turnhout, E. The politics of environmental knowledge / E. Turnhout // *Conservation and Society*. – 2018. – Vol. 16 (3). – P. 363-371.

457. Under UNESCO protection. A management plan will be written for the center of St. Petersburg [Электронный ресурс] // UNESCO. – Режим доступа: <http://unesco.ru/news/saint-petersburg-unesco/>

458. Van der Hoeven, A. Valuing Urban Heritage Through Participatory Heritage Websites: Citizen Perceptions of Historic Urban Landscapes / A. Van der Hoeven // *Space and Culture*. – 2020. – Vol. 23 (2). – P. 129-148.

459. Van Dijk, T. A. Critical Discourse Analysis / T. A. Van Dijk // *The handbook of discourse analysis*. – 2015. – P. 466-485.

460. Venuleo, C. Fear, affective semiosis, and management of the pandemic crisis: COVID-19 as semiotic vaccine? / C. Venuleo, C. G. O. Gelo, S. Salvatore // *Clinical Neuropsychiatry*. – 2020. – Vol. 17 (2). – P. 117-130.

461. Verma, S. The School to Deportation Pipeline: The Perspectives of Immigrant Students and Their Teachers on Profiling and Surveillance within the School System / S. Verma, P. Maloney, D. W. Austin // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2017. – Vol. 673 (1). – P. 209-229.

462. Vestergren, S. The biographical consequences of protest and activism: a systematic review and a new typology / S. Vestergren, J. Drury, E. Hammar Chiriac // *Social Movement Studies*. – 2017. – Vol. 16 (2). – P. 203-221.

463. Warner, M. Publics and counterpublics (abbreviated version) / M. Warner // *Quarterly Journal of Speech*. – 2002. – Vol. 88 (4). – P. 413-425.

464. Wodak, R. Aspects of critical discourse analysis / R. Wodak // *Zeitschrift für angewandte Linguistik*. – 2002. – Vol. 36 (10). – P. 5-31.

465. Wodak, R. *Methods of critical discourse studies* / R. Wodak, M. Meyer. – Sage, 2015. – 272 p.

466. World Scientific [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldscientific.com>

467. Yaneva, A. Making the social hold: Towards an actor-network theory of design / A. Yaneva // Design and Culture. – 2009. – Vol. 1 (3). – P. 273-288.

468. Yaneva, A. The making of a building: A pragmatist approach to architecture / A. Yaneva. – Peter Lang, 2009. – 227 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица А.1 – Диспозитивы дискурсов о наследии, реконструированные из СМИ и социальных сетей

Среда и материальность	Действия	Компетенции	Ценности	Идентичность	Концепции	Предположения	Цели, миссия	Аффективные эмоции	Невербальные переживания
Симбиоз или интериоризация; люди часть среды, материального поля	Действие можно понимать как узел, «конгломерат разных мотивирующих, который придется медленно распутывать»	Навыки и способности, позволяющие поддерживать действия	Важные смыслы и значения – являются окончательным обоснованием основных предположений, выбора концепций и языка	Набор ролей, транслирующихся их непротиворечивое поведение, которое перформативно и меняет ситуацию	Некий замысел для претворения в жизнь	Гипотезы в рамках городской политики	Основная цель группы	Эмоции по процессу взаимодействия, результату	Телесное переживание среды, эстетическое переживание, тело дисциплинируется и инкорпорирует нормы, культуру
1. Диспозитивы дискурса градозащитников и жителей района кейса разрушения здания лейб-гвардии Финляндского полка в историческом центре Санкт-Петербурга, на Васильевском Острове, на 20 линии, №19									

Ансамбль Васильевского острова	Кто виноват? Что делать?	Связи, обращения за помощью, петиции, контроль в суде, митинги	Единый аутентичный облик ВО, политика памяти ВОВ (хлебкомбинат)	Житель Васильевского острова, петербуржец, активист-градозащитник	Наказывать виновных, восстановить память	Даже если это не 19 век, а новодель – это памятник Блокаде. Эстетический и привычный объект. Сохранение среды, ансамбля	Сохранение объекта (до руинизации) или трансформация (реставрация и новая функция)	Страх разрушения идентичности, истории, культуры, памяти; Позиция жертвы и агрессора	Разрушение в ситуации стресса и тревожности геополитической ситуации, опасность, отсутствие безопасности и стабильности. Эстетическое переживание ансамбля
2. Диспозитивы дискурса журналистов									
Объект всемирного наследия	Действие ГО	Журналистский дискурс	Показывают разные точки зрения на событие	Профессионал, защитник справедливости	Концепция сохранения наследия	Предположение – баланс нового и культуры	Создание объектов освещения	Аффективность, поиск истины, справедливость, актуальность темы, законность	Медиаполе, духовность, культура
3. Диспозитивы дискурса бизнеса, девелоперов									

Прибыльное место под строительство	Действие – строительное проектирование и строительство	Компетенции в строительстве и реновации	Ценность развития города, комфорта, привлечение инвестиций в центр)	Профессионал, бизнесмен, строитель будущего	Концепция развития и реновации	Предложение – невыгодно реставрировать и сохранять, нет ресурсов. Из этого не извлечь выгоду	Строительство нового	Скорость, Ожидание дохода	Новое удобное жилье
4. Диспозитивы дискурса профессионалов, архитекторов									
Объект всемирного наследия	Через их действия действует весь институт архитектуры. Вся традиция, реновации, реставрация. Реконструкция	Ценность экспертного знания (по реставрации, сохранению, изменению)	Дизайн. Эстетика. Пространственное качество. Доступность. Повторное использование. Чувствительность к локациям и среде	Профессионал, эстет, обращенность к трансцендентному	Специфичная для места архитектура, образ	Физическое пространство трансформируется во что-то новое. Существующая структура является сырьем для проектирования	Проектирование новых форм и архитектурные выражения. Повторное использование существующих конструкций для новых форм	Любовь к архитектуре, строительству и дизайну. Обида по поводу недоверия экспертам и приоритет общественного мнения	Авторские проекты, создание проектов и эскизов, рука – как связь с архитектурой
5. Диспозитивы дискурса ЮНЕСКО									

Объект Всемирного наследия	Мониторинговая миссия в целях обеспечения сохранности объектов ЮНЕСКО	Компетенции, подтвержденные нормативно-правовыми актами между народного права	Сохранение культурного наследия, выдающейся универсальной ценности	Идентичность – культурная	Концепция сохранения наследия	Предположение – надежда на ГО и соблюдение законов	Цели и миссия – сохранение наследия для потомков	Уважение к истории и культуре	Красота, духовность, культура
6. Диспозитивы дискурса КГИОП									
Объект Всемирного наследия	Консервация, защита наследия от разрушения	Компетенции, подтвержденные российскими законами и нормативно-правовыми актами	Ценность – сохранение культурного наследия	Идентичность – культурная	Концепция сохранения наследия	Предположение – надежда на ГО и соблюдение законов	Цели и миссия – сохранение наследия для потомков	Аффект. Уважение к истории и культуре	Красота, духовность, культура
7. Диспозитивы дискурса городского правительства									
Объект Всемирного наследия	Действие согласно плану развития города	Компетенции. Подтвержденные законодательными актами	Ценность – сохранение культурного наследия и развитие города	Идентичность – культурная столица	Концепция развития города	Предположение – соблюдение законов	Цели и миссия – управление развитием города	Аффект. Уважение к истории и культуре. Ответственность	Развитие города и культура
8. Диспозитивы дискурса креативный класс									
Объект Всемирного наследия	Действие – креативные предложения хипстеров	Новый урбанизм	Творческое комфортное жилье	Профессионал, творческий человек, современный	Концепция создания креативных кластеров	Предположение – польза наследия, использование для	Комфортная работа	Аффект, креативность	Красота, практичность, культура

						работы и как места общени я			
9. Диспозитивы дискурса молодежь поколения Z									
Объ ект Все мир ного насл едия	Действ ие – досуг	Новый урбани зм	Самора звитие все равно где	Соврем енный ищуци й чувству ющий человек	Конце пция созда ния креат ивны х класт еров	Предпо ложени е – польза наслед ие, использ ование для работы и мест общени я	Комфор тная работа	Аффек т креати вность	Красота, практич ность, культура
10. Диспозитивы дискурса обременения									
Объ ект Все мир ного насл едия	Действ ие соглас но закону	Компет енции в своей област и	Уважен ие к истори ческой ценнос ти	Профес сионал, житель	Конце пция соблю дения закон ов	Предпо ложени е – справед ливая аренда	Цель – извлече ние своей выгоды на фоне наследи я	Аффек т, сосуще ства ние	Соседст во, обремен ение

Saint-Petersburg University

On the rights of the manuscript

SOSNOVSKAYA Anna Mikhailovna

URBAN IDENTITY POLITICS IN CULTURAL HERITAGE DISCOURSE

Scientific specialty: 5.9.9. Media Communications and Journalism

DISSERTATION

for a scientific degree of Dr. of Political Sciences

Translation from Russian

Scientific consultant:

Doctor of Political Sciences, Associate Professor

I.N. Blokhin

St. Petersburg

2023

TABLE OF CONTENTS

1. INTRODUCTION	5
CHAPTER 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF IDENTITY	23
1.1. State of the issue in the current interdisciplinary context	25
1.1.1. Problematization of identity in modern world science.....	25
1.1.2. Identity as a Phenomenon Constantly Constructed in Communication	39
1.2. Characteristics of reflexive self-identity in the theory of late modernity by A. Giddens as the basis of the conceptual scheme for constructing identity	43
1.3. Identity politics, identity crisis and novelty of emotional modes of self-perception.....	53
1.4. Discursive construction of political socialization in the media	60
1.4.1. The limits of media influence on the formation of the identity of the youth of generation Z	62
1.5. Defining the Gestalt Analysis Process in Psychotherapy as a Source of a Conceptual Identity Construction Scheme.....	68
1.5.1. Audience contact with text.....	74
1.5.2. Gestalt Communication in the Museum as a Reflective Work of Identity	78
Chapter 1 Conclusions	84
CHAPTER 2. DEVELOPMENT OF A CONCEPTUAL MODEL OF COMMUNICATION AND DISPOSITIVE DISCOURSE ACCORDING TO THE METHODOLOGY RECONSTRUCTED FROM ACTOR-NETWORK THEORY	87
2.1. Understanding media communication within the framework of discursive and dispositive analysis.....	87
2.2. Longitudinal Identity and Heritage Research Program.....	90
2.2.1. The specificity of the selection and interpretation of empirical material in the framework of research and management projects	92

2.3. Heuristic prospects of using actor-network theory for political science and media communication	100
2.4. Discursivity as a Framework for the Study of Agency	108
2.4.1. Definition of discourse and its social dimensions	114
2.5. Developing a conceptual model of communication: agency	120
In communication psychology	120
2.5.1. Definition of Dispositives of Discourses	124
2.5.2. Research Program of Actor-Network Theory.....	144
2.5.3. Actor-network theory and media	147
2.6. Methodological foundations of interdisciplinary modeling of communicative identity	152
2.7. Construction of a conceptual model for the construction of urban identity, taking into account Gestalt analysis, actor-network theory, object-oriented ontology	158
Chapter 2 Conclusions	178
CHAPTER 3. URBAN IDENTITY POLICY IN HERITAGE DISCOURSE: A HYBRID ASSEMBLY OBJECT.....	184
3.1. Hybrid Entity: Representing Identity Policies	186
3.2. World Cultural Heritage Discourse.....	188
3.2.1. Heritage issues and needs	206
3.3. Identity practices of a Petersburger.....	208
3.3.1. Value- and Goal-Oriented Dispositives of the Discourse of Cultural Heritage in the Procedures of Political Communication	211
3.4. Dispositives of groups and antagonism of discourses	229
3.4.1. Discourses and Dispositives: Reconstruction from Media and Social Networks	230
3.4.2. Current urban identity politics	239
3.5. <i>StP4juniors</i> project as implementation of the conceptual model and urban identity management of junior schoolchildren	258
Chapter 3 Conclusions	263
CONCLUSION	270

BIBLIOGRAPHY 291

APPLICATION A..... 337

INTRODUCTION

Relevance of the research topic.

One of the most noteworthy issues in media discourse in recent years has been that of cultural heritage preservation. The worth of cultural heritage preservation is that it accumulates and generates the identity, history and values of communities and territories, and makes it possible to present heritage media discourse as territorially specific. The economic significance lies in the fact that “the preservation of old buildings and small historic districts of the city is a representation of the scarce 'monopoly' on the visual past of the city. Revenues from tourism and property prices in these areas give this monopoly economic significance”¹.

Russia is currently implementing a policy aimed at strategic development management in the context of territorial identities as the official development policy of the country. This policy course and the corresponding development configuration are determined by documented strategic planning norms². At the municipal level, such documents include socio-economic development strategies and accompanying action plans, programs and forecasts.

The competitive potential of the entire territory is increased by the strategy's regional implementation. Differentiation of urban values, features, and practices results from the competition between cities in the areas of culture and identity that emerges at particular stages of the implementation of the strategy. Assuring a person's harmonious development based on St. Petersburg's cultural and historical heritage is one of the city's development strategies' goals, and it is emphasized that the city's identity is tied to its cultural and historical heritage. First and foremost, the social practice and territorial identification of citizens, the acuteness of political processes that accompany precedents for the destruction of heritage, both as a result of deterioration, neglect, and deliberate

¹ Zukin Sh. Cultures of Cities. Moscow: New Literary Review, 2018. P. 33.

² The federal law “On Strategic Planning in the Russian Federation” dated June 28, 2014 N 172-FZ (last edition) June 28, 2014 N 172-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (date of access: 04/10/2023); “Implementation of the Federal Law “On Strategic Planning in the Russian Federation” in the Subjects of the Russian Federation” // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <http://economy.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/105142/> (date of access: 04/10/2023).

ignoring and destruction; and second, the need to satisfy the interest and needs of the audience in preserving the habitat, history, and culture, are the causes of the growing media and public attention to cultural heritage, historical memory, and commemoration.

The habitual visual image of the environment with which the residents identify themselves, experiencing identification aesthetically and ethically, is how they determine their cultural affiliation and identity. These factors include material and non-material cultural values.

This topic also falls into the category of topical due to close attention to it by various stakeholders or actors of political activity, including foreign ones, since the historical center of St. Petersburg and related groups of monuments are a UNESCO World Heritage Site, and the World Club of St. Petersburg is distributed throughout the world.

Modern Russian journalism is acquiring the characteristics of a fundamental (durable) subject of regulation of relations with the heritage of interested groups both at the institutional level and at the discursive level, representing a group with a strong position of influence in the opposing field of interest. We explore modern Russian journalism primarily urban, centered in St. Petersburg, but not exclusively, as media of different status and location participate in the discussion of preserving heritage and identity.

The role and significance of technology as well as the material components of media, journalism, and content producers are growing and these factors should be acknowledged from the perspective of actor-network theory (hereinafter referred to as ANT). These factors are given weight and advantages as technical tools, platforms, and filters channeling communication and constructing social reality.

The work's relevance is also a result of the fact that the modern world's multi-level identity crisis is getting worse for reasons that are generally of a global, general political, and general cultural nature. Actor-network theory, in the context of a general ontological turn in politics, including identity, sharpens the issue of interaction with things, nature, reified structures, and technologies that have an impact on daily life, taking into account their equality, sovereignty, and inclusion, shifting the center of action from a person to

materiality and tools, which is at odds with the trends of globalization, production, and anthropocentric identity.

It is possible to deconstruct identity and identification structures while taking into account actor networks, and this process often takes place in conflictual or contentious situations. Identity practices, heritage requirements, legal documents reflecting identity construction strategies, in-depth interviews with citizens, upbringing and educational methods of gaining identity are all established during the formation of flat ontologies, networks, and assemblies, in which human and non-human actors act as actors, groups with their own dispositives, communicative strategies, and politics.

In these circumstances of the ontological turn and transformation of the Anthropocene, the primary objective of urban policy in the area of identity construction can be formulated as the intensification of the construction of youth urban identity by reformatting the communication structure in the discourse about the city, heritage, and culture, taking into account dispositives, including non-material factors.

The work is also important because it has chosen to focus on the discursive and semiotic aspects of the ideological phenomenon of text impact. Two specifically created models, which share a fundamental structure and are used to study how individuals and groups construct their identities, are used to study media discourse.

Aspects of the psychological model of communication, gestalt analysis, actor-network theory, and dispositive discursive analysis are incorporated into the conceptual model of communication on the acquisition of identity as the assimilation and integration of experience by individual actors. The conceptual model's guiding principles are contained in the model of the dispositive analysis of the group in the group discourse.

As a result, it was possible to take into account and analyze the characteristics of journalism texts and media discourse in the implementation of urban identity policy thanks to the development of working models for the acquisition of individual and group identities. Reference points have been identified and localized for preventing the urban identity crisis, decreasing interest in heritage, reassembling and stabilizing the identification processes, and updating the urban identity policy's strategy.

A map of the dispersion of discursive practices of groups was created while taking into account the position, influence, and dominant affect of the communicative strategy. This was done in order to analyze the antagonistic discourses involved in the discussion about the heritage of groups with their articulated policies. It is now possible to discuss media discourse as a complex, structured phenomenon with potential for political participation thanks to the revealed animosities.

An analysis of the commemoration and significance of urban identity in citizens' worldviews, which involved an appeal to the anthropological and psychological analysis of conversations, is representative of our research. Additionally, the study took into account aspects of how young people construct their urban identities.

In a project to strengthen urban identity called *StP4juniors* in the framework of the interregional competition “Mission to Preserve”, 2021-2023, a new conceptual model for constructing identity in communication that takes into account psychology and actor-network theory was verified. This model can be presented as a potentially useful one for the analysis of urban school projects and urban planning activities with generation Z and Alpha youth. When various groups implement their communicative policies of urban identity, complex interactions in the environment and in discourse are unavoidable. The model that is being presented aids in illuminating these interactions. The suggested model can be used to design more manageable and stable communication and has the ability to zoom and scale. It has a standard of use and self-assessment in the form of a graphic diagram and fundamental questions.

The trend in the advancement of media education, which necessitates the disclosure of applied critical thinking aspects, promotes the relevance of the dissertation work. The most crucial skill for the digital age is media literacy³.

It should be noted that a significant amount of empirical data has already been gathered over the course of a 7-year longitudinal study on the subject at hand. A comprehensive and dynamic picture of identity politics and identification is produced by

³ Korkonosenko S. G. Theory of journalism: from schematism to realism // Questions of theory and practice of journalism. 2016. V. 5, No. 4. P. 536-545; Vartanova E. L., Vikhrova O. Yu., Samorodova E. V. Media literacy as a condition for overcoming the digital divide in the Russian Federation // Mediascope. 2021. No. 1. P. 1.

the dynamics of data, which actualize the solutions to the issues and contradictions considered in the dissertation work.

The degree of development of the topic. The study of discourse, media and journalism in the system of political relations, their interaction with political and social processes is at the intersection of various areas of scientific knowledge. The work used the provisions developed in the theory of media communication and journalism, tested in the works of S. G. Korkonosenko, I. N. Blokhin, G. S. Melnik, B. Ya. Misonzhnikov, S. B. Nikonov, V. A. Sidorov, L. G. Svitich, A. V. Baichik⁴. Close to the development of this topic are the works on discursive analysis, communication and the study of media texts by V. P. Kolomiets, A. N. Grishanina, V. A. Achkasov, I. M. Dzyaloshinsky, K. R. Nigmatullina, M. E. Anikina, A. A. Niyazgulova, A. N. Teplyashina⁵. These works are distinguished by their attention to the problems of discourse and language, the analysis of mass media texts and the use of language in journalistic publications. Communicative aspects of political management are analyzed in the studies and dissertations of F. I. Sharkov, S. V. Volodenkov, O. V. Smirnova, M. V. Shkondina, D. P. Gavra, I. N. Panarin, S. A. Shilina, L. V. Smorgunov⁶.

⁴ See: Political Journalism: Textbook / S. G. Korkonosenko, V. A. Sidorov, Z. F. Khubetsova [and others]. Moscow: Yurait Publishing House, 2020; Modern journalism: theory and practice in the context of digitalization / I. B. Aleksandrova, E. A. Voinova, I. N. Demina [and others]. M.: Faculty of Journalism of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow State University named after M.V. Lomonosov", 2021; Korkonosenko S. G. et al. Political journalism, 2019; Demyanova A. V. Value-semantic models of teenage magazines // Journalism in 2021: creativity, profession, industry. M., 2022. P. 328-330; Melnik G. S., Sveshnikova N. O. The image of the future of Russia in media discourse // Communications in the conditions of digital transformation: collection of materials of the V International scientific and practical conference, St. Petersburg, November 29–30, 2021 / Ed. A. D. Krivonosov. St. Petersburg: "SOFIA", 2021. P. 132-136; Nikonov S. B. B. et al. Trends in Media Development in the Period of Financial Convergence // Innovations and Investments. 2022. №. 2. P. 116-120; Baichik A. V. Mass media space of value conflict: diss... doctor. political Sciences. SPb., 2022.

⁵ See: Kolomiets V. P. Mass communication in the discourse of domestic sociologists (1960s – 1980s) // Sociological research. 2018. No. 10. P. 100-111; Grishanina A. N. Questions of methodology and methodology for studying media texts on the preservation of cultural heritage // Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects: materials of the X International Scientific Conference, Chita, November 24–25, 2017. Chita: Transbaikal State University, 2017. P. 154-156; Achkasov V. A. et al. Communication technologies in the processes of political mobilization. M.: Flinta, 2016; Nigmatullina K. R. The value of communication in the digital space // Humanitarian vector. 2022. V. 17, No. 1. P. 148-158; Teplyashina A. N. Comments on the media site as a feedback format in Internet communications (discursive aspect) // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2020. No. 62. P. 308-323; Anikina M. E. Social networks and messengers as a communication channel for journalists: experience of empirical research // Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: M., 2022. P. 79-84; Niyazgulova A. A. Philosophy of transhumanism in media discourse // Humanitarian vector. 2022. V. 17, No. 2. P. 143-153; Dzyaloshinskiy I. M. Philosophy of Digital Civilization and Transformation of Media Communications. Chelyabinsk, M., 2020.

⁶ See: Volodenkov S. V. Internet communication technologies in the system of modern political management: dis. ... doc. political Sciences. M., 2015; Sharkov F. I. Social networks as a basis for the formation of the space of public communications // Communicology. 2019. V. 7, No. 4. P. 32-40; Smirnova O. V., Shkondin M. V. Research of media and journalism in the context of conflictology: system-theoretical aspects // Issues of theory and practice of journalism. 2021. V. 10, No. 1. P. 5-21; Panarin I. Media, propaganda and information wars. Letters, 2022; Shilina S. A. Management discourse as a technology

Both psychology and sociology have a wealth of knowledge regarding the study of identity. Individual and group identities are investigated in both disciplines, including “I-identity” and “we-identity.” Typically, psychology focuses more on the psyche, feelings, psychological defenses, individual trajectory, and personal choice, while sociology focuses on internalized social practices. These are the works of R. Burns, A. Giddens, V. A. Yadov, S. Ginger, J.-M. Robin, F. Fukuyama, I. S. Semenenko, G. L. Tulchinsky, A. N. Makhinin, L. A. Shaigerov, L. V. Enina, E. I. Grishaeva, M. Culpepper⁷.

This work draws on the findings and advancements of urban studies, including those on urban identity. It should be noted the works of G. V. Gornova, D. N. Zamyatin, R. V. Evstifeev, E. G. Trubina, O. Yu. Malinova, I. A. Pakshina, O. N. Zhiltsova, K. V. Vasilyeva, A. A. Puchkovskaya, V. S. Vakhstein, O. A. Orlova, D. Morris, O. I. Vendina, D. I. Gigauri, Sh. Zukin, R. Oldenburg⁸.

of communication in the system of relations between the state and society: dis. ... doc. sociological Sciences. Moscow, 2015; Smorgunov L. V. Modern trends in public administration: from new public management to public policy management // Political Science. 2022. No. 3. P. 100-121; Gavra D. P. Concept and characteristics of communication strategy // Russian School of Public Relations. 2019. No. 15. P. 65-78.

⁷ Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition / Ed. ed. I. S. Semenenko. Moscow: IMEMO RAN, 2017; Makhinin A. N., et al. Russian Identity Today: Problems and Resources of Formation. 2022; Culpepper M. I make, therefore I am: Agency, action, affordance, and the path to creative identity: dis. University of Westminster, 2018; Shaigerova L. A. Self-categorization of Russian adolescents from various subjects of the federation in modern sociocultural conditions: general and special // Herzen readings: psychological research in education. 2018. No. 1. P. 133-143. Tulchinsky G. L. Identity as a project: Conditions for the political positioning of the individual // Symbolic politics: a collection of scientific papers. 2017. No.5. P. 80-97; Enina L.V. Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification // Political Linguistics. 2016. No. 6. P. 159-167; Grishaeva E. I. Identity as an unfinished project: the concept of identity in discourse analysis (Laclau and Mouffe) // Philosophical Traditions and Modernity. 2016. No. 2. P. 53-56; Fukuyama F. Identity: the desire for recognition and the politics of rejection. Moscow: Alpina Publisher, 2019; Burns R. What is the Self-concept. Psychology of self-consciousness. Samara: Bahrahk-M, 2003; Yadov V. A. Social and socio-psychological mechanisms of the formation of the social identity of the individual // World of Russia. 1995. No. 3-4. P. 158-181; Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford University Press, 1992; Ginger S. A practical guide for psychotherapists. M.: Academic project, 2014; Robin J.-M. Gestalt therapy. M., 2007; Robin J.- M. Being in the presence of another: studies in psychotherapy. M., Institute for General Humanitarian Research, 2008.

⁸ See: Zamyatin D. N. Geocultural branding of territories: conceptual foundations // Labyrinth. Journal of social and humanitarian research. 2013. No. 5. P. 11-23; Malinova O.Yu. Designing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia // Designing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia. 2013. No. 2013. P. 1-421; Evstifeev R. V. et al. Urban local identities and the potential of political solidarization // Symbolic Politics. 2016. No. 4. P. 245-258; Trubina E. G. City in theory. Novoe literary obozrenie, 2011; Pakshina I. A. Study of urban identity in Internet communities (based on the results of a qualitative analysis) // Research Result. Sociology and management. 2020. V. 6, No. 2. P. 19-35; Zhiltsova O. N. et al. Marketing of territories. M., 2021.; Vasilyeva K. V., Puchkovskaya A. A. Being a Petersburg: Visual Content and Informal Symbols of the City (On the Example of the Social Network Instagram) // Labyrinth. Theories and practices of culture. 2020. No. 4. P. 5-15; Vakhstein V. Imagining the city: An introduction to the theory of conceptualization. Moscow: New Literary Review, 2021; Orlova G., Morris D. Pandemic in a (mad) smart city: digital prostheses and affordances of Moscow self-isolation // City Networks: People. Technologies. Authorities. Moscow: New Literary Review, 2021. P. 114-146; Vendina O. I. Moscow identity and the identity of Muscovites // News of the Russian Academy of Sciences. Geographic series. 2015. No. 5. P. 27-39; Gigauri D. I. “The city on the free Neva”: the development of the territory and the new identity of the inhabitants of St. Petersburg // City. Environment. Policy. Collection of materials of the scientific-practical conference / Ed. L. A. Gainutdinova and M. V. Nevzorov. St. Petersburg, 2018. P. 62-65; Zukin Sh. Cultures of cities. Moscow: New Literary Review, 2018; Oldenburg R. Third place: cafes, coffee houses, bookstores, bars, beauty salons and other places of

The transformation of the processes taking place in society and science requires the involvement of a wide range of sources devoted to current changes and crises. Of the many works of domestic and foreign researchers, it is necessary to single out works that analyze global trends in the development of society and media in the context of the ontological turn. These are the works of B. Latour, G. Harman, A. V. Markov, D. Haraway, R. Braidotti, L. Manovich, E. Laclau, Ch. Mouffe, O. V. Kharkhordin, N. Carpentier, M. V. Zagidullina⁹.

Theoretical base of the research. It is impossible to study urban identity policy without incorporating the theories, concepts, hypotheses, and conclusions of various scientific schools, traditions, and trends. The dissertation project included writings in the fields of sociology, psychology, political science, cultural studies, and the theory of architecture by authors like N. P. Antsiferov, A. Yaneva, L. S. Vygotsky, D. S. Likhachev, V. N. Toporov, Yu. M. Lotman, M. M. Bakhtin, J. Lacan, H. Tajfel, M. Foucault, E. Erickson, S. Hall, H. Overman, H. Mig, R. Harrison¹⁰.

The dissertation employs standard scientific techniques like generalization, extrapolation, and analysis and synthesis. The dissertation's overarching theoretical

“hanging out” as the foundation of the community. M.: New Literary Review, 2018; Gornova G. V. Urban Identity: Philosophical and Anthropological Foundations: Monograph. Omsk: Amphora, 2019.

⁹ See: Latour B. Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory. M.: Ed. house of the Supreme economy school, 2022; Harman G. Object-oriented ontology: a new “theory of everything”. Moscow: Ad Marginem Press, 2021; Markov A. V. On the theory of dark media // Artikult. 2022. No. 1 (45). P. 75-84; Markov A. V. Critical theory. Moscow: Ripol classic, 2021; Haraway D. Staying with Trouble: Making Kindred in Hthulutzen. Perm, 2020; Braidotti, R. Posthuman. Publishing house of the Gaidar Institute. M., 2021; Manovich L. The language of new media. Ad Marginem, 2018; Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. Verso Books, 2014; Zagidullina M. V. Mediatization of mobile communications (actor-network approach) // Ethnographic Review. 2016. No. 5. P. 80-81; Kharkhordin O. V. Where is the theory of practices going: a turn to materiality // Sociological research. 2012. No. 11. P. 20-34. Carpentier N. The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation. Peter Lang Publishing, Inc., New York, 2017.

¹⁰ See: Antsiferov N. Soul of Petersburg. M.: Bertelsmann Media Moscow (BMM), 2014.; Yaneva A. Latour for Architects. Routledge, 2022; Harrison R. et al. Heritage futures: comparative approaches to natural and cultural heritage practices. UCL press, 2020; Vygotsky L. S. Psychology of human development. M.: Meaning, 2006; Likhachev D. S. Selected Works on Russian and World Culture. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2006; Toporov V. N. Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works. St. Petersburg: Art-SPB, 2003; Lotman Yu. M. The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city // History and typology of Russian culture. St. Petersburg, 2002; Bakhtin M. M. Epos and novel. Moscow: Azbuka, 2000; Lacan J. Seminars. Gnosis: Logos, 2008; Foucault M. The history of sexuality // The will to truth: beyond power, knowledge and sexuality. 1998; Foucault M. Archeology of knowledge: fr. / ed. B. Levchenko. K.: Nika-Centre, 1996; Foucault M. It is necessary to protect society. Moscow: Nauka, 2005; Erickson E. G. Childhood and society. Lenato, 1996; Tajfel, H. Social psychology of intergroup relations. Annual Review of Psychology. 1982. No. 33. P. 1-39; Hall S. Cultural Studies: Two Paradigms // Philosophical and Literary Journal Logos. 2012. No. 1 (85). P. 157-183; Oevermann H., Mieg H. Exploring urban transformations: Synchronic discourse analysis in the field of heritage conservation and urban development // Journal of Urban Regeneration & Renewal. 2015. Vol. 9, No. 1. P. 54-64.

framework considers the following guidelines: within the framework of political anthropology, the idea of “political field,” which entails the study of the objectives, forms, and processes of political activity rather than the structures and institutions linked to the exercise of power;

Post-structuralism: the theory that discourse shapes the social world with the aid of meanings and those discursive methods de-essentialize the notion of identity; The actor-network approach, which views study of objects as a network of heterogeneous elements connected by a set of varied practices, is the main theoretical sociology concept in the dissertation. Other theoretical sociology concepts include the identity dilemma, and the concept of practices;

In media theory in the aspect of information policy, the idea that the sum of different message flows coming from actors in the public authority and state decision-making fields constitutes an informational political space in which a particular type of political communication is formed and a policy is developed that entails the use of particular means and methods of information transmission that direct the actions of participants;

In the paradigm of the psychological study of mass behavior – the idea that the perception of interaction with the environment and material objects, followed by reflection on this matter, is seen as social/group identification in the paradigm of the psychological study of mass behavior. Social/group identification is seen as the personal experience of the successes and failures of the group through self-categorization, evaluation of one's own performance, and comparison to the group;

The actor-network theory takes into account all objects as technologies that take part in the creation of new actants and new associative links when studying the relationship between objects and discourses in new ontologies;

The second wave of the turn to the material, known as speculative realism, offers the conceptualization of objects as assemblages made up of various things, people, and ideas. Each object is a kind of assembly of these components, and each has a distinct history of appearance.

Appeal to these foundations of analysis required the involvement of ideas developed in the works of the following authors: B. Anderson, Roland Barthes, P. Bourdieu, T. van Dijk, R. Wodak, A. J. Greimas, S. Zizek, M. McLuhan, A. Schütz, M. de Certeau, P. Sztompka, K. G. Jung, M. Schwarz and others, P. Berger and T. Luckman¹¹.

The nature of the work determined a wide range of sources necessary for the successful study of discursive identity politics in the media space. These include:

- theoretical works, scientific monographs in the field of discourse, communication, journalism, political science, philosophy, sociology, psychology and cultural studies;
- normative documents regulating and regulating the work media, heritage conservation principles, city development strategies and tactics;
- materials of scientific conferences, seminars and round tables on the theoretical and practical aspects of identity construction, media discourse and UNESCO World Heritage;
- analytical reviews of media materials of monitoring agencies (“Mediology”) and reports of KGIOP of the Government of St. Petersburg on the results of activities and heritage conservation;
- media materials on the preservation and destruction of historical heritage.

The research sources include both materials from the media and social networks that address the problems of heritage conservation, urban protection, politics of memory, commemoration, as well as journalistic speeches by experts – sociologists, urbanists, architects.

Empirical base of research compiled data obtained during the implementation of various research projects with the participation of the author.

¹¹ Anderson B. Nationalism, Identity and the Logic of Seriality. Logos. 2006. Vol. 2; Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism, 2001; Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics. M., 1994; Bourdieu P. Sociology of social space. M., 2007; Dijk T. A. van. Racism and language. M., 1989; Wodak R. Relationship “Discourse Society”: A Cognitive Approach to Critical Discourse Analysis // Political Linguistics. 2006. No. 19. P. 107-116. Greimas A. About imperfection. M., 2022; McLuhan M. Understanding Media: Human External Extensions. M., 2003; Certeau M. Walking around the city. 2008; Sztompka P. Visual Sociology. Photography as a research method. M., 2007; Schutz A. Semantic structure of the everyday world. M., 2003; Jung K.-G. Psychology of the unconscious. M., 2010; Zizek S. Will to ignorance // Logos Journal. 2021. V. 31, No. 2; Swartz M. J., Turner V. W., Tuden A. Reseña de “Introducción a Political Anthropology” // Alteridades. 1994. No. 8 (4). P. 101-126; Berger P., Luckman T. The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge. M., 1995.

The process of gathering empirical data for research, educational, and management projects included reading relevant scientific texts, speaking with and interviewing city residents, analyzing texts, and participating in participant observation projects for heritage preservation.

Firstly, the data obtained during the educational and management project “St. Petersburg – World Heritage Site: Young People's View”, 2016-2023, carried out in collaboration with the Committee for State Control, Use and Protection of Monuments of History and Culture of the Government of St. Petersburg¹² and the Faculty of Social Technologies of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration were used.

The project was aimed at researching the following issues of management practice: popularization of the city's heritage, methods of strengthening the urban identity of young people, as well as issues related to the change of urban identity in the context of urban development and in the context of changing the thinking and practices of young people. During this period, materials from domestic and foreign social networks, websites, and periodicals were analyzed. The total number of materials selected for analysis amounted to more than 1,000 units.

More than 100 student projects over the course of the study's duration made up the project's educational level and included ideas for enhancing urban policy through outings, occasions (such as balls and holidays), urban concepts, mobile apps, and bots.

By integrating programs for the preservation of heritage and urban identity into the Moodle platform's structure within the disciplines “Project activity” and “Working with texts in advertising and PR,” where students created their own projects, shot videos, and wrote texts promoting urban objects in social networks, testing of new pedagogical and educational methods was implemented in practice. KGIOP organized methodological councils with educators and university deans in the city (2021). The author participated in international conferences under this direction.

¹² Decree of April 28, 2004 N 651 [Electronic resource]: On the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments // Official Internet portal of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8391753> (date of access: 04/10/2023)

The project that was chosen as the winner of the interregional competition of the festival of social projects “Mission to Preserve” under the name: *StP4juniors*, “St. Petersburg for schoolchildren,” by the design and research work of students of the St. Petersburg gymnasium No.56, 2021-2023, also put the developed models—a conceptual model of communication and a model of dispositive analysis of group discourses—to the test. The following stages of participation in the project were: creation of research projects for students and schoolchildren, NWIM participants, dedicated to the 350th anniversary of Peter the Great, preparation of the project and its presentation within the competition, securing funding and carrying out the project (creating scripts for 20 video filming and editing), presentation of the finished project.

Object research is the politics of urban identity in media discourse.

Item research: construction of urban identity in the media discourse regarding heritage as a productive network of relationships.

The aim of the study is a discursive and actor-network analysis of the discourse of urban identity politics, based on the procedures of self-identification in the course of an interested attitude towards heritage and switching between different intentions in relation to heritage, as well as the development of a conceptual model of communication and self-identification, a model for dispositive analysis of group discourses leading to the stabilization of urban identity based on dispositives and ontological features of the network of media discourse actors.

To achieve this goal, the following research tasks are solved:

- definition of the concepts of “identity”, “urban identity”;
- revealing the communicative aspect of building the identity of Gestalt analysis for interpersonal and mass communication;
- highlighting relevant approaches to the study of identity in scientific discourse;
- definition of the ontological turn in political sciences and communication theory;
- reconstruction of the research method from the actor-network theory in relation to media discourse and communication;
- identifying cultural practices and characteristics that support urban identity;
- identifying the relationship between identity and historical heritage;

- reconstruction of dispositives and communication strategies involved in the preservation of the heritage of groups, in the course of a discursive analysis of cases in the media and social networks;
- definition of a hybrid object of study as the basis for a strategic justification urban identity policy and for a comprehensive analysis of the strategies of the actors involved;
- identification of the influence of the conceptual model on the identity of recipients in the implemented interregional project *StP4juniors*.

Methodology and research methodology. The dissertation uses the methods of actor-network, discursive, psychological, structural-semiotic and contextual analysis¹³. The essence of the contextual approach to research lies in the construction of a multidimensional picture of an object considered in all contexts that can be isolated. Thus, the internal contexts developed within the framework of psychology formed the basis of the dispositives of discourse. In structural-semiotic analysis, the text is considered as a system that includes a certain set of organized and interconnected elements, each of which has a certain significance in the composition of the statement. Actor-network analysis is called material semiotics¹⁴.

The research methods are based on both domestic and international studies of media communication and discourse pertaining to identity construction. The stages and components of identity construction have been identified through a new identification structure in the conceptual model, which takes into account actor-network theory and network relations both at the level of an individual and at the level of groups. A number of research methodologies have been used to achieve this.

The first strategy is to analyze the texts found in news sources and on social media. Studies of author motivations and discursive strategies, symbolic construction strategies, the operation of ideology and the struggle for meaning, topics of publications and

¹³ Kalashnikov V. G. Method of contextual analysis in the methodology of the contextual approach // Pedagogy and psychology of education. 2018. No. 2. P. 48-61.

¹⁴ Kuznetsov A. Latour's Method: Semiotics between Literature and Science // Logos Philosophical and Literary Journal. 2018. № 5 (126). P. 85-112.

speeches, and the spatial and temporal dimensions of discourse are all included in content analysis.

In our case, the spatial dimension entails identifying how the city and its heritage are reflected in discourse at various scales, including building, district, city, center, periphery, region, and global (World Club of Petersburgers, UNESCO site). The study of memory, stories, examples, the history of the city and cultural artifacts, the phenomenon of the Petersburg text, commemoration, the current situation, the development of the city, and the preservation of cultural heritage are all included in the temporal dimension of the content.

A second strategy is called a dispositive analysis. The first ANT methodology principle, group formation, is examined in this case, and the content of dispositives for each discursive group is rebuilt. These groups represent stakeholders, social institutions, and interest groups with their communication strategies along the continuum between the poles of “preservation of heritage and development of the city.”

The levels of discursive representation—words, things, and practices—that are presented in discourse as signifiers through paratexts are the subject of research in the dispositive approach. Dispositives are defined by group concepts (concepts), goals, fundamental presuppositions, meanings (values), repetitive, group identity-supporting actions (practices), competencies, affects, self-identity, and group missions. Dispositives drive group discourse.

As a specific methodology, ANT necessitates the study of heritage as a hybrid object, denoting connections with other actors in a discursive network, if ANT as a general methodology includes the study of the activity of human but primarily non-human actors in a network of relationships.

The method includes the deconstruction of discourses on the following 5 controversies, contradictions: constantly reproducible conditions for the acquisition of identity by a group; mediation of objects in the performance of an action with the aim of shifting the original intentions and problematization of processes and movement towards the goal; the key role of material objects and affordances in maintaining sociality; close

attention to the process of design and composition; the key role of texts and reports, which are the polyphony of actors, in the construction of reality.

The psychological analysis of texts is the fourth method. The Gestalt analysis communication scheme is examined in relation to media texts and media communications, and the psychological categories of each stage are examined from the standpoint of ANT as reified and incorporated structures in the context of acquiring urban identity. In order to identify the phases and mechanisms of identity construction in discourse and in the system of network relations, this study proposes a conceptual model of communication.

The volume and representativeness of the studied material made available for scientific use, the use of both quantitative (scientometric analysis) and qualitative (experiments, interviews, focus groups) methods of analysis, and the study of primary sources in their original language all contribute to the reliability and originality of the research.

Scientific novelty dissertation research is as follows:

1. With the ontological turn and constructive models that take it into account, the field of political analysis of media, practices, and discourse has been widened.
2. By stabilizing the identification processes and updating the urban identity policy, reference points have been identified to prevent the crisis of urban identity and decrease interest in heritage.
3. The media representations of urban Heritage issues are examined for the first time, and the participants in the conversation about heritage are identified.
4. The network actors are expanded for the first time, and the dispositives of discursive groups are organized.
5. This is the first time that the specific antagonism of heritage discourses has been identified. A map of the distribution of discursive practices has been created, taking into account the position, influence, and dominant affect of the actors' communicative strategy.
6. Using specially transcribed citizen interviews, memories of the city are organized in accordance with the memories' focal points and ways of commemoration.

7. The reconstructed discourses of groups are verified as basic discourses of identity.
8. The key grounds for the construction of urban identity by young people are identified and the boundaries of their action are shown.
9. Developed recommendations for the urban identity policy as a means of creating a mode of engagement for all actors after analysis in terms of the ANT St. Petersburg development strategy.
10. A validated conceptual model for the study of discourse and communication in the educational project *StP4juniors*, which was created as part of the interregional competition “*Mission to Preserve*”.
11. Heritage is positioned as the identity policy's primary actor, configuring any private policies in the network assembly to suit its needs.
12. Specific optic going back to Gestalt analysis is justified, and ways of talking about an identity crisis in an increasingly complex system of agency.
13. It is shown how, with the irreplaceable complication of the system, it is primarily network interactions that establish identity.

The main provisions for defense:

1. In light of the transformation of society and the current ontological agenda in political science, journalism theory, and communication science, it is necessary to rethink the foundations of urban identity management, according to theoretical research in the field of urban identity policy, practical experience of urban projects, and empirical data over the past seven years.
2. According to the developed conceptual model of identity construction and the model of dispositive group discourse, the tasks of infocommunication support of socially focused and educational projects in connection with the identity policy in the discourse of cultural heritage as the fundamental foundation of urban identity are achieved by systematic multi-level system solutions that involve the inclusion of discursive, material, and non-material aspects of identity construction.

3. The application of a method that integrates the methods of actor-network theory into discourse analysis makes it possible to create a consistent model of attitude towards heritage and the basis for constructing an urban identity.

4. Understanding heritage as a significant part of a large system of criteria for the urban identity of St. Petersburg is possible with a non-anthropocentric application of communication tools for constructing identity.

5. The heritage becomes an agent and works as a determinant of the practices of citizens, subject to constant monitoring and inventory. The social factors of agency are enhanced by media discourse and communication.

6. Discursive analysis in urban studies requires the inclusion of actor-network theory for the post-anthropocentric construction of identity in communication.

7. Journalism in the discursive implementation of urban heritage conservation policy is based on the principles of inclusion, tolerance and identity. The role of journalism and media communications in maintaining urban identity and constructing an urban identity policy in the context of preserving cultural heritage is growing in the context of intense social transformations and role differentiation of both individuals and groups.

Theoretical and practical significance.

The research consists in the fact that, based on the material and conclusions of the dissertation, it is possible to significantly expand the existing theoretical ideas about media discourse as a structure with dispositives, including material elements, materialized structures, for the implementation of identity politics. The systemic understanding of media discourse and identity politics is based on the concepts of the actor-network theory, which makes it possible to identify the functions of material and non-material actors in the construction of communication strategies, identity policies, to determine the trends of differentiation and further specialization of a hybrid object, an assembly that shows the current cut of discourse. The conceptual model of identity construction and the scheme of dispositive analysis are tools for the analysis and production of media discourse in the context of the ontological turn.

The results of the dissertation research can be used to further develop the theoretical problems of media discourse, analyze political communication, study the interaction of human and non-human actors in discourses, in political and managerial practice of popularizing cultural heritage and strengthening urban identity, in the organizational and content modernization of education in the field of media communication, in creating research programs for neural networks that analyze discourse.

The results of the study, already tested by the author in teaching, can form the basis for updating a number of academic disciplines. At the Faculty of Social Technologies of the NWIM RANEPa, the author teaches the courses “Psychology of Mass Communications”, “Sociology of Mass Communications”, in which these topics are integrated. The study will be in demand by teachers of disciplines related to media discourse and discourse identity. The practical application of the results is to familiarize students with the main categories of actor-network theory, ontological political science, the conceptual models of this study, the discourse of identity, the practice of highlighting the problems of preserving cultural heritage in the media: social networks and journalism, as well as mastering the skill of using the conceptual model of identification and models of dispositive discursive analysis in the study of texts and the creation of journalistic and other media materials.

Approbation of the research results.

On the issues raised in the study, 20 works have been published, of which one monograph (Sosnovskaya, A. M. Psychology of the identity of a journalist: Monograph / A. M. Sosnovskaya. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019), 11 articles from the list of high certification committee, 4 scientific articles in English in peer-reviewed journals indexed in Web of Science and Scopus. The main provisions of the dissertation work were reflected in the reports with which the author spoke in 2016-2023 at international and all-Russian scientific and practical conferences and seminars, namely: “Determining the attributes of the outstanding universal value of cultural heritage sites (in the context of developing management plans for world heritage sites)” (2016), “Man. Communication. Culture. East-West: the search for cultural identity in the post-Soviet space” (2016), Cyril and Methodius Readings (2017), “Journalism of the 21st century: in the coordinates of

historical time” (2017), *Discourse Studies and Method: Using Discourse-Theoretical Analysis and Discursive- Material Analysis* (2018), “Journalism of the 21st century: habitat (2018), “Modern education: content, technology, quality” (2018), "Information and communication model of interaction between the state and society" (2018), "VII St. Petersburg International Cultural Forum" (2018), *Politique de la marque (branding) comme technologie de communication du XXI siècle* (2019), "Public Administration: The role of citizens in building a digital state" (2019), "Cultural heritage of the North Caucasus as a resource for interethnic harmony" (2019), "Consulting and reputation management in the context of advertising and public relations" (2019), "Problems of extremism prevention by public authorities and local self-government" (2019), "The digital age: New communication challenges and problems in the media sphere" (2021), International Nevsky Forum (2021), "The role of children's organizations in the implementation of state youth policy" (2022), "Seleznev Readings" (2022), "Public Administration and Development of Russia: Global Trends and National Perspectives" (2022), International Congress on Information and Communication Technology (2022), Helsinki Conference on emotions, populism and polarization (2022), "Convergent Journalism in New Media" (2023), "Language in Mass Media Coordinates" (2023).

Certain provisions of the dissertation have found application in the author's development of the program and teaching of the course “Psychology of Mass Communications” at the Department of Journalism and Media Communications of the Faculty of Social Technologies of the NWMI RANEPА, in the implementation of lectures on the advanced training program “Creating conditions for the formation of a general civic identity and patriotism among students” (2022) at faculty of additional professional education of NWMI RANEPА. The methodology was tested in the urban educational project *StP4juniors*, in the framework of the interregional competition “Mission to Preserve” (2023).

Work structure. The dissertation consists of an introduction, three chapters, a conclusion, a list of references.

CHAPTER 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF IDENTITY

The first chapter actualizes the problem of research as productive for a wide group of applied and theoretical social studies on the social subject. It is formulated as a problem of the preconditions and limits of the social construction of identity in the period of a double crisis: the crisis of identity and the crisis of the study of identity.

To address the issue of the boundaries of this double crisis, the dynamics of the development of problematizations of this research field and the scientific discourse of identity from anthropocentric approaches towards distributed action and network interaction of actors is traced. This allows us to substantiate the study of identity by the discursive and actor-network method. In the process of studying the definitions of identity, modern researchers have revealed, on the one hand, the lack of research on the materiality and discursiveness of identity in the situation of an ontological turn in the humanities, on the other hand, the certainty in each case of the material substrate for the formation of such networks.

The purpose of the chapter is to establish the specifics of recognizing identity as a constructive factor in social development when studying complex complexes of social interactions, including sociocultural self-determination and communicative behavior, to find the possibility of moving from anthropocentric theories of identity in the framework of political science, sociology and psychology to non-anthropocentric theories that take into account agency and representativeness of things. It seems to us that such an opportunity will be the development of a conceptual model for constructing identity in the second methodological chapter, since the lack of scientific knowledge about the social structure of identity in its interaction with the material world, which is not reduced to the development of the world, is revealed, and ANT allows us to talk about the agency of things in the material world. In the first chapter we lay the foundations for such a structural scheme based on the *self-reflexive trajectory* in late modernity and the *contact cycle* in Gestalt therapy.

The chapter solves the first three research tasks of the dissertation work:

- identifying, by reviewing and analyzing the literature, approaches to politics and identity construction that are relevant in scientific discourse;
- a working definition of concepts that can consistently describe the social construction of identity;
- consideration of the communicative aspect of identity within the framework of both basic interpersonal and complicated mass communication.

The chapter consists of six paragraphs based on the state of the art and the opportunity to take further steps in the coordinated research based on the literature review.

The review of foreign articles on identity is produced by quantitative and qualitative methods. Identity, as a phenomenon constantly constructed in communication, is considered using sociological and psychological optics in order to integrate structures into a conceptual scheme: the stages of the process of identification in communication and the psychological components of identity. The characteristics of reflexive self-identity in the theory of late modernity by A. Giddens are presented as the basis of the conceptual scheme for constructing identity. The considered identity politics, the identity crisis and the novelty of emotional modes of self-perception reveal the contradictory dynamics of identification processes within complex sociocultural systems.

Paragraphs devoted to the discursive construction of political socialization in the media and the influence of the media on the formation of the identity of the youth of generation Z, reveal the features of the processes of identification of the youngest generation of residents of St. Petersburg. Defining the process of Gestalt analysis in psychotherapy as a source of a conceptual scheme for constructing identity allows positioning this scheme within psychological theory, and the studies of the reflective work of identity in the process of audience contact with the text, Gestalt communication in the museum allow extrapolating the methodology to public communication and media communication.

1.1. State of the issue in the current interdisciplinary context

1.1.1. Problematization of identity in modern world science

This article review was conducted in 2022¹⁵, the study used the methodology of H. Snyder¹⁶; the study was a collection, analysis and comparison of relevant publications on the topic of identity over the past five years by quantitative and qualitative methods in the Web of Science and Scopus repositories. Scientometric analysis, representing the macro level of the study, carried out using the VOSviewer_1.6.16, CitNetExplorer_1.0.0 programs, made it possible to isolate the most relevant and cited articles in a huge array of publications that have been verified by the scientific community.

The attention of scientists is focused on the semantic “knots”, i.e., the values that guide social practices. This approach also made it possible to answer questions about the background practices that organize knowledge in the framework of M. Foucault's discursive analysis¹⁷. The micro-level of the study was an analytical reading of texts, which made it possible to analyze the main trends in the development of identity research and summarize the findings. The undertaken study shows that the concepts of political identity and youth identity are not limited to the traditional framework of ethnicity and race, but include a wide range of social and personal conditions, the study of which is of theoretical and practical importance for the entire disciplinary field of social and political sciences.

These concepts go beyond the traditional boundaries of ethnicity and race: “Studying the identities of immigrants, students, women, former military personnel and many other social groups allows for more effective public policy interventions, reducing the distance between the governed and the governed”¹⁸.

¹⁵ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Transformation of identity: macro- and micro-levels of research // Management consulting. 2021. No. 11(155). P. 122-132.

¹⁶ Snyder H. Literature review as a research methodology: An overview and guidelines // Journal of Business Research. 2019 Vol. 104. P. 333-339

¹⁷ Volkov V. V., Kharkhordin O. V. Theory of practice. SPb.: Publishing house of Europe. University in St. Petersburg, 2008.

¹⁸ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P. 131.

The highlighted meaning clusters can be explored in the new social conditions in Russia; the future original results in this field, with the natural continuation of research, will become a resource for adapting the social sciences to the new challenges of our time and a contribution to the development of science and society.

In the social sciences, as we once again saw in the course of our review, the lion's share of articles is on political issues, when the formation of political identity is considered primarily as part of the process of socialization that occurs throughout life¹⁹.

The study of political socialization has become a priority since the 1960s with the formation of political science as an academic discipline that used behaviorist and psychoanalytic concepts, and with the collapse of the colonial world and the study of democratization, political values and identity in international relations, as well as the study of new lifestyles for millions of citizens of newly independent states and migrants²⁰;

Identity formation in modern scientific publications is considered from several perspectives: firstly, as an important part of political sociology, requiring study in the context of political participation and civic behavior. Secondly, political identity in the leading scientific journals of recent times (2017–2022) is accepted as applied knowledge applicable in a wide range of management activities from education and healthcare to marketing, sports and tourism²¹.

To create a review, articles on the topic “identity formation” and “identity formation among young people” in the leading peer-reviewed scientific journals of the Web of Science and Scopus databases were initially selected. Due to the wide scope of the use of the concept of identity in the social sciences, selected journals of the Web of Science and Scopus databases represent such scientific sections as political science, sociology, as well as higher education management and psychological sciences.

At the same time, the key was the concept of political identity, which is formed at the intersection of the psychological and social parameters of the individual with the

¹⁹ Ibid. P.123.

²⁰ Sears D. O., Funk C. L. Evidence of the Long-Term Persistence of Adults' Political Predispositions // The Journal of Politics, 1999. Vol. 61(1). P. 1-28.

²¹ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P. 123.

constant mutual influence of these factors. Political identity is a social construct that is directly dependent on other identities of the individual, according to R. Collins et al.²².

Therefore, it is not surprising that the topic of identity construction and transformation turned out to be extremely relevant in the broad context of both scientific discourse and socio-political practices.

The following data were obtained as a result of the two stages of the study:

- identified thematic nodes of scientific interest within the framework of the subject under study in the international scientific discourse;
- summaries of key articles were made, an archive of all materials;
- gaps for research are marked²³.

The review of articles was made on the basis of the analysis of English-language scientific databases. The selection of articles was carried out according to the keywords of our topic: “identity”, “values”, “generation Y and Z”. By keyword, the repositories made it possible to identify about 11,000 works that an individual researcher could not cope with. Technical software tools help to make the selection of literature systematically and objectively, since, by establishing correlations between publications, they give out the most significant and cited works.

The use of tools for analyzing scientometric big data of scientific repositories for different time periods made it possible to get a reliable idea of the dynamics of scientific interest in the topic of youth identity transformation. More than 5 thousand abstracts and about 1000 articles were processed and 30 most relevant to our topic were selected. The following filters were used: the last 5 years and the categories “Political Sciences”, “Sociology”, “Education”, “Interdisciplinary Social Sciences”, “Psychology”.

The first visualizations and their analysis were made in the spring of 2021. A total of 10 visualizations were made. It should be noted that there is a constant dynamic in connection with the emergence of new articles, but the trends are identical. We collected 417 works for 2021 under the tag “youth identity” (Figure in the article). The most frequently occurring keywords represent large nodes in the visualizations. Links between

²² Collins R. N., Mandel D. R., Sarah S. Political Identity Over Personal Impact: Early US Reactions to the COVID-19 Pandemic // *Front. Psychol.* 2021. Vol. 12. P. 607.

²³ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P. 124.

nodes show color-coded clusters, i.e., perspectives on a topic. The largest nodes in this topic talk about discrimination, race, migration, socialization; and others, smaller ones, about mental health, being transgender and sexual orientation²⁴.

Knots in visualization are bundles of values that are reconstructed from social practices, and at the same time guide them, reproduce, construct reality, with additional legitimation of their scientific discourse. Programs allow you to consider the connections of each node and think about the possibilities of a different view, identify gaps for further research, or about the possibilities of other contextualization²⁵.

If we consider the node of the word “identity”, we can see several thematic areas:

- 1) social and political practices;
- 2) cultural practices;
- 3) health issues;
- 4) problems of social exclusion.

Programs VOSviewer_1.6.16 and CitNetExplorer_1.0.0 helps to analyze various scientometric data, establish about 10 correlations. The proposed correlations and their visualization make it possible to analyze this scientific discourse according to the methodology of criticism of knowledge by M. Foucault²⁶. The set of discursive practices that constitute the background of a certain discourse that generates knowledge defines four main characteristics of this discourse:

- 1) what type of phenomena can become the object of this discourse;
- 2) who can take the position of the speaking subject;
- 3) what kinds of concepts may be acceptable in this discourse;
- 4) what theories can be conceived and formulated in this discourse²⁷.

In order to see as a decision factor, the background of our contemporary discourse, of which we as researchers are also a part, we must adopt the method of “estrangement”, i.e., “delimit”, problematize, make strange and problematic for ourselves the most

²⁴ Ibid. P. 125.

²⁵ Ibid.

²⁶ Foucault M. The Order of Discourse // The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality M.: Magisterium: Ed. House “Castal”, 1996. P. 47-96.

²⁷ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P. 125.

common and traditions ways of dealing with words and concepts²⁸. This estrangement is achieved by comparing, in our case, with the discursive practices of other cultures, with the practices of previous eras in the development of our own culture²⁹.

Primary quantitative analysis requires qualitative cross-checking, reading and interpretation. Quantitative analysis allows you to see the main trends of the discussions, but there are also limitations of this method in covering innovative content. Perhaps original and interesting works did not get into the mainstream. This is a good illustration of the unwinding of the spiral of silence, the concept of Noel-Neumann³⁰ when unpopular points of view are hushed up and ignored, and reproduced knowledge is confirmed, legitimized and repeated in social practices.

The study of articles on the topic “identity” shows that the topic of political identity is relevant and predominant for both sociology and political science. Thus, about half of the highly cited articles mentioning identity are published in journals that combine both disciplines: these are the journals *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, *International Political Sociology*, *Social Movement Studies*, *Public Opinion Quarterly*, *Social Science Quarterly*³¹. The context in which identity is considered in these journals is quite varied³², M. Levendusky³³. Exploring the political polarization of American society, S. Klar and colleagues in their article “Effective polarization or contempt for partisanship? Distinguishing between dislike for a particular party and dislike for party membership”³⁴ concludes that the phenomenon of political polarization is distinguished by only a third of Americans who actively associate themselves with political parties; while the rest of the society is disgusted with the partisanship – and the process of polarization takes place against the backdrop of a weakening of the party identity in general.

²⁸ Rudnev V. P. Dictionary of culture of the 20th century: key concepts and texts. Agraf, 1997; Prokudin B. A. L. N. Tolstoy: the principle of “Estrangement” in politics // Values and meanings. 2013. No. 1(23). P. 139-146.

²⁹ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.125.

³⁰ See: Noel-Neumann E. Public opinion. Opening the Spiral of Silence / ed. N. S. Mansurova. Moscow: Progress-Academy, Ves Mir, 1996.

³¹ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.127.

³² Jones F. E., Brewer P. R., Young D. G. et al. Explaining Public Opinion toward Transgender People, Rights, and Candidates // *Public Opinion Quarterly*. 2018 Vol. 82(2). P. 252-278.

³³ Levendusky M.S. When Efforts to Depolarize the Electorate Fail // *Public Opinion Quarterly*. 2018 Vol. 82(3). P. 583-592.

³⁴ Klar S., Krupnikov Ya., Ryan J. B. Affective Polarization or Partisan Disdain? Untangling a Dislike for the Opposing Party from a Dislike of Partisanship // *Public Opinion Quarterly*. 2018 Vol. 82(2). P. 379-390.

The theme of the confrontation between Democrats and Republicans in the United States, and, in a broader sense, the theme of the conflict between liberal and conservative-minded parts of society is continued by L. Mason in the article “Ideologies without barriers: the polarizing consequences of ideological identities”³⁵. According to Mason, social identity performs two basic functions – the psychological need for inclusion, for belonging to a large group, and exclusion, i.e., separating oneself from others. Groups of “liberals” and “conservatives” act as a group social identity, having a symbolic meaning and acting as the main watershed of society. Using sociological data from the 2016 election campaign, Mason concludes that elements of a campaign based on party identity can polarize the electorate regardless of the content of the issue itself – even the most non-controversial topic can cause a heated debate if it contains party identity³⁶.

As an example of the relationship between ideological identity, party affiliation, and opinions about specific public policy measures, a group of scientists from the University of Kansas, M. Joslin et al.³⁷ discussed issues of civilian arms control. The article “Emerging Political Identities? Firearm Possession and Presidential Voting, using an analysis of presidential election results from the 1970s to the present, determines that firearm ownership is the strongest indicator of Republican voting in presidential elections. Gun owners have developed over the past decades a stable political identity that dominates other parameters of this group and allows them to predict electoral behavior as accurately as possible³⁸.

The topic of identity and possession of firearms is obviously an important research vector, showing the role of the thing in the formation of a bundle of ideologically charged discourses and the redefinition of the boundaries of political agency. So, in the article by M. Lacombe et al.³⁹ the identity of firearm owners is called “unusual” and allows us to isolate new nuances in the formation of a political group and other important

³⁵ Mason L. Ideologues without Issues: The Polarizing Consequences of Ideological Identities // *Public Opinion Quarterly*. 2018. Vol. 82(1). P. 866-887.

³⁶ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.127.

³⁷ Joslyn M., Haider-Markel D., Baggs M., Bilbo A. Emerging Political Identities? Gun Ownership and Voting in Presidential Elections // *Social Science Quarterly*. 2017. Vol. 98. P. 382-396.

³⁸ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.127.

³⁹ Lacombe M. J., Howat A. J., Rothschild J. E. Gun Ownership as a Social Identity: Estimating Behavioral and Attitudinal Relationships // *Social Science Quarterly*. 2019. Vol. 100. P. 2408-2424.

characteristics of identity. This topic in the context of gender studies is supplemented by K. Gross⁴⁰ in an article raising the question of the success of firearms interest groups in getting women into personal gun ownership, and whether these interest groups have been able to mobilize their supporters into organized political action. The author concludes that the efforts of interest groups to actualize social conflict through persuasion and mobilization are smoothed out by civic identity, organizational capabilities and other deterrents, and women are much less included in a specific identity through the fact of owning firearms⁴¹.

The most impressive volume of publications in our sample relates to the topic of ethnos and nation. About 160 articles on the topic of identity in the context of ethnic issues have been published in the journal *Nations and Nationalism* and a number of other journals over the past five years. In this thematic subgroup, identity is seen primarily as a breeding ground for possible social or, in some cases, military conflicts. *Comparative Analysis of Ethnic Conflicts and Splits in European Democracies*⁴² allows us to conclude that interest in classical ethno-political science has not changed in the last five years.

The most cited article in this subgroup is titled “Populism and Nationalism”. The author R. Brubaker⁴³ addresses important the political question of modernity: what is populism, which of the modern political forces can be characterized by this term and what is its role in shaping political identity and determining the boundaries along which political rift and conflict occur. The author opposes both the identification of populism and xenophobic nationalism, and the “whitewashing” of the concept of populism as completely independent of nationalism. These constructions – populism and nationalism – are analytically different from each other, but are interconnected and equally necessary for understanding the ongoing political processes, whether it is D. Trump's victory in the

⁴⁰ Gross K. A. The Socialization of Conflict and Its Limits: Gender and Gun Politics in America // *Social Science Quarterly*. 2017. Vol 98. P. 455-470.

⁴¹ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.127.

⁴² Romero-Vidal X. Two temperatures for one thermostat: The evolution of policy attitudes and support for independence in Catalonia (1991–2018) // *Nations and Nationalism*. 2020. Vol 26. P. 960-978; Pinho dos Santos R. Spanish Constitutionalism in Catalonia: An anthropology of civic nationalism // *Nations and Nationalism*. 2021. Vol. 27. P. 427-448; Cetrà D., Harvey M. Explaining accommodation and resistance to demands for independence referendums in the UK and Spain // *Nations and Nationalism*. 2019 Vol. 25. P. 22-44.

⁴³ Brubaker R. Populism and nationalism // *Nations and Nationalism*. 2020. Vol. 26. P. 44-66.

2016 elections or the growing popularity of anti-immigrant parties in the European Union⁴⁴.

Even such well-known dimensions of identity as racial ones take on a new meaning with modern scientists. So, according to M. Craig et al.⁴⁵, the topic of political dynamics becomes relevant as the United States approaches the demographic mark of “minority-majority”, when minorities become the demographic majority of the population, and the theme of the formal “erasing” of racial identities in children from mixed couples, according to D. Lichter et al.⁴⁶.

The sub-theme of emigration and inheritance, and sometimes the loss or reorientation of identity, is widely covered in modern academic literature. Emigrants and the degree of stability of their identity through generations are studied on a variety of empirical data: North Korean refugees in South Korea in the study of A. Khur⁴⁷, immigrants from Latin America⁴⁸ and Asia⁴⁹ in the USA, immigrant schoolchildren⁵⁰, migrating indigenous peoples of Ecuador⁵¹. The question of the constancy of identity, the possibilities of its transformation over time, and the factors affecting the speed of adaptation to political and social values are important problems of modern societies. Thus, Asian Americans are the fastest growing group in the United States, the percentage of American origin has grown from 0.7% to 6% over the past 40 years and is estimated to be 14% of the American population by 2065. China and India have long overtaken Mexico in terms of immigrant arrivals, and currently two out of three Asian Americans were not born in the US. How is the identity of this diverse a social group of immigrants

⁴⁴ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.128.

⁴⁵ Craig M. A., Rucker J. M., Richeson J. A. Racial and Political Dynamics of an Approaching “Majority-Minority” United States // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2018. Vol. 677(1). P. 204-214.

⁴⁶ Lichter D.T., Qian Z. Boundary Blurring? Racial Identification among the Children of Interracial Couples // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2018. Vol. 677(1). P. 81-94.

⁴⁷ Hur A. Adapting to democracy: identity and the political development of North Korean defectors // *Journal of East Asian Studies*. 2018. Vol. 18(1). P. 97-115.

⁴⁸ Asad A. L., Hwang J. Migration to the United States from Indigenous Communities in Mexico // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2019. Vol. 684(1). P. 120-145.

⁴⁹ Lee J., Ramakrishnan K., Wong J. Accurately Counting Asian Americans Is a Civil Rights Issue // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2018 Vol. 677(1). P. 191-202.

⁵⁰ Verma S., Maloney P., Austin D.W. The School to Deportation Pipeline: The Perspectives of Immigrant Students and Their Teachers on Profiling and Surveillance within the School System // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2017. Vol. 673(1). P. 209-229.

⁵¹ Stone-Cadena V., Álvarez Velasco S. Historicizing Mobility: Coyoterismo in the Indigenous Ecuadorian Migration Industry // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2018. Vol. 676(1). P. 194-211.

from two dozen countries, how the attitude towards them is formed in society – questions that occupy researchers of identity. In continuation of this topic, interesting findings related to the adaptation to democratic values among refugees from North Korea. The desire to integrate into South Korean society and become its full-fledged citizen motivated by a sense of common Korean identity and leads to greater participation in elections and other forms of civic participation. Conventional practices for incorporating immigrants into society consist mainly in the provision of resources by the state in exchange for the political loyalty of new citizens. State adaptation programs usually include material support, educational assistance and other quantifiable support mechanisms.

The formation of a sense of belonging, however, is taken out of the scope of these programs, given at the mercy of public and volunteer organizations, religious institutions, and it is assumed that citizenship and social responsibility will arise themselves over time, in exchange for the benefits received. In this sense, the feeling of belonging to the nation turns out to be exclusively contractual, and arises as a reaction to the quality of material assistance and living conditions. However, both the experience of the adaptation of emigrant children to American schools and the experience of the adaptation of North Korean refugees suggests that identity is formed not only through the process of providing material benefits by the recipient country, but also through the policy of the host society in matters of the formation of national identity, a sense of belonging among new citizens⁵².

The theme of the transit of identity, its transformation over time and space is also revealed on the examples of a number of narrow social groups. Fifteen of the most cited articles relate to the topic of the military, the identity of the soldier and his family⁵³, sometimes this identity, in the context of social change, is tested on an extremely narrow social group, as, for example, in an article about the female identity of Muslim women – mothers of soldiers fighting the Islamic State in the territory of Iraq Kurdistan⁵⁴. The most

⁵² Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.129.

⁵³ Travis D. S. Discovering the Fault Lines in American Civil–Military Relations // *Armed Forces & Society*. 2018 Vol. 44(4). P. 731-747; Griffith J., Ben-Ari E. Reserve Military Service: A Social Constructionist Perspective. *Armed Forces & Society*, 2020; Do J. J., Samuels S. M. I Am a Warrior: An Analysis of the Military Masculine-Warrior Narrative Among US Air Force Officer Candidates // *Armed Forces & Society*. 2021. Vol. 47(1). P. 25-47.

⁵⁴ Nilsson M. Muslim Mothers in Ground Combat Against the Islamic State: Women's Identities and Social Change in Iraqi Kurdistan // *Armed Forces & Society*. 2018. Vol. 44(2). P. 261-279.

cited article in the “transitional” topic is from the British Institute for the Study of Veterans and Their Families “Transit from military service to civilian life: a study of cultural competence”⁵⁵. It uses the theoretical approach of P. Bourdieu⁵⁶ to an analysis of the consequences of military service and the impact of such experience on later life. Both negative and positive consequences of the transition to civilian life are considered, and P. Bourdieu's concept allows us to indicate how these consequences can be interpreted. This study is of great practical importance, as it allows us to understand the needs of former military personnel, and sheds light on the issues of re-adaptation of soldiers to civilian life⁵⁷.

Other British scholars are also studying the influence of previous experience in the process of identity reassessment, in the article “The Biographical Consequences of Protest and Activism: A Systematic Review and a New Typology”⁵⁸ the analytical niche has been studied in detail – the study of not the motivation to participate in protests, but the long-term impact of this participation on a person's life path. The authors systematized all studies in the field of psychological and social consequences of participation in the political process on the identity of the participants and identified 19 thematic fields in which the consequences of this participation are most noticeable. Different levels of identity change are characterized by different psychological and social aspects – from material well-being to the number of children and the degree of self-confidence. Similar studies of the state of transit from one identity to another open up new possibilities for scientists and raise new research questions⁵⁹.

We have identified the main themes of this review: social and political practices; cultural practices, including issues of education, digitalization and multimodality of communication; health issues, including mental health, issues of inclusion, transgender

⁵⁵ Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M. Transition from the Military into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence // *Armed Forces & Society*. 2018. Vol. 44(1). P. 156-177.

⁵⁶ Bourdieu P. *The logic of practice*. Stanford university press, 1990.

⁵⁷ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.129.

⁵⁸ Vestergren S., Drury J., Hammar Chiriac E. The biographical consequences of protest and activism: a systematic review and a new typology // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16(2). P. 203-221.

⁵⁹ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.129.

and sexual orientation; problems of social exclusion, discrimination and discovery of new social practices and cases⁶⁰.

We revealed the predominance of political topics in all the categories and clusters under consideration. The main phenomenon and object of this discourse is political identity. The most cited articles in our collection focus on differences in party identities and draw on empirical data from US elections.

The largest thematic subgroup, national and ethnic identity, deals with potential and real conflicts that have a political dimension. Another popular cluster concerns issues of migration and the political identity of immigrants, as well as issues of multiculturalism⁶¹.

The position of the speaking subject in this scientific discourse on identity and identity politics is occupied by the United States and Great Britain. Of the 11 universities most writing on these topics, 10 are in these countries. The authors of the most cited papers across all categories are affiliated in these countries⁶².

In this discourse, in addition to political topics, the following types of the concept of “identity” are acceptable: gender and queer identity, linguistic identity of multicultural individuals and migrants⁶³, an identity formed by new digital technologies, social networks and distance education⁶⁴, semiotic-cultural-psychological interpretation of the COVID-19 pandemic⁶⁵. In this selection, we did not come across articles on territorial and urban identity, which were identified separately⁶⁶.

The conclusions of the research carried out in the articles are formed on the basis of empirical data and political theories, theories of power and ideology, the theory of practices and habitus, theories of discourse, post-structuralism, critical neo-Marxism, semiotics, critical analysis of techno cultural discourse, that is, the study of the Internet and social networks⁶⁷. In this selection, we did not come across articles in which identity

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid.

⁶³ Kim S. It was kind of a given that we were all multilingual: Transnational youth identity work in digital translanguaging // *Linguistics and Education*. 2018. Vol. 43. P. 39-52.

⁶⁴ Smith B. E. Emergent Bilingual Students and Digital Multimodal Composition: A Systematic Review of Research in Secondary Classrooms Reading // *Research Quarterly*. 2021. Vol. 56(1). P. 33-52.

⁶⁵ Venuleo C., Gelo C. G. O., Salvatore S. Fear, affective semiosis, and management of the pandemic crisis: COVID-19 as a semiotic vaccine? // *Clinical Neuropsychiatry*, 2020. Vol. 17(2). P. 117-130.

⁶⁶ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.130.

⁶⁷ Brock A. Critical technocultural discourse analysis // *New Media & Society*. 2018 Vol. 20(3). P. 1012-1030.

would be studied by the methods of actor-network theory⁶⁸. Through a separate search for the keywords “identity” and “actor-network theory”, about 40 articles were downloaded during this period, mainly on topics such as ecology, architecture, education, psychology⁶⁹. The search for articles on the actor-network theory continued throughout the study in the available databases⁷⁰.

So, as part of the literature review, the collection, analysis and comparison of the most relevant publications on the topic of identity over the past five years was fully carried out by quantitative and qualitative methods in the international scientific discourse. The macro level, produced with the help of modern software, made it possible to isolate the most successful and relevant publications that have been verified by the scientific community in a huge array of publications, focused on the main semantic “nodes”, and the micro level made it possible to analyze the main trends in the development of identity research and generalize the findings. In the course of studying the issue, it was proved that the concepts of identity, political identity and youth identity are not limited to the traditional framework of ethnos and race, but include a wide range of social and personal conditions, the study of which is constantly ongoing, since it has theoretical and practical significance throughout the world.

The study of the identity of emigrants, students, women, former military and many other social groups makes it possible to take more effective public policy measures, to reduce the distance between “managers” and those for whom management is carried out. At the same time, one cannot ignore the fact that scientific discourse constructs social reality by considering a recurring set of practices, values, and theories.

The following trends in scientific discourse are observed: the absolute predominance of Anglo-Saxon studies on the topic of identity; evident by the growing attention of researchers to unique and autonomous social groups, as well as identities in transit⁷¹.

⁶⁸ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P. 130.

⁶⁹ Turnhout E. The politics of environmental knowledge // *Conservation and Society*. 2018 Vol. 16(3). P. 363-371; Burch L. Everyday Hate and Affective Possibility: Disabled People's Negotiations of Space, Place and Identity // *International Journal of Disability and Social Justice*. 2021. Vol. 1. P. 73-94.

⁷⁰ Databases of foreign articles: <https://www.jstor.org/>; <https://www.sciencedirect.com/> <https://www.worldscientific.com>.

⁷¹ Sosnovskaya A. M., Potapova E. B. Op. cit. P.131.

Over the past five years in the Sciedirect database⁷² many articles were found for the queries:

“urban identity” (43259),

“urban identity politics” (20561),

“urban identity politics in discourse” (4810),

“urban identity in discourse and actor-network theory” (1831, from of which 495 articles are in the public domain), but the articles could not be processed using quantitative analysis programs due to limited access to them in 2022-2023.

We reviewed the available articles for the last search term, and read the most relevant articles: the articles are devoted to the study of neighborhood cooperation in Montreal⁷³; northern lights tourist network in northern Norway⁷⁴; creating a “green” identity in the city of Vitoria-Gasteiz, in Spain⁷⁵. Further relevant for us were: a review of the literature on the topic of city sharing⁷⁶; application of ACT to strategic design to “reorganize and redefine the interactions of devices, actors, views, and networks that serve as elements of a process that creates distributed action”⁷⁷, communicative soft planning in Finland⁷⁸.

We found that the topic of constructing urban identity using the methods of discursive analysis and actor-network theory is not sufficiently represented in studies on the sharing of the city and identification through the urban environment and needs to be studied. We position the case of constructing the urban identity of St. Petersburg in the context of international sociology and political science that study network relations within the framework of ANT.

⁷²Search for peer-reviewed journal articles and book chapters (including open access content). <https://www.sciencedirect.com>.

⁷³ Bilodeau A. A midrange theory of local cross-sector action based on the actor-network theory // *SSM-Qualitative Research in Health*. 2022. Vol. 2. P. 100-199

⁷⁴ Heimtun B. The development of the northern lights' tourism network // *Annals of Tourism Research Empirical Insights*. 2022. Vol. 3(1). P. 100031.

⁷⁵Neidig J. “We are the Green Capital”: Navigating the political and sustainability fix narratives of urban greening // *Cities*. 2022 Vol. 131. P. 103999

⁷⁶ Sánchez-Vergara J. I. The emergence of the sharing city: A systematic literature review to understand the notion of the sharing city and explore future research paths // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 295. P. 126448

⁷⁷ Caliskan K. DARN (Part 2): An Evidence-Based Research and Prototyping Method for Strategic Design // *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. 2022. Vol. 8(3). P. 319-335.

⁷⁸ Mattila H. Soft spaces, soft planning, soft law: Examining the institutionalization of city-regional planning in Finland // *Land Use Policy*. 2022. Vol. 119. P. 106156.

Having reviewed the ongoing research programs for the study of identity, we have identified the lack of a systematic study of urban identity in the ANT paradigm. A review of the domestic literature on the subject under study, identity and urban identity, was undertaken within the framework of sociology, psychology and communication theory, since the structuring of identity in communication is studied within these disciplines.

We positioned the practices of the city dweller, the practices that support the urban identity of the Petersburger on the basis of the research conducted for the dissertation in the previously considered psychological matrix of aspects of identity. Our research in the early 2000s⁷⁹, dedicated to the professional identity of Russian and Swedish journalists based on more than a hundred biographical interviews, focused on communication and professional practices that support identity, and was based on the theory of practices and psychological theories of communication and identity. Then the cognitive, affective and behavioral professional practices of journalists were reconstructed from the deciphered narratives⁸⁰ of in-depth interviews. Since these three categories support any, not only professional, identity, in the current study, the categories are extrapolated based on the retention of existing criteria and a critical assessment of their relevance to urban identity and are illustrated with examples reconstructed as a result of the study (Table 1). Roles and functions of practices and things⁸¹.

⁷⁹ Sosnovskaya A. M. Professional Identity of a Journalist (Analysis of Cases) // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004. V. 7, No. 3. P. 116-138.

⁸⁰ See: Kutkova K. S. Narrative in Identity Research // *National Psychological Journal*. 2014. № 4 (16).

⁸¹ Here are some of the objects and practices that support the “journalism” of the late 1990s: comfortable clothes, crusts, microphones, voice recorders, notepads, cameras, organizers, Parker, coffee, cognac, cigarettes, levi's, buffets, computers.

Table 1 – Aspects of identity construction: comparison of professional and regional identities

Aspects of identity construction	Journalist identity	Petersburger's identity
Cognitive aspect	Education, community, communication skills	Education about heritage, community of Petersburgers, “Petersburg text”
Affective aspect	Interest in the profession, discourse, public space	Interest in heritage, discourse (activism), memory practices
Practical aspect	Work in the media, Publication of materials, earnings	Citizen practices, leisure, communication

Psychological theories that take into account the consciousness of the individual is fixed on the will and choice of the subject; sociological theories study action and context, usually also being anthropocentric, that is, ascribing agency to people. The conceptual model we are developing assumes distributed agency, that is, agency that is distributed between people and things. It is rather the relationships between people and things that have agency, rather than these actors individually⁸². In our subsequent diachronic review, we will unleash the potential of such relationships in anthropocentric theories, identifying a tendency towards an ontological turn, and considering non-anthropocentric theories as well.

1.1.2. Identity as a Phenomenon Constantly Constructed in Communication

To reveal the phenomenon of identity, it is necessary to analyze the approaches to the study of identity; identify the criteria for identity and look at the phenomenon in the light of discourse and communication in order to describe the mechanisms of its construction. Modern research within the framework of political science, communication

⁸² See: Erofeeva M. On the Possibility of the Actor-Network Theory of Action // *Sociology of Power*. 2015. V. 27, No. 4. P. 51-71.

theory, sociology and psychology⁸³ define identity as constantly constructed, multifaceted, and often not centered on the subject⁸⁴, but which is more of an emergent effect⁸⁵ media communications⁸⁶, discourse⁸⁷, contact of the organism with the environment⁸⁸.

The urban identity of the inhabitants of St. Petersburg is defined through the current policy of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of the city in accordance with the Strategy for the socio-economic development of St. Petersburg for the period up to 2035⁸⁹. The strategy is discussed in chapter 3. The study analyzed the results of longitudinal surveys of young people, semi-structured interviews with city residents involved in urban discourse, politics and urban activism; Identity criteria based on the practices of both material and non-material actors involved in the identification process are identified, and the differentiation of actors according to the criterion of “friends-others” is analyzed. These results contributed to the integration of urban identity markers into communication, which is involved in the construction of identity on new grounds, taking into account ANT.

In order to identify the connection between heritage and identity, a review of the literature was carried out, materials for the prospective development of the city were analyzed, where the identity of the city dweller is associated with heritage; reviewed

⁸³ Astashova O. I. Construction of Regional Identity in Media Discourse: An Experience of Comparative Analysis // *Political Linguistics*. 2020. No. 2 (80). pp. 120-133; Soldatova E.L., Pogorelov D.N. The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem // *Education and science*. 2018. V. 20, No. 5. P. 105-124.

⁸⁴ Enina L. V. Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification // *Political Linguistics*. 2016. No. 6. P. 159-167; Kolomiets N.V., Mozgovaya T. I. Personal identity in the context of the transitivity of traditional culture to postmodern civilization // *Global European area: integration problems within the framework of cross-cultural communication*. 2017. P. 125-130.

⁸⁵ Maltseva D., Donati P. *Relational theory of society: social life from the point of view of critical realism*. M.: PSTGU, 2019.

⁸⁶ Blokhin I. N. Multimedia in the formation of media identity // *Modern periodicals in the context of communicative processes*. 2016. No. 1. P. 34-43; Korkonosenko S. G., Voskresenskaya M. A. Journalism in the modus of culture: an institutional view // *Social and humanitarian knowledge*. 2020. No. 4. P. 108-119; Mansurova V. D. Visual semantics of Russian identity in digital media culture // *Communicative culture: history and modernity*. Novosibirsk, 2017. P. 85-87.

⁸⁷ Plyushch A. N. Conceptualization of discursive practices of understanding human procreation // *Man as an open integrity*. 2022. No. 1. P. 132-142; Gromova V. M. *Designing Identity in the Internet Discourse of Personal Ads: Abstract of the thesis*. ... candidate of philological sciences: 10.02.19. Izhevsk, 2007. P. 18; Erofeeva I. V. The concept of “Power” in the media discourse: the dichotomy of representation // *Bulletin of the Transbaikalian State University*. 2009. No. 1. P. 167-171.

⁸⁸ The environment in Gestalt theory for an organism is a physical place. Bocharnikov V. N. The Gestalt Phenomenon in the Paradigm of Socio-Economic Geography // *Astrakhan Bulletin of Ecological Education*. 2012. No. 3. P. 54-63; Ostrovskaya E. V. The influence of Gestalt therapy on the development of personal autonomy (on the example of participants in the group of the first stage of Gestalt therapy): dis. Siberian Federal University, 2016; Shevchenko D. A. Communication of adolescents in the cyber environment from the standpoint of the theory of contact // “Childhood and family in the modern world”. Vladivostok. 2012. P. 118-128.

⁸⁹ Committee for Economic Policy and Strategic Planning of St. Petersburg. Strategy for the socio-economic development of St. Petersburg for the period up to 2035. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/ (date of access: 02/17/2023).

Russian and international documents on the website of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments (KGIOP) regarding the heritage conservation policy.

These stages of the study helped to focus on heritage as the main criterion for the regional identity of the inhabitants of St. Petersburg and to identify the key role of non-anthropocentric approaches in the construction of identity. We will explore anthropocentric identity theories to explore the potential for ANT integration in Chapter 2.

According to the sociologist V. Yadov, identity is formed in the process of social identification of a person as a correlation of oneself with groups and communities that are perceived as one's own, close ones; a person is able to say and feel “this is us”. In “we – communities” basic human needs are realized, values are updated. Social identifications are hierarchized – “central” and “peripheral” – and conceptualized within the socio-cultural context. Identification with “by their own” groups and communities at the same time means distinguishing between “others”, “not their own”, “strangers”, with whom interaction is carried out in the same field.

Identifications serve as the core of subjective constructions of social reality, and according to the so-called Thomas theorem, if people construct reality in a certain way, then it is real in its consequences⁹⁰. This approach involves the study of people's daily lives, the description and interpretation of real actions and relationships and their consequences for society. V. Yadov writes that “there is nothing more important for the analysis and understanding of social changes than the analysis of emerging subjects of social action”⁹¹. This leading Soviet and post-Soviet researcher of social interactions emphasizes the constant process of subject formation, the constant process of identity construction. Although the very concept of “identity” postulates, by definition, identity with the “other”, identity is changeable and impermanent both in self-perception and in comparison with the constantly changing practices of the environment. According to the

⁹⁰ Yadov V. A. The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of using a universal methodology for studying real stratification in Russian society // *Who and where strives to lead Russia*. 2001. P. 310-319.

⁹¹ Yadov V. A. Social and socio-psychological mechanisms of the formation of the social identity of the individual // *World of Russia*. 1995. No. 3-4. P. 158-181.

socio-psychological approach of R. Burns⁹², any description of oneself contains self-esteem, which is determined by the norms of society. Thus, the description of oneself in autobiography and in the process of self-reflection implies the activation of the affective, cognitive and behavioral components of identity, which can be reconstructed for our conceptual scheme from texts using discursive analysis.

According to V. Yadov, a person's knowledge of his own identity is carried out in three stages. Let's correlate the conclusions of Yadov about the nature of social identity with the components of the conceptual model presented in the second chapter:

1. Social categorization (stereotyping) – ordering the social environment, grouping personalities, according to the intent of the individual. A person learns to classify cognizable people by assigning them to different categories based on similarities and differences in the process of socialization. Such incorporated categorizations and stereotypes based on them are represented in the conceptual scheme by introjects.

2. Social identification is the process by which an individual “places” himself, positions himself, in one category or another. Fitting a category onto oneself is a projection of introjects and a test of existing knowledge in order to confirm or correct.

3. Social identity – the complete social identification of the individual. In our scheme, it is represented at the stage of integration, which lasts a relatively short time, because a new communication and a new contact with the incorporated information and the process of its categorization begins⁹³.

The scheme proposed by Yadov for the stages of constructing social identity is one of the anthropocentric optics that insists on the ability of a person to unite with others in groups. According to this scheme, self-determination and positioning of oneself in the group of “friends” and differentiation from others takes place. The main psychological mechanisms operating in the relationship between members of social groups, as well as between communities of people, are the processes of differentiation: comparison, highlighting similar and different characteristics; and integration: trying on and mastering

⁹² See: Burns R. What is the Self-concept. Psychology of self-consciousness. Samara: Bahrakh-M, 2003.

⁹³ See: Sosnovskaya A. M. Business Communication and Negotiation: Textbook. SPb. 2011.

group characteristics, lifestyle. Therefore, in order to assess the boundaries of these differentiations, it is necessary to study the reflexive factor in the development of identity.

1.2. Characteristics of reflexive self-identity in the theory of late modernity by

A. Giddens as the basis of the conceptual scheme for constructing identity

A great contribution to the study of identity in the network of structural mutual influences was made by the British sociologist Anthony Giddens, one of whose monographs is devoted to the problem of identity in the social context of late modernity or liquid modernity (Late modernity or liquid modernity)⁹⁴.

Late modernity is the characterization of today's highly developed global societies as a continuation or development of modernity, rather than as an element of the subsequent era known as postmodernity. Late modernity is characterized by global capitalist economies with their increasing privatization of services and the information revolution.

Social theorists and sociologists such as Scott Lash⁹⁵, Ulrich Beck⁹⁶, Zygmunt Bauman⁹⁷ and Anthony Giddens argue, disagreeing with postmodernists, that modernization continues into the modern age, which is thus better understood as a radical state of late modernity. These authors speak of reflective modernization as a post-traditional order influencing everyday social life and activities. Modernity now tends to be self-referential instead of being defined as an opposition to traditionalism.

Giddens does not dispute those important changes have taken place since “high” modernity, but he argues that we have not really abandoned modernity. Rather, the modernity of modern society is a developed, radicalized, “late” modernity, but still modernity, not postmodernity. In this perspective, postmodernism appears only as a hyper technological version of modernity. According to Giddens, modernity, referred to as late modernity, is characterized by a close interweaving and mutual influence of institutional

⁹⁴ Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press, 1992.

⁹⁵ Scott L., John W. *Economy of signs and space (introduction)* // *Economic sociology*. 2008. V. 9, No. 4. P. 49-55.

⁹⁶ Beck W. *Risk society. On the way to another modernity*. Monograph. M.: Progress-Tradition, 2000.

⁹⁷ Bauman Z. *Globalization. Consequences for the individual and society*. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2004.

changes and intrapersonal transformations, that is, identity. Thus, the sociologist recognizes the development of society after modernity when he writes his research in the 1990s, but when the theories of posthumanism, transhumanism, cosmopolitanism were already conceptualized,

The focus of the sociologist's research is the process of the emergence of new psychosocial mechanisms (identification) of personal identity, which are formed under the influence of the transforming institutions of modernity and, in turn, transform these institutions. The dialectic of global and local becomes the core of the author's theoretical reflections. This is a sociological and psychological study of the phenomenon of identity, in which macro-processes of high modernity are viewed through the prism of existential and social misadventures of the Self. A person is influenced by the process of globalization, on the one hand, and on the other hand, by personal preferences and dispositions.

A. Giddens distinguishes three components of the dynamics of modernity:

“1) Separation of space and time is a necessary condition for the delocalization of social actions, their extraction from a specific context and free movement in the widest space-time limits.

2) The reflexivity of modernity is expressed in ‘the ordered use of knowledge about the circumstances of social life as an integral element of its organization and change’. The constant revision of existing knowledge about the world gives rise to radical doubt, the most important existential parameter of high modernity. The defense against doubt lies in orderly practices, commitment to a way of life, trust in a series of abstract systems.

3) The role of abstract systems, including expert knowledge and ‘symbolic signs’, is important. The latter are means of social exchange that have a standard value and fungibility in any set of social contexts (money, titles). Expert knowledge contains a set of standards of modern social life in all its manifestations”⁹⁸.

The functioning of abstract systems becomes possible due to the phenomenon of subjective trust, or “generalized attitude of the mind” in relation to these systems, situations and other individuals. According to E. Giddens, the attitude of trust is

⁹⁸ Sosnovskaya A. M. Psychology of Journalist's Identity: A Monograph // Moscow: Yurite Publishing House. 2019. P. 13.

characteristic of a person and is natural for him if he spent the first years of his life emotionally safely. This feeling is a necessary component of the psychological well-being of the individual. It is the trust in abstract systems that is the cure for doubt and anxiety, which can withdraw a person from society. The sociologist associates trust in external abstract systems with psychological trust. These correlations are consistent with the actors incorporated into the conceptual scheme and will be analyzed in the next chapter.

A. Giddens examines in detail how trust is formed, a “cocoon of invulnerability” (“a feeling that nothing threatens me, nothing will happen to me”) in the early stages of communication between an infant and mother. The relationship of trust that develops in the first months of an individual's life is the “emotional charge of social ties”, that is, future relationships interdependence between individuals in society.

In addition, basic trust is an “emotional inoculation against existential anxiety” that violates the ontological well-being of the individual. Self-identity is “a permanent sense of a continuous spiritual and bodily personality” – one of the most productive existential questions for social behavior along with questions of existence, finitude and intersubjectivity. Self-identity is not a once and for all set of personality traits and inclinations manifested in an individual system of actions. The identity of “I” is constantly created and maintained through personal self-reflection. Summarizing the definitions of E. Giddens, we can say that self-identity is a reflective story about oneself in the context of multiple choice, taking into account abstract systems. In the conditions of high modernity, self-identity has a set of qualitative characteristics. A. Giddens identifies 10 such characteristics:

1) “I” is a reflective project for which the individual himself is responsible; “We are what we make of ourselves.”

2) “I” develops the trajectory of its development, returning to the past and predicting the future; travel to the past gives emotional freedom to foresee and create the future, the construction of the trajectory of the “I” is based on the idea of a multi-stage life cycle.

3) The reflexivity of the “I” is continuous. The art of self-observation lies in the fact that the individual constantly asks himself questions: How can I use this moment to

change? What is happening right now? What I think? What am I doing? What I feel? How do I breathe?

4) Self-identity manifests itself as a story, including in a regularly kept diary.

5) Self-actualization implies control and management of time.

6) The reflexivity of the “I” also covers the sphere of the corporality of the individual, since the body is part of the individual system of actions, and not its passive object.

7) Self-actualization of an individual requires a balance of opportunity and risk, which is achieved through emotional overcoming of the past and meaningful forecasting of the future.

8) The moral task of self-actualization is the achievement of the authenticity of the “I”, i.e., fidelity to oneself; this process requires the interpretation of previous experience and the differentiation of the true and false self.

9) The life cycle of a person is embodied in a successive change of stages, which, unlike traditional society, have almost no ritual marks or external conditioning; the movement from episode to episode, which embodies the balance of opportunity and risk, is carried out thanks to the “reflexive mobilization of the trajectory of the Self.”

10) The development of the “I”, i.e., its life trajectory, has an internal reference; the only significant “guiding thread” of the life trajectory is itself⁹⁹.

Thus, the internal integrity of the “I”, i.e., its authenticity, according to Giddens, is achieved through the integration of all life experience in the context of a biographical narrative about self-development. The set of practices of the individual has not only a utilitarian purpose, what and how to consume, it gives a material form to the personal narrative about self-identity, the main idea of self-development. Life style, routine practices, reflexively open to change in the light of the mobile nature of self-identity, is embodied through a life plan, the concretization of which, in turn, is an individual life calendar, subject to its own logic, but also connected with the events of the outside world.

⁹⁹ Sosnovskaya A. M. M. Psychology of Journalist's Identity: A Monograph // Moscow: Yurite Publishing House. 2019. P. 14-15.

For our conceptual scheme of identity, which is presented in the second chapter, taking into account the actor-network theory, from the provisions of Giddens on the identity of late modernity, which is present on a par with postmodern states, we will take ideas from each point. The dynamics of modernity give us ideas about the recursiveness of social action, about a radical doubt that pushes for a constant revision of knowledge about oneself and about the world, and which is also removed through the repetition of ordered practices, obligations and trust in expert knowledge and abstract systems that are embodied in culture.

Here we are witnessing a transition to actor-network optics, since reified structures that have influence are non-human actors, according to ANT. The ten characteristics of self-identity show us the experience cycle of our conceptual schema. Self-identity is constantly recreated by choosing actions and testing existing knowledge. Knowledge, past experience is the support and the start of contact with the outside world to check the existing knowledge. In the process of testing knowledge, the body is present, not just as a passive object, but an actor with its own intentionality, which is proposed to be taken into account by observing the breath and the body's reactions to the environment. An individual, coming into contact with the environment to test his knowledge, risks and tests the possibilities of the predicted future, thereby gaining experience. The experience gained is analyzed in the form of a story in a diary or in the form of introspection and integration of those experiences that are authentic to my self-image. The control of time and the mobilization of oneself for new experience, which take place after reflection and new action, for which the individual is responsible, for himself as a reflective project. Mobilization can be helped by material actors – a calendar, a plan, a to-do list.

Let us designate some of the phenomena of late modernity, important for identity, indicated by Giddens. The sociologist identifies the following phenomena of modernity that are important for identity:

- 1) The situation of choice. Since in the late modern situation “we have no other choice but a permanent choice”, the individual “I” is forced to determine its life style or “a more or less holistic set of practices used.”

2) “Pure connection”. In a situation of constant choice, the content of interpersonal relations also changes dramatically – there is a release of ties and their independence from external factors (economic, traditional, clan-patriarchal). Interpersonal relationships take the form of “pure connection” in the process of mutual creativity of partners. Giddens emphasizes that the fundamental feature of such a relationship is self-sufficiency. Pure relationships are of value to partners solely because of their inner content and are maintained as long as they remain self-sufficient. The attributes of a pure connection are the mutual loyalty, trust and devotion of its participants, which thus create their own specific intimacy. In the practice of pure communication, the self-identity of each partner is affirmed,

3) Risk. For a modern person, the risk climate of late modernity (including those associated with globalization and global catastrophes) is paradoxically associated with openness to the future, i.e., with understanding future events of the social and natural order as, in principle, subject to management and control. There is a constant comprehension, “calculation” of risks.

4) Responsibility. Another consequence of globalization is the dialectical process of the expropriation of skills, i.e., the removal from the competence of the individual of the traditional elements of his local life – healing, crafts, etc., and at the same time the acquisition of new vital powers. A person is forced to look for answers to the key questions of existence himself, making a choice between expert assessments¹⁰⁰.

High-risk culture as a context for the existence of the modern “I” gives rise to a number of conflicting psychological states – feelings of uncertainty, uselessness of existence, doubt, anxiety, etc. In conditions of radical doubt, an individual who does not have any “support” outside (faith, authority, tradition), is doomed to the continuous choice of one or another system of expert knowledge, the assessment of their choice and risk. This process amounts to a constant provocation of the individual's basic trust. Anxiety becomes a stable background of the individual's life. In interviews, respondents noted urban identity as a support, a certain constant, and a meaningful cultural basis.

¹⁰⁰ Sosnovskaya A. M. op. cit. p. 15-16.

The globalization of continuous social changes, characteristic of late modernity, turns social existence into a chain of endless crises, i.e., situations where certain actions used to achieve vital goals suddenly turn out to be inadequate. Crises become the norm of social life, but, of course, they cannot become an ordinary element of it. There is a “general climate of uncertainty” that affects the self-perception and identity of the individual, even if the latter inspires himself with imaginary confidence. Finally, new intimacy is a source of anxiety. Due to its internal referentiality, pure relationships directly depend on the mobilization of authenticity, the sincerity of each of the partners, which makes the process of creating intimacy extremely ambiguous in terms of its psychological consequences.

In his book, Giddens singles out and considers specific dilemmas of the “I” of late modernity and offers the concept of life policy as a strategy for self-actualization in the context of globalization: «Dilemmas Are Identity Strategies»¹⁰¹. Let us list the oppositions, the framework in which human behavior unfolds. When analyzing the discourse, these frameworks were also taken into account.

1. Unification (everywhere one person, a frozen mask) or fragmentation (different identity in different circles of communication).

Describing the pathologies of this dilemma, Giddens writes: “ on the one hand, we find a type of person who builds his identity around a set of established characteristics that act as a filter through which various social environments react to him or interpret him. Such a person – a rigid traditionalist – refuses any relativistic context. On the other hand, in the case of a person who is lost in various contexts of action, we find an adaptive reaction, which E. Fromm described as ‘authoritarian conformity’. The individual ceases to be himself; he fully accepts the type of personality offered to him by cultural patterns; and he therefore becomes exactly like everyone else, and such as is expected of him <...>, this mechanism can be compared with the protective coloration that some animals take on¹⁰².

¹⁰¹ Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press, 1992. P. 264.

¹⁰² Ibid.

2. Powerlessness ('a chip in the whirlpool of social control') and omnipotence based on symbolic capital (in the sense of P. Bourdieu)¹⁰³.

In the second case, the individual meaning of ontological security is achieved through the fantasy of omnipotence and domination. Giddens writes about the mutual transition of these states into each other: "Since omnipotence is a defense that is fragile, it is often associated psychologically with the other pole; in other words, under pressure, this defense can disintegrate into its opposite, impotence¹⁰⁴. Latour also presents the human being as a puppet pulled by various forces, but, according to ACT, the more connections and strings, the greater the emancipation of the puppet: "We can only finally acquire the 'intrapyschic' by engaging with a multitude of 'extrapsychic' or what might be called 'brain stirring' substances - psychotropes, or, to use another expression, 'soul generating entities' – psychogenes"¹⁰⁵. If we consider what comes from outside as intermediaries, enabling other agents to behave as intermediaries, the whole scene of external and internal changes completely. "The puppeteer still has a lot of strings in his hands, but each of his fingers pulls where the puppet points. The more strings the puppets have, the more agile they become"¹⁰⁶. According to ANT, the situation of choice and action is complicated by intermediary things that divert the original intentions, creating a feeling of impotence and complexity.

3. Authority (following the leader) and uncertainty (no authority, doubt).

Giddens writes, that some individuals "find it difficult or impossible psychologically to accept the existence of various, mutually contradictory forms of power". Accepting the existence of multiple antagonistic, mutually exclusive forms of power may be difficult or even psychologically impossible for some people. Such people see freedom of choice as a burden and seek solace in power structures. There is a pathological propensity for dogmatic authoritarianism at this pole. The person in this situation is not necessarily a traditionalist, but they essentially give up their ability to

¹⁰³ Bourdieu P. *Beginnings*: Collection. M.: Socio-Logos: Adapt Firm, 1994.

¹⁰⁴ Giddens A. *Modernity and self-identity*. P. 194.

¹⁰⁵ Latour B. *Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. M.: Ed. house of the Supreme school Economics, 2022, p. 318.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 285.

exercise critical judgment in favor of beliefs that are supported by a body whose laws and regulations are generally applicable to all facets of life.

In this sense, following a leader has nothing to do with faith, even faith in fundamentalist religions, since faith is “almost by definition based on trust” and taking refuge in a dominant power is essentially an act of submission. Individual, in fact, should no longer engage in a problematic gamble that involves a relationship of trust. Instead, he identifies with the dominant power on the basis of projection. The psychology of leadership plays an important role here. Submission to authority usually takes the form of commitment to a figure of authority endowed with omniscience. At the other extreme, we find pathological states in which individuals actually stop in their development, abusing doubt. The extreme forms of this state – paranoia or paralysis of desire – are characterized by the interruption of normal social communication. Submission to authority usually takes the form of commitment to a figure of authority endowed with omniscience. At the other extreme, we find pathological states in which individuals actually stop in their development, abusing doubt. The extreme forms of this state – paranoia or paralysis of desire – are characterized by the interruption of normal social communication. Submission to authority usually takes the form of commitment to a figure of authority endowed with omniscience. At the other extreme, we find pathological states in which individuals actually stop in their development, abusing doubt. The extreme forms of this state – paranoia or paralysis of desire – are characterized by the interruption of normal social communication.

4. Personal experience and consumption-modified (commodified) experience.

According to Giddens, today a person's self-expression often occurs through the market, which presents packaged lifestyles and self-actualizations. In such a situation, consumption replaces self-expression, and the image replaces the essence of a person. A well-constructed image is the visible sign of successful consumption. In today's world, lifestyles for imitation, samples, are actively offered by the media, for example, serials give possible options for destinies. On the one hand, an identity striving for individualization resists imposed consumption. However, on the other hand, an individual who is too different from others does not have a chance of reflexively developing a

consistent self-identity, since he is a rigid unified mask (dilemma 1). A story about yourself, as a comprehensive presentation of yourself, one has to build in such a way that personal appropriation is influenced by standardized consumer influences. Absolutely non-conforming people are excluded from communication. The main pathology of behavior associated with the influences of commodification – narcissism or narcissism, is observed when narcissistic personality traits are demonstrated through consumption. Individualization and personal experience, however, also acquire the pathological aspects mentioned above, namely, excessive individualization is associated with the concept of grandiosity (dilemma 2). It is about feeling different, unique and superior.

It is within this framework, according to Giddens, that behavioral strategies are developed, “life politics” unfolds as a creative process of self-actualization of the individual. Giddens defines life politics as “the politics of self-actualization in a reflexively ordered environment”; and the scope of its interests – as a set of topics and tasks due to the global mutual influence of large-scale and local processes, the mutual influence of globalizing trends and the creation of the “I” as a reflective project. The politics of life can be seen as the successor to the politics of emancipation, whose task has always been to free social life from the shackles of tradition and custom.

Life politics, in contrast to emancipation, is already indifferent to the conditions or prerequisites for freedom, it is interested in the very content of freedom as an autonomous, independent choice of life path, lifestyle. Its task is to create morally justified forms of social life that will contribute to the self-actualization of the “I” in the context of global interdependencies.

The development of a life policy, writes Giddens, becomes a paramount task at the end of high modernity, where the freedom to choose a life style is realized in the context of the global interdependence of individual and planetary needs. Planetary needs, according to ANT, are the requirements of the inclusion of non-human actors and the symmetry of relationships. Thus, taking into account the life policy and the process of self-identification proposed by Giddens, one can try to integrate the planetary needs that Latour writes about into the identity cycle, integrating actors at each stage of the contact cycle.

If we consider identity as a result or effect of communication, a policy of self-actualization in relation to heritage, then consideration of the stages of such communication within the framework of Gestalt analysis will allow us to see how basic attitudes and introjects are confirmed or not confirmed in the process of constant choice, communication and contact with the city and heritage. Theories of political socialization, including those occurring through the media, also insist on a choice. Consider the political socialization of Generation Z youth in order to discover introjects, knowledge or attitudes that influence practices and/or are retested in the process of contact with the environment.

1.3. Identity politics, identity crisis and novelty of emotional modes of self-perception

Numerous literatures in Russian are devoted to issues of identity crisis and identity politics¹⁰⁷. Researchers D. Kazarinova and M. Mchedlova note that “the modern search for justice has brought to the fore not only the theoretical construct of identity, but also relevant practices based on an implicit desire for solidarity and overcoming existential insufficiency”¹⁰⁸.

A stable understanding of the term ‘Identity politics’ has developed in the literature, which implies policies based on the commonality of people according to various identification factors (religion, race, class, etc.), which form exclusive socio-political

¹⁰⁷ Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition / Ed. ed. I. S. Semenenko. M., 2017; Semenenko I. S. Political identity in the context of identity politics // Political expertise: POLITEKS. 2011. V. 7, No. 2. P. 5-24; Smorgunov L.V. Political identity and the concept of the political // POLIS. Political studies. 2012. No. 6. P. 178-185; Sveshnikova N. O. Theoretical Foundations for the Study of Identity in Political Psychology // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2012. No. 4. P. 45-52; Evstifeev R.V. Identity Crisis as a Political Challenge of the 21st Century: Theoretical Approaches to Study, Evaluation and Understanding // Political Expertise: POLITEKS. 2019. V. 15, No. 1. P. 108-121; Sanina A. G. Genesis of the Idea of Identity in Sociology and Related Sciences // Sociological Studies. 2014. No. 12. P. 3-11; Vendina O. I. Moscow identity and the identity of Muscovites // News of the Russian Academy of Sciences. Geographic series. 2015. No. 5. P. 27-39; Andreeva G. To the question of the identity crisis in the conditions of social transformations // Psikhologicheskie issledovaniya. 2011. V. 4, No. 20; Pisarevskaya N.S. New media and identity crisis // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 3-2. pp. 192-195; Popova O.V. On unresolved problems of the theory of state policy of identity in Russian political science // Political Science. 2020. No. 4. P. 86-110; Kazarinova D. B. The evolution of the concept of “cultural war” in Western political thought // Mosaic field of world and Russian public policy. Political Science: Yearbook 2020–2021. Tomsk: Tomsk State University Press, 2021, pp. 333-349. Moscow identity and the identity of Muscovites // News of the Russian Academy of Sciences. Geographic series. 2015. No. 5. P. 27-39.

¹⁰⁸ See Mchedlova M. M., Kazarinova D. B. Identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies // Political Science. 2020. No. 4. P. 13-35.

unions and act politically solely on this basis, in a counterbalance to a broad coalition policy based on the intersection of the interests of various groups.

A unique experience, impossible to empathize not with one's own group, is considered as the basis of identity. The idea of an inseparable life experience can be illustrated by S. de Beauvoir's philosophy of a unique female identity. The experience of the material object of the heritage of St. Petersburg in the subjective experience of our respondents should be attributed precisely to such an identity, which does not form a dialogue, but only, perhaps, a new art.

D. Kazarinova and M. Mchedlova come to the conclusion as a result of a review of the topic that “identity politics is identified with pseudo- (or for some authors) anti-politics – a phenomenon that is essentially the opposite of politics as a sphere of reconciliation of various interests and dialogue in nature, and displaces possibilities of project identity into the space of ideological dreams”¹⁰⁹.

Modern researchers are full of uncertainty about the effectiveness of the political mechanisms of the field of identity politics, since solidarity is thinning and fragmenting, there is a “modification of the hierarchy of traditional value priorities”, and “the potential for the development of new identities is not obvious”¹¹⁰. In a situation of a global crisis of identity, the normative theoretical approaches of Modernity, including the theories of practices and theories of choice described by us, according to the researchers of the Moscow school of identity under the leadership of I. Semenenko, do not work, do not provide sufficient nuances for understanding reality¹¹¹.

Political science is facing the problem of conceptualizing a new understanding of politics, politics and identity politics, searching for interpretation and legitimation of political instrumental practices¹¹². The disunity of the population in the situation of an identity crisis in St. Petersburg requires a reassembly of the concepts of identity and local urban identity in connection with heritage, assembling a network of actor relations in

¹⁰⁹ Mchedlova M. M., Kazarinova D. B. op. cit. P. 22.

¹¹⁰ Ibid. P. 30.

¹¹¹ Identity: personality, society, politics / I. S. Semenenko, K. G. Kholodkovsky, O.V. Popova; Executive Editor Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I. S. Semenenko; National Research Institute of World Economy and International Relations named after E. M. Primakov of the Russian Academy of Sciences. M.: Ves Mir, 2017.

¹¹² Kostyushev V.V. Social protest in the field of politics: potential, repertoire, discourse (the experience of theoretical interpretation and empirical verification) // Polis. Political studies. 2011. No. 4. P. 144-157.

order to see gaps, the presence or absence of motivating agents and field agency. One can note many emerging and multiplying precedents in the real politics of the city, such as weakening based on the politics of memory and aesthetic phenomenology (intensive destruction of buildings of historical heritage and artifacts of the Blockade), which cannot be explained within the framework of classical theoretical approaches and practices.¹¹³. Contemporary political theories refer to articulation and discursiveness as the realization of politics.¹¹⁴, theories of representativeness and semiotics¹¹⁵, material (B. Latour) and immaterial (G. Harman) theories. There are many disputes and competing optics around the concepts of identity and identity politics. “In the context of the destructuring of sociality and the delegitimation of political institutions, the search for identity becomes tantamount to a search for meanings and ways to create new social structures”¹¹⁶. The most common instrument of identity politics is the “resistance identity” or the concept of “protective collective identity”¹¹⁷, reflecting the dominant choice of political strategies. Instability in world politics redefines both the political processes themselves and the foundations of identity, transforms the modes of sensitivity and emotionality, defining both the time of post-politics, post-truth and subjectivity.

The interpretation of the novelty of emotional regimes in politics depends on the focus and optics of the researcher: the politics of identity and resentment¹¹⁸, “politics of fear”¹¹⁹, “politics of anger”¹²⁰ and “bluff civilization”¹²¹.

B. Latour cites a study of the baboon community and finds that a protective collective identity is maintained at a high cost of efforts to maintain interaction and mutual

¹¹³ Golovneva E.V. Forms of discursive representation of urban identity // *Sociology of power*. 2014. No. 2. P. 56-64; Kalashnikova S.K. Regional Identity Policy: The Image of St. Petersburg in the Discourse of Regional Leaders // *Political Expertise: POLITEKS*. 2020. V. 16, No. 4. S. 505-517; Gigauri D.I. Symbolic politics in the socio-cultural space of the city (on the example of St. Petersburg) // *Theory and practice of social development*. 2015. No. 16. P. 136-139.

¹¹⁴ Romashko T.V., Gurova O.Yu. Poststructuralist theory of discourse and its methods of research of socio-cultural reality // *Sociodynamics*. 2022. No. 10. P. 46-59; Grishaeva E. I. Identity as an unfinished project: the concept of identity in discourse analysis (Laclos and Mouffe) // *Philosophical Traditions and Modernity*. 2016. No. 2. P. 53-56.

¹¹⁵ Shapinskaya E. N. Images of Reality in the Space of Representation: Analysis of Literary and Screen Texts // *Culture of Culture*. 2017. No. 4(16). pp. 73-90; Fomin I.V., Ilyin M.V. Why do political scientists need semiotics? // *Political Science*. 2016. No. 3. P. 12-29.

¹¹⁶ Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture: The Power of Identity*. 2007; Castells M. *L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité*. Paris: Fayard, 1999.

¹¹⁷ Semenenko I. S. *Identity politics // Identity: personality, society, politics*. M.: Ves Mir, 2017. P. 649.

¹¹⁸ Fukuyama F. *Identity: the desire for recognition and the politics of rejection*. Moscow: Alpina Publisher, 2019.

¹¹⁹ Dutkevich P., Kazarinova D. B. Fear as a policy // *Polis. Political studies*. 2017. No. 4. P. 8-21.

¹²⁰ Pustovoit Yu. A. Anger and empathy: the formation of identity in political communities of different generations // *Development of territories*. 2020. No. 2 (20). pp. 36-44.

¹²¹ Kapustin B. G. Bluff Civilization // *Russia in Global Affairs*. 2020. No. 3. P. 82-85.

assistance of monkeys, and it would be easier and cheaper to get all this with material objects. Latour notes that we are “almost” baboons in our social behavior, but we are distinguished by the presence of things that help maintain social interactions.

Below is a table of things that support social interactions in different types of identities (Table 2).

The table was compiled on the basis of the concept of identity and its thingness by G. L. Tulchinsky¹²², the reconstructed representations of identities can be expressed in the material or incorporated things of the actor network.

Table 2 – Material confirmation of the types of identity (G. L. Tulchinsky)

Identity	Representations and things
ethnic	Appearance, clothing, language, behavior
Status	Document, evidence, bodily signs
role-playing	Continuity of memory, competence, professionalism
Design	Fame and recognition
post-human	Markers of freedom and responsibility

Based on these premises, it is possible to consistently consider urban identity and politics, the politics of urban identity. The policy of urban identity of St. Petersburg is studied most of all from the point of view of symbolic politics: holidays, locations, practices of fans of sports teams become a symbol of identity¹²³. Modern global trends in the economy, culture, information space require the transformation of traditional management models and identity building in the regions¹²⁴. Our research also confirms a decrease in the level of loyalty and patriotism towards the city among young people.¹²⁵.

¹²² Tulchinsky G. L. Identity as a project: Conditions for the political positioning of the individual // Symbolic politics: a collection of scientific papers. 2017. Issue. 5. P. 80-97.

¹²³ Kalashnikova S. K. Regional Identity Policy: The Image of St. Petersburg in the Discourse of Regional Leaders // Political Expertise: POLITEKS. 2020. V. 16, No. 4. P. 505-517; Malinova O.Yu., Miller A.I. Introduction. Symbolic politics and the politics of memory // Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe. 2021. S. 7-37; Popova O.V. Identity politics: the attitude of Petersburgers to festive events in the city // Political expertise: POLITEKS. 2017. V. 13, No. 4. P. 37-48.

¹²⁴ Popova O. V. State identity policy as a theoretical construct and real practice: experience of expert assessments of Russian researchers // South Russian Journal of Social Sciences. 2019. No. 4. P. 74-91.

¹²⁵ Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices // International Journal of Tourism and Hospitality. 2022 Vol. 2(2). P. 56-69.

One of the key areas in the formation of the political identity of citizens is public and mass events organized by the city administration and other actors involved in creating the “holiday” agenda in the socio-cultural space. The researcher of the political attitudes of the residents of St. Petersburg Popova notes a positive result in the activities of the government of St. Petersburg in organizing festive events, as certain social groups of citizens note their positive effect, current studies of the values of citizens are presented¹²⁶.

A special regional identity is also formed by new urban spaces created by both the government and business communities or their joint efforts. Everyday socio-cultural landscapes, which serve as places for leisure activities for wide sections of the urban population, form both a way of life and certain values and attitudes of its representatives.

According to the concept of developing the spaces of St. Petersburg, at least 70% of the area of rented buildings or premises, spaces should be used for cultural, creative, and educational activities. New Holland, Sevkabel Port, Golitsyn Loft, Benois Farm are just some examples of spaces that form the territorial brands of the renovated St. Petersburg¹²⁷.

Consider urban culture and identification with the territory from the point of view of psychology as a decrease in anxiety and an increase in self-esteem¹²⁸. The need to reduce anxiety and protect self-esteem turns on the compensatory mechanism of objectified forms of urban culture. Against the backdrop of life's turmoil, insufficient funding for the city, unsuccessful leadership¹²⁹ self-support sounds: “... but we are a window to Europe and a cultural capital”, “... we have the Heritage of the Russian Empire”¹³⁰. I. Brodsky offered the position of a creative observer for the inhabitants of the cultural capital: observation of Russia from the side¹³¹. It is assumed that the cultural

¹²⁶ Popova O. V. Ibid.

¹²⁷ Gigauri, D. I. “City on the free Neva”: the development of the territory and the new identity of the inhabitants of St. Petersburg // City. Environment. Policy. Collection of materials of the scientific-practical conference. St. Petersburg, 2018, pp. 62-65.

¹²⁸ See Gornova G.V. Urban identity: philosophical and anthropological foundations. LLC “Amphora”, 2019; Dixon J., Durrheim K. Dislocating identity: Desegregation and the transformation of place // Journal of environmental psychology. 2004 Vol. 24(4). P. 455-473.

¹²⁹ Latkin G. B., Zhabotinsky V. V., Alekseeva N. S. Strategic management as a tool to ensure the sustainable development of construction companies // Fundamental and applied research in management, economics and trade. 2018. P. 247-251.

¹³⁰ Quotes from interviews with residents of the city, 2022.

¹³¹ Sosnovskaya A. Conceptualizing a UNESCO World Heritage Site: Visual Representation of St. Petersburg by Generation Z. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3994923 (Accessed: 11.01.2022).

and historical significance of the city and the first in Russia and the longest object of cultural heritage in the world – this in itself gives grounds for pride, and a person who is proud of the very fact of his territorial attribution cannot feel hurt by the “wrong” evaluating or criticizing the conditions of their city. This is how the compensatory mechanism works¹³².

Identity as the central category of the circle of worldview concepts in the form of local identity – urban identity – affects the life-sense questions of human existence, but the answers to them are addressed not only and not so much to the person himself, but contain an appeal to the city and the world through communication, to the environment, to the field¹³³ (Table 3).

Table 3 – Four main directions of local identity policy

Policy direction	Methods
Symbolization of space	Symbols, heraldry
Ritualization of belonging to the community	Unification
Formation of ideas about “we are a community”	Differentiation
Establishment of boundaries “ours” – “alien”	Group identification

Identity criteria are also related to practical factors (Table 4).

Urban identity is a social (collective) identity, associated with inclusion in long-term stable social groups and the fact that it determines the emotional content of an individual's self-determination in relation to such a group as a whole, to a group name, to “us” and “them”, as well as group values, social norms, stereotypes, behavioral patterns, etc. Urban identity appears as a socio-cultural construct, which is formed as a result of socialization and adaptation in a certain territorial settlement and is determined by the

¹³² See: Gornova G.V. Urban identity: philosophical and anthropological foundations. LLC “Amphora”, 2019.

¹³³ See: Evstifeev R. V. Local identity: symbolic politics and non-symbolic practices // Philosophical Sciences. 2016. No. 1. P. 88-95; Evstifeev R. V. et al. Urban local identities and the potential of political solidarization // Symbolic Politics. 2016. No. 4. P. 245-258.

assimilation and reproduction of cultural symbols, accepted norms, traditions, lifestyle of the inhabitants of this settlement¹³⁴.

Table 4 – Identity criteria

Criteria	Examples from interviews with respondents
Place of birth factor	Born or came to study
Having your own house/apartment	Rented rooms, mortgage
Time factor in the city	3-5 years
The breadth factor of the social network in which the individual is included	Familiar
The factor of subjective satisfaction with the socio-economic resources available in the city	Few shops in the center
Cultural and heritage factor	We live in a museum

Urban identity is the result of identifying a person with an urban community as a large social group, different from a number of other communities, allocated on the basis of urban affiliation. Urban identity should be recognized as the social identity of the individual, as again a sociocultural construct formed as a result of identifying a person with a specific urban community and determined by the assimilation and reproduction of the symbolic capital of the city, social norms and lifestyle that unite the inhabitants of this city¹³⁵.

Consider the formation of urban identity through its study: scientific research reproduces the existing discourse of urban identity, constructs identity, existing and updated practices and representations reproduced by respondents through description, classification and analysis.

Projects that shape the city's identity involve not only eventfulness (festivals, holidays, promotions, competitions, seminars), but also the participation of city residents

¹³⁴ See: Fedotova N. G. Urban Identity Formation: Factorial and Institutional Aspects // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2017. T. 20. №. 3. P. 32-49; Khokhrin E. V., Smolkov S. A. Mechanisms of Forming Urban Identity of Urbanized Territories. A. Mechanisms of Urban Identity Formation in Urbanized Territories // *Balandin Readings*. 2019. T. 14. №. 1. P. 171-175.

¹³⁵ See: Diagileva N. S. Theoretical aspects of urban identity // *Branding of small and medium-sized Russian cities: experience, problems, prospects*. Yekaterinburg: UrFU, 2013. P. 54-59.

in solving a number of city problems by discussing them and finding solutions. Such projects are implemented on the platforms of public and other institutions with a certain focus (environmental, legal, etc.), they develop civic consciousness and increase the degree of ownership of the city, which positively affects the strengthening of the city's identity.

Research is one of the tools for the creation of urban identity. On the one hand, urban identity research often involves city residents who evaluate, reflect on and “experience” the problem of identity while actualising urban meanings (creating mental maps, essays and drawings; in-depth interview methods; surveys), especially if the research results are made available to city residents. On the other hand, the study of urban identity is labour-intensive and often involves extracting symbolically and mentally embedded social representations from texts or individual opinions in order to learn more about its structure and characteristics. For local elites, urban identity serves as a symbolic resource for the city.

Thus, urban identity is a socio-cultural construct that develops in the process of socialisation and adaptation of an individual in a particular place. It is determined by the knowledge, appropriation and reproduction of the symbolic capital of the city, social norms, practices and lifestyles that unite the residents of the city. Research is one of the tools to create urban identity, the symbolic resource of the city.

1.4. Discursive construction of political socialization in the media

Sociological and political studies of identity interpret this concept as a changeable, conditional and socially determined construction. The focus of attention of sociologists and social psychologists is the construction and preferences of an individual who chooses his behavior, his characteristics, beliefs, and does not receive them according to his origin or heredity. What is chosen from is in a normalizing discourse that prescribes socially approved behavior. Thus, the display of devinity in the media strengthens the existing order in society and the normalizing discourse as a starting point to which everything returns.

Political scientist J. Carlson in his study “Television entertainment and political socialization” shows how mass communication messages reinforce political attitudes and values. The researcher considers television entertainment and the depiction of crimes on television. Referring to the communication theorist J. Gerbner, he writes that the primary function of cultural means is to legitimize and maintain power: “Fairy tales and other dramatic educational stories always help to strengthen the established order. Their content affirms the idea that violation of the rules that have developed in society will entail inevitable punishment. An indication of the importance of the existing order is always implicit in such narratives¹³⁶. Television entertainment plays such a role of fairy tales and “learning stories to sustain the political system”¹³⁷.

The study of political socialization, a process whose effect and result is political identity, is based on two main principles: the “principle of primacy”, according to which one learns best what one learns first, and the “structuring principle”, which says that primary learning structures subsequent learning¹³⁸. In addition to family and school, the media are also agents of the primary, most important socialization.

Based on the results of the analysis with students in the framework of the SSS article J. Carlson¹³⁹, it was decided to conduct a survey among freshmen in the field of public relations and journalism, asking questions about when they first thought about politics and society, and what media or other sources of information contributed to this, –or, to use Latour's words, what plug-ins helped to load the primary political values into the personality.

We found that, first of all, television and Internet video entertainment content influenced political socialization, the perception of order and hegemony of the society of our respondents, the youth of generation Z: after watching series showing violence, respondents are more likely to think about the political system, about relations in society, about the work of television and the features of the construction of the script. Television is a way to show the world, connections in it, and how to respond to it varies from answer

¹³⁶ Carlson J. Television entertainment and political socialization // Vermeer Jan. P. In” Media” Res: Readings in Mass Media and American Politics. NY: McGrawHill, Inc. 1995. P. 47-55.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ See Vygotsky, L. S. The mental development of children in the process of learning. Ripol Classic, 2013.

¹³⁹ Carlson J. Op.cit. P. 47-55.

to answer. Young people watch television, learn about the rules of functioning in society, realize the impact on their social and political practices, imitate the behavior of the characters in the series, often believing that the visual representation is truthful, perhaps, and implicitly absorbs the dominant discourse.

1.4.1. The limits of media influence on the formation of the identity of the youth of generation Z

On the example of one of the regular empirical studies of the opinions of first-year students of the NWIMU RANEPА (n=128), the influence of entertainment content on political socialization, perception of order and hegemony of society was found¹⁴⁰. The context of the stated answers was disclosed, showing the moods, values and preferences of various forms and content of the media by the youth of generation Z.

In order to analyze political socialization, preferences, values, to study the popularity of various media and mass communication of first-year students, a questionnaire “The influence of television on socialization” was specially developed. The questions were formulated according to five main criteria: TV viewing time, preferred programs, reflection on primary socialization, the problem of trust and selectivity in relation to information, and the psychological impact of showing scenes of violence.

The study took place in two stages: at the first stage of the study, a questionnaire was compiled and distributed in *Google* for first-year students. At the second stage, the answers were analyzed: what influences socialization and how important television is in this process. The sociological survey method was used. The online questionnaire was distributed in the first year, but also remained open and publicly available online. Socio-demographic characteristics were collected thanks to the following columns of the questionnaire: gender; age; social status. During the analysis, the answers were divided into two age groups: students and others.

¹⁴⁰ Galdeeva, Maria and Sosnovskaya, Anna, The Impact of Television on Socialization Generation Z' Youth (December 8, 2020). Available at SSRN: 3744948.

J. Carlson considered the influence of entertainment channels, as they are the most popular and occupy most of the airtime. Our survey confirmed this – 80% of respondents prefer entertainment content. Only 33.3% watch the news. A young audience reads news on the Internet – more than half of the respondents confirmed this. Respondents answered the question about their favorite show. The following are the words of the respondents. The following programs were named: “*Eagle and Tails*”, “*Fight with Girls*”, “*Evening Urgant*”, “*Male / Female*”, “*Improvisation*”, “*Voronins*”, “*Supernatural*”. In the top were: “*Channel One*”, “*Friday*” and “*STS*”.

What does the content of the programs teach?

The TV program “Eagle and Tails” develops the audience in the field of geography, introduces a new culture. They also use the “poor-rich” game method, which attracts an audience, entertains, keeps interest, and teaches survival. With each new series of knowledge in geography increase. It is worth noting the training in communication skills. Presenters often turn to local residents, so, by their example, you can learn how to act in similar situations.

“Improvisation” develops the skill of logic, communication and non-standard thinking. Participants quickly figure out how to act in a new unusual situation. Evening Urgant develops communication skills in the audience. Ivan meets star guests and communicates with them throughout the TV show. You can learn from him how to build a dialogue and win over people, how to get out of awkward situations in a fun and witty way.

“Fight with Girls” – a program about female-male relations, competition, competition and communication.

“Male / Feminine” gives an understanding of the different connections and relationships between people, what are the situations in life.

“Voronins”, “Supernatural” and other series are what people like to watch now to relax, these are simple predictable everyday scenarios.

At some point, the series “Game of Thrones” was popular, where scenes of violence were repeatedly present. The series was tied to the struggle for the throne, that is, competition, and connections between people.

The second part of the study was devoted to the theme of J. Carlson about political socialization and related to the display of violence in television programs. More than half of the respondents (53.3%) watch such programs and are interested in the topic. “The investigation was conducted ...”, “Trace”, “Let them talk”, the series “Father Brown” – each contains violence in different forms. There is even a separate ID channel, which shows investigations of real murders.

How do stories like this affect the audience?

The display of violence reflects the problems of society and visually recreates the actions of people. From such programs, one can take out an indirect experience of difficult situations and compare with real life. It is necessary to separate the reality of television and the reality of reality.

J. Carlson notes in the article that programs containing violence cause people to feel anxiety, because “the world around us is extremely dangerous, where anyone can become a victim of aggression at any time”¹⁴¹. The answers of the youth survey confirmed the theory of J. Carlson, the students answered that as a result of viewing, anxiety and fear for their lives increase. It became obvious that young people have little trust in television content, that is, respondents think that events are always exaggerated and exaggerated, but some answered that they believe 100% that what is shown is real. Other respondents noted that they believe depending on the program, that is, they change the settings, having learned what kind of program is going on: “somewhere the facts are really inflated, and because of this, reality is distorted.”

Only 46.67% of respondents answered that their level of anxiety did not increase after watching programs with violence, respectively, more than half experience anxiety and fear for life. Important for the study of the socialization of young people is the question: when did the respondents realize their interest in society.

It follows from the survey that the average age of understanding the presence of order in society and the emergence of interest in social issues is approximately 14 years. At school age, a person begins to think about how the social system works. The main sources of information in the primary political socialization were called television and the

¹⁴¹ Ibid.

Internet. Almost 70% answered that they rarely watch television, but this does not exclude its influence, the remaining 30% watch TV every day.

Answering the question of how television influences socialization, the respondents answered that in childhood they adopted the behavioral model of the heroes of films, serials, cartoons and thus got acquainted with the behavioral model in society. It is a way of imitating behavior that turns out to be a discursive justification for the current behavior. The difference between discourse about oneself and real socialization, a secondary discourse, should be emphasized.

“The primary discourse of an individual,” notes Yu. V. Klyuev, “as a rule, is not public, it is a kind of internal intellectual, moral, spiritual environment for a person. The secondary discourse, on the contrary, is associated with the public sphere, and is expressed in the realization in the society of the material and spiritual needs of the individual. The category of the social included in public life arises and is maintained due to the speech involvement of the individual in the messages of the means of communication, the participation of a person in the process of socialization, the socio-political resource of which is the mass media. A person becomes a personality due to his permanent presence and functioning in the discourse of public social interaction.¹⁴²”

I. N. Blokhin defines socialization as the ability to choose social roles, and refers to unplanned long-term effects in the typology of D. McQuail¹⁴³ when reality changes based on the assessment contained in the text of the media message, which correlates with shared values¹⁴⁴.

We also noted the interest of respondents in the news: “... thanks to the news, we see what is happening in the world and begin to understand the political and economic systems.” I. N. Blokhin refers the category of interest in media content to unplanned short-term effects of the media and correlates it with socialization, the choice of a social role: “Interest arises either as a reaction to a media offer, or as a purposeful action in the direction of certain (interesting) knowledge and information. In the event of an interest,

¹⁴² Klyuev Yu.V. Discourse in mass communication (interdisciplinary characteristics, concepts, approaches). P. 207.

¹⁴³ McQuail D. Mass communication theory: An introduction. Sage Publications, Inc., 1987. P. 336-337.

¹⁴⁴ Blokhin I. N. Personality in the space of mass communication: the beginnings of role analysis. St. Petersburg: Limited Liability Company Publishing House “Scientia”, 2016. P. 333.

the consumer has a new social role – identification takes place (“embedding” Bakhtin)”¹⁴⁵. The main task of journalism in the field of mass communication, according to Blokhin, is to stimulate social identifications.

Respondents prefer entertaining content, including the entertaining news feature. J. Carlson considers the entertainment content of television, which implicitly contains the rules of society, as an important part of socialization. He also notes that television “showing crime and justice is significantly different from the” real “reality.”

Those situations that are presented to us as possible may be perceived by some as real. The impact depends on the perception and degree of conscious attitude to the content of each person. Some are more receptive to such scenes and too naive. Constant viewing can cause fear for life, and, of course, this affects the psyche, causes anxiety and distrust.

In 2022, Generation Z youth in two student groups (n=60) were asked to remember the first cartoon that influenced their social identity and became a structuring principle of social practices. Based on the results, a presentation and discussion took place at the conference within the framework of the section. Table 5 was compiled for this study.

Table 5 – Social Identification Values Incorporated from Cartoons

Value/ cartoon	Friendship, relationship	respect for elders, listen to the interlocutor	Courage, Independence, ability to dream	family, togetherness
	“Smeshariki” “Black Cloak” “The Adventures of Leopold the Cat” “Scooby-Doo”	“Nehochuha” “The Adventures of Lolo the Penguin” “Luntik” “Baby and Carlson”	“Prostokvashino” “Smeshariki” “Tom and Jerry” “Chip and Dale” “Wait for it!” “The Adventures of Leopold the Cat” “Uncle Stepa” “Hedgehog in the Fog” “Kitten Woof”	101 Dalmatians, Monsters, Inc., Ice Age

¹⁴⁵ Ibid. P. 333.

These and other cartoons appeal to values and reproduce social constructive meaning that influences discursive self-justification.

Television, radio, newspapers, the Internet and other media have a great and unpredictable impact on the development of man and society by the very fact of their existence, that is, regardless of the content transmitted. However, these effects go unnoticed and little studied due to the fact that researchers are primarily interested in the meaning of the messages being transmitted.

Marshal McLuhan was the first to show the decisive influence of the material substrate of the media on the type of content produced. The scientist's questions about the means of communication open up his philosophical vision of the world.

What does this tool in question expand?

What natural function of a person does this remedy displace, cancel?

What will this tool help us to find in the past from the lost?

When this remedy has exhausted its possibilities, how will it affect you? ¹⁴⁶

It is interesting that many students memorized magazines and other means of communication on material objects: collections of cards of the Spider-Man magazine and participation in the VK public for collecting them; collections of issues of magazines “All Stars”, “Storyteller”, a collection of chess pieces from magazines about Harry Potter.

These material objects expanded the vision of society for the younger generation, primary function of social identification. Many respondents retained their collections and memories as an understanding of the workings of the unconscious structure of experience and communication. These artifacts have exhausted their value and function as actors, since they have been replaced by virtual and more complex substitutes, but have remained the primary scheme for structuring experience and perception.

In Gestalt theory, there is a scheme for analyzing communication, the result of which is an increase in identity. Let's use this scheme for our analysis. To do this, it is necessary to consider the context of Gestalt therapy in order to then extrapolate the method to text and communication.

¹⁴⁶ Sosnovskaya A. M. Business Communication and Negotiation: Textbook. SPb., 2011. C. 11-12.

1.5. Defining the Gestalt Analysis Process in Psychotherapy as a Source of a Conceptual Identity Construction Scheme

The basis of the conceptual model that we develop for the analysis of discursive and network identity is the psychotherapeutic model of Gestalt therapy “contact cycle”¹⁴⁷. According to Gestalt therapy, identity is constructed in the process of contact with the environment in stages, and if contact with the environment is difficult, then it can be optimized in a psychotherapy situation, which can be considered as a simulator of social life.¹⁴⁸ According to the stages of the contact cycle, it is possible to reconstruct the identity in texts: in the texts of the media, social networks, cinema¹⁴⁹, art, in the process of perception of architecture¹⁵⁰.

French Gestalt therapists, Ginger, look at the etymology of the word “therapist” and this study leads them to the word “servant”, which in turn comes from the Indo-European root “swer”, “ser” or “wer”, which means “to pay attention”, “to be attentive to”. Thus, the servant in the presence of his master (client) does not lose vigilance, he is characterized by awareness, awareness. This is the main professional quality of the Gestalt therapist, the essence of the therapeutic relationship. Observing the visible manifestations of the master is the task of the servant, and this is obvious from the very word “observe”: watch – watch, look after someone, ob-server.

Gingers also come to a significant conclusion about the position of the therapist in the client/therapist pair: “The words 'therapy' and 'healing' are not associated with the concept of disease, but with the concepts of service, vigilance, awareness, awareness; hence, the “therapist” is not the one who has power over others, but the one who is in the power of another, his “servant”¹⁵¹.

¹⁴⁷ Ginger S. A practical guide for psychotherapists. Moscow: Academic Project, 2014; Demidova T. A. The cycle of contact in Gestalt therapy // *Tauride Journal of Psychiatry*. 2015. V. 19, No. 1(70). pp. 46-54.

¹⁴⁸ Ryaguzova E. V. Types and functions of boundaries in psychological research // *Bulletin of the Saratov University. New episode. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2011. V. 11, No. 1. P. 89-94; Ryaguzova E.V. Sociocultural codes and psychological borders of the neighborhood // *News of the Saratov University. New episode. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2017. No. 17(1). pp. 89-94.

¹⁴⁹ Salakhieva-Talal T. *Psychology in cinema: the creation of heroes and stories*. M.: Alpina non-fiction, 2019.

¹⁵⁰ Yanin K. D. Reproduction of the contact cycle in the conditions of the architectural space of a modern metropolis // *Kuban Historical Readings: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Krasnodar Center for Scientific and Technical Information, 2015. P. 184-189.

¹⁵¹ Smulyansky A. E., Sosnovskaya A. M. Visible and invisible in psychotherapy // *Lakanalia*. 2011. No. 6. P. 19-25.

The difference between the positions of the psychoanalyst (in the place of the Other and knowing) and the therapist (not knowing, but accompanying, present, aware) is obvious, although transference relationships in long-term therapy are also possible and sometimes inevitable even from this position. However, the Gestalt therapist seeks to limit the client's transference by turning his attention to the deliberate use of his own countertransference through the continuous awareness (awareness) of all his bodily sensations and emotions that arise in response to the verbal behavior and non-verbal movements of the client.

Working with relationships is not the essence of Gestalt therapy. However, the techniques of bodily and emotional mobilization, as well as the technique of waking dreams, make it possible to quickly bring to the surface part of the infantile neurotic material. The therapist obeys the rules that the client implicitly introduces into the subject-object relationship at first. The meaning that is put into these roles in practice, exactly the opposite, correlates with the etymology of the words: “subject” (from Latin *subjectus*) – literally means “subject”, subordinate (as opposed to “object”, which is “put forward”, “show off”). If we still talk about the goal of relationship therapy, then we are talking about the concept of subject-subject relations.

The therapist makes the most of his sensitivity to the process, and also follows the content to the best of his ability, putting aside his life story for the duration of therapy. It is important that in Gestalt therapy for the client, the figure (that is, the object of attention) is the content (what and why is happening in the topic of interest to him), and the background is the process (how everything happens in the story, and how he talks about it). For the therapist, on the contrary, the main figure of attention is the process of the client (how the client tells where in the story he is especially worried, where the energy rises or falls), and the content is the background, in the background.

The therapist at this hour of the session is fully attuned to the client – he is attentive to the changes taking place. The work itself at this moment takes place on the so-called border. It is about the space of response between two people, on the one hand, and the boundary of the therapist's sliding attention, on the other. It should be emphasized that the client brings his content to the border of contact, the border of attention and perception

according to his conscious or not conscious logic, and also brings out what he does not know about himself, but what is accessible to perception from outside. The therapist does not add anything new to the boundary of contact, but clarifies what is visible and audible, brings it to the understanding of the client. So, it implements the observer function. But at the same time, he is an agent of what is happening, a participant in communication.

The Gestalt therapist has four principles of working in dialogue with the client: presence, commitment, inclusion, and self-disclosure. It is a difficult position to be a participant and an observer, and at the same time a facilitator of the process. Gestalt therapy often refers to the concept of organism/environment to show that the organism exists permanently in the environment – the organism changes in the process of adapting to changes in the environment.

The task of the therapist is to be an environment for the client – to feel and understand how he usually interacts with the environment in general, realizing his limited, irrelevant repertoire of practices – the inadequacy and fixity of the forms of behavior and response makes him turn to therapy, – as well as offer experiments, expand awareness of the situation, reinforce creative adaptation.

Behavior can be defined as a function that depends both on the individual and on the environment. In Gestalt therapy, certain operations and stages of interaction between the organism and the environment are distinguished, which in general terms can be represented as movements of differentiation (separation of the Self and non-Self) and integration (the experience gained and the enrichment of the Self at the expense of the non-Self). It is these operations that Gestalt therapy means by the term “contact”.

Thus, the therapist's point of view is constantly changing: now what is happening is considered with a single phenomenological reference to itself (there is only my perception), now it is constructed in a dialogue, now it corresponds to something third, elusive, the so-called “it-situation”.

Merleau-Ponty writes about the connection that the body maintains with the world, in particular the perceptual act and mobility, and which makes meaning appear.¹⁵². Desires, impulses, appetites... (it-situations) can exist only if they are experienced bodily

¹⁵² Vlasova O. A. M. Merleau-Ponty and L. Binswanger: the phenomenology of experience // Hora. 2008. No. 3. P. 21.

under the guise of sensations, which gradually become the direction of meaning.¹⁵³ It-situations dictate their conditions to the participants, arouse needs. The need arises between people, and not an individual person is looking for how to realize his lonely need (a person as “a being thrown into this world and connected with it by something like a natural connection”, connected by mutual influence with all other elements of the field)¹⁵⁴.

The meaning of Gestalt therapy is in full constant attention to bodily experiences. The bodily experience is a special cultivated form of experience, as well as the gestalt itself, which requires living and completion. A desiring body with a need- the basis of Gestalt therapy. The body certainly participates in any construction of the gestalt. Not only dreams, but also the body is royal way to the inexpressible and elusive in interaction, to the situation. Freud used the expression “royal road” to describe sleep as access to the unconscious, J.-M. Robin uses this expression when he says that the body is the “royal road” to the unconscious, to intentionality, and that it is necessary to “be even more attentive to the body, especially bodily sensations (proprioception), perception and motor activity”¹⁵⁵.

The bodily experience is considered both as a producer of the situation through the desire to satisfy a need, and as a product of the situation, determined by the intentionality and affordances of things¹⁵⁶. In this sense, Gestalt therapy adheres to the principle of modernity: bodily and other manifestations are analyzed in the “here and now” situation. Placement in space relative to other bodies and things, dealing with this or that thing (for example, with money when paying for a session) – all this, as well as any other intentionality of things (things that fall into the space of attention “want” to be used in a certain way) considered by the therapist as a question for the client and/or as an answer in the current therapeutic situation.

¹⁵³ Sosnovskaya A., Dumetz J. Cross-cultural communication // Management consulting. 2013. №8 (56). P.83-90.

¹⁵⁴ Sosnovskaya A. Phenomenology of Museum Communication (Gestalt analysis of the exhibition at the Garage Museum, Moscow, May 2021) // SSRN. 2021. 3993755.

¹⁵⁵ Robin J. Gestalt figures // Counseling psychology and psychotherapy. 1994. Vol. 3, No. 3.

¹⁵⁶ Khakhalova A. A. Model of the affordial scheme of the communicative process // Thought: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society. 2016. V. 21. P. 138-150; Dzyaloshinskiy I. M. Philosophy of Digital Civilization and Transformation of Media Communications. 2020.

In the therapeutic situation, implicitly, in the client's fantasy, there may be another person whose characteristics are explicitly or implicitly projected onto the therapist. The therapist can look for this character in the “as if” experiment by asking questions: in whose presence do you experience such a feeling, to whom it is addressed, to whom you are addressing when you address me, to whom you are speaking. In projection work, it is always about the relationship between therapist and client “here and now”, even if it is about “there and then”.

Thus, all that is said is an interface to describe the relationship between client and therapist. For example, the client brings in content, and the therapist can refine the current moment's intention: “What else are you doing while you're telling this?” (seeking support, boasting, angry); “Pay attention that you want to tell it to me and right now, what do you want to tell me with this?”¹⁵⁷. If the client and the therapist manage to cope with projections and other breakdowns of contact, to experience the situation bodily, they can approach the implicit, catch the elusive. This moment is satisfying, gives a fresh sense of novelty.

In self-supervision, after therapy, the therapist refers to his bodily sensations and recalls similar experiences in his experience, and also writes down the course of therapy from memory and determines his role: what role he was in relation to the client and in what ways the client constructs (imposes) this role (for example, by being passive, polite, and bored, the client may expect support or special attention from the therapist).

Some psychotherapists do not work without a request and cannot work without constant speech. I believe that it is Gestalt that is the special area where one can bet on manifesting being without verbal content, taking into account only the visible and experienced. The feelings experienced by the client in the presence of another person, attentive and empathic, find their completion. Minimal non-verbal interventions and reactions lead to good results. Sometimes a therapy space is created where the client, having confidence in the therapist, can follow the natural, unhurried, unstimulated course

¹⁵⁷ See Zubova E. P., Kirillova E. I. Scientific reflection of the contact between the therapist and the client with the help of speech intentions: a two-way movement from the practice of Gestalt therapy to Gestalt psychology // *Psychology. Sociology. Pedagogy*. 2013. No. 9. P. 6-13; Olifirovich N. I. Strategy, tactics and focus in the work of a gestalt therapist // *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*. 2014. No. 2. P. 2; Pogodin I. A. Features of psychotherapy in the postmodern era: processual character // *Consultative psychology and psychotherapy*. 2008. V. 16, No. 4. P. 179-192.

of his life: follow the breath and tensions in the body, perform spontaneous manipulations and movements.

The space of psychotherapy is freed for an hour from the requirements of society, when it is allowed not to set goals, not to strive for anything, not to want anything special. I regard such work as a kind of political act of liberation and emancipation. A person understands, among other things, that he can be free from imposed consumption, desires, speed and pleasure¹⁵⁸. What one brings to the frontier of contact in psychotherapy is just the tip of the iceberg. He seems to be in control of his messages to the world. However, following St. Augustine, it can be argued that we do not know what we know. Something in us has additional data and speaks for itself. Another can read additional information about us. To learn more about yourself you need another person.

As according to E. Husserl, consciousness is always consciousness of “something”, so there is contact only “by means of something”¹⁵⁹. The modalities of contact are numerous: to see, to listen, to touch, to feel, to taste, to remember, to think, to imagine, to write, to speak, to anticipate, to dream. Gestalt therapists in their practice pay special attention to specific ways of contact: confluence, introjection, projection, retroflection, which can be forms of resistance to contact.

It is essential that the concept of “contact” is not identical to the concept of “relationship”, since awareness, attentiveness to the very process of contacting with the environment is important. Any experience can be thought of as intrapsychic, while Gestalt therapy delocalizes it as a border-contact experience, that is, the experience of the new occurs during contact with the environment.

For example, at a psychologist's appointment, the patient describes his life in terms of guilt, shame, anger, hatred, rejection, rejection, conflict – and all this is considered as characteristics of his psyche, while in Gestalt therapy these experiences can be considered as an experience. contact, differentiation and integration. Starting from the experience

¹⁵⁸ Weissman D. Running out of time. Acceleration of life under digital capitalism. Letters, 2022; Burton L., Melkumova-Reynolds J. “My leg is a giant hairpin”: fashion and a prosthetic body // Fashion theory: clothing, body, culture. 2021. No. 2. P. 197-222.

¹⁵⁹ Kuchinsky G. M. Phenomenological psychology of E. Husserl. 2010.

lived in contact, the patient can assimilate the elements and thereby transform the content and organization of his psyche.

In Gestalt therapy, the thinking subject appears and disappears, and the subject that perceives and feels takes its place. The thinking subject appears at the stage of assimilation and integration of experience. Here a temporary fixed identity is formed: who am I after this experience? I am a person who ..., then the identity crumbles in order for a person to check it in a new experience.

Everything that happens here and now is a unique moment in the movement of life that will not be repeated. Perception is always incomplete, since objects and subjects are dynamic and constantly changing. In this seething flow of life, we can focus on different aspects, grab the visible, be aware of our bodily perception, refine the meaning and complete the gestalt. One can imagine gestalts as fixed islands in the turbulent river of life. This perspective of consideration of Gestalt therapy allows us to attribute it to art and creative practice. The scheme of Gestalt analysis, the effect of which is an increase in identity, can also be considered on the example of contact with information obtained from different texts.

1.5.1. Audience contact with text

The need for information is one of the most pressing social needs. The media environment daily offers a construction of reality for people who want to navigate in a situation of uncertainty. Uniform forms and genres, repetitive structure generally reduce anxiety and a sense of chaos. Texts and all media products play the role of an interpreter and a person who structures and interprets what is happening, gives meaning to the event, establishes cause-and-effect relationships, and integrates the event into the fabric of culture.

Theorists of journalism scrupulously studied the mechanisms of creating journalistic works from conception to implementation. It is a certain repetition, stereotyped and recursiveness of journalistic creativity that guarantees cultural reproduction, and hence social stability, at least at the level of a media copy of society.

The contact cycle consists of several stages, which replace each other rather quickly. The cycle of contact is the dynamics of the formation of a gestalt, a figure from the background, its formation and subsequent destruction. Consider the cycle of contact associated with the circulation of the energy of interest in media¹⁶⁰. Traditionally, there are four main stages of the contact cycle and the interruptions of contact associated with them.

1) Precontact (forcontact) is the differentiation of the background and the selection of the figure. The task of the stage is orientation in the environment and sensations, the needs of the body. Watching media satisfies the need for orientation, safety, and replenishes the state of ignorance.

2) Contacting. At this stage, the need has already been identified, and the body begins to act. There is a development of the figure, an increase in excitation, the devastation of the background. This stage of identification and alienation of the Ego with various aspects of the figure, which is accompanied by emotions: pleasant – attraction, interest, or unpleasant – impatience, irritation, rejection. The tension at the contact boundary is high, so the contacting either loses energy and is delayed, or passes to the next stages. Our reader looks for suitable information and does not find an exhaustive answer – he is dissatisfied and anxious, but then he finds material that is consonant with his values and attitudes, and plunges into reading¹⁶¹.

3) Final contact (full-contact) – concentration, merging and identification with the figure, maximum excitation. Full awareness (awareness) of the process is achieved. The organism fully identifies itself with the figure, which is a natural, necessary fusion. The excitation at the contact boundary is discharged, the need is satisfied. Our reader “merged” with the text, as if he lives in the text, is involved and captured, carries out a thought experiment, experiences.

4) Postcontact (postcontact). The figure loses energy, collapses and goes into the background. Excitation falls, and the contact boundary either disappears or loses its

¹⁶⁰ See Sosnovskaya A. M. Applied aspect of semiotics of media texts // Management consulting. 2014. No. 2 (62). P. 131-143.

¹⁶¹ Confirmation bias is a cognitive bias in which a person perceives, interprets, and remembers information that only confirms their beliefs. Malyukova O. V. Modern argumentation: captured by fakes // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology. 2018. V. 4, No. 4. P. 52-59.

meaning. The main task is the assimilation of experience and its integration. There is an integration of new experience into the general identity of the organism. A personality is a product of the integration of the experience of many of its contacts and the identities that are reproduced and reconstructed as a result of these contacts.

5) A state of balance, rest. The reader formulates conclusions, correlates them with his picture of the world. Interruption at the post-contact stage is devalidation or devaluation – arbitrary intervention and an obstacle to the assimilation of new experience¹⁶². “In the optics of Gestalt psychology [...] the contact of the individual with the environment is interrupted here at the post-contact stage, the main task of which is to assimilate experience and integrate it into the system of personal identity, which, in turn, is formed as a result of the consolidation of experience in the process of numerous social interactions. Interruption of contact at this stage leads to devalidation (devaluation), which prevents the person from productive assimilation of new experience.¹⁶³ Further, after all stages of the contact cycle, there is a pause, some emptiness, after which energy begins to grow and the next need arises.

The creativity of a copywriter, an author who writes a text, is to create an image of the reader every time the material is written. The reader will read the text in his own way, but the author needs to create the most accurate and understandable text, anticipate possible hitches in the process of contact with his text, and how to “advance” the reader through the cycle of contact with the text for his benefit, i.e., to complete the gestalt leading to psychological satisfaction and personal growth.

A media specialist, a journalist or a copywriter, needs to take into account the peculiarities of contact with the text, build compensatory strategies in dealing with contact breakdowns¹⁶⁴.

¹⁶² Sosnovskaya A. M. Applied aspect of semiotics of media texts // Management consulting. 2014. No. 2 (62). P. 131-143.

¹⁶³ Rudnitskaya S. Yu. Structural-Procedural Model of Narrative Design of Personal Experience // Actual problems of psychology. 2021. No. 13. P. 14; See also: Pogodin I.A. The classical concept of the contact cycle in the methodology of Gestalt therapy // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. 2011. No. 2. P. 2; Pogodin I. A. Contact in psychotherapy: innovations of the dialogue-phenomenological approach // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. 2014. No. 1. P. 2.

¹⁶⁴ See: Sosnovskaya A. Psychology of the identity of a journalist. Monograph. 2nd ed. Letters, 2022.

The author of the text and the analyst can think about how to create a mood, convey feelings, compensate for all or some interruptions or breakdowns in contact with the text. Let's list the known breakdowns of contact in Gestalt therapy¹⁶⁵.

Some people may never reach the rest point. Here you can, as it were, slow down the running person, relax, start with a light and unobtrusive topic. It is good to talk about the sensations of the body, about the environment.

Some people are not aware of their needs. You can indicate the needs, desires, hopes that are symbolically satisfied in the text, indicate the needs and requirements of the environment.

Some people cannot mobilize energy. Simple and clear decisions and actions are known to energize. No wonder the media is a tool for mobilizing the masses. The journalist always knows what the text calls for.

Some people are unable to choose between alternatives. You can reflect on the alternatives in an ambivalent text, push for a choice, often the choice is made from the opposite.

Some people cannot fully experience anything for themselves. But they can identify with the author who describes his feelings and sensations.

Some people cannot distinguish between what is good for them and what is not. The mechanism of identification with significant others helps here. You can mention how good and useful it was for some popular person.

Some people cannot be satisfied. Describing “symptoms” of satisfaction and signs of completion in the present tense will fill this gap.

Some people can't leave. Therefore, conclusions, final words and farewell, ideas and fantasies for moving forward are so important. For many modern people, the last phase of the contact cycle is the most difficult. They are brought up in such a way that they do not tolerate emptiness, the discomfort of not doing, and they will definitely break loose and run for new impressions without saying goodbye or will return again and again

¹⁶⁵ See Lasaya E.V. Restoration of abilities: a gestalt approach in the psychotherapy of depression // *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*. 2011. No. 1. P. 111-117; Ivanova E. L. The focus of attention of the psychotherapist and the client is mutual understanding // *Russian Psychotherapy and Psychology*. 2020. P. 60; Gorodnova M. Yu., Kolomiets I. L. Gestalt therapy: a phenomenological approach to the treatment of borderline experience in adolescents // *Editor-in-Chief*. 2016. V. 16, No. 3. P. 63.

to the text, analyzing the details. So-called workaholics have disorders in this part of the contact cycle¹⁶⁶.

As a result, each point and stage in the contact cycle suggests a potential area of disruption. By understanding the risks of communication breakdown, we can reduce the loss of reader attention through journalistic means. Researchers use this method to analyse groups of people in different cultural circumstances, looking at the perception of theatre productions¹⁶⁷, films¹⁶⁸ and cultural and historical heritage artefacts from a Gestalt approach, noting its “close links to the ideas of organicism and holism”¹⁶⁹. Let us consider working with a group of people with this method in the example of communication in a museum, to begin to investigate museum communication with the audience from the position of Gestalt analysis¹⁷⁰.

1.5.2. Gestalt Communication in the Museum as a Reflective Work of Identity

Different types of interaction of different optics in the same space of the museum allow us to talk about special – horizontal – methods of production and exchange of knowledge according to J. Rancière¹⁷¹ that form a new understanding of the museum as a research hub. Understanding the functioning of the optics of perception using a phenomenological paradigm with an emphasis on feelings within the framework of Gestalt therapy (hereinafter referred to as Gestalt analysis) will make the experiences of the audience more accountable, differentiated and satisfied.

As part of research projects, we joined the “practice of (non)knowledge in museums, associated with methodological decisions on the way to establishing a new position for the museum” in a situation of post-COVID trauma, which correlates with

¹⁶⁶ Sosnovskaya A. M. Applied aspect of semiotics of media texts // Management consulting. 2014. No. 2 (62). P. 138.

¹⁶⁷ Basina N. E. Theater and Gestalt. Yekaterinburg, 2005.

¹⁶⁸ Groysman A. Psychology of successful professional training and creative activity of an actor. Letters, 2022; Salakhieva-Talal T. Psychology in cinema: Creation of heroes and stories. Alpina Publisher, 2019.

¹⁶⁹ Bondarev A.V., Leonov I.V. Theoretical and methodological approaches to the study of complex cultural heritage monuments // Journal of Integrative Studies of Culture. 2019. V. 1, No. 1. P. 46-55.

¹⁷⁰ Sosnovskaya A. Phenomenology of Museum Communication (Gestalt analysis of the exhibition at the Garage Museum, Moscow, May 2021). URL: <https://ssrn.com/abstract=3993755>.

¹⁷¹ Rancier J. Separation of the sensual. Aesthetics and politics // Sharing the sensual. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 2007. P. 9-46.

alienation and freezing of the audience's feelings in a situation of uncertainty and anxiety, on the one hand, and with the metamodern trend towards a new sensitivity and sincerity, post-irony – on the other. This is the beginning of reflections on how to explore museum communication with the audience from the position of the Gestalt approach. Unlike individual therapy, such research work can either be the self-therapy of each individual in contact with an inanimate art environment, or be seen as a group therapy technique in the same circumstances. We also considered the museum as a technical agent and a social actor within the framework of the actor-network theory, which gives subjectivity and agency not only to a person.

The group of research questions is divided into two blocks, according to the number of communicating actors: the museum and its audience, which we will further consider from the point of view of communication. The Museum of Modern Art is no longer a closed system, but a transparent and hospitable institution that communicates essence, gathering unexpected appeals and interpretations in dialogue.

Such open communication in real time is facilitated by the awareness of the previously discussed stages in the formation of a gestalt, a holistic aesthetic form, as well as communication that satisfies the needs of the participating actors. There are four such major stages in communication leading to a completed gestalt (or five, if we consider the moment of choice and decision separately), each of which requires careful and responsible execution at all stages of creating an exposition: from conception to embodiment and integration of unexpected emergent meanings.

The mastery of both the artist and the psychotherapist in the possibility of a zooming perspective: from the almost infinite fragmentation of the gestalt to the transcendental perspective. For example, building a dialogue between the guide and the viewer in the situation of the present moment; Accompanying the viewer in his reaction to art objects is comparable to the promotion of the client's feelings through the cycle of contact, living through internal conflict and becoming, increasing subjectivity and identity.

A modern museum, a meeting place for different social strata, can connect communities that have not met before in a dialogue, as a result of which new knowledge can arise. People of different backgrounds give their feedback as a response to the tour.

The expositions of the Garage Museum in Moscow in May 2020 were accompanied by guided tours. Some art objects evoked anxiety, others showed healthy functioning and attitudes, relieving fear. Immersion in the experience of fear, pain, anger is safe due to the aestheticized forms of mimesis and the very space of the museum (for example, the Light Songs art object). The parkour arcade movement of the exposition guides the viewer, provides a thoughtful navigation that is also related to the need for safety and provides stress relief and control.

Ideograms on information stands for art objects indicate that we meet inanimate, but acting actors endowed with agency: with codes, non-humans, health practices, secrets, the market and archives – this all together creates an atmosphere of conspiracy theory, but the ironic attitude removes fixation. Fear removes both the ironic exaggeration of the “Apocalypse to be” and the detailed advice of a human rights lawyer on a case on what to do if you are detained.

The laboratory for the search for new forms of automatic social behavior, which is an installation of a 45-minute film that plays non-stop, was made by the Chto Delat? (St. Petersburg) in the context of pandemic isolation. The presented action was consonant with the psychological techniques of awareness¹⁷². So, for example, I remember the recommendation of one of the six Anti-Helplessness Labs to look closely at their thoughts, whether they are induced, wait for emptiness in thinking and make a conscious choice. Laboratories are dedicated to the study and transformation of basic human reflexes.

Garage's coronavirus exhibition has become a triumph of involved art, showing the psychological attitudes of mainstream criticism: heroes learn to “puke” as a basic response to violence (not resisting evil with violence), shift goods from shelves to pocket, give one candy to each other, multiplying the joy of intention, and not to divide it (the

¹⁷² See Zhuravlev A. L., Nestik T. A. Psychological features of collective creativity in network communities // Psychological journal. 2016. V. 37, No. 2. P. 19-28.

desire of another is valuable), to deterritorialize one's own presence, as if to belittle one's role, significance, turn off the sound and video zoom, lie low.

The process of psychological change in Gestalt therapy is achieved by the therapist's skill in working from three basic perspectives, which include different optics, techniques and conditions. These are the monopersonal perspective, the bipersonal perspective, and the field theory perspective.¹⁷³ In a monopersonal perspective, the client brings his feelings to the therapist and learns to be aware of his feelings, needs, desires, find new ways to creatively adapt to the environment. Such a person is usually under stress with fixed defenses and practices. Awareness grows through the therapist's supportive, accepting, or provocative behavior. The therapist, like a gardener, cultivates a unique flower.

In a bipersonal perspective, a trusting dialogic relationship is established with the therapist. Projective and figurative relations are analyzed: who are we for each other? This is a space for joint creativity, presence, dialogue, openness, honesty, inclusion, commitment. This is also a space for experiment, let's give a dance metaphor – new steps, a little improvisation, but with the preservation of the well-known dance and harmony.

From a field theory perspective, the psychotherapist explores how the field is organized “here and now” as well as “here and how.” It is about feeling the spontaneous, natural flow of being. The therapist works with his sensitivity and, as it were, surrenders to the forces of the field and transforms his behavior under their influence in the presence of the client. Bodily experience and sensitivity appear as a function of the field.

Field theory, the paradoxical theory of change, emergent self, subjectless action are concepts that go back to the corresponding theories and philosophical views and are used in the practice of psychotherapy. The concept of beauty and good shape is also at the heart of Gestalt practice. French Gestalt therapist Jean-Marie Robin calls each person an artist of his life, emphasizing the importance of aesthetic criteria for the Gestalt vision of oneself and the world.¹⁷⁴ Aesthetic evaluation is a pre-reflexive and pre-verbal process

¹⁷³ See Roubal J., Francesetti G., Gecele M. Aesthetic diagnosis in gestalt therapy // Behavioral Sciences. 2017 Vol. 7, No. 4. P. 70; Nemirinsky O. Gestalt therapy and clinical practice: methodological guidelines. M., 2016.

¹⁷⁴ Robin J. Being in the presence of another: studies in psychotherapy. Moscow: Institute for General Humanitarian Research, 2008.

that underlies Gestaltung, in the dimension in which the subject and the world arise in perception, at the level of intentionality.

The Italian psychiatrist and Gestalt therapist Gianni Francesetti puts forward an original concept of treating psychopathology through beauty: psychopathological suffering is understood as an absence at the “contact boundary”, that is, as a non-presence of the personality at the boundary of the current contact with the therapist. The boundary of contact is the awareness of one’s perception through different sense organs, it is the ability to perceive the therapist as a living person here and now totally, that is, to surrender to one’s sensitivity, and not to stay in one’s own world, in one’s thoughts. The therapy consists in restoring such a presence in every moment, “it is impossible to abstract the individual from the field of relations by which he is constituted”¹⁷⁵.

To see another at first is pain, because without psychological defenses to meet another person, to open up to him is painful, scary, embarrassing, ashamed.

The therapeutic participation in the “extraction of beauty” is considered from an existential point of view, trying to comprehend human suffering and the work of the therapist in such a meeting, the adequacy and sincerity of the response, so that the contact, the episode of the meeting leaves a feeling of completeness and beauty.

In the process of contact, human suffering can be met by the therapist, who resonates with the client, and this implies an aesthetic transformation. Aesthetics means: (1) that it is perceived by the senses (aisthesis, Greek, means to perceive in all senses), (2) follows the rules of figure formation described by Gestalt psychology, when the figure stands out from the background, opens and meets the recognition of another, closes and goes into the background, which is experienced by the participants as something beautiful, preverbal, that occurs during the session.

Contemporary art, social performances and installations provide an opportunity to meet with feelings, with one's own pain and the pain of others, shared experience and aestheticization of experience gives a sense of completeness, beauty of life and unity through experience.

¹⁷⁵ Francesetti G. Pain and beauty: from the psychopathology to the aesthetics of contact // British Gestalt Journal. 2012. Vol. 21, No. 2. P. 8.

According to Hegel, the recognition of one person by another constitutes the being of a person: “Der Mensch ist Anerkennen”¹⁷⁶. One more step can be taken in the transcendence of psychological experience, although here verblivity and analysis of language come to the fore.

The therapeutic setting in the third, field paradigm shapes the position and response of the therapist as occupying the position of the big Other in terms of psychoanalysis. According to Lacan, competing individuals actually turn through small others (competitors) to a big Other (who is God and who is in the unconscious)¹⁷⁷.

Gestalt therapy understands individual symptoms and human suffering as phenomena emerging from a larger relational field and can offer an original key to understanding, being with, and supporting people who are suffering. The ability to view human suffering as a field phenomenon, that is, currently unfolding in the field of several people, opens up the potential for seeing the individual in a larger social context, and the social field in the light of individual experience.

Thus, each visitor to the exhibition can be considered as a bearer of a common social experience, as an integral part of this field, and his individual reactions will correspond to the entire relational field.

Transformation in his practices (verbal, non-verbal and redefining the narrative as an emergent effect of contact) will change the background content, background discursive practices and transform, heal the field. This position is consonant with the policy of representation of the Garage Museum. Let's take a closer look at field effects.

The value attached to momentary experience and the contingency of each situation underlies the legitimacy of all experiences. This value, common to all modalities belonging to the humanistic tradition, helps not to diagnose people and their suffering in fixed categories, but to focus on a good form of collective response. A well-lived, satisfying meeting experience, a response, can set up the psychological processes of all

¹⁷⁶ Kozhev A. Source of Law: Anthropogenic Desire for Recognition as a Source of the Idea of Justice // Questions of Philosophy. 2002. No. 12. P. 156; cit. according to Kornev V. N. Category “recognition” in the theory of international and Russian law // Russian justice. 2010. No. 6 (50). pp. 39-48.

¹⁷⁷ See Lacan J. On the nonsense and structure of God // Counseling psychology and psychotherapy. 2002. V. 10, No. 1. P. 36-50; Uzlaner D. Under the gaze of the Other: selfie through the prism of Lacanian psychoanalysis // Philosophical and literary journal Logos. 2016. V. 26, No. 6 (115). pp. 189-218; Miller J. On the New: An Introduction to Jacques Lacan's Seminar V // Counseling Psychology and Psychotherapy. 2004. V. 12, No. 3. P. 33-78.

those present in the same field. Suffering can be seen as the expression in the individual of the suffering of a larger field. The reality of mental suffering can be considered a phenomenon belonging both to the individual and a phenomenon arising from the field, belonging to *Zwischenheit* “betweenness”, quoting M. Buber¹⁷⁸. This is an emergent phenomenon that occurs at the contact boundary. According to JM Robin, it is the phenomenological boundary where the subject and the environment meet, it is the co-created and dynamic space of the “third” or “it” of the situation, which is not reducible to either the organism or the environment where the experience occurs. Experience does not belong strictly to the subject or only to the environment, but arises “between”, is present as a “middle”.

It is this kind of optics that will allow a modern museum to see the creative phenomenon of the interaction of various actors unfolding here and now, including technical, institutional, art agents, as well as people of different social strata and backgrounds.

Chapter 1 Conclusions

The first chapter deals with theoretical and practical approaches to the phenomenon of identity. The general direction of modern research shows the potential for a transition from anthropocentric theories of identity to non-anthropocentric theories, but the focus of the study is formed by anthropocentric optics, which are subject to critical reflection in our interdisciplinary approach, which combines political science, sociology and psychology as ways to show the boundaries of the subject and reveal the specific conditions of social identification. The ontological turn is most common in texts on sociology, successfully applied in urban studies. In Giddens' approach, a distributed action on ANT was revealed that does not contradict the ontological turn. The provisions on the reflective project “I” formed the basis of the conceptual scheme for the analysis of discursive and network identity.

¹⁷⁸ Buber M., Gurevich P. S., Levit S. Ya. *Me and you*. M., 1993.

The productivity of therapeutic and communicative Gestalt practice has been established in relation to text analysis, museum, cinema and architecture. The therapeutic principles of Gestalt analysis were correlated with the principles of the reflective self. As a result of research and experiments, introjects were discovered, incorporated through the media in the process of political socialization. These introjects determine thinking and practices, motivate for communication and thus for the experience of joint building of basic identifiers.

It has been proven that political identity is a social construct that is directly dependent on other identities of the individual: national, territorial, social, psychological. Thus, a new national identity of a migrant or a new urban identity of an internal migrant is formed not only through the process of providing material benefits by the recipient city-country, but also through the policy of the host society in matters of identity formation, a sense of belonging among new citizens. The theme of the transit of identity, its transformation over time and space is relevant for many social groups in the transition period.

Such apolitical identity is formed at the intersection of the psychological and social parameters of the individual with the constant mutual influence of these factors. Social identity performs two basic functions – the psychological need for inclusion, in belonging to a large group, and exclusion, i.e. separating oneself from others, representation of their uniqueness and originality.

For the conceptual model developed in the second chapter, we defined identity as constantly constructed, multifaceted and often not centered on the subject, but being more of an emergent effect of communication, discourse, contact of the organism with the environment. The environment in Gestalt theory for an organism is a physical place, a place of residence. The urban identity of the inhabitants of St. Petersburg is defined through the current policy of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of the city. The four main directions of the local identity policy: symbolization, unification, differentiation, identification are relevant for St. Petersburg. Within these directions, the self-identity of the city dweller is constantly recreated by the choice of actions and the verification of existing knowledge. Knowledge, past experience is the

support and the start of contact with the outside world to test existing knowledge. The formation of identity is influenced by socialization, which is based on the principles of primacy and structuring. In addition to family and school, the media and the media are the agents of primary socialization. According to Gestalt therapy, identity is constructed in the process of contact with the environment in stages, and if contact with the environment is difficult, then it can be optimized in the practice of psychotherapy, which can be considered as communication training.

According to the stages of the contact cycle, it is possible to reconstruct the identity in texts: in the texts of the media, social networks, cinema, art, in the process of perceiving architecture.

Thus, definitions of identity and urban identity within the framework of current theories, understanding of politics and identity policies are considered based on the results of studying the literature with a focus on new methods of analysis. The chapter ends with the actualization of the conceptual tool of communication in Gestalt practice, which needs to be considered further in the context of ANT and discursive analysis.

CHAPTER 2. DEVELOPMENT OF A CONCEPTUAL MODEL OF COMMUNICATION AND DISPOSITIVE DISCOURSE ACCORDING TO THE METHODOLOGY RECONSTRUCTED FROM ACTOR-NETWORK THEORY

This chapter is devoted to the development of two tools for discourse analysis with regard to ANT, namely the scheme of identification and self-identification, taking into account the categories of ANT (1), and its full extrapolation to the method of dispositive discursive analysis (2).

2.1. Understanding media communication within the framework of discursive and dispositive analysis

This section is devoted to the understanding of media communication in the discourse of heritage, taking into account the material actors of the actor-network theory, ANT. To fully conceptualize and strengthen urban identity, it is necessary to predict the meaningful stages of communication contained in mass interaction, in social networks and the media. An exhaustive functional account of material and non-material actors embedded in communication, including groups included in communication, relationships of parties interested in the historical heritage, can help develop strategies for analyzing policies and motivating drives of all actors. To achieve this goal, a method for analyzing self-identification with the inclusion of ANT categories is proposed, which makes it possible to develop a communication scheme within the framework of the ontological turn,

Urban identity is the effect of heritage discourse, communication processes unfolding in social networks and the media, which, in turn, act as actors with their own rules and filters¹⁷⁹. Within discursive groups, in dispositives, there are incorporated actors

¹⁷⁹ See Gris O., Sosnovskaya A. Use of Social Networks by Russian Politicians // Proceedings of Seventh International Congress on Information and Communication Technology. Springer, Singapore, 2023, pp. 547-555; Sosnovskaya A., Gris O. Communication strategies and functions in Russian politicians' use of social media // AIP Conference Proceedings. 2022 Vol. 2656, No. 1. P. 020033.

of the network, for example, heritage, an actor, on the one hand, undergoing a crisis of destruction and oblivion, on the other hand, dictating its own conditions for handling and preserving it on the basis of regulated affordances¹⁸⁰.

Consider the strategies for studying discourse according to the methodology of M. Foucault's discourse analysis¹⁸¹, as well as introducing some other variations of the discursive method of communication analysis¹⁸², capable of identifying dispositives that produce “power/knowledge” and thus perform the political function of discipline, empowerment, control. Michel Foucault introduced into his concept the concept of “dispositive”, which fixes the “strategic imperative”, which preserves its own identity within each specific culture. The dispositive is “a holistic, complete invariant of strategies typical for a certain culture for the implementation of political and cognitive practices”¹⁸³.

Foucault develops a tripartite breakdown of the heterogeneity of the dispositive: the elements of the dispositive are discursive practices, non-discursive practices, and physical objects¹⁸⁴. All three categories form and transmit knowledge that form the basis of new cognitive models that reconsider the status of old discourses and form new ones.

Dispositive analysis remains discursive at the level that non-discursive objects are spoken of by paratexts: the attribution of meaning occurs by combining the paratext and the object systematically reported by the paratext. J. Kaborn writes: “... using discursive analysis, a person never actually analyzes the texts themselves, actions and objects, but only the meanings attributed in texts to other texts, actions and objects”¹⁸⁵ and then, using semiotic analysis, she presents these three components of dispositive analysis as signifiers to which a meaning is attributed in discourse. Based on her study of architecture, it should

¹⁸⁰ See Borghi A. M. Affordances, context and sociality // *Synthese*. 2018. P. 1-31. Documents governing heritage: Federal Law No. 73-FZ of June 25, 2002 “On Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation; Decree of the Government of St. Petersburg dated November 1, 2005 No. 1681 “St. Petersburg Strategy for the Preservation of Cultural Heritage”.

¹⁸¹ See Foucault M. *Discourse and Truth*. Minsk: Propylaea, 2006; Foucault M. *The order of discourse* M.: Magisterium: Ed. House “Castal”, 1996. P. 47-96.

¹⁸² See Van Dijk T. *Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication*. M.: URSS, 2013.

¹⁸³ Kozhemyakin E. A. Analysis of discourse as a system of dispersion in the tradition of French philosophy of the second half of the 20th century (M. Foucault, M. Pesche) // *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right*. 2008. V. 3, No. 4 (44). pp. 5-17.

¹⁸⁴ See Keller R. Analyzing discourse. An approach from the sociology of knowledge // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 2006. P. 223-242; Caborn J. On the methodology of dispositive analysis // *Critical approaches to discourse analysis across disciplines*. 2007. Vol. 1, No. 1. P. 115-123; Jäger M., Jäger S. *Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse*. Springer-Verlag, 2007.

¹⁸⁵ Caborn J. On the methodology of dispositive analysis. P. 118.

be recognized that, in semiological terms, the building material being described (glass or stone) is the signifier, and the meaning attributed (open democracy or non-democracy) is the signified. We agree with the opinion of the researcher that “the advantage of introducing a semiological grid into dispositive analysis is that it provides, on the one hand, a means of combining the apparent distance between text, action and object (dispositive elements) and, on the other hand, their meanings – how they are revealed in the paratexts used to make the elements “speak”¹⁸⁶. The Yagers, conducting a dispositive analysis, note that “it is necessary to catch the network, determine the corresponding relationships and functions of the elements to each other (at a given historical moment) in order to get an answer to the question of how this dispositive is reproduced and what instabilities it is endowed with”¹⁸⁷. This contains a direct indication for us to use the actor-network theory and search for unstable actors and actants within dispositives. Further, the researchers write about material objects as “hardened discourses” that need to be reproduced and re-spoken: “Social practices and visible objects as components of dispositives are basically condensed and hardened discourses or certain conclusions drawn from discourses by the people involved. Knowledge entered into objects that were necessary for their construction and that must be constantly available in order to retain their value. In this regard, it is a question of reconstructing this knowledge and again “arguing” about it¹⁸⁸. Thus, discourses are practices that regularly shape the actions, texts, and objects they speak of.; and it is these effects that are the focus of our discourse analysis. Dispositives are built on top of the discursive situation, and can be analyzed taking into account the construction of these situations¹⁸⁹.

Communication in the media, social networks and discourse about the city and heritage, based on data reflecting the functioning of actors, is biased, involved in local politics and aimed at creating and reproducing a certain political type of discourse. Therefore, when analyzing the discourse about heritage and the city, it is necessary to subject the process of constructing communication, – for which dispositive analysis is

¹⁸⁶ Ibid. P. 119.

¹⁸⁷ Jäger M., Jäger S. Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse. P. 287-289.

¹⁸⁸ Ibid. P. 288.

¹⁸⁹ See Foucault M. Archeology of knowledge. St. Petersburg: Humanit. acad., 2004.

suitable, in which the study of dispositives implies the search for incorporated actors, - including those forming related technical assemblies, such as the social network platform, its algorithms and requirements for use and compliance, data, interface¹⁹⁰.

Dispositive analysis, which includes integrated methods of ANT, should be called a method that can interpret communication taking into account the action of various actors and their impact on discourse and knowledge production, and determine in each situation the meaning of the various elements that make up communication. To determine the reasons for choosing ANT as the main research methodology for all research, this chapter begins by describing the genesis of the research and understanding the need for ontological optics, as well as reconstructing the ANT analysis method for media communication.

2.2. Longitudinal Identity and Heritage Research Program

The research, thanks to which the ideas arose and this dissertation was created, reveals the main results of the educational and management project “St. FST SZIU RANÉPA) and KGIOP in 2016-2023, answer the questions posed to political science and management practice: popularizing the heritage of the city, strengthening the urban identity of young people, as well as questions regarding the crisis of urban identity in the context of city development and changes in the thinking and social practices of young people.

Urban identity in this project is understood within the subject field of political science and management, namely as the identity of the territory, which has symbolic, social, socio-psychological, economic, political dimensions. At the same time, the socio-psychological, symbolic, pedagogical, design and socio-political dimensions of urban identity are in the focus of the project.

¹⁹⁰ Dispositiveness is manifested in providing participants with the freedom to choose a variant of behavior within the discourse and customs of the group.

During these years, the basic research program of a scientific project contained five methods that made it possible to collect empirical material for the analysis of various aspects of the phenomenon under study in the process of project management work.

Thus, the symbolic level of identity was studied using problem-oriented methods: interviews, focus groups, essays and compositions, social network analysis, projective drawings of schoolchildren who are vocational guidance at the university, and students. The materials were studied by discursive and semiotic methods.

The socio-psychological level of identity was reconstructed by analyzing the results of a regularly conducted survey on urban identity and heritage preservation among the youth of the city.

The pedagogical level is associated both with the development of appropriate programs and methods, and with the proposal and testing of new pedagogical and educational methods. It was implemented in practice by introducing programs for the preservation of heritage and urban identity into the structure of online educational platforms within the disciplines “Project activity” and “Working with texts in advertising and PR”, where students created their projects, shot videos, wrote texts, promoting objects cultural heritage in social networks. Methodological councils were held with representatives of the universities of the city during the working meetings of KGIOP (2021)¹⁹¹. In the process of implementing the project “St. Petersburg – a World Heritage Site: the view of youth”, the author took part in international conferences¹⁹².

The project level of the study was the management of students' projects to optimize urban policy: excursions, events (balls, holidays, city events), videos, mobile applications, bots, proposals for urbanism and space development.

The socio-political level was reconstructed on the basis of the analysis and study of international and Russian, federal and city documents related to heritage. For several years, an analysis of the social networks of KGIOP and other domestic and international organizations involved in the promotion and preservation of heritage was carried out. A

¹⁹¹ Letter of thanks from KGIOP [Electronic resource]. 2021. URL: https://ranepa-my.sharepoint.com/:i/g/personal/sosnovskaya-am_ranepa_ru/EYYIH_Yqci9Mh1IeQ83SeOcBvR0xuHgN7XXWWepMWuSIOg?e=USSLSe (Accessed: 01/29/2023).

¹⁹² Shanghai (2021), St. Petersburg (2021, 2022), Almaty (2022), London (2022), Helsinki (2022), etc.

discursive analysis of media and social media materials was carried out, aimed at identifying the identifications of city residents with representatives of local and federal authorities, groups of influence regarding the development of the city and the preservation of the heritage of the historical center of the city.

2.2.1. The specificity of the selection and interpretation of empirical material in the framework of research and management projects

The process of collecting empirical material within the framework of research, educational and management projects consisted of the study of scientific texts on the subject under study, interviews and conversations with residents of the city, with Russian and foreign experts, text analysis and participant observation in projects dedicated to heritage conservation. First, we will present the collection of data from the current research case, and then we will outline the development of research interest in the phenomenon of identity, the practices of its construction and scientific understanding, reflected in the scientific articles of the HAC.

From 01/01/2022 to 03/24/2022, 2472 media reports were identified; more than 300 materials were analyzed using available online monitoring and text analysis programs¹⁹³.

Interviews were conducted with experts (34 people), including those in such specialties and areas as a builder, administration official, KGIOP official, contemporary art artist, designer, architect, city defenders¹⁹⁴, engineers, architects and teachers of architecture, architect-designer, culturologist, businessmen, teachers, journalists, historian, students of journalism, advertising and PR and others¹⁹⁵.

Working with Generation Z¹⁹⁶ was conducted in the context of seminars and extracurricular activities with schoolchildren and students: focus groups (5), visual

¹⁹³ Sosnovskaya A. M. Politics of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences. 2022. No. 1. P. 68-83.

¹⁹⁴ Three waves of hail protection movement in the material: S. Ereemeev. Petersburg City Protection: Back to the Future [Electronic resource]. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/228814> (date of access: 11/13/2022).

¹⁹⁵ Interview transcripts are in the author's archive.

¹⁹⁶ A term used around the world for the generation of people born between about 1997 and 2012. See: Radaev V. Millennials. How Russian society is changing. M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2020.; Krivykh E. "Generation Z":

representations (6 sets of drawings, about 40 video evidences (interviews of students with schoolchildren, student presentations about heritage), student projects (excursions, fairy tales, projects on mobile applications – 30 works in total), social network analysis by students¹⁹⁷.

Four notebooks were kept in the Mindmap program according to the Latour method¹⁹⁸, reflecting, among other things, the influence of the observer on the observed, that is, this dissertation and the research process itself on the construction of the hybrid object and the actors included in it.

From April 16 to May 2022, 728 posts were analyzed, which include messages and comments on them in social networks. The bulk of the messages came from the VKontakte social network, which is traditionally a preference for Petersburgers and an actor of identity. The Facebook posts were mostly from sympathizers in other cities. The key phrase for searching for posts on the network was: “arena of the Life Guards of the Finnish Regiment”. The posts included topics of memory and remembrance, symbolic politics, politics of language, politics of the “other”, heritage management¹⁹⁹.

The beginning of identity research refers to the period of writing a Ph.D. thesis²⁰⁰ dedicated to the professional identity of journalists, for which about 60 interviews with

ethical values in the problematic field of digitalization of culture // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2022. No. 7 (99). P. 28-32; Kozyreva L. D. Generation Z in politics: political forecast // *Bulletin of Omsk University. Series “Historical Sciences”*. 2019. No. 3. P. 159-165.

¹⁹⁷ Katkova A., Sosnovskaya A. Strategies for the use of social networks by public authorities for dialogue with the population on the example of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments (KGIOP) [Electronic resource]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3772867> (accessed 08/17/2022).

¹⁹⁸ In the first notebook, a watch log of the study itself should be kept. This is the only way to document the change that the traveler undergoes. Encounters, others' reactions to the study, surprise at the strangeness of the field, etc., should be documented as regularly as possible. <...> A second notebook is needed to collect information so that you can simultaneously store all the topics in chronological order and distribute them into categories that will subsequently develop into more and more refined rubrics and subrubrics. <...> The third notebook should always be at hand for pen trials ad libitum (for your pleasure, – A. S.). The fourth type of notebook must be carefully kept in order to record the impact of the written report on the actors whose worlds have been either unfolded or unified. This second experiment, added to the field study itself, is of fundamental importance for finding out what role description plays in the process of assembling the social. The study may be completed, but the experiment continues: the new report adds its performative action to all the others and thus also produces data. See B. Latour, *Reassembly of the Social. Introduction to actor-network theory*. M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2020. pp. 178-179. M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2020. pp. 178-179. M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2020. P. 178-179.

¹⁹⁹ Sosnovskaya A. M. Value and Goal-Oriented Dispositives of Cultural Heritage Discourse in the Theory of Political Communication // *Humanitarian Vector*. 2022. V. 17, No. 4. P. 93-102.

²⁰⁰ Sosnovskaya A. M. Transformation of journalistic practices and self-identification of journalists (Comparative analysis based on the media in Russia and Sweden): dissertation ... degree of candidate of philological sciences. St. Petersburg, 2000.

journalists from different countries were collected²⁰¹. We then explored identity from a cross-cultural perspective²⁰².

The ideological patriotic projects in the early 2010s by the government of the Leningrad Region “On the Roads of Victory” required an understanding of the practices of constructing the identity of young people. In the studies of those years, based on the theory of practices, the role of discursive practices and practices of participation in the construction of a new Russian identity was considered on the example of projects dedicated to the Great Patriotic War initiated by OJSC “KAD-Leningrad region”²⁰³.

In those years, we were also engaged in theoretically and practically significant semiotic research and published a textbook on “Semiotics and semantics of advertising and public relations”²⁰⁴. This textbook examines the phenomena of advertising and public relations through the prism of semiotics, one of the key areas for the development of modern knowledge about mass communication, public relations and advertising. In the applied section of the manual, approaches, methods and techniques for using semiotic tools for the analysis of media texts, which we have used for many years to analyze visual material, were considered²⁰⁵.

The study of semiotics helped in understanding the actor-network theory of B. Latour, which was based on semiotics and used the language of semiotics description, namely the Parisian semiotic school of A. Greimas, which dealt with texts and their structures, inspired by the structures and functions of the fairy tale by V. Ya. Propp²⁰⁶. Unlike the American direction of semiotics led by C. Peirce, where referents in the environment are taken into account and the sign is constructed as an index, icon or symbol in relation to the referent, the Parisian and Swiss schools dealt exclusively with texts and

²⁰¹ Sosnovskaya A. M. Professional Identity of a Journalist (Analysis of Cases) // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004. V. 7, No. 3. P. 116-138; Sosnovskaya A. Transformation of professional practices of identity among journalists in Russia and Sweden: A comparative analysis / A. Sosnovskaya // *Germano-Slavica*. 2002. Vol. 13. P. 75-90.

²⁰² Dumetz J., Sosnovskaya A. M. Cross-cultural communication // *Management consulting*. 2013. No. 8 (56). P. 83-90.

²⁰³ Veretin A. I., Sosnovskaya A. M. GR-relations on the example of projects on patriotic education // *Scientific works of the North-Western Academy of Public Administration*. 2012. Vol. 3, No. 1 (5). P. 480-488.

²⁰⁴ Sosnovskaya A. M. *Semiotics and semantics of advertising and public relations: a textbook*. St. Petersburg: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Northwestern Institute of Management, 2013.

²⁰⁵ Sosnovskaya A. M. Applied aspect of semiotics of media texts // *Management consulting*. 2014. No. 2(62). P. 131-143. Sosnovskaya A. Conceptualization of a UNESCO World Heritage Site: Visual Representation of St. Petersburg by Generation Z [Electronic resource]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3994923> (accessed 03/10/2022).

²⁰⁶ Propp V. Ya. *Morphology of a fairy tale. The historical roots of fairy tales*. St. Petersburg: Piter, 2021.

the formation of meanings based on universal structures. In these schools, there are universal structures such as, for example, the role functions of a fairy tale in V. Propp. According to A. Greimas, the function of speech formed into a text is an actant and a verb, and according to B. Latour, it is an actant and an action in the world, which was considered as a text or as a text constructed in the study. The meaning of action arises from relations and differentiation, from associations in inside networks. Greimas proposed three oppositions that describe the narrative structure: subject/object, sender/receiver, assistant/opponent, which allows us to see the actants as independent actors. An actant is any actor in the text, if he performs an action or undergoes an impact.

B. Latour in the early 80s began to study the sociology of scientific knowledge, extending to the world those relations that are studied by semioticians in the text. According to Latour, scientists interact with the object of their study, describe it in reports, delegating new actions to the object: both the scientist acts and the object of study acts, both being subjects of the construction of a scientific fact.

We also explored the media and social networks from a psychological point of view. We considered the conditions for effective communication, the key social and cultural process of the life of society. On the basis of a sociological survey of young people conducted in social networks, they showed modern communication trends, considered the construction of identity by the audience of the media and social networks²⁰⁷.

We considered the museum as a means of mass communication, which in the context of globalization helps to find a foothold in local identity, provides socialization and significantly contributes to the formation of national, cultural identity²⁰⁸.

The first one was implemented in 2016-2017. the project of NWIM and KGIOP was dedicated to the image of scientific St. Petersburg. The material presents the results of a discursive analysis of the representation of science and scientificity based on the statements of young people (students living in St. Petersburg, a total of 53 people), the

²⁰⁷ Kiselev V. N., Sosnovskaya A. M., Startsev A. A. Effective Communication in the Media Sphere: Building a Cultural Identity // *Administrative Consulting*. 2016. No. 5 (89). P. 120-128.

²⁰⁸ Sosnovskaya A. M. Communicative processes that support national identity // *Man. Communication. Culture. East-West: the search for cultural identity in the post-Soviet space*. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, 2016. P. 260-263.

motives and contexts of participation in scientific activities are identified, places and centers of science in St. Petersburg that are attractive to young people are considered. The issue of dialogic interaction between the city and science was problematized. A study has begun on issues that are relevant for the city as a UNESCO World Heritage Site: how does the attitude towards science correlate with the identity of a Petersburger? How are innovative projects woven into the fabric of the city? How do they co-exist in the context of monuments and the value of a World Heritage property? How is scientific discourse woven into urban architecture, urban landscape?²⁰⁹

Identity is constructed on the basis of opposition “us or foe”. The topic of immigration and migrants, who are perceived as “strangers” in St. Petersburg culture, has been relevant for St. Petersburg for many years. A series of interviews with immigrants and representatives of diasporas was undertaken, as well as a discursive analysis of media and social media texts.²¹⁰ In the official media, ways of representing labor migrants from Asia have become established, which show them as “other”. The conducted research shows that these representations are involved in the construction of ideas and daily practices of the inhabitants of St. Petersburg as a culturally homogeneous community. Accordingly, it feels the need to protect its authenticity and lifestyle, and the threat is projected and comes from equally culturally homogeneous migrants.²¹¹

The comprehension and problematization of teaching methods led us to the study of informal pedagogy, Gestalt analysis and systems theory, as the most effective in the ideological and PR activities of constructing identity in the youth environment. As part of cooperation with KGIOP, we conducted project activities with students, taking into account systems theory and gestalt analysis²¹².

²⁰⁹ Golenko V. V., Kiselev V. N., Sosnovskaya A. M. Scientific Petersburg. View of youth // Management consulting. 2017. No. 2 (98). pp. 65-77.

²¹⁰ Sosnovskaya A. M. Representation of migration in the media and everyday discourse of St. Petersburg // Age of Information. 2019. V. 7, No. 1. P. 187-195; Howard, D. Representations of otherness in Russian newspapers: the theme of migration as a counterpoint to Russian national identity / D. Howard, A. M. Sosnovskaya // Journal of Intercultural Communication. 2009. No. 21. P. 2.

²¹¹ Sosnovskaya A. M. Modern Sources of Nationalist Self-Consciousness in the Youth Environment: Analysis of Implicit Attitudes of the Survey “Harmonization of Interethnic Relations and Prevention of Extremist Manifestations in the Educational Sphere and Youth Environment” // Administrative Consulting. 2020. No. 2 (134). pp. 109-120.

²¹² Sosnovskaya A. M., Murashev A.V. Project activity as a requirement for the development of systems in modern conditions // Management consulting. 2018. No. 9 (117). pp. 120-129; Kiselev V.N., Sosnovskaya A.M. Models of interaction between the state and business: attraction of crowdsourcing // Administrative consulting. 2014. No. 11(71). pp. 91-97; Ivanyan R. G.,

In 2018, for the 100th anniversary of KGIOP, an issue of the journal “Architect” (published by the Union of Architects) was prepared, where articles were published on projects that became winners of the city competition (a total of 5 winning projects and 6 participants, 30 people participated in the competition). Work on projects was carried out in 2016-2017. Fairy tales were written on the history of St. Petersburg, excursions were conducted, articles were written on research projects dedicated to the history of the Eliseevsky store, the rivers and canals of the city, the project “Musical Petersburg”²¹³. Two students received a grant and participated in an interregional initiative with their projects with the support of the Presidential Grants Fund of the Russian Federation.

The largest student project supported by KGIOP in the historical and research part was dedicated to ball culture and the reconstruction of balls in several historical mansions of the city. Prior to the 2020 pandemic, there were 2 balls per year for three years, with interim teaching of historical dances and manners between balls. According to the results of the reconstruction of the balls, the student, researcher and organizer, defended her diploma, master's thesis, published a monograph in a foreign publishing house. A series of articles has been written. About 10 surveys and the same number of interviews were conducted, phenomenological reports of participant observation at balls were analyzed.

The reconstruction of the ball was considered by us as one of the options for the historical retrospection of the festive culture, as an element of urban and cultural identity, and as a form of preserving the intangible cultural heritage. A series of articles was based on data from a longitudinal study of ball practices using the method of participant observation in the mansions of St. Petersburg, during 2017-2019, on the study of scientific literature, the media, semiotic analysis of posters, as well as on the qualitative and quantitative results of in-depth interviews and Internet surveys participants (total 30 and 800 people, respectively). The purpose of the research was to identify the functions of balls in general and reconstructed historical balls, in particular, paying special attention to the connection of the latter with the intangible culture of the city and urban identity. As

Sosnovskaya A. M. Education within non-formal education: the use of Gestalt theory and systems theory // Modern education: content, technology, quality. 2018. V. 1. P. 351-354.

²¹³ Vasilyeva P. V., Sosnovskaya A. M. Music of St. Petersburg – the view of youth // Bulletin. Architect. 21 century. 2018. No. 1 (66). pp. 118-119.

a result, the genre features of the ball were identified and described based on the theoretical (works of S. Hall, K. Levin, M.Yu. Lotman, M. M. Bakhtin, D. S. Likhachev) and the empirical base of the study (evidence of the ball participants). Research has revealed the socializing function of historical balls, revealing the potential of the ball to strengthen the cultural identity of the city and citizens who strengthen the local cultural identity, focusing on the traditional practices of the ball and its venues in the historical center of the city; the studies confirmed that such balls belong to the intangible cultural heritage of the city, found a lack of coverage of the function of identity and representation of the intangible cultural heritage of balls in modern scientific literature²¹⁴.

The balls were also considered from the point of view of the economy of impressions and the presentation of the authenticity of a commercial project for the reconstruction of balls in the 19th century. The work uses sociological methods of document analysis, semiotic analysis of posters of the 19th-21st centuries, presents the results of interviews and surveys of young people about ball culture, and phenomenologically examines the reconstruction of a historical ball in the mansion of P. N. Demidov. Commercial and non-commercial projects for the reconstruction and holding of balls were analyzed using the methods of economics, management and marketing, the results of the SWOT analysis of competitors, the budget, organization of the event and PR support for projects present on the market of balls in St. Petersburg were analyzed. It was found that the practices of reproduction of intangible heritage contribute to the strengthening of territorial identity and patriotism²¹⁵.

The first summary of joint activities and scientific analysis of the practice was carried out in 2018. Based on the results, an article was published by the project organizers: KGIOP and NWIM. The report presents the results and reflections of a study of the tangible and intangible cultural heritage of St. Petersburg, including the determination of the intangible characteristics of the UNESCO World Heritage Site “The

²¹⁴ Sosnovskaya A. M., Masleeva V. V. Historical retrospection of festive culture as a form of preserving intangible cultural heritage and constructing urban identity (on the example of the analysis of ball practices in St. Petersburg mansions, 2017-2019) // Best research article 2020: collection of articles of the III International Research Competition Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, 2020. P. 223-243.

²¹⁵ Sosnovskaya A. M., Masleeva V. V. Economy of impressions: reconstruction of historical practices of the cultural heritage of St. Petersburg // Management Consulting. 2018. No. 4 (112). P. 172-181.

Historic Center of St. Petersburg and Associated Groups of Monuments”. The concept of “intangible heritage” is defined and its role in the formation of the urban identity of a Petersburger is indicated. The practices and values of the regional identity of the younger generation are revealed. The work used sociological quantitative and qualitative methods: analysis of documents, interviews and surveys of young people about self-perception, self-identity and perception of the city²¹⁶.

A series of articles summarizing the joint experience of the KGIOP and NWIM projects, published in the KGIOP book “Preservation of the Intangible Value of Cultural Heritage Objects” and posted on the Committee’s website, were devoted to the research of balls and the analysis of the practices of the millennial generation. The article about millennials presents the results and interpretation of the current study of the tangible and intangible cultural heritage of St. Petersburg. Its role in the formation of the urban identity of a young Petersburger is indicated. The practices and values of the regional identity of the younger generation – millennials are revealed²¹⁷.

We, as the organizers of the project, tested the results of the ongoing research and management project at conferences and the VII St. Petersburg International Cultural Forum²¹⁸. Other articles and reports made during these years were devoted to territory branding, digitalization and e-government.

Since 2020, students of the NWIM RANEPА have been participating in the interregional festival of social projects in the field of preserving cultural heritage “Mission to Preserve” (“My Initiative in Preserving the Cultural Heritage of St. Petersburg and the Leningrad Region”)²¹⁹. Within the framework of this festival, participants, youth 17-30 years old, it is proposed to develop their own project aimed at preserving and promoting cultural heritage and intended for sale on the territory of St. Petersburg and the Leningrad Region.

²¹⁶ Sosnovskaya A. M., Mikhailov A. V., Orlova O. Yu. Intangible Heritage and Identity of St. Petersburg Youth // Management Consulting. 2018. № 2 (110). P. 88-99.

²¹⁷ Sosnovskaya A. M., Orlova O. Yu. The Millennial Generation and the Intangible Heritage of St. Petersburg // Preservation of the Intangible Value of Cultural Heritage Objects. St. Petersburg: Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments, 2019, pp. 102-112.

²¹⁸ VII Saint Petersburg International Cultural Forum, 2018. URL: <https://culturalforum.ru> (date of access: 19.04.2022).

²¹⁹ Regulations on the festival [Electronic resource]. URL: [https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/-userfiles/2021/01/29/%D0%9C%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F2021 .pdf](https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/-userfiles/2021/01/29/%D0%9C%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F2021.pdf) (date of access: 20.04.2022).

In 2021, under our scientific guidance, a student wrote a diploma on the representation of KGIOP in social networks, created a bot on the site, wrote article²²⁰. In the same year, the author of the dissertation became a member of the jury of the regional competition “Mission to Preserve”, and the next year, 2022, she took part in it, since a scenario for a training project was created taking into account the developed discursive methodology and conceptual model for constructing identity, which became the laureate of the festival and was completed at the end of 2022, so that from 2023 it will be studied in the educational programs of some schools in the city²²¹.

2.3. Heuristic prospects of using actor-network theory for political science and media communication

Many articles have been written in the social and political sciences about the prospects of the actor-network theory and the object-oriented approach (hereinafter referred to as OOO), the ontological turn²²². L. V. Smorgunov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor and Head of the Department of Political Management at the Faculty of Political Science of St. Petersburg State University, reveals the main trends in the development of political science, indicating the need to introduce a “second ontological turn” in political science, namely actor-network theory and object-oriented ontology²²³.

The first ontological turn concerned the criticism of the post-political consideration of politics and the attempt to substantiate political theory and philosophy as a fact of politics. The second ontological turn led to the politicization of ontology and the

²²⁰ Katkova A., Sosnovskaya A, Strategies for the use of social media by state authority for dialogue with the population on the example of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments (KGIOP) public as in the case of Committee for the State Inspection and Protection of Historic and Cultural Monuments (KGIOP)) (January 25, 2021). Available at SSRN: 3772867

²²¹ *SaintP4juniors* project, 2021-2022. Design and research work of students of the St. Petersburg gymnasium No. 56 for the 350th anniversary of Peter the Great with the participation of the North-West Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, with the support of PJSC Gazprom and KGIOP.

²²² Katerny I. V. The categorical field of posthumanism as a theory and practice of a new sociality // *Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions*. Tyumen: Russian Society of Sociologists, 2020, pp. 86-94; Erofeeva M. A. Actor-network theory and the problem of social action // *Sociology of power*. 2015. No. 1. P. 17-36; Karin K.Ts. Object sociality: public relations in post-social knowledge societies // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2002. No. 5.1 P. 101-124.

²²³ Smorgunov L. V. Ontological turns in modern political science: in search of adequacy to politics // *Social and humanitarian knowledge*. 2020. V. 6, No. 2. P. 122-133.

ontologization of politics by critiquing metaphysics, rationalism, and human subjectness. This turn includes actor-network theory and object-oriented ontology²²⁴.

In the dissertation research, we have carried out the integration of these theories of the second ontological turn into the theory of communication and into the analysis of the discourse of local cultural heritage and urban identity politics. The results of this integration are creation of a conceptual model of communication taking into account the ANT actors and updating the method of discursive analysis by including ANT actors.

The ontologization of political thinking conditioned the new politics: the new politics was determined by the fact that “in the production of reality as the primary goal of politics, all factors of human and non-human nature, including science, technology, man and things, were included”²²⁵. The new politics is represented, in addition to the actor-network theory and object-oriented ontology used in the dissertation, by speculative realism and vital materialism²²⁶.

The following ideas of the ontological turn were adapted for the concept of the thesis: problematization of the Anthropocene and rejection of the centering on the human subject, special attention to non-human actors; lack of hierarchy and power distribution in the cognition of things, following the concept of a flat ontology through mapping and establishing links in 2D format; disagreement with epistemology and essentialism, disagreement with the passivity and immutability of natural objects; expansion of the concept of life through the concept of “pulsating matter”²²⁷.

Such ontological attitudes lay new directions for the cognition of political reality. For example, one of the attitudes is to consider the non-hierarchical nature of reality, and it is achieved through the introduction into the analysis of the concept of “emergence” – an emerging whole, irreducible to its constituent parts: “this approach focuses on the emergence and openness of the whole, and also relies on an understanding of irreducible

²²⁴ Smorgunov L. V. op. cit. P. 123.

²²⁵ Ibid. P. 129.

²²⁶ Tsiplakova Yu. V. Ecological philosophy of J. Bennett: human, non-human and new ethics // *Philosophy today: values, perspectives, meanings*. Yekaterinburg, 2021. P. 256-260; Sosna N. N. Poetics of Quiet Cosmism // *Philosophical Journal*. 2022. V. 15, No. 3. P. 70-83; Harman G. *Speculative realism: an introduction*. M.: RIPOL classic: Pangloss, 2019; Harman G. Networks and assemblages: the revival of things by Latour and Deland // *Philosophical and literary journal Logos*. 2017. V. 27, No. 3 (118). pp. 1-34.

²²⁷ See Smorgunov L. V. Ontological turns in modern political science: in search of adequacy to politics. P. 129.

social complexity, characteristic of the modern world, which indicates the irreducibility of multiple integrity to any of its elementary particles»²²⁸. Thus, emergence opposes both reductionism and the reduction of elements of social reality to some current actual set of practices.

All actors and their actions are equivalent in the theory of B. Latour, however, in the theory of G. Harman, a category of importance is introduced, which evaluates the significance of an action and its influence, and which also takes into account the existence of a thing and its impact on the perceiver, and not just its action²²⁹.

Emergence is a significant principle for communication theory, Gestalt theory, field theory, cybernetics and systems theory, defined for all the above and used theories as the appearance of a system of properties that are not inherent in its elements separately, as the irreducibility of the properties of a system to the sum of the properties of its components²³⁰.

L. V. Smorgunov emphasizes the need to give political significance and role to things, non-humans, non-human factors that act as stabilizers of human society, thus expanding the ontological content of political interactions: “in the new project, a dual and interconnected task arises to politicize ontology and ontologize politics. To include in the ontology of the existing objects, things, out of correlation with a person, not as assistants, but as acting and producing reality, means to give their ontology a political significance and role, as well as to expand the ontological content of politics, moving away from its limitation “by the voluntarism of a freely constituting human subject”²³¹.

L. V. Smorgunov also defines a new research agenda within the framework of political science and political science: “To politicize ontology means to determine which objects acquire power and influence in the process of interactions of the emerging reality, which objects show a political effect in its construction. Moreover, the interaction of various ontological objects gives rise to a conflict of ontologies, and, accordingly, leads to the need to resolve conflict relations in politics. To politicize the ontology thus means

²²⁸ Ibid.

²²⁹ Harman G. Speculative realism: an introduction. pp. 94-97.

²³⁰ DeLanda M. Emergence, causality and realism // Architectural Theory Review. 2012. Vol. 17(1). P. 3-16.

²³¹ Smorgunov L. V. Ontological turns in modern political science: in search of adequacy to politics. P. 130.

to include it in the processes of challenging and producing a decision. To ontologize politics is to recognize that politics has its own ontology, irreducible to morality, economics, rationalism, aesthetics, will, that all objects in politics reveal their political substance, that it is necessary to teach people to live in interaction with objects.²³² Thus, the ontologization of politics leads to a more voluminous understanding of the interactions between people and non-human entities, groups and collectives of people and non-humans without intermediaries and representatives speak, express themselves using their own articulatory apparatus. This is the next quote. “We always deal with representatives,” writes E. Blinov, “but we must learn to question their words. The illegitimate character of representation, which was rightly criticized by the supporters of revolutionary immanentism, gives rise to a new utopia that does not work with regard to the “non-human” beings, which, according to Latour, are represented by “white coats”, or scientists. Of course, unlike politicians, scientists have always claimed that “the facts speak for themselves”, and they only decipher the mysterious writings of the “great book of the world” or “that very” nature. Representation (not to be confused with naturalistic representation), Latour argues, is irreducible in one form or another, but we must scrutinize its nature. At the same time, political representation is no less of a problem than the representation of non-human citizens, which is entrusted to scientists. <...> In the new Laturian team, scientists do not have the right to lock “non-humans” within the walls of laboratories, as they will have to speak out on vital issues. The task of the “white coats” is to create “articulatory devices” for non-humans, with the help of which their human “compatriots” can finally hear their unsteady voices. This process must take place in full compliance with democratic procedures, that is, in conditions of constant doubt about the correctness of one or another representation²³³. But what does it mean to speak on behalf of those whose ontology and epistemology differ from ours? When each group and collective speaks “for itself”, without intermediaries and representatives, according to the new ontology, everything inevitably becomes political. Our scheme is designed as an

²³² Ibid. P. 131.

²³³ See Blinov E. *With a Feather and a Bayonet: An Introduction to the Revolutionary Politics of Language*. Moscow: Higher School of Economics, 2022. P. 195-197.

articulatory apparatus for analyzing the communication and identity of a heritage, a single building, a city, a discursive group.

Undoubtedly, in urban development, material heritage objects have power and influence on the process of deciding on urban transformations of both the environment and identity, they have a social effect, organizing discursive groups around themselves, conflict antagonistic discourse.

Researchers of the new ontology in politics problematize the approach, noting that there is no verified methodology²³⁴. In a review of the work of his colleagues at OOO, G. Harman also notes the generality of the strategy, but the variability of methods²³⁵. In this paper, we single out and position the aspects of B. Latour's theory of ANT that are relevant for the communication scheme as the most consistent in the implementation of actor-network optics, which implies following the actors and paying attention to their actions that transform reality, making changes in practices. Our methodology, developed on the basis of the actor-network theory, consists of five ways of deconstructing discourse, tasks of deployment and problematization of situations, and five ways of subsequent assembly and stabilization of problems of association.

B. Latour, L. V. Smorgunov, E. Blinov write about politics rooted in the present: politics is always associated with the formulation and solution of pressing problems. At the same time, political scientists ask themselves the question of responsibility in a situation where everything has a political potential: "the progressive composition of the common world will be determined by two main elements: what things should interest politics and how should it turn around these things"²³⁶. "When each group and collective speaks for itself, everything inevitably becomes political. However, <...> where everything is political, politics becomes something completely different"²³⁷. According to ANT, it is necessary to re-arrange the content of power and forces by deconstructing

²³⁴ Balayan A. A., Tomin L.V. Actor-network theory in the context of discussions about ideology and political ontology // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences. 2018. No. 1. P. 88-94. Shirokov A. A. The politics of explanation and the strategy of description by Bruno Latour: how to write infra-reflexive texts // Sociological Review. 2019. No. 18 (1). P. 186-217; Kuznetsov A. "The Latour method: semiotics between literature and science" // Philosophical and literary journal "Logos". 2018. No. 5 (126). P. 85-112.

²³⁵ Harman G. Object-Oriented Ontology: A New "Theory of Everything". Moscow: Ad Marginem Press, 2021.

²³⁶ Smorgunov L.V. Ontological Turns in Modern Political Science: In Search of Adequacy to Politics. P. 131.

²³⁷ Blinov E. Ibid. P. 197.

connections, searching for and finding new non-human actors in each situation with their current requirements, building a common team, and then building a common composition of such assemblies. Latour writes that “only the freshness of the results of the reassembly can guarantee political significance”²³⁸. Latour connects his political project, connected with the crisis of identity and belonging, with the renewal of political sciences through a change of optics, consideration and inclusion of different entities in collectives: “In times of multiple crises of what is understood as belonging, it is no longer possible to simplify the task of coexistence too much. So many other entities are now knocking on the doors of our collectives. Is it really so absurd to want a rearmament of our disciplines that would restore their sensitivity to the noise they make and help find a place for them?”²³⁹

Thus, the principle of the transformational effectiveness of the present moment of ontological theories and the same principle of Gestalt-analytical communication, expressed in the maxim “here-and-now”, indicating the dynamics of actions with field emergent properties, acquires the potential of the political within the modern modes of social interactions. To prove the mutual relevance of these principles, we list the structural stages of the political decision-making process²⁴⁰ and relevant to them, corresponding to the structure of communication in Gestalt and ANT, stages, and then in the table we present the same data and things, actors that destabilize and stabilize social relations (Table 6);

²³⁸ Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. M.: Ed. house of the Supreme school Economics, 2014. P. 344.

²³⁹ Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. P. 345-346.

²⁴⁰ See: Smorgunov L. V. *Ontological turns in modern political science: in search of adequacy to politics*. P. 133.

1. the emergence of a problem: a change in homeostasis in the environment²⁴¹, changing objects²⁴², changing symbiotic relationships²⁴³, change in the usual state of affairs in the “organism-environment” field²⁴⁴;
2. making a problem public: using communication tools in the process of responding to changes in the environment²⁴⁵, discussion, search for solutions and compromise²⁴⁶;
3. acceptance of this problem by the authorities as a public good and subject of will: discussion within the discourses of groups is always antagonistic and conflicting, since opposition and diversity are inherent in a democratic political regime²⁴⁷;
4. connecting the public to its solution: choosing a rational solution²⁴⁸;
5. the transition of problems to the usual stage of managerial routine: the development of management plans, development programs, policies for constructing an identity appropriate to the situation²⁴⁹.

²⁴¹ Vlasova O. G. Psychological protection as a means of personal development of students: dis. ... cand. psychol. Sciences. Stavropol, 1998. P. 19.

²⁴² The first corrective step seems simple enough: we must draw continuous links from local interaction to other places, times, and forces that cause the local instance to do something. This means that we need to follow the delegation or translation process explained in the first part. As we have learned in previous pages, such a reversal can take the form of a network, provided that each movement is paid for by transformations, that is, if we guarantee that the entire path from one place to another will be marked not by conductors, but by full-fledged intermediaries. In this way, we will make visible long chains of actors connecting places to each other without missing a single link. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. P. 229.

²⁴³ OOO instead focuses on several stages in the development of an object: stages caused primarily not by internal development but by symbiotic transformation. Harman G. Object-oriented ontology: a new “theory of everything” P. 104.

²⁴⁴ Pogodin I. Restoring the ability to experience: psychotherapy of psychic trauma // Gestalt review. 2015. P. 72.

²⁴⁵ Luntsova N. R. The functioning of the media in the political process: on the material of the federal print media: dis. ... cand. polit. Sciences: 10.01.10. Ekaterinburg, 2003; Korkonosenko S. G., Voskresenskaya M. A. Journalism in the mode of culture: an institutional view // Social and humanitarian knowledge. 2020. No. 4. P. 108-119; Kolesnichenko A.V., Vyrkovsky A.V., Galkina M.Yu. Transformation of journalistic work under the influence of new technologies: information search, genres of media texts, editorial culture // Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism. 2017. No. 5. P. 51-71.

²⁴⁶ Yanin K. D. Stages and features of the development of the architectural space of a modern city // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. No. 8. P. 310-312.

²⁴⁷ Voronkova M. A. Features of the political regime in modern Russia: a comparative legal analysis // Globus. 2020. No. 3 (49). pp. 46-49.

²⁴⁸ Filatova O. N., Gushchin A. V., Shobonov N. A. Vocational education in the modern information society // Problems of modern pedagogical education. 2019. No. 64-2. P. 189-192; Gavra D. P., Bykova E. V. Strategic Crisis Communication: Basic Characteristics and Integrative Implementation // Century of Information. 2016. No. 2. P. 122-125; Gavra D. P. Concept and characteristics of communication strategy // Russian School of Public Relations. 2019. No. 15. P. 65-78.

²⁴⁹ Adizes I. Corporation Life Cycle Management. St. Petersburg: Piter, 2011.; Trofimov V., Trofimova L. Methods of making managerial decisions: a textbook and workshop for the SVO. M.: Yurait Publishing House, 2022; Nevis E. C. Organizational consulting: A Gestalt approach. Gestalt Press, 2013; Stevenson H. Gestalt consulting [Electronic resource]. 2003. URL: <https://www.herbstevenson.com/articles/gestalt-consulting.php> (accessed 04/15/2022).

Table 6 – Stages of the political process of solving the problem

Structural stages in the political process	Structural stages in the communication process	De-/relationship stabilizing things
The appearance of the problem	Change in homeostasis in the environment, change in objects, change in symbiotic relationships, change in the usual state of affairs in the “organism-environment” field	Things that make a transformation
Making a problem public	Use of communication tools in the process of responding to changes in the environment, discussion, search for solutions and compromise	Media, social networks
Acceptance of this problem by the authorities as a public good and subject of will	Discussion within the discourses of groups is always antagonistic and conflicting, since opposition and diversity are inherent in a democratic political regime	Elements of dispositive groups
Connecting the public to its solution	Choosing a Rational Solution	Dispositives, communication, verification of sentences (projection of introjects)
The transition of problems to the usual stage of managerial routine	Development of management plans, development programs, identity construction policies appropriate to the situation	Plans, schemes, formulas

The table above shows the stages of conflict operationalization and translation of a political decision into management processes. At each stage, social relations stabilize one or another thing: transformers, media, reports and plans, arrangements, communication according to the structural scheme of communication, which in Gestalt is called the

“contact cycle” and is filled with incorporated things²⁵⁰. What things should be of interest to politics within the framework of the new ontology? One of the answers we see is the following: things that contribute to the closure of each stage of the political process, from the identification and discussion of the problem to its solution and routinization.

The development of a new ontology is also underway in digitalization research²⁵¹, artificial intelligence, ecology, post-colonialism, public administration. Posthumanism and transhumanism are formed as policies for accepting objects into the human world²⁵². Digital technologies have called into question the traditional forms of politics and public administration and have sharpened the awareness of the need to understand the structure of political knowledge. This knowledge is impossible without taking into account ontological theories that explain the transformation procedures in networks and discursive assemblies.

Thus, the general ideas of the ontological turn are the following: decentration of the subject; realism; emergence; limitation of common sense, post-truth²⁵³; rejection of hierarchy; non-recognition of absolute truths and essentialism; the significance of objects and their manifestations; recognition of the activity and agency of things and nature. Let us consider these components of the political process in discourse structures, dispositives, within the framework of the considered cases related to heritage in this chapter, in the discourse reconstructed from the interview – in the third chapter.

2.4. Discursivity as a Framework for the Study of Agency

Let's operationalize the concept of “discourse” and highlight the approaches that are relevant to our subject and conceptualization. Discourse is constructed in the communication.

²⁵⁰ Vetoshkina M. A. On the question of the possibility of using the Gestalt model of the “contact cycle” in the activities of a teacher // Intellectual potential of a person in the system of modern scientific and educational processes. 2020. P. 137-141; Pletnikov V. V. Mechanisms for interrupting the contact cycle in Gestalt theory: a revision of traditional ideas // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. 2019. No. 1. P. 71-82.

²⁵¹ Sosnovskaya A. M. Digital transformation of society: the impact of social networks on social practices // Digital transformations in the development of the economy and society: materials of the XV International scientific and practical conference. Voronezh, 2021. P. 122-130.

²⁵² Haraway D. *Staying with Trouble: Making Kindred in Hthulutzen*. Perm: Gile Press, 2020.

²⁵³ See Sosnovskaya A. M., Ramensky P. A. Post-truth and fake news: genesis and consequences // Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPА. 2020. V. 11, No. 3. P. 77-82.

In the process of communication about the city and heritage, an appropriate discourse is constructed, the identity of individuals and groups is formed as an emergent effect of such communication as knowledge and manifestation of power, according to M. Foucault. Discursive and dispositive analysis with the inclusion of the ANT method made it possible to detect inanimate actors at all structural stages of the communicative construction of identity: individual and group.

Discursive analysis is heterogeneous, it is used many approaches. Let us indicate how the approaches differ in order to determine the most relevant for our analysis. The concept of “discourse” is a multi-valued term with many definitions and operationalizations. The first definition, summarized in a recognized textbook, states that the term “discourse” means the general idea that language is structured according to the patterns that determine the statements of people in various areas of social life, and discourse analysis is an analysis such patterns²⁵⁴. Discourse-analytic approaches continue the concept of M. Foucault's discourse, considering discourses as groups of statements, limited by rules, exploring the boundaries of signification: what should be signified, and how it is created discursively. Modern approaches do not operate with one mode of knowledge, but with conflict dynamics, “in which different discourses coexist or fight for the right to define truth”²⁵⁵. M. Foucault notes that over time he did not narrow, but expanded the concept of discourse: sometimes considering it as a common area of all statements, sometimes as a group of statements, and sometimes as a regulated practice that explains statements²⁵⁶.

N. Carpentier distinguishes microtext and macrotext approaches in discourse studies. Microtextual approaches to discourse emphasize a close relationship with language, an approach that stands for “discourse-as-language”. Macrotextual approaches see texts as the materialization of meaning and/or ideology, and discourse becomes “discourse-as-representation” or “discourse-as-ideology”, focusing on the meanings,

²⁵⁴ Jorgensen M., Phillips L. Discourse analysis. Theory and method. Kh .: Publishing house “Humanitarian Center”, 2008. P. 17.

²⁵⁵ Ibid. P. 37.

²⁵⁶ See: Foucault M. Archeology of knowledge. P. 153-160.

representations, or ideologies embedded in the text, and not so much on the language used.

Its second differentiation lies in the fact that the concept of discourse is between micro- and macro-contextual approaches. Microcontextual approaches restrict context to specific social conditions such as a speech act or conversation. In macrocontextual approaches, discourses circulate in society, paying less attention to localized conditions, microcontexts. It is then possible to analyze a broader field, such as how democratic discourse or gender identity is articulated in society.²⁵⁷ Our study takes a middle position in these oppositions of micro- and macro-textual, micro- and macro-contextual approaches, since we analyze both speech and meanings, and also take into account the context of cases and general urban politics and ideology.

Within the discursive methodology, according to R. Wodak et al., modern discursive approaches differ in deductivity and inductance, generalization and detail of elements of analysis, and in the use of various so-called great theories and concepts as theoretical premises. The visualization of the connections between these approaches and theories is presented in a table developed by R. Wodak and M. Meyer in English (Figures in their book).

This scheme is from the work on the methods of critical discursive analysis by R. Wodak and M. Meyer²⁵⁸ summarizes important, but not all, including those used in our work²⁵⁹, approaches and their epistemological premises in a continuum from inductive theories based on case analysis to deductive macro-contextual theoretical works.

R. Wodak and M. Meyer position their research within the framework of a critical analysis of discourse, an interdisciplinary field in the social sciences. Critical discourse analysis approaches are united by a common interest in the semiotic dimensions of power, injustice, political, economic, social, and cultural changes in the world. The roots of

²⁵⁷ See: Carpentier N. *The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation*. NY. 2017. P. 15-20.

²⁵⁸ Wodak R., Meyer M. *Methods of critical discussion studies*. Sage, 2015. P.18.

²⁵⁹ We will also draw on the works on discourse by E. Laclau and C. Mouffe, J. Thompson; E. Laclau and C. Mouffe *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London: Verso, 1985; Thompson J. B. *Mass communication and modern culture: Contribution to a critical theory of ideology // Sociology*. 1988 Vol. 22, No. 3. P. 359-383 and some other works.

critical discourse analysis lie in rhetoric, text linguistics, anthropology, philosophy, social psychology, cognitive science, literary criticism, and sociolinguistics.

R. Wodak and co-authors reviewed the theoretical and methodological approaches of critical discourse analysis, emphasizing that “any theory is determined by practical research goals” and concluded that ideology, identity and inequality are (re)enacted through texts created in a social and political context²⁶⁰.

Language within the framework of the sociocognitive approach is recognized decisive in building and maintaining ideologies that are key in establishing and stabilizing social identities and inequalities. R. Wodak continues his reasoning in his other work: “Despite the belief of a person that it is impossible to “look” into the consciousness of another (into the “black box”), (practically) each of us is convinced that there are certain mental processes that connect production and understanding of the text both with utterance, text and communication, and with social phenomena. This fact becomes especially obvious when analyzing such phenomena as linguistic behavior, stereotypes, and prejudices inherent in social groups. Moreover, we are obliged to take into account beliefs, opinions, memories of the past when studying the problem of identity, describing the events of the past, because they are mandatory components of the discursive practices under consideration; such concepts as “collective memory”, “imaginary community” are inalienable categories of cognitive processes. Some of the areas and genres of discourse that analysts have traditionally targeted include racism, xenophobia, national and other social identities, gender identity and inequality, media discourse research, and political discourse²⁶¹. These cognitive variables are presented in our conceptual scheme of analysis, and are also markers of material actors incorporated in the process of socialization, as the so-called “plug-ins”, according to B. Latour.

The description of discourse as a social practice in the approach of R. Wodak implies a dialectical connection between a direct discursive event and the situation, institution and social structure that frame it: a discursive event is formed by them, but it

²⁶⁰ Van Dijk T. A. *Critical Discourse Analysis*. W: Schiffrin, Deborah/Tannen, Deborah/Hamilton, Heide (eds.): *Handbook of Discourse Analysis*, 2001, pp. 352-371.

²⁶¹ Wodak R. Relationship “Discourse Society”: A Cognitive Approach to Critical Discourse Analysis // *Political Linguistics*. 2006. No. 19. P. 107-116.

also forms them. Dialectics is not used in the ANT method, since the theory is a flat ontology, studying actors within structures and taking contexts out of the equation. According to R. Wodak, discourse can be considered as an ideology, “representing situations, objects of knowledge, social identities and relations between people and groups of people, <...> constitutive both in the sense that it helps to maintain and reproduce the social status quo, and in the sense that it contributes to its transformation”²⁶². In my study²⁶³ we analyzed oppositional discourses and showed the reproduction of ideology and the circulation of power/knowledge. According to M. Foucault, power does not belong to certain agents, but is distributed through various social practices. Power, as a productive network, constitutes discourse. The interpretation of discourse comes down to considering this concept as a special “mode” of knowledge that sets the parameters of what is considered true or false. The competence to define “truth” is a powerful political resource of language²⁶⁴.

Methodologically, we also position our research in the program of discourse analysis developed by R. Wodak and her colleagues.

1. The approach is interdisciplinary. The problems in our societies are too complex to be studied from a single point of view. Our research is interdisciplinary and includes the following areas: political science, media and communication theory, sociology, psychology.

2. The approach is problem-oriented rather than focused on specific linguistic elements. Social issues are the subject of studies such as “racism, identity, social change” which are of course studied and can be studied from different points of view. We study the problems of identity crisis, preservation of heritage, through the study of texts, analyzing the construction of communication, structural elements, acting actors, carrying out the study of discourse and politics of knowledge as power.

3. Theories, like methodologies, are eclectic, that is, theories and methods are integrated in such a way as to adequately explain the object under study. The greatest

²⁶² Wodak R. Aspects of critical discourse analysis // Zeitschrift für angewandte Linguistik. 2002 Vol. 36, No. 10. P. 5-31.

²⁶³ Sosnovskaya A. M. Politics of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences. 2022. No. 1. P. 68-83.

²⁶⁴ See: Johim A. N. Discourse and struggle for power: on the political role of language // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2014. No. 9. P. 115-117.

sense of eclecticism and novelty is the integration of psychological and sociological structural models.

4. Research always includes field work and ethnography to study the object under study from the inside as a precondition for any further analysis and theorizing. This approach correlates with the main maxim of ANT – “follow the actors and”, that is, to describe the movements and let the actors speak. Numerous interviews, included observation of the studied field, work with texts in the media and social networks are our ethnographic material.

5. The approach is abductive: there needs to be a constant movement back and forth between theory and empirical data. ANT provides this movement because it represents an original materialistic theoretical approach, a technique for deconstructing and reconstructing discourse with constant attention to the actions of actors.

6. Multiple genres and public spaces are studied, intertextual and interdiscursive relations are explored. The thesis is focused on the study of discourse and its genres²⁶⁵.

7. The historical original context is always analyzed and integrated into the interaction of discourses and texts. For ourselves, we understand this thesis as a change in the state and actions of actants in time and in connection with events, as well as discursive strategies for appealing to the past and the politics of memory, since ANT takes the context out of the bracket.

8. The categories and tools of analysis are defined according to all of these steps and procedures, as well as to the specific problem under investigation. For the analysis of texts, we have developed a communication model taking into account the ANT actors.

9. Great theories can serve as a basis; in a particular analysis, the average range theory serves the purpose better. A problem-oriented approach entails using and testing middle-range theories. The theory of communication is a theory of the middle level, the model of communication developed by us will allow you to better navigate both in the problem and in this theory.

²⁶⁵ Bakhtin M. M. *The Problem of Speech Genres // The Author and the Hero. Towards the philosophical foundations of the humanities.* 2000. P. 249-298.

10. Practice and application are result-oriented and should be made available to experts in various fields and, as a second step, applied to change certain discursive and social aspects of practice. A proven communication model in the preparation and implementation of the scenario of educational video content leads to the strengthening of urban identity²⁶⁶. This 10-stage model makes it possible to conduct a discourse analysis taking into account the ANT, to study the processes of building identities, showing the ontological categories of communications.

2.4.1. Definition of discourse and its social dimensions

We have defined the use of the concept and the methodology of discursive analysis, taking into account ANT and ontological categories of communication. It is essential for our analysis that M. Foucault introduces into his discursive analysis the concept of dispositives, which include texts, practices and objects. This is all that allows you to “remain vigilant” and keep in mind some dispositive, while taking into account every time its non/implementation²⁶⁷.

Remaining within the framework of discourse, we learn about things and practices from paratexts, that is, other texts and discourses. N. Maiorov notes M. Foucault's unified approach to the definition of a dispositive, represented by three semantic levels, and gives an integrating definition: “a dispositive should be understood as a power-strategic ensemble of discursive and non-discursive elements.” Such a unified approach allows us to distinguish the following levels based on specific political effects.

²⁶⁶ The piloting took place in 2022-2023 as feedback from teachers, officials, journalists and pupils who watched the videos, drew drawings and wrote key words that they remembered, and gave their impressions and answered questions during the presentation lessons. The assimilation of concepts and perceptions related to heritage confirmed the effectiveness of the scheme and strengthened identity. “StP4juniors: about Peter and St. Petersburg for Junior School” URL: <https://vk.com/@spbwithfriends-stp4juniors-o-petre-i-peterburge-dlya-mladshei-shkoly> (date of access: 15.04.2023).

²⁶⁷ “Take educational colleges in the 18th century. In general, one might get the impression that there is practically no talk about sex there. But it is enough to cast a glance at the architectural arrangements, at the disciplinary charters and at the whole internal organization, and we will see that the question of sex is constantly raised there. The builders thought about it, and in an explicit form. The organizers are constantly taking it into account. All who have any degree of power are brought into a state of constant vigilance, which is constantly maintained by all kinds of adaptations, precautions taken, the game of punishment and responsibility. The space of the classrooms, the shape of the tables, the arrangement of recreation yards, the layout of the bedrooms (with or without partitions, with or without curtains), the statutes provided for the supervision of going to bed and sleeping – all this refers, and, in the most expansive way, to the sexuality of children”. Foucault M. *Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. M.: Magisterium: Ed. House “Castal”, 1996. P. 82.

1. extensional level. The dispositive is interpreted as “a decidedly heterogeneous ensemble, including discussions, institutions, architecture, regulatory decisions, laws, administrative arrangements, scientific statements, philosophical, moral or philanthropic theses.” Both the spoken and the unspoken are elements of the dispositive you.

2. intentional level. A dispositive is a network that can exist between all the listed elements.

3. strategic level. It is the dispositive that decides how the network is formed²⁶⁸.

Publications on how to conduct discourse analysis according to Foucault have accompanied the emergence of discourse analysis as an interdisciplinary concept since the early 1980s; dispositive analysis – since about 2000, these discussions continue today²⁶⁹. German explorers J. Lemke²⁷⁰, S. Yager²⁷¹, who build their dispositive and discursive analysis according to the theory and approach of M. Foucault, define the discourse through the text, which appears as a concrete realization of abstract forms of knowledge.

Jager quotes Foucault about methods that “are, so to speak, scaffolds that serve as a transition between a work that has just been completed and another. At best, they are tools, but also dreams”. Foucault is primarily interested in the criticism of “facts”, regardless of whether they are linguo-discursive or other discursive and dispositive facts. Foucault is concerned not so much with methods as with the truth of facts. He also talks about dreams of a better and fairer world.²⁷²

The theory of Foucault goes beyond the disciplines of linguistics and literary criticism, concentrating on the analysis of discourses and dispositives, which are understood as streams or sequences covering social stocks of knowledge in space and time²⁷³.

²⁶⁸ See Mayorov N. V. The concepts of discourse and dispositive in the context of media research // Scientific Vedomosti. 2015. No. 18. P. 145-148.

²⁶⁹ Jäger S. Kritische Diskursanalyse // Eine Einführung. 2004 Vol. 4. P. 76-89.

²⁷⁰ See Lemke JL Textual politics: Discourse and social dynamics. Taylor & Francis, 2005. P. 208.

²⁷¹ Jäger M., Jäger S. Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse. Springer-Verlag, 2007.

²⁷² Quoted from Jäger S. Kritische Diskursanalyse. P. 77.

²⁷³ Die Analyse des Discourses bzw. der Diskurse und Dispositive konzentriert, die sie als Verläufe oder Flüsse bzw. Abfolgen von oft auch raumübergreifenden sozialen Wissensvorräten durch die Zeit versteht.

Foucault wrote: “Elements of discourse pass through texts as themes...”. J. Link comments on this: “There must be something like a “discursive energy” in the “topic”, which can ultimately have an impact as polemical energy. “Theme” has an increased likelihood that opposing discursive positions, such as in the form of a debate, will oppose each other; “discursive energy” manifests itself in the fact that the “theme” accumulates around itself many statements like a magnet, and not only during a short period of time of a discursive event, but even over a long time”²⁷⁴. The theme, therefore, is to be understood as the content of the core of the statement, that is, what is being discussed in a concentrated form. Topics constitute the threads of discourse, that is, the ability to prolong discourse even with a radical change in the contextual interpretation of discourse, while maintaining the working prerequisites for the production of an event. Our theme-thread is identity associated with discursive events of preservation or non-preservation of heritage.

Discursive events are those events that are discussed in the discourse, which are widely covered in the media and influence or significantly determine the direction and quality of the discursive thread to which they belong²⁷⁵. Discursive groups participate in discursive events. Different directions of discourse appear at different discursive levels (science, politics, media, education, everyday life, business life, administration, etc.).

Similar levels of discourse of different participants can also be described as social places from which one “speaks”. S. Jäger gives examples of how discursive fragments of special scientific discourse or political discourse are included in media discourse. Separate levels of discourse of the involved discursive groups are intertwined and can speak from one ideological position. We have compiled a scatterplot showing the positions of discursive groups that are sometimes so intertwined, the influence of positions on society and the main emotional trigger based on which they influence²⁷⁶. The category of discursive position implies a certain political and ideological position. Margret Jäger defines the category of discursive position as follows: “By discursive

²⁷⁴ Link J. Dispositiv // Foucault-Handbuch. J. B. Metzler, Stuttgart, 2014, pp. 237-242; Link J. Diskurs, Interdiskurs, Kollektivsymbolik // Zeitschrift für Diskursforschung. 2013. Vol. 1, No. 1. P. 7-23.

²⁷⁵ Jäger S. Kritische Diskursanalyse. P. 82.

²⁷⁶ The scatterplot is discussed in Chapter 3.

position I mean the place from which participation in discourse and its evaluation occurs for the individual or for groups and institutions. Discourse produces and reproduces specific discursive entanglements that are fueled by the current life situations of those who participate in and experience the discourse. The discursive position is thus the result of an entanglement in the various discourses to which the individual has been exposed and which he has transformed over the course of his life into a definite ideological or ideological position.²⁷⁷ Discursive positions that deviate from the dominant discourse can be referred to as counterdiscourses.

Referring to the theory of discourse by E. Laclau and Ch. Mouffe, N. Carpentier emphasizes that “any discourse is constituted as an attempt to dominate the field of discursiveness, stop the flow of differences, build a center”²⁷⁸. The essence of the discursive theory of Laclau and Mouffe is that a social phenomenon cannot be complete and have full meaning. As a result, there is antagonism in the discourse and a constant struggle of opposing aspirations and / or a struggle towards the ideal state of the system, which neutralizes the lack in the psychoanalytic sense²⁷⁹. In this approach, the tasks of discursive analysis are: fixing values at all levels of a social phenomenon and identifying the course of the struggle of antagonists.

In the theoretical concept of Laclau and Mouffe, the concept of articulation is used, which is understood as any practice of establishing relationships between different elements, in which the identity of the elements changes or is reproduced on new grounds, which cannot be fixed for a long time²⁸⁰. In our conceptual model, articulation is at the stage of interaction, where differences appear, and the fixed position at the stage of integration and assignment of identity, which is also never fully completed and updated in a new articulation. Laclau and Mouffe defined discourse as a structured entity that is the result of articulation, which, in turn, is considered as “any practice that establishes relationships between elements in such a way that their identity changes as a result of

²⁷⁷ Cit. according to Jäger S. *Kritische Diskursanalyse*. P. 85.

²⁷⁸ Carpentier N. *The discursive-material knot: Cyprus in conflict and community media participation*. Peter Lang Publishing, Inc., New York, 2017. P. 41.

²⁷⁹ Stavrakakis J. *Ambiguous Democracy and the Ethics of Psychoanalysis // Logos*. 2004. T. 2. P. 214.

²⁸⁰ See Jorgensen M., Phillips L. *Discourse analysis. Theory and method*. H.: “Humanitarian Center”, 2008.

articulation practice”²⁸¹. Thus, discourse is the meaningful result of the articulation of changing identities.

“The practice of articulation consists in constructing nodal points which partially fix the meaning; and the partial nature of this fixation stems from the openness of the social, which, in turn, is the result of the constant overflow of any discourse, the infinity of the field of discursiveness.”²⁸². Discourses must be partially fixed, because otherwise the abundance of meaning would make any meaning impossible: “a discourse that is incapable of generating any fixedness of meaning is the discourse of the psychotic”²⁸³. The contingency, the randomness of structures, comes from the fact that the structure is endowed with “an initial flaw, a radical undecidability that requires constantly being replaced by solutions”²⁸⁴. The goal of hegemonic projects is to build and stabilize the nodal points of discourse that are the basis of the social order, the common social imaginary.

Using a psychoanalytic dictionary, we can say that the social imaginary are fantasies that make it possible to overcome the lack generated by the randomness of the social and the structural impossibility of achieving reality (or the real, according to J. Lacan). In Lacanian psychoanalytic theory, fantasy is understood as having, among other things, a protective role²⁸⁵. By providing the subject with a discourse that seeks to hide and ultimately overcome the lack, fantasy functions as “a prop that gives coherence to what we call 'reality'”²⁸⁶. Subjects repress reality into fantasy to make reality coherent, and then construct social images that are then taken for granted, i.e., returned as an imaginary effect of reality.

The moment of sedimentation, symbolizing the success of hegemony, comes when the hegemonic order is established, its constructed nature is forgotten, but it is articulated as natural and objective. In this scenario, a social imaginary is created that crowds out other meanings. Sedimentation implies “forgetting the origins”, when “the system of

²⁸¹ Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. P. 105.

²⁸² *Ibid.* P. 113.

²⁸³ Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. P. 112.

²⁸⁴ *Ibid.* P. 113.

²⁸⁵ See: Lacan J. *Seminars. The underside of psychoanalysis (1969-1970)*. M.: Gnosis: Logos, 2008.

²⁸⁶ Butler J. et al. *Contingency, hegemony, universality: Contemporary dialogues on the left*. Verso, 2000.

possible alternatives tends to disappear, and traces of the original contingency disappear”²⁸⁷. Laclau calls these residual forms “social”, opposing “political”. Even when the political can be reactivated and try to politicize the postponed and repressed meanings, the social remains the background of these interventions: “Any political construction takes place against the backdrop of a number of deposited practices”²⁸⁸. One important implication of this line of reasoning is that not everything is political at a given time and in a given space. Laclau' emphasis on the political is linked to the idea that hegemony is an open practice and system that makes articulation possible. In a closed system there would be only repetition, and hegemony would thus be impossible. However, mere articulation is not enough to speak of hegemony. According to Laclau and Mouffe, antagonisms linking elements in the so-called equivalence chain are a necessary condition: “hegemony must arise in a field intersected by antagonisms, and, therefore, we assume the phenomena of equivalence and border effects. But, on the contrary, not every antagonism presupposes hegemonic practices.” Antagonisms have both negative²⁸⁹.

The concept of “logic of equivalence” refers to the patterns of formation of discursive systems, the main mechanism of which is the linking of disparate elements, the so-called “floating signifiers”, around a certain center due to the articulation and the establishment between them, thanks to the reference to this center, relations of equivalence and equivalence²⁹⁰. This logic of equivalence and the creation of equivalence chains is, for Laclau and Mouffe, the main answer to the question of how antagonisms are discursively constructed. In these chains, different identities are aligned with each other – made equivalent – and opposed to another negative identity. In other words, in the logic of equivalence, a number of identities are reduced to one discourse that unites them, while not dissolving their specifics, but opposing them to the oppositional discourse.

The discourse theory of Laclau and Mouffe, a post-Marxist theory, sympathizes with the development of a new materialism aimed at rethinking and reassessing the role

²⁸⁷ Laclau E. *New reflections on the revolution of our time*. Verso Trade, 1990.

²⁸⁸ *Ibid.* P. 35.

²⁸⁹ Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. P. 135-136.

²⁹⁰ See Orisheva O. F. “Political” and “Social” in the post-Marxist theory of hegemony // *Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy*. 2010. No. 5. P. 136-139.

of material in cultural theory. In this approach, theorists view the material as “agent matter” and “generating matter”²⁹¹. The new materialism perceives matter as both material and representational; the new materialistic agenda is expressed in the focus on the “material semiotic actor”²⁹². It is semiotic analysis that makes it possible to find in texts material actors incorporated into a person as plug-ins or into a group as dispositives.

2.5. Developing a conceptual model of communication: agency

In communication psychology

In general, the methodology of this study includes two areas: discursive/dispositive analysis and actor-network analysis. We reconstructed the method of analysis from the actor-network theory of B. Latour, and also built dispositives of discursive groups according to the structure of communication, as a result of which new meanings and identity appear, according to Gestalt analysis, in order to then consider things and their role in maintaining identity at each stage, in each element. The graph “Conceptual model of communication research” represents the structure of communication, which is characterized by dynamism and change in the state of actants (Figure 1).

Communication is presented as a wave developing in the coordinates of time and energy. Before the climax at the “choice” point, the graph represents the stages of the state, after the climax, the stages of identity change of both subjects and actors and non-figurative actants. At the first stage, there is a change in the field, the environment around the actant changes, non-reflexive sensory qualities in symbiotic fusion manifest themselves affectively, attention is directed to the situation and the current state. The movement of energy towards action is growing and requires cognitive processing of affects. Loaded plugins in the subject, representing “individualizers” and

²⁹¹Vakhshtein V. S. City as an assemblage: towards the theory of heteropolis // *Sociology of power*. 2021. V. 33, No. 4. P. 35-54; Agamalova L. Hyper-Chaos vs Matter-in-Process-Materialization: Ontologies by Quentin Meillassoux and Karen Barad; Pisarev A. A. Networks, planes, matter: on the use of flat social ontologies // *Bulletin of the Tver State University. Series: Philosophy*. 2020. No. 1. P. 144-157.

²⁹²Haraway D. Situational knowledge: the question of science in feminism and the advantage of partial perspective // *Logos*. 2022. V. 32, No. 1. P. 237.

“subjectivators”²⁹³, have formed knowledge, experience in similar situations, have stereotypical behaviors, introjects, which should be further projected outside, verified in the process of interaction and articulation, which has a transformational potential.

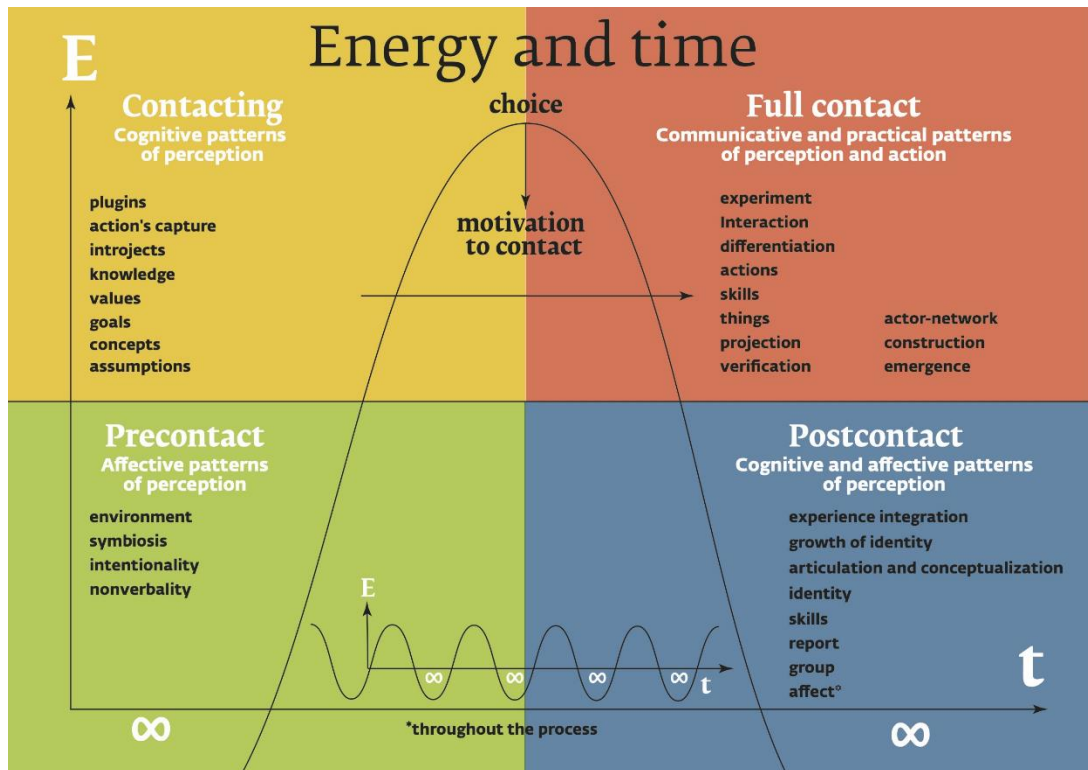


Figure 1 – Conceptual model of communication research

Whether the interaction took place or not, and with whom, and how, is clear from changes in the system and situation, from emergent effects, updated knowledge and identity. Latour writes that the analogy with information technology helps to understand the ongoing work on the production of actors: “Now it is much easier not to consider the actor as endowed with some initial “interiority” of the subject, whose gaze is directed to the objective world consisting of rough things, which he must resist or be able to concoct it into some symbolic concoction. We should be able to make empirical observations of how the anonymous generic body becomes a person: the stronger the flow of offers of subjectivity, the more inner peace you get. Subjects are no more autochthonous than face-

²⁹³You must subscribe to many subjectivizers to become a subject and download many individualizers to become an individual, just as you must connect many localizers to have a local place and many oligo-opticums so that the context “dominates” other places. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. P. 285.

to-face interactions. They, too, depend on entity flows to allow them to exist. Finally, being an 'actor' is a fully artificial and fully traceable assembly.”²⁹⁴. Competence is loaded and decoded for use by search engines: “In the new topography we are sketching, another source of competence can be at your fingertips: there are circulating plugins that you can subscribe to and download immediately to become locally and temporarily competent»²⁹⁵.

According to ANT, change is produced in interaction by material actors, intermediaries; less change is seen if conductors are used. However, there are no conductors, as B. Latour clarifies at the end of his book, because any object changes the system and field²⁹⁶.

Latour, reflecting on “psychomorphs”, changes the boundaries between psychology and sociology, noting that the individual chooses which option of sentences to load into himself. “There is only one way to do this: to force every single entity that dwells in the former “inside” to come from outside, not as a negative compulsion “limiting subjectivity”, but as a positive offer (offer) of subjectification. As soon as we do this, the old actor, member, agent, person, individual – whatever you call it – will take on the same star-shaped form that we observed before, aligning the global and redistributing the local. He is either urged to be an individual-subject, or urged to be a generic non-being by numerous other forces. Each competence, deeply embedded in the silence of your inner world, must first come from outside, then slowly settle down in it and settle down in a well-maintained basement, the doors of which will then be carefully sealed. None of this is a given.”²⁹⁷.

ANT's action theory does not focus on the actor, because ANT is concerned with mediators that induce other mediators to do something. “To induce to do” is not the same as “to be a cause” or “to do”: in the very depths there is a doubling, a displacement, a translation, which immediately changes the whole idea. It used to be impossible to connect an actor with what motivates him to act and not be accused of “dominating”,

²⁹⁴Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. pp. 275-276.

²⁹⁵Ibid. P. 275.

²⁹⁶Any place is localized by a whole stream of localizers, distributors, deviators, articulators, any word to choose from. The role of interobjectivity is to introduce fundamental displacement into local interactions (Ibid. P. 268). “Having met with the object, first of all, pay attention to the connections of which it consists, and only then look at how it has updated the repertoire of social relations” (Ibid. P. 305).

²⁹⁷Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. P. 280.

“restricting”, or “enslaving”. Now this is no longer the case. “The more connections an actor has, the more he exists. And the more intermediaries, the better.”²⁹⁸.

“The actor needs to be flattened and given a star shape. What is the name of this “newly flattened” element? Something that “induces action”? Something “connected to what is connected to the action?” So, the actor-network is what is powered by a large star-shaped web of incoming and outgoing intermediaries. It exists thanks to its numerous connections: connections are primary, actors are secondary.”²⁹⁹.

Thus, the method of studying communication is necessary for understanding the model of dispositive discourse analysis, taking into account things, differentiating “connections” that encourage the subject to act, for understanding meaning generation, knowledge and identity construction in texts. Case studies of a number of related discourses are needed to test the actual feasibility of an analysis taking into account things like a new discursive approach and method of analyzing media communication³⁰⁰. Analysis of related discourses using qualitative methods of data analysis and interpretation: transcripts of interviews and observation in the process of urban projects related to heritage and education, discussions with colleagues and the scientific community – all this made it possible to discuss and resolve questions and problems that arise during the research process, constructing a research report in a dialogue, according to the Latour methodology.

Sociological and political qualitative research is focused on the study of actors, understanding and explaining aspects of interaction. A qualitative approach or methodology is a general term covering a variety of interpretative research methods dealing with meaning and decoding, translation and construction of knowledge. Discursive/dispositive analysis, as the basis of a theoretical approach to this research and a method of analysis, was used as a method of qualitative research that allows interpreting statements, reconstructing meanings and correlating with the structure of discourse,

²⁹⁸Ibid. P. 288.

²⁹⁹Ibid. P. 288-289.

³⁰⁰Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices // International Journal of Tourism and Hospitality. 2022 Vol. 2 (2). P. 56-69; Gris O., Sosnovskaya A. Use of Social Networks by Russian Politicians // Proceedings of Seventh International Congress on Information and Communication Technology. Springer, Singapore, 2023, pp. 547-555.

dispositives, identity construction, – reassembling the structure taking into account the methodology of actor-network theory and integration into discourse of practices and inanimate actors.

All primary research methods used for collection and analysis are presented in Table 7.

Table 7 – Primary research methods

Method	Example
Survey	Interview, questionnaire, focus group
Imitation	Modeling, mapping
Experiment	Business game “City Code”, 2022
Observation	Included Surveillance
Content Analysis	Analysis of media, social networks, documents

Primary research aims to collect data to solve research problems: to show the process of collecting and analyzing data for research, as well as verification and validation in the process of testing at conferences and in scientific publications on the research topic.

We have integrated relevant data into tables and graphs. The observation method can be used to analyze information collected in case studies, case studies and projects. The research qualitative verification method is based on interviews with experts and discussions at conferences and round tables, as well as in the process of implementing projects with KGIOP.

2.5.1. Definition of Dispositives of Discourses

The dispositives of discourses we have identified have been tested in the texts of peer-reviewed publications³⁰¹. They represent the stages of the movement of communication towards urban identity using the presented model of communication with elements of ANT. For dispositives, we used the logical level scheme of G. Bateson, which

³⁰¹Sosnovskaya A. M. Antagonism of discourses around cultural heritage // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. V. 4, No. 3. P. 123-133.

served as a guide for many communication models.³⁰²: environment – actions – abilities – values - identity³⁰³.

German urban sociologists H. Overmann and G. Mig following M. Foucault³⁰⁴ offer epistemological systems/dispositives to be defined through discursive/group concepts (concepts), goals, basic assumptions/assumptions and meanings (values)³⁰⁵. We add to these components repetitive identity-supporting actions (practices), competencies, affects, identity and mission.³⁰⁶, as well as two emotional modes: affects; non-verbality and visuality of the city, which provide an opportunity for projective sensory identification, described by G. Harman in philosophical terms³⁰⁷.

The definition of the elements of dispositives is given in picture format in the article “Antagonism of discourses around cultural heritage”³⁰⁸ as well as in paragraph 3.3.1. based on this article. Let us give the definitions of the elements in order to then integrate them into our discursive/dispositional analysis.

Assumptions, concepts and goals are determined by values in the form of well-defined linguistic and visual clichés, which, by their very structure, are aimed at legitimizing discourses. Let us give working definitions of the concepts used: identity is a set of roles that translate consistent behavior that has a performative and semiotic effect; concept – a structured idea for implementation; assumptions – hypotheses within the framework of this policy; goals and mission – the fate of the heritage, the “strategic imperative”; affect – pre-psychic and mental reactions that accompany the process of interaction, preceding and following the result; non-verbality is the bodily experience of

³⁰² Vakhshstein V. Irving Hoffmann's Dramaturgical Theory: Two Readings // *Sociological Review*. 2003. No. 4. P. 104-118.

³⁰³ Bateson G. *Mind and nature: A necessary unity*. NJ: Hampton Press, 2005. \$252; Bateson G. *Narrativity, self, and self-representation* // *Narrative*. 2002 Vol. 14(1). P. 27-44.

³⁰⁴ See: Foucault M. *Op. cit.*, 2004, 2005.

³⁰⁵ Overmann H., Mieg H. Exploring urban transformations: Synchronic discourse analysis in the field of heritage conservation and urban development // *Journal of Urban Regeneration & Renewal*. 2015. Vol. 9(1). P. 54-64.

³⁰⁶ Sosnovskaya A. M. Politics of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences*. 2022. No. 1. P. 68-83.

³⁰⁷ Jameson F., Fish S., Massumi B. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Duke University Press, 2002; Volodina A. V. *Deleuzian theory of affect: Aesthetic problems* // *Culture and Art*. 2019. No. 12. P. 35-45; Lacan J. *Seminars. Book 10. Anxiety*. M.: Gnosis: Logos, 2010; Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. Moscow: Ad Marginem Press, 2021.

³⁰⁸ Sosnovskaya A. M. Antagonism of discourses around cultural heritage // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. V. 4, No. 3. P. 123-133.

the environment, in which the body is disciplined and incorporates the norms, culture, visual code of the city.

Next, we present the tasks of the study of ANT by B. Latour, in order to then begin their integration into the study of dispositives. In the table (see the “ANT Research Program” table), the first column presents the research tasks that B. Latour called “sources of uncertainty” and which should be focused on when analyzing texts and communication as texts through the prism of ANT, the second column shows the necessary actions, and in the third – examples of the use of ANT methods from the case of our study. The sources of uncertainty are formulated by Latour as follows: groups are created, activities are clarified, objects play a role, design is considered as becoming, the result of interaction is the assembly of a hybrid object.

For ANT, the focus is on change, language, and performative grouping activities; something stable for a long time and not change causes concern. Group formation is a constant dynamic process and movement. Stable entities like inertia, durability, limit, strength, commitment, devotion, consent are explained through the search for devices, tools, tools and materials, that is, through the supporting environment that stabilizes them.

For ANT, neither society nor the social exists from the very beginning. Their emergence must be traced by subtle changes in the process of connecting non-social resources, where sociality will be only the effect of the interaction of things and networks. People seem to attach themselves to the potential affordances of things and locations.

As Latour showed on the example of baboon monkeys, quite competent in social manipulation, with reference to studies of the basic social skills of baboons³⁰⁹, it is necessary to include material things and objects in social communication in order not to constantly use their communication skills and competencies, as baboons do in order for social relations to last. B. Latour writes: “The monkeys solved the same main task of testing, maintaining and reproducing all the components of social life using only “social tools”, while the human observer was additionally equipped with materials and

³⁰⁹ See: Strum S., Latour B. The Meanings of Social: from Baboons to Humans // Information sur les Sciences Sociales/Social Science Information. 1987. Vol. 26. P. 783-802.

intellectual technologies. Primates had to recognize the meaning of interactions with the help of the only tool – the interactions themselves: they had to decide who is friend and who is enemy, who displaces whom, who submits to whom, who is ready to join the coalition, using the main resource – fights and courtship, courtship and fights “³¹⁰ .

The performative definition of communication then focuses on the means needed to sustain groups continuously, as well as on the key importance of the contribution of the researcher's own resources as influencing what is observed and what is reassembled.³¹¹ Connecting non-social resources are creative and research projects that construct the heritage and associated multidimensional network identity.

The tables show the features of the ANT method in comparison with the sociology of the social and show the difference in the functions of things in the construction of the social. The research strategy of ANT sociologists was applied by us in the study of empirical material in the following sequence: the search for disagreements and the deliberate destabilization of foundations through doubt and provocative questions; use of language and explanations of actors' motivations; using the principles of ethnomethodology³¹²; relativistic correlation of coordinate systems during interpretation; cartography of disagreements, relationships, networks within a flat ontology in 2D format (Table 8).

Table 8 – Features of the ANT method in comparison with the sociology of the social

Variable	Research strategy of ACT sociologists	Opposition (sociology of the social)
Group identity	Destabilization and the search for discord: the starting point is the very controversy of who belongs to which group and	Stabilization and identification of the starting point of research: due to “the need to limit the scope of research” or “the right

³¹⁰ Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. P. 260.

³¹¹ We have written a series of academic articles on urban identity in relation to heritage; in conversations and interviews with actor-respondents we have influenced the group formation field with our questions focusing on the components of identity; we have developed a scenario of video lessons for school on strengthening urban identity in relation to heritage and won in an interregional competition supported by a professional jury and implemented with funding from the leading financial structure of the country. Thus, in addition to educational institutions, the construction of urban identity from school onwards involves projects supported by numerous interested actors - political, managerial, financial, educational, artistic, media - who have their own idea of urban identity in the light of the discourse of St Petersburg's cultural heritage.

³¹² Garfinkel G., Korbut A. What is ethnomethodology? // Sociological review. 2003. V. 3, No. 4. P. 3-25.

	what the social world consists of	of the scientist to determine his object”
Actor content analysis	Listen to actors: actors themselves also have their own developed and quite reflective metalanguage, which should be trusted.	Sociological apparatus, terms and critical interpretation of what was heard.
Optics	“Infralanguage”, the only meaning of which, in fact, is that it allows you to move from one coordinate system to another; actors' vocabulary. It's like an ethnomethod – members of a society have a complete vocabulary and a complete social theory to understand their behavior – without interpretation	Selected coordinate system, theory, specific scientific vocabulary
Basic building blocks of society	Relativistic reference of coordinate systems: disagreements provide the researcher with an important resource that makes it possible to trace social connections	Absolutist (that is, arbitrary) common-sense attitudes “Social associations are formed predominantly from (x)”. And it does not matter what exactly lies behind this “x”: “individual agents”, “organizations”, “races”, “small groups”, “states”, “persons”, “members”, “will to power”, “libido”, “biographies”, “fields” ³¹³
Definition of social reality	A cartography of controversy over group formation and vision of social reality	Stabilization of the social on behalf of those we study.

Latour differentiates things according to the intensity of their transforming function: “The difference in pressure exerted by mediators and conductors is of particular importance: the latter, as we know, add predictability to situations, while the former can

³¹³ Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. P. 39.

suddenly create bifurcations in it with the most unexpected options for the future. At any moment during a lecture, something can fail: a microphone, a loudspeaker, even a teacher. If even one guide turns into an intermediary, the whole situation, no matter how important and controlled it may be, can become unpredictable.³¹⁴

Table 9 gives definitions that appeal to systems theory³¹⁵, item status data.

Table 9 – Intermediaries vs conductors

	Conductors	Intermediary
Definition	“Conductor” (intermediary) is that which transports (transport) value or force without transforming them: the definition of its inputs is sufficient to determine its outputs	The mediator, however, cannot be considered simply as a unit; it can be taken as one, zero, some quantity, or an infinite number. Based on what is at the input of an intermediary, one can never foresee what will be at the output; it is necessary to take into account the specifics of the intermediary each time ³¹⁶
Function	Transfers information unchanged	Transforms information during transmission

B. Latour considers groups as a whole, as an inanimate structural discursive actor. The group is constantly reassembled and supported by itself. This is **the first source of uncertainty** that needs to be uncovered. When we analyze groups, we pay attention to the following reassembly methods:

1. detection of violations of the boundaries of the “friend-foe” group;
2. finding an agitator;
3. constant redefinition of boundaries by participants;

³¹⁴ Latour B. Ibid. P. 266.

³¹⁵ See: Chernyshov V. N., Chernyshov A.V. Theory of systems and system analysis. Tambov: TSTU Publishing House, 2008.

³¹⁶ “Intermediaries transform, translate, distort and change the meanings they convey or their elements. No matter how complex the conductor may be, for practical purposes it can be considered as one whole – or even as nothing at all, since it can be easily forgotten about”. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. P. 51.

4. verbalized values and goals, the use of clichés and concepts that are significant for the group, performative statements that have the status of action, since “groups are created to speak”;
5. mapping of “ours”, when anti-groups that do not have the competencies of “our” group are put on the map;
6. attracting new resources to make the boundaries of the group more stable;
7. the mobilization of professionals with highly specialized equipment, since all groups need people who “define who they are, who they should be, who they were.” There are always meaningful referents in the discourse of a group.

Let us consider the reconstruction of the discourse according to the 7 ANT group formation criteria using the example of an interview about the World Club of Petersburgers group (Table 10) in order to identify actors within the criteria in the text.

Table 10 – Analysis of the interview of the group “World Club of St. Petersburg”

Interview. Transcript of direct speech	7 ANT reassembly criteria
<p>There are 112 people in our public organization, no more, since this figure is symbolic for St. Petersburg, you understand, right?</p> <p>Foreign members of the club, they do not go into this account. Here are 112, they may be former Petersburgers indeed, but they have the right to be part of the club if they are accepted by the assembly.</p> <p>So, in the club, for the entire time of the club's existence, and it turns out that we ...</p> <p>Actually, a very interesting story of the creation of the club: there was a marathon at the Mariinsky Theater dedicated to the Millennium.</p> <p>— With Maximova?</p>	<p>The rooting of the group in the symbols and signs of the city (values, rules, precedents– 4 and 7 criteria).</p> <p>A question implying the identity of a Petersburg, the identification of “his own”, who knows that the spire of the Peter and Paul Cathedral, 112.5 meters high, is a symbol of the city (1).</p> <p>Admission rules (7).</p> <p>Knowledge of referents (7).</p> <p>Knowledge of the history of renaming (4).</p>

<p>— No, not with Maximova, Vinogradov did this at the Mariinsky Theater. It was a 24-hour marathon, during which Zhvanetsky entered the stage of the Mariinsky Theater, then, in my opinion, even the Kirov Theater, and not the Mariinsky Theater, and said that “Petersburgers of all countries, unite!”. And then, right there at the Mariinsky Theater, the idea of creating the “World Club of Petersburgers” arose.</p> <p>The founding conference was held at the Anichkov Palace, the Palace of Pioneers. The cradle, it turns out, is legal, on Nevsky 39 is here.</p> <p>And the first president of the club was Nikita Alekseevich Tolstoy, a very famous prominent scientist, physicist, as far as I remember, representing Leningrad University, then St. Petersburg State University. But this is the famous surname Tolstaya, right?</p> <p>— Certainly!</p> <p>— Tatyana Tolstaya. It's from here. So, after Nikita Alekseevich died, he picked up M. B. Piotrovsky.</p> <p>The founders of the club are also very eminent Petersburgers. A.P. Petrov, composer. I. B. Dmitriev, People's Artist of the USSR, R. R. Kalantaryan, singer, also People's Artist of the USSR.</p> <p>I may not name everyone now. That means there is a mandatory membership fee in the club. They cannot cover any expenses of the club. This is completely obvious. The fees are quite democratic, but nevertheless, in order for us to respect</p>	<p>A quotation, a performative statement that has the status of an action, finding an agitator (2, 4).</p> <p>Our interlocutor was involved in the formation of the club, in the birth and “cradle”, then he was the director of the Anichkov Palace, the Palace of Pioneers.</p> <p>Redefining borders by emphasizing the moments of renaming, clarifying names (3).</p> <p>Appeal to historical authorities, verification of shared knowledge (1, 3, 5, 7).</p> <p>Referent. Nikita Alekseevich Tolstoy (1917–1994) – Soviet and Russian physicist, professor, public and political figure. The eldest son of the writer Alexei Nikolayevich Tolstoy, who dedicated the story “Nikita's Childhood” to him (7).</p>
---	--

<p>ourselves, what we can do, this is a little discipline, in fact, membership in the club. Basically, it's work with. Firstly, in addition to the members of the club, there is a composition that is called, and the founders of the club, there are organizations or individuals who are members of the club in status.</p> <p>— Friends?</p> <p>— No, no, no, they actually seem to find some opportunities and funds for certain programs and projects of the club all the time, but in practice they transfer this to the club's account for certain projects, programs, money from their accounts. Well, as a rule, these are people who head some large organizations in our city. Let's conditionally call them as patrons, I'll see later.</p> <p>— Yes!</p> <p>— Plus, there are grants, like all organizations – all public organizations receive grants. And we used the presidential grant.</p> <p>— Who subscribes to grants, who is looking for them?</p> <p>— Who is looking? It's just that some kind of initiative group is being created in the club, well, for example, a grant related to Kruzenshtern is being implemented. When we were preparing for his 300th anniversary of the capital, and therefore, accordingly, these were people associated with the naval forces, these were admirals, and anyone else, both historians and scientists. In principle, a serious project is being made, which includes conferences and research, publishing some things. With such a grant, we come up with a</p>	<p>Contribution rules. Distinctive sign (3, 4, 7).</p> <p>Bringing in new resources to make group boundaries more stable (6).</p> <p>Patrons and grants (6).</p> <p>Referent. Ivan Fedorovich Kruzenshtern, Adam Johann von Kruzenshtern – Russian navigator, who led the first Russian circumnavigation in 1803-1806 (7).</p> <p>Financing (6).</p>
--	--

<p>proposal to organizations. This Krusenstern Grant, for example, was financed by Gazprom. Here. Accordingly, under the terms of the contract, we are obliged to mention Gazprom.</p> <p>In this way, since there are always some, club members are assigned to each program, as people who coordinate and deal with these projects.</p> <p>For example, there are a lot of youth and children's projects. These are the projects that I lead along with several other members of the club. Here we have a project that has been going on for more than 20 years. This is the “Star of Prometheus”, this is an international competition of children's and youth creativity in various categories: science, sports, literature, journalism, and art. In different years, different nominations were presented, but it is always science and research work, and plus sports – this is always.</p> <p>— Do you constantly supervise this?</p> <p>— Yes, absolutely, right. In the club's budget, we provide certain funds for carrying out certain things. The results are held in iconic places, interesting venues, for example, it can be the Menshikov Palace, the palace of the first governor of St. Petersburg. It could be the Hermitage Theatre, it could be the House of Scientists, and so on.</p> <p>There are serious other projects, for example, a very serious project called “White, Black and Red Books of St. Petersburg.”</p>	<p>Projects as a constant redefinition of boundaries by participants who coordinate processes according to the rules and values accepted in the group (3, 4, 6).</p> <p>Education of the identity of a Petersburger among young people (1, 2, 3, 6).</p> <p>Mapping of space and competencies – iconic places, encouraged practices (5).</p> <p>performative practices.</p> <p>Confirmation, evaluation of architectural objects (4).</p>
--	---

The best architectural objects that are put into operation in our city this year, in 2022, are entered into the White Book, and they become, as it were, the pride of our city. They did not spoil anything, on the contrary, they fit into the architecture. Red – these are objects that, contrary to the opinion of the townspeople, appeared.

— Spoiled the visuals?

— Yes, sure. It was in the club that the term “sky line” D.S. Likhachev.

We have a permanent city round table on the problems of the urban environment. Leading architects of the city, members of the club without fail take part in this discussion round table; Piotrovsky always leads personally. This is a meeting where all urban planning projects are discussed, and then we issue a verdict that this object should be included in the Red Book, and then it is conditionally declared at the club session, when the club assembly is held, it is replicated for everything on all cameras.

And I am very proud, as a member of the club, that the authorities are forced to listen. This is very serious, because everything that the club publishes today in these books becomes the property of the entire public of St. Petersburg and not only the public, everyone. You know, if this is a White Paper, then the authors of this project, the chief architect, the customer, receive a special Trezzini sign,

— And what is in the Black Book?

— Red is warning, and Black is what has already been implemented and this is a nightmare.

— How are these events initiated, do you have a plan, who is the driving force?

Dmitry Sergeevich Likhachev is a Soviet and Russian literary critic, medievalist historian, linguist, philologist, culturologist, art critic, Doctor of Philology, professor. Chairman of the Board of the Russian Cultural Foundation. Academician of the Academy of Sciences of the USSR. Hero of Socialist Labor (7). Mikhail Borisovich Piotrovsky is a Soviet and Russian historian, orientalist, Arabist, Islamic scholar, museum organizer. Doctor of historical sciences, professor. Since 1992 – Director of the State Hermitage. Dean of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University (7). Procedures, traditions and rules (4, 7).

Realization of power (4).

Antigroups (5).

Domenico Andrea Trezzini is an Italian architect and engineer, born in the Tessin canton of Italian Switzerland. From 1703 he worked in Russia, became the first architect of St. Petersburg (7).

The city dictates the conditions (4).

<p>— Of course, the motor is the board of the club.</p> <p>— On the 20th line, the arena of the Life Guards of the Finnish regiment was destroyed, how does the club feel?</p> <p>— It is supposed to discuss this problem at one of the round tables now.</p> <p>— By the way, the reconstruction of the blockade museum was discussed. So the director personally came and reported. That is, in fact, it seems like the director of the museum, not being a member of the club, can say, who are you? But he believes that, on the contrary, it will be to some extent a support and a big support to then win something from those in power in St. Petersburg in order to implement it. But you remember that there was a desire at the base near Smolny, they found some place there, a new museum of the blockade and a type of bunker. He did not appear, because the club categorically said that, firstly, the money can be spent on other things in the name of the blockade, including, better, on living blockade runners. Despite the fact that there is a unique museum that was once buried, this museum was on the Leningrad case, it was restored already in Soviet times for a very long time, because that unique collection that was in version 1 that arose, the Museum of the Siege of Leningrad was opened, before we still haven't got it, you know. In the blockade museum, like the Hermitage, there may be various objects in the city. The museum of the blockade can have as sites the one you named, bakeries and bakeries that worked during the blockade. I'm sorry, the polynya, from</p>	<p>Antigroups (5).</p> <p>Antigroups (5).</p> <p>The Museum of the Defense and Siege of Leningrad in Solyany Lane dates back to April 1944, when the first exhibition dedicated to the feat of Leningraders opened here, many of the exhibits were handed over to it by residents of the city. The museum was “destroyed” in November 1952 during the “Leningrad case”, its exhibits were transferred to other institutions, some of them were destroyed. In 1989, the museum was revived at the request of the blockade survivors and their</p>
--	--

<p>which they took water on the Fontanka and so on – are they not objects of memory? Part of a certain memory of the Leningrad blockade of that period, which is preserved today, and memorial plaques “this side of the street is most dangerous during shelling.” This open-air is also part of the blockade museum and our life.</p> <p>Yes, our members of the club are simultaneously responsible for some blocks. Alexander Sergeevich Seleznev, Sasha, do you know? He works in the audit commission of the Union of Journalists of St. Petersburg.</p> <p>— Yes.</p> <p>— He is leading a number of projects, yes, Korovina, a former deputy of the Legislative. Associated with patriotic education, there are Ivanov, Sergei Yurievich, publishing projects, plus everything related to the maritime affairs of St. Petersburg, for example, Uralov Ivan Grigorievich, the former chief artist of St. Petersburg. He is just the engine of all round tables related to urban policy. It is very thin matter. It is clear that all the time there is a desire to invade the historical center of the city and demolish something here, squeeze something in. At the same time, good architects are ready to participate in this when big money shines. It's good that not only architecture experts, but also me, are participating in this round table. If I came to this round table, I am not an architect, but as a Petersburg I can say that some kind of chisel should not be nearby, and so on.</p>	<p>descendants. At present, its funds contain more than 50,000 exhibits. In 2019, after the renovation, the museum opened an updated exposition (5).</p> <p>Club members (7).</p> <p>Antigroups (5).</p> <p>City center protection. Detection of violation of the boundaries of the “friend-foe” group (1).</p>
---	---

Thus, we deconstructed the interview about the World Club of Petersburgers group according to 7 ANT criteria, proving the applicability of the method in the analysis of texts. Table 11 presents the results, namely grouping criteria, grouping practices, reconstructed non-human heritage actors and their agency.

Table 11 – Deconstruction of the interview according to 7 ANT grouping criteria

Criterion	Grouping practices	Objects of Memory, Legacy Actors and Modes of Commemoration
Detection of violation of the boundaries of the “friend or foe” group	Identifying "one's own" who knows that the spire of St Peter and Paul's Cathedral is 112.5 metres and so many members. Appealing to historical authorities, testing shared knowledge and identifying "one's own". Unanimous opinion of the club that there is no need for a new blockade museum, but to restore the old collection	The spire (its length) of the Peter and Paul Cathedral affects the number of members. Museum of the Defence and Siege of Leningrad in Solyanny Lane. Attention to the living witnesses of history, the siege survivors. Educating young people in the context of the group's values
Finding an agitator	M. M. Zhvanetsky	The revolutionary appeal of the agitator “Petersburgers of all countries, unite!” appeals to the city, the cradle of three revolutions, with its revolutionary and independent spirit of freedom
Constant redefinition of boundaries by participants	Redefining borders through emphasizing moments of renaming, clarification of names. Redefining references in time	Anichkov Palace and the Palace of Pioneers; Kirov and Mariinsky Theatre; Zhelyabova and Bolshaya Konyushennaya

<p>Since “groups are created to speak”, we pay attention to verbalized values and goals, the use of clichés and concepts that are significant for the group, performative statements that have the status of action</p>	<p>Rooting of the group in the symbols and signs of the city. Knowledge of the history of name changes. Education of the identity of a Petersburger among young people. performative practices. Confirmation of the status of objects and people by the group. Realization of power</p>	<p>The city imposes the requirement of the competence of toponymy: knowledge of names before the revolution, in Soviet times and today. Architectural objects undergo evaluation and ranking. Medal “Golden Trezzini”</p>
<p>Anti-groups that do not have the competencies of “our” group are put on the map, mapping of “ours”</p>	<p>Mapping of space and competencies – iconic places, encouraged practices. Anti-groups – architects claiming the historical center</p>	<p>Architects. those in power</p>
<p>New resources are brought in to make group boundaries more stable</p>	<p>Patrons and grants</p>	<p>I.F. Kruzenshtern</p>
<p>Professionals with highly specialized equipment are mobilized. All groups need people to define who they are, who they should be, who they were. There are always meaningful referents in the discourse of a group. These people are always on the case, justifying the existence</p>	<p>Acceptance rules. Knowledge of referents Appeal to historical authorities, verification of shared knowledge. Contribution rules. Distinctive sign. Journalists and public relations specialists are constantly working to identify this group in the discourse</p>	<p>A. Tolstoy, D. Likhachev. sky line The visuality of the city. M.B. Piotrovsky</p>

of the group, proclaiming rules and precedents, and justifying one definition and rejecting all others.		
---	--	--

The redefinition of boundaries is not achieved only by discursive means, it always implies an initial disposition, the acceptance of the city as one that carries living names in itself, in other words, the acceptance of the historical center of the city as capable of managing its agency, putting forward those agents who create more or less sustainable ways existence within the heritage. With each new such nomination, the boundaries are shifted. Without ANT, we will analyze interviews cumulatively, simply as a search for an increasing number of actors who personify the city, rather than understanding and revealing the structural principles of the relationship of the speaker with the heritage.

All actors participating in the field or discourse about heritage contribute to the redefinition of the discourse, the field, to the construction of groups, add their mental essences and explications, that is, they build associations, connections with certain goal-setting and temporality.

The second source of uncertainty says that the action is captured by different actors, and then you first need to find introjects, attitudes, plug-ins incorporated into consciousness, and see how the goal is defined for oneself and for others, how others are taken into account (Table 12). In the process of action, the goal is redefined by intermediaries, most often the goal is not initially realized or induced and remains the same, but sometimes changes and transforms, as will be shown in the third source of uncertainty. Actors should always be spoken of with the words of Jesus on the cross: “Forgive them, Father, for they know not what they do”³¹⁷.

Latour writes about action involving actors and the researcher who writes about them: “Action must remain a surprise, a mediation, an event. It is for this reason that we must begin, not with the “social determinism of action”, the “rational capacities of

³¹⁷ Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. P. 60.

individuals” or the “power of the unconscious” as we usually do, but with the indeterminism of action, with the uncertainties and disputes about who and what acts when “we” act. And here, of course, there is no way of deciding whether the source of this indeterminacy lies in the researcher or in the actor”³¹⁸.

Table 12 – Phenomena involved in the action

Phenomenon	Characteristics	Participation of others
Action	captured, displaced, indeterminate, borrowed, distributed, suggested, influenced, controlled, betrayed, translated	Mediation with others, event, demand for compliance with affordances, participation of the researcher
Plugins and introjects	Motivate to act	Inner and outer speech ³¹⁹ . And the whole human body Like a small state in which there is indignation” ³²⁰
Actor	Action Goal for Stakeholders, Incorporated and External	“A moving target of a vast collection of entities swarming in his direction” ³²¹
improvised means	Stabilize sociality	May be shared with others

Latour writes about an action in which actors and a researcher participate, who writes about them: “Action must remain a surprise, mediation, an event. It is for this reason that it is necessary to start not with the “social determinism of action”, “the rational abilities of individuals” or the “power of the unconscious”, as we usually do, but with the indeterminacy of action, with uncertainties and disputes about who and what acts when we act. “We”. And here, of course, there is no way to decide whether the source of this uncertainty lies in the researcher himself or in the actor.

³¹⁸ Ibid. P. 58.

³¹⁹ Aleksandrov A. A. Mikhail Bakhtin's polyphonic concept of consciousness in its meaning for analytic-cathartic therapy // Bulletin of psychotherapy. 2021. No. 79(84). pp. 7-23.

³²⁰ Shakespeare V. Julius Caesar: Tragedy in 5 d. M.: State. publishing house literature, 1931.

³²¹ Latour B. Ibid. P. 60.

The actor is a network of possibilities and influences that he or others access by pulling in the network. Latour gives an understandable example, referring to the theory of E. Goffman, and writes about the distributed action and understanding of the actor, who is pulled by other members of the network and directs his action. “To use the word 'actor' ('actor') means that it is never clear who or what is acting when we are acting, because an actor on stage never plays alone. Action-play immediately puts us in a situation of complete confusion, in which the question of who actually acts becomes insoluble. With the start of the game, as Goffman repeatedly showed³²², everything loses certainty: is it real? Isn't this a hoax? Does audience reaction matter? And the lighting? And what do stage workers do? Is what the playwright wanted to say correctly conveyed to us, or is it hopelessly distorted? Is the character conveyed correctly? And if so, thanks to what? What are partners doing? Where is the prompter? If we are ready to expand the metaphor, the very word “actor” (“actor”) directs our attention to the perfect displacement of the action, warning us that this is not a well-coordinated, controlled, completed and clear affair³²³. Thus, social action can never be reduced to a role, but requires an account of the initial impulses of discursive self-justification, which have yet to be revealed.

The third source of uncertainty: the category of agents participating in the interaction must remain open (Table 13). It is about the availability of improvised means and attention to them. B. Latour gives a list of situations when the activity of an object is easy to see, which we presented in the form of a table with examples from research practice.

Table 13 – Object activity

Solution to see things work	Example
Learn innovations and innovations in the artisan workshop	Heritage restoration process. Work with plans and implemented projects of architects
Even the most mundane, traditional and silent objects cease to be taken for granted when	Recording a video with or without a prompter is two different cases with filming

³²² See Goffman E. Presenting oneself to others in everyday life. Moscow: Canon Press-C: Kuchkovo Pole, 2000.

³²³ Latour B. Op. cit. P. 60.

users approach them, ignorant and clumsy due to a certain distance.	
Accidents, breakdowns create situations of visibility of the agency of the object	The demolition of the building triggered a social surge in communication and action
When the objects are finally gone, there is always the possibility, although it is already more difficult, to bring them back to light through archives, documents, memoirs, museum collections and recreate a copy.	Creation of virtual heritage sites
A resource for fiction that can, using alternate history plots, thought experiments, and “science fiction”, transform the dense objects of today into fluid states that can shed light on their relationships with people ³²⁴	Interactive and literary presentations of virtual heritage sites, works of contemporary artists and poets about the city

The fourth source of uncertainty: the nature of the facts. It is about the construction of facts and the ability to see how a thing arises from non-existence. Latour calls this source of uncertainty and contradictions the mysterious fusion of human activity and non-human entities, considering construction as becoming. An example of this source of uncertainty in our project is the creation of a video project to strengthen the urban identity of young people from conception and script to implementation, implementation and promotion. About the design process, Latour writes: “... an invigorating feeling that things might have been different or might not have turned out – a feeling that is never so deep when meeting with the finished result, no matter how beautiful or impressive it may be”³²⁵.

Fifth source of uncertainty: writing risky reports. Politics, defined by us as the intuition that the associations themselves are not enough: they still need their composition in order to build a common world.

A constant and uninterrupted process of recruiting new candidates for a joint collective life: what else to include in the heritage? The first stage of the study is the deconstruction of processes and following things, according to Latour. The stage can be

³²⁴ Latour B. Op. cit. P. 104-106.

³²⁵ Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. P. 116.

imagined as a constant and uninterrupted process of recruiting new candidates for a joint collective life: for heritage, it is not only a building, but also a visual ensemble of a location, a representation of a building and visuality in texts and art, intangible artistic and historical heritage, practices of use and affordances, mold and organisms inside, traces of destruction and ruination, the memory of inhabitants. The second stage of the study is the conceptualization of a new assembly of ecological coexistence on new grounds (rules, acceptance, care).

Latour's political and scientific manifesto reads as follows: “<...> an ardent desire to seek, accept new entities and give them shelter is not only quite legal, but perhaps this is the only scientific and political reason why it is worth living”³²⁶. In the process of assembling both sociologies (social and associations), two projects are involved: one project is to explore the connections between unexpected entities, and the second is to keep these connections in some viable whole. However, ANT calls for more thorough work on the first draft, without introducing the presupposition of sociality.

“ANT is just a way of saying that the task of assembling a common world is not visible if the first task does not go beyond the narrow boundaries established due to the premature closure of the social sphere”³²⁷.

Latour defines the collective as an extension of the boundaries of nature and society, and the sociology of associations as a continuation of the sociology of the social³²⁸.

After we have disassembled the processes into parts, according to the ANT research program, we have added a description of the unaccounted for entities, we need to create a new composition of these elements, that is, the constructed current hybrid object. A hybrid object assembly explores relationships between unexpected entities, and the second is to hold those relationships in some viable whole.

When the task of revealing the multiplicity of forces is solved, another question can be posed: what are the assemblies of these assemblies? (What are the assemblies of those assemblages?). It is the assemblies that make it possible to connect “sources of

³²⁶ Latour B. Op. cit. P. 342.

³²⁷ Ibid. P. 343.

³²⁸ Ibid.

uncertainty”, questions that clarify uncertainties, questions of the decision-making process, questions that support the “articulatory apparatus” of non-human actors and other discursive constructions that make up a common hybrid object of study.

2.5.2. Research Program of Actor-Network Theory

The five sources of uncertainty in ANT make it possible to discover new agents of interaction. However, the reproduction of the essence of processes and new connections does not lead to a reassembly of the social phenomenon outside subsequent ordering policy, composition of elements. Thus, the political project of ANT consists in the ultimate deconstruction of the processes and connections that contribute to the emergence of the social, and then – in ordering and stabilizing the new assembly. “Associations themselves are not enough: their composition is still needed in order to build a common world”³²⁹, – notes Latour. Imagine a program (Table 14).

Table 14 – ANT Research Program

Tasks of the ANT study	Reconstruction actions	Examples of reconstruction results: actors, associations, affordances
The first source of uncertainty: groups are reassembling, we need to find grouping markers	Detection of violation of the boundaries of the “friend or foe” group, finding an agitator and constant redefinition of boundaries by the participants. Groups are formed to talk; anti-groups are mapped; new resources are brought in to make group boundaries more stable; professionals with highly specialized equipment are mobilized. All groups need people to define who	Competences. Values. Goals. Language cliches. Social aggregates are created performatively referents

³²⁹ Latour B. Op. cit. P.341.

	<p>they are, who they should be, who they were. These people are always on the case, justifying the existence of the group, proclaiming rules and precedents, and justifying one definition and rejecting all others.</p>	
<p>The second source of uncertainty: the action is captured, it is necessary to find introjects, installations, plug-ins incorporated into consciousness</p>	<p>The goal is redefined by mediators. The action is captured. The action is by definition shifted. It is borrowed, distributed, inspired, influenced, controlled, betrayed, translated</p>	<p>Plugins and introjects “inducement”, forcing to act. The shift in action is due to the requirements of technology, the social network platform. For example, the unrecorded sound in our final project needs to be re-recorded and transformed.</p>
<p>The third source of uncertainty: the category of agents involved in the interaction must remain open. It is about the availability of improvised means and attention to them.</p>	<p>Do something with or without the object. A list of situations where the activity of an object is easy to see. The first solution to see the work of things is to study innovations and innovations in the artisan workshop. Second solution: even the most routine, traditional and mute objects cease to be taken for granted when users approach them, ignorant and clumsy due to a certain distance. The third type of situation is accidents, breakdowns. Fourth decision: when the objects are finally gone, there is always the possibility, although this is already more</p>	<p>The first solution is an example: the heritage restoration process. The second decision – an example: to record a video with or without a prompter – represents two different cases of filming. The third solution is an example: the demolition of a building. Thus, the legacy, as it were, launched a social outburst of communication and action. Solution 4 – Example: Creating Virtual Heritage Sites</p>

	<p>difficult, to bring them back to light through archives, documents, memoirs, museum collections and recreate a copy.</p> <p>A resource for fiction that is able, using alternate history plots, thought experiments and “science fiction”, to transform the dense objects of today into fluid states that can shed light on their relationships with people.</p>	
The fourth source of uncertainty: the nature of facts	The chance to see what it's like to emerge from nothingness by augmenting any existing entity with its temporal dimension	“Mysterious fusion” of human activity and non-human entities, construction as becoming. Example: creating a video project from idea to realization
The fifth source of uncertainty: writing risky reports	Politics, defined by us as the intuition that the associations themselves are not enough: they still need their composition in order to build a common world.	Assembly of the hybrid object. Explore connections between unexpected entities, hold these connections in some viable whole

The five sources of uncertainty in ANT allow for the identification of new interaction actors, but social phenomena are not reassembled as a result. The political goal of ANT is to dissect the interactions and connections that lead to the social emergence before organizing and stabilizing the resulting assemblage. The focus is on identifying and understanding the various connections and processes that contribute to social phenomena in order to better manage and stabilize them in a new assembly, a hybrid entity.

2.5.3. Actor-network theory and media

This paragraph is an overview of research on the topic of ANT and media. Several researchers reviewed articles on the use of ANT in media research³³⁰. We also analyzed publications for these keywords over 5 years in the Scopus scientometric database³³¹.

Markus Spörer, referring to other researchers, notes that the theory of actor-networks seems to be ideally suited for the formation of a new theory of roles in media and for the study of communication technologies, however, in his opinion, this connection is surprisingly understudied. He wonders about this lack of attention given that ANT has gained wide popularity in many fields of knowledge³³².

The researchers speculate that ANT is not widespread enough in the field of media studies because such intention is “still under discussion” or, they suggest, because ANT looks “doubtful in light of canonized, democratically stabilized, and ubiquitous approaches to media such as narratology, discursive analysis or semiotics”³³³.

The use of ANT in the media over the past 10 years has been described by some authors as a boom or trend, Farias emphasizes that these studies are “second wave ANT” or “near ANT” studies.

German media theorists Lorenz Engel and Bernhard Siegert conclude that despite all the theoretical problems of connecting ANT and media, it still offers “surprising theoretical convergences”. The researchers emphasize that the ANT originally included

³³⁰ Blok A., Farias I., Roberts C. *The Routledge companion to actor-network theory*. Taylor & Francis, 2020; Teurlings J. *What Critical Media Studies Should Not Take from Actor-Network Theory // Applying the Actor-Network Theory in Media Studies*. IGI Global, 2017. P. 66-78; Domingo D., Wiard V. *News networks // The SAGE handbook of digital journalism*. 2016. P. 397-409; Spyridou L. P. *Journalism in a state of flux: Journalists as agents of technology innovation and emerging news practices // International communication gazette*. 2013. Vol. 75(1). P. 76-98; Couldry N. *Actor network theory and media: Do they connect and on what terms? // Connectivity, networks and flows: conceptualizing contemporary communications*. Cresskill, NJ, USA: Hampton Press, Inc., 2008. P. 93-110.

³³¹ Sosnovskaya A. M. *New ontologies as a perspective for studying political relations: actor-network theory and media // Medi@lmanah*. 2023. №. 2 (115). P. 8-16.

³³² Spörer M. *Applications of actor-network theory in media studies: A research overview // Applying the actor-network theory in media studies*. 2017. P. 1-19.

³³³ Teurlings J. *Unblackboxing production. What media studies can learn from actor-network theory* [Electronic resource]. URL:https://mediarep.org/bitstream/handle/doc/14179/After_the_Break_101-116_Teurlings_Unblackboxing_production.pdf?sequence=1 (accessed 05/15/2022).

the study of some media – photographs, print media, maps and documents that acted as actors or intermediaries in the key texts of the founding fathers of the ANT³³⁴.

According to Tristan Tilman, ANT's main theoretical and methodological agenda is based on the ability to “provide a mode of representation in which the social and the technical alternate and consistently level the distinction between human and non-human subjects.” Here, the media play the role of intermediaries, and then the actor-network theory turns out to be an actor-media theory. At its core, the researcher reflects, ANT does not allow “non-media” and, thus, comes to a nullifying double negation, calling ANT “theory of non-non-media”, that is, the theory of media³³⁵. M. McLuhan, considering things as an extension of a person, wrote: “The medium is the message”, including things as intermediaries that change the message and reality³³⁶.

Next, we position our research and method in the so-called “second wave ANT”. It is a movement that takes the ANT vision and integrates it with other approaches in order to find starting points for research within the ontological paradigm.

The authors and participants of the collective monograph “Actor-Network Theory as a Companion” refer to their research as “near ANT”. They define ANT as a collective vision and set of intuitions that can be shared with adepts of the method, developing a specific intellectual practice. Their collective monograph presents 38 articles that “should be understood as an attempt to formulate a critical and constructive response to the enthusiastic 'reception' that ANT has received in the social, humanities, design and art disciplines over the past 10 to 20 years, in particular the reception that, represents, in our view, an ambivalent sign of ANT's simultaneous success and decline, a sign of its continued existence and a signal of potential death by exhaustion”³³⁷. The authors believe that the enthusiastic reception of ANT in various fields has led to the exhaustion and misinterpretation of the original “first wave” method and to its modification and addition by other methods.

³³⁴ Engell L., Siegert B. ZMK Zeitschrift für Medien- und Kulturforschung. Schwerpunkt Medienanthropologie // ZMK Zeitschrift für Medien- und Kulturforschung. 2013. Vol. 4(1).

³³⁵ Thielmann T. Akteur-medien-theorie. Bielefeld: transcript, 2013.

³³⁶ Sosnovskaya, A. M. Business Communication and Negotiation. SPb., 2011. P.11-12.

³³⁷ Blok A., Fariás I., Roberts C. The Routledge companion to actor-network theory. Taylor & Francis, 2020. P. 458.

Actor-network theory refers to a family of conceptual and methodological sensibilities that grew out of French-British research in the sociology of science and technology in the late 1970s. This is a collective achievement of several scientists³³⁸. The main idea of the theory is that all entities are constantly constructed by networks of discourse and materiality.

ANT is sometimes referred to as “material semiotics”³³⁹, since all entities in the world are constituted and reconstructed in shifting and hybrid networks of discursive and material relations. B. Latour was inspired by the ideas of the semiotician A. Greimas with his actants and actions, which we discussed in detail earlier.

In ANT, processes and relationships are treated as flat, destroying the ways in which the social emerges as a dialectical articulation of action and structure, local and global, big and small³⁴⁰.

The authors of the collection reflect on why the most diverse areas of intellectual and creative practice have recently adopted ANT as a new method and analytical repertoire. Most of all, in their opinion, researchers are attracted by the symmetry between people and non-humans, which imposes ethical and political obligations. We are also attracted to this idea in the context of non-anthropocentric practices. In a sociological study, according to ANT, there should be the same number of animate and inanimate actors.

The principle of generalized symmetry, symmetry between people and non-humans, proposed by ANT, implies a methodological strategy to remain agnostic in the question of what is considered an actor in a given situation and in the course of given events.³⁴¹

³³⁸ Bruno Latour, Michel Callon, Madeleine Akrich, Antoine Hennion, Vololon Rabearisoa, John Lowe, Annemarie Mol, Vicki Singleton. See Blok A., Fariás I. *The Routledge companion to actor-network theory*. Taylor & Francis, 2020. P. 458.

³³⁹ Latour B. About the actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even greater complications // *Philosophical and literary journal Logos*. 2017. V. 27, No. 1 (116). P. 173-200.

³⁴⁰ Callon M., Latour B. *Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them To Do So* // Knorr-Cetina K., Cicourel A.V. (Eds.) *Advances in Social Theory and Methodology. Towards an Integration of Micro and Macro Sociologies*. London: Routledge, 1981. P. 277-303.

³⁴¹ Latour B. On interobjectivity // *Mind, culture, and activity*. 1996 Vol. 3 (4). P. 228-245; Latour B. Technology is society made durable // *The sociological review*. 1990 Vol. 38(1). P. 103-131; Latour B. Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts // *Shaping technology/building society: Studies in sociotechnical change*. 1992 Vol. 1. P. 225-258; Law J. On the Social Explanation of Technical Change: The Case of the Portuguese Maritime Expansion // *Technology and Culture*. 1987 Vol. 28(2). P. 227-252.

The following methodological prescription: it is necessary to pay attention to materials, devices and artifacts, that is, various objects that form the social. This paragraph speaks of the agency of things with their affordances³⁴², that things construct sociality, “politicize reality”, actualize the concept of “participation”.

In addition to the sociocultural sciences, the ANT approach has become extremely important for the various “making things” disciplines concerned, especially design, architecture, and contemporary art.³⁴³ ANT has played an important role in rethinking the democratic challenges of creating our social-material worlds and has made a major contribution to modern concepts of “participation”³⁴⁴.

The current predicament in the Anthropocene suggests that humans are not coping with environmental changes. Latour, one of the key founders and theorists of ANT, until his death was a very influential intellectual of our time, actively participating in the debate about climate change and planetary environmental crises.

The founding fathers of ANT no longer develop the theory itself, having officially declared it, but deal with the problems of technoscience and biomedicine³⁴⁵, however, scientists in other fields are developing ANT, offering their own extensions of the theory and method, having already integrated such concepts as fractality, multiplicity, and performativity.

Starting a wider and more open study in other areas of practice such as economics³⁴⁶, social movements³⁴⁷, design and urbanism. New research has drawn

³⁴² Yaneva A. Making the social hold: Towards an actor-network theory of design // *Design and Culture*. 2009 Vol. 13). P. 273-288. Affordance is the quality or property of an object that determines its possible use or clarifies how it can or should be used.

³⁴³ Bjögvinsson E., Ehn P., Hillgren PA Design things and design thinking: Contemporary participatory design challenges // *Design issues*. 2012. Vol. 28(3). P. 101-116; Halsall F. Actor-Network Aesthetics: The Conceptual Rhymes of Bruno Latour and Contemporary Art // *New Literary History*. 2016. Vol. 47 (2/3). P. 439-461; Yaneva A. *The making of a building: A pragmatist approach to architecture*. Peter Lang, 2009.

³⁴⁴ Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. *Acting in an uncertain world: An essay on technical democracy*. MIT press, 2011; Latour B. *Politics of nature: How to bring the sciences into democracy*. Harvard University Press, 2004; Marres N. *Material participation: Technology, the environment and everyday publics*. Springer, 2016.

³⁴⁵ Blok A., Fariás I., Roberts C. *The Routledge companion to actor-network theory*. Taylor & Francis, 2020. P. 3-4.

³⁴⁶ Callon M. *The Laws of the Markets*. MA: Blackwell Publishers/Sociological Review, 1998.

³⁴⁷ Rabeharisoa V., Callon M. *Le pouvoir des malades: L'association française contre les myopathies et la recherche*. Presses des MINES, 1999.

inspiration from conceptual figures such as fractality³⁴⁸, multiplicity³⁴⁹ and performativity³⁵⁰ – techniques that were later called “post-ANT”³⁵¹.

Thus, despite the fact that over the past 20 years, the ANT method has become a “permanent mobile device”³⁵², in the sense of a highly mobile label for the stabilizing conceptual repertoire associated with generalized symmetry, networks, and non-human beings, ANT scientists tend to become post-ANT scientists, experimenting with ANT as a “volatile mobile device”³⁵³. Thus, the followers of ANT talk more not about networks, but about assemblages, enactments, entanglements³⁵⁴). The authors of the monograph want to revive ANT not as a theory, but as an open intellectual project that can only be successful if it continues to reinvent itself. Thus, the ANT method acts as a source of questions, problems and inspiration.

Moving from the “post-ANT” intellectual project to the “near/almost ANT” intellectual project, the authors of the monograph set out to demonstrate the states of the intellectual space in which ANT can continue to develop and flourish by pointing to related intellectual practices presented by authors such as Donna Haraway³⁵⁵, Isabelle Stengers³⁵⁶, Tim Ingold³⁵⁷.

ANT is defined through a certain way of doing intellectual work, certain types of intellectual practice and sensibility, which include various ways of differentiating actors and articulating. In ANT, “a rich set of research and experimental ways of attuning to the world”³⁵⁸.

“We are interested in ANT,” the authors of the monograph note, “as a “practice” in the broad pragmatic sense of the concept, that is, as an action not determined by the

³⁴⁸Law J. *Aircraft stories: Decentering the object in technoscience*. Duke University Press, 2002.

³⁴⁹Mol A. *The body multiple: Ontology in medical practice*. Duke University Press, 2002.

³⁵⁰MacKenzie D. A. *Do economists make markets? on the performativity of economics*. Princeton University Press, 2007.

³⁵¹Blok A., Farias I., *Op. cit.* P. 3-5.

³⁵²Latour B., Woolgar S. *Laboratory life: The construction of scientific facts*. Princeton University Press, 2013.

³⁵³MacKenzie D.A. *Op. cit.*

³⁵⁴Ingold T. *Immersing things in life: creative interweaving in the world of materials*. *Debate about politics and culture*. 2021. No. 2. P. 33.

³⁵⁵Haraway D. *Situational knowledge: the question of science in feminism and the advantage of partial perspective* // *Logos*. 2022. V. 32, No. 1. P. 237.

³⁵⁶Knyazeva E. N. *The idea of emergent evolution in the views of E. Morin, I. Stengers and J. de Rosne* // *Philosophical Sciences*. 2011. No. 9. P. 99-115.

³⁵⁷Ingold T. *Op. cit.* pp. 31-49.

³⁵⁸Mol A. *Actor-network theory: Sensitive terms and enduring tensions* // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2010 Vol. 50(1). P. 265.

underlying logic, but by transactional participation in a certain ecology of relations and a way of producing certain sets or types of effects”.

The complex intellectual genealogy of ANT is not our goal. Let's not look for all the translations and controversies that have made ANT such an influential intellectual project in the modern intellectual landscape, but let's include the optics of ANT in the communication scheme and devices.

2.6. Methodological foundations of interdisciplinary modeling of communicative identity

If the tasks of the first chapter – the definition of concepts, the identification of the communicative aspect of building an identity, the operationalization of approaches to identity politics, taking into account things – were implemented on the basis of a review and analysis of the literature, then the solution of the tasks of the second chapter, in addition to working with literature, is based on sociological methods of collecting empirical material , including longitudinal research, interviews and conversations, participant observation, monitoring of the media and social networks. The third chapter also uses methods: approbation, experiment, verification and examination.

Interviews and conversations

Semi-structured interviews were chosen to in-depth study of attitudes towards heritage and the historic center of the city. The interviewees who participated in the qualitative study included teachers, researchers and scholars from the humanity's academic fields, experts in the field of heritage and the historic center of the city, journalists, artists, architects, restorers, politicians and public figures, students and schoolchildren. The purpose of the interview was to improve a reliable understanding of social and cultural phenomena and processes, and not to obtain objective facts about reality.

In the course of the study, at the stage of compiling dispositives of discursive groups, surveys were conducted and the results were verified with 2–3 representatives in

each group. Conducted interviews with specialists in the field of heritage protection increase the reliability and validity of the study, confidence in its practical applicability.

The interviews were conducted from 2018-2022. The answers were recorded on a dictaphone, transcribed, sorted by topic and prepared for qualitative analysis. Some interviews were conducted by students on assignment as part of the seminar. The students collected, among other things, video interviews (30), analyzed social media accounts related to heritage, and took a series of photographs against the backdrop of their favorite places in the city.

This primary research was aimed at understanding the key issues being studied by the heritage conservation project. Thus, through surveys, interviews and conversations, the following areas have been explored:

- 1) dynamics of youth identity;
- 2) methods of recollection, storytelling and commemoration;
- 3) identification of places, practices, non-human objects.

Data analysis

The results of interviews, conversations and observations were analyzed on the basis of a qualitative research method, discursive analysis, semiotic analysis, actor-network theory and are reflected in our publications mentioned in the first chapter and further here. When a certain particular phenomenon, such as an identity or a reconstruction of a ball, needs to be developed into a theory, we use proven theories.

The interviews were transcribed using the VoiceDictation program, which allows you to translate sound files into text, and processed by encoding.

Case Analysis³⁵⁹

The study of heritage-related cases includes the main cases of assassination and destruction of heritage on Vasilyevsky Island, in the media and social networks for the reconstruction of discursive groups and non-human actors for the assembly of a hybrid object of study in the third chapter. The visualization of the assembly is made in the Mindmap program, which allows you to make 2D maps that are consonant with the flat ontology of Latour, and indicate relationships between variables.

³⁵⁹Case study.

Drawings of schoolchildren and students were also studied as cases.³⁶⁰, photos, videos, balls³⁶¹, youth leisure practices in the city center³⁶², accounts of thematic groups and bloggers in social networks, competitive projects as a jury.

Since identity is formed in the process of understanding oneself and one's practices with the environment, the identity of the city can be studied through people. Through the users of the city, the process of formation, reproduction and transformation of the content of the city is revealed. Keeping in mind the symmetry of ANT, we were looking for groups, objects, actions, processes that are inherent in heritage as such.

Communication about cultural practices is also related to urban identity and heritage: we recorded visits to exhibitions, excursions, festivals, theaters, museums, competitions that are significant for the study.³⁶³.

The problems that the historical center of the city is currently facing, the needs of urban users, the perception of the city, their identity and belonging to it were investigated through questionnaires, surveys, discussions, interviews and media analysis.

The surveys were conducted at the NWMI RANEPА, as well as on the open survey platforms Google and Yandex, where representatives of different age groups and locations answered. Students of the NWIM RANEPА, mostly visitors from other cities, noted that their identity is shaped by the culture of the city and the rich architecture of the historical center. With the help of a questionnaire survey of young city dwellers, problems of urban identity, their needs in the environment and perception of places were explored in order to find patterns for the conceptual model of communication with the place. The questionnaire consisted of closed and open questions.

The Committee for the Protection of Monuments of St. Petersburg (KGIOP) in its area of activity carries out educational and educational work for schoolchildren and

³⁶⁰Sosnovskaya, A. M. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discursive Mapping of Saint Petersburg // *Iconarp International Journal of Architecture and Planning*. 2022. Vol. 2 (1). P. 33-36.

³⁶¹Sosnovskaya A. M., Masleeva V. V. Economy of impressions: reconstruction of historical practices of the cultural heritage of St. Petersburg // *Management Consulting*. 2018. No. 4 (112). P. 172-181.

³⁶²Sosnovskaya, A. M. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices // *International Journal of Tourism and Hospitality*. 2022. Vol. 2, No. 2. P. 56-69.

³⁶³For 3 years, 2020-2023, the author is running a competition at the Faculty of Social Technologies among students called "Into All the Books" in cooperation with the city libraries to promote reading, as well as the "Land of Heroes" competition on the history of WWII in LA and the "Cultural Method" competition for the promotion of contemporary art.

students of the city to promote the UNESCO World Heritage Site, that is, the historical center of the city and a related group of monuments.

In 2018, we, as organizers, decided to monitor the knowledge and opinions of schoolchildren and students cooperating with KGIOP projects³⁶⁴, about urban identity and self-identification. The survey was posted on Google Surveys, where everyone could give answers, but first of all, the committee recommended filling out the questionnaire for schoolchildren and students – partners of KGIOP projects. Answers to open questions were given in the form of texts, which can be considered as a field of projections from the point of view of psychology. With the help of semiotic methods, we reconstructed the practices, meanings and values embedded in the response texts. The formulated questions appealed to our assertion that identity is connected with the basic psychological needs of people, which are realized in contact with the environment.

1. According to the survey, belonging to a place that is supported and cared for, that is shared with other people, gives a sense of belonging to it and the opportunity for creative expression.

2. The question of the spirit of the city allows us to understand the significant practices of this place, which create a special atmosphere of the urban “genius loci”, felt and articulated by the younger generation.

3. The question of the ideal Petersburger is related to projective identification and self-description. In further research, we explored differences in perceptions of city identity and self-identity compared to previous generations.

4. Answering the question about the feelings experienced in St. Petersburg, young St. Petersburgers named the following opposite feelings: inspiration, fun, joy, sadness, despondency, depression.

These answers can be correlated with the classification we are considering, which we introduced and tested at conferences in the NWIM. This is a classification of a person's relationship with the environment, which implies the emotionally felt nature of spatial forms: favorable spaces (perceived calmly and reliably); dramatic spaces (hyperactive,

³⁶⁴Sosnovskaya A. M., Ramensky P. A. Aspects of visual representation of the city space (on the example of social networks of the Committee for the Protection of Monuments of St. Petersburg) // Scientific Works of the North-Western Institute of Management RANEP. 2021. Vol. 12, No. 3 (50). P. 222-228.

emphatically contrasting: rhythmic constructions give them a dramatic coloring); forced spaces (distinguished by an emphasized desire for orderliness); depressive spaces (for them, an abundance of achromatic colors is typical; weather conditions, seasons and times of day play a large role in their perception; they determine the light-color climate of the environment to a decisive extent); pathological spaces (form a sense of danger) ³⁶⁵.

Questions in the surveys focus on the image of the city from the point of view of the natives and the Petersburg Text, as well as how this image influences the identity of the city.

Sample

A number of sampling methods were used to collect data in this study.

The most important classification of sampling methods is their classification into probabilistic and improbable methods. When using probabilistic sampling methods, the elements included in it are selected randomly. Improbability methods are based more on the personal judgment of the researcher than on the probability for one or another element to fall into the sample. The researcher consciously or arbitrarily decides which items to include in the sample. Experience shows that sometimes probabilistic methods give good estimates of the characteristics of the studied population. At the same time, it is impossible to objectively assess the accuracy of these estimates. Therefore, the results obtained, strictly speaking, cannot be extended to the entire population under study.

The most commonly used sampling methods³⁶⁶, which often intersect are:

- 1) sample of consenting respondents – inclusion in the sample of those who agree to be interviewed;
- 2) sampling at discretion – the formation of a sample of elements that the researcher considers necessary to include in it;
- 3) snowball method – selection of the first portion of respondents with subsequent inclusion in the sample of those indicated by the respondents previously interviewed.

³⁶⁵ Sosnovskaya A. M., Ramensky P. A., Op. cit. P. 226.

³⁶⁶See Ilyasov F. N. Algorithms for forming a sample of a sociological survey // Social Research. 2017. No. 2. P. 60-75; Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Applied sociology: methodology // M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 2011; Fedoseeva A. A. General characteristics and classification of the main types of samples in sociological research // Scientific electronic journal Meridian. 2020. No. 8. P. 315-317.

One of the most common types of non-probability sampling is called convenience sampling³⁶⁷, that is, according to the convenience of the researcher. Interviews were conducted with familiar residents of the center (discretionary sampling), and then by the snowball method, as well as with young people (quota method) who agreed (consensual sampling). Since the study uses qualitative methods, focusing on meanings, the sample data are not entirely relevant.

We used the quantitative method to work with big data: we used analytics and monitoring programs³⁶⁸. A quantitative method, scientometric analysis, was used to analyze big data in the study of articles. Reviews of articles from the Web of Science and Scopus scientometric databases by keywords and thematic preferences over several years have been undertaken to identify areas of study of UNESCO cultural heritage, identity issues, politics, ANT studies in the global scientific discourse in order to extrapolate relevant topics and methods to our research thesis project. The article reviews followed the methodological design of the researchers mentioned in the first chapter.

Scientometric analysis, representing the macro level of the study, was performed using the VOSviewer_1.6.16, CitNetExplorer_1.0.0 programs and singled out the most relevant and cited articles in a huge array of publications, provided data visualization, various classifications and data clustering. STQR.RU programs were also used³⁶⁹Rawgraphs³⁷⁰, mindmeister³⁷¹, Dictation³⁷². These programs made it possible to make a scientometric analysis of scientific sources of information on the topic of the dissertation, to generate and visualize flat ontology maps, to transcribe sound files into transcripts of interview texts, to make infographics of a hybrid object, to generate static QR codes for images, which was not possible with the existing cognitive tools.

³⁶⁷See Henry G. T. Practical sampling. Sage, 1990.

³⁶⁸Brand Analytics, Medialogy.

³⁶⁹Stqr.ru, creating QR images.

³⁷⁰A free and open-source tool for data visualization. URL:<https://www.rawgraphs.io/> (Date of access: 09/23/2022).

³⁷¹MindMeister's easy-to-use, web-based mind map maker. URL:<https://www.mindmeister.com/> (Date of access: 09/23/2022).

³⁷²Speech to Text with Google Speech Recognition. URL: <https://dictation.io> > (Accessed: 09/23/2022).

2.7. Construction of a conceptual model for the construction of urban identity, taking into account Gestalt analysis, actor-network theory, object-oriented ontology

In this chapter, several theories have been applied to the conceptual model of communication: the psychological theory of Gestalt analysis, actor-network theory, and object-oriented ontology, in order to give a clear idea of the possibility of practical application of the conceptual model for psychological and political media communication. As we showed in the first chapter, the movement of attention in communication, developed within the framework of Gestalt therapy³⁷³, is widely used as a method of psychotherapy, organizational consulting, analysis of collective actions in the museum, analysis of texts and visualization.

The application of this method allows us to consider the formation of identity as a temporarily fixed result of communication, based on the acquisition of knowledge, the emergence of meaning, which is soon again subjected to re-examination in a new contact with the environment, with human and non-human actors. The sequence of construction – destruction of gestalts, which is sometimes called the “contact cycle”, because it describes how the body contacts the environment, proceeds according to four phases: pre-contact, contact, final contact and post-contact³⁷⁴. The organism, which is described in Gestalt analysis by the concept of “self” in order to emphasize the dynamic, fluid, and not essentialist nature of the organism, transforms and refines “self” in each contact. J. Latner defines “self” as a creative process of adaptation to changes in the environment: “... this is our individual way of manifestation in our contact with the environment, the active force of contact with the present, in which our creative adaptation takes place”³⁷⁵. Next, we present a diagram of the “self” movement, which shows four stages and five reference points of the transformation of this process, as shown in the first chapter, as well as three psychological functions: bodily experience, the ability to adapt and creative adjustment,

³⁷³Perls F., Hefferlin R., Goodman P. *Experiences of Self-Knowledge: A Workshop on Gestalt Therapy*. M., 1993.

³⁷⁴Robin J.-M. *Gestalt therapy*. M.: Institute for General Humanitarian Research, 2007.

³⁷⁵Quote from: Ostrovskaya E.V. *The influence of Gestalt therapy on the development of personal autonomy (on the example of participants in the group of the first stage of Gestalt therapy)*. Krasnoyarsk: SFU, 2016.

the choice and comprehension of experience, which confirms identity. In this scheme³⁷⁶, we will then place the actors from the ANT method.

Let us introduce the concept of field theory into the system of concepts about resources and consequences of identity, in order to then include actors in different fields perceived by the individual. Field theory³⁷⁷ is a concept borrowed from physics, in which people and events are no longer seen as separate units, but as parts of something larger, influenced by everything, including the past and the observation itself in the present. “Field” can be considered in two dimensions: ontological and phenomenological. Ontological dimensions are all those physical and environmental contexts in which a person lives and moves. This may be the table at which the person works³⁷⁸, the house in which he lives, the city and country of which he is a citizen. The ontological field is an objective reality that supports our physical existence. Interestingly, all non-human actors are also in the process of change and movement, at least at the molecular level, according to the same field theory. Also, things have positive and negative valence, attractiveness³⁷⁹.

Phenomenological dimensions are mental and physical phenomena, introjects or plug-ins that contribute to a person's sense of self, transform his subjective experience. It can be memories of misplaced attachments, a sense of the social matrix operating in the office where you work.

The dynamics of the field, therefore, is the influence of the internal and external environment on people. The character structure of a person is more dynamic than fixed.

³⁷⁶See the image of the schema in the article by Gitzai S. Gestalt Therapy: Self Functions and their Disruption URL: <https://www.b17.ru/article/326791/> (accessed 03.02.2023); Image on URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/cpp.2016> (Date of access: 03.02.2023).

³⁷⁷Zeigarnik B.V. Kurt Lewin's personality theory. M.: Publishing House of Moscow State University, 1981.

³⁷⁸An interesting quote by Tim Ingold about the fluidity and circulation of materials, porous forms and living things. “Instead of Gibsonian nouns meaning pieces of furniture, Heidegger's description is replete with verbs referring to growth and movement. In the fact that the earth, as he puts it, “grows”, in the unrestrained eruption of matter through the porous surfaces of emerging forms, we find the essence of life. As I have noted, things are alive because they flow. In an environment without objects, life cannot be contained – it is integral to the very circulations of materials that continuously give rise to the forms of things, albeit foreshadowing their decay. Ingold T. Immersing things in life: creative interweaving in the world of materials. Debate about politics and culture. 2021. No. 2. P. 39.

³⁷⁹K. Levin applies the concept of topology. His first propositions about the existence of a world of things with positive and negative valence were reflected in the scientific film *Hannah Sits on a Rock* (1928). It tells about a little one and a half year old girl who makes futile attempts to sit on a rock. The girl spins around the stone, presses against it, pats it with her hands, even licks it, but does not sit down. K. Levin explains: the stone on which the child wants to sit has a positive character for him, that is, it attracts him, and in order to sit on the stone, you must perform an action that is the opposite of this positive valence, that is, turn away from stone. The child cannot sit on the stone because he is unable to overcome the attractive force. Zeigarnik B. V. The concepts of quasi-need and psychological field in the theory of K. Levin // *Personality Theory of K. Levin*. M.: Publishing House of Moscow. un-ta, 1981. P. 18-32.

To understand the structure of character, the focus is on phenomenological dimensions in the context of ontological dimensions, how external actors are influenced, accounted for and incorporated. One of the influencing actors is also the body and corporeality at the first stage of contact. The body is in space. “Any vision is bodily; therefore it presupposes a location in the world. Consequently, the desired objectivity is inevitably embodied, and knowledge is situational and positioned, always associated with some place, position³⁸⁰. In her article, Donna Haraway comes to a conclusion corresponding to the 4th stage of contact, differentiation, interaction with the world, someone or something different from you. “Situational cognition from a partial point of view does not monopolize truth by ontologizing oppression, but leaves the possibility of learning how others see. Thus, only a partial perspective, combined with others of the same kind, is able to guarantee objectivity and the ability to bear responsibility³⁸¹.

Object-oriented ontology theorist Graham Harman writes that “social and political theory must treat inanimate objects in a way that has never normally been the case in other disciplines. Thus, it has no alternative but to follow the path laid out by actor-network theory, which is unparalleled in social theories due to its attention to non-human entities³⁸².

OOO and ANT focus on non-human entities – all objects in the process of activity, the surrounding architecture, plug-in installations that work from within psychic experience, being incorporated entities, groups of people that represent entities, showing that inanimate objects do “stabilizing work”, which holds and “prolongs” sociality.

Recall that using the example of animals, baboons, B. Latour convincingly shows that social ties are not enough, there must be things for relationships to last. “If sociologists had the opportunity to observe more closely baboons as they rebuild their ever-decreasing 'social structure', they would see for themselves how exorbitant the cost is, for example, of maintaining social dominance on the basis of social abilities alone without resorting to things at all. They would empirically document the cost of the

³⁸⁰Haraway D. Situational Knowledge: The Question of Science in Feminism and the Advantage of Partial Perspective. P. 237.

³⁸¹Ibid.

³⁸²Harman G. Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”. P. 93.

tautology of social connections made up of social connections. It is power, set in motion by unsleeping entities and indissoluble associations, that allows domination to last longer and extend farther—and in order to pull off such a trick, one has to invent many more glues besides social contracts³⁸³. On the graph, the first part of the sinusoid contains things incorporated, held in mental life – the experience of corporality, sensation in the environment, knowledge, attitudes, values, ways of thinking; these internal attitudes must be confirmed and renewed in contact with reality and therefore motivate to contact with an environment different from you, to differentiated contact with another. Contact is also motivated by external things that have a valency. In the process of interaction and experiment, the emergent qualities of the joint field arise. Change and growth of identity are the effect of contact, experienced experience of difference, which D. Haraway writes about.

In matters of politics, OOO and ANT take similar positions, speaking of the existence of reality beyond all knowledge, focusing on objects. OOO, like ANT, is a “flat ontology” that relates symmetrically to all actors, they never claim that human thought is something completely different in appearance from trillions of non-human entities in the Universe.

The ontological dimension is present in the cycle of contact and is one of the two important focuses of communication dynamics: the focus on the background, that is, on the environment in which the communication takes place. Any figure of communication stands out from the background. The background is also uncontrolled intentionality, which manifests itself non-verbally.

The first stage of communication, or pre-contact, implies symbiosis with the environment and aesthetic pre-verbal experience like/dislike, dangerous/safe.

G. Harman notes that art and architecture “get to their very object not by purifying it from random qualities, but actively linking it with the viewer, thereby producing a new object-connection. Moreover, we should remember that some of these ideas may be useful for understanding topics that are not related to art. Thus, we pick up this idea and translate it into the language of psychology: engagement with the viewer at the second stage of our

³⁸³Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. P. 90.

“Contact” scheme implies merging with an image, a thought, a projective identification. G. Harman, according to our findings, illustrates the essence of projective identification, without using this term, in the following passage: “OOO sees the theater in the opposite light: as a direct result of the highest secret of a work of art that requires human participation to replace a real object³⁸⁴.”

For our model, we perceive the idea of OOO about creating an image of a situation and the idea of ANT about loading into our memory attitudes and stereotypes of perception, which B. Latour calls plug-ins.

G. Harman shows the difference between his theory and ANT in that it retains the image of a disappeared object. “Relations for ANT are both reciprocal (because the effects go both ways) and symmetrical (because there are no objects apart from their qualities). OOO, on the other hand, insists that many relationships are either non-reciprocal, asymmetric, or both. We also saw how important theatricality is to metaphor, which is not the case in the case of ANT, which does not recognize any disappearing object that needs to be replaced by an engaged spectator who will take over his duties³⁸⁵. Thus, unlike OOO, ANT emphasizes reciprocal and symmetrical relationships between actors.

According to E. Erickson, identity determines the ability of an individual to assimilate personal and social experience and maintain their own integrity and subjectivity in a changing external world. In the process of socialization of the individual and in the process of identity growth through communication and contact with the world and the environment, “an anonymous generic body becomes a personality”: it is attacked by sentences, information complexes, attitudes and stereotypes.

“Just as the division of labor generated by industry and bureaucracy helped Durkheim and Weber to define their own definition of social ties, information technology helps us understand the ongoing work of fabricating actors. Now it is much easier not to consider the actor as endowed with some original “interiority” of the subject, whose gaze is directed to the objective world consisting of gross things, which he must resist or be able to cook out of it some kind of symbolic concoction. We should be able to conduct

³⁸⁴Harman G. *Speculative realism: an introduction*. P. 88.

³⁸⁵Harman G. *Object-oriented ontology: a new 'theory of everything'*. *Ad Marginem*, 2021. P.93.

empirical observations of how the anonymous generic body becomes a person: the stronger the flow of offers of subjectivity, the more inner peace you get³⁸⁶. Subjects are no more autochthonous than face-to-face interactions. They, too, depend on entity flows to allow them to exist. Finally, being an 'actor' is now a completely artificial and completely traceable assembly: what used to be true only of Leviathan is now true of each of its 'components'.

Some plugins are very easy to identify. For example, they include all official and legal documents certifying who you are.

Inner world is constructed by external objects and loaded by plug-ins: expansion of vocabulary, perception, taste. Latour explains about plug-ins: “Other vehicles leave such a faint trace, as if they were really intangible. But if you look closely, you can find them too: how many circulating clichés do you need to master in order to be able to speak out about a film, a companion, a situation, a political situation? If you start looking for the source of each of your individual traits, will not the same star-shaped form unfold before you, which turns you to places, people, periods, events, most of which you have forgotten? This tonality of voice, this unusual expression, this movement of the hand, this gait, this posture – aren't all these footprints? Now let's take your inner feelings. Haven't they been given to you? Doesn't reading novels help you learn to love? How would you know which group you belong to if it wasn't for the incessant loading of cultural clichés that others bombard you with? Would you know how to bake a cake if you didn't voraciously read countless fashion magazines?”³⁸⁷

Fourth stage. Groups also help to define identity by offering the image of a significant other (successful person, blogger), inviting to the festival, publishing an online or offline newspaper (it is assumed that groups publish a newspaper to strengthen identity). Group assemblies are played on an ongoing basis in a performative way, bringing in new adepts. According to ANT, all groups need people to define who they are, who they should be, who they were. These people are always on the job, justifying the

³⁸⁶Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. P. 275.

³⁸⁷ *Ibid.* P. 276.

existence of the group, proclaiming rules and precedents, and justifying one definition and rejecting all others.

“From the point of view of sociologists of associations, they (concrete events – AS) create all the differences in the world: there is no society to start with, no stock of connections, no big, hopeful can of glue to hold all groups together. If you don't hold a festival now, if you don't publish a newspaper today, you will simply lose the group, because it is not a building that needs restoration, but a process that needs to be continued. If the dancer stops dancing, the dance stops. No amount of inertia can keep the show going. That's why I needed to introduce the distinction between ostensive and performative: the object of the ostensive definition remains in place, no matter what happens to the observer's index finger. But the object of the performative definition immediately disappears as soon as the work of the definition stops, and if it remains, then this means³⁸⁸.

Third stage: action.

The second source of uncertainty: the action is captured, it is necessary to find introjects, attitudes, incorporated into consciousness. The goal is redefined by mediators.

The action is being captured.

The action is by definition shifted. It is borrowed, distributed, inspired, influenced, controlled, betrayed, translated. Plugins and introjects “inducement”, forcing to act.

Change of context, change of movement of things. Displacement of action due to the requirements of technology, social network platform. During filming, unrecorded audio needs to be re-recorded and transformed. Primordial knowledge, original intentions are transformed in the process of experience in order to become retrospective knowledge in the last stage and strengthen identity. With new knowledge, a new identity, i.e., having acquired it, we enter into a new contact, in the process of which our knowledge is transformed again.

The fragment about flat connections and pushing in and out, which we will retell next, is similar to the contact cycle in Gestalt analysis. An actor-network is always delineated when a decision is made in the course of research to replace actors of any size

³⁸⁸Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. P. 91.

with local and interconnected places, instead of dividing them into “micro” and “macro”. Both parts are important, hence the hyphen. The first part (the actor) reveals the narrow space in which all the grandiose components of the world begin to hatch; the second part (the network) can explain by what means of transportation, traces, trails, types of information the world gets inside these places and then, having transformed into them, is squeezed back out of their narrow walls. That is why the hyphenated “network” appears here not as the secret presence of the context, but as that which connects the actors. Instead of being as a context, another dimension that lends volume to an overly narrow and flat description, the network allows relationships to remain flat and fully pay “transaction costs”. Before us is not macrosociology and microsociology, but two different ways of considering the relationship between “macro” and “micro”: the first builds a Russian nesting doll – a small nesting doll inside, a big one outside; the second unfolds the connections – the small matryoshka is not attached, the big one needs to be attached³⁸⁹.

The actor-network is thus delineated when research replaces actors with local and interconnected places, revealing the space in which reality begins to be transformed. The network allows relations to remain flat and demonstrates the full transaction costs.

ANT is also seen as a methodology for improving understanding in qualitative research, as it improves understanding of the dynamic essence of identity, which needs to be constantly confirmed and supported by different actors.

In transcripts of interviews and texts of social networks, we use our conceptual model with embedded aspects of ANT, which recursively leads to the understanding and identification of acting actors and actants and makes it possible to gradually improve the understanding of identity construction as an integrated and retrospective knowledge in the process of interaction based on previous experience. and knowledge. In addition, it is clear in the interview which aspect of communication – cognitive, affective, applied – comes into force and motivates communication.

This study focuses on the interactions that occur between actors, actants, people in the system of human activity, forming a network. Our method decentralizes the individual

³⁸⁹ Latour B. Op. cit. P. 237.

and reveals other producers of experience and knowledge, which in certain contexts create the effect of strengthening identity.

Thus, this study is a discursive method of text analysis that uses the optics of ANT based on ontological and semiotic perspectives. We have used such methods in articles on heritage discourse³⁹⁰.

The study of heritage is carried out by different disciplines. Before the heritage entered the broad political and environmental agenda and began to be regarded as interdisciplinary knowledge, historians, archaeologists, geographers, biologists and ecologists studied it in a highly specialized way, constructing the obviously narrow framework of its social existence as a resource or material, and the use of this resource required special interpretations that are not regulated by any particular discipline, but are accepted into this discipline for the completion of the study.

Today, the subject of heritage is a broad and heterogeneous academic field, encompassing the study of what we choose to preserve and why, implying issues of selection and quality qualification: the politics of the past, the processes of heritage management, discursive formulations through unequal relationships of experience, knowledge and power of different actors, the relationship between commemorative actions and the public, the context that precedes commemorative events, associated with the most pressing political, environmental, economic and social issues.

The heritage is under the protection of legislation: municipal, state and national. Heritage is involved in the creation of local, regional and national identity and cultural economy. The discourse of heritage most often does not go beyond national borders, although it has obviously universalistic features. Identity policy is carried out as the closest to the issues of local preservation of tangible and intangible heritage.

A national identity and heritage policy offers a general line of governance, while the task of indigenous peoples, cities and territories is to develop their own policies and apply sometimes alternative models to the definition and methods of managing both

³⁹⁰Sosnovskaya A. Концептуализация объекта всемирного наследия ЮНЕСКО: визуальная репрезентация Санкт-Петербурга поколением Z // Available at SSRN 3994923, 2021; Sosnovskaya A. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discursive Mapping of Saint Petersburg // Iconarp International Journal of Architecture and Planning. 2022. Vol. 2 (1). P. 33-36; Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices // International Journal of Tourism and Hospitality. 2022. 2. P. 56-69.

cultural and natural heritage (which I witnessed at North of Russia, where groups such as shamans and Old Believers have their own alternative vision of managing their culture and heritage, which, however, fits into the heritage management policy).

Interest in heritage and the desire to preserve historical landscapes, animals, language, and cult practices are due to a common series of problems associated with the experience of globalization and the conditions of late modernity with its “threat sensitivity”.

One of the main criticisms of heritage policy is that the preservation of tangible objects and buildings comes at the expense of intangible cultural property. Academic research on heritage has increasingly distanced itself from material “things” and the discourse of heritage dominates the scientific field.

For example, in her book on heritage L. Smith draws on a critical analysis of discourse to outline the relationship between power and heritage language, showing how heritage discourses reflect and create a particular set of socio-political practices. The researcher believes that we can consider the structure and content of communication embodied in the language surrounding heritage in order to understand the dominant discourse of heritage “and how it reflects and represents a range of social practices, how it organizes social relations and identities around a nation, class, culture and ethnicity”³⁹¹.

This dominant discourse she calls “Authorized Heritage Discourse”. This work is very important in drawing attention to the impact of heritage and the specific ways in which power is exercised through projects, exhibitions, and the management of museums and heritage sites, an issue that has become central to the interdisciplinary field of critical heritage studies. Some other researchers³⁹² they also believe that heritage should be understood as a process or series of discursive practices. L. Smith writes: “Heritage is not a thing, a site or a place, and it is not “found”, rather, heritage is multiple processes of creating meanings that occur as objects of tangible heritage or intangible heritage events are identified, defined, managed, exhibited and visited. <...> Heritage can usefully be understood as a subjective political discussion of identity, place and memory; that it is a

³⁹¹Smith L. Uses of heritage. P. 16.

³⁹²Harvey D. C. Heritage pasts and heritage presents: Temporality, meaning and the scope of heritage studies // International journal of heritage studies. 2001 Vol. 7(4). P. 319-338.

“moment” or process of reconstruction and reconciliation of cultural and social values and meanings. Moreover, it is a process or representation in which we define values, memories, and cultural and social meanings that help us understand the present, our identity, and our sense of physical and social place. Heritage is the process of reconciling historical and cultural meanings and values arising from the decisions we make whether or not to preserve certain physical places, objects or intangible events, and how they are then managed, exhibited. They also show up in how visitors interact with or reject these things, places and events. In this way, places and intangible heritage are valued by being called “heritage” and by the processes of heritage negotiation and re-creation that take place within them.” how they are then managed, exhibited. They also show up in how visitors interact with or reject these things, places and events. In this way, places and intangible heritage are valued by being called “heritage” and by the processes of heritage negotiation and re-creation that take place within them.”³⁹³.

Recognizing, following these authors, the key role of discursive analysis and heritage discourse in creating critical studies of heritage and analyzing the antagonism of discourses on the example of our own case, we, however, are in solidarity with the criticism of the researcher R. Harrison. He writes that “discourse analysis of heritage does not always produce accounts that adequately theorize the role of material 'loops' in the complex set of relationships in which human and non-human agents, heritage objects, places and practices are linked together in contemporary settings.”

In order to thematize these loops of connectivity, we, integrating discursive analysis, dispositive analysis, Gestalt analysis of communication, actor-network analysis and elements of other theories in an interdisciplinary study within the ontological turn, developed a model for analyzing communication about heritage, taking into account the

³⁹³Smith L. Uses of heritage. P. 17.

actions of “things”, material “loops”, affects, modes of perception and identity construction.

The critical potential of these theories allows us to consider not only the main processes, but also various additional procedures for the development, re-actualization or political use of heritage in the context of the search for the closest markers of the identity of the individual and the region.

In the works of Michel Foucault “The Birth of Biopolitics”³⁹⁴, “We need to protect society”³⁹⁵, “Security, Territory, Population”³⁹⁶ the concept of public administration and various apparatuses, their dispositives, with the help of which it functions, is considered. In our analysis of discourse, we use dispositives.

However, the key work for our study by Bruno Latour “Reassembly of the Social”³⁹⁷ puts emphasis on more symmetrical approaches to understanding the distribution of different forms of agency across heterogeneous networks that include both humans and non-humans, without hierarchies. The assemblage language developed in Deland's work helps to focus on a range of heterogeneous elements – objects, people, places, practices, statements, communications, motives, which in our case are combined into a “collection of heritage” or a hybrid object that can be mapped, mapped, and visualized³⁹⁸.

The method of communication analysis, in our case, the discourse about heritage in the media and social networks, also consists of 4 stages. Dispositives and material markers are integrated into the analysis of discourse and communication.

Consider communication in the axes of energy and time.

1) Pre-contact, background differentiation and figure selection. This is the stage of sensations of the body in the environment. An example of understanding actors at this stage is provided by E. Durkheim when he states: “... the initial beginning of any more or less important process should be sought in the structure of the internal social environment.” You can even go even further. In reality, the elements that make up this

³⁹⁴Foucault M. The birth of biopolitics. St. Petersburg: Nauka, 2010.

³⁹⁵Foucault M. It is necessary to protect society. St. Petersburg: Nauka, 2005.

³⁹⁶Foucault M. Security, territory, population. St. Petersburg: Nauka, 2011.

³⁹⁷Latour B. Reassembly of the social. Introduction to actor-network theory. M., 2014.

³⁹⁸Harman G. Networks and assemblages: the revival of things by Latour and Deland // Logos. 2017. No. 3 (118). P. 1-34.

environment are of two kinds: things and people. In addition to the material objects that are in society, the products of previous social activity must be included among the things: the current law, rooted mores, artistic and literary monuments, etc. <...> They really put some pressure on social evolution; depending on them, its speed and even direction change³⁹⁹.

An object in the environment can give aesthetic pleasure and even become the target of fusion, that is, the object of projective identification. Then we occupy a place in such a way, are located in space, that we are in fusion, that is, in symbiosis with the environment and objects⁴⁰⁰. Psychiatrists using the ANT technique explain psychological and alcohol addictions by fusion and symbiosis⁴⁰¹. The intentionality of people and non-people, the own content of consciousness, independent of the objective world, is pre-verbal or non-verbal and unconscious, eluding rationality.

2) Contacting. At this stage, the need has already been identified, and the body begins to act. There is a development of the figure, an increase in excitation, the devastation of the background. In the process of contacting, aggression is released. This stage of identification and alienation of the Ego with various aspects of the figure, which is accompanied by emotions: pleasant – attraction, interest, or unpleasant – impatience, irritation, rejection. The tension at the contact boundary is high, so the contacting either loses energy and is delayed, or passes to the next stages⁴⁰². In other words, contact causes tension at the contact boundary, identifying and alienating the Ego with different aspects of the figure.

At this stage, the actor identifies his ideas, needs, values. It is these images of the desired, introjects, that cause motivation for action and are the objects-drivers, “plug-ins”, according to B. Latour. The cognitive components of dispositives are at this stage.

In psychology, introjection—the unconscious acceptance of the thoughts or personality traits of others—occurs as a normal part of development when a child adopts

³⁹⁹Durkheim E. *Sociology, its subject, method, purpose*. M.: Kanon, 1995. P. 113.

⁴⁰⁰Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. M., 2021. P.88.

⁴⁰¹Törrönen J., Tigerstedt C. Following the moving and changing attachments and assemblages of 'addiction': Applying the actor network approach to autobiographies // *International Journal of Drug Policy*. 2018 Vol. 54. P. 60-67.

⁴⁰² See Sosnovskaya A. M. Applied aspect of semiotics of media texts // *Management Consulting*. 2014. №. 2 (62). P. 131-143.

parental values and attitudes; but it can also be a defense mechanism in situations that cause anxiety. Another name for the phenomenon is internalization. A healthy use of introjects is to test them through projection in the next step.

3) Final contact – concentration, fusion and identification with the figure, maximum excitation. Full awareness (awareness) of the process is achieved and a spontaneous unified action of perception, movement and feeling occurs. The organism fully identifies itself with the figure, which is a natural, necessary fusion. The excitation at the contact boundary is discharged, the need is satisfied, and the process of differentiation begins. Our actor, for example, “merged” with the text, as if he lives in the text, is involved and captured, carries out a thought experiment, experiences⁴⁰³.

The intentional experience of projective identification with an object that is always completely unknowable, and the only way to merge with the object in a theatrical or metaphorical act is to experience the sensual characteristics of the object, which, in turn, is an aesthetic experience and aesthetic knowledge of the “thing-in-itself”.

Action at this stage is experimental, interactive, differentiating the skills of action, thinking. Emergent properties of communicative situations are possible. Such emerging effects occur in psychotherapy, in dramatic theater, when we see an unexpected development on the stage. In suspense, thrillers or detective stories, the audience sees something more complex than they can comprehend, but eventually the emergence develops in such a way that the audience sees that this complexity was needed all along.

4) Postcontact. The figure loses energy, collapses and goes into the background. Excitation falls, and the contact boundary either disappears or loses its meaning. The main task is the assimilation of experience and its integration⁴⁰⁴. There is an integration of new experience into the general identity of the actor. A person or a group is a product of the integration of the experience of many contacts, according to Latour, the action is captured by many network actors. This is how the identity of a person or group is constructed through experience. Objects also acquire effects and updated characteristics and qualities as a result of exposure.

⁴⁰³ Ibid. P. 137.

⁴⁰⁴ Sosnovskaya A. M. Op. cit. P. 138.

The actor generates a report, conclusions, correlates them with his picture of the world. Interruption at the post-contact stage – devalidation (devaluation) – arbitrary intervention and obstacle to the assimilation of new experience. This is followed by a pause, some emptiness, after which energy begins to grow and the next need for contact and communication arises. The state of balance, rest is under the linegraphic arts⁴⁰⁵.

This model reminds us of Yu. Kristeva's semantic analysis⁴⁰⁶, where the stages of fusion and introjection correspond to the semiotic, preverbal, feminist phase of acceptance, and the stages of symbolization, differentiation and identification correspond to the symbolic, phallogocentric phase ordering.

Scaling the optics of Gestalt analysis allows you to decenter the subject and look at the forces in the environment that act or fight for influence on him, as in the “actor-network” assembly of Latour. Various scales of human activity can be analyzed using this scheme. Groups in politics talk about heritage in ways that follow this pattern. For this reason, all dispositives evolve and are within this recurring cycle. Gestalt therapy uses this framework to analyze patient histories. If the therapist notices that one or more stages of the cycle are missing or underdeveloped, then he can ask the patient to tell about this or that aspect of the story. In this way, the therapist can help the patient integrate their experiences and emotions. Something similar can be done with political statements or actions.

The classical elements of dispositive discourses related to heritage are ideological. Gestalt analysis with step-by-step identification is presented as a way of assembling a critical attitude, since it integrates material actors, providing ontological symmetry.

The concept of the Gestalt theory of the contact cycle is relevant for the analysis of communication, it represents the possibility of searching for actors and things at different stages of communication that advance the contact cycle through stages that contribute to the construction of identity. Gestalt optics can be adjusted to a different scale – from utterance to analysis of events.

⁴⁰⁵See: Conceptual model of communication.

⁴⁰⁶Kristeva Y. Selected Works: The Destruction of Poetics. M.: ROSSPEN, 2004.

The communication scheme and the ANT actors integrated into it are presented in Table 15.

Table 15 – Communication scheme and ANT actors integrated into it

Stages of the communication cycle (gestalt)	Functions	Actors
Precontact	Orientations, fusions, sensations, identifications	Environment, real object and sensible qualities
contacting	Associations, understanding	Ideas, images, tools at hand, objects
Full contact	Differentiations, interactions, mutual influences, projection	Mix of words and ideas, project, action
Postcontact	Assimilation and integration	Emergence. Gaining Experience and Identity

Thus, ANT comes as if from below, waiting for the emergence of the social, the effect of sociality and group formation as a result of the project and / or interaction, without considering social forces as predetermined. A constantly ongoing process (the promotion of heritage, the study of heritage, the struggle for heritage, the destruction of heritage) has a social effect (identities). Other processes (presumably globalization) compete for youth identity. Remove the following objects from life, for example, schoolchildren: the St. Petersburg text, the St. Petersburg skyline (the significance of the city skyline is noted by G. Harman), visits to museums and theaters, city holidays and knowledge of history, and the threads of cohesion and involvement, which means that identities will weaken (Table 16).

Table 16 – Applied conceptualization of the contact cycle with regard to psychological registers for empirical research

Stages	Schemes of perception, experience and main question	Objects
A specific place, marked and	Affective schemes	Symbiosis, mode of involvement and interest,

communicatively marked, things, props	What kind of place is this? What bodily and aesthetic response is there?	bodily experience of what is happening at every moment, intentionality of things and subjects, energy drive
individuals in space	Cognitive circuits that allow them to respond in the same way to the question: “What is going on here?” in relation to interaction (“happening”) and place (“here”). Roles and categories. What ideas do you have and what are their origins?	Introjects, installed plugins
Interaction	communication schemes. Message. Projections, objects. Hand tools. Action. Communication. Through what forms does the interaction and articulation of ideas take place?	Spatial projections of interactions; their boundaries are set by a stable and reproducible form of interaction. Awareness of boundaries
Integration and assimilation of experience	Reflective schemes. Construction and growth of identity “Who am I after this experience”. What is the meaning of the action, what has changed or been reproduced or fixed?	Style of articulation of the event, and the articulation and conceptualization itself

An example of interview analysis by model is presented in Table 17.

Table 17 – Example of interview analysis

Outline of transcription and labeling	Notes on the course of the analysis with the allocation of actors, plug-ins (competencies)
— How many years have you been living in the legacy? — I have been living for about 40 years. Super.	The beginning of communication is orientation, designation of the context.

<p>— And if we also take into account my student years, then it will probably be more than 40. It's just that this is a different district, for about 40 years it has been the Petrogradsky district, and in my student years I lived on the Griboyedov Canal.</p> <p>— Also in the legacy, okay?</p> <p>— Lives in the heritage well. Of course, I can't imagine life on the outskirts at all, not just on the outskirts, but in new districts, simply because then it seems to me that there is no point in living in St. Petersburg. Because I really liked the expression of Andrei Bitov, who, in one of his early essays or stories, is autobiographical, and you remember, of course, yes, that his first collection was called Aptekarsky Island?</p> <p>— Yes.</p> <p>— This is his patrimony, as it were, although his last apartment, as far as I know, because I was very well acquainted with his last wife Natasha Gerasimova, who died early, and they had an apartment in a house on the corner of Nevsky and Vosstaniya. Here it doesn't matter. So he said: "... yes, for a very long time I did not suspect that I live in a museum." That is, you go out and the museum immediately surrounds you, and this aura of real St. Petersburg, it seems to me, is of great importance, because, in fact, it educates a person and forms thoughts.</p> <p>We know perfectly well that in St. Petersburg, Leningrad, Petrograd, Leningrad and St. Petersburg there were, so to speak, several waves when the population changed, and the first change of population was, of course, after the</p>	<p>Emphasizing the relevance of the role of the respondent that lives in the heritage all his life. Competence proven by time.</p> <p>An affective experience of a symbiotic relationship, which, they say, is good, like it.</p> <p><i>Introjection.</i> Contrasting with new areas – building borders. <i>Plugin differentiation.</i></p> <p>The meaning of living in heritage is value. <i>Integration.</i></p> <p>Appeal to significant authority. Writer, author who supports the phenomenon of the "Petersburg Text", Pushkin scholar, resident of the center. <i>Introjection.</i></p> <p>Checking the interviewer for knowledge of reference texts.</p> <p><i>Projection.</i> Strengthening the identity "we are Petersburgers".</p> <p>Authentic Petersburg, because it is close to the classics. She visited them. A significant memory for her is the continuity of culture. The actors are unambiguous <i>heritage locations</i> – Nevsky, Vosstanie, Aptekarsky Island, Griboyedov Canal, Petrograd side.</p> <p>Citation. Actor – Petersburg text.</p> <p>The aura of real St. Petersburg, an open-air museum – symbolic markers – actors that act: educate, form thoughts, knowledge.</p> <p>The cognitive aspect – knowledge – is confirmed in the interview, in the process of telling another. The affective component is the content associated with</p>
---	---

<p>revolution, then this industrialization, when they attracted especially the people from the surrounding villages.</p> <p>Repressions, and, in general, now it is also a wave, because, judging by the faces, of course, the population of St. Petersburg has changed a lot. Soon Petersburgers will be so pleasantly “dark”. So someone else said. That is why it seems to me that until recently Petersburg has been digesting these huge masses of people from other cities. Yes, they also became Leningraders, they became Petersburgers, they behaved accordingly, we see it, let's say, what they did with the city after the Blockade, for example, yes, when everyone survived together and then everyone together rebuilt the city, I think this is very important. I can't imagine life in another, in the new Petersburg. Because it seems to me that these, like Murino now, it seems to me that they, of course, do not educate a person. They create depression.</p> <p>— Yeah.</p> <p>— On the other hand, this is why I told you that I am a victim in general of this, because, let's say, our entrance to the house was evicted, because they said that they would make a major overhaul very quickly, because there on the ground floor their ceiling collapsed and that's it, and now 2 years have passed, we were evicted. Also on Petrogradskaya, but that's not the point, we kind of live in a mobile fund, and this, of course, is life on suitcases. And it is not known when it will be, because no one is responsible for anything, everyone refers to each other.</p> <p>— Who does the repairs?</p>	<p>memories, emotions, shared with the interviewer.</p> <p>A significant story is the change of population in the process of the 20th century: revolution, industrialization, repression.</p> <p>“Everyone will have pleasantly swarthy faces, and everyone will be the same.”</p> <p>Raised whole. M.A. Sholokhov.</p> <p>Change of visually familiar facial features.</p> <p>Petersburg “absorbed and digested”, makes Leningraders with good manners and behavior. Solution to the problem. Dissatisfaction with visuality reconciles the city, which will equalize everyone, cultivate it and everyone will live and work together with common values, restore the city.</p> <p>Experience of survival, blockade, recovery.</p> <p>New areas form depressive states, because they do not educate. The value of culture, knowledge, education, identity.</p> <p>Actor Murino evokes depression.</p> <p>Differentiation.</p> <p>Aha, – my consent confirms the broadcast picture of reality and completes the cycle.<i>Integration.</i></p> <p>It was said that everything is fine, now – “from the other side” perspective – the destruction of identity and the beginning of a new cycle of contact, a new reassembly, a new topic and a search for solutions – what are the problems. The heritage decays and forces people to live on suitcases in a mobile fund and wait.</p>
--	--

— It is not known, in general, the administration of the Petrogradsky district is responsible for this, but when I last called, it was a long time ago, almost a year ago, in December last year, they told me that again there would be another floor to break and again renegotiate the contract. Yes, what are they called? Well, in general, no contract has been concluded with those who did it, with those who will do it all. And so, I think this is money laundering in many ways, and, of course, it really annoys me that moment that what is in these old houses is not stored. For example, in our house it was quite obvious that there were tiles, colored tiles on the floor.

— Yes.

— There were colored tiles on the walls. Now all this, of course, is barbarously painted over with paint, but the tile is dug out and this coating is laid, the tile, but after 2 months it all breaks down. This is, of course, a pity.

— What year are you?

— 1914. A huge number of Art Nouveau houses are not protected. When these future repairmen came to our apartment, the first question they asked was: you have a GIOP apartment, I say no, because there was stucco molding and everything else, now they will knock everyone down, they are going to destroy the entire ceiling, because it's not GIOP. Of course, it is a pity, because these houses in the center are not preserved. But after all, on TV they show some houses in the center that are being preserved. But these are entrances that are bought by rich, very rich people.

Bureaucracy and corruption thrive in the housing sector.

Uncertainty and red tape in repairs is an example of how the action is captured by various intermediary actors and leads to the sides, transforms the original plan. The acting actors and actants here are: administration, telephone, contract, money, heritage, colored tiles on the floor, tiles on the walls, paint, coating. This is an affective moment of the story, which ended with an emotion (sorry, sadness, grief for the loss). Next, a new upsurge of energy, a stage of activity.

Acting actors: houses of the modern era, repairmen, KGIOP, which could have

<p>And they restore it at their own expense. Yes, and it's not in all entrances that very rich people live, which is why, it seems to me, this is a big problem.</p> <p>— Aren't you protesting?</p> <p>— They even protested in the past, not last year in the fall, there was a very active girl, and she even called on television, and there was some kind of program where they showed me. I also told Aska that I hope that no one sees this, me. They are just for the preservation of non-KGIOP houses, in general, a huge number of houses are not protected. And yet there is a legacy. Well, it's barbaric just to paint over this tile. Yes, this is the beginning of the twentieth century, but this is simply, of course, barbarism. I really appreciate the authentic environment, I welcome it, yes, yes, yes.</p> <p>— Okay, thank you very much.</p>	<p>saved from barbaric repairs, stucco, ceiling, houses in the city center, television, rich people.</p> <p>The solution to the problem of safety: KGIOP or rich residents. An implicit decision-desire is an implied comparison: different nationalities, migrants restored the city well after the Blockade and now they could.</p> <p>Interaction: calls to the administration, activists, television, interviews. Resentment and anger at depriving value, authentic environment</p>
--	--

Thus, the interview presents all stages of the communication cycle, that is, the gestalt, taking into account the entry into itactors. Let's repeat the very initial stage of the interview, the completed gestalt. The beginning of communication, pre-contact: orientation, context designation, actor, heritage environment and symbiotic relationship with it. Contact: plug-ins – time-tested competence, appeal to authority, differentiation. Full contact: checking the interviewer for knowledge of reference texts, projection. Postcontact: comprehension, strengthening of the identity “we are Petersburgers”.

Chapter 2 Conclusions

As a result of the study in this chapter, it was revealed:

When analyzing the discourse about heritage and the city, it is necessary to critically analyze the process of constructing communication, for which dispositive analysis is suitable, in which the study of dispositives implies the search for incorporated

actors, and related technical assemblages, such as the platform of the social network, its algorithms and requirements for use and conformity, data, interface.

The main results of the educational and management project “St. Petersburg – a World Heritage Site: the view of youth”, implemented with the interaction of the Faculty of Social Technologies of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (FST NZIU RANEPА) represented by the author and KGIOP in 2016– 2023, answering the questions posed to political science and management practice: popularizing the heritage of the city, methods for strengthening the urban identity of young people, as well as questions about changes in urban identity in the context of city development and in the context of changing the thinking and practices of young people, were a database to analyze and understand the need to use new research methods.

Empirical material and its research are reflected in publications in the journals of the Higher Attestation Commission.

The results of semi-structured interviews, the components of identity construction as the integration of experience and knowledge in the process of interaction presented in our conceptual analysis model, the views of experts on heritage and urban identity showed that opinions overlap with both anthropocentric and non-anthropocentric approaches to identity construction that were studied in a literature review. From interviews and conversations about identity and heritage, numerous actors and actants are reconstructed, acting and experiencing impact, supporting the worldviews of city residents, their practices, style of recollection, priority knowledge and values.

The heuristic prospects of using ANT for political science and media communication have been proved with the involvement of the opinions of experts in this field. Following ANT, we came to the conclusion that it is necessary to re-arrange the content of power and forces by deconstructing connections, searching for and finding new non-human actors with their current requirements, building a common team, and then building a common composition of such assemblies.

A table “Stages of the political process of solving the problem” has been compiled, which includes the structural stages of the political process, the structural stages of the

communicative process, things that de/stabilize social relations. The stages of the operationalization of the conflict and the translation of the decision into management processes are shown. The actors of the political process are found: transformers, media, reports and plans, devices, communication according to the structural scheme of communication, which in Gestalt is called the “contact cycle” and is filled with incorporated things.

The categories of the ontological turn, which are taken into account in the operationalized 10-stage program of discursive analysis, are revealed: decentration of the subject; realism; emergence; limited common sense, post-truth; rejection of hierarchy; non-recognition of absolute truths and essentialism; the significance of objects and their manifestations; recognition of the activity and agency of things and nature.

At the macrocontextual level of discursive analysis, we used the discursive theory of Laclau and Mouffe, the essence of which is that a social phenomenon cannot be complete and have full meaning. As a result, there is antagonism in the discourse and a constant struggle of opposing aspirations and / or a struggle towards the ideal state of the system, which is unattainable, but the aspiration itself tries to neutralize the lack in the psychoanalytic sense. This analysis requires fixing the meanings at all levels of the social phenomenon and revealing the course of the struggle of the antagonists.

The discourse theory of Laclau and Mouffe, a post-Marxist theory, sympathizes with the development of a new materialism aimed at rethinking and reassessing the role of material, considering it as “agent matter”. The new materialism perceives matter as both material and representational; the new materialistic agenda is expressed in the focus on the “material-semiotic actor”. It is semiotic analysis that makes it possible to find in texts material actors incorporated into a person as plug-ins or into a group as dispositives.

The research strategy of ANT sociologists, presented in the tables, was applied by us in the study of empirical material, namely: the search for disagreements and the deliberate destabilization of foundations through doubt and provocative questions; use of language and explanations of actors' motivations; using the principles of ethnomethodology; relativistic correlation of coordinate systems during interpretation;

cartography of disagreements, relationships, networks within a flat ontology in 2D format.

A 7-stage method of group reassembly was reconstructed, tested in the course of the analysis of interviews with representatives of the studied discursive groups:

identifying violations of group boundaries through the differentiation of “friends and foes”;

finding an agitator;

identification of markers of constant redefinition of boundaries by participants;

fixation of verbalized values and goals, used clichés and concepts that are significant for the group, the search for performative statements that have the status of action, since, according to B. Latour, “groups are created to speak”;

visual mapping of the competencies of one's group, when anti-groups are also plotted on the map, which do not have the competencies of “our” group, but some others;

discovery of actions to attract new resources to make the boundaries of the group more stable;

discovering intentions and strategies to mobilize professionals with highly specialized equipment, since all groups need people who “define who they are, who they should be, who they were”; here we are talking about the fact that in the discourse of the group there are always significant referents.

The deconstructed interview about the World Club of Petersburgers group according to 7 ANT criteria proved the applicability of the method in the analysis of texts. The obtained deconstruction data are presented in the form of a table, which reflects group formation criteria, group formation practices, reconstructed non-human heritage actors and their agency.

As a result of describing the uncertainties, controversies that ACT focuses on, their extrapolation to interview texts and media, a methodology for using ACT in relation to the communication process was compiled, and the parameters necessary for the conceptual model were integrated into the communication scheme. According to this scheme, we analyzed both the structural components of people's identity, and dispositives, structural components at the basis of discourses, groups, in order to create a hybrid object

in the third chapter within the framework of the flat topology of ANT according to the cases under study.

The conclusions on approbation of the method, integration of actors into the structures of identity and discourses are such that we consistently:

- 1) positioned the methodology in the policy and management of the city through the implementation of a social project;
- 2) tested the possible construction of identity using material elements in the discourse according to ANT;
- 3) clarified the beneficial and emergent effects of each stage of communication;
- 4) developed a practical method for analyzing media texts.

Interviews with experts about the conceptual model qualified our methodology as relevant to the goals of urban identity policy, which has the potential to improve public administration and increase its effectiveness through structurally updated communication with network actors; improvement of the social policy of the city and the state; ensuring the spiritual development of the Russian state and society, the development of the humanities.

Improving urban governance is possible with a network reconstruction of the values and demands of all participants in urban life, while Heritage is considered as one of the participants and guarantor of urban identity.

The social approach to heritage and its discourses makes it possible to introduce the principle of symmetry and inclusion, the ecological agenda, comprehending network participation as the realization of the values of equality, sustainable development and the preservation of natural and cultural heritage as the most common environment in which new values are developed. Such enhanced value production will contribute to the social realization of citizens, increasing their cultural participation in the life of the city, including the opening of new modes of emotional involvement and marking the preferred places of urban life.

So, the historical and cultural heritage is considered as a prerequisite for development that involves many participants, and therefore warns against economic growth crises by ensuring an even and productive distribution of intellectual, emotional, moral and spiritual life, with a constant increase in interest in tools for its improvement. These tools also include received practical recommendations based on socio-historical, political-legal, cultural and philosophical research.

CHAPTER 3. URBAN IDENTITY POLICY IN HERITAGE DISCOURSE: A HYBRID ASSEMBLY OBJECT

This chapter's goals were to present the findings of a conceptual model for the analysis of urban identity politics and cultural heritage discourse in the media and on social media. The resulting hybrid reflects the identity policies that various actors in this assembly, reconstructing from media texts, implemented.

The chapter begins with a description of the hybrid object of study, network or assembly⁴⁰⁷. The “Heritage” actor, which has agency, creates our network. We reviewed scientific articles on the topic of heritage issues around the globe and discovered that St. Petersburg's heritage has many of the same issues.

The main focus of the chapter is on how to use the new conceptual model in the analysis of discourses, extrapolating the scheme of communication with actants to a model of group communication based on dispositives. The developed elements of dispositives are applied to the discourses of ten reconstructed groups. The groups are reconstructed based on the analysis of cases related to heritage identified in social networks. It was found that the main motivators of group communication are most often two dispositive elements: goals and values. Based on them, each group forms its own city identity policy as a communicative strategy in discourse, so we can talk about politicians in the plural, about the articulation of goals and values, and other elements of each group's facilities in media discourse.

In addition, based on the application of a conceptual model to the empirical data of interviews and drawings, the practices that support the identity of the city dweller are reconstitute. This model offers a logically and psychologically verified model for the deployment of communication, the ascent of discourse, and the acquisition of identity as new knowledge. It has shown to be an effective tool for bringing identity to the attention of schoolchildren and students and has the potential to resolve the issue of the urban identity crisis. To address the issues raised in this study, an empirical analysis of heritage

⁴⁰⁷“By 'network' means a connected series of activities, each participant of which is considered as a full-fledged intermediary.” Latour. Ibid. P.171; “If the social is a trace, then it can be traced; if it is an assembly, then it can be rebuilt. Latour. Ibid. P.169.

cases that have received media and social media coverage has been carried out, as demonstrated in Chapter 2 with reference to publications.

As discussed in Chapter 1, communication and perception are constructed using specific psychological frameworks, which are supplemented by us with the ontological actor-network theory in its action. Naturally, experts in journalism and communication can use these frameworks to achieve the goal of a greater understanding and sense of identity due to the stabilizing effect of sociality when interacting with inanimate actors. Thus, the conceptual analysis was adapted to specific cases and situations, illustrated with examples, the characteristics of the heritage and practice of citizens in the historical center were reconstructed from the correlation of discourse orders. Analyses of the relevant literature, fieldwork, and social media monitoring data were all done concurrently with each other.

The policies of groups debating the preservation or non-preservation of the heritage and the practices of the townspeople are analyzed in the course of a longitudinal study using interviews and interpretation based on the methods of ANT, the theory of practices, and semiotics, and the cultural characteristics that support the identity of the city dweller are established.

A review of the literature on the subject of the heritage of St. Petersburg demonstrated the close connection between urban identity and historical heritage.

On the example of a case, the discourses of the actors involved in the preservation of the heritage as part of complex discursive orders and configurations are analyzed on the basis of the proposed conceptual model for constructing identity in the process of communication.

The assembly of a hybrid object in the form of a flat topology is used to demonstrate how one can cover the complex communication of creating an urban identity and be able to analyze the components of the assembly. This is an example of an actor-network theory strategy appropriate for complex analysis.

The implementation of the *StP4juniors* regional project, or “St. Petersburg for School,” which consists of 20 videos, drawings, and discussions after viewing, as well as the project of creating an urban identity as part of additional education in primary,

secondary, and high schools, demonstrated the influence of the conceptual model on strengthening the identity, first and foremost, of the generation Z youth group.

In the first and second chapters, sociological studies of the identity crisis were carried out, a discursive, dispositive analysis of media texts was developed and carried out, management decisions were described in the framework of educational projects of the KGIOP and RANEPА, and studies of the construction of urban identity. This chapter is a description of the hybrid object of our study, the network of actors, the assembly.

As a result of the work, a formula for creating identities during communication was developed. This formula, known as the conceptual model, is considered to contain the most crucial tool for constructing identities during media discourse while taking the network of actors into account. The dispositive analysis components that will be demonstrated in this chapter correlate with the conceptual model of identity construction with actors.

3.1. Hybrid Entity: Representing Identity Policies

The paragraph outlines the hybrid object of identity politics that we have amassed, which consists of the affordances and communication techniques used by both human and non-human actors. It displays every finding from the study as well as how variables, participants, or actors in the discourse about the city and its heritage are related to one another. The application and QR code both provide a complete visualization of the object (Figure 2). The hybrid object is a network of material and intangible actors representing a reconfigured urban identity.

The discursive urban identity, which has five components, is depicted on the map as a network of study participants. Since heritage is the actor who creates structures, we start from the upper right corner and move counterclockwise: 1) collecting cultural heritage and its “needs” from specialized and scientific literature, 2) the practices and actions of St. Petersburg, reconstructed both from texts and from interviews, 3) discursive groups reconstructed from the media and social networks, their discursive strategies presented in the form of dispositives with integrated ANT actors, 4) legislative material

governing the preservation of heritage and urban identity, 5) empirical data collected during a 7-year urban research project as a World Heritage site and dissertation preparation and urban educational projects.



Figure 2 – Hybrid object. QR code⁴⁰⁸

We start Chapter 3 by critically analyzing the literature on UNESCO cultural heritage in different parts of the world and creating a table of heritage issues, needs, and decision-makers in the context of our St. Petersburg UNESCO World Cultural Heritage Site. Additionally, the paragraphs follow the scheme's breakdown of the hybrid object's component parts: heritage, Petersburg-ness practices, discursive groups and their resources, normative base, empirical research and conceptual model validation, educational mechanics, and identity-strengthening techniques. The review of the literature on UNESCO cultural heritage will provide a comprehensive understanding of the challenges and opportunities associated with preserving cultural heritage sites, which will be useful in developing effective strategies for managing St. Petersburg's World Cultural Heritage Site. Additionally, the constituent parts of the hybrid object outlined in

⁴⁰⁸ Permanent link to the image:

<http://qrcoder.ru/code/?https%3A%2F%2Fdrive.google.com%2Ffile%2Fd%2F1ovgR6Lw4ckO4Y56pKPREsOjQurxo3DZF%2Fview%3Fusp%3Dsharing&4&0> (accessed: 15.05.2023)

the chapter will serve as a framework for analyzing and addressing the various factors that contribute to the site's cultural significance and identity.

3.2. World Cultural Heritage Discourse

We did a review of articles on heritage using quantitative and qualitative methods⁴⁰⁹. Quantitative scientometric method was a collection, analysis and comparison of relevant publications in the field of studying the cultural heritage of UNESCO for 2018-2022. in the Web of Science and Scopus repositories. The scientometric analysis performed using the VOSviewer 1.6.16, CitNetExplorer 1.0.0 programs made it possible to isolate the most relevant and cited articles in the array of publications, to consider the dominant clusters, which are the values that guide social and political practices. The undertaken study showed that the discourse of UNESCO heritage and identity in relation to heritage is not limited traditional framework of management, and includes a wide range of social, natural and personal conditions and situations. The study of involved actors, including natural, cultural and technical, non-humans allows:

- adopt more effective conservation measures for natural and environmental change, world heritage management policies, local identity policies in relation to place and heritage;
- reduce the distance between the “managers” of the heritage and those for whom it is being managed, residents close to the heritage, civil society representatives who identify with the groups re-gathering around the heritage⁴¹⁰.

In the political and social sciences on the subject of World Heritage, as we once again saw in the process of our review, the largest proportion of articles is aimed at criticizing / optimizing governance policies that consider primarily heritage management and the formation of the identity of local communities as part of the process of identifying with a place and cultural memory.

⁴⁰⁹The paragraph is based on the materials of the article: Sosnovskaya A. M. World Cultural Heritage Discourse // Management Consulting. 2022. No. 8 (164). P. 108-123.

⁴¹⁰ Sosnovskaya A. M. Discourse of World Cultural Heritage // Management Consulting. 2022. № 8 (164). P. 109.

When creating this review, articles by topic and keyword were initially selected for the search “UNESCO Heritage” in the leading peer-reviewed scientific journals of the Web of Science and Scopus databases. 6109 results were found for 5 years, distributed in different areas of social sciences. Thanks to the wide possibilities’ heritage development in the social sciences, the selected journals presented such scientific sections at the top of the list proposed by the scientometric programs as architecture, engineering building, geosciences, environmental sciences, building technology, archeology, humanities, green sustainable science technologies, informatics and artificial intelligence, environmental studies, hospitality – leisure – sports – tourism⁴¹¹. We have not reproduced the entire list of magazines, but only enough titles to cover branches of knowledge that interest us, namely, sociology and political science⁴¹². Such positioning of our object of study in a scientific and applied context justifies the choice to methodologically use the framework of actor-network theory, since these disciplines often record actions, networks, relationships of natural, cultural and non-human agents⁴¹³.

Customs, the development of social networks, the constant interaction and mutual influence of human and non-human agents all contribute to the formation of territorial identity. In our situation, heritage has to be taken into account by all participants in the hybrid object. We extrapolated relevant themes and approaches to our research and educational projects, through a review of the articles it was possible to identify areas and specificities of the study of UNESCO cultural heritage in the global scientific discourse.

⁴¹¹ Sosnovskaya A.M. Op. cit. P. 109.

⁴¹²Architecture (978 articles), Civil Engineering (591), Earth Sciences Multidisciplinary (533), Environmental Sciences (482), Construction Technology (457), Archaeology (442), Humanities (396), Green Sustainable Science Technology (386), Computer Science Artificial Intelligence (362), Environmental Studies (326), Hospitality - Leisure - Sports - Tourism (284), Robotics (246), Biomedical Engineering (243), Medical Computer Science (242), Materials Science (223), Geography (218), Fine Arts (194), Interdisciplinary Social Sciences (194), Anthropology (186), Urban Studies (181), Physical Geography (176), History (176), Remote Sensing (176), Cultural Studies (156), Interdisciplinary Science (154), Ecology (132), Electrical Engineering Electronics (132), Water Resources (130), Analytical Chemistry (124), Image Science (124), Regional Urban Planning (118), Folklore (112), Biodiversity Conservation (104), Spectroscopy (103), Economics (97), Geological Engineering (94), Computer Science (91), Library Science (90), Geology (88), Law (85), Local Studies (82), Management (81), Interdisciplinary Computer Science Applications (78), Education Studies (74), International Relations (70), Environmental Engineering (60), Computer Science Theory Methods (58), Computer Science Information Systems (54), Political Science (54), Marine Freshwater Biology (51), Business (46), Meteorology Atmospheric Sciences (46), Asian Studies (45), Sociology (44).

⁴¹³ Sosnovskaya A.M. Op. cit. P. 109.

Through scientometric analysis, we were able to answer questions about the background practices that organise knowledge in discourse.

In spring 2021, the first visualisations of the articles and their analysis were completed: “it should be noted that there was a dynamic as new articles appeared, but the trends shown in the classification of the clusters remained identical. The second phase of the data work - qualitative analysis of the articles of the thematic clusters found - involved reading and identifying the dominant themes and methods of UNESCO heritage studies”⁴¹⁴.

More than 6 thousand abstracts and about 1000 articles were processed and 40 most relevant to our topic were selected. During the study, we undertook about 30 visualizations for various keywords. The following filters were used: the last 5 years and the categories of disciplines presented in the footer for the sections proposed by the scientometric programs, selected in descending order to include “Political Sciences”, “Interdisciplinary Social Sciences”, “Urban Studies”, “Sociology”.

The general visualization of the most cited articles on the topic is the markers of 6109 articles (Figure in the article). Part of the articles (in the center) has links, they are shown in the figure, and the other part – articles located on the periphery of the figure, are not connected to each other and represent a set of points / nodes. We decided to consider the 5 most cited articles, the largest nodes: 5 from the periphery and 5 from each cluster, which are also 5. Thus, we studied 30 articles from this visualization. About two dozen more articles were added as a result of the study of references and literature of the articles under consideration.

First, we looked at 5 large nodes on the periphery. Researchers from different countries write about the problems of heritage conservation, mainly in terms of management.

Saudi Arabian researchers Abdulelah Al-Tokhais & Brijesh Thapa review heritage material, focusing on heritage management issues⁴¹⁵. They look at 5 World Heritage Sites (WHA), showing that tourist flows “have a major impact on properties that lack the

⁴¹⁴ Ibid. P.111.

⁴¹⁵ Sosnovskaya A.M. Op. cit. P. 112.

resources to conserve and manage”⁴¹⁶. Scholars reveal the problems of resource allocation, barriers to the implementation of management plans, the environmental impact of tourism and urban development. Point out the need to correct such impacts through the sustainable management of the World Heritage property in their country.

For our World Heritage site (“Historic Center of St. Petersburg and related groups of monuments”), all the described problems are relevant: lack of resources for conservation and restoration, lack of a consistent management plan, the need to reorient tourist flows from traditional directions to less popular ones, the conflict between heritage management and urban development, environmental and environmental issues.

South Korean researchers J. Park, S. Kim are developing a digital representation of the Seokguram Cave Temple as they worry that “changing environmental conditions and tourist pressures” are not conducive to the preservation of the WHS⁴¹⁷.

Spanish researchers of the Canary archipelago Belmonte, Sanabria, Gil write about the natural and cultural landscape of the island of Gran Canaria, where sanctuaries were found on the mountain tops and on the ledges of the island's volcanic calderas, the so-called *almogaren*, where rituals of ancient tribes took place⁴¹⁸.

Researchers lead sufficient evidence for inclusion on the World Heritage List and protection by international organizations: “...it is an ideal site for a sky-connected cultural landscape that could be protected under the Astronomy and World Heritage Initiative of UNESCO and the IAU. <...> In Gran Canaria, special field studies convincingly indicate that, – scientists write, – that most high-altitude sanctuaries can be associated with solar and lunar observations and, possibly, with astral cults. <...> Gran Canaria should be seen as an excellent laboratory where one can illustrate the close connection between earthly and heavenly landscapes in human culture; <...> as a marvelous example of a cultural landscape worthy of inscription on the World Heritage List”⁴¹⁹.

⁴¹⁶Abdulelah A.-T., Brijesh T. Management issues and challenges of UNESCO World Heritage Sites in Saudi Arabia // *Journal of Heritage Tourism*. 2020. Vol. 15(1). P. 103-110.

⁴¹⁷Park J., Kim S. Digital Representation of Seokguram Temple UNESCO World Heritage Site // *Augmented Reality and Virtual Reality: Empowering Human, Place and Business*. Springer, Cham, 2018. P. 379-384.

⁴¹⁸Belmonte J. A., Sanabria J. C., Gil J. C., de Leon J. M. at al. The cultural landscape 'Risco caído and the sacred mountains of Gran Canaria: A paradigmatic proposal within UNESCO Astronomy and World Heritage initiative // *Mediterr. Archaeol. Archaeom*. 2018. Vol. 18. P. 377-385.

⁴¹⁹ Belmonte J. A., Sanabria J. C., Gil J. C., de Leon J. M. at al. The cultural landscape 'Risco caído and the sacred mountains of Gran Canaria: A paradigmatic proposal within UNESCO Astronomy and World Heritage initiative. P. 377-385.

Iranian researchers M. Hashemi, A. Khabbazi Basmenj, M. Banikheir report on the “historical village of Meymand, 2000 years old, an important heritage site in Iran, which was inscribed on the UNESCO World Heritage List in 2015”⁴²⁰. Scientists note that “the village is located in a volcanic area, and its buildings, such as houses, a mosque, a public bath and a fire temple, were carved into the pyroclastic rocks of the Masahim volcano. In this study, the engineering-geological and geo-environmental aspects of the village of Meymand were studied”⁴²¹. The study concluded that “Meymand village is at risk of erosion due to natural and anthropogenic factors that are gradually destroying the landscape and structures of this important World Heritage Site. Therefore, it is necessary to plan and apply conservation projects that ensure the preservation of the village”⁴²².

It seems to us that it is necessary to study the geological and environmental aspects of the soil of St. Petersburg and the Leningrad region, the subjects on whose territory our WHS is located. It is known that Peter the Great founded the city on swampy soil, in a damp climate. How does this affect the conservation of our World Heritage Site?⁴²³

The Romanian fortress of Sarmizegetusa was included, along with five other Dacian fortresses (Banica, Costesti-Blidaru, Costesti-Cetetsuie, Piatra Roshie and Capalna) on the UNESCO World Heritage List in 1999. Archaeologist V. Bârcă writes that “they represent a unique a synthesis of external cultural influences and local traditions in terms of construction methods, and in general, ancient military architecture, representing a monumental expression of the civilization of the Dacian kingdom”⁴²⁴. According to the paper, “since 2000, various laws have regulated the management, conservation and protection of World Heritage listed monuments. Some provisions of the law have never been applied or observed. Unfortunately, at present only Sarmizegetusa (Sarmizegetusa Regia) has a legal administrator, the other five remain unmanaged”⁴²⁵. The following is an excerpt showing the problems of heritage management: “None of the

⁴²⁰Hashemi M., Khabbazi Basmenj A., Banikheir M. Engineering geological and geoenvironmental evaluation of UNESCO World Heritage Site of Meymand rock-hewn village, Iran // *Environ Earth Sci.* 2018. Vol. 77(1). P. 3.

⁴²¹Ibid.

⁴²²Ibid.

⁴²³In an interview, the architects said that there is an uneven settlement of the soil under St. Isaac's Cathedral, and support work and geodetic monitoring are constantly being carried out (2022).

⁴²⁴Bârcă V. Accomplishments and failures in the management of fortress Sarmizegetusa Regia, a UNESCO world heritage monument // *Journal of ancient history and archaeology.* 2019. Vol. 6 (4). P. 119

⁴²⁵Ibid. P. 121.

six fortresses have a management plan and they have no managers. Other than Sarmizegetusa, the other five fortresses don't even have short-term strategies to deal with urgent matters. Strongholds are not protected 24/7. The only Dacian fortress in this fortified complex, which has 24/7 security service is Sarmizegetusa, administered by the Hunedoara County Council. After precedents of archaeological poaching and deliberate damage or destruction of objects of the fortress in the region of Sarmizegetusa Regia began to be guarded. But the same cannot be said about other fortresses, where destruction, acts of vandalism and archaeological poaching are still common. Most of these fortresses have ruined buildings and collapsed walls. Access roads to some of these Dacian fortresses have been damaged, and vegetation in these unmanaged areas has covered the monuments. The poor condition of these fortresses is due to the fact that no one controls them⁴²⁶.

We have quoted in such detail the text on the situation with the fortresses in Romania to show the importance of the WHS management plan, as well as what the lack of one lead to. In 2022, there is also no management plan for a World Heritage property in St. Petersburg and the Leningrad Region.

Here is a quote explaining the state of affairs (with cuts) from the UNESCO website: “Few people know that in 2020 it will be 30 years since the “Historic Center of St. Petersburg and related groups of monuments” were included in the UNESCO World Heritage List. It seems that possessing such a treasure, we must carefully guard it and maintain a high international status. It is all the more surprising to learn that there is still no management plan for the city as a World Heritage Site. And only now, it seems, there is a real opportunity to create this important document.

“Petersburg is the most complex and multi-component UNESCO site in Russia,” Vladimir Aristarkhov, Director of the Institute, emphasized. “It includes 36 sites, including palace and park ensembles in Gatchina, Strelna, Oranienbaum, Ropsha, Gostilitsy, Peterhof, its management decided in stages”. <...>

And now 100 pages of “Basic approaches to developing a management plan” are ready. They are approved by many experts, supported by the Ministry of Culture. And

⁴²⁶Ibid.

although the study was mainly carried out in Moscow, architects and scientists from St. Petersburg took an active part in it. Supported colleagues and in the committee for the protection of monuments of the city. <...>

“We are one step away from creating a single plan, which is very important,” says historian and publicist Yuri Svetov. movement, is now one of the strongest social movements in the city and Russia. By the way, if such a document is adopted, it will help reduce conflicts between its representatives and business, authorities. And most importantly, we will get a reliable tool to help protect the historical center, which is now being constant testing. You cannot miss this chance”⁴²⁷.

The absence of a WHS management plan both in Romania and in St. Petersburg leads to a conflict in the discourse on heritage and violations in the protection of monuments and territories.

Conflict discourse in the media space of St. Petersburg, and Russia as a whole, regarding our WHS is constantly present. This conflict requires content analysis to identify the capabilities of each actor to produce content. In the dissertation research, we consider the content of the media and social networks, the discourse of stakeholders leading discussions about our WHS.

Important actors for discourse analysis are already identified in this text: UNESCO, ICOMOS, Institute of Cultural and Natural Heritage. D.S. Likhachev, Ministry of Culture of the Russian Federation, Department of Architectural and Urban Heritage of SPbGASU, architects, historians, publicists, city defenders, representatives of government and business.

Thus, articles from the periphery of visualization talk about World Heritage sites in different countries, about their location, problems, management, research and necessary resources for conservation and maintenance, management plan.

Next, consider the 5 largest nodes (articles) within 5 clusters: green, red, blue, yellow, purple (Figure in the article). The green cluster is formed by the most numerous connections of this visualization with four central articles and reflects the theme of

⁴²⁷Under UNESCO protection. A management plan will be written for the center of St. Petersburg [Electronic resource]. URL: <http://unesco.ru/news/saint-petersburg-unesco/> (date of access: 02/18/2022).

heritage management (unequal access, gentrification, tourist preferences, ethical and methodological problems of heritage research, complex discussions of the UNESCO World Heritage threatened by).

The article by M. Hayes analyzes heritage conservation and urban modernization in Cuenca, Ecuador, to expose global inequality and city rights at the crossroads of transnational lifestyle mobility and the globalization of real estate markets. Gentrification processes in Cuenca reproduce colonial social relations and marginalize the popular economic activities of informal sellers. The heritage is under the auspices of UNESCO and is included in the World Heritage List. The Inter-American Development Bank and successive municipal governments have sought to boost property values in the El Centro Historic District rather than relying on the return of the local middle class to the city. Modernization of historic urban development in Cuenca depends on the higher income middle class attracted by the historic city center⁴²⁸. In this way, discourses support the ambitions of a high-income middle class that feels like the master of the city.

“The religious heritage of the northeast of Romania is one of the main attractions for visitors to the area,” write C. Lupu, A. Brochado, O. Stoleriu, known as “painted” monasteries, the region's churches highlight Romania's rich religious culture. They have been inscribed on the UNESCO World Heritage List⁴²⁹. The researchers analyzed the keywords of tourism web pages to “determine the main aspects of the tourism experience in the monasteries.” The results of the content analysis include 10 topics/words: “monastery”, “painted (walls)”, “tower”, “visit”, “beautiful” (place), “inside” (painting), “famous” (stage), “place”, “blue” (color) and “guide”.

The researchers revealed the preferences of tourists:

- 1) “Tourists may feel a connection to Eastern Orthodoxy (like most Romanian visitors, for example);
- 2) they are more interested in paintings and architecture of monasteries;

⁴²⁸Hayes M. The coloniality of UNESCO's heritage urban landscapes: Heritage process and transnational gentrification in Cuenca, Ecuador // *Urban Studies*. 2020. Vol. 57 (15). P. 3060-3077.

⁴²⁹Lupu C., Brochado A., Stoleriu O. Visitor experiences at UNESCO monasteries in Northeast Romania // *Journal of Heritage Tourism*. 2019. Vol. 14(2). P. 150-165.

3) most tourists appreciate these structures for being UNESCO World Heritage Sites, considering them the most remarkable for their ancient murals, which have been preserved for many years and were famous for their colors (for example, the blue paint of the Voronet Monastery)⁴³⁰.

UNESCO has awarded the World Heritage status to our site based on certain criteria that are attractive to tourists from all over the world. As a result of our study, we obtained data on the preferences of generation Z in relation to their city and their urban identity. We made conclusions both about matching locations and destinations, according to the criteria of UNESCO, and about the individual and authentic experience of contact with the city and the practices of identifying the young generation of St. Petersburg residents.

The next most cited article from the green cluster is on archaeology.

“Archaeological field work is not what it used to be”⁴³¹, – noted by H. Hølleland and E. Niklasson. The article presents empirical research on how institutions and powerful people shape what tomorrow will be considered “our common past”. The authors write about the need for a deeper and more subtle understanding of modern heritage management, about ethical and methodological problems for which “archaeologists are often not ready.” This article explores the nuances and pitfalls of researching international heritage regimes: “problems of access, anonymity, and consideration of research results.” Scholars advocate “a stronger and more transparent tradition of study within archeology”⁴³².

The article by NE Brown, C. Liuzza and L. Meskell focuses on how properties in danger are involved in the complex discussions of the UNESCO World Heritage Committee about their inscription on the List of World Heritage in Danger. Thanks to the quantitative and qualitative analysis of documents on decision-making by the Committee from 1979 to 2018. scientists state “geopolitical injustice and bureaucratic inefficiency that characterize the processes of implementing the List of Heritage in Danger”⁴³³.

⁴³⁰Ibid. P. 150-165.

⁴³¹Hølleland H., Niklasson E. How (Not) to “Study Up”: Points and Pitfalls When Studying International Heritage Regimes // *Journal of Field Archaeology*. 2020. Vol. 45(3). P. 140-152.

⁴³²Ibid. P. 152.

⁴³³Nakano R. A failure of global documentary heritage? UNESCO's 'memory of the world' and heritage dissonance in East Asia // *Contemporary Politics*. 2018. Vol. 24(4). P. 481-496.

Articles located in the red cluster are related to the political agenda (discussions on the inclusion of objects of memory in the WHS list, projects that cause interethnic disputes and conflicts, intangible cultural heritage policy, conflicts between urban development policy and heritage conservation).

The article by R. Nakano is devoted to the politics of memory. The author writes about the UNESCO Memory of the World program, which, on the one hand, promotes the preservation, universal access and public awareness of world-wide significant documents as the common heritage of all mankind, and on the other hand, entails serious political consequences. The article notes that “the inclusion of the Nanjing Massacre Papers in the Memory of the World Register in 2015 reflects the growing concern in the post-Cold War era about the memory of the war and its atrocities. However, this has once again heightened tensions between Japan and China, leading to strong pressure on UNESCO to reform the contested heritage selection process”⁴³⁴. The article examines the limitations that UNESCO faces in promoting the global documentary heritage.

B. Isakhan and L. Meskell analyze the conflict discourse in an article titled “UNESCO Revive the Spirit of Mosul: Iraq and Syria's Perspectives on Post-Islamic Legacy Reconstruction”. Following the devastation of the city of Mosul in northern Iraq by Islamic State (IS) militants, UNESCO launched the Revive the Spirit of Mosul project. The article provides a critical analysis of this project based on 47 interviews with Syrians and Iraqis. The article also examines “the implications of UNESCO's efforts in earlier (post) conflict heritage restoration projects in the Balkans, Afghanistan and Mali”.

“The analyzed data shows that heritage restoration projects, especially in complex (post) conflict environments such as in Iraq, require constant, detailed and thorough engagement with the local population in order to be successful. If this is not done, the local population and their heritage sites will become vulnerable to further attacks, which will ultimately undermine the broad mission of UNESCO to promote peace”⁴³⁵.

According to T. Jones, UNESCO's heritage policy is one of the biggest global drivers of landscape and cultural transformation. The author writes that “in response to

⁴³⁴Nakano R. Op. cit. P. 481-496.

⁴³⁵Isakhan B., Lynn M. UNESCO's project to 'Revive the Spirit of Mosul': Iraqi and Syrian opinion on heritage reconstruction after the Islamic State // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. Vol. 25(11). P. 1189-1204.

complaints about the object-oriented approach to world heritage, a new convention and a new category of heritage has emerged within UNESCO: intangible cultural heritage (ICH).” More than 170 states have signed the convention. This article assesses the geographic scope and impact of the UNESCO ICH program and analyzes the most successful (according to the Indonesian Cultural Authority) batik textile program using the example of Indonesia. The author evaluates the impact of ICH policy in Indonesia at different levels and for different groups⁴³⁶.

S. Wu's article defines heritage as a socio-political construction that extends to customs, on the basis of regularity and localization. The article presents the study of Mongolian overtone singing (khoomei) in the UNESCO Intangible Heritage List as an important tradition of the Mongolian ethnic group in China in Inner Mongolia.

A study by A. van der Hoeven looks at how people evaluate their historic urban landscapes through heritage websites and online media. These websites are online platforms where citizens actively contribute to the preservation of the city's heritage. According to the 2011 UNESCO Historic Urban Landscape Guidelines, this study considers urban landscapes to be (1) dynamic because they change over time; (2) multilevel, as different generations and communities contribute differently to the development of urban landscapes; (3) digital, as presented through digital technologies, heritage websites.

These websites discuss heritage attributes and their value (significance). Through content analysis and qualitative analysis of 20 heritage websites representing various Dutch and English cities, the researcher examines what those who contribute to the urban environment value. In this way, the study demonstrates how online media can support a human-centred form of urban heritage conservation. This analysis shows that citizens rate the following five categories of heritage attributes: (1) built environment and public space, (2) social fabric and identity, (3) culture and recreation, (4) business and industry, (5) politics and public order. It is established that these attributes are valued because of

⁴³⁶Jones T. International intangible cultural heritage policy in the neighborhood: an assessment and case study of Indonesia // *Journal of Cultural Geography*. 2018. Vol. 35(3). P. 362-387.

their social significance (social value)⁴³⁷. The variables found – heritage perception and memory of heritage attributes – are extrapolated to study our heritage site.

An article by B. Ashrafi, M. Kloos, C. Neugebauer entitled “Heritage impact assessment beyond assessment tools: a comparative analysis of the impact of urban development on the visual integrity of four UNESCO World Heritage Sites” examines the risks of urban development for heritage conservation.

“In the context of UNESCO World Heritage, the emerging conflict between urban development policy and heritage conservation has in recent years brought more attention to the Heritage Impact Assessment (HIA) as an assessment tool to identify and analyze human impacts on cultural heritage sites in order to maintain a balance between the protection of cultural heritage and urban development needs towards sustainability”⁴³⁸. The article presents the results of studying the role of heritage impact assessment (HIA) as a tool for early recognition, analysis of potential threats and resolution of potential conflicts to protect heritage values.

The article provides a comparative analysis of four World Heritage properties whose visual integrity has been affected by urban development projects to show the different HIA procedures in these processes.

The visual integrity of the historical center of St. Petersburg (the “skyline” inscribed in the genetic code of the city) has also been violated due to urban development projects. The architects of St. Petersburg revealed the principles of urban planning and compositional construction based on the ideas of “ideal agglomeration” in the unity of man-made, natural and archaeological landscapes, in the conditions of the formation of a unique historical urban genetic code, formulating the main historical and urban planning features laid down by Peter I and consistently improved under all his successors until 1917, and also preserved later, even until 1954-1955⁴³⁹.

⁴³⁷Van der Hoeven. A. Valuing Urban Heritage Through Participatory Heritage Websites: Citizen Perceptions of Historic Urban Landscapes // *Space and Culture*. 2020. Vol. 23(2). P. 129-148.

⁴³⁸Ashrafi B., Kloos V., Neugebauer C. Heritage Impact Assessment, beyond an Assessment Tool: A comparative analysis of urban development impact on visual integrity in four UNESCO World Heritage Properties // *Journal of Cultural Heritage*. 2021. Vol. 47. P. 199-207.

⁴³⁹Sementsov S.V. Saint-Petersburg historical agglomeration – a world-scale urban planning object // *Internet Bulletin of VolgGASU*. 2012. No. 1 (20). P. 49.

The Blue Cluster collected studies in the field of tourism (management of the complex relationship of tourism and heritage conservation, impact on tourists of WHS status).

The aim of the study by MM Mariani, A. Guizzardi was to “investigate whether the designation of a UNESCO World Heritage Site (WHS or WHS) influences tourists’ assessment of the local destination in which the property is located, based on a large sample of approximately 0.8 million tourists who visited Italy in period 1997–2015”⁴⁴⁰.

Italian researchers found that “inclusion on the UNESCO World Heritage List has an unexpectedly negative impact on the overall assessment of a destination, as well as on the assessment of its artistic values”⁴⁴¹.

An article by R. Canale, E. de Simone, A. di Maio, B. Parenti examines the impact of the nomination of a UNESCO World Heritage Site (WHL) on tourist attraction. “The results show that World Heritage status, combined with a province's wealth, environmental habits, and openness to foreign markets, can influence attractiveness, confirming the List's role in promoting tourism beyond mere heritage conservation”⁴⁴².

An article by E. de Simone, RR Canale and A. di Maio examines the impact of UNESCO World Heritage Sites (WHL) on foreign tourist arrivals. Based on a sample of Italian provinces for the period 1997–2015. the positive impact of WHL status on attractiveness to foreign visitors has been proven. Listing plays a role in enhancing the attractiveness of a place⁴⁴³.

A study by S. Lee, I. Phau and V. Quintal examines how the inscription of a site on the World Heritage List affects the satisfaction and intention to return of tourists. Data was collected on visitors to the Singapore Botanic Gardens before and after WHS listing, and the results revealed significant differences between samples. Tourist push and pull factors, satisfaction and intention to return were found⁴⁴⁴.

⁴⁴⁰Mariani M. M., Guizzardi A. Does Designation as a UNESCO World Heritage Site Influence Tourist Evaluation of a Local Destination? // *Journal of Travel Research*. 2020. Vol. 59(1). P. 22-36.

⁴⁴¹Mariani MM, Guizzardi A. Op. cit. P. 22-36.

⁴⁴²Canale R. R., de Simone E., di Maio A., Parenti B. UNESCO World Heritage sites and tourism attractiveness: The case of Italian provinces // *Land Use Policy*. 2019. Vol. 85. P. 114-120.

⁴⁴³De Simone E., Canale R. R., di Maio A. Do UNESCO World Heritage Sites Influence International Tourist Arrivals? // *Evidence from Italian Provincial Data*. 2019. Vol. 146. P. 345-359.

⁴⁴⁴Lee S., Phau I., Quintal V. Exploring the effects of a 'new' listing of a UNESCO World Heritage Site: the case of Singapore Botanic Gardens // *Journal of Heritage Tourism*. 2018. Vol. 13(4). P. 339-355.

The purple cluster is associated with natural and environmental themes (the most cited articles are on flooding, pollution, and nature's takeover of ruins).

“Flood,” write Y. Hategekimana, L. Yu, Y. Nie, and others, “is a natural disaster that affects people and ecosystems on a global scale and causes catastrophic disasters. Most of the socio-economic losses caused by floods are exacerbated by incessant urban development, population growth, unregulated municipal systems and indiscriminate land use. Thus, the implementation of a flood forecasting system can potentially help mitigate the effects of floods”⁴⁴⁵.

P. Spezzano notes that “air pollution, especially in urban areas, is of concern because of its negative impact on the materials of the built environment. Cities are also home to much of our cultural heritage. Air pollution accelerates the natural wear and tear of historic buildings and monuments, causing premature aging and reducing their aesthetic value.

The results show that despite significant improvements in air quality in Europe over the past few decades, air pollution is still significant and continues to be an important factor in the degradation of cultural heritage, especially in man-made areas”⁴⁴⁶.

The article by LA Bledsoe, B. Tobin and C. Groves is devoted to karst massifs. “The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) has recognized more than 350 karst areas of global importance under various designations (biosphere reserve, Ramsar sites and global geoparks) in 86 karst countries. The publication is positioned “as a call to action to better explore, understand and defend the value of caves and karst areas for humanity”⁴⁴⁷.

The article by A. Petrig and M. Stemmler is devoted to underwater cultural heritage. “Deep-sea technology and commercial interests have threatened the protection of underwater cultural heritage in recent decades. Nevertheless, the 2001 UNESCO

⁴⁴⁵Hategekimana Y., Yu L., Nie Y. et al. Integration of multi-parametric fuzzy analytic hierarchy process and GIS along the UNESCO World Heritage: a flood hazard index, Mombasa County, Kenya // *Nat Hazards*. 2018. Vol. 92. P. 1137-1153.

⁴⁴⁶Spezzano P. Mapping the susceptibility of UNESCO World Cultural Heritage sites in Europe to ambient (outdoor) air pollution // *Science of the Total Environment*. 2021. Vol. 754. P. 142345.

⁴⁴⁷Bledsoe L. A., Tobin B., Groves C. Stronger together: understanding and protecting karst resources // *Carbonates Evaporites*. 2022. Vol. 37(9). P. 3.

Convention is capable of repelling this threat if it is fully implemented”⁴⁴⁸. This article systematizes the legislative obligations of States Parties in accordance with one of the main provisions of the Convention: Article 16. It requires States Parties to take three legislative measures: they must impose prohibitions, impose criminal sanctions and establish appropriate jurisdiction over their nationals and maritime courts. In addition, the integrated protection of underwater cultural heritage also requires measures to cover the actions of corporate maritime offenders, even though the Convention itself does not require it.

The yellow cluster is dedicated to geoparks.

According to J. Han, F. Wu, M. Tian and others, Huangshan Mountain was recognized as a World Natural and Cultural Heritage Site and a UNESCO Global Geopark in 1990 and 2004, respectively. The Huangshan Global Geopark (HUGG) is characterized by the granite landscape of peak valleys as well as other granite landscapes. Quaternary glacial relics and hydrogeological monuments have also been discovered on the territory of the geopark. Exceptional geodiversity, together with ecological resources and ancient cultural heritage, provide a valuable basis for geotourism and geopark development. The article also describes the means by which the popularization of the geopark was carried out⁴⁴⁹.

According to EE Khalaf, GA El-Kheir, “The Qatrani area is located in the Fayoum Depression, in the northwestern desert of Egypt, and is part of the Karun Protected Area (QPA). It has a natural heritage with many outstanding characteristics. The geodiversity of the Katrani area is mainly due to the diversity of rock types from the Eocene to Quaternary periods, climate and various geological markers that demonstrate the evolution of the Earth”⁴⁵⁰.

An SC Justice article on geoparks: “Over the past twenty years, there have been significant changes in geotourism, a form of sustainable tourism. It was also a period of

⁴⁴⁸Petrig A., Stemmler M. Article 16 UNESCO Convention and The Protection of Underwater Cultural Heritage // *International and Comparative Law Quarterly*. 2020. Vol. 69(2). P. 397-429.

⁴⁴⁹Han J., Wu F., Tian M. et al. From Geopark to Sustainable Development: Heritage Conservation and Geotourism Promotion in the Huangshan UNESCO Global Geopark (China) // *Geoheritage*. 2018. Vol. 10. P. 79-91.

⁴⁵⁰Khalaf EEDAH, El-Kheir G. A. The Geological Heritage and Sustainable Development Proposed for the Project Geopark: an Example from Gabal Qatrani, Fayoum Depression, Western Desert, Egypt // *Geoheritage*. 2022. Vol. 14(22). P. 1-30.

significant development of UNESCO Global Geoparks (UGGps), on the one hand through the creation of the International Geosciences and Geoparks Programme, and on the other hand, thanks to the number and diversity of UGGs recognized worldwide. <...> UGG engages professional interdisciplinary teams that bring together scientific knowledge, scientific communication and outreach activities to achieve effective heritage transmission through actions targeted at schools, local communities and the general public”⁴⁵¹.

According to L. Pastonchi, A. Barra, O. Monserrat, G. Luzi, “According to the agency of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), World Heritage Sites (WHS) inscribed on the World Heritage List (WHL) , must be protected by a proper security system to ensure their integrity and authenticity. Currently, many UNESCO sites are threatened by dangerous geological processes, but the protection of these sites does not appear to be widespread. Looking at the standard list of factors influencing the Outstanding Universal Value (OUV) of the WHS, which was adopted by the World Heritage Committee in 2008, it seems that only “sudden geological events” are considered factors that undermine the usual order of protection of properties. It's well known that kinematic phenomena can also threaten cultural and natural heritage. This study proposes an InSAR satellite-based procedure to detect and monitor the temporal and spatial evolution of ground deformation associated with slow kinematic geological hazards (slow landslides and subsidence)”⁴⁵².

We reviewed thirty of the most cited articles for the keyword “UNESCO Heritage” in the leading peer-reviewed scientific journals of the Web of Science and Scopus databases. This is a selection of scientometric programs from 6109 Web of Science Core Collection articles over 5 years (2018–2022).

Programs VOSviewer_1.6.16_exe; CitNetExplorer_1.0.0_exe helps to analyze various scientometric data (about 10 correlations). Technical software tools help to make the selection of literature systematically and objectively, since, by establishing correlations between publications, they suggest the most significant and cited works. The

⁴⁵¹Ibid.

⁴⁵²Pastonchi L., Barra A., Monserrat O., Luzi G. At al. “Satellite Data to Improve the Knowledge of Geohazards // World Heritage Sites. remote sensing. 2018. Vol. 10(7). P. 992.

proposed correlations and their visualization allow further analysis of this scientific discourse. This methodology for studying scientific discourse is productive in relation to selected groups of objects.

Links between nodes show color-coded clusters, i.e. perspectives on a topic. The machine links keywords, topics, links and articles into single clusters according to algorithms, technically. However, behind such connections one can see the dominant perspective of the dynamics of problematization.

Each visualization offers a division into clusters. Clusters are rebuilt over time. But the trends in the 5 years under consideration are clearly visible. We have identified the following major topics: social and political practices; cultural practices, environmental issues.

For UNESCO tangible cultural heritage sites, the problems described in the articles are relevant: lack of resources for conservation and restoration, lack of a consistent management plan, the need to reorient tourist flows from traditional destinations to less popular ones, the conflict between heritage management and urban development, problems of ecology and the environment.

We have considered the problems of articles on clusters.

Articles of the “periphery of visualization” cluster tell about the World Heritage sites, their location, problems, management, research and the necessary resources for the preservation and maintenance of the functioning, management plan.

Articles located in the red cluster are related to the political agenda: discussions of the inclusion of objects of memory, projects that cause interethnic disputes and conflicts, the policy of intangible cultural heritage, conflicts between urban development policy and heritage conservation.

The green cluster is formed by the most numerous connections of the considered visualization and reflects the theme of heritage management: unequal access, gentrification, tourist preferences, ethical and methodological problems of studying heritage, complex discussions of the UNESCO World Heritage Committee regarding the inclusion of sites on the List of World Heritage in Danger.

The Blue Cluster brought together studies in the field of tourism: managing the complex relationship of tourism and heritage conservation, the impact of WHS status on tourists.

The purple cluster is associated with natural and environmental themes, with the most cited articles focusing on flooding, pollution, and nature's takeover of ruins.

The yellow cluster is dedicated to geoparks and geological processes: many UNESCO sites are currently threatened by dangerous geological processes.

Five categories of heritage attributes valuable to residents have been identified:

- (1) built environment and public space,
- (2) social fabric and identity,
- (3) culture and recreation,
- (4) business and industry,
- (5) politics and public order.

Moreover, these attributes are found to be valued because of their social significance (social value), their connection to the biographies of citizens (empirical value), and their contribution to our understanding of the urban past (historical value).

The macro level, produced with the help of modern software, made it possible to isolate the most successful and relevant publications that have been verified by the scientific community in a huge array of publications.

The undertaken research shows that the scientific discourse of UNESCO heritage and identity in connection with heritage is not limited to the traditional framework of ethnos and governance, but includes a wide range of social, natural and personal conditions, the study of which is of great theoretical and practical importance.

The study of the actors involved, including natural and technical non-humans, allows us to take more effective measures within conservation policy in the context of natural and environmental changes, world heritage management policies, identity politics in connection with place and heritage, reduce the distance between “managers” and by those for whom the governance is carried out, by residents near the heritage, by civil society representatives who identify with the groups re-gathering around the heritage.

The growing attention of researchers around the world to unique and sometimes autonomous social groups in connection with heritage, to political conflicts, to active non-human (natural) agents is obvious.

3.2.1. Heritage issues and needs

The eight tasks and the corresponding needs that heritage has are displayed on the hybrid site map (see the map of the hybrid object). This type of site map is useful for understanding the relationship between tasks and needs, as well as identifying areas where improvements can be made to better meet those needs. By analyzing this information, Heritage can optimize its state, with the help of intermediaries, to ensure a longer life and a more Heritage-friendly experience for its visitors.

A literature review and interviews with subject matter experts were used to reconstruct this information.

1. Lack of funding and expertise are required for conservation and restoration. First and foremost, the state handles these issues. However, non-governmental organizations and private individuals can also play a significant role in providing resources for conservation and restoration efforts. Additionally, raising awareness about the importance of conservation can lead to increased public support and funding for these initiatives.

2. Lack of a developed management strategy, i.e., a developed strategy is required that suggests effective management, taking into account federal and international requirements for a World Heritage property, as well as modification and improvement of legislation in connection with this strategy. We have determined that the UNESCO and KGIOP structures are accountable because they oversee the World Heritage Site and are responsible for its protection.

3. Since there is a need to reorient tourist flows from traditional destinations to less well-liked ones due to wear and tear on the areas and objects of popular locations as a result of the influence and accidental damage by numerous tourists, other locations and directions need to become more well-liked. Responsible parties include the government, KGIOP, and specialists who create tours and digital representations of objects. It is

necessary to develop augmented reality and digital representations of objects because the WHS is not protected by changing environmental factors or pressure from tourists. The literature review revealed that the WHS designation itself plays a significant role in the growth of tourism because it raises awareness of the site.

4. The conflict between heritage management and urban development implies, in our case, the improvement of legislation and increased penalties for causing damage to heritage. Actors on the side of urban development: development strategy, new construction, state, government. On the other hand, actors on the side of heritage management include conservationists, historians, and local communities who advocate for the preservation of historical sites and cultural heritage. Balancing the interests of both sides requires a collaborative approach and effective communication to ensure that development does not come at the cost of destroying valuable heritage.

5. Problems of ecology and the environment imply a lack of resources, as in point 1, since insufficient funding for these budget items, there are not enough experts in the conservation of materials and the environment. Responsible stakeholders – state, government. Let's list the environmental actors interacting with the heritage, which are things, flora and fauna: geological and ecological aspects of the soil of St. Petersburg and the Leningrad region; mold, fungus, soil subsidence, humidity, groundwater, heating networks, winds and hurricanes; animals, birds, insects, flora; floods, pollution, nature's capture of ruins and ruinization; unexplored underwater cultural heritage; geoparks.

6. Projects that cause interethnic disputes and conflicts, in which the historical property of diasporas, confessions at different times in history, names and renaming are discussed. These problems are related to intangible heritage. Responsible stakeholders – government, KGIOP.

7. Discussions on the inclusion of sites of memory in the List of World Heritage Sites imply the need to prepare documentation for the inclusion of new World Heritage Sites, sites of federal significance. Responsible – KGIOP.

8. The need to optimize the policy of intangible cultural heritage, since there is a decrease in interest in heritage, there is no sufficient propaganda and popularization. KGIOP conducts such educational projects among young people. One of these projects is

the city project to promote the World Heritage Site “St. Petersburg – a World Heritage Site: Through the Eyes of Youth”, conducted jointly with the RANEPa during 2016-2023. Interested institutions – school, universities, scientific research.

Thus, the characteristics and affordances of the main actor of our assembly are presented. Solving these problems, developing strategies and policies strengthens the urban identity associated with these practices, which can be presented and recommended as practices of urban identity in the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg. This approach not only enhances the cultural heritage of St. Petersburg but also promotes sustainable development and community engagement. It is essential to prioritize these practices to preserve the city's identity and promote its growth in a responsible manner. By involving the local community in the preservation and promotion of St. Petersburg's cultural heritage, it fosters a sense of pride and ownership among residents, leading to a stronger and more cohesive community. Additionally, sustainable development practices ensure that future generations can continue to enjoy the city's unique identity and resources. Next, let's take a look at existing identity practices and how they relate to heritage issues.

3.3. Identity practices of a Petersburg

St. Petersburg expresses itself through rituals, holidays, and symbolism. These practices can be linked to the need to improve government design and educational initiatives as well as the intangible cultural heritage policy. The Bronze Horseman, a boat on the spire of the Admiralty, and an angel on the spire of the Peter and Paul Cathedral of the Peter and Paul Fortress are historical symbols of St. Petersburg that are mentioned in Articles 6–8⁴⁵³ of the Charter of St. Petersburg.

Rituals and holidays found in our study: the smelt festival (May 15), Scarlet Sails (June 25), noon shot from the cannon of the Peter and Paul Fortress. Unique city holidays: Day of the liberation of Leningrad from the fascist blockade (January 27); City Day (May

⁴⁵³ Statute of St. Petersburg (as amended on 22 February 2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/8308279> (date of reference: 07.03.2023).

27). These historical symbols of St. Petersburg can be used as a basis for designing educational activities that promote the preservation and appreciation of intangible cultural heritage, in line with the government's policy. By incorporating these symbols into educational programs, future generations can learn about the city's rich cultural heritage and help ensure its continued existence.

What can you do in the historic city center?⁴⁵⁴We studied the practices of urban youth using various methods, the results are presented in articles and archival materials⁴⁵⁵. The most frequent responses of students: boat trip with music; visiting a museum or exhibition; sit with a friend in a cafe; go to a party; go on an excursion; take a walk along the Neva embankment; eat on Rubinstein; go to the roof; see drawbridges; walk around the yards.

These practices can be correlated with the problem of tourist flows and the ecology of the city, since the routes are popular and constantly reproduced, provoking the deterioration of known territories and locations.

In the Russian-language literature on leisure practices and urban identity, we find autoethnography (reviews of how young people observe themselves and their practices published on the Internet).

As a result of research practices, it was revealed: the ability of heritage to convey the values of identity; emotional perception of the city, events and World Heritage sites, building identity narratives for newly arrived young people from the periphery, to which we can also include the younger generation of citizens, structuring the norms of social interaction with cultural heritage, understanding the value of tourism.

According to the UNESCO criteria for our heritage site, our research has shown that youth leisure has little to do with the unique cultural heritage of St. Petersburg. We came to the conclusion that cultural programs and city-wide events related to St.

⁴⁵⁴Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices. *International Journal of Tourism and Hospitality*. 2022. 2. P. 56-69.

⁴⁵⁵Sosnovskaya A. Features of the city of St. Petersburg (Russia) according to youth survey [Electronic resource]. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/ndb6y3xxc4>; Sosnovskaya A., Orlova O. Students' survey on urban identity [Electronic resource]. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/cdx3p3npk4/1>; Sosnovskaya A. Visual metaphors of St. Petersburg and the ball [Electronic resource]. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/9ty6ynhn7b/1> (date of access: 03/07/2023).

Petersburg can help local youth live better lives and support heritage preservation. It was discovered that young people underuse the city's cultural and recreational offerings.

We came to the conclusion that the majority of students view history as a monumental discursive phenomenon—majestic and rich in meaning—that is, as something to be proud of and admired from a distance but without having any control over how it turns out. Such an attitude entails remote contactless communication if we think of the city as an actor with agency and a subject. However, some students consider transforming historic locations into co-working and recreation areas, discuss pedestrian areas, and incorporate landscaping, flowers, and other natural elements into their projects to further their idealized visions of urban space.

As a result of numerous studies, we came to the conclusion that the attitude of students to heritage is remote, associated with the unwillingness to associate their leisure time with heritage. There is also a lack of awareness about heritage, which, of course, is a flaw in the education system, city management and city policy. These are heritage issues 4 and 8.

We also refer to urban practices the practices of experiencing climate and landscape features: white nights, flat terrain, straight roads, humid climate, wind and a lot of water (rivers, canals, bays).

We also consider social practices as practices of urban identity. The youth tradition of bar-hopping (moving from one small bar to another without staying anywhere for a long time) makes the Northern Capital akin to European cities. Among practices, we include a special attitude to the culture of communal apartments and historical courtyards, roofs; understanding of the unique urban word usage and pronunciation: front doors and curbs, chicken and buckwheat, bun; understanding by all respondents of the concept of “Petersburg text” as the artistic development of the city in works of literature and art; understanding of the world status of the city.

The object “Historic Center of St. Petersburg and related groups of monuments” became in 1990 the first Russian object included in the UNESCO List. It is unique in scale not only for Russia, but for the whole world. The structure of the facility includes 36 components and 86 elements located on the territory of two constituent entities of the

Russian Federation – St. Petersburg and the Leningrad Region. In addition to visually appealing architectural ensembles, the city and palace suburbs, built before 1917, protect regular buildings, compositional unity, silhouettes and skyline⁴⁵⁶.

Practices of St Petersburg's identity, urban identity, are linked to material actors such as white nights, flat terrain, straight roads, humid climate, wind, abundance of water, smelt fish, etc. The infographics on St Petersburg identity (from the hybrid object) were verified and discussed at the academic slam⁴⁵⁷.

Next in our collection are dispositives of discursive groups presented in the discourse on the cultural heritage of St. Petersburg. It was revealed that such elements as goals and values are the main ones in maintaining group identity in relation to heritage and the main drivers of discourse, its maintenance and reproduction in media communication. The paragraph is built on the material of the published article by the Higher Attestation Commission⁴⁵⁸.

3.3.1. Value- and Goal-Oriented Dispositives of the Discourse of Cultural Heritage in the Procedures of Political Communication

Based on the material of the study of political communication regarding the preservation of heritage, we single out differentiation: value-oriented and goal-oriented dispositives of the discourse of cultural heritage. Some groups pursue clear goals, others appeal to values. The aim of the study was to deconstruct discourses and identify the value-oriented and goal-oriented components of dispositives that allow understanding the motivating drives of articulation and communication in social networks and adjusting the policy of urban identity.

⁴⁵⁶ See: Sosnovskaya A. M. Antagonism of discourses around cultural heritage // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. T. 4. №. 3. P. 125.

⁴⁵⁷ Science Slam is an international science popularization project, science slam | RANEPa St. Petersburg. URL: https://vk.com/sosnovskayaannam?z=video-23746949_456239721%2F5fc7dbe2573f2d5b5c%2Fpl_wall_590717497 (date of access: 10/31/2022).

⁴⁵⁸ Sosnovskaya A. M. Value and goal-oriented dispositives of cultural heritage discourse in the theory of political communication. P. 93-102.

The article applied the method of actor-network theory to the data reconstructed from the texts of social networks of residents and city defenders about the cultural architectural heritage of St. Petersburg.

Identity is considered both as a discursive construction and as an effect of the configuration of human and non-human actors that respond in social practice to the current transformation of the symbiotic relationship between man and the environment.

On the material of the media and social networks regarding the destruction of the building of the arena of the Life Guards of the Finnish Regiment in St. Petersburg, the content was analyzed using the discursive method and actor-network theory. Three possible levels of use of ANT in the analysis of political communication around cultural heritage are identified and illustrated: (1) material objects stabilize social relations, (2) have real and sensual qualities that contribute to projective identification, strengthening urban identity, (3) ensure the spatiality and integrity of the city.

In the course of analyzing the boundaries of network interactions, the psychoanalytic concept of “lack” is actualized as an insoluble contradiction and antagonism of discourses, as a projection of anxiety in texts with the prevailing uncertainty of the current motivation.

The result of the study was the identification of value-oriented and goal-oriented dispositives of discourses in the field of urban identity and the development of a program for the policy of communication with network actors. The identification of dispositives made it possible to establish the conditions for productive communication as a determining factor in symbiotic regimes in the modern city.

The digitization of the media has made it possible to treat the problem of heritage in a new way, seeing in it not just a set of objects, but certain ways of fixing social practices and building accountable interactions. In this sense, digitalization is understood in this article as being capable of resisting destruction, such as the destruction of individual cultural heritage objects: it is it that forms network models that substantiate the full functional range of heritage and its significance for social development, including the development of speech and communication practices in modern city.

First of all, we analyzed communication in social networks about the cultural heritage of St. Petersburg as a political discourse of city defenders, identifying markers of the goals and values of the dispositive of this discourse. Focusing on one discourse, we discovered and reconstructed the practices of all other discourses included in the hybrid object in the background. The application of the principles of the actor-network theory made it possible to consider physical spaces, tangible and intangible heritage as active actors in the environment of life.

Cities consist of different socio-cultural spaces⁴⁵⁹, in St. Petersburg, the delimitation of such spaces is divided depending on the optics of the beholder. Officially, the borders are lined up by districts: the historical center, sleeping areas and the nearby suburbs, the settlements of which are sometimes city districts (Pushkin, Kurortny district, Petrodvorets and others), while some areas within the city (Murino, Kudrovo) belong to Leningradskaya areas; subjectively, the boundaries of the city and the urban environment are built according to material and intangible values: along architectural ensembles, along the hydrological network, sights, heritage locations, places of memory, literary routes.

In the minds of citizens, microdistricts of the city are perceived as separate and specific spaces with their own unique history, atmosphere, architecture, cultural centers and sights. Some of the spaces that belong to the 23,717.3 ha UNESCO World Heritage Site have been listed here⁴⁶⁰.

Israeli researchers who have prepared a review of the literature on ANT, OOO and discourse analysis in relation to urban social spaces and the connections between them note that “each urban social space has an “identity” defined by a specific mixture of social groups and the specificity of real and sensual qualities. These qualities create a sensory object with a specific sensory identity in a network of different urban social spaces⁴⁶¹.

Since 2016, we have been studying the UNESCO World Heritage site, which includes the historical center of St. Petersburg and related groups of monuments, using

⁴⁵⁹Social space of a big city: monograph / P. V. Bizyukov, E. P. Evdokimova, Yu. A. Eremenko [and others]; ed. G. V. Eremicheva. St. Petersburg: SI RAN – branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2018.

⁴⁶⁰Sosnovskaya A. M. M. Value- and Purpose-Based Dispositions of Cultural Heritage Discourse in Political Communication Theory // Humanitarian Vector. 2022. T. 17, № 4. P. 93-102.

⁴⁶¹Jabareen Y., Eizenberg E. Theorizing urban social spaces and their interrelations // New perspectives on urban sociology, politics, and planning. planning theory. 2021. Vol. 20(3). P. 220.

different optics of the humanities to study both individual urban spaces with their own special identity, and the politics of a common urban identity. We study the politics of urban identity as a discursive-material assembly (assemblage) and as an articulation in discursive communication for determining the fate of heritage. Our study of media and social networks for 2021-2022 identified 10 discursive groups that are in a constant process of group formation based on their dispositives and collaborative or antagonistic relationships⁴⁶². We integrated the ANT program into the study of these discourses, creating a hybrid optician – what the sociologist Nico Carpentier calls the “discursive-material node”, with the help of which the researcher studies media communication⁴⁶³.

Let us consider the spatial characteristics of the city and the region in order to show the presence of active material actors that support the uniqueness of the World Heritage site. We will use the research of city architects to consider the city as an authentic agglomeration, such a physical environment that allows you to preserve the qualities of city objects in the environment, which in turn form and strengthen the city identity through projective identification, which corresponds to aestheticization practices both in architecture and in art and poetry, according to G. Harman⁴⁶⁴.

The article by the architectural researcher S. Sementsov formulated the main historical and town planning features laid down by Peter I and gradually improved under all his successors until 1917, and also preserved later, until 1954–1955.

According to ANT, the spatial aura, consisting of the work of things, leads to additional social and cultural effects that are not limited to those provided by individual things and their combinations. Here is a quote by S. Sementsov with abbreviations, showing the simultaneous creation of material objects that form the environment that allows you to preserve the heritage and symbiotic unity of the natural, architectural and cultural components of St. Petersburg: “... with the development of the St. Petersburg agglomeration, they created consciously and immediately:

⁴⁶² Sosnovskaya A. M. Politics of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg. P. 68-83.

⁴⁶³ Carpentier N. *The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation*. New York: Peter Lang, 2017.

⁴⁶⁴ Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. M.: Ad Marginem Press, 2021.

1. The fortification system, very developed, including several “ideal” fortresses, redoubts, forts, defensive lines, including land fortifications of the center and periphery of the city. <...>

2. The city-metropolis of St. Petersburg with its near suburbs and near suburban areas almost immediately on many islands and territories of the Neva delta. <...>

3. The most extensive strips and zones of suburbs in the unity of regularity and ensemble. <...>

4. A system of communications (land and water), which provided optimal territorial connections between all spatial elements.

5. The system of visual, symbolic, general cultural dominants in the entire space being mastered, as a spatial system of visual connections”⁴⁶⁵.

What are the irreplaceable connections of things, materials, landscape, design, flora and fauna and other participants of the non-human St. Petersburg agglomeration built over 300 years? The being of things is constantly recreating, reassembling the object. For 300 years of the history of Russia, in all the contradictory nature of its development, the object acts as an intentional object, available for individual and collective consciousness, and broadcasts its “genetic code”. Experts from UNESCO and other international expert communities recommended the conservation of the World Heritage site. The material and non-material aspects of the urban space named by the experts form the core of the relations of actors that ensure the stability and integrity of the object and exclude its transformation.

Modern Western and domestic studies of cities, urban spaces and urban identities draw attention to the spatial, economic and social transformations that occur as a result of globalization and neoliberalization, which lead to social differentiation in society. Social and political sciences explain the formation of urban social spaces through the prism of the struggle between state and capital, cultural and ethnic domination, the

⁴⁶⁵Sementsov S. V. Saint-Petersburg historical agglomeration is a city-planning object of a world scale // Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. 2016. No. 1. P. 42

functional evolution of locations, voluntary self-distribution and the movement of people⁴⁶⁶.

Existing approaches and methodologies lack the incorporation of ideas emerging from the spatial and material turn to better understand the socio-spatial relationships of urban dwellers based on identities and values as effects of materiality.

Sociologist Victor Vakhshstein reconceptualized the ANT methodology in relation to Russian urban spaces and to the research itself⁴⁶⁷. The sociologist presented three levels of turning to the material in the practices of researchers.

The first level – “material objects become full participants in the social world”⁴⁶⁸. The second level is the sociology of things *sui generis*, up to B. Latour's call in his modern lectures to create a “parliament of things” with the right to vote, and to ask permission for joint activities by the sea. Vakhshstein, within the framework of this approach, in his practice explores the sociology of machines controlled by artificial intelligence, construction materials, which have their own affordances and phenomenology. The third level of deepening in ANT is the theory of topology and space, which goes back to Leibniz, who considers space as the order of coexistence of bodies: “... space is recognized as a completely relational characteristic – a characteristic of the relationship, juxtaposition, coexistence of bodies”⁴⁶⁹.

Thus, the city as a spatial object is supported by a stable core of material and non-material relations that do not allow metamorphoses and transformations to take place. With regard to our heritage, one can ask rhetorical questions: how much destruction of the agglomeration, remakes, oblivion of texts and historical memory is needed for the authenticity of the heritage to be lost and the city to transform into a different state?⁴⁷⁰

Projecting the principles of ANT onto the city, we note that urban social spaces are not fixed, but rather relational, procedural, dynamic, open, representing discourses and networks of relations between people and non-people. We define discourse as a flow of

⁴⁶⁶Jabareen Y., Eizenberg E. Theorizing urban social spaces and their interrelations // *New perspectives on urban sociology, politics, and planning. planning theory*. 2021. Vol. 20(3). P. 211-230.

⁴⁶⁷Vakhshstein V. S. *Imagining the city: an introduction to the theory of conceptualization*. *Studia urbanica*, 2022.

⁴⁶⁸*Ibid.* P. 460.

⁴⁶⁹*Ibid.* P. 471.

⁴⁷⁰Historical layer/disappeared object in the city of St. Petersburg [Electronic resource]. URL: <http://wikimapia.org/city/saintpetersburg/tag/45694/2> (accessed: 07/11/2022).

various communicative processes, where different actors fight for meanings through constant articulation and fixation of their meanings and pictures of the world.

Social relations and actions that are articulated in discourse are understood as networks that connect people, things and events in one knot that needs to be unraveled. Political theory of E. Laclau and Ch. Mouffe⁴⁷¹ suggests that any social reality is discursive, as containing opposing fundamentally unresolvable points of view and explained as a whole through these differences. The concepts of fantasy and “ontological lack” of subjects by J. Lacan⁴⁷² is consonant with the unsolvable situation of Laclau and Mouffe.

Like ANT, object-oriented ontology (OOO) asserts that there are real objects “outside of text” and discursiveness. This approach to objects makes it possible to get rid of the text-centric systematization of qualities. Graham Harman distinguishes between real objects and real qualities, as well as sensible objects and sensible qualities⁴⁷³. The urban spaces of the St. Petersburg agglomeration are real and sensual objects with real and sensual qualities. G. Harman suggests that, although real objects and qualities exist regardless of whether we perceive them, sensible objects and qualities exist only as connected acts of human consciousness, the phenomenology of a thing, and the aesthetic perception of the very situation of a thing. Thus, the St. Petersburg agglomeration influences the residents and visitors of the city, forming an ethical and aesthetic response.

As a result of the study of texts in the media and social networks, we found that 10 groups of the network public speak about heritage, which can be placed on an antagonistic continuum: preservation of heritage vs. transformation and reshaping of the city.

The networked public should be understood in terms of “public” – an ambiguous term that is used in different disciplines to refer to different concepts. One approach is to construct a “public” as a collection of people who share a “common understanding of the world, a common identity, a demand for inclusiveness, a consensus on collective

⁴⁷¹Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. New York: Verso Books, 2014.

⁴⁷²Lacan J. *Seminars. Book 10. Anxiety*. M.: Gnosis: Logos, 2010.

⁴⁷³Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. P. 140.

interests”⁴⁷⁴. The concept of the public is in many ways an “imagined community”⁴⁷⁵. Some scholars argue that there is no single public, but that there are many publics in which some people are included and others are excluded⁴⁷⁶. Studies in culture and media offer their own perspective on the concept of the public or audience, which are used as terms for a group, limited by a common text, whether it be a worldview or a representation, a representation⁴⁷⁷. The audience created by the media is the public, but not necessarily passive. For example, Michel de Certeau argues that the consumption and production of cultural objects are closely related⁴⁷⁸, and Henry Jenkins applies these ideas to the creation and distribution of digital media⁴⁷⁹. According to Nancy Fraser, the public is not only a place of discourse and opinion, but also “an arena for the formation and realization of social identity”⁴⁸⁰.

Dispositives, action drivers and articulations underlie the discourses of the network community and the public. According to M. Foucault, dispositives are a system of strategic goal-setting guidelines and a matrix for configuring cultivated practices⁴⁸¹.

Discourses / Concept:

1. Heritage Conservation / Against the demolition of historical buildings and for the preservation of the unchanged appearance of the city with its landscape and spatial characteristics.
2. Discourse of business, builders, urban development / Aims at developing areas for the benefit of residents, offering and demonstrating economic benefits.
3. City defenders / The most radical, politicized, active; stands for the preservation of heritage.

⁴⁷⁴Boyd D. Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications // *A networked self*. Routledge, 2010. P. 47-66.

⁴⁷⁵Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. M.: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo Pole, 2001.

⁴⁷⁶Warner M. Publics and counterpublics (abbreviated version) // *Quarterly Journal of Speech*. 2002 Vol. 88(4). P. 413-425.

⁴⁷⁷Livingston S. About the media (tyzation) of everything // *Communications. Media. Design*. 2017. V. 2, No. 2. P. 146-170.

⁴⁷⁸Certeau de M. *Invention of everyday life*. Issue. 1. The art of doing. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013.

⁴⁷⁹Jenkins G. *Convergent culture: the collision of old and new media*. M.: RIPOL classic; St. Petersburg: Pangloss, 2019.

⁴⁸⁰Fraser N., Bartky S. L. (ed.). *Revaluing French feminism: critical essays on difference, agency, and culture*. Indiana University Press, 1992.

⁴⁸¹Foucault M. *Will to Knowledge // Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. M.: Magisterium-Castal, 1996. P. 97-268.

4. “Creative City” and “Creative Class” / Promotes ideas of creativity, projects for the sustainable development of the city, updating the discourse about creative industries, spaces and new creative specialties.
5. Architectural production and expertise / Here, architecturally competent actors interpret the places and purpose of buildings, develop projects for the restoration of historical locations and the transformation of existing space.
6. Things and heritage as such / Speaks through experts, historians and curators who represent the interests of a particular object, building or location. Insists on keeping the city code, things in context, since the object is stable only in its environment.
7. Discourse of young city dwellers of generation Z / Modern forms of expression and activity are present in media texts: crowdsourcing, flash mobs, social networks, blogs with youth interpretation of the city, heritage and leisure practices.
8. UNESCO discourse / Requirements for compliance with international standards and rules for the conservation of World Cultural Heritage sites.
9. Discourse of encumbrance / Restrictions and responsibilities imposed by heritage, for example, on tenants and residents of the center.
10. Journalists / Preservation of heritage and against its destruction.

The dispositives that make up the discourses of the listed groups represent the stages of movement towards the goal or understanding of the mission of the existence of groups. Goal-oriented concepts of discourses find their expression in actions, supported by values and emotional modes of communication.

Values - key meanings and meanings – are then the final justification for the underlying assumptions, the choice of concepts and language, and the driver of action. Assumptions, concepts and goals are determined by values in the form of well-defined linguistic clichés, which by their very structure are aimed at legitimizing discourse. A concept is a plan to be implemented on the basis of learned relations with the environment, incorporated knowledge and actions.

Basic assumptions or assumptions run like a red thread through all discursive practices within the scope of authority, one discourse or another. We consider identities as performative, based on actions and statements that change the situation, that is, implying

authentic self-presentation, meaningful actions in the environment in accordance with certain abilities, skills and preferences, emotionally colored, for the sake of a specific goal and mission. Competences are the skills and abilities that enable action to be taken; according to ANT, they also come from outside, are loaded into us as computer programs, plug-ins: “The expressiveness of the plug-in metaphor is due to the fact that competence comes not in bulk, but literally in bits and bytes”⁴⁸². The selected 10 components or tools of dispositives can be compared with a bundle of strings in the actor-network linkage, where the actor is a puppet and the goal of the connections pulling it in different directions. These are the metaphors of B. Latour, which help to better understand the actions of material agents. It can be assumed that the instruments jerking to one side correspond to a consistent dominant identity. However, freedom and emancipation, according to ANT, is led by a greater number of connections, and not a single direction. If in B. Latour the interconnection of people and things is metaphorically represented as a set of threads pulling a puppet, then in his colleague J. Lo it is a metaphor for writing tools for minds and bodies. The city, as a writing device, the hinterland, writes on the minds and bodies of citizens with its phenomenological manifestations: climate, architecture, flat landscape, low buildings, humidity, myths and literary images – everything that represents the tangible and intangible heritage of the city. This writing device produces a statement that, on the one hand, is often ambivalent and allegorical, and on the other hand, it is unconscious and goes beyond the possibilities of language – bodily, semiotic⁴⁸³.

Proceeding from such non-anthropocentric optics, we will analyze the discourses and their dispositives inside the case of the destruction of the Finnish Life Guards Regiment building in the historical center of St. Petersburg, on Vasilyevsky Island, on line 20, 19, with the aim of reconstructing the dispositives, the network of actors, discursive strategies and tactics. Since April 16, 2022, 728 posts have been analyzed within two weeks, which include messages and comments on them in social networks.

⁴⁸²Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. P. 275.

⁴⁸³Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. M.: Ad Marginem Press, 2021; Low J. *After Method: Disorder and Social Science*. M.: Publishing house of In-ta Gaidar, 2015; Kristeva Yu. K. *Semiotics: Studies in Semantic Analysis*. M.: Academic Project, 2013.

The bulk of messages are on VKontakte, which is the preference of St. Petersburg residents and also an actor in the city's identity. FB messages belong mainly to sympathizers from other cities. The key phrase for the search: “arena of the Life Guards of the Finnish Regiment.” Let's analyze a group of city defenders and their discourse⁴⁸⁴.

The authors of the posts convey their thoughts in different genres. Texts have different intentionality. Comments reinforce, devalue, or refine the main message of the post. Emoticons are actively used. Citizens appeal to the politics of memory and the general traumatic history of the Siege. Some hope, believe in irrational things – in a miracle, in a good person in the St. Petersburg metro, pray to saints, cry out for justice and punishment for the guilty. Others experience helplessness, emptiness, hopelessness and depression. The Investigative Committee is checking the legality of the demolition of the arena of the Life Guards of the Finnish Regiment in St. Petersburg: the case is accompanied by representatives of other discourses: authorities, experts, scientists, Russian and international organizations.

The studied group, that is, the defenders of the building, is not homogeneous (mostly communities in the social networks of the Vasileostrovsky district, but there are also representatives of other regions, cities, countries), there are internal conflicts in the group (for example, with tenants of communal apartments on Vasilyevsky Island from Asia; a conflict between a worker who would like to return the plant to its place, near the house, and the younger generation, who would like to create a creative cluster in this building, and move the factories outside the city limits).

Let us consider the components of the dispositive of the discourse of the city defenders of the case under consideration, we will single out the actors of each dispositive:

- 1) Environment – Vasilyevsky Island (actor – place, building).
- 2) Actions – mourning / regretting the loss of the building, searching for the guilty, aggression against them, mobilizing the community to resolve the questions: Who is to blame? What to do? (actors – people, letters, organized events).

⁴⁸⁴The following quotes are from the VKontakte social network. See: Group “We live on Vasilyevsky / Vasilyevsky Island. Voice of the Vasileostrovsky district” [Electronic resource]. URL: <https://m.vk.com/vasilyevskiyostrov?from=post> (date of access: 05/12/2022).

3) Competences – communications, appeals for help, petitions, control in court, rallies – spontaneous mobilization of civil society (actors – people, letters, petitions, organized events).

4) Values – a single authentic image of VO, the policy of memory of the Second World War (a bakery during the Blockade) (actors are sensual objects of memory and aesthetic perception).

5) Identity – a resident of Vasilyevsky Island, a Petersburger (clarification of the characteristics of groups, cultural communication in a group) (actors – people, ideal characteristics of identity).

6) Concepts – punish the guilty, restore the monument (actors – people, petitions).

7) Assumptions (even if this is not the 19th century, but a remake) are a monument to the Blockade (actors are people, documents, reports).

8) Goals, mission – to preserve the historical appearance and heritage (actors – people, real and sensual objects).

9) Affect – fear of destruction of identity, history, culture, memory; positions of the victim and the aggressor; confusion and absurdity of the situation; conspiracy theories to reduce cognitive dissonance (actors – people, images, fantasies, excuses).

10) Non-verbality – destruction in a situation of stress of a military operation, lack of security, support and stability, anxiety. Feelings are associated with the loss of an aesthetic and familiar object of the environment (actors – people and their psychological states, the context of insecurity).

We position the discourse under study within the framework of the methodology of the previously identified 5 ANT markers:

1. “Natures of groups: there are many conflicting ways for actors to acquire an identity”⁴⁸⁵.

We observe the assembly and disassembly of the group through linguistic markers: in the first case, “we”, “together”, and in the second, contradictions and conflicts within the chain of comments, the reproduction of the dominant discourse of norm and order.

⁴⁸⁵Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. P. 29.

There are many calling and mobilizing intentions, search for solutions, showing the groups of other identity constructed in the text in relation to the problem, for example:

We must stand to the end, as in the Blockade: if the UK supports the demolition, one historical building after another will also quickly disappear, which the Nazis did with the city during the blockade.

We must unite in the struggle, follow the example of active citizens, otherwise the developers will not stop, because they “felt permissiveness”: it is believed that the developers felt permissiveness not only because of the criminal connivance of destruction by Sergei Makarov, but also because of the similar position of vice – Governor Nikolai Linchenko.

A message to the government to leave the city saved in the Blockade alone: they saved it during the blockade. They are all fed up there, can you leave the city alone?

It is necessary to ask for help from a district deputy, appealing to army feelings: there are deputies in the Legislative Assembly of St. Petersburg whose life was once closely connected with the army. “Our representative” does not count.

We must hold on longer and believe in a miracle: the building belonged to the army of the Russian Empire (doubts, clarification of the addressee's interest): “Larisa, what if ?! Miracles do happen.”

2. “Natures of actions: any action seems to be intervened by many different agents, changing its original goals”⁴⁸⁶.

Appeals and disputes about the motives and forces behind the events were found in the communication. Otherworldly forces, G-d, aliens, mafia, conspiracy theory are included in the actions. The authors of the posts broadcast despair, helplessness, futility of efforts, devalue the activity of others⁴⁸⁷, note the absurdity of the situation: the examination and the trial are carried out after the destruction of the building, which confirms the thesis of B. Latour that the action is opaque, unconscious, is a tangled knot

⁴⁸⁶Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. P. 29.

⁴⁸⁷“Are you seriously? Guys, we were all sold, bought and sold again! Even if everyone sells a kidney, we won’t succeed, no matter how much we want with all our heart and soul!”

of influences, and the proper and improper is clarified already on the basis of current social practices, including the practice of accusatory speech, parrhesia, by M. Foucault⁴⁸⁸.

3. “The nature of objects: apparently, the category of agents participating in the interaction should remain open”⁴⁸⁹.

B. Latour writes that “if inequality develops, then this is proof that actors of other types, non-social ones, have entered the game”⁴⁹⁰, that is, power relations, hierarchy, inequality of resources, injustice – these are the actions of the immediate materiality of the actors who have entered the game. The material heritage, the living environment of Petersburgers maintain a constant discursive antagonism. The following five changes in the environment provoke a powerful response and attempts to restore the environment, homeostasis:

- breakage and destruction;
- innovation and change;
- actions of ignorant users, vandals;
- return through archives, museums in case of loss of integrity;
- the work of memory through fiction, the “Petersburg Text”, which reconstruct the relationship between things and people.

The response of the population to even minor changes in the familiar urban landscape is always very strong, in the sense of irreversibility and tense interpretation of what happened as a social event, because the cultural heritage is incorporated and represents a strong local identity⁴⁹¹. The destroyed heritage object broadcasts its activity, the effect of which is a social surge and the rise of activism and the reassembly of group identities, the search for the restoration of homeostasis. The discussion continues as the actors appeal to things and hope for restoration through the examination of the foundation, documents, cadastre and other material mediators of the study.

4. The fourth principle of B. Latour is connected with the construction of reality: “In order for any construction to take place at all, non-human entities must play a major

⁴⁸⁸Foucault M. Foucault M. *Speech and Truth: Lectures on Parrhesia (1982-1983)*. M.: Delo, 2022.

⁴⁸⁹Latour B. *Op. cit.* P. 29.

⁴⁹⁰*Ibid.* P. 83.

⁴⁹¹Markov A. V. 1980: the year of birth of everyday life. Moscow: Europe, 2014.

role”⁴⁹². In our case, there is no construction, but there is deconstruction captured on cameras and hope for the future restoration of the building.

5. “Finally, research type uncertainty”⁴⁹³. We are talking about writing reports, texts in which the polyphony of the studied actors should sound. The text is the laboratory of the actors that operate in the research field, it is also the research of the World Heritage Site⁴⁹⁴.

Texts are written in different genres, including fiction, which have a deep impact on perception. Allusions, contrasts, comparisons, allusions and puns are actively used, which may indicate the insecurity of direct statements, as well as situations of anxiety and tension relief due to wit and avoidance of direct contact. The ability to avoid contact can be useful in certain situations, “when the intensity of passions is too great and can lead to devastating consequences”⁴⁹⁵. The analyzed situation is just an example of such intensity of passions⁴⁹⁶. Citizens cite poetry, classics from St. Petersburg⁴⁹⁷, appeal to morality and law⁴⁹⁸.

This situation can be interpreted as the discovery of an object for one's lack, which can never be filled⁴⁹⁹. Lack is experienced as anxiety. An illusion of lost paradise, lost integrity and value is created. Aggression is projected onto the guilty: concrete people and abstract evil. When the considered ACT markers are activated, the reality of things (Heritage) changes and the urban identity is transformed.

We have shown that heritage texts have not only discursive but also functional specificity within the network of people and things. The key political significance of studying the discursive characteristics of identity lies in the possibility of extrapolating the conclusions to the policy of all-Russian identity in the aspect of preserving cultural heritage and group solidarity.

⁴⁹²Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. P. 120.

⁴⁹³Latour B. Op. cit. P. 29.

⁴⁹⁴Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices. *International Journal of Tourism and Hospitality*. 2022. № 2. P. 56-69.

⁴⁹⁵Ginger S., Ginger A. *Contact Gestalt Therapy*. St. Petersburg: Special Literature, 1999.

⁴⁹⁶The demolition season for historical buildings in St. Petersburg is in full swing.

⁴⁹⁷I don't want to choose a country or a churchyard. I will come to Vasilyevsky Island to die ... (I. Brodsky).

⁴⁹⁸And there is also a kindergarten next door.

⁴⁹⁹Blanchot M. “Lost” affect of psychoanalysis. URL: <http://psyagora.narod.ru/affect.doc>; Stavrakakis J. Ambiguous democracy and the ethics of psychoanalysis // *Logos*. 2004. T. 2. P. 42; Zizek S. Sublime object of ideology. 1999.

It is shown that digitalization allows, through communication, to resist the destruction of social spaces, subject to the conditions for updating content as part of network interaction, contributing to the development of communication practices in a modern city.

It is revealed that each social space of the city has its own identity, having its own repertoire of social and communicative interactions, and the general agglomeration of the world heritage site “St. object integrity.

Discursively formed groups have been identified that articulate their vision of heritage policy on the basis of reconstructed dispositives of groups, where goals and values are motivating. Sources of uncertainty in human and non-human communication that make up the ANT research program are illustrated.

The texts of our case contain many inciting and mobilizing intentions, options for finding solutions, showing the groups constructed in the texts with a different attitude to the problem, articulating a different vision of the situation. The value-oriented and goal-oriented dispositives of the discourse of the studied group are aimed at restoring changes in the material environment.

In the procedure of any communicative action, for various reasons, many different arguments are built in that change its original goals. These are strategies such as discussion, questioning, clarification, emotional response, depreciation, interpretation using artistic techniques of the text.

The destroyed heritage site broadcasts its activity, the effect of which is social revitalization, which leads to the reassembly of group identities, as the goals and values of the group are clarified in the changed environment. The discussion becomes valid through the participation of things in the network: the actors appeal to things as a necessary part of the produced network and hope for the restoration of the building through the examination of the foundation, documents, cadastre and other material mediators of the investigation.

The reconstruction of the object is presented in photographs, memories of the restructuring of the building, its functions and the emotionally charged history of the city, personal evidence of aesthetic experience, there is hope for future restoration – these

articulations of discourses help to strengthen dispositive discourses and urban identity and substantiate it as a framework for further cultural events.

Texts are written in different genres, including fiction, which have a deep impact on perception. The texts are one polyphonic text due to numerous comments, interpretations, constructive proposals and represent a field of articulation of interest groups, their goals and values that guide the policy of urban identity. The presented method can be applied to assemblies of actors of other discourses and interest groups.

It can be argued that the manageability of a political unit, city, state, today is determined by the ability to organize an effective coordination process based on legislation and defining a communication dialogue with civil society to develop a system of public goods, public values and make political decisions that increase the level of competitiveness of political actors and lead to inclusive social development, taking into account the different human and non-human actors involved, such as heritage and digital media and others, since “the digital institutional platform provides the principles of equality, indifference, reciprocity and autonomy”⁵⁰⁰ and at the same time dictates the terms of participation and compliance⁵⁰¹.

Scientists note the complication of social and non-social processes⁵⁰²A: environment, ecology, spaces and territories, material objects determined by the development of intensive communication, globalization, the growth of liminal structures and uncertainty, the openness of interaction spaces, an avalanche of technological and social innovations. The correlations of subjective and objective, virtual and real factors and processes of modern social development and politics that make up the assemblages of activities are characterized by dynamism. The managerial response will also be an

⁵⁰⁰Smorgunov L. V. Participatory controllability and digitalization // Management of the development of large-scale systems MLSD'2019: Proceedings of the twelfth international conference Scientific electronic edition. M.: Institute of Management Problems. V. A. Trapeznikova RAN, 2019. P. 1270-1273.

⁵⁰¹Sosnovskaya A. M. The Influence of Digital Agents on Communication and Media Practices: Actor-Network Theory // Proceedings of the Northwestern Institute of Management RANEPa. 2023. T. 14, № 1(58). P. 144-148.

⁵⁰²Vologina E. V. Possibilities of the mass media to stabilize social processes: institutional and phenomenological aspects of the problem // Bulletin of the Volga University. V. N. Tatishchev. 2019. V. 1, No. 1. P. 165-174; Zenin K. A. Political regulation in modern society: problems, factors, prospects // Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2019. No. 2 (239). pp. 95-101; Sapogova E. E. Psychological assistance to adults in the liminal periods // Development of personality. 2016. No. 2. P. 134-156; Fusu L. I. Modern man, that is, liminal. Socio-philosophical analysis of liminality in modern society. Noginsk, 2018.

increase in the importance of subjective – cognitive, informational, psychological, moral factors in management, social development and in politics in general.

L. V. Smorgunov determines the factors of managerial mentality, developing M. Foucault's idea of government⁵⁰³, a type of government based primarily on scientific knowledge rather than coercion. The managerial mentality is thus a reflective political analysis that provides clarity and transparency in governance. Important for our analysis are the following factors, transmitted with abbreviations from the article by Professor L. V. Smorgunov: management – focused; intellectual resources are considered as the most significant element of development and effectiveness of action; in public administration, discourse methods of analysis, narrative approach, hermeneutical analysis, constructivism, which are closely related to the humanitarian, human components of management, come to the forefront of research; in organizational terms, network analysis and communication studies are added here, new institutionalism with its emphasis on ideas and interpretative rationality; management practice can no longer do without the inclusion of knowledge, communication, images and reputations in its arsenal, carrying out activities to manage knowledge, images, brands; the production of knowledge becomes a significant area both on a national scale and at the level of individual areas; the education system, while maintaining its autonomy, is included in the integration of management⁵⁰⁴.

Let us examine the dispositives of the discourses involved in the heritage discourse of the groups, so that by identifying overlapping elements of the dispositives, such as values and goals, we can draw up a dispersion diagram in relation to heritage preservation and urban development.

⁵⁰³Fr. la gouvernementalité, M. Foucault's interpretations and translations of the term: a reasonable way of governing and at the same time reflections on the best way of governing, technique and strategy, through which society becomes governed. Foucault M. The birth of biopolitics. St. Petersburg: Nauka, 2010; Foucault M. Security, territories, population. A course of lectures delivered at the College de France in the 1977-1978 academic year. St. Petersburg: Nauka, 2011.

⁵⁰⁴Smorgunov L. V. Knowledge and public administration: from approval of the norm to judgment // Political Science. 2016. No. 2. P. 181-197.

3.4. Dispositives of groups and antagonism of discourses

As noted earlier, the dispositive is a network of power relations that articulates the manifestation of power. Through the dispositive, the actor turns into both the subject and the object of power relations.

Dispositive, according to M. Foucault, “a certain ensemble – radically heterogeneous”⁵⁰⁵, it fixes a system of strategic guidelines for goal-setting and is a configuration matrix of practices cultivated by a group, is implicitly constituted as a gestalt invariant of strategies typical for a discursive group for implementing political and cognitive practices, and can be identified in the analysis of the discourse of power-knowledge⁵⁰⁶.

Dispositive analysis expands the elements of discourse, including non-linguistic elements of non-discursive practices (actions), materializations (objects, things), which, on the one hand, belong to non-discursive practices, but, on the other hand, to discursive practices of written and spoken words, which researchers call paratext⁵⁰⁷.

The dispositives we have identified represent the stages of movement towards urban identity using:

the logical levels of G. Bateson as environment-actions-abilities-values-identity⁵⁰⁸, and regulating practices, goal-setting guidelines: concept, assumption, goal⁵⁰⁹ and two emotional modes – affects;

non-verbality and visuality of the city, which provide an opportunity for projective sensory⁵¹⁰ identification⁵¹¹.

⁵⁰⁵Foucault M. *The Will to Knowledge*. P. 240.

⁵⁰⁶ Sosnovskaya A. M. *Antagonism of discourses around cultural heritage // Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. T. 4. №. 3. P.125.

⁵⁰⁷Caborn J. *On the methodology of dispositive analysis // Critical approaches to discourse analysis across disciplines*. 2007. Vol. 11. P. 115-123.

⁵⁰⁸Bateson G. *Ecology of Mind: Selected Papers in Anthropology, Psychiatry, and Epistemology*. M.: Meaning, 2000. P. 222-244.

⁵⁰⁹Foucault M. *Archeology of knowledge*. St. Petersburg: Humanit. acad., 2004; Foucault M. *It is necessary to protect society: a course of lectures given at the College de France in 1975-1976 studies*. year. St. Petersburg: Nauka, 2005.

⁵¹⁰Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. Moscow: Ad Marginem Press, 2021; Lacan J. *Seminars. Book 10. Anxiety*. M.: Gnosis: Logos, 2010; Volodina A.V. *Delesian Theory of Affect: Aesthetic Problems // Culture and Art*. 2019. No. 12. P. 35-45.

⁵¹¹ Sosnovskaya A. M. *Op. cit.* P. 126.

3.4.1. Discourses and Dispositives: Reconstruction from Media and Social Networks⁵¹²

Consider the discourses of the ten groups according to their dispositives and with examples from the media⁵¹³. The paragraph is based on an article published⁵¹⁴.

The first discourse is the preservation of the heritage against the demolition of historical buildings and for the preservation of the city's unchanged appearance with its landscape and spatial characteristics. The representative of the dominant discourse is the Committee for State Control, Use and Protection of Monuments (KGIOP). In media materials, the dominance of this discourse, in addition to appeals to the state and government, expressed through words and language constructions, ideological stylistic markers.

This week, KGIOP made a decision regarding 81 tasks for carrying out work to preserve cultural heritage sites⁵¹⁵.

On Kondratievsky Prospekt, they can build a “consumer service facility”, that is, a shopping center. It will be located on the site of the current square. <...> In the center of the site there is an enclave site on which a pre-revolutionary house number 30 stood until December. It was demolished by order of the property relations committee as an emergency, the contractor was Kapstroy-SPb LLC. KGIOP demands to restore the appearance of the building⁵¹⁶.

The second discourse of business, builders, urban development is aimed at developing neighborhoods so that they benefit residents, offer and demonstrate the economic benefits of living in urban areas. When developers do not work with the historical center, the media write about them neutrally and even positively. Here are examples of such announcements.

⁵¹² Dispositions of heritage discourses reconstructed from media and social media in the appendix.

⁵¹³ Figure of dispositives in QR.

⁵¹⁴ The results of the study are reflected in: Sosnovskaya, A. M. Urban identity politics in the light of the discourse of cultural heritage of St. Petersburg // Bulletin of I. Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2022. № 1. P. 68-83.

⁵¹⁵<https://sanktpeterburg.bezformata.com> (date of access: 07/11/2022).

⁵¹⁶<https://kanoner.com> (date of access: 07/11/2022).

*Defender of non-ceremonial St. Petersburg: why, according to Margarita Stieglitz, the industrial zones of the Northern capital are territories of great opportunities for transformation*⁵¹⁷.

*At the site of the St. Petersburg Ombudsman, the search for a compromise solution to the fate of the archeological monuments of the Okhtinsky Cape will continue*⁵¹⁸.

The conversion of old buildings into commercial real estate is facilitated by ambiguous and incomplete interpretations in legislative documents.

The third discourse of city defenders: the most radical and active; stands for the preservation of heritage. Their requirements: a single authentic image of VO, the implementation of a policy of memory of the Great Patriotic War and commemoration. Participants: journalists, city defenders, deputies who conduct investigations and implement control and city protection. City defenders believe that the first discourse does not cope with the task of preserving the heritage and sometimes even contributes to its destruction. City defenders, both representatives of NGOs, the media, some deputies, and caring Petersburgers, who closely follow the transformations of the historical center, initiate investigations and inspections, rallies and public actions, control the first discourse, KGIOP and other committees related to construction. They consider the governor, developers and officials to be their opponents and “anti-groups”.

VNIIB is in danger! Beglov destroys historical buildings for profit(News-poster.ru). The head of KGIOP was considered far from the protection of architectural monuments of St. Petersburg⁵¹⁹.

*Petersburg may allow the demolition of historic buildings for the construction of high-speed lines*⁵²⁰.

*Demolition loves silence: a 19th-century building is being demolished in St. Petersburg without the knowledge of the public*⁵²¹.

Almost three years of the struggle of city defenders for the old buildings still did not save the former cultural monument. <...> Deputy of the Legislative Assembly Boris

⁵¹⁷<https://stroyprice.ru> (date of access: 07/11/2022).

⁵¹⁸<https://ombudsmanspb.ru> (date of access: 07/11/2022).

⁵¹⁹<https://nw24.ru> (date of access: 01/10/2023).

⁵²⁰<https://piter-news.net> (date of access: 01/10/2023).

⁵²¹<https://russian.city/spb/> (date of access: 01/10/2023).

*Vishnevsky last week sent an appeal to Governor Alexander Beglov with a request to instruct KGIOP to suspend their permit for work and the State Construction Supervision Authority to suspend the validity of a construction permit*⁵²².

The fourth discourse of the “creative city” and “creative class”: promotes the ideas of creativity, projects for the sustainable development of the city, updating the discourse about creative industries, spaces and new creative specialties. The objects of this discourse are innovative projects in the field of culture, inclusion, cooperation, ecology, restoration, bioeco-urbanism, creative, landscape, “hipster” urbanism. The position of speaking subjects on behalf of the discourse is occupied by the ideologists of the creative city projects and their sponsors.

*The editors of Sobaka.ru annually celebrate the most resonant urban projects with the Petersburg of the Future award. At the anniversary (fifth!) gala dinner at Astoria, we awarded activists, critics, designers, curators, restorers, architects and socially responsible businessmen – those who over the past year have brought St. Petersburg closer to the future*⁵²³.

The fifth discourse of architectural production and expertise: here, actors competent in architecture interpret the places and purpose of buildings, develop projects for the restoration of historical locations and the transformation of existing space.

*Petersburg restorers examined the state of the crypt of Alexander von Beckmann*⁵²⁴.
*A unique mosaic of the Soviet era will be restored in Kovno Lane*⁵²⁵.

The sixth discourse of things and heritage as such: speaks through experts, historians and curators who represent the interests of a particular object, building or location. In the headlines and texts of the media, then the heritage appears as a passive object, devoid of agency. However, according to the actor-network theory, it is places and things that direct practices, give responsibility, act as public burdens placed on the owners of cultural heritage objects and set in motion the discourses we study.

⁵²²<https://mr-7.ru> (date of access: 01/10/2023).

⁵²³<https://SPb.Sobaka.ru> (date of access: 01/10/2023).

⁵²⁴<https://srspb.ru> (date of access: 01/10/2023).

⁵²⁵<https://78.ru> (date of access: 01/10/2023).

Keeping the area code, things in context, as the object is stable in its surroundings. The destruction of objects negatively affects the culture and history of the place.

The destruction of the enterprise not only had a negative impact on the historical and cultural component, but also led to a decrease in business activity in the city, a violation of the infrastructure of the agglomeration. The revival of the factory territory, taking into account the historical component, implies a renovation strategy and the optimal choice of functional purpose, which will allow not only to preserve the valuable architectural ensemble, but also, by attracting labor resources and tourist flows, to make Sestroretsk one of the reference points of the St. Petersburg agglomeration.

In our city, historical buildings built before 1917 are in principle protected by law, they cannot be demolished just like that, even if it is not the Wine Town, but something more modest, – explains the deputy chairman of the St. Petersburg branch of the All-Russian Society for the Protection of Monuments history and culture (VOOPiK) Alexander Kononov. – As for the Wine Town, it is one of the oldest buildings in this area. It is reflected in the works of painting and graphics⁵²⁶.

The seventh discourse is the discourse of young city dwellers, millennials and Generation Z: media texts contain modern forms of expression and activity: crowdsourcing, flash mobs, social networks, blogs with youth interpretation of the city, heritage and leisure practices.

The crypt at the Lutheran cemetery, where “Brother” fans burned bonfires, is awaiting restoration. The money was collected by a student of St. Petersburg State University⁵²⁷.

Petersburgers expressed their opinion on the work of KGIOP with the help of a flash mob⁵²⁸.

The eighth discourse is UNESCO.

Requirements for compliance with international standards and rules for the conservation of World Cultural Heritage sites. Reporting to international heritage conservation organizations. St. Petersburg has been a UNESCO World Heritage Site since

⁵²⁶<https://mr-7.ru> (date of access: 01/12/2023).

⁵²⁷<https://sanktpeterburg.bezformata.com> (date of access: 01/12/2023).

⁵²⁸<https://xoroshiy.ru> (date of access: 01/12/2023).

1990, with four criteria of Outstanding Universal Value. These criteria can be formalized in the form of a short current program or code of St. Petersburg: a unique urban development object, formed in accordance with a clear plan and in a very short time; preserving the integrity of the historical environment, despite the change of styles and eras; which became the place of accomplishment of events that influenced the course of Russian and world history; a city where people who made an outstanding contribution to the development of world culture and science lived and worked.

This is the protection of buildings built before 1917 in the city and palace suburbs, visually familiar architectural ensembles, regular buildings, unity of composition, silhouette, sky line with certain dominants, historical visual perspective – all these aspects are called the “secret code” of the city and its charm.

The visibility of the city is recorded in legal documents, in photographs, art, cinema, in the memory of residents, and in the “Petersburg text”, fiction about St. Petersburg, almost every corner of the historical center is described and emotionally lived⁵²⁹.

The ninth discourse of encumbrance. Legacy limits and responsibilities.

The tenth discourse of the authorities, state and government of the city, which should ensure the development of the city and the preservation of heritage. The city does not have an approved heritage management plan. Incomplete and ambiguous interpretations in relation to the city center and heritage have been found in the city's legislation.

According to the current law “On the boundaries of the zones of protection of cultural heritage objects in the territory of St. Petersburg and land use regimes within the boundaries of these zones”, deviations from the norms (in height, building density and other parameters) can be no more than 10%. This does not apply to buildings whose design is considered to be of particular social, economic or cultural significance. Since there were no criteria for determining the “significance” of an object in the law and any object could be recognized as important for the city, this made it possible for investors to rebuild ancient buildings, turning them into commercial real estate⁵³⁰.

⁵²⁹ Sosnovskaya A.M. Op. cit. P. 125.

⁵³⁰<https://rn.ru> (date of access: 01/12/2023).

Table in the application presents the dispositions of the groups that motivate the communication of these groups in social networks. The content of the table is a reconstruction from the texts of the media and public social networks about the preservation of heritage in St. Petersburg. The table was verified by representatives of the groups (total 11 experts).

Joanna Caborn proposes a method different from the above dispositive analysis of discourse, taking into account semiotic analysis. Her methodology represents a three-stage process of dispositive analysis:

1. Determine the features or elements that make up the dispositive.
2. Find signs on the knowledge axis, i.e. determine which discourse they belong to and how it strategically fits with other discourses.
3. Place signs or elements on the axis of power, considering who or what is at the disposal of whom.

The implementation of these three steps means conducting a semiological analysis and considering signs according to M. Foucault, since it includes the strategic place of a sign in a dispositive space. An important fourth step would be to consider the relevant practice related to features in the dispositive. These indications of the methodology of dispositive analysis are proposed as an extension of discourse analysis⁵³¹. Following this methodology, we could consider the following axes:

Truthful – plausible (that is, different mediated images of culture).

Immediate – indirect. Who owns and manages the data, and who owns mediations or cultural images.

Unity of approach – plurality of approaches. Who owns a single approach strategy, and who has a plurality of approaches, for example, consumers with their routes, always unambiguous, and producers who exercise power in the constant reconceptualization of space.

⁵³¹Caborn J. On the methodology of dispositive analysis. P. 115-123. We have included the “power” variable in the scatter diagram.

Sustainability – unsustainability. Who realizes urban values as sustainable and thereby exercises power over an entire bundle of heritage images, and who realizes urban values as unstable, thereby finding flexible ways to appropriate or recycle heritage.

Knowledge and power axes have been proposed by J. Caborn. Our scatter diagram places the discursive groups in coordinates of attitudes towards heritage conservation and urban development according to our objectives (Figure 3)⁵³².

Shown in circle size are power and influence. The color marks the dominant affects in communication, which can be seen as communicative strategies to influence public opinion.

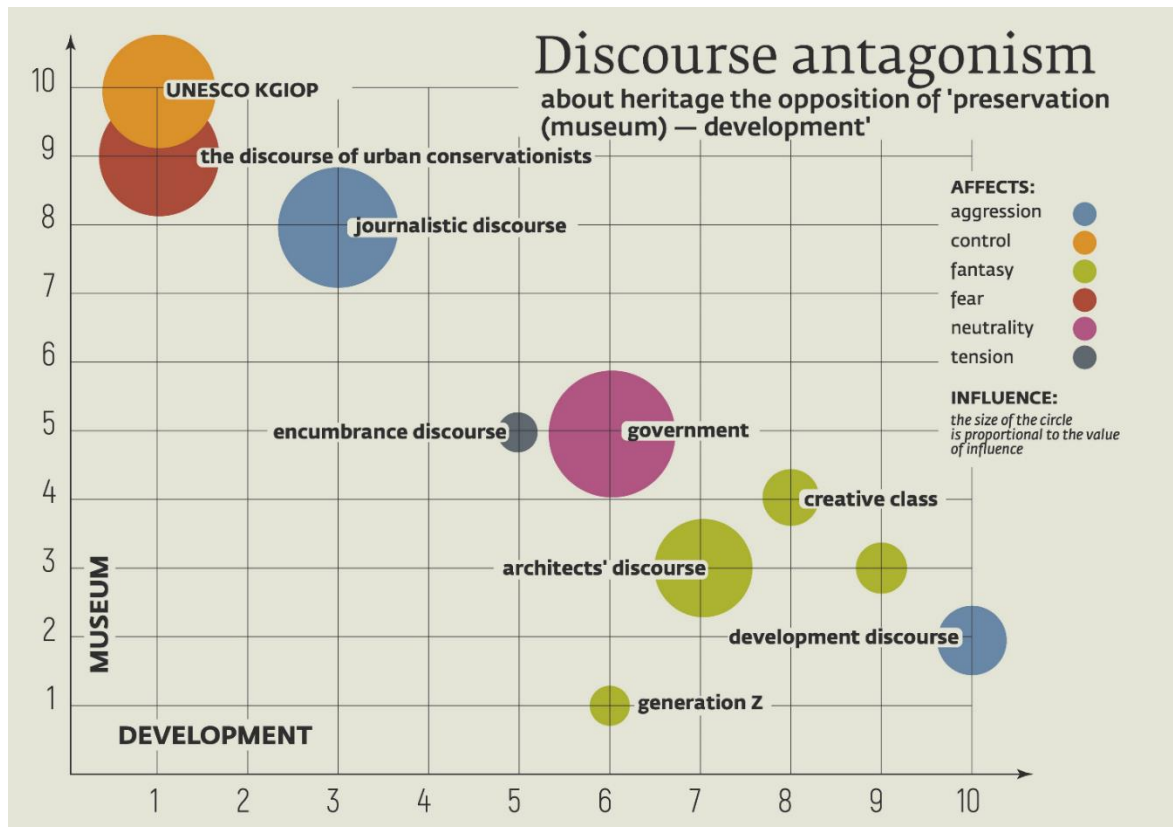


Figure 3 – Group discourse antagonism

Destruction of heritage is a situation of shifting and changing connections between the individual and the habitual urban environment, which produces an explosion of sociality in the urban information field. The environment is transformed, mutated,

⁵³² Sosnovskaya A. Antagonism of Discourses around Cultural Heritage. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(3), 2022, pp. 123-133.

destroyed, ruined, and reshaped, all of which tears the familiar connections at all levels: cognitive, affective, practical, spiritual, visual, and imaginative, reconfiguring networks of identity and the bases of identification. People then acquire sociality, including identity, through subtle differences, sometimes unconsciously. The groups of general heritage discourse we analyze focus on various variables, gathering important components of the network of urban identity.

Destruction of heritage is a situation of shifting and changing connections between the individual and the habitual urban environment, which produces an explosion of sociality in the urban information field. The environment is transformed, mutated, destroyed, ruined, and reshaped, all of which tears the familiar connections at all levels: cognitive, affective, practical, spiritual, visual, and imaginative, reconfiguring networks of identity and the bases of identification. People then acquire sociality, including identity, through subtle distinctions, sometimes unconsciously. The common heritage discourse groups we have analysed emphasise different variables, assembling important components of urban identity networks.

The dominant affect (fear) identified among residents and city defenders is the fear of losing their familiar visual environment, which is associated with a source of survival in the Blockade and helps to strengthen the city's identity. Youth, creative class, architects offer their visualizations of the renovated city – ideas and fantasies for creative use, heritage renovation. Those who live in heritage or those responsible for heritage experience the stress of encumbrance and the inability to change the appearance of housing. We view affects in the same way as emotions, as the result of involvement in a social situation⁵³³. Emotions are regulated by roles and norms⁵³⁴, are a consequence and effect of the situation⁵³⁵, aesthetic projective identification, the effect of interaction with materiality. What is common is the self-image of involvement that precedes theoretical reflection and discursive justification of one's action.

⁵³³ Sosnovskaya A.M. Op. cit. P.129.

⁵³⁴Goffman E. Analysis of frames: an essay on the organization of everyday experience. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences: Institute of the Fund "Public Opinion", 2003; Hochschild A. R. The managed heart: Commercialization of human feeling // O'Brien J. The Production of Reality: Essays and Readings on Social Interaction. Sage, 2010. P. 320-336.

⁵³⁵Levin K. Field theory in social sciences. St. Petersburg: Rech, 2000.

Theories of discourse M. Foucault, E. Laclau, Ch. Mouffe⁵³⁶ understand affects (a component of dispositives of group identity) as a discursive formation. These trends conceptualize social order, ideologies, and identities not as existing pre-discursively, but as relational, random symbolic structures constantly reproduced through discursive articulation. An extreme antagonism exists in the opposition “preservation (museum) – development”. However, all 10 groups of discourses are antagonistic because they have different goals, values and driving affects. At the extreme irreconcilable poles are UNESCO, KGIOP, city defenders vs businessmen, creative class, partly the younger generation. City defenders, journalists and the government have the greatest influence in changing the situation and resolving issues.

The discourse that unfolds around heritage is the antagonism of the groups involved in the situation of preserving the heritage and, first of all, preserving the familiar visuality of the environment, has political connotations, constructs an urban identity by joining articulations and affects. The visual code of the World Heritage Site in question is buildings built before 1917 in the city and palace suburbs, visually familiar architectural ensembles, regular development, the unity of the composition, the sky line with certain dominants, the historical visual perspective from different urban locations.

The case of the destruction of the building of the Life Guards of the Finnish Regiment in the historical center of St. Petersburg, which is also a place of memory of the city trauma of the Siege during the Great Patriotic War, is considered. The elements of the dispositive discourse of city defenders and residents of the city are considered in detail, the rest are presented in the form of a table. Found dispositives have been verified by communities.

In the texts and visualizations of the media and social networks, the methods of action and operation of ideology, articulation, struggle for the meaning of the studied discursive groups were revealed. Dispositives of discourses supporting group formation and group identity are considered. The conflict of discourses and new types of antagonisms are reconstructed. Antagonisms appear in connection with the different

⁵³⁶Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics; Foucault M. The Will to Knowledge. pp. 97-268.

regimes of affects. The affect of fear arises when the habitat and habitual visualization of the urban space, in which the identity is rooted, is destroyed.

Discursive groups are systematically considered: their discursive practices and facilities. The conflicting interests of the groups point to a lack of a well-defined regulatory framework and a crisis in the administration of heritage and urban identity. The articulations of discourses and group policies are what cause the regulatory environment and managerial choices to emerge. Therefore, it is crucial to establish a dialogue between the groups and involve them in the decision-making process to create a regulatory framework that reflects the diverse perspectives and interests of all stakeholders. This will not only help in managing heritage and urban identity but also promote social cohesion and inclusivity.

3.4.2. Current urban identity politics

The analysis of academic writings demonstrated that the politics of St. Petersburg's urban identity are understood as symbolic politics, politics of language, politics of memory, and politics of representations. Legislation at the federal, international, and local levels supports the policy of urban identity in relation to cultural heritage. The following statutes and court rulings guarantee the protection of cultural heritage: Federal Law “On Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation” (Amendments to Article 20 of the Federal Law “On Cultural Heritage Objects” of the Peoples of the Russian Federation”), dated February 24, 2021 N 21-FZ (last edition); Federal Law “On Cultural Heritage Objects (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation,” dated June 25, 2002 N 73-FZ; “Concept for the development of historical settlements.

We met the word “identity” in these documents once in the law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 N 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities” in paragraph 3: “The Russian Federation provides

support to compatriots, living abroad, in exercising their rights, ensuring the protection of their interests and preserving the all-Russian cultural identity”⁵³⁷.

UNESCO heritage documents⁵³⁸ presented on the websites of international organizations that also have representative offices in Russia.

The main provisions on the protection of the cultural heritage of St. Petersburg are presented in the St. Petersburg strategy for the preservation of cultural heritage⁵³⁹. The Strategy for the Socio-Economic Development of St. Petersburg for the period up to 2035 was adopted by the Legislative Assembly of St. Petersburg and approved by the Law of St. Petersburg dated December 19, 2018 No. 771-164 (as amended by the Law of St. Petersburg dated November 26, 2020 No. 507-112) and distributes activities on three priorities of the city development: city of innovations, comfortable city, open city⁵⁴⁰. In the public domain there are: a list of state programs; materials for the development and implementation of state programs of St. Petersburg; regulations; reports on the implementation of state programs of St. Petersburg; materials for the development of the annual report on the implementation of state programs of St. Petersburg; materials for monitoring the implementation of state programs in St. Petersburg and other documents on the basis of which one can judge the implementation of the strategy.

These documents distinguish three historical planning belts on the territory of St. Petersburg, which have specific features of urban planning and socio-economic development: the historical center, the gray belt and sleeping areas. The documents emphasize the heterogeneity of the development of the districts, developing development plans for different locations. According to the Strategy, the territory of St. Petersburg has an area of 144.6 thousand hectares and is characterized by significant heterogeneity in

⁵³⁷Article 69 amended from July 4, 2020 – Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020. N 1-FKZ.

⁵³⁸International documents are available on the KGIOP website. URL: <https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/nasledie/vsemirnoe-nasledie-mezhdunarodnye-dokumenty/> and on the website of the International Council for the Protection of Monuments and Sites. URL: <http://icomos-spb.ru/ikomos-spb>; Paris Declaration on heritage as a driving force for development. 17 ICOMOS General Assembly, Paris 2011. URL: http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/2011a_%20.pdf/download (accessed 11.07.2022).

⁵³⁹St. Petersburg Strategy for the Preservation of Cultural Heritage [Electronic resource]: Decree of the Government of St. Petersburg of November 1, 2005. N 1681. URL: <https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/peterburgskaya-strategiya-sohraneniya-kulturnogo-naslediya/> (accessed: 07/11/2022).

⁵⁴⁰Strategy for the socio-economic development of St. Petersburg for the period up to 2035 [Electronic resource]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035 (accessed: 07/11/2022).

terms of prevailing types of use, building parameters and infrastructure provision. An important factor in the spatial development of St. Petersburg is its location in the delta of the Neva River with a low, mostly flat relief and direct access to the coast of the Gulf of Finland of the Baltic Sea⁵⁴¹.

Non-human actors, such as the varied district planning, the river and water spaces, and the flat terrain, are mentioned in documents as important factors in the development of a modern city. This perspective challenges the traditional anthropocentric view of urban development and highlights the importance of considering the environment and non-human entities in city planning. It also suggests that a holistic approach to urban design can lead to more sustainable and livable cities. It also emphasizes the need for sustainable and resilient urban development practices that take into account the natural environment.

The plan lists all of St. Petersburg's belts and neighboring areas that are irrationally used; however, we'll focus on the historical center, which includes the Admiralteisky, Vasileostrovsky, Petrogradsky, and Central regions. Unreasonably used areas within the historical center are known as the Apraksina Dvor complex, Sinopskaya Embankment, the territories adjacent to the Alexander Nevsky Lavra, the western part of the Admiralteisky district of St. Petersburg, including Novo-Admiralteisky, Matisov and Galerny Islands, the southwestern part of Vasilevsky Island.

The strategy, which was being developed in 2018, highlights St. Petersburg's migration appeal in comparison to other Russian Federation regions that welcome immigrants. Every year, St. Petersburg welcomes a large number of residents from other parts of the Russian Federation as well as from abroad. Experts anticipated a decline in citizen mobility and the strengthening of local identities as a result of the restriction on domestic and international travel in 2022–2023. This decrease in mobility may lead to a greater appreciation and pride for local culture and traditions, as people spend more time in their home regions. Additionally, it may also provide an opportunity for St. Petersburg to focus on promoting local tourism and highlighting the unique aspects of the city.

⁵⁴¹See: 2.2.4. Spatial-territorial development.

In the Strategy, we find the foundations and guidelines for the upbringing and educational mechanics of youth.

The efforts of state authorities and public institutions are aimed at educating citizens living in St. Petersburg, including young people, on the basis of moral and patriotic values traditional for Russia, the formation of civic consciousness, spiritual and moral guidelines, strengthening and promoting family values in society.

We would also include the strengthening of local identity based on knowledge of material and intangible heritage as spiritual and moral guidelines and patriotic values.

The implementation of a unified state policy in the field of patriotic education of citizens living in St. Petersburg ensures the achievement of the goals of patriotic education through planned, continuous and coordinated activities of state authorities, local governments in St. Petersburg and public organizations.

The Strategy aims to educate citizens living in St. Petersburg, including young people, on the basis of moral and patriotic values, civic consciousness, spiritual and moral guidelines, and family values. It also includes strengthening local identity based on knowledge of material and intangible heritage.

Patriotic education, in addition to authorities, is carried out by public organizations, which include the media, NGOs.

The range of services provided to the population of St. Petersburg by the non-profit sector of St. Petersburg includes leisure, educational and outreach activities, social and legal assistance.

3,785 NGOs were active in St. Petersburg in 2017, making up 2.7% of all NGOs operating in the Russian Federation. In light of the foreign agent policy, there were significantly fewer NGOs by 2022.

The weaknesses and main factors hindering the development of tourism in St. Petersburg are: the lack of a quality management system for the provision of tourist services; insufficiently developed tourist infrastructure; high level of influence of seasonality on tourist activity; decrease in the value of the architectural appearance of St. Petersburg due to the loss of monuments and the destruction of the facades of

historical buildings and structures, the implementation of projects that change the views of the historical center of St. Petersburg.

The strategy states the crisis of the heritage of St. Petersburg, as monuments are being lost, the appearance of the historical center is changing due to the change in views and panoramas. The seasonality of visiting the city, the influx of tourists disrupts the homeostasis of the territory.

Thus lack of a quality management system for the provision of tourist services, inadequately developed tourist infrastructure, a significant seasonal impact on tourist activity, a decline in the value of St. Petersburg's architectural appearance due to the loss of monuments and the destruction of historical buildings and structures, and the implementation of According to the strategy, St. Petersburg's cultural heritage is in danger as monuments are being destroyed and the historical district's appearance is changing as a result of shifting views and panoramas. To mitigate this crisis, the strategy proposes the implementation of stricter regulations on construction and tourism activities, as well as the promotion of sustainable tourism practices. Additionally, it suggests investing in the restoration and preservation of monuments and historical buildings to maintain the cultural heritage of St. Petersburg.

Other issues with St. Petersburg's historical district include the deterioration of the housing stock and engineering networks, the increasing deterioration of historically significant buildings and structures, the congestion of the transportation system brought on by pendulum migrations of the population, and the inadequate level of comfort and safety of the urban environment, including along the major tourist routes. These issues pose a threat to the preservation of the city's cultural heritage and can negatively impact the tourism industry. It is important for the local government to address these problems in order to maintain the historical significance and attractiveness of St. Petersburg.

Weak sides and main factors that reduce environmental safety in St. Petersburg are: low level of efficiency in the use of natural resources; high degree of depreciation of fixed assets of hazardous production facilities; an increase in the volume of production and consumption waste generation with a low level of their disposal, which is associated, among other things, with a shortage of facilities for processing, recycling and

neutralization of solid municipal and industrial waste, as well as the lack of free territories for waste disposal; high level of pollution of the air and water basins, as well as the level of motor traffic noise in the territories of residential and public buildings; negative impact of geological processes (coast destruction and flooding, biogas formation, karst development, surface erosion), caused by climate change and the growth of anthropogenic load; low level of wastewater treatment at facilities located in the Leningrad region, near the borders of St. Petersburg.

Thus the main factors that reduce environmental safety in St. Petersburg are low efficiency in the use of natural resources, high depreciation of fixed assets of hazardous production facilities, an increase in the volume of production and consumption waste generation with a low level of disposal, high level of pollution of the air and water basins, motor traffic noise in the territories of residential and public buildings, negative impact of geological processes caused by climate change and the growth of anthropogenic load, and low level of wastewater treatment at facilities located in the Leningrad region near the borders of St. Petersburg.

The strategy notes the environmental insecurity of the territory of St. Petersburg due to the growth of anthropogenic pressure.

Weak sides and the main factors hindering the development of culture in St. Petersburg are: the low level of investment activity in the field of culture, which leads to an increase in the depreciation of fixed assets of cultural objects in St. Petersburg, which reduces their historical and cultural value; low level of material and technical equipment of most cultural institutions and educational organizations in the field of culture; lack of qualified personnel, including management; low accessibility of cultural organizations for people with disabilities and other people with limited mobility; territorial disproportions in the provision of cultural organizations and educational organizations in the field of culture.

Thus the main factors hindering the development of culture in St. Petersburg are the low level of investment activity, low material and technical equipment, lack of qualified personnel, low accessibility for people with disabilities, and territorial disproportions in the provision of cultural organizations and educational organizations.

These factors lead to an increase in depreciation of cultural objects, reducing their historical and cultural value.

According to the strategy, there has been little investment in heritage, which has resulted in deterioration rather than preservation. There is a decline in historical and cultural significance as well as tourist appeal, but these claims are in question. The implementation of the strategy should consider the potential economic benefits that preserving heritage can bring, as well as the importance of cultural identity and community pride. Additionally, a thorough analysis of the impact on tourism should be conducted to determine whether or not it is truly affected by the lack of investment in heritage.

Weaknesses and main factors hindering the increase in the level of public harmony and security in St. Petersburg are: the lack of educational and cultural measures to form Russian civil identity, foster a culture of interethnic communication, study the history and traditions of the peoples of Russia.

The above fragment says the lack of investment in heritage is leading to its deterioration, resulting in a decrease in historical and cultural value and attractiveness for tourists.

Because the word “identity” is used for the first time in this passage, we have cited it in the context of the column on the development of social consent. We believe it is important to add details about how local identity is formed and how an urban culture of interethnic communication is developing to the aforementioned sentence. The formation of local identity is crucial in the development of a cohesive society. An urban culture of interethnic communication can help bridge cultural gaps and promote understanding among diverse communities.

In the Strategy, the mission of St. Petersburg is associated with heritage, which is a value and a key resource that ensures interest in the city.

St. Petersburg is a city with a special mission due to its outstanding cultural and historical heritage, worldwide fame and dynamic modern development.

St. Petersburg was, is and will remain the largest historical, cultural and tourist center of the Russian Federation and the world. The cultural and historical heritage and

tourist potential of St. Petersburg are among its key resources, causing interest and attention to it from the Russian and world community. Thus St. Petersburg is a city with a special mission due to its outstanding cultural and historical heritage, worldwide fame and dynamic modern development. It is the largest historical, cultural and tourist center of the Russian Federation and the world, attracting interest and attention from the Russian and world community. The city's famous landmarks, such as the Hermitage Museum, St. Isaac's Cathedral, and the Peterhof Palace, attract millions of visitors every year. Additionally, St. Petersburg is also known for its vibrant arts and music scene, with numerous theaters, concert halls, and festivals held throughout the year.

St. Petersburg participates in the implementation of the development priorities of the Russian Federation, including as a center of world culture.

St. Petersburg is a global center for the creation and implementation of innovations, science, world culture, interregional and international cooperation.

As a hub of international culture, St. Petersburg contributes to the realization of the Russian Federation's development priorities. St. Petersburg is a hub for interregional and international cooperation, as well as for the development and application of innovations, science, and world culture.

The creation of an effective system of internal and external communications, integration into international processes, and positioning of the city's policy as a continuation of Peter the Great's policy make up one of the three development priorities for the city, which is called “open city” (“window to Europe”). but due to political events, they temporarily lost relevance for some areas.

The “open city” priority is a continuation of the traditions established under Peter the Great. Currently, the “open city” priority not only determines the “open” position of St. Petersburg as a city open to people and positive changes, proclaiming universally recognized social values and actively participating in public events, integrated into international processes.

In the Strategy, we find the foundations of the city's identity: cultural heritage and heritage in the first place, openness to visitors, involvement in the life of the city. The emphasis on an “open city” is an extension of the customs started by Peter the Great.

Currently, the “open city” priority not only establishes St. Petersburg's “open” position as a city welcoming to individuals and beneficial change, announcing universally accepted social values, and actively taking part in public events, but also incorporates it into global processes. The pillars of the city's identity are found in the strategy: first-class cultural heritage, a welcoming attitude toward tourists, and participation in civic affairs.

St. Petersburg strives to be open to its residents and guests, people who want to come here to study or work. Every resident strives to be involved in what St. Petersburg lives and to be an integral part of its life.

Petersburgers are open and friendly, love their city, are proud of its culture and history, actively participate in public events in St. Petersburg. St. Petersburg creates conditions for socialization, socio-cultural adaptation, active inclusion of foreign citizens in its life. Cultural heritage is a basic element of citywide identity, the most important factor in shaping the attitude towards St. Petersburg on the part of citizens and its guests.

Thus St. Petersburg strives to be open to its residents and guests, creating conditions for socialization, socio-cultural adaptation, and active inclusion of foreign citizens. Residents are open and friendly, proud of their city, and actively participate in public events. Cultural heritage is a key factor in shaping attitudes towards St. Petersburg.

According to the strategy, St. Petersburg has established trade, economic, scientific, educational, cultural, and humanitarian ties with both foreign nations and the constituent parts of the Russian Federation, which will help the city establish itself as a popular tourist destination and a top-tier social, business, and cultural hub. This strategy aligns with the city's goal of becoming a hub for innovation and creativity, attracting talented individuals and businesses from around the world to contribute to its growth and development. By fostering strong partnerships and collaborations, St. Petersburg can position itself as a leading city in various fields and industries.

The Strategy defines five goals for the human capital development area, one of which is to “ensure the harmonious development of the individual based on the cultural and historical heritage of St. Petersburg,” which is directly related to the urban identity policy. The implementation of an urban identity policy built on the preservation of cultural and historical heritage will serve as the cornerstone for raising citizen quality of

life while retaining the city's identity. Therefore, the Strategy emphasizes the importance of preserving and promoting the cultural and historical heritage of St. Petersburg as a means of enhancing the city's identity and improving the well-being of its citizens. This approach will not only contribute to the development of human capital but also attract more tourists and investors to the city.

The cultural and historical heritage of St. Petersburg is an important factor in the formation of attitudes towards St. Petersburg. Increasing the availability and demand for the cultural heritage of St. Petersburg will create the basis for improving the quality of life and strengthening the positive image of St. Petersburg.

Achieving the goal of ensuring the harmonious development of the individual on the basis of the cultural and historical heritage of St. Petersburg is planned to be carried out in accordance with the main provisions of the state cultural policy through the implementation of several tasks, of which we single out those related to the preservation of cultural heritage and the strengthening of identity.

The formation of attitudes toward St. Petersburg is significantly influenced by the city's cultural and historical heritage. The foundation for enhancing the quality of life and bolstering St. Petersburg's favorable reputation will be laid by raising the availability and demand for its cultural heritage. By carrying out a number of tasks, of which we single out those related to the preservation of cultural heritage and the strengthening of identity, the goal of ensuring the harmonious development of the individual on the basis of the cultural and historical heritage of St. Petersburg is planned to be carried out in accordance with the main provisions of the state cultural policy. Take a look at a collection of tasks, some of which are closely related.

Within the framework of the task “preservation of objects of cultural and historical heritage in St. Petersburg”, it is necessary to improve a set of measures to ensure the safety and security of objects of cultural and historical heritage in St. Petersburg, including in cooperation with federal government bodies, to ensure the implementation of projects for their restoration for budget account.

It is necessary to ensure the involvement of private capital in the restoration of cultural heritage sites and the stimulation of the interest of individuals and legal entities

in the preservation of cultural heritage sites when using them, the development of mechanisms for the implementation of public-private partnership projects in the field of protection of cultural heritage sites.

As part of the implementation of this task, it is recommended to constantly monitor the state of cultural heritage objects in St. Petersburg, which is implemented by representatives of the state and the public in the discourse of heritage, as well as activities to promote them, which are implemented by educational organizations of the city.

It is necessary to continue developing and updating the zones of protection of cultural heritage objects, the regimes for the use of territories and urban planning regulations within the established boundaries for the previously approved zones of protection of cultural heritage objects, to constantly monitor the state of cultural heritage objects in St. Petersburg, as well as activities to promote them.

Thus, it is necessary to involve private capital in the restoration of cultural heritage sites, develop mechanisms for public-private partnership projects, monitor the state of cultural heritage objects in St. Petersburg, and develop and update zones of protection and urban planning regulations.

Another objective of the Strategy related to heritage and identity, stating the unique specificity of St. Petersburg culture and St. Petersburg traditions and recommending the popularization and promotion of the cultural heritage of St. Petersburg, as well as cultural figures of the city, museums and theaters, is “to increase the cultural potential of St. Petersburg, strengthening the role of St. Petersburg as a center of world culture and art”.

In order to maintain the universally recognized status of St. Petersburg as a cultural capital, it is necessary to ensure that large-scale cultural events of the all-Russian and world level are held in St. Petersburg, the active participation of cultural organizations, cultural and art workers of St. Petersburg in all-Russian and international cultural projects, the development of public platforms for discussion problems, trends and prospects for the development of the sphere of culture in the Russian Federation and in the world.

Increasing the cultural potential of St. Petersburg should also be ensured through the implementation of modern cultural projects that reflect the unique specifics of St. Petersburg culture and St. Petersburg traditions.

Within the framework of this task, it is necessary to promote the expansion of cooperation between cultural organizations in St. Petersburg with cultural organizations of the constituent entities of the Russian Federation and foreign states. It is advisable to promote and popularize cultural and art figures of St. Petersburg in order to attract the attention of the Russian and world community to events with their participation, to create conditions for active tour and exhibition activities of cultural and art organizations of St. Petersburg in Russian regions and abroad.

It is necessary to implement measures that contribute to the formation in the constituent entities of the Russian Federation and foreign states of cultural and educational centers, branches of the largest museum and theater institutions located on the territory of St. Petersburg.

Thus, the strategy related to heritage and identity aims to increase the cultural potential of St. Petersburg, strengthening its role as a center of world culture and art. To do this, it is necessary to ensure large-scale cultural events, participate in all-Russian and international cultural projects, and implement modern cultural projects that reflect the unique specifics of St. Petersburg culture and St. Petersburg traditions. It is also necessary to promote and popularize cultural and art figures of St. Petersburg, create conditions for active tour and exhibition activities, and implement measures to form cultural and educational centers in the constituent entities of the Russian Federation and foreign states. These measures will not only enhance the reputation of St. Petersburg as a cultural hub but also boost tourism and the economy of the city. Additionally, it will help preserve and showcase the rich history and heritage of St. Petersburg to a wider audience. By doing so, it will not only increase the visibility of St. Petersburg's cultural and art scene but also enhance its reputation as a hub for cultural exchange and tourism. This will ultimately lead to economic growth and development for the city.

To implement the strengthening of citywide identity, educational activities are undertaken both within the educational programs of schools and universities, and in a

network of organizations for additional education of children, including through media projects, to cultivate ethical standards and aesthetic taste based on samples of the unique St. Petersburg culture and St. Petersburg traditions in within the framework of the task of “improving the educational role of culture, promoting traditional values”.

Within the framework of this task, it is necessary to ensure the development and activation of the educational resource of the sphere of culture for all age and social groups of the population, the realization of the moral and aesthetic potential of art as a means of forming and developing traditional values and ethical norms of behavior.

It is necessary to ensure the development of a network of organizations for additional education of children, improving the quality of children's art education in St. Petersburg, creating conditions for supporting, promoting and encouraging talented children and creative youth of St. Petersburg.

In order to educate children and youth, transfer from generation to generation of cultural and moral values traditional for the Russian people, it is necessary to carry out educational work, including on the basis of cultural centers and cultural organizations in St. Petersburg, study and popularization, including through media projects, history of national culture and national history, the creation of new educational and educational programs that meet the needs of modern society.

The strategy provides for the creation of conditions and opportunities for the comprehensive development and creative self-realization of individuals, the personal participation of citizens in the cultural life of St. Petersburg, which refers us to the concept of urban identity as well.

As part of the task of “increasing the involvement of the population in the sphere of culture”, it is necessary to ensure an increase in the interest of residents and guests of St. Petersburg in its cultural heritage, including through the diversity and accessibility of cultural events and personal participation of citizens in the cultural life of St. Petersburg.

The task is to inform about cultural opportunities in a single information cultural space of St. Petersburg, integrated into the all-Russian and world information community.

It is necessary to raise the awareness of residents and guests of St. Petersburg about the possibilities of cultural leisure and the realization of creative potential, to form a

single information cultural space of St. Petersburg and integrate it into the all-Russian and world information community.

The improvement of the urban environment, a crucial element in determining the prosperity and allure of the city, is the focus of the strategy's sixth direction. The city's main goal is to draw and keep elite professionals who are drawn to a welcoming community with clean air and water. To achieve this goal, the city is implementing measures such as promoting sustainable transportation, reducing pollution, and investing in green spaces. Additionally, the city is working to ensure that all residents have access to affordable housing and basic amenities like healthcare and education.

People with high-class professional competencies are more demanding on the quality of the environment. They have the opportunity to exchange information, move around the world, choose the best conditions for life and employment. They can only be attracted by a well-maintained city with clean air and water, convenient transport, beautiful houses, and reliable public services.

In this regard, environmental measures, the resolution of transport problems, an increase in the operational reliability of engineering infrastructure, the integrated development of urban areas, and housing are considered as the basis for improving the quality of the urban environment.

As part of the direction to improve the quality of the urban environment, the goals and objectives of the socio-economic policy of St. Petersburg were determined.

The task of “forming a responsible attitude of the population, especially young people, towards the natural environment” implies ensuring environmental education of the population through the publication and distribution of specialized literature and promotional products on environmental issues, including on the Internet and on the Environmental Portal of St. Petersburg network “Internet”, improvement of the work of the video library of environmental films, holding citywide mass environmental events, environmental education activities in educational organizations in St. Petersburg, development of the movement of environmental volunteers. It is also necessary to ensure the openness and accessibility of environmental information through the development of the state information system in the field of environmental protection and nature

management “Environmental Passport of the Territory of St. Petersburg”, the use of other modern means of informing the population about ongoing and planned environmental protection measures.

Thus, the task of forming a responsible attitude towards the natural environment involves ensuring environmental education, improving the video library, holding citywide events, and developing environmental volunteers. Additionally, the state information system and other modern means should be used to inform the population about environmental protection measures. Moreover, it is important to involve local communities and stakeholders in decision-making processes related to environmental issues, as well as to establish partnerships with businesses and organizations that prioritize sustainable practices to promote eco-friendly initiatives and practices in the city. This will contribute to the overall goal of creating a more environmentally conscious and responsible population in St. Petersburg.

“Development and implementation of measures to adapt to climate change, including the minimization of greenhouse gas emissions, creation of a coastal protection system for St. Petersburg” is one of the key tasks affecting the legacy, and its implementation entails reducing the anthropogenic influence on climate. One of the most significant issues of the twenty-first century is climate change, which affects the social, economic, and environmental facets of regional sustainability. Assuring climate change adaptation, which includes reducing greenhouse gas emissions and building a coastal protection system for St. Petersburg, is one of the tasks in the field of environmental safety.

Climate change is one of the most important problems of the 21st century, which covers the environmental, economic and social aspects of the sustainable development of territories. One of the tasks in the field of environmental safety is to ensure adaptation to climate change, including the minimization of greenhouse gas emissions, the creation of a coastal protection system for St. Petersburg.

This requires the implementation of measures to reduce the negative impact of climate change on the urban environment, such as the development of green infrastructure, improvement of energy efficiency, and promotion of sustainable

transportation. Additionally, public awareness and education campaigns can play a crucial role in encouraging individuals and communities to take action towards mitigating climate change.

Both the Strategy and scientific studies (cited) indicate the need to improve legal regulation and public administration in the development and updating of territorial planning documents.

Imperfect legal regulation gives rise to ambivalent interpretations and discursive conflicts within the public, as shown earlier (Section 3.4.1). The study also showed that urban communities remain insufficiently integrated into the system of political and managerial decision-making and public policy institutions, which makes it difficult to integrate urban communities into the mechanisms of constructive conflict resolution⁵⁴², although the Strategy emphasizes the need to increase the proportion of citizens participating in solving issues of urban environment development and exercising public control over the implementation of improvement projects.

Thus, the strategy and scientific studies indicate the need to improve legal regulation and public administration in the development and updating of territorial planning documents. Urban communities remain insufficiently integrated into the system of political and managerial decision-making and public policy institutions, making it difficult to integrate them into constructive conflict resolution. The Strategy emphasizes the need to increase the proportion of citizens participating in urban environment development and exercising public control.

It is necessary to ensure information openness and accessibility of best practices for the implementation of improvement projects, create a mechanism for finding the most appropriate solution to the problem of improvement, increase the proportion of citizens involved in solving issues of urban environment development, stimulate the activity and

⁵⁴²Negashev D. S. Development of the innovative potential of the construction industry: problems and the role of state regulation // SPbPU Science Week: Proceedings of a scientific conference with international participation. St. Petersburg, 2018, pp. 59-61; Kharkhordin O. V. Where is the theory of practices going: turn to materiality // Sociological research. 2012. No. 11(343). pp. 20-34; Agafonova A. G. Restructuring of the social space of the local territory of a large city: on the example of the Kanonersky Island of St. Petersburg: dissertation ... candidate of sociological sciences: 22.00.04. St. Petersburg, 2016; Tykanova E. V. City as a territory of inequality: contesting the demolition of garage buildings in St. Petersburg // Petersburg Sociology Today. 2017. No. 8. P. 54-72; Glukhova A.V., Kolba A. I., Sokolov A.V. Interaction strategies of territorial communities in the course of urban conflicts (on the materials of an expert survey in large regional centers of the Russian Federation) // Journal of Social Policy Research. 2021. V. 19, No. 2. P. 239-252.

involvement of citizens and organizations in the implementation of improvement projects, create tools for co-financing of improvement projects by citizens.

In the historical center of St. Petersburg, the Strategy provides for a revitalization model. Revitalization in the context of urbanism refers to the process of recreating and revitalizing urban space. The main principle of revitalization is to open up new opportunities for old territories and buildings. In the process of revitalization, an integrated approach is used to preserve the originality, authenticity, identity and historical resources of the urban environment.

In the historical center of St. Petersburg, it is necessary to ensure the application of the urban environment revitalization model with the preservation of historical and cultural heritage sites, the redistribution of functions, the integrated improvement of territories with the priority of non-motorized traffic, the stimulation of the development of the service sector, reconstruction and filling with other functions. It is necessary to ensure the preservation of green recreational areas of the Krestovsky, Kamenny and Elagin Islands with the placement of sports facilities of citywide importance and fragmented public, business and residential buildings of increased comfort (business class housing and elite housing).

Thus, the Strategy of St. Petersburg provides for a revitalization model to open up new opportunities for old territories and buildings. It involves the preservation of historical and cultural heritage sites, redistribution of functions, integrated improvement of territories, stimulation of the service sector, reconstruction and filling with other functions, and the preservation of green recreational areas of the Krestovsky, Kamenny and Elagin Islands with sports facilities and fragmented public, business and residential buildings of increased comfort.

Additionally, the implementation of sustainable and eco-friendly solutions should be considered in the urban environment revitalization model to reduce the negative impact on the environment and improve the quality of life for human and non-human actors. This can include the use of renewable energy sources, waste reduction and recycling programs, green spaces with native vegetation to promote biodiversity and heritage preservation.

In the context of 2022-2023, the task of “active promotion of the St. Petersburg tourist product in target markets and target segments” needs to be revised with new tools. The promotion of the priority areas for the development of tourism in St. Petersburg, as determined by the regulatory legal act of St. Petersburg, as well as the participation of St. Petersburg in international tourism exhibitions and forums in the Russian Federation and abroad are required within the framework of this task. It is important to make sure that new tourism products are promoted, that historical and cultural monuments, museums, and other St. Petersburg tourist attractions are well-known, and that the city's reputation as an educational, accessible, and secure destination is formed.

As part of the implementation of the “open city” priority, the following positive results of the city's development are planned, relevant to the research topic and declared as realistic when this program is adopted:

- St. Petersburg is the most comfortable metropolis in the Russian Federation for living, with an attractive business and investment climate and a developed system of external and internal communications, an example of a highly developed European city of a modern way of life;

- St. Petersburg is a world-class center of classical culture and art, a center of attraction for tourists, including virtual ones, from all over the world. St. Petersburg has developed all the necessary infrastructure in the field of culture and tourism. The historical center of St. Petersburg performs mainly cultural, leisure, tourist and trade functions;

- St. Petersburg is a city open to new ideas and initiatives in the field of culture, art, scientific and social thought, which is an important center for the interaction of creative individuals and organizations of the Russian Federation and other countries, the birthplace and implementation of creative projects and events. The foundation for this is both the existing scientific and cultural potential of St. Petersburg, and the efforts of the authorities aimed at creating an economic and ideological climate favorable for open and free creativity;

- a balanced migration policy is pursued in St. Petersburg, aimed at using the positive potential of migration and attracting the most qualified personnel in scarce

specialties, while creating conditions for effective social adaptation and integration of foreign citizens;

– St. Petersburg is a city with a high level of development of international and interregional cooperation with foreign countries and subjects of the Russian Federation;

– St. Petersburg is a city where the authorities are open and accountable to the population, receptive to the needs of the citizens;

– St. Petersburg is in the top five in the ratings of the attractiveness of cities in the Russian Federation, forms value, cultural and educational landmarks for the Russian regions, serves as a representative of the Russian Federation in the world.

These future results are presented in the table below as measurable, so that it is possible to assess the approach to their sustainable implementation, they have indicators of implementation by years, benchmarks, closer to the goal. Table 18 presents the goal of strengthening the city's identity based on the cultural and historical heritage of St. Petersburg, measured as a constant number of activities to promote cultural heritage sites over 15 years and a positive trend in the number of visits to cultural institutions.

Table 18 – Indicators of achieving the goals of socio-economic development of St. Petersburg and indicators of sustainable development of St. Petersburg

Directions and goals of the socio-economic policy of St. Petersburg	Name of indicator (indicator), unit of measurement	The value of the indicator (indicator) by years			
		2021	2024	2030	2035
Goal: ensuring the harmonious development of the individual based on the cultural and historical heritage of St. Petersburg	Number of events to promote cultural heritage sites located on the territory of St. Petersburg, units Growth in the number of visits to cultural institutions of all types located on the territory of	300	300	300	300

Table 18 continuation

	St. Petersburg, which are under the jurisdiction of executive bodies of state power, in relation to 2017, times	1.07	1.15	1.22	1.28
--	---	------	------	------	------

As shown in the table, the number of events remains unchanged, but a positive trend in their attendance is planned, and this shows the strengthening of the city's identity based on the cultural and historical heritage of St. Petersburg. The analyzed Strategy needs to be adjusted in terms of international participation and tourism.

The implementation of the “open city” priority in St. Petersburg is expected to result in positive results such as the most comfortable metropolis in the Russian Federation for living, a world-class center of classical culture and art, a center of attraction for tourists, a city open to new ideas and initiatives in the field of culture, art, scientific and social thought, a balanced migration policy, a high level of development of international and interregional cooperation with foreign countries and subjects of the Russian Federation, a city with a high level of development of international and interregional cooperation with foreign countries and subjects of the Russian Federation, a city where the authorities are open and accountable to the population, receptive to the needs of the citizens, and a representative of the Russian Federation in the world.

3.5. *StP4juniors* project as implementation of the conceptual model and urban identity management of junior schoolchildren

The *StP4juniors* project is placed in our assembly and hybrid object along with empirical material, since it was a practical approbation of the developed conceptual model for strengthening urban identity based on the cultural and historical heritage of St. project description.

An empirical study of the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg was carried out in the media and social networks by reading and discourse analysis of media texts during 2021-2022. From 01/01/2022 to 03/24/22, 2472 media reports were detected; analyzed 300 materials for the preparation of scientific publications. From 04/16/22 to 05/01/22, 728 posts were analyzed, which include messages and comments on them in social networks. The bulk of the messages were on VK, which is the preference of St. Petersburg residents and an actor of identity. The key phrase for the search: “arena of the Life Guards of the Finnish Regiment.” For the study, available (preferential subscriptions) programs for monitoring and analyzing texts online were used. Manual or automatic search for mentions on the subject of the cultural heritage of St. Petersburg, news,

The empirical material included other texts and data collected by researchers in their scientific work. Semi-structured interviews with experts, focus group data, visual representations, student projects were analyzed and archived.

In the process of working on the dissertation, 4 notebooks were compiled according to the method of B. Latour: the influence of the observer on the observed.

Preparation for the all-Russian scientific slam on the theme of the dissertation “Urban Identity Policy in the Light of the Discourse of Cultural Heritage” made it possible to discuss the dissertation and the project in detail in the team of the scientific community of the university. The scientific slam took place on October 31, 2022, during the discussion a high interest in the topic in the urban scientific community was revealed. The study was also tested at 4 international conferences in 2022.

StP4juniors, or “St. Petersburg for schoolchildren”, – the design and research work of students of the St. Petersburg gymnasium No. 56 on the occasion of the 350th anniversary of Peter the Great with the participation of the SZIU RANEP is 20 series of video content. The project was implemented during 2021-2023. and became the owner of a special prize of the Friends of St. Petersburg society as part of the Mission to Preserve festival. Financing was provided by Gazprom. The collected research papers of students of gymnasium No. 56, dedicated to Peter the Great and St. Petersburg, were summarized in the script and application. Pupils and students defended the project in competition with many projects. The scenario of plots based on the materials of the papers was compiled

according to the conceptual model of the dissertation, taking into account actors and practices (given in Appendix A). Let's analyze the shooting day of our film crew, according to the conceptual model, to show the relevance of the model to different types of experience and its managerial potential to promote the growth of identity and culture. Table 19 presents the four stages of interaction with the environment and indicates the three categories of perception that are achieved by focusing alternately on the stages of communication tasks together with things and inseparable from things: orientation in space, motivation⁵⁴³ and interaction, and integration of experience.

Table 19 – Actor-network analysis of filming according to the conceptual model of the study

Stages	Schemes of perception	Objects
A group of Petersburgers enjoy. Body practices of fusion	Affective Schemas: Security, Pleasure	Environment (Hermitage), good weather, beautiful views, each other's company, knowledge of history
Motivation	cognitive schemas	Interest in the project, interest in testing one's knowledge and ability to create a film, energizing
Thought or real experiment	Communicative and practical schemes for testing your knowledge, skills, projections. Willingness to experiment, interact and creatively adapt to the environment	Contact with filming objects (microphone, prompter), exhibits, things and pictures of the exposition, placement in space, performance of roles and functions according to the interaction frame and scenario
Summing up, emotional conclusion about identity	Reflection, experience integration, identity renewal, affective evaluation schemes	Evaluation of what has been done, reviewing the material, planning corrections and next steps

⁵⁴³ See: Kiselev, V. N. Models of interaction between the state and business: attracting crowdsourcing / V. N. Kiselev, A. M. Sosnovskaya // Management Consulting. 2014. № 11(71). P. 95.

The transformation of content from conception to implementation is significant, since many actors participated in the process and contributed to the final result. The script was corrected by 3 experts, 2 organizations, the presenters changed, the pronunciation of the text was incorrect in many places due to the incompetence of the film crew, the sound had to be rewritten due to the wind, the technical prompter did not work well, the working conditions during the day were uncomfortable (it was not possible to sit down, there was no water, food and toilet), the sound was recorded several times in the studio, a lot of editing splices, the composer wrote specially music for the project, it was recorded by the musicians, infographics and titles were also created, which were redone several times due to inaccuracies, then the videos were watched and agreed in 2 organizations, organizing a presentation for schoolchildren and students of the project with the involvement of the media lasted 3 months, since it is difficult to coordinate the presence of representatives of stakeholders (school, university, KGIOP, Gazprom, the Friends of Petersburg society, the media), the material was tested in 2 grades of junior and senior schools. Video content is posted on stakeholder websites. The students watched the videos, drew pictures, wrote the key words of the project, made presentations, demonstrated that they remembered the key ideas and facts related to the heritage, that is, they appropriated the urban identity associated with the heritage. the material was tested in 2 classes of junior and senior schools. Video content is posted on stakeholder websites. The students watched the videos, drew pictures, wrote the key words of the project, made presentations, demonstrated that they remembered the key ideas and facts related to the heritage, that is, they appropriated the urban identity associated with the heritage. the material was tested in 2 classes of junior and senior schools. Video content is posted on stakeholder websites. The students watched the videos, drew pictures, wrote the key words of the project, made presentations, demonstrated that they remembered the key ideas and facts related to the heritage, that is, they appropriated the urban identity associated with the heritage⁵⁴⁴.

An example of applying a conceptual model in a scenario⁵⁴⁵ (highlighted in italics).

⁵⁴⁴ Written and video reports in the author's archive.

⁵⁴⁵ Script: URL:

<https://docs.google.com/document/d/1XZrduWOFsSaNUadUI3Wzo7WyzNCBSza8R/edit?usp=sharing&oid=114567749648117864184&rtfpof=true&sd=true> (accessed 25.04.2023). Videos. URL: https://vk.com/video/playlist/-199642998_5 (accessed 22.04.23).

FIRST PLOT “We are proud of Peter the Great for his extensive knowledge and skills, courage and determination.”

Filming location: Peter's Gallery in the Hermitage.

TEXT:

– Is it necessary to go to school, Peter did not go? (*projection – verification of fantasy and knowledge, identification-fusion with Peter the Great by age and origin and differentiation from the school system. Actors: Hermitage, Peter, Russia, school, game practices, a boat and a team of friends, as a prototype of a team of classmates, management skills, organizational skills*).

Before Peter the Great, Russia was different, there was no school as such, children studied at home or at church. Under Peter the Great, secular schools appeared everywhere, and since then we have been going there and getting an education. And before, training was non-systematic, you could play and have a lot of fun, as Peter did, played war games with amusing regiments, rode a boat in his youth. Peter became king at the age of 10.

– I was born a king, everything will be fine with me anyway (*introjection and further swinging of conviction and demonstration of an alternative opinion; merging with parents, separation from parents, building a career. Actors: wealth, fame, parents, inheritance practices, cognitive abilities, integration into the profession, a career that implies social communication and identification in society and the team*).

Previously, only those children whose parents were noble and rich could become noble and rich. But under Peter the Great, knowledge and talents, first of all, are promoted up the career ladder, that is, they contribute to rapid success in the profession.

– What did Peter know, because he became king at the age of 10? (*projection check – doubts. Actors: cognitive and physical, bodily skills, occupational practices, tooth, ship, basket, time management, ax*).

The king was inquisitive, continued to study all his life, knew a lot and was able to, mastered 14 professions. He was interested in medicine, military affairs, gardening and liked to do a lot himself, with his own hands; together with the carpenters at the shipyard, he built ships and even knew how to pull out a bad tooth. The king also wanted

to learn how to weave baskets, but there was not enough time for everything. Peter masterfully owned an ax and other tools just like a real carpenter.

– And that Peter was brave?

Yes! It is good to be brave, to study and work tirelessly, to transform traditions and even nature. There are few such people in history, and we are proud of Peter (assessment, integration and identification. Validation of assessment. Actors: cognitive and physical abilities, emphasis on interaction with society and nature, and on change).

In this way, the scenario is an implemented conceptual scheme in action, contributing to the strengthening of heritage-related urban identities among young people. The following elements of the script introduce tangible and intangible actors of heritage: the visual series represents the architecture of the historical center and the Hermitage; the story about the practices and attitudes of Peter the Great introduces plug-ins for assimilation or reflection; the conclusion and emotional assessment of the presenter confirm the importance of cultural and historical discourse from significant others for students of people.

Chapter 3 Conclusions

Combining the actor-network method as part of the ontological approach and discursive analysis, we have reconstructed the discourse on the heritage of St. Petersburg by mapping a flat hybrid object that includes actors participating in the heritage discourse.

Understanding heritage as a key agent for assembling discursive and non-discursive practices of urban identity is possible with the use of optics and ANT tools. Let us list the tools of the ANT method that are effective for studying and constructing urban identity in the discourse of cultural heritage.

1. Group identity is constructed; constant work is carried out within groups in order to broadcast a consistent identity (7 group formation criteria are applicable to the analysis of interviews and media texts for the reconstruction of group identity; the remaining

principles of ANT are integrated into dispositive discourses that unfold as narratives by analogy with the developed conceptual design scheme identity)⁵⁴⁶.

2. The action process involves material and non-material actors that deviate the action from the goal and complicate the implementation process. At the individual level, we are talking about cognitive distortions, plug-ins and motivators at the second stage of the conceptual scheme, at the group level, movement towards the goal is supported by values that determine the choice of language, necessary competencies, dominant affect, however, the action taken cannot be performed without taking into account the existing ones. field of forces.

3. The agency of a thing becomes noticeable under certain conditions. At the social level – when there is an imbalance of forces, resources, and a crisis is experienced, it is necessary, according to Latour, to look for non-obvious agents. It must be emphasized that a non-figurative agent, an actant, can have the agency of undergoing. Such an agent becomes noticeable in situations: breakage and destruction; innovation and change; actions of ignorant users, vandals; return through archives, museums in case of loss of integrity; memory work through imagination, commemoration and artistic practices.

4. Construction together with non-human entities. Creation of new projects in interaction with non-human actors. Our educational project involved interaction with technology, halls and exhibits of the Hermitage, parks and city streets. We also plan to interact with artificial intelligence, teaching it a conceptual scheme and dispositive analysis of discourses in media and social networks.

5. The texts fix the assembly of the study at some stage and show the connections between the actors. According to Latour, a good report from the point of view of ANT is a narrative, or a description, or a statement in which all the actors do not sit idly by, but do something. In our map, we have shown with arrows the relationships between groups based on the similarity of one or more elements of the dispositives. We will talk about these connections when we summarize the findings by group. According to the actor-network theory, the text describing the uncertainties and disagreements of actors is a

⁵⁴⁶ Sosnovskaya A. M. The place of journalism in the ontological turn: ACT and media // Vestnik of Volga Region University named after V. N. Tatishchev. 2023. T. 2. №. 2. P. 95.

report that constructs and fixes an assembly that would otherwise continue to grow with actors and nuances of debatable realities. The ANT view of good research text is that the text should represent the largest number of objects and their functions in an assembly⁵⁴⁷.

Heritage is a social actor and agent, as it influences the identity of the city and citizens through its affordances. The characteristics and affordances of the main actor of our assembly, heritage, are found: lack of resources for conservation and restoration; lack of a consistent management plan; the need to reorient tourist flows, as there is wear and tear on the territories and objects of popular locations; the need to improve legislation and increase penalties for causing damage to heritage; problems of ecology and the environment: geological and ecological aspects of the soil of St. Petersburg and the Leningrad region; mold, fungus, soil subsidence, humidity, groundwater, heating networks, winds and hurricanes; animals, birds, insects, flora; floods, pollution, ruinization and the capture of ruins by nature; unexplored underwater cultural heritage; geoparks; names and renaming; the need to prepare documentation for the inclusion of new heritage sites; the need to optimize the policy of intangible cultural heritage, since there is a decrease in interest in heritage, there is no sufficient propaganda and popularization.

Solving these problems of the main actor of the assembly, developing strategies and policies, –strengthens the urban identity associated with these practices, which can be presented and recommended as practices of urban identity in the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg.

Thus, the legacy becomes especially agentic when decaying and destroying, when a tendency to ruinization is visible, against which almost all groups and actors of our assembly rebel, except for some artists.

The traditional criteria of St. Petersburg city identity are symbolically linked to the heritage: symbolism, rituals, holidays, leisure practices, terrain and climate features, differences in practices and language, historical visual perspective, visually familiar architectural ensembles, regular buildings, unity of composition, silhouette, sky line with certain dominants, artistry and the phenomenon of the Petersburg text.

⁵⁴⁷See: Latour B. Op. cit. P. 171-172.

We can enhance the social factors of material heritage in media discourse through the mutual control of antagonistic groups. The use of the listed 5 ANT tools made it possible to create a consistent model for constructing the identity of individuals and groups. Discursive groups respond to heritage issues. Let us present in pairs discourses between which there is recognition of the conformity of strategies (shown by arrows on the map) and their concepts. The discourse of the state and government, presented in the City Development Strategy, occupies a position in the middle of the graph, since it advocates the development of the city and the preservation of heritage at the same time. The rest gravitate towards one or the other pole.

Heritage Conservation / KGIOP is against the demolition of historical buildings and for the preservation of the unchanged look of the city with its landscape and spatial characteristics. UNESCO discourse / Requirements for compliance with international standards and rules for the conservation of World Cultural Heritage sites.

Discourse of business, builders, urban development / Aims at developing areas for the benefit of residents, offering and demonstrating economic benefits. Discourse of encumbrance / Restrictions and responsibilities imposed by heritage, for example, on tenants and residents of the center.

Gradozaschitnikov / The most radical, politicized, active; stands for the preservation of heritage. Discourse of journalists / Preservation of heritage and against its destruction.

“Creative City” and “Creative Class” / Promotes ideas of creativity, projects for the sustainable development of the city, updating the discourse about creative industries, spaces and new creative specialties. Discourse of young city dwellers of generation Z / Modern forms of expression and activity are present in media texts: crowdsourcing, flash mobs, social networks, blogs with youth interpretation of the city, heritage and leisure practices. Architectural production and expertise / Here, architecturally competent actors interpret the places and purpose of buildings, develop projects for the restoration of historical locations and the transformation of existing space. Things and heritage as such / speaks through experts, historians and curators who represent the interests of a particular

object, building or location. Insists on keeping the city code, things in context, since the object is stable only in its environment.

The dispositives that make up the discourses of the listed groups represent stages of movement towards the goal or understanding of the mission of the existence of groups: environment, actions, competencies, goals / values, assumptions, concepts / non-verbals, emotions, identity. Group identity can be presented non-verbally, emotionally using strategically chosen affect, and performatively. These 10 elements were considered by us in different combinations, for example, indicated by a slash according to the sources. Also, the 10 elements correspond to the 4 stages of the conceptual scheme in which they are integrated. We have also classified these 10 elements into practical, cognitive and affective registers.

It was revealed that the reasons for the antagonism of public groups in relation to the preservation of heritage, taking into account the peculiarities of articulation of the discourse and dispositives of the groups, lie in the sphere of goals and values, to which the rest of the dispositives are drawn, each group of the public: with an attraction to one of the 2 poles. On the assemblage map, groups with similar goals and values are connected by vectors showing similar goals or values.

It has been established that a detailed development of urban policy at the city level and identity policies as communicative strategies of public groups, which will be based on knowledge of urban history, culture, ecological and natural environment, is necessary to raise awareness of the heritage and sustainable development of the city after the Anthropocene. Thus, it was concluded that the identity construction tool in the form of a conceptual model and dispositive discourse analysis should be used as a means to achieve the political goal of city management within the framework of the city development strategy, education and upbringing, the effectiveness of which has been proven in the framework of the implementation of educational project in the interregional festival “Mission to Preserve”. Twenty videos updated the stages of the conceptual model of building an urban identity with the participation of heritage actors. The goal of human capital development, according to the St. Petersburg Development Strategy, is to ensure the harmonious development of the individual based on the cultural and historical heritage

of St. Petersburg. Urban identity in management is understood as one of the facets of a personality that exists in synchronic and diachronic unity. Actor-network theory within the conceptual model allows us to explore the synchronic aspect of urban identity, highlight networks and translations, the transformation of knowledge and practices in the current moment of contact with the environment, considering communication as a process, as an unfolding narrative that requires focusing on stages, noticing the agency of all non-human actors involved, and fixing the experience gained and, accordingly, strengthening the identity for effective management within the framework of the policy of urban identity in the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg.

The experts pointed out that understanding the relationship between the constituent elements of the city, represented in our hybrid object, which have agency, communicate and act through their affordances, is important for adjusting the policies of urban identity of public groups in the discourse of cultural heritage. Understanding the interaction between the elements of the city and their communication processes makes it possible to effectively develop urban policies and urban identity policies, understood as communication strategies, in the discourse of cultural heritage.

Politics of urban identity are understood in the same way as articulations of antagonistic discourses around heritage and as the construction of knowledge-memory. Commemoration is recognized as a constant of such memory as a basic social practice, a way by which the memory of the past is strengthened and transmitted. We investigated the practices of individual and collective commemoration, according to the developed conceptual model of communication, in semi-structured interviews with citizens and experts. An emergent effect was revealed when using the conceptual model to study the practices of memory and commemoration, when the integrated experience of interaction is made retrospective in order to become a support at the next new round of communication, form valuable knowledge and reproduce it in a new interaction with the environment.

The method we have developed has a practical applied value: the analysis of media texts should also be carried out taking into account the acting actors and actants at different stages of the communication conceptual model. The actor-network theory,

chosen to solve the crisis of urban identity and the crisis of attitudes towards the heritage of the city, integrated into the communication conceptual model, also turned out to be suitable as a tool for analyzing media texts. Therefore, the model demonstrated how actors and actants can be reconstructed from text and how they interact and stabilize significant loci for worldview reproduction and commemoration.

Thus, the experts and the scientific testing of the theoretical and practical results of the study confirmed the validity of the process of developing and applying a conceptual communication model with ACT elements for the policy of urban identity in the discourse of the cultural heritage of the city. It was found that there is no clearly developed regulatory framework for both the regulation of heritage conservation and the productive involvement of citizens in city management, which leads to antagonism of the discourses of the involved public groups.

The empirical and design material of the study showed the underdevelopment of educational and ideological methods of constructing identity in media texts for instilling and updating the urban identity of young people. The positive experience of implementing our educational project with an identity construction model integrated into videos shows the possibility of correcting this shortcoming by using the developed methodology, a model that can be implemented in media narratives and communication projects in social networks targeted at young people.

The lack of dialogue and the antagonism of discursive public groups on the issue of heritage conservation, including as the basis for building an urban identity, can be overcome through a dispositive analysis according to the proposed scheme, which correlates with the conceptual model, identifying the main discursive drivers and communication strategies that lie in the area. goals and values of discourses. The necessary deep, specific development of dispositives should be provided in order to more accurately identify points of problem and disagreement, as a result of which we will have verified elements of dispositives and potential opportunities for dialogue, consensus or agonism.

CONCLUSION

Theoretical results obtained: Correlations between actor-network theory, communication theory, political theories of discourse and identity are established.

Incorporated in communication theory and dispositive analysis the signifiers of material actors allow to estimate the probability of discursive events, to construct urban identity politics, because the dependence between the variables for satisfactory communication and articulation is strong subjectively and objectively, although there are contradictions, counter-verses and communication failures that can also be foreseen and compensated for them.

Regularities determining the stages of communication and forms of the psychological process of identity formation and re/construction are outlined, mechanisms of internal communication both at the individual and group level are revealed.

A theoretical model of the heritage and politics of urban identity is created, which includes group interests and discourses, habitus and practices of citizens, ways of self-definition, self-identification, and interruption of these processes. It is a system of regulating and at the same time articulating interests that reveals how heritage works, how the discourse is conducted, how practices and experiences of interaction with heritage are transformed in times of urban identity crisis.

All of this has been brought together in a coherent scheme of communication. This schema makes practical sense as a model for the ongoing construction of identity at the level of the individual and at the level of discursive groups. Thanks to ANT we have been able to optimally show the practical dimension of the resulting schema. The conceptual model of communicative identity construction analysis is developed taking into account the actants of actor-network theory integrated into this scheme. The model of identity construction in media text is proved to be relevant also for dispositive analysis of discourse, the parameters of which have been refined and supplemented with practical and affective components.

Constructed through a longitudinal study of urban identity related to historical heritage, the hybrid object is a prototype of urban identity politics as a set of policies and

communicative strategies of different actors. To achieve the goal of deconstructing and reassembling the hybrid object, the elements that make up urban identity discourse were analyzed and redefined based on the properties of discursive work with reality as interacting actors with agency and sociality. They were characterized by their communicative capacity and ability to generate new discourses, taking into account the methods of actor-network theory and the ontological turn in humanitarian research, post-Anthropocene.

Based on media discourse material, it has been shown that heritage discourse unfolds within a discursive antagonism. In this discursive field, the groups involved articulate their policies. At the same time, the discourse itself does not lend itself to universalization and is blocked from such attempts because structurally it is a relational system that never achieves absolute certainty of all relations and meanings. Group discourses act in relation to such an incomplete system as a practice of setting boundaries and distinctions. Identity is then formed through difference, articulating itself in relation to what it is not itself. A system of such radical distinctions has necessitated supplementing discursive analysis with an analysis of agentic positions in the field of antagonism, based on dispositions, which has made it possible to dissect, deconstruct how the agent places itself within the field, and when discourses appropriate content or rely on the discursive expectations of other agents.

Using the method and optics of actor-network theory, a consistent assembly of discursive practices was carried out, in the course of which a hybrid object of urban identity, based on heritage discourse as a cluster combining discursive and dispositive elements, possessing properties of flat topology and connectivity of heterogeneous actors, including material actors as forms of expression of meanings, appeared.

The developed models of communication and dispositives that stimulate the fixation of meanings and identities act within specific urban practices as a scenario approach. This approach, when applied in educational projects, has proven to be a new and effective way to explore heritage, i.e., the habitat and the basis of urban identity.

The theoretical model of urban identity has been shown to include group interests and discourses, habitus and practices, ways of self-definition, self-identification and

interruption of these processes. This system of regulating and at the same time articulating interests reveals how heritage works, how discourses are negotiated, how practices and experiences of interaction with heritage are transformed in times of urban identity crisis. Through examples, it was revealed that a permanently reproducible sustainable identity of the city and citizens, linked to heritage and embedded in its discursive and procedural maintenance, is possible through policies for the conservation of tangible and intangible heritage, as well as through mechanisms to educate the younger generation in the commitment to the city through the development of urban educational projects using a conceptual model of identity construction that includes material actors, and through the formation of ideological and value-based identity and the development of a conceptual model of identity construction that includes material actors.

At all stages of the work, it has been revealed that discursivity believes in both new possibilities and its own limitations, so that identification can only be constructed by taking into account all the limitations found in the study.

Thus, ANT methods are relevant to the study of identity. In the first chapter, the question of enhancing the potential for non-anthropocentricity of existing theories of identity and urban identity was addressed by using ANT methods, finding material actors. In the second chapter, on the basis of the found material actors, a psychological model of identity construction in the process of communication with regard to ANT was developed. Based on this model, discourse dispositives were considered and criteria for discourse dispositive analysis were compiled. Using these models, media and social media cases were analyzed. The third chapter gathered all actors around the main actor, heritage, according to the principle of flat topology and ANT mapping, examined the network relationships of human and non-human actors in the discourse of urban identity politics. Thus, the crisis of urban identity has been redefined as a crisis of heritage, a material actor with its unrealized needs and antagonistic struggle of different forces and stakeholders over each object, the fate of heritage and the historic city center as a whole.

We structure the conclusion in two sections: 1) a summary of the study; 2) the results of the study by chapter.

Study Summary

In the context of the dynamic development of the information society, changes in the political, information and environment, the urban development of St. Petersburg is inscribed in the general development strategies of the cities of the country and Russian society as a whole, however, the plans for implementing the city development strategy of St. Petersburg are unique and are determined in the first place. conditions for the conservation of the World Cultural Heritage site, the historic city center and associated groups of monuments.

The historical center of the city, heritage and geographical place, incorporated into the practices and consciousness of citizens, form the basis of local urban identity, becoming an implicit, self-evident and shared knowledge, broadcast in communications, media and the Petersburg Text.

According to the City Development Strategy until 2035, the cultural heritage and heritage of the city is a basic element of the city's identity, the most important factor shaping the attitude towards St. Petersburg on the part of citizens and its guests. However, our longitudinal study of youth identity practices showed a weakening of local identity, a decrease in interest in heritage, involvement in the life of the city, in being a part of it in real thoughts and actions.

The emerging crisis of the urban identity of the young generation Z due to global challenges and identity crisis, as well as the ineffectiveness of urban identity policy, has reached the stage when it became necessary to analyze the theoretical identity discourse in order to find resources and mechanisms for self-identification of young citizens, and for the development of communicative identity management strategies within the framework of urban identity policy. In the light of the ontological turn, the method of actor-network theory became such a resource, with the help of which the necessary actors for the formation of identity in a new reassembled network were found and integrated, a conceptual model for constructing identity was developed taking into account material actors both at the individual and at the group level, the practices and needs of the groups and stakeholders involved in the discourse on cultural heritage are studied, the dispositives and communicative strategies of antagonistic groups are analyzed, the

criteria for dispositive discourse analysis for the analysis of communicative strategies and policies are determined. The main role of the media in the formation of group policies has been established, since antagonism is reproduced through media discourse and media platforms. It was revealed that the system of upbringing and education that determines the policy of urban identity of young people is poorly represented in the media discourse.

Based on the actor-network theory and discursive analysis, the policy of urban identity in the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg is studied, that is, how it is presented in the media discourse, how it is formed by different discursive groups and actors through communicative strategies and policies directed by which dispositives.

Three stages of the study were implemented: a review of scientific and regulatory literature; execution and analysis of the educational and management project “St. Petersburg – a World Heritage Site: the view of youth”, implemented with the cooperation of the Faculty of Social Technologies of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (FST NWIM RANEPА) and KGIOP in 2016–2023 .; discursive analysis of the media, social networks, semi-structured interviews with experts, based on which a working conceptual model of building identity in communication is substantiated, taking into account non-human actors, and a discursive-dispositive analysis of stakeholder communication strategies around heritage is implemented.

At the last stage of the study, the conceptual model was tested and verified in a specially developed educational project for schoolchildren *StP4juniors*, or “St. Petersburg for schoolchildren”, – design and research work of students of the St. Petersburg gymnasium No. 56 for the 350th anniversary of Peter the Great with the participation of the NWIM RANEPА, which is 20 series of video content. The project was implemented during 2021–2023 and became a laureate and owner of a special prize of the society “Friends of St. Petersburg” in the framework of the interregional festival “Mission to Preserve” with the financial participation of PJSC Gazprom.

An analysis of urban identity through the prism of ANT approaches and methods made it possible to find the potential to overcome the crisis due to the material actors present in this network of relationships. The actor-network approach to the topic of

identity is radically different from the studies of its predecessors precisely by the search and addition of both the network and the discourse by non-human actors with their agency, which are present at all stages of the processes of communication and self-identification.

Through the prism of ANT, the components of problematic identity were considered at 3 levels:

At the level of the individual in the process of self-identification, taking into account the achievements of psychological and communicative theories of individual and collective identity;

On group discourses in the media field with reconstructed dispositives that make it possible to understand the drives of stakeholders, including non-human actors, the dynamics of power in the system of actors, the reasons for the antagonism of actors.

At the level of texts and educational projects with the help of narrative and semiotic analysis in accordance with the parameters of the developed conceptual model.

The novelty of the research lies in the integration of ANT methods into the individual and collective process of identity construction, which makes it possible to detect non-human actors incorporated into individual identification processes and collective processes of group formation. The novelty also lies in the development of two methods for analyzing the media and media discourse: 1) a conceptual communicative model and 2) dispositive analysis with new non-human actors integrated into it.

Heritage was considered as the central actor of the network under study, since urban identity is associated with heritage and historical cultural heritage, which is reflected in the practices of the city administration and regulatory legal acts. The policy of urban identity in the light of heritage is spelled out in the city's development strategy: it contains recommendations for preserving heritage and educating young people in the spirit of loyalty and patriotism towards cultural heritage.

The application of the ANT method and the construction of an assembly map of all participants in the discourse about heritage revealed the reality of material players, which made it possible to substantiate a new understanding of the network, the interactions of actors that form the city's identity and attitude towards heritage.

The presence of antagonism in the discourse indicates democratic realities, with the presence of discussions, oppositional opinions, not inclined to compromise in their essence. The decomposition into elements of dispositive discourses made it possible to identify and interpret the actors of the ongoing articulation struggle, which is a policy that unfolds in reality, regardless of the recommendations of the official city strategy. From the point of view of modern political science, the processes of the development of group identity and the associated struggle based on arrangements for the distribution of the power of articulation are political processes.

Stakeholder communication strategies represent the promotion of their own interests in relation to heritage and the argumentation of the policy of heritage conservation or other urban development in the discourse. The reconstructed conceptions of groups have proven to be effective in managing and constructing group identities in discourse.

The problem of identity crisis as a political challenge appears on the political agenda. The dominant administrative identity of urban development has been found since the late 1980s, the first wave of urban protection, and under the circumstances of the new uprisings of the second 2000s and the third wave of the 2020s. in a competitive environment on a heritage conservation continuum. Questions of unique values, memory and commemoration are formulated differently by groups in discourse.

Influencing within the framework of the identity policy on the arrangements of groups, it is possible to change both the opinion of each group and the system of opinions.

Recognition of the identity crisis as an actual political challenge, the study and understanding of discursive antagonism, the search for conflict resolution on the basis of group arrangements, the settlement of problems and requests of material actors within the framework of heritage agency, will allow us to construct a new urban identity policy strategy. The conduct of such an identity policy will become an understandable and open procedure for discourse analysis.

The components of the problem of identity crisis in connection with heritage, after analysis by the ANT method and the compilation of a network of actors, were transformed by identifying material components in communication processes. It became clear how to

manage the identity crisis of young people, – through material things and components included in communication, – how to manage the antagonistic discourse of stakeholders about heritage, – by including bridge values and goals of different groups, on the basis of which coalitions and dialogue are possible.

Constructed in 2D, a flat topology of heterogeneous actors, our hybrid object, shows political scientists and analysts at the discourse level the material web of interactions that affect people's feelings, practices, and identities.

The two developed schemes are converted into new explanatory models of the identification process in media discourse, at the level of the individual and at the level of groups, and can be in demand in the work of journalists and managers.

The scientific and theoretical value of the work lies in the development of a new tool for the analysis of media discourse based on the principles of actor-network theory.

There are limitations to this method. The method does not take into account individual will, is not anthropocentric, presenting will and choice as the action of incorporated forces and external swarming material actors that transform the actions of other actors, thereby preventing the achievement of a pre-specified goal.

The developed method regarding the problem of the crisis of St. Petersburg identity cannot be immediately effective, since it takes time and organizational resources to present material actors in media discourse and educational projects.

Prospects and topics open for future research are conducting case studies on these schemes in media discourse, teaching artificial intelligence models and detecting linguistic markers of identity and identification in media and social media texts. The conceptual model of identity and the scheme of dispositive analysis of groups of identities can become a methodological tool: 1) for measuring local identities and their material parameters 2) for comparing dispositives of discursive groups 3) for predicting the development of local identities.

The found characteristics and affordances of heritage require further research on the example of individual cases for each characteristic and problem of heritage.

Identity is constructed by the interactions of human and non-human actors and is in constant dynamics and reassembly. With the help of ANT methods, one can look at the

numerous actors and intermediaries branching out on the map that transform reality and each other, and one can briefly reassemble them in a certain composition. The ANT method should be introduced into the politics of urban identity in order to track the influence of actors – who else, besides people, and how they act – in the conditions of the post-Anthropocene.

The media discourse, constructed with the help of reasonable schemes, allowed different groups and stakeholders to articulate politics in a new way. The ACT method solves the problem of identity crisis and clarifies the strategies of politics/articulation in media discourse. The articulation of interests, the function of the political system, is to identify by interest groups / stakeholders, public organizations and political parties the requirements of individuals, social groups and material actors for the political system.

Research results by chapters

The first chapter deals with theoretical and practical approaches to the phenomenon of identity. The general direction of modern research shows the potential for a transition from anthropocentric theories of identity to non-anthropocentric theories, but the focus of the study was anthropocentric optics, which were subjected to critical reflection in our interdisciplinary approach, combining political science, sociology and psychology as ways to show the boundaries of the subject and reveal the specific conditions of social identification. The ontological turn is most common in texts on sociology, successfully applied in urban studies. In Giddens' approach, a distributed action on ANT was revealed that does not contradict the ontological turn. The provisions on the reflective project “I” formed the basis of the conceptual scheme for the analysis of discursive and network identity. In the found modern theories, we have identified non-human actors and various things and devices that help maintain the network at the level of implicit action.

The productivity of therapeutic and communicative Gestalt practice has been established in relation to text analysis, museum, cinema and architecture. The therapeutic principles of Gestalt analysis were correlated with the principles of the reflexive “I”. As a result of research and experiments, introjects were discovered, incorporated through the media in the process of political socialization. These introjects determine thinking and

practices, motivate for communication and thus for the experience of joint building of basic identifiers.

It has been proven that political identity is a social construct that is directly dependent on other identities of the individual: national, territorial, social, psychological. Thus, a new national identity of a migrant or a new urban identity of an internal migrant is formed not only through the process of providing material benefits by the recipient city-country, but also through the policy of the host society in matters of identity formation, with the development of a sense of belonging among new citizens. The theme of the transit of identity, its transformation over time and space is topical for many social groups in the transition period. Social groups continue to line up in a transitional period and in a situation of uncertainty.

Such a political identity is formed at the intersection of the psychological and social dimensions of the individual with their constant mutual influence. Social identity carries out two basic functions – the psychological need for inclusion, for belonging to a large group, and exclusion, i.e., separating oneself from others, representation of their uniqueness and originality. Identity is defined as constantly constructed, multifaceted and often not centered on the subject, but is more of an emergent effect of communication, discourse, contact of the organism with the environment. The environment in Gestalt theory for an organism is a physical place, a place of residence. The urban identity of the inhabitants of St. Petersburg is defined through the current policy of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of the city. The four main directions of the local identity policy: symbolization, unification, differentiation, identification are relevant for St. Petersburg. Within these directions, the self-identity of the city dweller is constantly recreated by the choice of actions and the verification of existing knowledge. Knowledge, past experience is the support and the start of contact with the outside world to check the existing knowledge. The formation of identity is influenced by socialization, which is based on the principles of primacy and structuring. In addition to family and school, the media and the media are the agents of primary socialization. According to the methods of Gestalt therapy, identity is constructed in the process of contact with the environment in stages, and if contact with the environment is difficult, then it can be

optimized in the practice of psychotherapy, which can be considered as communication training.

According to the stages of the contact cycle, it is possible to reconstruct the identity in texts: in the texts of the media, social networks, films, other arts, in the process of complex perception of architecture.

Thus, definitions of identity and urban identity within the framework of current theories, understanding of politics and identity policies are considered based on the results of studying the literature with a focus on new methods of analysis. The chapter ends with the actualization of the conceptual tool of communication in gestalt practice, which is further considered in the context of ANT and discursive analysis.

As a result of the study in the second chapter, it was revealed:

When analyzing the discourse about heritage and the city, it is necessary to critically analyze the process of constructing communication, for which dispositive analysis is suitable, in which the study of dispositives implies the search for incorporated actors, and related technical assemblages, such as the platform of the social network, its algorithms and requirements for use and conformity, data, interface.

The main results of the educational and management project “St. Petersburg – a World Heritage Site: the view of youth”, which was implemented with the cooperation of the Faculty of Social Technologies of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (FST NWIM RANEPА) represented by the author and KGIOP in 2016–2023, answering the questions posed to political science and management practice: promoting the heritage of the city, methods for strengthening the urban identity of young people, as well as questions about changes in urban identity in the context of city development and in the context of changing the thinking and practices of young people, were a database for analyzing and understanding the need to use new research methods.

The results of semi-structured interviews, the components of identity construction as the integration of experience and knowledge in the process of interaction presented in our conceptual analysis model, the views of experts on heritage and urban identity showed that opinions overlap with both anthropocentric and non-anthropocentric approaches to

identity construction that were studied in a literature review. From interviews and conversations about identity and heritage, numerous actors and actants are reconstructed, acting and undergoing influence, supporting the worldviews of city residents, their practices, style of recollection, priority knowledge and values.

The heuristic prospects of using ANT for political science and media communication have been proved with the involvement of the opinions of experts in this field. Following ANT, we came to the conclusion that it is necessary to re-arrange the content of power and forces by deconstructing connections, searching for and finding new non-human actors with their current requirements, building a common team, and then building a common composition of such assemblies.

A table “Stages of the political process of solving the problem” has been compiled, which includes the structural stages of the political process, the structural stages of the communicative process, things that de/stabilize social relations. The stages of the operationalization of the conflict and the translation of the decision into management processes are shown. The following actors of the political process are identified: transformers, media, reports and plans, dispositives, communication according to the block diagram of communication, which is filled with incorporated things.

The categories of the ontological turn are introduced, which are taken into account in the operationalized 10-stage program of discursive analysis: decentration of the subject; realism; emergence; limited common sense, post-truth; rejection of hierarchy; non-recognition of absolute truths and essentialism; the significance of objects and their manifestations; recognition of the activity and agency of things and nature.

At the macrocontextual level of discursive analysis, the discursive theory of E. Laclau and Ch. Mouffe was used, the essence of which is that a social phenomenon cannot be complete and have full meaning. As a result, there is antagonism in the discourse and a constant struggle of opposing aspirations and / or a struggle towards the ideal state of the system, which is unattainable, but the aspiration itself tries to neutralize the lack in the psychoanalytic sense. This analysis requires fixing the meanings at all levels of the social phenomenon and revealing the course of the struggle of the antagonists.

The discourse theory of Laclau and Mouffe, a post-Marxist theory, sympathizes with the development of a new materialism aimed at rethinking and reassessing the role of material, considering it as “agent matter”. The new materialism perceives matter as both material and representational; the new materialistic agenda is expressed in the focus on the “material-semiotic actor”. It is semiotic analysis that makes it possible to find in texts material actors incorporated into a person as plug-ins or into a group as dispositives.

The research strategy of ANT sociologists was applied by us in the study of empirical material in the following areas: the search for disagreements and the deliberate destabilization of foundations through doubt and provocative questions; use of language and explanations of actors' motivations; using the principles of ethnomethodology; relativistic correlation of coordinate systems during interpretation; cartography of disagreements, relationships, networks within a flat ontology in 2D format.

A 7-stage method of reassembling groups has been built, tested in the course of analyzing interviews with representatives of the studied discursive groups: localization of violations of group boundaries through the differentiation of “friends and foes”; finding an agitator; identification of markers of constant redefinition of boundaries by participants; fixation of verbalized values and goals, used clichés and concepts that are significant for the group, the search for performative statements that have the status of action, since, according to B. Latour, “groups are created to speak”; visual mapping of the competencies of one's group, when anti-groups are also plotted on the map, which do not have the competencies of “our” group, but some others; discovery of actions to attract new resources to make the boundaries of the group more stable; discovering intentions and strategies to mobilize professionals with highly specialized equipment, since all groups need people who “define who they are, who they should be, who they were”; here we are talking about the fact that in the discourse of the group there are always significant referents.

The deconstructed interview about the World Club of Petersburgers group according to 7 ANT criteria proved the applicability of the method to text analysis. The obtained deconstruction data are presented in the form of a table, which reflects group

formation criteria, group formation practices, reconstructed non-human heritage actors and their agency.

As a result of identifying and describing the uncertainties, controversies that ANT focuses on, their extrapolation to interview texts and media, a methodology for using ANT in relation to the communication process was compiled, and the parameters necessary for the conceptual model were integrated into the communication scheme. According to this scheme, both the structural components of people's identity and dispositives, the structural components at the basis of discourses, groups, are analyzed in order to create a hybrid object in the third chapter within the framework of the flat topology of ANT according to the cases under study.

The conclusions on approbation of the method, integration of actors into the structures of identity and discourses are such that we consistently:

- 1) positioned the methodology in the policy and management of the city through the implementation of a social project;
- 2) tested the possible construction of identity using material actors in the discourse according to ANT;
- 3) clarified the emergent effects of each stage of communication;
- 4) developed a practical method for analyzing media texts.

Interviews with experts on the conceptual model qualified our methodology as relevant to the goals of urban identity policy, which has the potential to improve public administration and increase its effectiveness through structurally updated communication with the participation of network actors; improvement of the social policy of the city and the state; ensuring the spiritual development of the Russian state and society; development of the humanities with the disclosure of their theoretical and interpretive potential.

Improving urban governance is possible with a network reconstruction of the values and demands of all participants in urban life, while the heritage is considered by managers as a participant and guarantor of urban identity.

The social approach to heritage and its discourses allows us to introduce the principle of symmetry and inclusion, the environmental agenda, comprehending network

participation as the realization of the values of equality, sustainable development and the preservation of natural and cultural heritage as the most common environment in which new values are developed. Such value production will contribute to the social realization of citizens, increasing their cultural participation in the life of the city, including the discovery of new modes of emotional involvement and marking the preferred places of urban life.

So, the historical and cultural heritage is considered as a prerequisite for development that involves many participants, and therefore warns against economic growth crises by ensuring an even and productive distribution of intellectual, emotional, moral and spiritual life, with a constant increase in interest in tools for its improvement. These tools also include received practical recommendations based on socio-historical, political-legal, cultural and philosophical research.

By combining the actor-network method as part of the ontological approach and discursive analysis, the discourse on the heritage of St. Petersburg was reconstructed, a map of a flat hybrid object was compiled, including actors participating in the heritage discourse.

Understanding heritage as a key agent for assembling discursive and non-discursive practices of urban identity has become possible with the use of optics and ANT tools. Let us list the tools of the ANT method that are effective for studying and constructing urban identity in the discourse of cultural heritage.

1. Group identity is constructed; constant work is carried out within groups in order to broadcast a consistent identity (7 group formation criteria are applicable to the analysis of interviews and media texts for the reconstruction of group identity; the remaining principles of ACT are integrated into dispositive discourses that unfold as narratives by analogy with the developed conceptual design scheme identity).

2. The action process involves material and non-material actors that deviate the action from the goal and complicate the implementation process. At the individual level, we are talking about cognitive distortions, plug-ins and motivators at the second stage of the conceptual scheme, at the group level, movement towards the goal is supported by values that determine the choice of language, necessary competencies, dominant affect,

however, the action taken cannot be performed without taking into account the existing ones. field of forces.

3. The agency of a thing becomes noticeable under certain conditions. At the social level, when there is an imbalance of forces, resources, and a crisis is experienced, it is necessary, according to Latour, to look for implicit agents. It must be emphasized that a non-figurative agent, an actant, can have the agency of undergoing. Such an agent becomes noticeable in situations: breakage and destruction; innovation and change; actions of ignorant users, vandals; return through archives, museums in case of loss of integrity; memory work through imagination, commemoration and artistic practices.

4. Construction together with non-human entities. Creation of new projects in interaction with non-human actors. Our educational project involved interaction with technology, halls and exhibits of the Hermitage, parks and city streets. We also plan to interact with artificial intelligence in future studies, teaching it a conceptual scheme and dispositive analysis of discourses in media and social networks.

5. The texts fix the assembly of the study at some stage and show the connections between the actors. A good report from the point of view of ANT is a narrative, or a description, or a statement in which all the actors do not sit idly by, but do something. In the hybrid object map, arrows show relationships between groups based on the similarity of one or more elements of the dispositives. According to the actor-network theory, the text describing the uncertainties and disagreements of actors is a report that constructs and fixes an assembly that would otherwise continue to grow with actors and nuances of debatable realities. The ANT view of good research text is that the text should represent the largest number of objects and their functions in an assembly.

Heritage is a social actor and agent, as it influences the identity of the city and citizens through its affordances. The characteristics and affordances of the main actor of our assembly, heritage, are found: lack of resources for conservation and restoration; lack of a consistent management plan; the need to reorient tourist flows, as there is deterioration of the territories and objects of popular destinations; the need to improve legislation and increase penalties for causing damage to heritage; problems of ecology and the environment: geological and ecological aspects of the soil of St. Petersburg and

the Leningrad region; mold, fungus, soil subsidence, humidity, groundwater, heating networks, winds and hurricanes; animals, birds, insects, flora; floods, pollution, ruinization and the capture of ruins by nature; unexplored underwater cultural heritage; geoparks; names and renaming; the need to prepare documentation for the inclusion of new heritage sites; the need to optimize the policy of intangible cultural heritage, since there is a decrease in interest in heritage, there is no sufficient propaganda and popularization.

Solving these problems of the main actor of the assembly through the development of strategies and tactics will help to strengthen the city's identity. Such practices can be recommended as practices of urban identity in the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg.

Thus, the legacy becomes especially agentic when decaying and destroying, when a tendency to routinization is visible, against which almost all groups and actors of our assembly rebel, except for some artists.

The traditional criteria of St. Petersburg city identity are symbolically linked to the heritage: symbolism, rituals, holidays, leisure practices, terrain and climate features, differences in practices and language, historical visual perspective, visually familiar architectural ensembles, regular buildings, unity of composition, silhouette, skyline with certain dominants, the phenomenon of the Petersburg text.

The social factors of material heritage can be reinforced in media discourse through the mutual control of antagonistic groups. The use of the listed 5 ANT tools made it possible to create a consistent model for constructing the identity of individuals and groups. Discursive groups respond to heritage problems by offering their own solutions. Let us present in pairs discourses between which there is recognition of the conformity of strategies (shown by arrows on the map) and their concepts. The discourse of the state and government, presented in the City Development Strategy, occupies a position in the middle of the graph, since it advocates the development of the city and the preservation of heritage at the same time. The rest gravitate towards one or the other pole.

Heritage Conservation / KGIOP is against the demolition of historical buildings and for the preservation of the unchanged look of the city with its landscape and spatial

characteristics. UNESCO discourse / Requirements for compliance with international standards and rules for the conservation of World Cultural Heritage sites.

Discourse of business, builders, urban development / Aims at developing areas for the benefit of residents, offering and demonstrating economic benefits. Discourse of encumbrance / Restrictions and responsibilities imposed by heritage, for example, on tenants and residents of the center.

City defenders / The most radical, politicized, active; stands for the preservation of heritage. Discourse of journalists / Preservation of heritage and against its destruction.

“Creative City” and “Creative Class” / Promotes ideas of creativity, projects for the sustainable development of the city, updating the discourse about creative industries, spaces and new creative specialties. Discourse of young city dwellers of generation Z / Modern forms of expression and activity are present in media texts: crowdsourcing, flash mobs, social networks, blogs with youth interpretation of the city, heritage and leisure practices.

Architectural production and expertise / Here, architecturally competent actors interpret the places and purpose of buildings, develop projects for the restoration of historical locations and the transformation of existing space. Things and heritage as such / Speak through experts, historians and curators who represent the interests of a particular object, building or location. Insists on keeping the city code, things in context, since the object is stable only in its environment.

The dispositives that make up the discourses of the listed groups represent stages of movement towards the goal or understanding of the mission of the existence of groups: environment, actions, competencies, goals, / values, assumptions, concepts, / non-verbal, emotions, identity. Group identity can be presented non-verbally, emotionally using strategically chosen affect, and performatively. These 10 elements were considered by us in different combinations, for example, indicated by a slash according to the sources. Also, the 10 elements correspond to the 4 stages of the conceptual scheme in which they are integrated. We have also classified these 10 elements into practical, cognitive and affective registers.

It was revealed that the reasons for the antagonism of public groups in relation to the preservation of heritage, taking into account the peculiarities of the articulation of the discourse and dispositives of the groups, lie in the sphere of goals and values, to which the rest of the dispositives of each public group are involved: with an attraction to one of the 2 poles. On the assemblage map, groups with similar goals and values are connected by vectors showing similar goals or values.

It has been established that a detailed development of urban policy at the city level and identity policies as communicative strategies of public groups, which will be based on knowledge of urban history, culture, ecological and natural environment, is necessary to raise awareness of the heritage and sustainable development of the city after the Anthropocene. Thus, it was concluded that the identity construction tool in the form of a conceptual model and dispositive discourse analysis should be used as a means to achieve the political goal of city management within the framework of the city development strategy, education and upbringing, the effectiveness of which has been proven in the framework of the implementation of educational project in the interregional festival “Mission to Preserve”. Twenty videos updated the stages of the conceptual model of building an urban identity with the participation of heritage actors. The goal of human capital development, according to the St. Petersburg Development Strategy, is to ensure the harmonious development of the individual based on the cultural and historical heritage of St. Petersburg. Urban identity in management is understood as one of the facets of a personality that exists in synchronic and diachronic unity. Actor-network theory within the conceptual model allows us to explore the synchronic aspect of urban identity, highlight networks and translations, the transformation of knowledge and practices in the current moment of contact with the environment, considering communication as a process, as an unfolding narrative that requires focusing on stages, noticing the agency of all non-human actors involved,

The experts pointed out that understanding the relationship between the actors that make up the city, represented in our hybrid object, who have agency, communicate and act through their affordances, is important for adjusting the policies of urban identity of public groups in the discourse of cultural heritage. Understanding the interaction between

the actors of the city and their communicative processes makes it possible to effectively develop urban policies and policies of urban identity, understood as communicative strategies, within the discourse of cultural heritage.

Politics of urban identity are understood in the same way as articulations of antagonistic discourses around heritage and as the construction of knowledge-memory. Commemoration is recognized as a constant of such memory as a basic social practice, a way by which the memory of the past is strengthened and transmitted. The practices of individual and collective commemoration were investigated, according to the developed conceptual model of communication, in semi-structured interviews with citizens and experts. An emergent effect was revealed when using the conceptual model to study the practices of memory and commemoration, when the integrated experience of interaction is made retrospective in order to become a support at the next new round of communication, form valuable knowledge and reproduce it in a new interaction with the environment.

The method we have developed has a practical applied value: the analysis of media texts should also be carried out taking into account the acting actors and actants at different stages of the communication conceptual model. The actor-network theory, chosen to solve the crisis of urban identity and the crisis of attitudes towards the heritage of the city, integrated into the conceptual model, also turned out to be suitable as a tool for analyzing media texts. Therefore, the model demonstrated how actors and actants can be reconstructed from text and how they interact and stabilize significant loci for worldview reproduction and commemoration.

Thus, the experts and the scientific testing of the theoretical and practical results of the study confirmed the validity of the process of developing and applying a conceptual communication model with ACT elements for the policy of urban identity in the discourse of the cultural heritage of the city.

It was found that there is no clearly developed regulatory framework for both the regulation of heritage conservation and the productive involvement of citizens in city management, which causes antagonism in the discourses of the involved public groups.

The empirical and project material of the study has shown insufficient development of educational and ideological methods of identity construction in media texts for the inculcation and actualization of urban identity of young people. The positive experience of the implementation of our educational project with the model of identity construction integrated in the videos shows the possibility of correcting this deficiency through the use of the developed methodology, a model that can be implemented in media narratives and communication projects in social networks, demanded by young people.

The lack of dialogue and antagonism between discursive publics on the issue of heritage conservation, including as a basis for urban identity building, can be overcome through dispositive analysis according to the proposed framework, which correlates with the conceptual model by identifying the main discursive drivers and communicative strategies that lie in the domain of discursive goals and values. The necessary in-depth, concrete elaboration of dispositives should be provided in order to identify more precisely the points of concern and disagreement, resulting in reconciled elements of dispositives and potential opportunities for dialogue, consensus or agonism.

BIBLIOGRAPHY

1. Agamalova, L. Hyper-Chaos vs Matter-in-Process-Materialization: Toward the Ontologies of Quentin Meillassoux and Karen Barad; Pisarev A. A. Networks, planes, matter: on the use of flat social ontologies / L. Agamalova // Bulletin of the Tver State University. Series: Philosophy. – 2020. – №. 1. – P. 144-157.
2. Agafonova, A. G. Restructuring of the social space of the local territory of a large city: on the example of Kanonersky Island of St. Petersburg: dissertation ... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04 / Agafonova Anna Gennadiievna; [Place of defense: St. Petersburg. state university]. – St. Petersburg, 2016. – 200 p.
3. Adizes, I. Corporate Life Cycle Management / I. Adizes; [per. from English. V. Kuzin]. – M. [and others]: Peter, 2011. – 383 p.
4. Aleksandrov, A. A. Mikhail Bakhtin's polyphonic concept of consciousness in its meaning for analytic-cathartic therapy / A. A. Aleksandrov // Bulletin of Psychotherapy. – 2021. – №. 79 (84). – P. 7-23.
5. Anderson, B. Imaginary Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / B. Anderson; per. from English. V.G. Nikolaev. – M.: Kanon-Press-C: Kuchkovo field, 2001. – 286 p.
6. Anderson, B. Nationalism, identity and logic of seriality / B. Anderson // Logos. – 2006. – №. 2 (58). – P. 69.
7. Andreeva, G. To the question of identity crisis in conditions of social transformations / G. Andreeva // Psychological research. – 2011. – V. 4, №. 20. – P. 1-12.
8. Anikina, M. E. Social networks and messengers as a communication channel for journalists: experience of empirical research / M. E. Anikina // Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture. – Moscow, 2022. – P. 79-84.
9. Antsiferov, N. Soul of Petersburg / N. Antsiferov. – M.: Bertelsmann Media Moscow (BMM), 2014. – 397 p.

10. Astashova, O. I. Construction of Regional Identity in Media Discourse: An Experience of Comparative Analysis / OI Astashova // *Political Linguistics*. – 2020. – №. 2 (80). – P. 120-133.
11. Baychik, A. V. Mass media space of value conflict: in 2 volumes: dissertation ... doctor of political sciences: 5.9.9. / Anna Baichik; [Place of defense: St. Petersburg State University]. – St. Petersburg, 2022. – 1058 p.
12. Balayan, A. A. Actor-network theory in the context of discussions about ideology and political ontology / A. A. Balayan, L. V. Tomin // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences*. – 2018. – №. 1. – P. 88-94.
13. Barthes, R. Selected Works: Semiotics. Poetics: Per. from fr. / R. Barthes; Comp., total. ed. and intro. G. K. Kosikova. – M.: Progress: Univers, 1994. – 615 p.
14. Basina, N. E. Theater and Gestalt / N. E. Basina. Yekaterinburg, 2005.
15. Bauman, Z. Globalization. Consequences for a person and society / Z. Bauman; tr. from English. – M.: Publishing house “Ves Mir”, 2004. – 188 p.
16. Bakhtin, M. M. The problem of speech genres / M. M. Bakhtin // *Author and hero. To the philosophical foundations of the humanities*. – St. Petersburg: Azbuka, 2000. – P. 249-298.
17. Bakhtin, M. M. Epos and novel / M. Bakhtin. – St. Petersburg: Azbuka, 2000. – 300 p. – ISBN 5-267-00273-9.
18. Bateson, G. Ecology of Mind: Selected Articles on Anthropology, Psychiatry and Epistemology / G. Bateson; tr. from English. D. Ya. Fedotova, M. P. Daddy. – M.: Meaning, 2000. – 476 p.
19. Beck, U. The Risk Society. On the way to another modernity. Monograph / U. Beck. – M.: Progress-Tradition, 2000. – 383 p.
20. Berger, P. The Social Construction of Reality: A Treatise on Sociology knowledge / P. Berger, Thomas Lukman. – M.: Mosk. Philos. Fund, 1995. – 322 p. – ISBN 5-85691-036-2.
21. Burns, R. What is the Self-concept. Psychology of self-consciousness / R. Burns. – Samara: Bahrakh-M, 2003.

22. Burton, L. “My leg is a giant hairpin”: fashion and a prosthetic body / L. Burton, Y. Melkumova-Reynolds // Fashion theory: clothing, body, culture. – 2021. – №. 2. – P. 197-222.
23. Letter of thanks from KGIOP [Electronic resource] // Government of St. Petersburg. – 2021. – Access mode: https://ranepa-my.sharepoint.com/:i:/g/personal/sosnovskaya-am_ranepa_ru/EYYIH_Yqci9Mh1IeQ83SeOcBvR0xuHgN7XXWWepMWuSIOg?e=USSLSe.
24. Blanchot, M. “Lost” affect of psychoanalysis [Electronic resource] / M. Blanchot. – Access mode: <http://psyagora.narod.ru/affect.doc>;
25. Blinov, E. Feather and bayonet / E. Blinov. – M.: Higher School of Economics, 2022. – 308 p.
26. Blokhin, I. N. Personality in the space of mass communication: the beginning of role analysis / I. N. Blokhin. – St. Petersburg: Limited Liability Company Publishing House “Scientia”, 2016. – 357 p.
27. Blokhin, I. N. Multimedia in the formation of media identity / I. N. Blokhin // Modern periodicals in the context of communicative processes. – 2016. – №. 1. – P. 34-43.
28. Bolotova, A. K. Psychology of communications / A. K. Bolotova, Yu. M. Zhukov; Higher school economy of the national research un-t. – M.: Ed. House of the Sup. school Economics, 2015. – 494 p.
29. Bondarev, A. V. Theoretical and methodological approaches to the study of complex cultural heritage monuments / A. V. Bondarev, I. V. Leonov // Journal of Integrative Studies of Culture. – 2019. – V. 1, №. 1. – P. 46-55.
30. Bocharnikov, V. N. Gestalt phenomenon in the paradigm of socio-economic geography / V. N. Bocharnikov // Astrakhan Bulletin of Ecological Education. – 2012. – №. 3. – P. 54-63.
31. Braidotti, R. Posthuman / R. Braidotti. – M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2021. – 401 p. – ISBN 978-5-93255-619-1.

32. Buber, M. *I and You* / M. Buber; ed. P. S. Gurevich, S. Ya. Levit. – M.: High school, 1993. – 174 p.
33. Bourdieu, P. *Beginnings: Collection: [Tr. from French]* / P. Bourdieu. – M.: Socio-Logos: Firm “Adapt”, 1994. – 287 p.
34. Bourdieu, P. *Sociology of social space* / P. Bourdieu; tr. from French; ed. translation by N. A. Shmatko. – M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya, 2007. – 288 p.
35. Weisman, D. *Running out of time: accelerating life under digital capitalism* / D. Weissman; tr. from English by Nikolai Edelman under the scientific editorship of Sofya Shchukina. – M.: Delo, 2022. – 300 p.
36. Van Dijk, T. *Discourse and power: representation of dominance in language and communication* / T. Van Dijk; [tr. from English. E. Pereverzev, E. Kozhemyakin]. – M.: URSS, 2013. – 344 p.
37. Vartanova, E. L. *Media literacy as a condition for overcoming the digital divide in the Russian Federation* / E. L. Vartanova, O. Yu. Vikhrova, E. V. Samorodova // *Mediascope*. – 2021. – №. 1. – P. 1.
38. Vasilyeva, K. V. *Being a Petersburger: visual content and informal symbols of the city (On the example of the social network Instagram)* / K. V. Vasilyeva, A. A. Puchkovskaya // *Labyrinth. Theories and practices of culture*. – 2020. – №. 4. – P. 5-15.
39. Vasilyeva, P. V. *Music of St. Petersburg – the view of youth* / P. V. Vasilyeva, A. M. Sosnovskaya // *Bulletin. Architect. 21 century*. – 2018. – №. 1 (66). – P. 118-119.
40. Vakhshstein, V. S. *Imagining the city: an introduction to the theory of conceptualization* / V. S. Vakhshstein. – M.: New Literary Review, 2022. – 572 p.
41. Vakhshstein, V. S. *City as an assemblage: towards the theory of heteropolis* / V. Vakhshstein // *Sociology of power*. – 2021. – T. 33, №. 4. – P. 35-54.
42. Vakhshstein, V. S. *Irving Goffman's Dramatic Theory: Two Readings* / V. S. Vakhshstein // *Sociological Review*. – 2003. – №. 4. – P. 104-118.

43. Vendina, O. I. Moscow identity and the identity of Muscovites / O. I. Vendina // News of the Russian Academy of Sciences. Geographic series. – 2015. – №. 5. – P. 27-39.
44. Veretin, A. I. GR-relations on the example of projects on patriotic education / A. I. Veretin, A. M. Sosnovskaya // Scientific works of the North-Western Academy of Public Administration. – 2012. – V. 3, №. 1 (5). – P. 480-488.
45. Vetoshkina, M. A. On the question of the possibility of using the Gestalt model “contact cycle” in the activities of a teacher / M. A. Vetoshkina // Human intellectual potential in the system of modern scientific and educational processes. – Tomsk, 2020. – P. 137-141.
46. Vlasova, O. A. M. Merleau-Ponty and L. Binswanger: phenomenology of experience / O. A. Vlasova // Chora. – 2008. – №. 3. – P. 21.
47. Vlasova, O. G. Psychological protection as a means of personal development of students: dissertation ... candidate of psychological sciences: 19.00.07 / Vlasova Oksana Georgievna. – Stavropol, 1998. – 179 p.
48. Wodak, R. Relationship “Discourse society”: a cognitive approach to critical discourse analysis / R. Wodak // Political Linguistics. – 2006. – №. 19. – P. 107-116.
49. Volkov, V. V. Theory of Practice / V. V. Volkov, O. V. Kharkhordin. – St. Petersburg: Publishing House of Europe. University in St. Petersburg, 2008. – 298 p.
50. Vologina, E. V. Possibilities of mass media to stabilize social processes: institutional and phenomenological aspects of the problem / E. V. Vologina // Bulletin of the Volga University of V. N. Tatishchev. – 2019. – V. 1, №. 1. – P. 165-174.
51. Volodenkov, S. V. Internet communication technologies in the system of modern political management: dissertation ... doctor of political sciences: 23.00.02 / Volodenkov Sergey Vladimirovich; [Place of protection: Mosk. state un-t im. M.V. Lomonosov]. – Moscow, 2015. – 441 p.
52. Volodina, A. V. Deleuzeian theory of affect: Aesthetic problems / A. V. Volodina // Culture and Art. – 2019. – №. 12. – P. 35-45.
53. Voronkova, M. A. Features of the political regime in modern Russia: a comparative legal analysis / M. A. Voronkova // Globus. – 2020. – №. 3 (49). – P. 46-49.

54. World Heritage: International Documents [Electronic resource] // KGIOP. – Access mode: <https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/nasledie/vsemirnoe-nasledie-mezhdunarodnye-dokumenty>.
55. Vygotsky, L. S. Psychology of human development / L. S. Vygotsky. – M.: Meaning, 2006. – 1134 p.
56. Vygotsky, L. S. Mental development of children in the learning process. – Ripol Classic, 2013. – 135 p.
57. Gavra, D. P. The concept and characteristics of a communication strategy / D. P. Gavra // Russian School of Public Relations. – 2019. – №. 15. – P. 65-78.
58. Gavra, D. P. Strategic crisis communication: basic characteristics and integrative implementation / D. P. Gavra, E. V. Bykova // Century of Information. – 2016. – №. 2. – P. 122-125.
59. Garfinkel, G. What is ethnomethodology? / G. Garfinkel, A. Korbut // Sociological Review. – 2003. – V. 3, №. 4. – P. 3-25.
60. Gestalt Therapy in Clinical Practice: From Psychopathology to Contact Aesthetics / edited by Gianni Francesetti, Michela Gechele and Jan Rubal; preface to the English edition by Leslie Greenberg; scientific edition of the translation into Russian by O. V. Nemirinsky and O. S. Poddyakova. – M.: Institute of General Humanitarian Research: MIGTIK, 2016. – 677 p.
61. Gigauri, D. I. “City on the free Neva”: the development of the territory and the new identity of the inhabitants of St. Petersburg / D. I. Gigauri // City. Environment. Policy. Collection of materials of the scientific-practical conference / Ed. L. A. Gainutdinova and M. V. Nevzorov. – St. Petersburg, 2018. – P. 62-65.
62. Gigauri, D. I. Symbolic politics in the socio-cultural space of the city (on the example of St. Petersburg) / D. I. Gigauri // Theory and practice of social development. – 2015. – №. 16. – P. 136-139.
63. Ginger, S. Gestalt contact therapy / S. Ginger, A. Ginger; East European gestalt in-t. St. Petersburg. in-t of gestalt; [Trans. from fr. E. V. Prosvetina]. – St. Petersburg: Spec. lit., 1999. – 286 p.

64. Ginger, S. A practical guide for psychotherapists / S. Ginger, A. Ginger; [per. from fr. L. Guinard]. – 2nd ed. – M.: Academic project, 2014. – 238 p.
65. Gitsai, S. Gestalt therapy: functions of “Self” and their violations [Electronic resource] / S. Gitsai // Site of psychologists. – Access mode: <https://www.b17.ru/article/326791/>
66. Glukhova, A. V. Interaction strategies of territorial communities during urban conflicts (on materials of an expert survey in large regional centers of the Russian Federation) / A. V. Glukhova, A. I. Kolba, A. V. Sokolov // Journal of Social Policy Research. – 2021. – T. 19, №. 2. – P. 239-252.
67. Golenko, V. V. Scientific Petersburg. View of the youth / V. V. Golenko, V. N. Kiselev, A. M. Sosnovskaya // Management consulting. – 2017. – №. 2 (98). – P. 65-77.
68. Golovneva, E. V. Forms of discursive representation of urban identity / E. V. Golovneva // Sociology of power. – 2014. – №. 2. – P. 56-64.
69. Gornova, G. V. Urban identity: philosophical and anthropological foundations: monograph / G. V. Gornova. – Omsk: Amphora, 2019. – 166 p.
70. Gorodnova, M. Yu. Gestalt therapy: a phenomenological approach in the treatment of borderline experience in adolescents / Gorodnova M. Yu., Kolomiets I. L. // Editor-in-Chief. – 2016. – T. 16, №. 3. – P. 63.
71. Gorshkov, M. K. Applied sociology: methodology / M. K. Gorshkov, F. E. Sheregi. – M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2011. – 402 p.
72. Goffman, I. Analysis of frames: an essay on the organization of everyday experience / I. Goffman; tr. from English. R. E. Bumagina. – M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences: Institute of the Fund “Public Opinion”, 2003. – 750 p.
73. Goffman, I. Presenting self to others in everyday life / I. Goffman; tr. from English. A. D. Kovaleva; Institute of Sociology RAS [and others]. – M.: Kanon-press-Ts: Kuchkovo field, 2000. – 302 p.

74. Greimas, A. Zh. About imperfection / A. Zh. Greimas; tr. from French, foreword, commentary by I. G. Merkulova. – M. Integration: Education and Science; GAUGN-Press, 2022. – 96 p.

75. Grishaeva, E. I. Identity as an unfinished project: the concept of identity in discourse analysis (Laclou and Mouffe) / E. I. Grishaeva // Philosophical traditions and modernity. – 2016. – №. 2. – P. 53-56.

76. Grishanina, A. N. Questions of methodology and methodology for the study of media texts on the preservation of cultural heritage / A. N. Grishanina // Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects: materials of the X International Scientific Conference, Chita, November 24–25, 2017. – Chita: Transbaikal State University, 2017. – P. 154-156.

77. Groysman, A. L. Psychology of the success of vocational training and creative activity of an actor / A. L. Groysman. – M.: Kogito-Centre, 2007. – 141 p.

78. Gromova, V. M. Construction of identity in the Internet discourse of personal ads: Abstract of the thesis. ... candidate of philological sciences: 10.02.19 / Venera Mirzanurovna Gromova; [Place of protection: Udmurt. state university]. – Izhevsk, 2007. – 18 p.

79. Group “We live on Vasilyevsky / Vasilyevsky Island. Voice of the Vasileostrovsky District” [Electronic resource] // VKontakte. – Access mode: <https://vk.com/vasilyevskiyostrov>.

80. Dijk, van T. A. Racism and language / T. A. van Dijk. – M.: INION, 1989. – 75 p.

81. Demidova, T. A. The contact cycle in Gestalt therapy / T. A. Demidova // Tauride Journal of Psychiatry. – 2015. – T. 19, №. 1 (70). – P. 46-54.

82. Demyanova, A. V. Value-semantic models of teenage magazines / A. V. Demyanova // Journalism in 2021: creativity, profession, industry. – Moscow, 2022. – P. 328-330.

83. Jenkins, G. Convergent culture: clash of old and new media / G. Jenkins; tr. from English. A. Gasilina. – M.: RIPOL classic; St. Petersburg: Pangloss, 2019. – 381 p.

84. Dzyaloshinskiy, I. M. Russian Media Space: Essence and Main Characteristics / I. M. Dzyaloshinskiy // Development of Russian Media Space: Communication and Ethical Problems: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Moscow, 2013. – P. 330-346.
85. Dzyaloshinskiy, I. M. Philosophy of digital civilization and transformation of media communications / I. M. Dzyaloshinskiy. – Chelyabinsk, 2020. – 551 p.
86. Dutkevich, P. Fear as a policy / P. Dutkevich, D. B. Kazarinova // Polis. Political studies. – 2017. – №. 4. – P. 8-21.
87. Dumetz, J. Cross-cultural communication / J. Dumetz, A. M. Sosnovskaya // Management consulting. – 2013. – №. 8 (56). – P. 83-90.
88. Durkheim, E. Sociology: its subject, method, purpose / E. Durkheim; [tr. from fr., composition., entry. and note. A. Goffman]; State. un-t-Higher. school Economics, Center for Fundamental Sociology. – M.: Terra-Book Club, 1995. – 399 p.
89. Dyagileva, N. S. Theoretical aspects of urban identity // Branding of small and medium cities: experience, problems, prospects. Ekaterinburg: UrFU, 2013. – P. 54-59.
90. Evstifeev, R.V. Urban local identities and the potential of political solidarization / R.V. Evstifeev, I. V. Zadorin, P. L. Krupkin [and others] // Symbolic politics. – 2016. – №. 4. – P. 245-258.
91. Evstifeev, R.V. Identity Crisis as a Political Challenge of the 21st Century: Theoretical Approaches to Study, Evaluation and Understanding / R.V. Evstifeev // Political Expertise: POLITEKS. – 2019. – T. 15, №. 1. – P. 108-121.
92. Evstifeev, R. V. Local identity: symbolic politics and non-symbolic practices / R. V. Evstifeev // Philosophical Sciences. – 2016. – №. 1. – P. 88-95.
93. Enina, L. V. Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification / L. V. Enina // Political Linguistics. – 2016. – №. 6. – P. 159-167.
94. Erofeeva, I. V. The concept of “Power” in media discourse: a dichotomy of representation / I. V. Erofeeva // Bulletin of the Transbaikal State University. – 2009. – №. 1. – P. 167-171.

95. Erofeeva, M. A. Actor-network theory and the problem of social action / M. A. Erofeeva // *Sociology of power*. – 2015. – №. 1. – P. 17-36.
96. Erofeeva, M. On the possibility of the actor-network theory of action / M. Erofeeva // *Sociology of power*. – 2015. – T. 27, №. 4. – P. 51-71.
97. Zizek, S. The Sublime Object of Ideology / S. Zizek – M.: Art Journal, 1999. – 237 p.
98. Zizek, S. The will to ignorance / S. Zizek // *Logos Journal*. – 2021. – T. 31, №. 2. – P. 63-78.
99. Zhuravlev, A. L. Psychological features of collective creativity in network communities / A. L. Zhuravlev, T. A. Nestik // *Psychological journal*. – 2016. – T. 37, №. 2. – P. 19-28.
100. Zagidullina, M. V. Mediatization of mobile communications (actor-network approach) / M. V. Zagidullina // *Ethnographic Review*. – 2016. – №. 5. – P. 80-81.
101. Zamyatin, D. N. Geocultural branding of territories: conceptual foundations / D. N. Zamyatin // *Labyrinth. Journal of social and humanitarian research*. – 2013. – №. 5. – P. 11-23.
102. Zeigarnik, B. V. The concepts of quasi-need and psychological field in the theory of K. Levin / B. V. Zeigarnik // *K. Levin's theory of personality* / B. V. Zeigarnik. – M.: Publishing House of Moscow. un-ta, 1981. – P. 18-32.
103. Zeigarnik, B. V. Kurt Lewin's Theory of Personality / B. V. Zeigarnik. – M.: Publishing House of Moscow State University, 1981. – 117 p.
104. Zenin, K. A. Political regulation in modern society: problems, factors, prospects / K. A. Zenin // *Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. – 2019. – №. 2 (239). – P. 95-101.
105. Zubova, E. P. Scientific reflection of the contact between the therapist and the client with the help of speech intentions: two-way movement from the practice of Gestalt therapy to Gestalt psychology / E. P. Zubova, E. I. Kirillova // *Psychology. Sociology. Pedagogy*. – 2013. – №. 9. – P. 6-13.

106. Zukin, Sh. Cultures of cities / Sh. Zukin. – M.: New Literary Review, 2018. – 424 p.
107. Ivanova, E. L. In the focus of attention of the psychotherapist and the client is mutual understanding / E. L. Ivanova // Russian Psychotherapy and Psychology. – Moscow, 2020. – P. 60-69.
108. Ivanyan, R. G. Education within the framework of non-formal education: the use of Gestalt theory and systems theory / R. G. Ivanyan, A. M. Sosnovskaya // Modern education: content, technology, quality. – 2018. – T. 1. – P. 351-354.
109. Identity: personality, society, politics / I. S. Semenenko, K. G. Kholodkovsky, O. V. Popova; Executive Editor Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I. S. Semenenko; National Research Institute of World Economy and International Relations named after E. M. Primakov of the Russian Academy of Sciences. – M.: Ves Mir, 2017. – 987 p.
110. ICOMOS [Electronic resource]: website. – Access mode: <http://icomos-spb.ru/ikomos-spb>.
111. Ilyasov, F. N. Algorithms for forming a sample of a sociological survey / F. N. Ilyasov // Social Research. – 2017. – №. 2. – P. 60-75.
112. Ingold, T. Immersing things in life: creative interweaving in the world of materials / T. Ingold // Emergency reserve. Debate about politics and culture. – 2021. – №. 2. – P. 31-49.
113. Johim, A. N. Discourse and struggle for power: on the political role of language / A. N. Johim // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2014. – №. 9. – P. 115-117.
114. Historical layer / disappeared object in the city of St. Petersburg [Electronic resource] // Wikipedia. – Access Mode: <http://wikimapia.org/city/-saintpetersburg/tag/45694/2>.
115. Jorgensen, M. Discourse Analysis. Theory and method / M. Jorgensen, L. Phillips. – H.: Publishing House “Humanitarian Center”, 2008. – 352 p.
116. Kazarinova, D. B. The evolution of the concept of “cultural war” in Western political thought / D. B. Kazarinova // Mosaic field of world and Russian public policy.

Political Science: Yearbook 2020–2021 / Russian Association of Political Science; Tomsk State University. – Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2021. – P. 333-349.

117. Kalashnikov, V. G. Method of contextual analysis in the methodology of the contextual approach / V. G. Kalashnikov // Pedagogy and psychology of education. – 2018. – №. 2. – P. 48-61.

118. Kalashnikova, S. K. Regional identity policy: the image of St. Petersburg in the discourse of regional leaders / S. K. Kalashnikova // Political expertise: POLITEKS. – 2020. – T. 16, №. 4. – P. 505-517.

119. Kapustin, B. G. Bluff Civilization / B. G. Kapustin // Russia in Global Affairs. – 2020. – №. 3. – P. 82-85.

120. Knorr Cetina, K. Object sociality: public relations in postsocial knowledge societies / K. Knorr Cetina // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2002. – V. 5, №. 1. – P. 101-124.

121. Katerny, I. V. The categorical field of posthumanism as a theory and practice of a new sociality / I. V. Katerny // Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16, 2020) / Rev. editor V. A. Mansurov. – Tyumen: Russian Society of Sociologists, 2020. – P. 86-94.

122. Katkova, A. Strategies for the use of social networks by public authorities for dialogue with the population on the example of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments (KGIOP) [Electronic resource] / A. Katkova, A. Sosnovskaya // SSRN – 2021. – Access mode: <https://ssrn.com/abstract=3772867>.

123. Kiselev, V. N. Models of interaction between the state and business: attracting crowdsourcing / V. N. Kiselev, A. M. Sosnovskaya // Management consulting. – 2014. – №. 11 (71). – P. 91-97.

124. Kiselev, V. N. Effective communication in the media sphere: building a cultural identity / V. N. Kiselev, A. M. Sosnovskaya, A. A. Startsev // Management consulting. – 2016. – №. 5 (89). – P. 120-128.

125. Klyuev, Yu. V. Discourse in mass communication (interdisciplinary characteristics, concepts, approaches) / Yu. V. Klyuev // *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*. – 2013. – №. 1. – P. 207-217.
126. Knyazeva, E. N. The idea of emergent evolution in the views of E. Morin, I. Stengers and J. de Rosne / E. N. Knyazeva // *Philosophical Sciences*. – 2011. – №. 9. – P. 99-115.
127. Kozhev, A. Source of Law: Anthropogenic Desire for Recognition as a Source of the Idea of Justice / A. Kozhev // *Questions of Philosophy*. – 2002. – №. 12. – P. 154-166.
128. Kozhemyakin, E. A. Analysis of discourse as a system of dispersion in the tradition of French philosophy of the second half of the twentieth century (M. Foucault, M. Pesche) / E. A. Kozhemyakin // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*. – 2008. – V. 3, №. 4 (44). – P. 5-17.
129. Kozyreva, L. D. Generation Z in politics: political forecast / L. D. Kozyreva // *Bulletin of the Omsk University. Series "Historical Sciences"*. – 2019. – №. 3. – P. 159-165.
130. Kolesnichenko, A. V., Vyrkovsky A. V., Galkina M. Yu. [and others] // *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*. – 2017. – №. 5. – P. 51-71.
131. Kolomiets, V. P. Mass communication in the discourse of Russian sociologists (1960s–1980s) / V. P. Kolomiets // *Sociological research*. – 2018. – №. 10. – P. 100-111.
132. Kolomiets, N. V. Personal identity in the context of transitivity of traditional culture to postmodern civilization / N. V. Kolomiets, T. I. Mozgovaya // *Global European area: integration problems within the framework of cross cultural communication*. – Rostov-on-Don, 2017. – P. 125-130.
133. Communication technologies in the processes of political mobilization: a collective monograph / V. A. Achkasova [and others]; scientific ed. V. A. Achkasova, G. S. Melnik. – M.: Flinta: Nauka, 2016. – 245 p.

134. Korkonosenko, S. G. Journalism in the mode of culture: an institutional view / S. G. Korkonosenko, M. A. Voskresenskaya // Social and humanitarian knowledge. – 2020. – №. 4. – P. 108-119.
135. Korkonosenko, S. G. Theory of journalism: from schematism to realism / S. G. Korkonosenko // Questions of theory and practice of journalism. – 2016. – V. 5, №. 4. – P. 536-545.
136. Kornev, V. N. The category of “recognition” in the theory of international and Russian law / V. N. Kornev // Russian justice. – 2010. – No. 6 (50). – P. 39-48.
137. Kostyushev, V. V. Social protest in the field of politics: potential, repertoire, discourse (experience of theoretical interpretation and empirical verification) / VV Kostyushev // Polis. Political studies. – 2011. – №. 4. – P. 144-157.
138. Krivykh, E. “Generation Z”: ethical values in the problematic field of digitalization of culture / E. Krivykh // Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2022. – №. 7 (99). – P. 28-32.
139. Kristeva, Yu. K. Semiotics: research on semantic analysis / Yu. K. Kristeva. – M.: Academic Project, 2013. – 285 p.
140. Kristeva, Y. Selected Works: The Destruction of Poetics / Y. Kristeva. – M.: ROSSPEN, 2004. – 656 p.
141. Kuznetsov, A. Latour's method: semiotics between literature and science / A. Kuznetsov // Philosophical and literary journal Logos. – 2018. – №. 5 (126). – P. 85-112.
142. Kutkovaya, K. S. Narrative in identity research / K. S. Kutkovaya // National Psychological Journal. – 2014. – №. 4 (16). – P. 23-33.
143. Kuchinsky, G. M. Phenomenological psychology of E. Husserl / G. M. Kuchinsky // Psychological journal. – 2010. – №. 1 (25). – P. 14-25.
144. Lacan, J. Seminars. The wrong side of psychoanalysis (1969-1970) / J. Lacan; in red. Jacques-Alain Miller; [tr. from French: M. Titova, A. Chernoglazov]. – M.: Gnosis: Logos, 2008. – 266 p.
145. Lacan, J. Seminars. Book 10. Anxiety / J. Lacan; tr. from French: A. Chernoglazov. – M.: Gnosis: Logos, 2010. – 424 p.

146. Lasaya, E. V. Restoration of abilities: a gestalt approach in the psychotherapy of depression / E. V. Lasaya // *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*. – 2011. – №. 1. – P. 111-117.

147. Latkin, G. B. Strategic management as a tool for ensuring the sustainable development of construction companies / G. B. Latkin, V. V. Zhabotinsky, N. S. Alekseeva // *Fundamental and applied research in the field of management, economics and trade*. – 2018. – P. 247-251.

148. Latour, B. About the actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even greater complications / B. Latour // *Philosophical and literary journal "Logos"*. – 2017. – T. 27, №. 1 (116). – P. 173-200.

149. Latour, B. Reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory / B. Latour; tr. from English. I. Polonskaya. – M.: Ed. house of the High school Economics, 2014. – 381 p.

150. Levin, K. Field theory in the social sciences / K. Levin; tr. E. Surpina. – St. Petersburg: Speech, 2000. – 364 p.

151. Livingston, S. About media (tiz) tion of everything / S. Livingston // *Communications. Media. Design*. – 2017. – V. 2, №. 2. – P. 146-170.

152. Likhachev, D. S. Selected Works on Russian and World Culture / D. S. Likhachev. – St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2006. – 546 p.

153. Low, J. After Method: Disorder and Social Science / J. Lo. M.: Publishing house of In-ta Gaidar, 2015. – 352 p.

154. Lotman, Yu. M. Symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city / Yu. M. Lotman // *History and typology of Russian culture*. – St. Petersburg: Art, 2002.

155. Luntsova, N. R. The functioning of the media in the political process: On the material of the federal print media: dissertation ... candidate of political sciences: 10.01.10 / Luntsova Natalya Rinatovna. – Yekaterinburg, 2003. – 145 p.

156. Maiorov, N. V. The concepts of discourse and dispositive in the context of media research / N. V. Mayorov // *Scientific Vedomosti*. – 2015. – №. 18. – P. 145-148.

157. McLuhan, M. *Understanding the Media: Human External Extensions* / M. McLuhan; tr. from English. V. Nikolaev; Conclusion by M. Vavilov. – M.; Zhukovsky: “KANON-press-C”, “Kuchkovo field”, 2003. – 464 p.
158. Malinova, O. Yu. Introduction. Symbolic politics and politics of memory / O. Yu. Malinova, A. I. Miller // *Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe*. – 2021. – P. 7-37.
159. Malinova, O. Yu. Construction of meanings: A study of symbolic politics in modern Russia / O. Yu. Malinova // *Designing of meanings: a study of symbolic politics in modern Russia*. – 2013. – №. 2013. – P. 1-421.
160. Maltseva, D. V., Donati P. *Relational theory of society: social life from the point of view of critical realism* / Comp. E. A. Kostrova. M.: PSTGU, 2019. 312 p. / D. V. Maltseva // *Sociological research*. – 2020. – №. 2. – P. 169-171.
161. Malyukova, O. V. *Modern argumentation: captured by fakes* / O. V. Malyukova // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after VI Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2018. – V. 4, №. 4. – P. 52-59.
162. Manovich, L. *The language of new media* / L. Manovich; [translated by Diana Kulchitskaya]. – M.: Ad Marginem Press, 2018. – 399 p. – ISBN 978-5-91103-411-5.
163. Mansurova, V. D. *Visual semantics of Russian identity in digital media culture* / V. D. Mansurova // *Communicative culture: history and modernity*. – Novosibirsk, 2017. – P. 85-87.
164. *Territory marketing: textbook and workshop for universities* / O. N. Zhiltsova [and others]; under the general editorship of O. N. Zhiltsova. – M.: Yurait Publishing House, 2021. – 262 p.
165. Markov, A. V. *1980: the year of birth of everyday life* / A. Markov. – M.: Europe, 2014. – 191 p.
166. Markov, A. V. *On the theory of dark media* / A. V. Markov // *Artikult*. – 2022. – №. 1 (45). – P. 75-84.
167. Markov, A. V. *Critical theory: 16+* / A. V. Markov. – M.: RIPOL CLASSIC, 2021. – 287 p.

168. Makhinin, A. N. Russian Identity Today: Problems and Resources of Formation. Monograph / A. N. Makhinin, M. V. Shakurova, V. S. Ostapenko. – Voronezh: VSPU, 2022. – 188 p.

169. Melnik, G. S. The image of the future of Russia in media discourse / G. S. Melnik, N. O. Sveshnikova // Communications in the conditions of digital transformation: collection of materials of the V International scientific and practical conference, St. Petersburg, November 29–30, 2021 year / Ed. A. D. Krivonosov. – St. Petersburg: “SOFIA”, 2021. – P. 132-136.

170. Miller, J. On the New: An Introduction to Jacques Lacan's Seminar V / J. Miller // Counseling Psychology and Psychotherapy. – 2004. – T. 12, №. 3. – P. 33-78.

171. Mchedlova, M. M. Identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies / M. M. Mchedlova, D. B. Kazarinova // Political Science. – 2020. – №. 4. – P. 13-35.

172. Negashev, D. S. Development of the innovative potential of the construction industry: problems and the role of state regulation / D. S. Negashev // SPbPU Science Week: Proceedings of a scientific conference with international participation. – St. Petersburg, 2018. – P. 59-61.

173. Nigmatullina, K. R. The value of communication in the digital space / K. R. Nigmatullina // Humanitarian vector. – 2022. – T. 17, №. 1. – P. 148-158.

174. Nikonov, S. B. et al. Trends in Media Development in the Period of Financial Convergence // Innovations and Investments. – 2022. – №. 2. – C. 116-120.

175. Niyazgulova, A. A. Philosophy of transhumanism in media discourse / A. A. Niyazgulova // Humanitarian vector. – 2022. – T. 17, №. 2. – P. 143-153.

176. Noel-Neumann, E. Public Opinion: Opening the Spiral of Silence: [Trans. from German] / E. Noel-Neumann; [Intro. N. Mansurova, p. 5-25]. – M.: Progress: The whole world, 1996. – 351.

177. On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law of June 25, 2002 №. 73-FZ // SPS “ConsultantPlus”. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

178. Olifirovich, N. I. Strategy, tactics and focus in the work of a Gestalt therapist / N. I. Olifirovich // *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*. – 2014. – №. 2. – P. 2.
179. Oldenburg, R. Third place: cafes, coffee houses, bookstores, bars, beauty salons and other places of “hanging out” as the foundation of the community / R. Oldenburg. – M.: New Literary Review, 2018. – 570 p.
180. Orisheva, O. F. “Political” and “Social” in the post-Marxist theory of hegemony / O. F. Orisheva // *Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy*. – 2010. – №. 5. – P. 136-139.
181. Orlova, G. Pandemic in a (mad) smart city: digital prostheses and affordances of Moscow self-isolation / G. Orlova, D. Morris // *City networks: People. Technologies. Authorities*. – M.: New Literary Review, 2021. – P. 114-146.
182. Ostrovskaya, E. V. The influence of Gestalt therapy on the development of personal autonomy (on the example of participants in the group of the first stage of Gestalt therapy): bachelor's final qualification work: 37.03.01 / E. V. Ostrovskaya. – Krasnoyarsk: SFU, 2016. – 87 p.
183. Pakshina, I. A. The study of urban identity in Internet communities (according to the results of a qualitative analysis) / I. A. Pakshina // *Scientific result. Sociology and management*. – 2020. – V. 6, №. 2. – P. 19-35.
184. Panarin, I. Media, propaganda and information wars / I. Panarin. – M.: Generation, 2012. – 260 p.
185. Paris Declaration on Heritage as a Driving Force for Development [Electronic resource] // ICOMOS. – Access mode: http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/2011a_%20.pdf/download.
186. Perls, F. Experiences of Self-Knowledge: A Workshop on Gestalt Therapy / F. Perls, R. Hefferlin, P. Goodman. – Moscow, 1993. – 240 p.
187. St. Petersburg strategy for the preservation of cultural heritage: Decree of the Government of St. Petersburg dated 01.11.2005 №. 1681 [Electronic resource] // SPS “ConsultantPlus”. – Access mode:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=59410#UG17uW TYB2Cp1gcu1>.

188. Pisarev, A. A. Networks, planes, matter: on the use of flat social ontologies / A. A. Pisarev // *Bulletin of the Tver State University. Series: Philosophy.* – 2020. – №. 1. – P. 144-157.

189. Pisarevskaya, N. S. New media and identity crisis / N. S. Pisarevskaya // *International Journal of the Humanities and Natural Sciences.* – 2021. – №. 3-2. – P. 192-195.

190. Pletnikov, V. V. Mechanisms for interrupting the contact cycle in Gestalt theory: a revision of traditional ideas / V. V. Pletnikov // *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis.* – 2019. – №. 1. – P. 71-82.

191. Plyushch, A. N. Conceptualization of discursive practices of understanding human procreation / A. N. Plyushch // *Man as an open integrity.* – 2022. – №. 1. – P. 132-142.

192. Pogodin, I. A. The classical concept of the contact cycle in the methodology of Gestalt therapy / I. A. Pogodin // *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis.* – 2011. – №. 2. – P. 2.

193. Pogodin, I. A. Contact in psychotherapy: innovations of the dialogue-phenomenological approach / I. A. Pogodin // *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis.* – 2014. – №. 1. – P. 2.

194. Pogodin, I. A. Features of psychotherapy in the postmodern era: processual character / I. A. Pogodin // *Counseling psychology and psychotherapy.* – 2008. – T. 16, №. 4. – P. 179-192.

195. Pogodin, I. Restoring the ability to experience: psychotherapy of psychic trauma / I. Pogodin // *Gestalt review.* – 2015. – №. 6. – P. 72-88.

196. *Political Journalism: Textbook* / S. G. Korkonosenko, V. A. Sidorov, Z. F. Khubetsova [and others]. – M.: Yurait Publishing House, 2020. – 319 p.

197. *Political journalism: a textbook for universities* / S. G. Korkonosenko [and others]; edited by S. G. Korkonosenko. – M.: Yurait Publishing House, 2023. – 319 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-00255-3.

198. Popova, O. V. State identity policy as a theoretical construct and real practice: experience of expert assessments of Russian researchers / O. V. Popova // South Russian Journal of Social Sciences. – 2019. – №. 4. – P. 74-91.

199. Popova, O. V. On unresolved problems of the theory of state identity policy in Russian political science / O. V. Popova // Political Science. – 2020. – №. 4. – P. 86-110.

200. Popova, O. V. Identity politics: the attitude of Petersburgers to festive events in the city / O. V. Popova // Political expertise: POLITEKS. – 2017. – T. 13, №. 4. – P. 37-48.

201. Prokudin, B. A. L. N. Tolstoy: the principle of “Estrangement” in politics / B. A. Prokudin // Values and meanings. – 2013. – №. 1 (23). – P. 139-146.

202. Propp, V. Ya. Morphology of a fairy tale; The historical roots of a fairy tale: a complete classic edition / Vladimir Propp. – St. Petersburg [and others]: Peter, 2021. – 621 p.

203. Pustovoit, Yu. A. Anger and empathy: identity formation in political communities of different generations / Yu. A. Pustovoit // Development of territories. – 2020. – №. 2 (20). – P. 36-44.

204. Radaev, V. Millennials. How Russian society is changing / V. Radaev. – 2nd ed. – M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2020. – 224 p.

205. Rancière, J. Separation of the sensual. Aesthetics and politics / J. Rancière // Sharing the sensual. – St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2007. – P. 9-46.

206. Implementation of the Federal Law “On Strategic Planning in the Russian Federation” in the Subjects of the Russian Federation” [Electronic resource] // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. – Access mode: <http://economy.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/105142/>.

207. Robin, J. Gestalt Figures / J. Robin // Counseling Psychology and Psychotherapy. – 1994. – V. 3, №. 3. – P. 1– 20.

208. Robin, J.-M. Being in the presence of another: studies in psychotherapy / J.-M. Robin. – M.: Institute for General Humanitarian Research, 2008. – 282 p.

209. Robin, J.-M. Gestalt therapy / J.-M. Robin; [fr. I. Ya. Rozental]. – M. : Institute of General Humanitarian Research., 2007. – 62 p.
210. Romashko, T. V. Poststructuralist theory of discourse and its methods for studying socio-cultural reality / T. V. Romashko, O. Yu. Gurova // Sociodynamics. – 2022. – №. 10. – P. 46-59.
211. Rudnev, V. P. Dictionary of culture of the XX century: key concepts and texts / V. P. Rudnev. – M.: Agraf, 1999. – 381 p.
212. Rudnitskaya, S. Yu. Structural and procedural model of narrative design of personality experience / S. Yu. Rudnitskaya // Actual problems of psychology. – 2021. – №. 13. – P. 4-25.
213. Ryaguzova, E. V. Types and functions of boundaries in psychological research / E. V. Ryaguzova // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2011. – T. 11, №. 1. – P. 89-94.
214. Ryaguzova, E. V. Sociocultural codes and psychological borders of the neighborhood / E. V. Ryaguzova // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2017. – T. 17, №. 1. – P. 89-94.
215. Salakhieva-Talal, T. Psychology in cinema: the creation of heroes and stories: / T. Salakhieva-Talal. – M.: Alpina non-fiction, 2019. – 347 p.
216. Sanina, A. G. Genesis of the idea of identity in sociology and related sciences / A. G. Sanina // Sociological research. – 2014. – №. 12. – P. 3-11.
217. Sapogova, E. E. Psychological assistance to adults in liminal periods / E. E. Sapogova // Development of personality. – 2016. – №. 2. – P. 134-156.
218. Sveshnikova, N. O. Theoretical foundations for the study of identity in political psychology / N. O. Sveshnikova // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. – 2012. – №. 4. – P. 45-52.
219. Semenenko, I. S. Identity politics / I. S. Semenenko // Identity: personality, society, politics / Ed. I. S. Semenenko. – M.: Ves Mir, 2017. – P. 649.
220. Semenenko, I. S. Political identity in the context of identity politics / I. S. Semenenko // Political expertise: POLITEKS. – 2011. – V. 7, №. 2. – P. 5-24.

221. Sementsov, S. V. St. Petersburg historical agglomeration-city-planning object of the world scale / S. V. Sementsov // Internet Bulletin of VolgGASU. – 2012. – №. 1. – P. 1-49.
222. Certo, de M. Invention of everyday life. Issue. 1. The art of making / M. de Certo. – St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013. – 330 p.
223. Scott, L. Economy of signs and space (introduction) / L. Scott, W. John // Economic sociology. – 2008. – T. 9, №. 4. – P. 49-55.
224. Smirnova, O. V. Research of media and journalism in the context of conflictology: system-theoretical aspects / O. V. Smirnova, M. V. Shkondin // Questions of theory and practice of journalism. – 2021. – V. 10, №. 1. – P. 5-21.
225. Smorgunov, L. V. Knowledge and public administration: from norm approval to judgment / L. V. Smorgunov // Political Science. – 2016. – №. 2. – P. 181-197.
226. Smorgunov, L. V. Ontological turns in modern political science: in search of adequacy to politics / L. V. Smorgunov // Social and humanitarian knowledge. – 2020. – V. 6, №. 2. – P. 122-133.
227. Smorgunov, L. V. Participatory controllability and digitalization / L. V. Smorgunov / L. V. Smorgunov // Development management of large-scale systems MLSD'2019: Proceedings of the twelfth international conference Scientific electronic edition (Moscow, October 01–03, 2019) / General editorship by S. N. Vasiliev, A. D. Tsvirkun. – M.: Institute of Management Problems. V. A. Trapeznikov RAN, 2019. – P. 1270-1273.
228. Smorgunov, L. V. Political identity and the concept of the political / L. V. Smorgunov // POLIS. Political studies. – 2012. – №. 6. – P. 178-185.
229. Smorgunov, L. V. Modern trends in public administration: from new public management to public policy management / L. V. Smorgunov // Political Science. – 2022. – №. 3. – P. 100-121.
230. Smulyansky, A. Visible and invisible in psychotherapy / A. Smulyansky, A. M. Sosnovskaya // Lakanalia. – 2011. – №. 6. – P. 19-25.

231. Modern journalism: theory and practice in the context of digitalization / I. B. Aleksandrova, E. A. Voinova, I. N. Demina [others]. – M.: Faculty of Journalism of the Federal State Educational Institution of Higher Education “Moscow State University named after M.V. Lomonosov”, 2021. – 240 p.
232. Soldatova, E. L. The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem / E. L. Soldatova, D. N. Pogorelov // *Education and Science*. – 2018. – T. 20, №. 5. – P. 105-124.
233. Sosna, N. N. Poetics of Quiet Cosmism / N. N. Sosna // *Philosophical Journal*. – 2022. – T. 15, №. 3. – P. 70-83.
234. Sosnovskaya, A. M. Antagonism of discourses around cultural heritage / A. M. Sosnovskaya // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2022. – V. 4, №. 3. – P. 123-133.
235. Sosnovskaya, A. M. Aspects of visual representation of the city space (on the example of social networks of the Committee for the Protection of Monuments of St. Petersburg) / A. M. Sosnovskaya, P. A. Ramensky // *Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPА*. – 2021. – V. 12, №. 3 (50). – P. 222-228.
236. Sosnovskaya, A. M. Influence of digital agents on communication and media practices: actor-network theory / A. M. Sosnovskaya // *Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPА*. – 2023. – T. 14, №. 1 (58). – P. 144-148.
237. Sosnovskaya, A. M. Business communication and negotiations: a textbook for university students studying in the direction of training (specialty) “Public Relations” / A. M. Sosnovskaya; Northwestern Academy of Public Administration. – St. Petersburg: North-West Academy of Public Administration, 2011. – 179 p.
238. Sosnovskaya, A. M. Discourse of the World Cultural Heritage / A. M. Sosnovskaya // *Management Consulting*. – 2022. – №. 8 (164). – P. 108-123.
239. Sosnovskaya, A. M. Historical retrospection of festive culture as a form of preserving the intangible cultural heritage and constructing urban identity (on the example of the analysis of the practices of balls in the mansions of St. Petersburg, 2017-2019) / A. M. Sosnovskaya, V. V. Masleeva // Best research article of 2020: collection of articles of the III International Research Competition (Petrozavodsk, December 20,

2020). – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, 2020. – Part 2. – P. 223-243.

240. Sosnovskaya, A. M. Communicative processes that support national identity / A. M. Sosnovskaya // *Man. Communication. Culture. East-West: the search for cultural identity in the post-Soviet space.* – St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, 2016. – P. 260-263.

241. Sosnovskaya, A. M. Conceptualization of a UNESCO World Heritage Site: Visual Representation of St. Petersburg by Generation Z [Electronic resource] / A. M. Sosnovskaya // SSRN. – 2022. – Access mode: <https://ssrn.com/abstract=3994923>.

242. Sosnovskaya, A. M. The place of journalism in the ontological turn: ACT and media / A. M. Sosnovskaya // *Bulletin of Volga Region University named after V. N. Tatishchev.* – 2023. – T. 2. №. 2. – С. 91 - 97.

243. Sosnovskaya, A. M. Intangible heritage and the identity of the youth of St. Petersburg / A. M. Sosnovskaya, O. Yu. Orlova // *Management consulting.* – 2018. – №. 2 (110). – P. 88-99.

244. Sosnovskaya, A. M. New ontologies as a perspective for studying political relations: actor-network theory and media // *Medi@lmanah.* – 2023. – №. 2 (115). – С. 8-16.

245. Sosnovskaya, A. M. The generation of millennials and the intangible heritage of St. Petersburg / A. M. Sosnovskaya, O. Yu. Orlova // *Preservation of the intangible value of cultural heritage objects.* – St. Petersburg: Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments, 2019. – P. 102-112.

246. Sosnovskaya, A. M. Politics of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg / A. M. Sosnovskaya // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences.* – 2022. – №. 1. – P. 68-83.

247. Sosnovskaya, A. M. Post-truth and fake news: genesis and consequences / A. M. Sosnovskaya, P. A. Ramensky // *Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPА.* – 2020. – T. 11, №. 3. – P. 77-82.

248. Sosnovskaya, A. M. Applied aspect of semiotics of media texts / A. M. Sosnovskaya // *Management consulting*. – 2014. – №. 2 (62). – P. 131-143.
249. Sosnovskaya, A. M. Project activity as a requirement for the development of systems in modern conditions / A. M. Sosnovskaya, A. V. Murashev // *Management consulting*. – 2018. – №. 9 (117). – P. 120-129.
250. Sosnovskaya, A. M. Professional identity of a journalist (case analysis) / A. M. Sosnovskaya // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. – 2004. – V. 7, №. 3. – P. 116-138.
251. Sosnovskaya, A. M. Psychology of a journalist's identity: monograph / A. M. Sosnovskaya. – 2nd ed. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. – 179 p.
252. Sosnovskaya, A. M. Representation of migration in the media and everyday discourse of St. Petersburg / A. M. Sosnovskaya // *Age of Information*. – 2019. – V. 7, №. 1. – P. 187-195.
253. Sosnovskaya, A. M. Semiotics and semantics of advertising and public relations: a study guide / A. M. Sosnovskaya. – St. Petersburg: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Northwestern Institute of Management, 2013. – 64 p.
254. Sosnovskaya, A. M. Modern sources of nationalist self-consciousness in the youth environment: analysis of implicit settings of the survey “Harmonization of interethnic relations and prevention of extremist manifestations in the educational sphere and youth environment” / A. M. Sosnovskaya // *Management consulting*. – 2020. – №. 2 (134). – P. 109-120.
255. Sosnovskaya, A. M. Transformation of journalistic practices and self-identification of journalists: Comparative analysis based on the material of the media in Russia and Sweden: dissertation ... candidate of philological sciences: 10.01.10 / Sosnovskaya Anna Mikhailovna. – St. Petersburg, 2000. – 229 p.
256. Sosnovskaya, A. M. Identity transformation: macro- and micro-levels of research / A. M. Sosnovskaya, E. B. Potapova // *Management consulting*. – 2021. – №. 11 (155). – P. 122-132.

257. Sosnovskaya, A. M. Value and goal-oriented dispositives of cultural heritage discourse in the theory of political communication / A. M. Sosnovskaya // Humanitarian vector. – 2022. – T. 17, №. 4. – P. 93-102.

258. Sosnovskaya, A. M. Digital transformation of society: the impact of social networks on social practices / A. M. Sosnovskaya // Digital transformations in the development of the economy and society: materials of the XV International scientific and practical conference. – Voronezh, 2021. – P. 122-130.

259. Sosnovskaya, A. M. The experience economy: reconstruction of historical practices of the cultural heritage of St. Petersburg / A. M. Sosnovskaya, V. V. Masleeva // Management consulting. – 2018. – №. 4 (112). – P. 172-181.

260. Social space of a big city: a monograph / P. V. Bizyukov, E. P. Evdokimova, Yu. A. Eremenko [and others]; ed. G. V. Eremicheva; Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences. – St. Petersburg: SI RAS – branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2018. – 391 p.

261. Stavrakakis, J. Ambiguous democracy and the ethics of psychoanalysis / J. Stavrakakis // Logos. – 2004. – №. 2. – P. 198-216.

262. Strategy for the socio-economic development of St. Petersburg for the period up to 2035 [Electronic resource] // Committee for Economic Policy and Strategic Planning of St. Petersburg (KEPiSP). – Access mode: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/

263. Teplyashina, A. N. Comments on the media website as a feedback format in Internet communications (discursive aspect) / A. N. Teplyashina // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2020. – №. 62. – P. 308-323.

264. Toporov, V. N. Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works / V. N. Toporov. – St. Petersburg: Art-SPB, 2003. – 616 p.

265. Trofimov, L. A. Methods of making managerial decisions: a textbook and workshop for the SVO / L. A. Trofimova, V. V. Trofimov. – M. : Yurayt Publishing House, 2022. – 101 p.

266. Trubina, E. G. City in theory: experiments in understanding space / E. G. Trubina. – M.: New Literary Review, 2011. – 519 p.

267. Tulchinsky, G. L. Identity as a project: Conditions for the political positioning of the individual / G. L. Tulchinsky // Symbolic politics: a collection of scientific papers. – 2017. – Issue. 5. – P. 80-97.

268. Tykanova, E. V. City as a territory of inequality: challenging the demolition of garage buildings in St. Petersburg / E. V. Tykanova // St. Petersburg Sociology Today. – 2017. – №. 8. – P. 54-72.

269. Uzlaner, D. Under the gaze of the Other: selfie through the prism of Lacanian psychoanalysis / D. Uzlaner // Logos Philosophical and Literary Journal. – 2016. – T. 26, №. 6 (115). – P. 189-218.

270. Charter of St. Petersburg (as amended on February 22, 2023) [Electronic resource] // Government of St. Petersburg. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/8308279>.

271. Federal Law “On Strategic Planning in the Russian Federation” dated June 28, 2014 N 172-FZ (last edition) [Electronic resource] // ATP “ConsultantPlus”. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.

272. Fedoseeva, A. A. General characteristics and classification of the main types of samples in sociological research / A. A. Fedoseeva // Scientific electronic journal Meridian. – 2020. – №. 8. – P. 315-317.

273. Fedotova, N. G. Formation of urban identity: factorial and institutional aspects // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2017. – T. 20. – №. 3. – P. 32–49.

274. Filatova, O. N. Vocational education in the modern information society / O. N. Filatova, A. V. Gushchin, N. A. Shobonov // Problems of modern pedagogical education. – 2019. – №. 64-2. – P. 189-192.

275. Fomin, I. V. Why do political scientists need semiotics? / I. V. Fomin, M. V. Ilyin // Political science. – 2016. – №. 3. – P. 12-29.

276. Foucault, M. Archeology of knowledge / M. Foucault; [tr. from fr. M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova; intro. Art. A. S. Kolesnikova; Feder. target program “Culture of Russia”]. – St. Petersburg: Humanite. acad., 2004. – 412 p.

277. Foucault, M. Security, territory, population: a course of lectures delivered at the College de France in the 1977-1978 academic year / M. Foucault; tr. from fr. N. V. Suslova, A. V. Shestakova, V. Yu. Bystrov. – St. Petersburg: Nauka, 2011. – 543 p.

278. Foucault, M. Will to Knowledge / M. Foucault // Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality: [Collection]. – M.: Magisterium: Ed. House “Castal”, 1996. – P. 97-268.

279. Foucault, M. Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality: [Collection] / M. Foucault. – M.: Magisterium: Ed. House “Castal”, 1996. – 446 p.

280. Foucault, M. Discourse and truth / M. Foucault; tr. from English. A. M. Korbut; – Minsk: Propylaea, 2006. – 152 p.

281. Foucault, M. Supervise and punish. The Birth of the Prison / M. Foucault. – Ad Marginem, 2013. – 416 p.

282. Foucault, M. It is necessary to protect society: a course of lectures given at the College de France in 1975-1976 studies. year / M. Foucault; tr. from fr. E. A. Samarskaya. – St. Petersburg: Nauka, 2005 (St. Petersburg: Printing house “Nauka” RAS). – 311 p.

283. Foucault, M. Order of Discourse / M. Foucault // The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. – M.: Magisterium: Ed. house “Castal”, 1996. – P. 47-96.

284. Foucault, M. Speech and Truth: Lectures on Parrhesia (1982-1983) / M. Foucault. – M.: Delo, 2022. – 374 p.

285. Foucault, M. The birth of biopolitics: a course of lectures given at the College de France in the 1978-1979 academic year / M. Foucault; tr. from fr. A. V. Dyakova. – St. Petersburg: Nauka, 2010. – 446 p.

286. Fukuyama, F. Identity: the desire for recognition and the policy of rejection / F. Fukuyama; translator [from English] A. Solovyov. – M.: Alpina Publisher, 2019. – 254 p.

287. Fusu, L. I. Modern man, that is, liminal. Socio-philosophical analysis of liminality in modern society: monograph / L. I. Fusu. – Noginsk, 2018. – 190 p.
288. Haraway, D. Staying with Trouble: Making Kindred in Hthulutzen: / D. Haraway; translation from English by Diana Khamis [and others]. – Perm: Gile Press, 2020. – 332 p.
289. Haraway, D. Situational knowledge: the question of science in feminism and the advantage of a partial perspective / D. Haraway // Logos. – 2022. – T. 32, №. 1. – P. 237.
290. Harman, G. Object-oriented ontology: a new “theory of everything” / G. Harman; translation from English by Maxim Fetisov. – M.: Ad Marginem Press, cop. 2021. – 270 p.
291. Harman, G. Networks and assemblages: the revival of things by Latour and Deland / G. Harman // Logos Philosophical and Literary Journal. – 2017. – T. 27, №. 3 (118). – P. 1-34.
292. Harman, G. Speculative realism: an introduction / G. Harman; translation from English by A. A. Pisarev. – M.: RIPOL classic: Pangloss, 2019. – 495 p.
293. Kharkhordin, O. V. Where is the theory of practices going: a turn to materiality / O. V. Kharkhordin // Sociological research. – 2012. – №. 11 (343). – P. 20-34.
294. Khakhalova, A. A. A model of the affordial scheme of the communicative process / A. A. Khakhalova // Thought: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society. – 2016. – T. 21. – P. 138-150.
295. Hall, S. Cultural Studies: Two Paradigms / S. Hall // Philosophical and literary journal Logos. – 2012. – №. 1 (85). – P. 157-183.
296. Khokhrin, E. V., Smolkov, S. A. Mechanisms for the formation of urban identity in urban areas // Balandinsky Readings. – 2019. – T. 14. – №. 1. – P. 171-175.
297. Tsiplakova, Yu. V. Ecological philosophy of J. Bennet: human, non-human and new ethics / Yu. V. Tsiplakova // Philosophy today: values, perspectives, meanings. – Yekaterinburg, 2021. – P. 256-260.

298. Chernyshov, V. N. Theory of systems and system analysis: textbook / V. N. Chernyshov, A. V. Chernyshov. – Tambov: Publishing House of TSTU, 2008. – 95 p.
299. Shaigerova, L. A. Self-categorization of Russian adolescents from various subjects of the federation in modern socio-cultural conditions: general and special / L. A. Shaigerova // Herzen readings: psychological research in education. – 2018. – №. 1-1. – P. 133-143.
300. Shapinskaya, E. N. Images of reality in the space of representation: analysis of literary and screen texts / E. N. Shapinskaya // Culture of Culture. – 2017. – №. 4 (16). – P. 73-90.
301. Sharkov, F. I. Social networks as a basis for the formation of the space of public communications / F. I. Sharkov // Communicology. – 2019. – V. 7, №. 4. – P. 32-40;
302. Shevchenko, D. A. Communication of adolescents in the cyber environment from the perspective of contact theory / D. A. Shevchenko // Childhood and family in the modern world. – Vladivostok. 2012. – P. 118-128.
303. Shakespeare, W. Julius Caesar: Tragedy in 5 days / W. Shakespeare Trans. P. Kozlova; Foreword N. Kravtsova. – Moscow; Leningrad: Ogiz – State. publishing house Literature, 1931 (L.: type. named after Evg. Sokolova). – 112 p.
304. Shilina, S. A. Management discourse as a technology of communication in the system of relations between the state and society: dissertation ... doctor of sociological sciences: 22.00.08 / Shilina Svetlana Aleksandrovna; [Place of defense: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Peoples' Friendship University of Russia”]. – Moscow, 2015. – 311 p.
305. Shirokov, A. A. The politics of explanation and the strategy of description of Bruno Latour: how to write infra-reflexive texts / A. A. Shirokov // Sociological Review. – 2019. – №. 18 (1). – P. 186-217.
306. Sztompka, P. Visual sociology: photography as a research method: a textbook for students of higher educational institutions receiving education in the direction (specialty) “Sociology” / Piotr Sztompka; [per. from Polish. N. V. Morozova]. – M.: Logos, 2007. – 150 p. – ISBN 978-5-98704-245-3.

307. Schütz, A. Semantic Structure of the Everyday World: Essays on a Phenomenologist. sociology / A. Schutz; [Tr. from English. A. Ya. Alkhasova, N. Ya. Mazlumyanova]; Fund "Public Opinion". – M.: Institute of the Fund "Public Opinion", 2003. – 334 p. – ISBN 5-93947-012-2.

308. Erickson, E. G. Childhood and society / E. G. Erickson; translation, scientific ed. [and note] A. A. Alekseeva; [Articles by D. Elkind, Sonin V. A.]. – St. Petersburg: Psychology. Center "Lenato" Balashikha: Fund "Univ. kn.", 1996. – 589 p. – ISBN 5-7841-0070-X.

309. Jung, K.-G. Psychology of the Unconscious / KG Jung. – M.: AST: Kanon+, 2010. – 397 p.

310. Yadov, V. A. Social and socio-psychological mechanisms of the formation of the social identity of the individual / V. A. Yadov // World of Russia. – 1995. – №. 3-4. – P. 158-181.

311. Yadov, V. A. The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for studying real stratification in Russian society / V. A. Yadov // Who and where is striving to lead Russia? Actors of macro-, meso- and microlevels of the modern transformational process. – M.: MVSHSEN, 2001. – P. 309-319.

312. Yanin, K. D. Reproduction of the contact cycle in the conditions of the architectural space of a modern metropolis / K. D. Yanin // Kuban historical reading: Proceedings of the VI International scientific and practical conference. – Krasnodar: Krasnodar Center for Scientific and Technical Information, 2015. – P. 184-189.

313. Yanin, K. D. Stages and features of the development of the architectural space of a modern city / K. D. Yanin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2015. – №. 8. – P. 310-312.

314. A free and open-source tool for data visualization [Электронный ресурс] // RAWGraphs. – Режим доступа: <https://www.rawgraphs.io/>.

315. Abdulelah, A.-T. Management issues and challenges of UNESCO World Heritage Sites in Saudi Arabia / A.-T. Abdulelah, T. Brijesh // Journal of Heritage Tourism. – 2020. – Vol. 15 (1). – P. 103-110.

316. Al-Tokhais, A. Management issues and challenges of UNESCO world heritage sites in Saudi Arabia / A. Al-Tokhais, B. Thapa // *Journal of Heritage Tourism*. – 2020. – Vol. 15 (1). – P. 103-110.

317. Asad, A. L. Migration to the United States from Indigenous Communities in Mexico / A. L. Asad, J. Hwang // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2019. – Vol. 684 (1). – P. 120-145.

318. Ashrafi, B. Heritage Impact Assessment, beyond an Assessment Tool: A comparative analysis of urban development impact on visual integrity in four UNESCO World Heritage Properties / B. Ashrafi, M. Kloos, C. Neugebauer // *Journal of Cultural Heritage*. – 2021. – Vol. 47. – P. 199-207.

319. Bârcă, V. Accomplishments and failures in the management of fortress Sarmizegetusa Regia, a UNESCO World Heritage Monument / V. Bârcă // *Journal of ancient history and archaeology*. – 2019. – Vol. 6 (4). – P. 119

320. Bateson, G. *Mind and nature: A necessary unity* / G. Bateson. – NJ: Hampton Press, 2005. – 252 p.

321. Bateson, G. Narrativity, self, and self-representation / G. Bateson // *Narrative*. – 2002. – Vol. 14 (1). – P. 27-44.

322. Belmonte, J. A. The cultural landscape ‘Risco caído and the sacred mountains of Gran Canaria: A paradigmatic proposal within UNESCO Astronomy and World Heritage initiative / J. A. Belmonte, J. Cuenca Sanabria, J. C. Gil [et al.] // *Mediterr. Archaeol. Archaeom.* – 2018. – Vol. 18. – P. 377-385.

323. Bilodeau, A. A midrange theory of local cross-sector action based on the actor-network theory / A. Bilodeau, C. Chabot, N. Martin [et al.] // *SSM-Qualitative Research in Health*. – 2022. – Vol. 2. – P. 100199.

324. Bjögvinsson, E. Design things and design thinking: Contemporary participatory design challenges / E. Bjögvinsson, P. Ehn, P. A. Hillgren // *Design issues*. – 2012. – Vol. 28 (3). – P. 101-116.

325. Bledsoe, L. A. Stronger together: understanding and protecting karst resources / L. A. Bledsoe, B. Tobin, C. Groves // *Carbonates Evaporites*. – 2022. – Vol. 37 (9). – P. 3.

326. Blok, A. *The Routledge companion to actor-network theory* / A. Blok, I. Farías, C. Roberts. – Taylor & Francis, 2020. – 458 p.
327. Borghi, A. M. *Affordances, context and sociality* / A. M. Borghi // *Synthese*. – 2021. – Vol. 199 (5-6). – P. 12485-12515.
328. Bourdieu, P. *The logic of practice* / P. Bourdieu. – Stanford university press, 1990. – 333 p.
329. Boyd, D. *Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications* / D. Boyd // *A networked self*. – Routledge, 2010. – P. 47-66.
330. Brock, A. *Critical technocultural discourse analysis* / A. Brock // *New Media & Society*. – 2018. – Vol. 20 (3). – P. 1012-1030.
331. Brubaker, R. *Populism and nationalism* / R. Brubaker // *Nations and Nationalism*. – 2020. – Vol. 26. – P. 44-66.
332. Burch, L. *Everyday Hate and Affective Possibility: Disabled People's Negotiations of Space, Place and Identity* / L. Burch // *International Journal of Disability and Social Justice*. – 2021. – Vol. 1. – P. 73-94.
333. Butler, J. *Contingency, hegemony, universality: Contemporary dialogues on the left* / J. Butler, E. Laclau, S. Žižek [et al.]. – Verso, 2000. – 337 p.
334. Caborn, J. *On the methodology of dispositive analysis* / J. Caborn // *Critical approaches to discourse analysis across disciplines*. – 2007. – Vol. 1 (1). – P. 115-123.
335. Caliskan, K. *DARN (Part 2): An Evidence-Based Research and Prototyping Method for Strategic Design* / K. Caliskan, M. Wade // *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. – 2022. – Vol. 8 (3). – P. 319-335.
336. Callon, M. *Acting in an uncertain world: An essay on technical democracy* / M. Callon, P. Lascoumes, Y. Barthe. – MIT press, 2011. – 300 p.
337. Callon, M. *The Laws of the Markets* / M. Callon. – MA: Blackwell Publishers/Sociological Review, 1998. – 286 p.
338. Callon, M. *Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them To Do So* / M. Callon, B. Latour // *Advances in Social Theory and Methodology. Towards an Integration of Micro and Macro-*

Sociologies / K. Knorr-Cetina, A. V. Cicourel (eds.). – London: Routledge, 1981. – P. 277-303.

339. Canale, R. R. UNESCO World Heritage sites and tourism attractiveness: The case of Italian provinces / R. R. Canale, E. de Simone, A. di Maio [et al.] // Land use policy. – 2019. – Vol. 85. – P. 114-120.

340. Carlson, J. Television entertainment and political socialization Vermeer Jan. P. / J. Carlson // «Media» Res: Readings in Mass Media d American Politics. – NY: McGrawHill, Inc, 1995. – P. 4755.

341. Carpentier, N. The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation / N. Carpentier. – Peter Lang Publishing, Inc., New York, 2017. – 472 p.

342. Castells, M. The information age: Economy, society and culture (3 volumes) / M. Castells. – Blackwell, Oxford, 1996.

343. Castells, M. L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité / M. Castells. – Paris: Fayard, 1999. – 538 p.

344. Cetrà, D. Explaining accommodation and resistance to demands for independence referendums in the UK and Spain / D. Cetrà, M. Harvey // Nations and Nationalism. – 2019. – Vol. 25. – P. 22-44.

345. Collins, R. N. Political Identity Over Personal Impact: Early U.S. Reactions to the COVID-19 Pandemic / R. N. Collins, D. R. Mandel, S. Sarah // Front. Psychol. – 2021. – Vol. 12. – P. 607-639.

346. Cooper, L. Transition from the Military into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence / L. Cooper, N. Caddick, L. Godier [et al.] // Armed Forces & Society. – 2018. – Vol. 44 (1). – P. 156-177.

347. Couldry, N. Actor network theory and media: Do they connect and on what terms? / N. Couldry // Connectivity, networks and flows: conceptualizing contemporary communications / A. Hepp, F. Krotz, S. Moores [et al.] (eds.). – Cresskill, NJ, USA: Hampton Press, Inc., 2008. – P. 93-110.

348. Craig, M. A. Racial and Political Dynamics of an Approaching “Majority-Minority” United States / M. A. Craig, J. M. Rucker, J. A. Richeson // The ANNALS of

the American Academy of Political and Social Science. – 2018. – Vol. 677 (1). – P. 204-214.

349. Culpepper, M. I make, therefore I am: Agency, action, affordance, and the path to creative identity: дис. University of Westminster / M. Culpepper. – University of Westminster, 2018.

350. De Simone, E. Do UNESCO World Heritage Sites Influence International Tourist Arrivals? / E. De Simone, R. R. Canale, A. di Maio // Evidence from Italian Provincial Data. – 2019. – Vol. 146. – P. 345-359.

351. DeLanda, M. Emergence, causality and realism / M. DeLanda // Architectural Theory Review. – 2012. – Vol. 17, № 1. – P. 3-16.

352. Dixon, J. Dislocating identity: Desegregation and the transformation of place / J. Dixon, K. Durrheim // Journal of environmental psychology. – 2004. – Vol. 24 (4). – P. 455-473.

353. Dixon, J. Dislocating identity: Desegregation and the transformation of place / J. Dixon, K. Durrheim // Journal of environmental psychology. – 2004. – Vol. 24 (4). – P. 455-473.

354. Do, J. J. I Am a Warrior: An Analysis of the Military Masculine-Warrior Narrative Among U.S. Air Force Officer Candidates / J. J. Do, S. M. Samuels // Armed Forces & Society. – 2021. – Vol. 47 (1). – P. 25-47.

355. Domingo, D. News networks / D. Domingo, V. Wiard // The SAGE handbook of digital journalism. – 2016. – P. 397-409.

356. Engell, L. ZMK Zeitschrift für Medien-und Kulturforschung. Schwerpunkt Medienanthropologie / L. Engell, B. Siegert // ZMK Zeitschrift für Medien-und Kulturforschung. – 2013. – Vol. 4 (1).

357. Francesetti, G. Pain and beauty: from the psychopathology to the aesthetics of contact / G. Francesetti // British Gestalt Journal. – 2012. – Vol. 21, № 2. – P. 8.

358. Fraser, N. Revaluing French feminism: critical essays on difference, agency, and culture / N. Fraser, S. L. Bartky (ed.). – Indiana University Press, 1992. – 208 p.

359. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Stanford University Press, 1992. – 264 p.

360. Griffith, J. Reserve Military Service: A Social Constructionist Perspective / J. Griffith, E. Ben-Ari // *Armed Forces & Society*. – 2021. – Vol. 47 (4). – P. 635-660.
361. Gris, O. Use of Social Networks by Russian Politicians / O. Gris, A. Sosnovskaya // *Proceedings of Seventh International Congress on Information and Communication Technology* / X.S. Yang, S. Sherratt, N. Dey [et al.] (eds). – Springer, Singapore, 2023. – P. 547-555.
362. Gross, K. A. The Socialization of Conflict and Its Limits: Gender and Gun Politics in America / K. A. Gross // *Social Science Quarterly*. – 2017. – Vol 98. – P. 455-470.
363. Halsall, F. Actor-Network Aesthetics: The Conceptual Rhymes of Bruno Latour and Contemporary Art / F. Halsall // *New Literary History*. – 2016. – Vol. 47 (2/3). – P. 439-461.
364. Han, J. From Geopark to Sustainable Development: Heritage Conservation and Geotourism Promotion in the Huangshan UNESCO Global Geopark (China) / J. Han, F. Wu, M. Tian [et al.] // *Geoheritage*. – 2018. – Vol. 10. – P. 79-91.
365. Harvey, D. C. Heritage pasts and heritage presents: Temporality, meaning and the scope of heritage studies / D. C. Harvey // *International journal of heritage studies*. – 2001. – Vol. 7 (4). – P. 319-338.
366. Hashemi, M. Engineering geological and geoenvironmental evaluation of UNESCO World Heritage Site of Meymand rock-hewn village, Iran / M. Hashemi, A. Khabbazi Basmenj, M. Banikheir // *Environmental earth sciences*. – 2018. – Vol. 77 (1). – P. 3.
367. Hategekimana, Y. Integration of multi-parametric fuzzy analytic hierarchy process and GIS along the UNESCO World Heritage: a flood hazard index, Mombasa County, Kenya / Y. Hategekimana, L. Yu, Y. Nie [et al.] // *Nat Hazards*. – 2018. – Vol. 92. – P. 1137-1153.
368. Hayes, M. The coloniality of UNESCO's heritage urban landscapes: Heritage process and transnational gentrification in Cuenca, Ecuador / M. Hayes // *Urban Studies*. – 2020. – Vol. 57 (15). – P. 3060-3077.

369. Heimtun, B. The development of the northern lights tourism network / B. Heimtun, B. Haug // *Annals of Tourism Research Empirical Insights*. – 2022. – Vol. 3 (1). – P. 100031.
370. Henry, G. T. *Practical sampling* / G. T. Henry. – Publications, Inc., 1990.
371. Hochschild, A. R. *The managed heart: Commercialization of human feeling* / A. R. Hochschild // *The Production of Reality: Essays and Readings on Social Interaction* / J. O'Brien (Ed.). – Sage, 2010. – P. 320-336.
372. Howard, D. Representations of otherness in Russian newspapers: the theme of migration as a counterpoint to Russian national identity / D. Howard, A. M. Sosnovskaya // *Journal of Intercultural Communication*. – 2009. – №. 21. – P. 2-18.
373. Hølleland, H. How (not) to “study up”: points and pitfalls when studying international heritage regimes / H. Hølleland, E. Niklasson // *Journal of Field Archaeology*. – 2020. – Vol. 45 (3). – P. 140-152.
374. Hur, A. Adapting to democracy: identity and the political development of North Korean defectors / A. Hur // *Journal of East Asian Studies*. – 2018. – Vol. 18 (1). – P. 97-115.
375. Isakhan, B. UNESCO's project to ‘Revive the Spirit of Mosul’: Iraqi and Syrian opinion on heritage reconstruction after the Islamic State / B. Isakhan, M. Lynn // *International Journal of Heritage Studies*. – 2019. – Vol. 25 (11). – P. 1189-1204.
376. Jabareen, Y. Theorizing urban social spaces and their interrelations. New perspectives on urban sociology, politics, and planning. / Y. Jabareen, E. Eizenberg // *Planning Theory*. – 2021. – Vol. 20 (3). – P. 211-230.
377. Jäger, M. *Deutungskämpfe: Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse* / M. Jäger, S. Jäger. – Springer-Verlag, 2007. – 320 p.
378. Jäger, S. *Kritische Diskursanalyse* / S. Jäger // *Eine Einführung*. – 2004. – Vol. 4. – P. 76-89.
379. Jameson, F. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation* / F. Jameson, S. Fish, B. Massumi. – Duke University Press, 2002. – 336 p.

380. Jones, Ph. E. Explaining Public Opinion toward Transgender People, Rights, and Candidates / Ph. E. Jones, P. R. Brewer, D. G. Young [et al.] // *Public Opinion Quarterly*. – 2018. – Vol. 82 (2). – P. 252-278.

381. Jones, T. International intangible cultural heritage policy in the neighbourhood: an assessment and case study of Indonesia / T. Jones // *Journal of Cultural Geography*. – 2018. – Vol. 35 (3). – P. 362-387.

382. Joslyn, M. Emerging Political Identities? Gun Ownership and Voting in Presidential Elections / M. Joslyn, D. Haider-Markel, M. Baggs [et al.] // *Social Science Quarterly*. – 2017. – Vol. 98. – P. 382-396.

383. JSTOR [Электронный ресурс]: веб-сайт. – Режим доступа: <https://www.jstor.org/>

384. Justice, S. C. UNESCO global geoparks, geotourism and communication of the earth sciences: A case study in the Chablais UNESCO Global Geopark, France / S. C. Justice // *Geosciences*. – 2018. – Vol. 8 (5). – P. 149.

385. Keller, R. Analysing discourse. An approach from the sociology of knowledge / R. Keller // *Historical Social Research/Historische Sozialforschung*. – 2006. – Vol. 31 (2). – P. 223-242.

386. Khalaf, E. E. The Geological Heritage and Sustainable Development Proposed for the Project Geopark: an Example from Gabal Qatrani, Fayoum Depression, Western Desert, Egypt / E. E. Khalaf, El-Kheir G. A. // *Geoheritage*. – 2022. – Vol. 14 (22). – P. 1-30.

387. Kim, S. It was kind of a given that we were all multilingual: Transnational youth identity work in digital translanguaging / S. Kim // *Linguistics and Education*. – 2018. – Vol. 43. – P. 39-52.

388. Klar, S. Affective Polarization or Partisan Disdain? Untangling a Dislike for the Opposing Party from a Dislike of Partisanship / S. Klar, Ya. Krupnikov, J. B. Ryan // *Public Opinion Quarterly*. – 2018. – Vol. 82 (2). – P. 379-390.

389. Laclau, E. *Hegemony and Socialist Strategy* / E. Laclau, C. Mouffe. – London: Verso, 1985. – 217 p.

390. Laclau, E. *New reflections on the revolution of our time* / E. Laclau. – Verso Trade, 1990. – 263 p.
391. Lacombe, M. J. *Gun Ownership as a Social Identity: Estimating Behavioral and Attitudinal Relationships* / M. J. Lacombe, A. J. Howat, J. E. Rothschild // *Social Science Quarterly*. – 2019. – Vol. 100. – P. 2408-2424.
392. Latour, B. *Laboratory life: The construction of scientific facts* / B. Latour, S. Woolgar. – Princeton University Press, 2013. – 296 p.
393. Latour, B. *On interobjectivity* / B. Latour // *Mind, culture, and activity*. – 1996. – Vol. 3 (4). – P. 228-245.
394. Latour, B. *Politics of nature: How to bring the sciences into democracy* / B. Latour. – Harvard University Press, 2004. – 320 p.
395. Latour, B. *Technology is society made durable* / B. Latour // *The sociological review*. – 1990. – Vol. 38 (1). – P. 103-131.
396. Latour, B. *Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts* / B. Latour // *Shaping technology/building society: Studies in sociotechnical change* / W. E. Bijker, J. Law (eds). – Cambridge, MA, MIT Press, 1992. – P. 225-258.
397. Law, J. *Aircraft stories: Decentering the object in technoscience* / J. Law. – Duke University Press, 2002. – 264 p.
398. Law, J. *On the Social Explanation of Technical Change: The Case of the Portuguese Maritime Expansion* / J. Law // *Technology and Culture*. – 1987. – Vol. 28 (2). – P. 227-252.
399. Lee, J. *Accurately Counting Asian Americans Is a Civil Rights Issue* / J. Lee, K. Ramakrishnan, J. Wong // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2018. – Vol. 677 (1). – P. 191-202.
400. Lee, S. *Exploring the effects of a 'new' listing of a UNESCO World Heritage Site: the case of Singapore Botanic Gardens* / S. Lee, I. Phau, V. Quintal // *Journal of Heritage Tourism*. – 2018. – Vol. 13 (4). – P. 339-355.
401. Lemke, J. L. *Textual politics: Discourse and social dynamics* / J. L. Lemke. – Taylor & Francis, 2005. – 208 p.

402. Levendusky, M.S. When Efforts to Depolarize the Electorate Fail / M.S. Levendusky // *Public Opinion Quarterly*. – 2018. – Vol. 82 (3). – P. 583-592.
403. Lichter, D. T. Boundary Blurring? Racial Identification among the Children of Interracial Couples / D. T. Lichter, Z. Qian // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2018. – Vol. 677 (1). – P. 81-94.
404. Link, J. Diskurs, Interdiskurs, Kollektivsymbolik / J. Link // *Zeitschrift für Diskursforschung*. – 2013. – Vol. 1 (1). – P. 7-23.
405. Link, J. Dispositiv / J. Link // *Foucault-Handbuch* / C. Kammler, R. Parr, U.J. Schneider, E. Reinhardt-Becker (eds). – JB Metzler, Stuttgart, 2014. – P. 237-242.
406. Lupu, C. Visitor experiences at UNESCO monasteries in Northeast Romania / C. Lupu, A. Brochado, O. Stoleriu // *Journal of Heritage Tourism*. – 2019. – Vol. 14 (2). – P. 150-165.
407. MacKenzie, D. A. Do economists make markets?: on the performativity of economics / D. A. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. – Princeton University Press, 2007. – 400 p.
408. Mariani, M. M. Does Designation as a UNESCO World Heritage Site Influence Tourist Evaluation of a Local Destination? / M. M. Mariani, A. Guizzardi // *Journal of Travel Research*. – 2020. – Vol. 59 (1). – P. 22-36.
409. Marres, N. Material participation: Technology, the environment and everyday publics / N. Marres. – Springer, 2016. – 216 p.
410. Mason, L. Ideologues without Issues: The Polarizing Consequences of Ideological Identities / L. Mason // *Public Opinion Quarterly*. – 2018. – Vol. 82 (1). – P. 866-887.
411. Mattila, H. Soft spaces, soft planning, soft law: Examining the institutionalisation of city-regional planning in Finland / H. Mattila, A. Heinilä // *Land Use Policy*. – 2022. – Vol. 119. – P. 106156.
412. McQuail, D. Mass communication theory: An introduction / D. McQuail. – Sage Publications, Inc, 1987. – P. 336-337.
413. MindMeister's easy-to-use, web-based mind map maker [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mindmeister.com/>.

414. Mol, A. Actor-network theory: Sensitive terms and enduring tensions / A. Mol // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. – 2010. – Vol. 50 (1). – P. 253-269.
415. Mol, A. The body multiple: Ontology in medical practice / A. Mol. – Duke University Press, 2002. – 216 p.
416. Nakano, R. A failure of global documentary heritage? UNESCO's 'memory of the world' and heritage dissonance in East Asia / R. Nakano // *Contemporary Politics*. – 2018. – Vol. 24 (4). – P. 481-496.
417. Neidig, J. "We are the Green Capital": Navigating the political and sustainability fix narratives of urban greening / J. Neidig, I. Anguelovski, A. Albaina [et al.] // *Cities*. – 2022. – Vol. 131. – P. 103999.
418. Nevis, E. C. Organizational consulting: A Gestalt approach / E. C. Nevis. – Gestalt Press, 2013. – 228 p.
419. Nilsson, M. Muslim Mothers in Ground Combat Against the Islamic State: Women's Identities and Social Change in Iraqi Kurdistan / M. Nilsson // *Armed Forces & Society*. – 2018. – Vol. 44 (2). – P. 261-279.
420. Oevermann, H. Exploring urban transformations: Synchronic dis course analysis in the field of heritage conservation and urban development / H. Oevermann, H. Mieg // *Journal of Urban Regeneration & Renewal*. – 2015. – Vol. 9 (1). – P. 54-64.
421. Park J., Kim S. Digital representation of Seokguram temple UNESCO world heritage site / J. Park, S. Kim // *Augmented Reality and Virtual Reality: Empowering Human, Place and Business*. – Springer, Cham, 2018. – P. 379-384.
422. Pastonchi, L. Satellite Data to Improve the Knowledge of Geohazards / L. Pastonchi, A. Barra, O. Monserrat [et al.] // *World Heritage Sites. Remote Sensing*. – 2018. – Vol. 10 (7). – P. 992.
423. Petrig, A. UNESCO Convention and The Protection Of Underwater Cultural Heritage / A. Petrig, M. Stemmler // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2020. – Vol. 69 (2). – P. 397-429.

424. Pinho dos Santos, R. Spanish Constitutionalism in Catalonia: An anthropology of civic nationalism / R. Pinho dos Santos // Nations and Nationalism. – 2021. – Vol. 27. – P. 427-448.
425. Rabeharisoa, V. Le pouvoir des malades: L'association française contre les myopathies et la recherche / V. Rabeharisoa, M. Callon. – Presses des MINES, 1999. – 185 p.
426. Romero-Vidal, X. Two temperatures for one thermostat: The evolution of policy attitudes and support for independence in Catalonia (1991–2018) / X. Romero-Vidal // Nations and Nationalism. – 2020. – Vol 26. – P. 960-978.
427. Roubal, J. Aesthetic diagnosis in gestalt therapy / J. Roubal, G. Francesetti, M. Gecele // Behavioral Sciences. – 2017. – Vol. 7, № 4. – P. 70-80.
428. Sánchez-Vergara, J. I. The emergence of the sharing city: A systematic literature review to understand the notion of the sharing city and explore future research paths / J. I. Sánchez-Vergara, M. Ginieis, E. Papaoikonomou // Journal of Cleaner Production. – 2021. – Vol. 295. – P. 1-20.
429. ScienceDirect [Электронный ресурс]: веб-сайт. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/>.
430. Sears, D. O. Evidence of the Long-Term Persistence of Adults' Political Predispositions / D. O. Sears, C. L. Funk // The Journal of Politics. – 1999. – Vol. 61 (1). – P. 1-28.
431. Smith, B. E. Emergent Bilingual Students and Digital Multimodal Composition: A Systematic Review of Research in Secondary Classrooms Reading / B. E. Smith // Research Quarterly. – 2021. – Vol. 56 (1). – P. 33-52.
432. Smith, L. Uses of heritage / L. Smith. – L.: Routledge, 2006. – 368 p.
433. Snyder, H. Literature review as a research methodology: An overview and guidelines / H. Snyder // Journal of Business Research. – 2019. – Vol. 104. – P. 333-339.
434. Sosnovskaya, A. Communication strategies and functions in Russian politicians' use of social media / A. Sosnovskaya, O. Gris // AIP Conference Proceedings. – 2022. – Vol. 2656 (1). – P. 020033.

435. Sosnovskaya, A. Conceptual Communication Model for the Sociological Analysis of Urban Heritage Conflicts [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya // SSRN. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=4400765>.
436. Sosnovskaya, A. Features of the city of St. Petersburg (Russia) according to youth survey [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya. – Режим доступа: <https://data.mendeley.com/datasets/ndb6y3xxc4>.
437. Sosnovskaya, A. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discursive Mapping of Saint Petersburg / A. Sosnovskaya // International Journal of Architecture and Planning. – 2022. – Vol. 2 (1). – P. 33-36.
438. Sosnovskaya, A. Saint Petersburg's Heritage and Urban Youth Identity [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya // SSRN. – 2022. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4220269.
439. Sosnovskaya, A. Students' survey on urban identity [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya, O. Orlova. – Режим доступа: <https://data.mendeley.com/datasets/cdx3p3npk4/1>.
440. Sosnovskaya, A. Transformation of professional practices of identity among journalists in Russia and Sweden: A comparative analysis / A. Sosnovskaya // Germano-Slavica. – 2002. – Vol. 13. – P. 75-90.
441. Sosnovskaya, A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices / A. Sosnovskaya // International Journal of Tourism and Hospitality. – 2022. – Vol. 2 (2). – P. 56-69.
442. Sosnovskaya, A. Visual metaphors of St. Petersburg and the ball [Электронный ресурс] / A. Sosnovskaya. – Режим доступа: <https://data.mendeley.com/datasets/9ty6ynhn7b/1>.
443. Speech to Text with Google Speech Recognition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictation.io> > speech.
444. Spezzano, P. Mapping the susceptibility of UNESCO World Cultural Heritage sites in Europe to ambient (outdoor) air pollution / P. Spezzano // Science of the Total Environment. – 2021. – Vol. 754. – P. 142345.

445. Spöhrer, M. Applications of actor-network theory in media studies: A research overview / M. Spöhrer // *Applying the actor-network theory in media studies*. – 2017. – P. 1-19.

446. Spyridou, L. P. Journalism in a state of flux: Journalists as agents of technology innovation and emerging news practices / L. P. Spyridou, M. Matsiola, A. Veglis [et al.] // *International communication gazette*. – 2013. – Vol. 75 (1). – P. 76-98.

447. Stevenson, H. Gestalt consulting [Электронный ресурс] / H. Stevenson. – 2003. – Режим доступа: <https://www.herbstevenson.com/articles/gestalt-consulting.php>.

448. Stone-Cadena, V. Historicizing Mobility: Coyoterismo in the Indigenous Ecuadorian Migration Industry / V. Stone-Cadena, S. Álvarez Velasco // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2018. – Vol. 676 (1). – P. 194-211.

449. Strum, S. The Meanings of Social: from Baboons to Humans / S. Strum, B. Latour // *Information sur les Sciences Sociales / Social Science Information*. – 1987. – Vol. 26. – P. 783-802.

450. Teurlings J. What Critical Media Studies Should Not Take from Actor-Network Theory / J. Teurlings // *Applying the Actor-Network Theory in Media Studies*. – IGI Global, 2017. – P. 66-78.

451. Teurlings, J. Unblackboxing production. What media studies can learn from actor-network theory [Электронный ресурс] / J. Teurlings. – Режим доступа: https://mediarep.org/bitstream/handle/doc/14179/After_the_Break_101-116_Teurlings_Unblackboxing_production.pdf?sequence=1.

452. Thielmann, T. Akteur-medien-theorie / T. Thielmann. – Bielefeld: transcript, 2013. – 33 p.

453. Thompson, J. B. Mass communication and modern culture: Contribution to a critical theory of ideology / J. B. Thompson // *Sociology*. – 1988. – Vol. 22 (3). – P. 359-383.

454. Törrönen, J. Following the moving and changing attachments and assemblages of ‘addiction’: Applying the actor network approach to autobiographies / J.

Törrönen, C. Tigerstedt // *International Journal of Drug Policy*. – 2018. – Vol. 54. – P. 60-67.

455. Travis, D. S. Discovering the Fault Lines in American Civil–Military Relations / D. S. Travis // *Armed Forces & Society*. – 2018. – Vol. 44 (4). – P. 731-747.

456. Turnhout, E. The politics of environmental knowledge / E. Turnhout // *Conservation and Society*. – 2018. – Vol. 16 (3). – P. 363-371.

457. Under UNESCO protection. A management plan will be written for the center of St. Petersburg [Electronic resource] // UNESCO. – URL: <http://unesco.ru/news/saint-petersburg-unesco/>

458. Van der Hoeven, A. Valuing Urban Heritage Through Participatory Heritage Websites: Citizen Perceptions of Historic Urban Landscapes / A. Van der Hoeven // *Space and Culture*. – 2020. – Vol. 23 (2). – P. 129-148.

459. Van Dijk, T. A. *Critical Discourse Analysis* / T. A. Van Dijk // *The handbook of discourse analysis*. – 2015. – P. 466-485.

460. Venuleo, C. Fear, affective semiosis, and management of the pandemic crisis: COVID-19 as semiotic vaccine? / C. Venuleo, C. G. O. Gelo, S. Salvatore // *Clinical Neuropsychiatry*. – 2020. – Vol. 17 (2). – P. 117-130.

461. Verma, S. The School to Deportation Pipeline: The Perspectives of Immigrant Students and Their Teachers on Profiling and Surveillance within the School System / S. Verma, P. Maloney, D. W. Austin // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2017. – Vol. 673 (1). – P. 209-229.

462. Vestergren, S. The biographical consequences of protest and activism: a systematic review and a new typology / S. Vestergren, J. Drury, E. Hammar Chiriac // *Social Movement Studies*. – 2017. – Vol. 16 (2). – P. 203-221.

463. Warner, M. Publics and counterpublics (abbreviated version) / M. Warner // *Quarterly Journal of Speech*. – 2002. – Vol. 88 (4). – P. 413-425.

464. Wodak, R. Aspects of critical discourse analysis / R. Wodak // *Zeitschrift für angewandte Linguistik*. – 2002. – Vol. 36 (10). – P. 5-31.

465. Wodak, R. *Methods of critical discourse studies* / R. Wodak, M. Meyer. – Sage, 2015. – 272 p.

466. World Scientific [Electronic resource]. – URL: <https://www.worldscientific.com>.

467. Yaneva, A. Making the social hold: Towards an actor-network theory of design / A. Yaneva // Design and Culture. – 2009. – Vol. 1 (3). – P. 273-288.

468. Yaneva, A. The making of a building: A pragmatist approach to architecture / A. Yaneva. – Peter Lang, 2009. – 227 p.

APPLICATION A

Table A.1 – Dispositives of heritage discourses reconstructed from the media and social networks

Environment and materiality	Actions	Competencies	Values	Identity	Concepts	Assumptions	Goals, mission	Affect and emotions	Non-verbal experiences
Symbiosis or internalization; people are part of the environment, the material field	Action can be understood as a knot, “a conglomeration of different motivators that will have to be slowly unraveled”	Skills and abilities to sustain action	Important meanings and meanings – are the final justification for the main assumptions, choice of concepts and language	A set of roles that translate consistent behaviors that are performative and change the situation	Some idea to bring to life	Hypotheses within urban policy	The main goal of the group	Emotions by the process of interaction, by the result	Bodily experience of the environment, aesthetic experience, the body is disciplined and incorporates norms, culture

1. Dispositions of the discourse of city defenders and residents of the area of the case of the destruction of the building of the Finnish Life Guards Regiment in the historical center of St. Petersburg, on Vasilyevsky Island, on the 20th line, No. 19

Ensemble of Vasilyevsky Island	Who is guilty? What to do?	Contacts, appeals for help, petitions, control in court, rallies	A single authentic image of VO, the policy of memory of the Great Patriotic War (bakery)	Resident of Vasilyevsky Island, Petersburg, city activist	Punish the guilty, restore the monument	Even if this is not the 19th century, but a remake, this is a monument to the Blockade. Aesthetic and habitual object. Preservation of the environment, ensemble	Preservation of the object (before ruinization) or transformation (restoration and new functionality)	Fear of destruction of identity, history, culture, memory; Position of victim and aggressor	Destruction in a situation of stress and anxiety of the geopolitical situation, danger, lack of security and stability. Aesthetic experience of the ensemble
2. Dispositions of the discourse of journalists									
world heritage site	Action GO	Journalistic discourse	Show different points of view on the event	Professional, defender of justice	Heritage conservation concept	Assumption – balance of novelty and culture	Creating Objective Lighting	affectivity, search for truth, justice, relevance of the topic, legality	Media field, spirituality, culture
3. Dispositive discourse of business, developers									

Profitable building site	Action – Structural Design and Construction	Competences in construction and renovation	The value of city development, comfort, attraction of investments to the center)	Professional, businessman, builder of the future	The concept of development and renovation	The assumption is that it is unprofitable to restore and preserve, there are no resources. Don't benefit from this	Construction of a new	Speed, Waiting for income	New comfortable accommodation
4. Dispositions of the discourse of professionals, architects									
world heritage site	Through their actions, the entire institution of architecture operates. All tradition, renovations, restoration. Reconstruction	The value of expert knowledge (on restoration, conservation, change)	Design. Aesthetics. spatial quality. Availability. Reuse. Sensitivity to location and environment	Professional, esthete, appeal to transcendent	Place-specific architecture, image	The physical space is being transformed into something new. The existing structure is the raw material for design	Designing new molds and architectural expressions. Reusing existing designs for new molds	Passion for architecture, construction and design. Resentment at distrust of experts and the priority of public opinion	Author's projects, creation of projects and sketches, hand – as a connection with architecture
5. Dispositives of the UNESCO discourse									

World Heritage Site	Monitoring mission to ensure the preservation of UNESCO sites	Competences confirmed by normative legal acts of international law	Preservation of cultural heritage, Outstanding Universal Value	Identity – culture	Heritage conservation concept	Assumption – hope for civil defense and compliance with laws	Goals and mission – preservation of heritage for posterity	Respect for history and culture	Beauty, spirituality, culture
6. Dispositives of the KGIOP discourse									
World Heritage Site	Conservation, protection of heritage from destruction	Competences confirmed by Russian laws and regulations	Value – preservation of cultural heritage	Identity – culture	Heritage conservation concept	Assumption – hope for civil defense and compliance with laws	Goals and mission – preservation of heritage for posterity	Affect. Respect for history and culture	Beauty, spirituality, culture
7. Dispositives of the discourse of city government									
world heritage site	Action according to the city development plan	Competences. Confirmed by laws	Value – preservation of cultural heritage and development of the city	Identity is a cultural capital	City development concept	Guessing – Obeying the Laws	Goals and mission – managing the development of the city	Affect. Respect for history and culture. Responsibility	City development and culture
8. Dispositives of discourse creative class									

World Heritage Site	Action – Hipster Creative Suggestions	New urbanism	Creative comfortable accommodation	Professional, creative person, modern	The concept of creating creative clusters	Assumption – heritage use, use for work and as a place of communication	Comfortable work	Affect, creativity	Beauty, practicality, culture
9. Dispositive discourse of the youth of generation Z									
World Heritage Site	Action is leisure	New urbanism	Self-development no matter where	Modern seeking feeling man	The concept of creating creative clusters	Assumption – legacy use, use for work and places of communication	Comfortable work	Affect creativity	Beauty, practicality, culture
10. Dispositions of the discourse of encumbrance									
World Heritage Site	Action under the law	Competencies in your field	Respect for historical value	professional, resident	Law enforcement concept	Assumption – fair lease	The goal is to capitalize on the backdrop of heritage	Affect, coexistence	Neighborhood, encumbrance